

ЖЮЛЬ
ВЕРН

1

ОТКРЫТИЕ

ЗЕМЛИ

N

Жюль Верн

Открытие земли

История
великих
путешествий

S

Жюль Верн

ОТКРЫТИЕ ЗЕМЛИ

Жюль Верн

История
великих
путешествий

В трех книгах

Открытие земли

Книга первая

МОСКВА
«ТЕРРА» - «TERRA»
1993

ББК 26.8г
В35

Перевод и литературная редакция текста
Е. БРАНДИСА

Научный редактор и составитель карт
канд. географ. наук В. НЕВСКИЙ

Карты художника А. АЛЕКСАНДРОВА

Оформление художника А. БОРИСОВА

Верн Ж.
В35 **История великих путешествий: В трех книгах. Книга первая: Открытие земли/Пер. с фр. Е. Брандиса. — М.: ТЕРРА, 1993. — 576 с.: ил.**

ISBN 5-85255-236-4 (кн. 1)
ISBN 5-85255-235-6

Труд знаменитого французского писателя Жюль Верна (1828—1905) — «История великих путешествий» — посвящен истории географических открытий с древнейших времен до начала сороковых годов XIX века.

Книга первая — «Открытие Земли» — охватывает период с VI века до нашей эры до конца XVII века. Автор повествует о путешественниках Древней Греции и Рима, средневековья и эпохи великих географических открытий.

В 1805030000-120 Подписное
А30(03) - 93

ББК 26.8г

ISBN 5-85255-236-4 (кн. 1)
ISBN 5-85255-235-6

© Издательский центр «ТЕРРА», 1993

ЖЮЛЬ ВЕРН — ГЕОГРАФ

1

Знаменитый французский писатель Жюль Верн (1828—1905) почти всю свою творческую жизнь посвятил созданию много-томной серии романов «Необыкновенные путешествия». Заглавие серии было выбрано, разумеется, не случайно. В каждом романе, независимо от темы и сюжета, перед читателем разворачивается пестрая географическая панорама. Героев Жюль Верна, всегда находящихся в пути, на каждом шагу подстерегают всевозможные препятствия и опасности, обусловленные особенностями природы и нравами обитателей той или иной страны. Красочные описания природы, многочисленные отступления на исторические и географические темы органически вплетаются в пеструю ткань приключенческого сюжета. Отсюда — первостепенная роль географии в романах Жюль Верна, которые являются не просто приключенческими, а приключенческо-географическими.

«Я поставил своей целью описать в «Необыкновенных путешествиях» весь земной шар», — говорил Жюль Верн. И он действительно выполнил эту грандиозную задачу: на карте мира почти не осталось таких областей, где не побывали бы его любознательные герои.

Стремясь охватить в «Необыкновенных путешествиях» все страны и все народы, все моря и океаны, растительный и животный мир всего земного шара, Жюль Верн создал единственную в своем роде географическую эпопею, какой еще не было до него в художественной литературе.

«Необыкновенные путешествия» Жюль Верна — труд писателя и ученого, талантливого романиста и блестящего популяри-

затора. При таком широком и разностороннем охвате фактов нужно было обладать исключительно широким кругозором, отлично знать не только географию, но и хорошо ориентироваться в смежных дисциплинах, не только быть на уровне передовой научной мысли своего времени, но и охватить сумму знаний в историческом развитии, в движении — от прошлого к настоящему, от последних достижений к ближайшим задачам и более отдаленным перспективам разных отраслей науки и техники.

Путь Жюль Верна к «Необыкновенным путешествиям» был долгим и трудным. Его первые рассказы на научные темы («Путешествие на воздушном шаре» и «Первые корабли мексиканского флота») были опубликованы в 1851 году. Первый роман из серии «Необыкновенных путешествий» («Пять недель на воздушном шаре») вышел из печати в декабре 1862 года. Более десяти лет Жюль Верн готовился к главному труду своей жизни.

Еще задолго до того, как была задумана знаменитая серия научно-фантастических и географических романов, молодой писатель неутомимо пополнял свои знания. В юношеские годы, будучи студентом юридического факультета, он живо интересовался естественными науками и техникой, историей географических открытий, навигацией и воздухоплаванием, завел картотеку, куда заносил всевозможные сведения о научных открытиях и изобретениях, знакомился с учеными и путешественниками, посещал научные диспуты и доклады. Всё это уводило его в сторону от основных занятий того времени (изучение права и сочинение сочинений) и, в конце концов, помогло ему найти настоящее творческое призвание.

Накопление знаний продолжалось и в последующие годы. Картотека с выписками на разные научные темы непрерывно разрасталась и служила писателю неоценимым подспорьем в его работе над «Необыкновенными путешествиями». К концу жизни Жюль Верна его замечательная картотека, занимавшая целый шкаф, насчитывала свыше двадцати тысяч тетрадок с выписками, рассортированными по отраслям знания.

Такой способ накопления материала впрям, скорее напоминающий работу ученого, чем писателя, дал возможность Жюлю Верну не только рационализировать свой творческий труд, но и, в конечном счете, привести к осуществлению грандиозный замысел «Необыкновенных путешествий».

Тяготение Жюль Верна к науке определило направление всей его литературной деятельности. Наряду с романами, которые воспринимаются как явление не только художественной, но и **научно-художественной** литературы, он писал также научно-популярные книги по географии.

Одновременно с замыслом «Необыкновенных путешествий» сложился замысел второй серии книг — «Всеобщей истории географических открытий». Приступив к написанию фантастических путешествий воображаемых героев, писатель захотел, кроме того, написать историю реальных путешествий, совершенных в разные эпохи отважными исследователями, которые обогатили человечество географическими познаниями. Таким образом, воображаемые путешествия дополняются в творчестве Жюль Верна историей открытия Земли, историей в действительности осуществленных географических подвигов.

20 марта 1864 года вышел в свет первый выпуск того самого «Журнала воспитания и развлечения», в котором на протяжении сорока двух лет публиковались из номера в номер новые романы Жюль Верна. В рекламном объявлении, помещенном в этом первом выпуске, сообщалось, что Жюль Верн задумал роман о кругосветном путешествии* и собирается писать «Всеобщую историю географических открытий».

Интересно отметить, что издатель Этцель, которому писатель уступил право на издание всех своих произведений, лишь два года спустя, в июне 1866 года, объявил читателям, что романы Жюль Верна — как уже изданные, так и те, которые будут появляться впредь, — объединяются автором под общим серийным заглавием «Необыкновенные путешествия. Известные и воображаемые миры».

Отсюда видно, что замысел «Всеобщей истории географических открытий» сделался достоянием гласности раньше замысла «Необыкновенных путешествий». Но приступить в намеченный срок к этому монументальному географическому труду Жюль Верну помешала новая непредвиденная работа.

Издатель уговорил его написать большую книгу — географию Франции и ее колоний. Эта работа, начатая известным географом Теофилом Лавалле, была приостановлена из-за смерти ученого. Жюль Верн, согласившись продолжить и довести до конца его труд, отложил в сторону очередной роман и занялся сбором материалов. Ему приходилось работать не только в библиотеках, но и ездить по департаментам за недостающими сведениями. Работа оказалась очень трудоемкой и отняла у писателя целый год.

«Иллюстрированная география Франции и ее колоний» (1868) была оценена специалистами как сочинение, примечательное по своей точности и обилию фактического материала. Переходя от департамента к департаменту, Жюль Верн подробно описывает границы, географическое положение, климат, почву, реки, богат-

* Речь идет о романе «Дети капитана Гранта».

ства недр, населенные пункты, сельское хозяйство, промышленность, транспорт, достопримечательности и т. п. Этот географический труд создал знаменитому романисту репутацию серьезного ученого, которую еще больше укрепили его книги по истории географических открытий. Этому огромному географическому труду Жюль Верн отдал несколько лет напряженной работы. Писал он его постепенно, глава за главой, параллельно с очередными томами «Необыкновенных путешествий».

В середине 1870 года вышла из печати первая из шести книг «Всеобщей истории великих путешествий и великих путешественников». Завершена же была работа только спустя десятилетие, в 1880 году, когда вышла в свет шестая, и последняя, книга. Одновременно Этцель выпустил историко-географический труд Жюль Верна в трех больших томах с многочисленными гравюрами тех же самых талантливых художников, которые постоянно иллюстрировали «Необыкновенные путешествия» (Эдуард Риу, Альфонс де Невиль, Жюль Фера, Поль Филиппото, Анри Мейер, Леон Бенетт и др.). Кроме того, в каждом томе воспроизводились географические карты и рисунки из старинных книг и записок путешественников. Прекрасное художественное оформление немало способствовало успеху «Истории великих путешествий», которая с тех пор много раз переиздавалась и была переведена на разные языки. Значительная часть этого иллюстративного материала используется и в настоящем издании.

2

Литературная деятельность Жюль Верна — романиста и автора научно-популярных географических трудов — находится в прямой зависимости от состояния и тенденций науки его времени.

«Нужно заметить, что середина XIX столетия характеризуется замечательным расцветом науки, — писал известный русский ученый и революционер П. А. Кропоткин в статье, посвященной памяти своего друга, французского географа Элизе Реклю. — Это была эпоха, когда целый ряд монументальных трудов положил начало механической теории тепла, кинетической теории газов, современной атомистической химии, теории изменяемости видов и, вместе с тем, современной биологии, антропологии, физиологической психологии и т. д. В политике эта эпоха, начавшаяся после Крымской кампании, сказалась освобождением Италии, уничтожением крепостного состояния в России и рабства в Америке... В это время чувствовалась острая нужда в популярных трудах по всем отраслям естествознания».*

* «Известия Русского географического общества», т. XLII, вып. 1, 1905.

Что касается географии, то за несколько десятилетий она, как и другие науки, пережила бурный подъем и достигла блестящего расцвета. Особенно большое значение для ее развития имели труды двух крупнейших немецких ученых — Карла Риттера (1779—1859) и Александра Гумбольдта (1769—1859).

К. Риттер считал главной задачей географии выяснение связи между землей и судьбами человечества. Он требовал, чтобы географы не только перечисляли и описывали, но и объясняли, истолковывали все явления земного шара.

А. Гумбольдт, собрав богатейший материал из разных областей естествознания, дал науке сравнительный метод изучения явлений. Он стремился рассматривать все факты в их причинном соотношении и взаимосвязи. Это и сделало Гумбольдта одним из основоположников подлинно научной географии.

На протяжении всего XIX века появлялись один за другим обобщающие естественно-научные и географические труды, в которых крупные ученые систематизировали и анализировали, сообразно своему научному методу, фактический материал, накопившийся за несколько столетий. Тяготение к всеобъемлющему охвату научных сведений чувствуется даже в заглавиях этих монументальных работ: «Космос», «Вселенная и человечество», «Земля и люди», «Всеобщая география», «Лик Земли», «Итоги XIX столетия» и т. п.

В прямую связь с этим движением научной мысли следует поставить и замысел «Всеобщей истории географических открытий» Жюль Верна.

Еще большее значение имели для него успехи французской географической науки, точнее говоря, труды Эдуарда Шартона (1807—1890), Вивьена де Сен-Мартена (1802—1897) и, в особенности, Элизе Реклю (1830—1905).

Шартон и Вивьен де Сен-Мартен больше всего занимались историей географических открытий. «Древние и новые путешественники» (1854—1857) Шартона служили Жюлю Верну одним из главных источников, откуда он черпал фактический и документальный материал для своей «Истории великих путешествий».

В основанном Шартоном географическом журнале «Вокруг света» публиковались интересные статьи, которые также давали Жюлю Верну различные сведения для его романов и географических работ. В одной из статей, напечатанных в этом журнале, Вивьен де Сен-Мартен подсчитал, что при существовавших тогда транспортных средствах достаточно было восьмидесяти дней, чтобы совершить кругосветное путешествие. Несколько лет спустя вышел в свет знаменитый роман Жюль Верна «Вокруг света в восемьдесят дней».

Вивьен де Сен-Мартен с 1863 по 1876 год выпускал гео-

графический ежегодник, в котором печатал обзоры путешествий и географической литературы за истекший год. Перу этого ученого принадлежит большая и для своего времени значительная работа — «История географических открытий» (1873), изданная вместе с атласом, содержащим сводку фактических данных по истории географических исследований и путешествий с древнейших времен.

В 1865 году Вивьен де Сен-Мартен поместил на страницах «Журнала воспитания и развлечения» восторженную рецензию на два первых романа Жюль Верна. По словам рецензента, в романе «Путешествия и приключения капитана Гаттераса» — «описания полярной природы так правдивы, словно автор провел всю свою жизнь на палубе корабля в арктических морях». По представлению Вивьена де Сен-Мартена Жюль Верн был избран членом французского Географического общества.

Элизе Реклю — крупнейший географ второй половины XIX века, автор первостепенных по своему значению трудов, получивших мировое признание и переведенных на многие языки. Ученый с громадной эрудицией, неутомимый путешественник, талантливый публицист, общественный деятель и революционер, Реклю как активный участник Парижской Коммуны был приговорен правительством Тьера к вечной каторге, которая — под давлением петиции, подписанной выдающимися учеными разных стран, — была заменена изгнанием из Франции.

«Главная задача географии, — писал Реклю в своей книге «Земля», — состоит не в описании отдельных частей земного шара, но прежде всего в описании деятельности тех сил, которые действуют на земле». Этот принцип, в самом широком понимании его смысла и значения, Реклю положил в основу своей работы над грандиозными географическими трудами, равных которым не существовало до него в мировой географии. Это девятнадцатитомная серия «Всеобщая география. Земля и люди» (1876—1894) и шеститомная серия «Человек и Земля» (изд. 1905—1908).

Жюль Верн-географ был учеником и последователем Элизе Реклю. «Всеобщая география» Реклю давала ему превосходный, поэтически воссозданный материал для географических описаний, которые он вводил в свои романы.

В шестидесятых годах Жюль Верн и Элизе Реклю постоянно встречались у своих общих друзей — в доме издателя Этцеля и в салоне известного журналиста и воздухоплавателя Надара.

Реклю был не только замечательным ученым и общественным деятелем, но и талантливым пропагандистом географических знаний. Все его книги написаны легким блестящим языком. В 1864 году Реклю опубликовал в «Журнале воспитания и развлечения» свою знаменитую научно-популярную книгу — «История ручья».

«В ней он дал целый курс географии, проследив реку от ее зарождения вплоть до превращения ее в мощный поток, служащий артерией для передвижения людей. В этой работе Реклю следовал такому же методу, которым он впоследствии с таким успехом воспользовался во «Всеобщей географии», — писал в той же статье П. А. Кропоткин.

Следует заметить, что в ту пору, когда над Францией нависнет монархия Наполеона III, многие крупнейшие ученые, педагоги и писатели, лишенные возможности вести политическую борьбу с деспотизмом, особенно охотно выступали с научно-популярными трудами, стремясь нести в народные массы светоч знания. Во второй половине XIX века во Франции появлялись одна за другой превосходные научно-популярные книги — общепризнанные классические образцы этого литературного жанра.

Кроме «Истории ручья» Элизе Реклю и его не менее талантливой «Истории горы», достаточно упомянуть в этой связи «Историю кусочка хлеба» Жана Маса, «Жизнь насекомых» Эмиля Фабра, «Популярную астрономию» Камиля Фламмарiona. Эти и другие подобные же книги получили самое широкое распространение во многих странах и у нас в России.

«Необыкновенные путешествия» и «История великих путешествий» Жюль Верна отражают прогрессивные стремления научной мысли своего времени и находятся в прямой связи с развитием французской научно-популярной литературы.

3

«История великих путешествий» была написана на основе тщательного и кропотливого изучения источников. Жюль Верн пользовался не только трудами специалистов-географов, но и записками путешественников, официальными отчетами и дневниками участников экспедиций, опубликованными материалами государственных архивов и т. д. Привлекая источники на разных языках, автор, по его словам, «черпал сведения из документов, заслуживающих безусловного доверия».

Большую помощь оказал Жюлю Верну сотрудник парижской Национальной библиотеки Габриэль Марсель, который подбирал для него источники и переводил старинные тексты с испанского, португальского и итальянского языков.

Для географического труда Жюль Верна характерно прежде всего богатство фактических сведений. Романтический вымысел и пылкая фантазия автора «Необыкновенных путешествий» здесь уступают место строгому объективному изложению исторических фактов.

«Цель книги, — писал Жюль Верн, — представить в истинном

свете значение всех путешественников, начиная от Ганнона и Геродота и кончая Ливингстоном и Стэнли».

Правда, до обзора деятельности Ливингстона и Стэнли писатель не дошел, так как изложение заканчивается на рубеже тридцатых и сороковых годов XIX века. Но если учесть, что на протяжении трех больших томов «Истории великих путешествий» автор оперирует тысячами географических названий и дает сведения о жизни и деятельности сотен путешественников от глубокой древности до событий, которые происходили на его памяти, то легко представить, какой разнообразный и обширный материал вводит Жюль Верн в поле зрения читателей.

Он показывает в своей «Истории», как постепенно люди открывали землю, как на ней оставалось всё меньше «белых пятен», как расширялись, по мере развития науки и производительных сил, географические представления, какие величайшие подвиги совершали колумбы разных стран и народов и какие громадные трудности они преодолели, обогащая человечество географическими знаниями. При этом писатель не умалчивает о том, что открытия новых земель часто сопровождались жестокими колониальными войнами и физическим истреблением целых племен вместе с их самобытной, веками создававшейся, культурой.

Географическое описание Жюль Верн понимает как сумму разнообразных сведений о данной стране и ее обитателях. Поэтому история географических открытий становится в его изложении одновременно очерком истории, этнографии, культуры, религии разных племен и народов, природных ресурсов, ландшафта, флоры и фауны и даже экономики разных отдаленных стран, не говоря уже о биографиях самих путешественников.

«Историю великих путешествий», как и все свои книги, Жюль Верн предназначал для юношества. Но на этот раз он отказался от своего обычного принципа «поучать, развлекая». По живости и легкости изложения этот серьезный географический труд значительно уступает его романам и рассчитан на вдумчивых и любознательных читателей, которых заинтересуют малоизвестные исторические факты и героические биографии путешественников. Некоторые главы по-настоящему увлекательны и содержат превосходные описания обычаев и нравов жителей далеких земель и архипелагов в том виде, как их впервые застали европейские путешественники. Особенно удачно написаны разделы о Христофоре Колумбе и капитане Куке, не раз издававшиеся во Франции отдельными книгами для учащихся.

Читатели, любящие Жюль Верна, найдут в его истории географических открытий много параллелей к пестрой географической панораме «Необыкновенных путешествий». В отдельных случаях здесь можно встретить прямую перекличку с его худо-

жественными произведениями. Стоит, например, сравнить главы, посвященные исследованиям тихоокеанских архипелагов французскими, русскими и английскими мореплавателями, с географическими экскурсами в романе «Плавучий остров», описание зимовки экспедиции Баренца на Новой Земле с соответствующими главами романа «В стране мехов», очерк истории колонизации острова Питкэрн с рассказом на ту же тему — «Мятежники с Баунти» и т. д.

Историко-географический труд Жюль Верна был на уровне передовой науки его времени, передовой — потому, что здесь, как и в романах, ярко отразились демократические убеждения автора, его гуманные чувства, объективное отношение к обычаям и религиозным представлениям даже самых отсталых народов. Говоря в некоторых главах о первобытной свирепости дикарей, Жюль Верн обычно пытается объяснить их жестокость не врожденными животными инстинктами, а условиями жизни и поведением европейских путешественников, нередко заставлявших аборигенов отвечать насилием на насилие.

Писатель не скрывает своего негодования, когда переходит к описанию кровавых «подвигов» конкистадоров. Здесь он отказывается от обычного своего спокойного эпического тона и становится не только историком, но и публицистом, не только летописцем, но и обличителем.

Обильный исторический материал и, за редкими исключениями, объективный отбор фактов сохраняют и в наши дни за «Историей великих путешествий и великих путешественников» Жюль Верна большую познавательную ценность.

4

Жюль Верн писал «Историю великих путешествий» в шестидесятых—семидесятых годах прошлого века. С тех пор все отрасли знания, и в частности география, продвинулись так далеко вперед, что даже лучшие труды передовых ученых того времени сильно устарели и сохраняют теперь главным образом историческое значение.

Летопись географических открытий пополнилась за истекшие десятилетия новыми сведениями, которыми, естественно, не мог располагать Жюль Верн. Публикация архивных документов и новейшие изыскания ученых внесли много уточнений в сложившиеся ранее представления и заставили пересмотреть многие исторические факты, казавшиеся прежде окончательно установленными и незыблемыми.

Отдельные страницы «Истории великих путешествий» Жюль Верна в свете современных научных данных могут показаться

наивными, а объяснение многих исторических фактов недостаточно глубоким, если не сказать поверхностным.

Кроме того, в работе Жюль Верна, несмотря на ее большой объем, легко обнаружить существенные пробелы: К примеру, писатель очень мало говорит о замечательных путешественниках народов Азии и Востока и почти не касается географических открытий, совершенных русскими мореплавателями и путешественниками до начала XIX века.

В то же время автор уделяет иногда чрезмерное внимание тем французским путешественникам, которым в действительности принадлежит довольно скромное место в истории географических открытий (например, глава о французском рыцаре Жане де Бетанкуре).

Наконец, в работу Жюль Верна вкралось немало фактических ошибок и неточностей, особенно в описании маршрутов и в датировке событий. Эти погрешности были перенесены из тех источников, которыми пользовался автор, или попали в книгу по недосмотру корректора и с тех пор перекочевывали из издания в издание.

Все эти недостатки труда Жюль Верна не умаляют его основной ценности. Живое, интересное, обильное фактическими сведениями, достаточно объективное изложение истории географических открытий восполняет пробел, до сих пор существовавший в нашей историко-географической литературе для юношества.

Разумеется, выход в свет этой серии книг Жюль Верна не исключает необходимости создания советскими авторами таких научно-популярных и художественно-биографических книг, в которых история географических открытий рассматривалась бы в свете последних научных данных и изложение событий было бы доведено до наших дней, тем более, что труд Жюль Верна заканчивается на описании путешествий первой половины XIX века.

* * *

В основу подготовки к печати первого тома «Истории великих путешествий» мы намерены были положить старый перевод, выпущенный в 1885 году.*

Однако в процессе работы оказалось невозможным ограничиться только редактурой и фактически книгу пришлось переписать заново. От старого перевода в тексте настоящего издания кое-где сохранились лишь отдельные фразы.

* Ж. Верн. История знаменитых путешествий и путешественников. Том I. «Открытие материка». СПб. — М. Вольф. 1885.

Принимая во внимание особенности и недостатки историко-географического труда Жюль Верна и цели настоящего издания, предназначенного для детей и юношества, редакция не во всех случаях строго придерживалась оригинала. Некоторые изменения в тексте были вызваны, в первую очередь, необходимостью устранить замеченные ошибки и неточности. Конечно, можно было бы всякий раз вносить в примечания соответствующие оговорки. Но тогда количество примечаний разрослось бы до такой степени, что это сделало бы книгу неприемлемой для юных читателей. Поэтому мы и решили вносить мелкие исправления и уточнения без всяких оговорок, конечно, не допуская при этом никаких отступлений от трактовки событий, данной самим автором.

Литературно-редакторская работа и проверка текста научным редактором при подготовке к печати первого тома свелась к следующему:

1. Исправлены фактические ошибки и всякого рода неточности.

2. Устранены некоторые утяжеляющие текст подробности и детали, а также сделаны сокращения в отдельных разделах (путешествия средневековых паломников к «святым местам», колонизаторская деятельность Жана де Бетанкура и др.).

3. Чтобы читатель не потерял нить изложения, сокращенные места заменены кратким, в нескольких фразах, пересказом этого материала.

4. Географические названия и имена собственные даны в новой транскрипции, принятой в советских географических и справочных изданиях последних лет.

5. Цитаты из старинных документов (записки путешественников, отчеты экспедиций и т. п.) там, где это было возможно, приведены, а иногда и дополнены по переводам тех же текстов, имеющихся в русских изданиях. Это позволило во многих случаях заменить неточные цитаты и выдержки в пересказе соответствующими отрывками из русских переводов, сделанных с языка оригинала, и таким образом избежать перевода с перевода, что обычно далеко уводит от подлинника. Мы придаем этим документам особое значение еще и по той причине, что они дают возможность читателям почувствовать дух эпохи и лучше понять дела и помыслы путешественников.

Цитаты из старинных текстов даны по следующим изданиям:

Поло Марко. Книга Марко Поло. Перевод И. П. Минаева, М., 1955.

Путешествия Христофора Колумба. Дневники, письма, документы. Перевод Я. М. Света. М., 1956.

Диас Берналь. Записки солдата Берналя Диаса. Перевод Д. И. Егорова. Л., 1928.

Пигафетта Антонио. Путешествие Магеллана. Перевод В. С. Узина. М., 1950.

Де Фер Геррит. Плавание Баренца. Перевод А. И. Малеина. М.—Л., 1936.

Кроме того, текст некоторых старинных документов уточнялся и по другим источникам.

В конце каждого тома «Истории великих путешествий» мы даем в «Приложении» примечания к тексту и список книг для дополнительного чтения. В нем перечислены новейшие издания записок путешественников, научно-популярные труды советских авторов, сборники документов, исторические повести и биографические романы на темы, связанные с географическими открытиями, и т. д. В особый раздел списка выделены книги, в которых описываются путешествия, выпавшие из поля зрения Жюль Верна или освещенные им недостаточно подробно. Современную научную трактовку истории замечательных путешествий, естественно далеко не во всем совпадающую с объяснением тех же событий Жюлем Верном, читатели найдут в книге советского ученого И. П. Магидовича — «Очерки по истории географических открытий» (М. 1956).

«История великих путешествий» Жюль Верна, начиная с 1872 года, не раз издавалась в русском переводе, но без последнего тома, посвященного замечательным морским экспедициям XIX века.

Настоящий трехтомник будет первым полным изданием историко-географической серии Жюль Верна на русском языке.

В дальнейшем было бы желательно дополнить «Историю великих путешествий» Жюль Верна новой книгой, в которой изложение географических подвигов доводилось бы до наших дней.

Е. Брандис

Часть первая

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ЗНАМЕНИТЫЕ ПУТЕШЕСТВЕННИКИ ДРЕВНИХ ВРЕМЕН

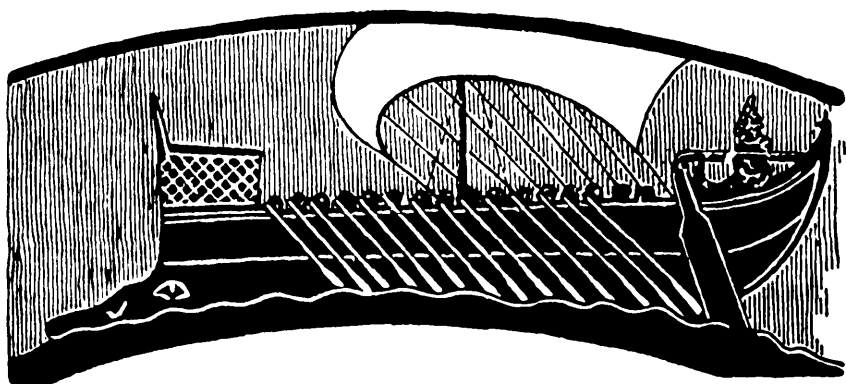
Ганнон (505). — Геродот (484). — Пифей (340). — Евдокс (146). — Страбон (63).

Ганнон Карфагенский. — Острова Счастливые (Канаоские), Вечерний Роз, Южный Роз, залив Рио-де-Оро. — Геродот посещает Египет, Ливию, Эфиопию, Финикию, Аравию, Вавилонию, Персию, Мидию, Колхиду, Каспийское море, Скифию и Фракию. — Пифей обследует берега Иберии и Кельтики, Ла-Манш, остров Альбион, Оркадские (Оркнейские) острова, землю Туле. — Неарх объезжает азиатское побережье от Инда до Персидского залива. — Евдокс знакомится с западным берегом Африки. — Страбон путешествует по внутренней Азии, Египту, Греции и Италии.

Первым путешественником, о котором сохранились упоминания в исторических источниках, был Г а н н о н, посланный Карфагенским¹ сенатом для колонизации новых территорий на западном берегу Африки. Сообщение об этой экспедиции было написано на пуническом² языке и переведено на греческий; оно известно под названием «Морское кругосветное путешествие Ганнона». В какую эпоху жил этот исследователь? Историки придерживаются разных мнений. Но наиболее достоверной считается версия, согласно которой посещение им африканских берегов относится к 505 году до нашей эры.³

Ганнон покинул Карфаген во главе флота, состоявшего из шестидесяти галер с пятьюдесятью гребцами на каждой; на судах находилось тридцать тысяч человек и припасы для длительного путешествия. Переселенцы — их вполне можно так называть — должны были поселиться в новых городах. Карфагеняне

¹ Цифры в тексте означают номер примечаний, помещенных в конце книги. Подстрочные примечания составлены литературным редактором.

Изображение корабля на древнегреческой вазе.

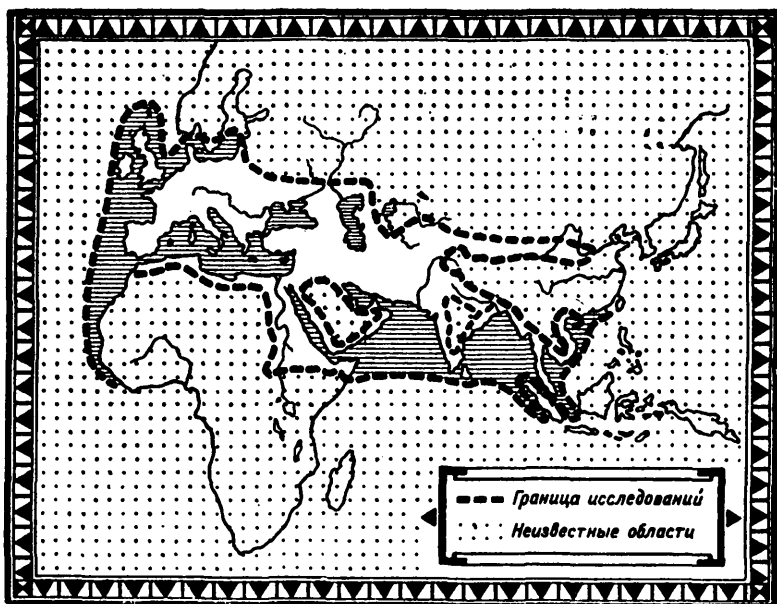
собирались основать новые поселения на западном побережье Ливии, иначе говоря, Африки.

Флот благополучно миновал Геркулесовы столпы⁴ — скалы Гибралтара и Сеуты, возвышающиеся над проливом, и отважился пуститься к югу в Атлантический океан. Через два дня Ганнон сделал остановку и основал в этом месте город Фимиатериум. Продолжив плавание, он обогнул потом мыс Солосит, вступил в торговые отношения с местными жителями и направился дальше, к устью большой африканской реки, на берегах которой обитало племя пастухов-кочевников. Заключив с ними дружеский союз, карфагенский мореплаватель продолжал продвигаться к югу, вдоль пустынных берегов Сахары; затем он достиг острова Керны, находящегося, судя по описанию, на таком же расстоянии от Геркулесовых столпов, как Геркулесовы столпы от Карфагена. Какой это был остров? Без сомнения, один из островов, относящихся к группе Счастливых (теперь Канарских).

Путешествие продолжалось, и вскоре Ганнон прибыл к устью реки Хреты,⁵ образуящему широкую бухту. Когда карфагеняне поплыли вверх по реке, местные жители — негры — встретили их градом камней.

Закончив разведку, флот вернулся к устью реки и после двадцатидневного плавания к югу достиг гористой местности, изобилующей благовонными деревьями и бальзамическими растениями. Затем флот остановился в обширном заливе с ровными низменными берегами. Эта земля, такая спокойная днем, ночью озарялась столбами пламени, происходившими либо от огней, зажженных туземцами, либо от самовозгорания высохшей травы.

Спустя еще пять дней Ганнон и его спутники обогнули мыс и

Мир, известный древним.

После карфагенского мореплавателя самым знаменитым из древних путешественников во времена исторические был греческий ученый Геродот, прозванный «отцом истории». Для нашей цели мы отделим путешественника от историка и последуем за ним в страны, в которых он побывал.

Геродот родился около 484 года до нашей эры⁹ в малоазийском городе Галикарнасе. Он происходил из богатой и знатной семьи с обширными торговыми связями, которые могли способствовать развитию инстинктов путешественника-исследователя, пробудившихся в мальчике.

В ту эпоху не существовало единого мнения относительно формы земли. Школа Пифагора начала уже распространять учение о том, что земля шарообразна. Но Геродот не принимал никакого участия в этих спорах, волновавших ученых его времени. В ранней молодости он покинул родину с намерением тщательно изучить далекие страны, о которых доходили весьма скудные и противоречивые сведения.

В 464 году, двадцатилетним юношей, он оставил Галикарнас. По-видимому, Геродот сначала направился в Египет, где посетил города Мемфис, Гелиополис и Фивы. Во время путешествия ему

удалось получить много ценных сведений о разливах Нила. В своих записках он приводит различные мнения относительно истоков этой великой реки, которую египтяне почитали как божество.

«Когда Нил разливается,— говорит Геродот,— не видно ничего, кроме городов; они кажутся построенными поверх воды и напоминают острова Эгейского моря».

Геродот рассказывает о религиозных обрядах египтян, о том, как они приносят жертвы своим богам и как торжественно справляют праздники в честь богини Изиды в городе Бузирисе, развалины которого видны еще и теперь. Геродот сообщает также, как египтяне почитают диких и домашних животных, считая их священными, и воздают им погребальные почести. С точностью настоящего натуралиста он описывает нильского крокодила и его повадки; описывает способы, с помощью которых ловят крокодилов. Мы узнаём, какие там еще водятся звери и что представляет собою египетский гиппопотам, птица ибис, различные змеи. Геродот рисует домашнюю жизнь египтян, их обычаи, игры, рассказывает об искусстве балзамирования умерших, которым египтяне владели в совершенстве. Далее он сообщает, какие сооружения были воздвигнуты при фараоне Хеопсе: построенный у озера Мериса лабиринт, остатки которого были открыты в 1799 году; озеро Мерис, созданное руками человека, и две пирамиды, поднимавшиеся над поверхностью его вод; с удивлением рассказывает Геродот о храмах, воздвигнутых в Мемфисе, о знаменитом колоссе из целого камня, над перевозкой которого из Элефантины¹⁰ в Саис трудились две тысячи человек в продолжение трех лет.

Тщательно изучив Египет, Геродот направился в другие страны Ливии, то есть Африки, но при этом молодой путешественник даже не предполагал, что Африка простирается далеко на юг за тропик Рака; он верил, что финикийцы могли огибать этот материк и возвращаться в Египет через Гибралтарский пролив.¹¹

Перечисляя народы, обитающие в Ливии, Геродот упоминает пастушеские племена, кочующие вдоль берегов Африки, и называет еще аммонийцев, которые живут в глубине страны, в местах, изобилующих хищными зверями. Аммонийцы построили знаменитый храм Зевса Аммонского, развалины которого были открыты на северо-востоке Ливийской пустыни, в пятистах километрах от города Каира.¹² Он подробно описывает также обычаи и нравы ливийцев и сообщает, какие в этой стране водятся животные: змеи страшной величины, львы, слоны, рогатые ослы (вероятно, носороги), обезьяны-павианы — «звери без головы, с глазами на груди», лисицы, гиены, дикобразы, дикие бараны, пантеры и т. д.

По Геродоту, Ливия населена двумя народами: ливийцами и эфиопами. Но действительно ли он путешествовал по этой стране? Историки в этом сомневаются. Скорее всего, многие подробности он записал со слов египтян. Но нет сомнения, что он действительно плывал к городу Тиру, в Финикии, так как здесь он дает вполне точные описания. Кроме того, Геродот собрал сведения, по которым составил краткое описание Сирии и Палестины.

Вслед за тем Геродот спускается на юг — в Аравию, страну, называемую им Азиатской Эфиопией, то есть в ту часть южной Аравии, которую он считает последней обитаемой землей. Арабы, живущие на Аравийском полуострове, по его словам, народ строго религиозный. В их стране в изобилии произрастают ценные растения, из которых получают ладан и мирру. Путешественник сообщает интересные подробности о том, как из этих растений добывают благовонные вещества.

Затем мы встречаем Геродота в странах, называемых им неопределенно то Ассирией, то Вавилонией. Рассказ об этих странах он начинает тщательным описанием Вавилона, в котором жили цари со времени разрушения древней столицы Ниневии. Развалины Ниневии сохранились и поныне, в виде холмиков, разбросанных по обоим берегам Евфрата, на расстоянии 78 километров к юго-востоку от Багдада. Большая, быстрая и глубокая река Евфрат разделяла тогда город Ниневию на две части. В одной возвышался укрепленный царский дворец, в другой — храм Зевса. Далее Геродот говорит о двух царицах Вавилона — Семирамиде и Нитокриде; потом переходит к описанию ремесел и земледелия, сообщая, как возделывают в этой стране пшеницу, ячмень, просо, кунжут, виноград, смоковницу и пальмовые деревья.

Изучив Вавилон, Геродот отправился в Персию и, так как целью его путешествия было собрать точные сведения о продолжительных греко-персидских войнах, то он посетил те места, где происходили эти войны, чтобы получить на месте все необходимые ему подробности. Эту часть своей истории Геродот начинает с описания обычаев персов. Они, в отличие от других народов, не придавали своим богам человеческой формы, не воздвигали в их честь ни храмов, ни жертвенников, довольствуясь исполнением религиозных обрядов на вершинах гор.

Далее Геродот говорит о быте и нравах персов. Они питают отвращение к мясу, любовь к фруктам и пристрастие к вину; они проявляют интерес к чужестранным обычаям, любят удовольствия, ценят воинскую доблесть, серьезно относятся к воспитанию детей, уважают право на жизнь всякого, даже раба; они терпеть не могут лжи и долгов, презирают прокаженных. Заболевание

проказой служит для них доказательством, что «несчастный согрешил против Солнца».

Индия Геродота, по словам Вивьена де Сен-Мартена,¹³ ограничивается странами, орошаемыми пятью притоками теперешнего Панджнада, и территорией Афганистана. Туда и направил свой путь молодой путешественник, покинув Персидское царство.¹⁴ Индийцы, по его мнению, являются самым многочисленным из известных народов. Одни из них ведут оседлый образ жизни, другие постоянно кочуют. Племена, обитающие на востоке этой страны, как утверждает Геродот, не только убивают больных и стариков, но якобы даже и поедают их. Племена, живущие на севере, отличаются храбростью и искусством в ремеслах. Их земля богата золотым песком.

Геродот полагает, что Индия есть последняя обитаемая страна на Востоке. В ней сохраняется во все времена года такой же благодатный климат, как и в Греции, находящейся на противоположном конце земли.

Затем неутомимый Геродот отправился в Мидию,¹⁵ где составил историю мидян, первого народа, свергнувшего иго ассириян. Мидяне основали огромный город Экбатаны (Хамадан), который был окружен семью рядами стен. Перевалив через горы, отделявшие Мидию от Колхиды, греческий путешественник проник в страну, прославленную подвигами Ясона,¹⁶ и изучил со свойственной ему добросовестностью ее нравы и обычаи.

Геродот, по-видимому, был хорошо знаком с очертаниями Каспийского моря. Он говорит, что «это море — само по себе, и не имеет никакого сообщения с другим». Каспийское море, по его словам, ограничено на западе Кавказскими горами, а на востоке обширной равниной, населенной массагетами, которые, вероятно, принадлежали к скифскому племени. Массагеты поклонялись солнцу и приносили ему в жертву лошадей. Геродот говорит также о большой реке Аракс, впадающей в Каспийское море.

Потом путешественник попадает в Скифию. Скифы — по определению Геродота — различные племена, населяющие обширное пространство между Дунаем и Доном, то есть значительную часть Европейской России. Наиболее многочисленным и сильным Геродот называет племя «княжеских скифов», занимавших берега реки Танаис (Дона). Кроме того, Геродот упоминает о племенах скифов-кочевников и скифов-хлебопашцев. Хотя Геродот и перечисляет различные скифские племена, но неизвестно, посетил ли он лично страны, расположенные к северу от Понта Евксинского.¹⁷ Он подробно описывает обычаи этих племен и приходит в искренний восторг от Понта Евксинского — этого «гостеприимного моря». Геродот определяет размеры Черного моря, Босфора, Пропонтиды¹⁸ и Азовского моря, и его определения почти

верны. Он перечисляет большие реки, впадающие в Черное море: Истр, или Дунай; Борисфен, или Днепр; Танаис, или Дон.

Путешественник передает много мифов о происхождении скифского народа; в этих мифах большая роль отводится Геркулесу. Описание Скифии он заканчивает рассказом о браках скифов с воинственными женщинами из племени амазонок, чем и можно, по его мнению, объяснить скифский обычай, состоящий в том, что девушка не может выйти замуж, пока не убьет врага.

Из Скифии Геродот прибыл во Фракию. Там он узнал о хетах — самом мужественном народе, населявшем эту страну.¹⁹ Затем он совершил путешествие по Греции, где хотел собрать недостающие сведения для своей истории. Он посетил местности, в которых происходили главные события греко-персидских войн, в том числе Фермопильский проход, Марафонское поле и Платею. Затем он возвратился в Малую Азию и объехал ее побережье, исследуя многочисленные колонии, основанные там греками.

Вернувшись 28 лет от роду на свою родину, в Галикарнас, знаменитый путешественник принял участие в народном движении против тирана Лигдамиса и содействовал его свержению. В 444 году до нашей эры Геродот присутствовал на Панафинейских празднествах и прочитал там отрывки из описания своих путешествий, вызвав всеобщий энтузиазм. Под конец своей жизни он удалился в Италию, в Туриум, где и умер в 426 году до нашей эры, оставив по себе славу знаменитого путешественника и еще более знаменитого историка.

После Геродота мы перешагнем через полтора столетия, упомянув о враче, по имени Ктесий, современнике Ксенофонта.²⁰ Ктесий написал отчет о своем путешествии по Индии, хотя и нет достоверных сведений о том, что он его действительно совершил.

Придерживаясь хронологического порядка, перейдем теперь к Пифею из Массилии — путешественнику, географу и астроному, одному из учнейших мужей своего времени. В 340 году до нашей эры Пифей отважился пуститься в плавание по Атлантическому океану на одном-единственном корабле. Вместо того, чтобы следовать вдоль берегов Африки к югу, как это делали обычно его карфагенские предшественники, Пифей отправился на север, где занялся исследованием берегов Иберийского полуострова²¹ и побережья страны кельтов, вплоть до гранитного мыса Финистерре. Затем Пифей вошел в пролив Ла-Манш и пристал к острову Альбиону.²² Он познакомился с жителями этого острова, которые, по его словам, отличались добродушием, честностью, умеренностью и изобретательностью. Они вели торговлю

оловом, за которым сюда приезжали торговцы из отдаленных стран.

Продолжая путь к северу, Пифей миновал Оркнейские острова, расположенные у северной оконечности Шотландии, и поднялся на такую широту, где «летом ночь не превышала двух часов». После шестидневного плавания по Северному морю Пифей достиг земли, известной с тех пор под названием Крайнее Туле (Ultima Thule). По-видимому, это был полуостров Скандинавия. Но продвинуться дальше на север Пифей уже не смог. «Дальше, — говорит он, — не было ни моря, ни земли, ни воздуха».

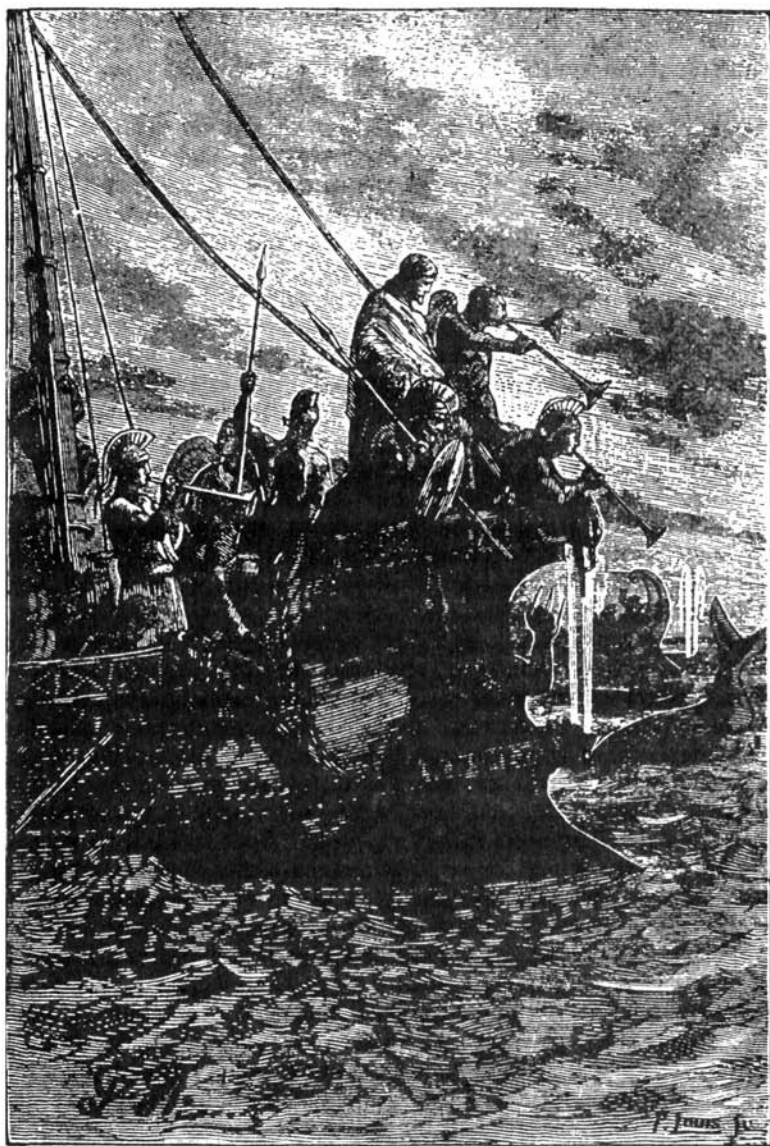
Пифей вынужден был повернуть обратно, но путешествие его на этом не закончилось: он поплыл на восток и прибыл к устью Рейна, где жили сстионы, а еще далее германцы. Оттуда он приплыл к устью большой реки, которую он называет Таисом (вероятно, это была Эльба), а затем отплыл обратно в Массилию и вернулся в свой родной город через год после того, как его покинул.

Замечательный путешественник Пифей был не менее замечательным ученым; он первый доказал влияние луны на морские приливы и отливы и заметил, что Полярная звезда не занимает в небесном пространстве точки, которая находится над самым земным полюсом, что и было впоследствии подтверждено наукой.

Спустя несколько лет после Пифея, около 326 года до нашей эры, прославился своими исследованиями еще один греческий путешественник — Н е а р х с острова Крита. В качестве командующего флотом Александра Македонского он получил приказание объехать все побережье Азии от Инда до Евфрата.

Мысль о такой экспедиции была вызвана необходимостью установить сообщение между Индией и Египтом, в чем Александр был крайне заинтересован, находясь в это время со своей армией в 800 милях от берега, в верховьях Инда. Полководец снарядил для Неарха флот, состоявший из тридцати трех двухпалубных галер и большого числа транспортных судов, на которых разместились две тысячи человек. В то время как Неарх плыл со своим флотом вниз по Инду, армия Александра шла за ним по обоим берегам. Достигнув через четыре месяца Индийского океана, Неарх поплыл вдоль берега, составляющего ныне границу Белуджистана.

Неарх пустился в море второго октября, не дождавшись зимнего попутного муссона, который мог бы благоприятствовать его плаванию. Поэтому за сорок дней путешествия Неарху едва удалось проплыть 80 миль к западу. Первые его стоянки были сделаны в Стуре и в Кореестисе; названия эти не соответствуют ни одному из нынешних селений, расположенных в тех местах. Далее

Матросы Неарха пугают китов.

он приплыл к острову Крокала, лежащему неподалеку от современной Карантийской бухты. Разбитый бурями флот укрылся в естественной гавани, которую Неарх вынужден был укрепить «для защиты от нападения дикарей».

Двадцать четыре дня спустя флотоводец Александра Македонского опять поднял паруса и пустился в море. Сильные бури заставили его делать частые остановки в различных местах побережья и защищаться от нападений арабитов, которых восточные историки характеризовали как «варварский народ, носящий длинные волосы, отпускающий бороды и похожий на фавнов или медведей».

После многих приключений и стычек с прибрежными племенами Неарх пристал к земле оритов, носящей в современной географии название: мыс Моран. «В этой области, — замечает Неарх, описывая свое путешествие, — солнце в полдень освещало все предметы вертикально, и они не отбрасывали тени». Но Неарх, по-видимому, ошибается, так как в это время года дневное светило находилось в южном полушарии, на тропике Козерога, а не в северном полушарии; кроме того, корабли Неарха плыли всегда на расстоянии нескольких градусов от тропика Рака; следовательно, даже летом в этих областях солнце в полдень не могло освещать предметы вертикально.

Когда установился северо-восточный муссон, плавание продолжалось в благоприятных условиях. Неарх следовал вдоль берегов страны ихтиофагов, то есть «людей, питающихся рыбой» — довольно жалкого племени, которое, за недостатком пастбищ, вынуждено было кормить своих овец дарами моря. Здесь флот Неарха начал испытывать недостаток в съестных припасах. Обогнав мыс Посми, Неарх взял к себе на галеру туземного кормчего. Подгоняемые береговыми ветрами, корабли Неарха успешно продвигались вперед. Берег становился менее бесплодным. Там и сям попадались деревья. Неарх причалил к городу ихтиофагов, названия которого он не указывает, и, внезапно напав на жителей, силой захватил у них припасы, в которых так нуждался его флот.

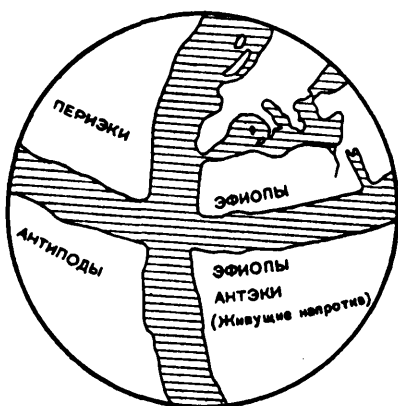
Затем корабли прибыли в Каназиду, иначе говоря, город Чурбар. Развалины этого города и теперь еще можно видеть возле залива того же названия. К тому времени хлеб у македонцев был уже на исходе. Напрасно Неарх останавливался в Канате, в Тросе и в Дагазире, — ему ничего не удалось добыть у этих нищих народов. У мореплавателей не было больше ни мяса, ни хлеба, и все же они не решались есть черепах, которыми изобилуют эти страны.

Почти у входа в Персидский залив флоту встретилось большое стадо китов. Испуганные матросы хотели повернуть галеры

вспять, но Неарх смело пошел на своем корабле вперед, навстречу морским чудовищам, которых удалось разогнать.

Достигнув Кармании,²³ корабли отклонились к северо-западу. Берега здесь были плодородны; всюду попадались хлебные поля, обширные пастбища, фруктовые деревья. Неарх бросил якорь у Бадиса, нынешнего Яска. Затем, обогнув мыс Масета или Муссендон, мореплаватели оказались у входа в Персидский залив, которому Неарх так же, как и арабские географы, дает несвойственное ему название Красного моря.

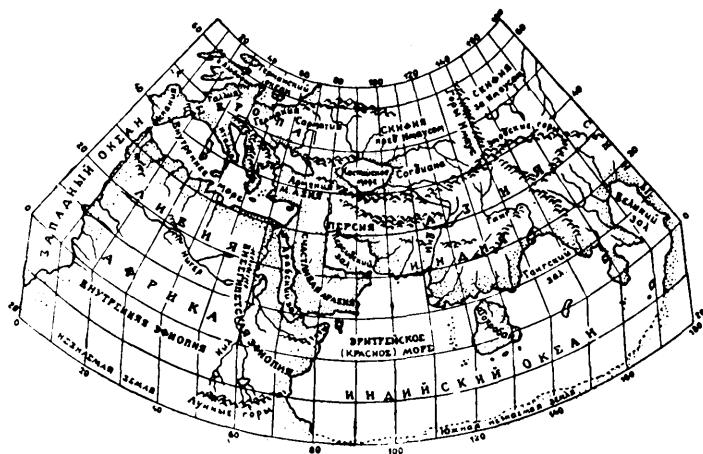
В гавани Гармосия (Ормуз) Неарх узнал, что армия Александра находится на расстоянии пяти дней пути. Высадившись на берег, он поспешил присоединиться к завоевателю. Александр,

Глобус Кратеса (III век до нашей эры).

не получая в течение двадцати одной недели никаких известий о своем флоте, уже больше не надеялся его увидеть. Можно представить себе радость полководца, когда до неузнаваемости исхудавший Неарх предстал перед ним целым и невредимым! Чтобы отпраздновать его возвращение, Александр велел устроить гимнастические игры и принести богам обильные жертвы. Затем Неарх снова отправился в Гармосию, где оставил свой флот, чтобы оттуда плыть в устье Евфрата.

Плывя по Персидскому заливу, флот македонцев приставал ко многим островам, а затем, обогнув мыс Бестион, приплыл к острову Кейшу, на границе Кармании. Дальше уже начиналась Персия. Корабли Неарха, следуя вдоль персидского побережья, останавливались в разных местах, чтобы запастись хлебом, который посылал сюда Александр.

Карта Клавдия Птолемея (II век нашей эры).

После нескольких дней плавания Нearch прибыл к устью реки Эндиана, затем достиг реки, вытекающей из большого, кишашего рыбой озера Катадербис и наконец бросил якорь близ вавилонского селения Дегела, недалеко от устья Евфрата, проплыв, таким образом, вдоль всего персидского побережья. Здесь Нearch вторично соединился с армией Александра Македонского, который щедро его наградил и назначил начальником над всем своим флотом. Александр хотел еще предпринять исследование арабского берега Персидского залива, вплоть до Красного моря, и установить морской путь из Персии и Вавилона в Египет, но смерть помешала ему осуществить этот план.

Нearch составил описание своего путешествия, к сожалению, не сохранившееся. Подробный отчет о его плаваниях содержится в книге греческого историка Флавия Арриана²⁴ «История Индии», которая дошла до нас в отрывках.

Нearch, как полагают, был убит в битве при Ипсе. Он оставил по себе славу искусного морехода, а его путешествие составляет важное событие в истории мореплавания.

Теперь следует еще упомянуть о смелом предприятии греческого географа Евдокса жившего во II веке до нашей эры. Посетив Египет и берега Индии, этот отважный путешественник возымел намерение объехать вокруг Африки, что в действительности удалось осуществить только шестнадцать столетий спустя португальскому мореплавателю Васко да Гаме.

Евдокс нанял большой корабль и два баркаса и пустился по

незнакомым водам Атлантического океана. Как далеко он довел свои суда? Это трудно определить. Как бы то ни было, познакомившись с туземцами, которых он принял за эфиопов, он возвратился в Мавританию,²⁵ а оттуда переправился в Иберию и занялся приготовлениями к новому обширному путешествию вокруг Африки. Было ли совершено это путешествие? Сомнительно. Нужно сказать, что этот Евдокс, человек безусловно отважный, большого доверия не заслуживает. Во всяком случае, ученые его не принимают всерьез.

Среди древних путешественников нам остается упомянуть еще имена Цезаря и Страбона. Ю л и й Ц е з а р ь,²⁶ родившийся в 100 году до нашей эры, был прежде всего завоевателем и не ставил своей целью исследование новых стран. Напомним только, что в 58 году до нашей эры он начал завоевывать Галлию и через 10 лет довел свои легионы до берегов Великобритании, которую населяли народы германского происхождения.

Что касается Стр а б о н а, родившегося в Каппадокии²⁷ около 63 года нашей эры, то он известен скорее как географ, чем путешественник. Однако он проехал Малую Азию, Египет, Грецию, Италию и долго жил в Риме, где и умер в последние годы царствования Тиберия. Страбон оставил «Географию», разделенную на семнадцать книг, большая часть которой сохранилась до нашего времени. Это сочинение, вместе с сочинениями Птолемея, составляет наиболее важный памятник древнегреческой географии.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ЗНАМЕНИТЫЕ ПУТЕШЕСТВЕННИКИ ОТ I ДО IX ВЕКА

*Павсаний (174). — Фа-Сянь (399). — Косма Индикоплов (547).
Аркульф (700). — Виллибард (725). — Сулейман (851).*

Плиний, Гиппал, Арриан, Птолемей. — Павсаний посещает Аттику, Коринфию, Лаконию и другие города Эллады. — Фа-Сянь исследует Хотанское царство, Афганистан, Северную Индию, Пенджаб, Цейлон и Яву. — Косма Индикоплов и «Христианская топография вселенной». — Сулейман обозревает Оманский залив, Цейлон, Суматру, Сиамский залив и Южно-Китайское море.

В течение первых двух веков нашей эры география как наука сделала заметные успехи, но путешественников — открывателей новых земель — было в ту эпоху очень мало.

П л и н и й С т а р ш и й (23—79 годы н. э.) посвятил географии третью, четвертую, пятую и шестую книги своей «Естественной истории».

В начале правления Тиберия (14—37 годы н. э.) римский купец Г и п п а л установил закономерность движения муссонов в Индийском океане и научил мореплавателей пользоваться направлением этих ветров. Он сообщил в своем труде «Плавание вокруг Эритрейского моря»,²⁸ как следует плыть по открытому морю в Индию и обратно в течение одного года.

Греческий историк А р р и а н (около 95—175 г. н. э.) составил свое «Описание путешествия по Понту Евксинскому», в котором попытался охарактеризовать страны, открытые предшествующими исследователями.

К л а в д и й П т о л е м е й, грек, живший в Египте во II веке, систематизировал труды предшественников и опубликовал знаменитую «Географию», в которой сделал попытку дать определение

Первым путешественником нашей эры, имя которого сохранилось в истории, был греческий писатель П а в с а н и й. Он жил в Риме во втором веке и много путешествовал по римским и греческим провинциям. Описание своих путешествий, составленное в форме подробного путеводителя, он опубликовал в десяти книгах около 180 года. Его путеводитель был составлен настолько подробно и добросовестно, что, руководствуясь им, туристы второго века легко могли объехать все провинции Греции.

Особенно тщательно и подробно Павсаний описывает Аттику²⁹ и Афины со всеми памятниками, гробницами, арками, храмами, колоннадами, ареопагом,³⁰ академией и т. п. От Аттики он переходит к Коринфу и исследует острова Эгейского моря. Затем он дает тщательное описание Лаконии³¹ и Спарты,³² перечисляет названия всех дорог и провинций, городских улиц и площадей. Но к тому, что уже было сделано его предшественниками, Павсанию не удалось добавить ни одного нового открытия. Это был консервативный путешественник, посвятивший свой труд точному исследованию уже известных земель, а не открытию новых. Тем не менее труд Павсания принес немало пользы: все позднейшие географы и археологи пользовались им при своих исследованиях в Малой Азии и Пелопонессе, и недаром один ученый XVI века назвал работу Павсания «сокровищем самой древней и самой редкостной руды».

Описывая географические открытия и путешествия древних народов, мы не можем обойти молчанием китайцев, хотя их географические познания и не оказали непосредственного влияния на развитие европейской географической науки.³³

В конце IV века один китайский монах-буддист, по имени Фа - С я н ь, совершил путешествие по странам, лежащим к западу от Китая. Сохранилось подробное, им самим составленное, описание путешествия, которое, по мнению Эдуарда Шартона,³⁴ представляет тем больший интерес, что заставляет нас откатиться от нашей односторонней точки зрения на цивилизацию Востока».

Фа-Сянь в сопровождении нескольких монахов, задумав исследовать страны, лежащие на запад от Китая, перебрался через несколько горных хребтов и прибыл в страну, называемую теперь Кан-чу», расположенную недалеко от Великой китайской стены. Там к Фа-Сяню присоединились несколько туземцев. Они перешли реку Сулэхэ и большую пустыню, которую восемьсот лет спустя исследовал Марко Поло.³⁵ После семнадцатидневного путешествия экспедиция Фа-Сяня достигла озера Лоб-нор.

Побывав у негостеприимных жителей страны уйгуров, приемом которых монахи остались очень недовольны, они двинулись на юго-запад, в пустынную страну, с большим трудом преодолевая

встречные реки. Спустя тридцать пять дней маленький караван прибыл в Татарию — в Хотанское царство, в котором насчитывалось «несколько десятков тысяч монахов». Фа-Сянь и его спутники были допущены в монастыри, и после трехмесячного ожидания им посчастливилось присутствовать при торжественном празднестве буддистов и браминов, во время которого по городам Хотанского царства, по усыпанным цветами улицам, среди облаков благоуханий, провозили роскошно украшенные колесницы с изображениями богов.

После праздника Фа-Сянь и его спутники направились на юг и прибыли в холодную гористую страну Балистан, в которой, кроме хлебных злаков, не было почти никаких культурных растений. Из Балистана Фа-Сянь взял путь в восточный Афганистан и целый месяц блуждал в горах, покрытых вечными снегами. Здесь, по его словам, встречались «ядовитые драконы».

Переправившись через горы, путешественники взяли путь в Северную Индию. Исследовав истоки реки Инд, они прибыли в Фо-лу-ша, — вероятно, теперешний город Пешавар, расположенный между Кабулом и Индом. Отсюда они пришли в город Гило, лежащий на берегу небольшого притока реки Кабул.

Оставив Гило, Фа-Сянь переправился через хребет Гиндукуш. Стужа в этих горах была такая лютая, что один из спутников Фа-Сяня замерз. После многих затруднений каравану удалось добраться до города Бану, который существует и поныне; затем, снова перейдя Инд в средней части его течения, Фа-Сянь пришел в Пенджаб. Отсюда, спускаясь к юго-востоку, он пересек северную часть Индийского полуострова и, перебравшись через большую солончаковую пустыню, лежащую на восток от Инда, достиг страны, которую он называет «Центральным царством». По словам Фа-Сяня, «здесь жители честны и благочестивы, они не имеют чиновников, не знают законов, не признают смертной казни, не употребляют в пищу никаких живых существ, и в их царстве нет ни скотобоев, ни винных лавок».

В Индии Фа-Сянь посетил много городов и местностей, где собирал легенды и сказания о Будде. Из Индии он переправился на остров Цейлон, затем на остров Яву, после чего отплыл в Китай.³⁶

Борясь с противными ветрами и испытав множество затруднений, он прибыл, наконец, в провинцию Шаньдун и затем возвратился в 415 году, после восемнадцатилетнего отсутствия, в свой родной город Сиань-фу (Кантон).

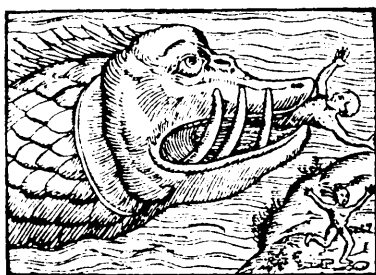
Таково в кратких словах описание этого путешествия, которое впервые перевел с китайского языка французский ученый Абель де Ремюза. Фа-Сянь в своих путевых записках касается главным

Фэ-Сянь и его спутники в горах.

Средневековые фантастические представления об обитателях неведомых земель. (Из «Космографии» Себастьяна Мюнстера, 1544).

Морское чудовище. (Из «Космографии» Себастьяна Мюнстера, 1544).

образом религиозной жизни народов Центральной Азии, что делает его сочинение ценным памятником истории культуры.

К первым векам нашей эры относится также начало миссионерской деятельности христианских проповедников в далеких странах. Вслед за монахами на Ближний Восток, в Нубию,³⁷ Эфиопию — до самого центра внутренней Африки — проникали христианские купцы и посольства византийских царей, пытавшиеся установить связь с народами, присвоенными к христианской религии.

Одним из таких путешественников был александрийский купец Косма (от греческого «космос» — «мир, вселенная») по прозвищу Индикоплов (или Индикоплейст — «Плаватель в Индию»), живший в VI веке. Он побывал в Эфиопии, Индии и Западной Азии, после чего вернулся на родину и постригся в монахи.

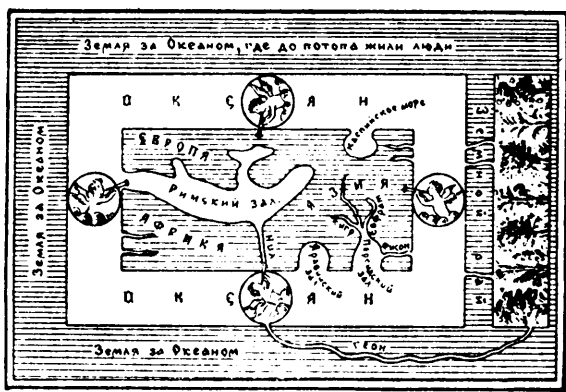
Широкое распространение получило сочинение Космы «Христианская топография вселенной» (около 547 года), помогающее уяснить особенности географического мировоззрения средних веков. Превыше всего Косма ставит авторитет библии, везде стараясь согласовать данные физического землеведения с буквой священного писания.

Косма не сообщает никаких подробностей о своем путешествии. Стремясь опровергнуть теории о Земле, противоречащие священному писанию, он силится доказать, что наша Земля имеет четырехугольную форму и заключена вместе с другими светилами в большой продолговатый ящик. По его мнению, плоская четырехугольная суша, как крышей, покрыта небесами, которые в свою очередь рассечены надвое небесным сводом, отделяющим старую землю от новой. Суша окружена океаном, за которым находился

некогда рай. Небесные светила передвигаются по своим сферам ангелами, назначенными для этого богом еще при сотворении мира и т. д.

Описательная часть сочинения Космы посвящена Индии, острову Цейлону и другим азиатским странам и населяющим эти страны животным. Здесь фигурируют: носорог, бык-олень (должно быть, буйвол), легко поддающийся приручению; дикий бык; кабарга, за которой охотятся, чтобы добывать ее «пахучую кровь» (мускус); единорог, — по мнению Космы, животное отнюдь не химерическое; вепрь, гиппопотам, тюлень, дельфин и черепаха. От животных он переходит к описанию тропических растений. Перечник — кустарник хрупкий и нежный, вроде маленькой виноградной лозы; плоды кокосовой пальмы напоминают приятный вкус свежих орехов и т. п. Однако познавательная часть сочинения Космы Индикоплова в общем незначительна.

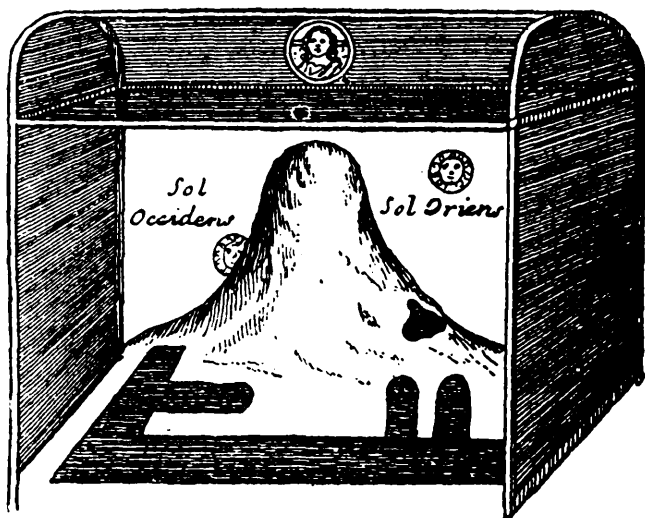
С начала христианской эры европейские паломники-богомольцы совершали путешествия в Палестину и страны Ближнего

Карта Космы Индикоплова (VI век).

Востока, оставив подробные описания своих «хождений по святым местам». История сохранила имена многих пилигримов, среди которых были особенно известны французский епископ Аркульф, живший в конце VII века, и английский паломник Виллард. Начав паломничество в 721 году, Виллибард вернулся на родину через десять лет и за свой подвиг был посвящен папой Григорием III в сан епископа Франконии.

Описания путешествий христианских паломников служили за-

Вид земли по учению Космы Индикоплова. Солнце скрывается ночью за огромной горой, которая возвышается на севере земли.

тем своего рода путеводителями для многих поколений средневековых пилигримов.

Перечень путешественников I — IX веков мы закончим Сулейманом, арабским купцом из Басры. Он совершил путешествие из Персидского залива через Индийский океан в Китай, посетив попутно остров Цейлон, Суматру, Никобарские и Андаманские острова. Записки Сулеймана, составленные около 851 года, позже были дополнены арабским географом Абу-Зейд-Гассаном и в таком виде приобрели большую известность.

По мнению французского востоковеда Рейно, это сочинение «представило в совершенно новом свете торговые отношения, существовавшие в IX веке между берегами Египта, Аравии, прибрежными странами Персидского залива, с одной стороны, и индийскими и китайскими провинциями — с другой».

Выйдя из Персидского залива, Сулейман вскоре достиг «второго моря» — Аравийского (Оманского залива). Там он видел огромную рыбу, вероятно кашалота, которого предусмотрительные мореплаватели отпугивают звоном колокола. Там же была поймана акула, в желудке которой оказалась акула меньших размеров, а в последней — акула еще поменьше, «обе живые», — прибавляет путешественник, не боясь преувеличений. Далее Сулейман говорит о Геркседском море (Индийском океане), простираю-

щемся от Мальдивских островов до Зондского архипелага, в котором он насчитывает до тысячи девятисот островов. Среди этих островов, находившихся под управлением женщины, он отмечает остров Цейлон с его жемчужной ловлей, Суматру, богатую золотыми рудниками и населенную людоедами, а также Никобарские и Андаманские острова. «В этом море,— сообщает он,— свирепствуют смерчи, которые расщепляют корабли и выбрасывают на берег огромное количество мертвой рыбы, груды камней и даже

Земля по Макробию (V век).

целые горы; когда вздымаются волны, море становится похожим на пылающий огонь». Сулейман полагает, что это море посещается чудовищем, которое пожирает людей.

Выменяв у жителей Никобарских островов железо на кокосовые орехи, сахарный тростник, бананы и кокосовое вино, он переплыл затем Андаманское море, омывающее берега Малакки, и после

десятидневного плавания остановился в районе современного Сингапура, чтобы запастись пресной водой. Затем он поднялся к северу по морю Кедрендж — по-видимому, речь идет о Сиамском заливе — и достиг провинции Поуло-Оби, находящейся в южной части Камбоджи.

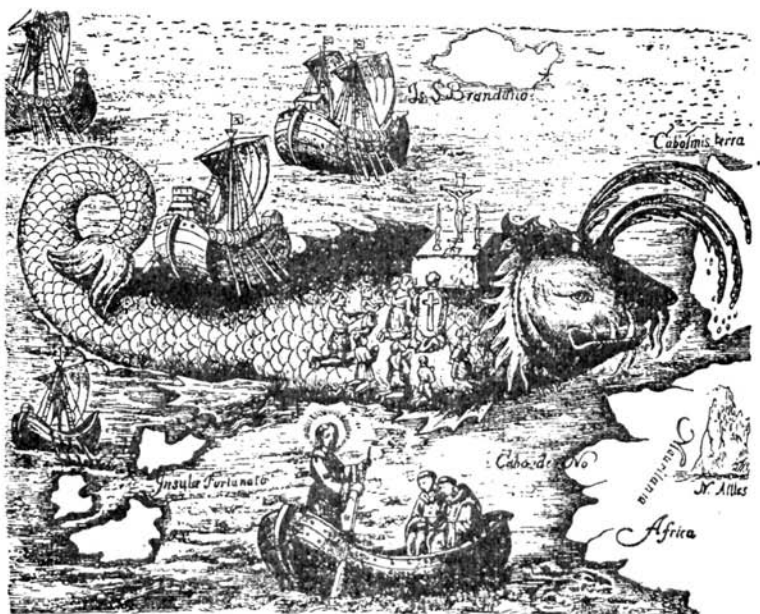
Здесь глазам арабского купца открылось море, простирающееся между Молуккскими островами и Индо-Китаем. Сулейман отправился на остров Сандер-Фулат, запаса там съестными припасами и продолжал свой путь по морю Санджи, или Южно-Китайскому. Месяц спустя он вошел в оживленный китайский порт Снань-фу (Кантон).

Остальная часть рассказа Сулеймана содержит интересные сведения о быте и нравах индийцев, китайцев и жителей других стран, в которых ему удалось побывать.

Подводя итоги трудам путешественников и исследователей последних шести веков до нашей эры и первых девяти веков нового летоисчисления, мы можем сказать, что за это время было исследовано все громадное береговое пространство от Норвегии

Путешественник дошел до «края земли». Рисунок из средневековой книги.

Путешественники, принявшие кита за остров, служат на его хребте литургию.
Рисунок из средневековой книги о плавании св. Брандана.

до Китая — берега Атлантического океана, Средиземного и Красного морей, Индийского океана и Китайского моря.

Не ограничиваясь прибрежной полосой, путешественники смело проникали во внутренние области разных стран — от Египта до Эфиопии, от Малой Азии до Кавказа, от Индии и Китая до Монголии.

Хотя путешественникам и не удавалось добиться математической точности в определении географического положения различных мест, которых они достигали, но зато они довольно подробно изучали обычаи и нравы жителей, религиозные обряды, природные богатства, ремесла, искусства и торговлю многих стран.

Корабли, хорошо ориентируясь в режиме ветров, могли уже с уверенностью пускаться в далекие и опасные плавания. Караваны, используя проложенные пути, могли смело продвигаться во внутренние области отдаленных стран. Таким образом, благодаря всей этой сумме накопленных знаний, которые распространялись стараниями ученых, торговые связи между разными народами и странами в последний период средних веков приняли уже значительные размеры.

ЗНАМЕНИТЫЕ ПУТЕШЕСТВЕННИКИ X—XIII ВЕКОВ

Вениамин Тудельский. — Плато Карпини. — Рубрук.

Вениамин Тудельский посещает Марсель, Рим, Константинополь, Иерусалим, Дамаск, Баальбек, Ниневию, Багдад, Вавилон, Басру, Исфахан, Шираз, Самарканд, Тибет, Египет, Германию и Францию. — Джованни дель Плато Карпини исследует Куманскую землю и нынешний Туркестан. — Нравы и обычаи татар. — Гильом де Рубрук посещает Азовское море, Волгу, землю башкир, Каракорум, Астрахань и Дербент.

Из путешественников XII века наибольшей известностью пользуется Вениамин Тудельский, испанский еврей из города Тудела, в Наваррском королевстве. Вениамин Тудельский посетил Марсель, Рим, Валахию, Константинополь, Палестину, Ниневию, Багдад, Вавилон, Шираз, Самарканд, Тибет, Цейлон, Красное море, Египет, Сицилию, Италию, Германию и Францию. За тринадцать лет (1160—1173) он объехал почти весь известный тогда мир. Описание этого путешествия, подробное до мелочей, пользовалось большой популярностью до XVI века.

Вениамин Тудельский отплыл из Барселоны в Марсель, а затем отправился в Геную. Из Генуи он прибыл в Рим, затем посетил Неаполь и другие южные города. Из Италии Вениамин переправился в Грецию и в Константинополь, сообщая интересные подробности об этой большой столице греческого царства.

В то время императором Византии был Эммануил Комнин, который жил в роскошном дворце на берегу моря. «Там возвышались, — говорит Вениамин, — колонны из чистого золота и серебра и золотой трон, усыпанный драгоценными камнями, над которым золотая корона, свешивающаяся на золотых цепях, оказывалась как раз на голове императора, когда он садился на престол. Камни, украшавшие эту корону, были столь редки, что никто не мог их оценить, и ночью не было надобности в огне, так как было совершенно светло от блеска этих драгоценностей».

Путешественник сообщает, что купцы стекаются в Константинополь из всех стран, и этот город так густо населен, что может идти в сравнение с одним только Багдадом. Жители Константинополя носят шелковые одежды, украшенные дорогим шитьем и золотой бахромой. Когда встречаешь их в этих дорогих нарядах, едущими на лошадях, можно подумать, что это принцы крови. На случай нападения или обороны они содержат наемников всех наций, которые в любую минуту готовы пролить за них свою кровь.

Из памятников Константинополя Вениамин упоминает о храме святой Софии, в котором «приделов * столько же, сколько дней в году, а колонн и паникадил такое множество, что их невозможно сосчитать». Кроме того, он дает описание ипподрома, в котором для забавы народа показывают борьбу «львов, медведей, тигров, а также диких гусей и многих других птиц».

Из Константинополя Вениамин переправился в Малую Азию, где посетил города Триполи, Бейрут, Тир, Сидон, Акку, Самарру и др. Отсюда он отправился в Иерусалим, Вифлеем и Хеврон. После этого Вениамин прибыл в Дамаск, бывший в то время столицей турецкого царства. Дамаск произвел на путешественника сильное впечатление своей роскошью и благоустройством.

«Город, — говорит Вениамин, — окружен фруктовыми садами; на всей земле нет страны более плодородной. Город расстилается у подошвы горы Гермона, на которой берут начало две реки — Амана и Фарфар; первая протекает через середину города, и из нее проведена вода во все большие дома, на площади и рынки. Дамаск ведет торговлю со всем миром. У измаилитов есть в Дамаске мечеть, называемая Гоман-Дамасек, то есть храм Дамаска. В этом храме есть стеклянная стена, имеющая триста шестьдесят пять отверстий. Солнце, спускаясь по двенадцати делениям, по числу часов в дне, входит каждый час в одно из этих отверстий, благодаря чему эти отверстия позволяют каждому узнать, какой час».

Покинув Дамаск, Вениамин Тудельский посетил Баальбек-Небек — Гелиополис греков и римлян, построенный Соломоном; затем он приехал в Тудмур или Пальмиру, потом в Газу, сильно разрушенную землетрясением. После этого Вениамин отправился в Мессопотамию, посетив Мосул на Тигре, Ниневию и Багдад — столицу и резиденцию арабских калифов, поразившую путешественника своей красотой.

Вениамин совершил также поездку к развалинам Вавилона, побывав на том месте, где, по преданию, возвышалась некогда вавилонская башня, «построенная народами до потопа». «С этой

* Добавочный, обычно боковой алтарь в церкви.

башни, — говорит Вениамин, — открывалась даль на двадцать миль в окружности, но огонь, упавший на башню с неба, разрушил ее до основания и сравнял с землей».

Посетив потом еще много других городов, неутомимый путешественник попал, наконец, в город Басру, лежащий на Тигре у оконечности Персидского залива. Об этом значительном торговом городе путешественник не сообщает никаких подробностей. Оттуда он отправился в Персию и задержался некоторое время в большом, полуразрушенном городе Хузестане, который разделяется рекой Тигр на две части: богатую и бедную. Вениамин Тудельский объехал почти всю Персию и через Хамадан прибыл в Исфахан, столицу страны, имевшую двенадцать миль в окружности.

Далее рассказ путешественника не отличается определенностью: следя за его записками, мы видим его то в Ширазе, то в Самарканде, то у подошвы Тибетских гор. Отсюда Вениамин возвратился в Низампур и Хузестан на берегах Тигра; затем, после двухдневного плавания, он достиг Эль-Кати́фа — арабского города у Персидского залива, где добывают жемчуг. Переправившись через Оманское море, Вениамин прибыл в Хулан (теперь Куилон) на малабарском берегу Индостана.

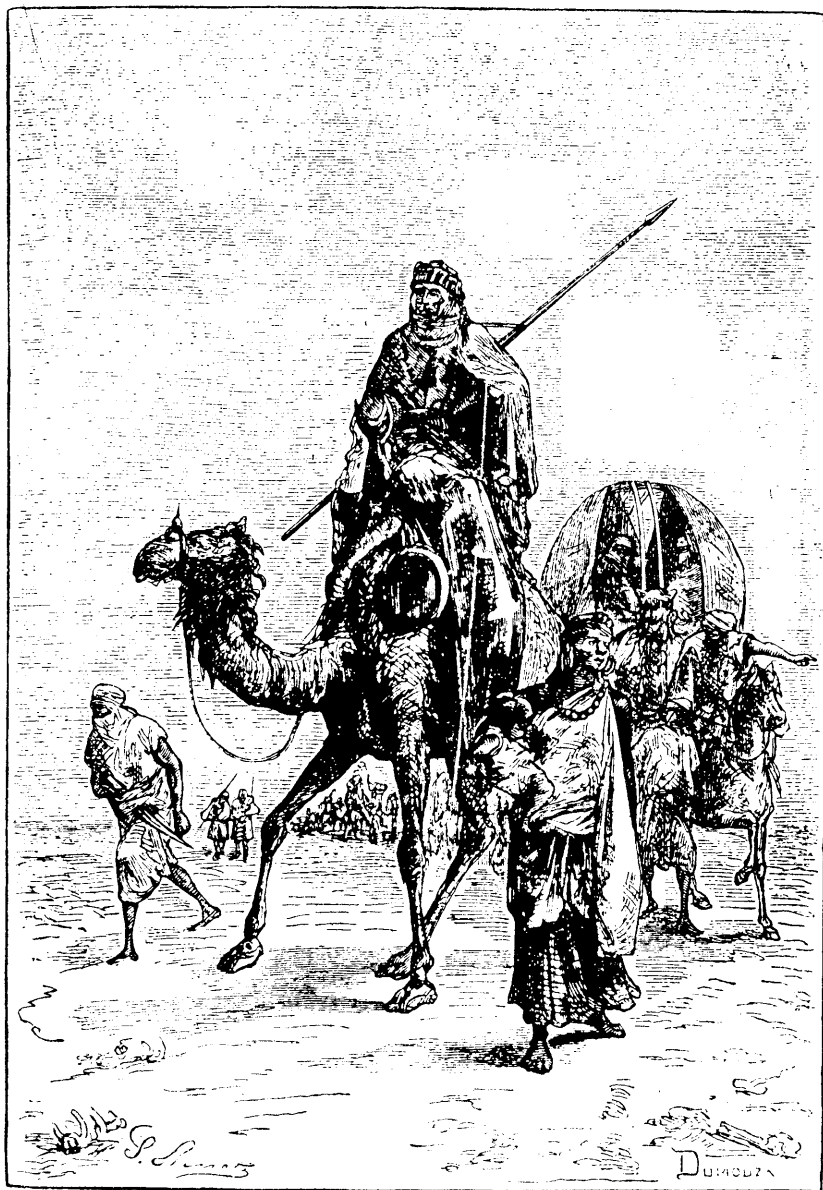
По его словам, «в этой стране хорошо произрастают перец, корица, имбирь и другие пряности».

Перебравшись на остров Цейлон, жители которого фанатически поклоняются огню, путешественник отправился оттуда в Китай. Но из описания путешествия не ясно, достиг ли он в действительности этой страны.

Далее мы встречаем Вениамина Тудельского снова на Цейлоне и вслед за тем на острове, по всей вероятности Сокотре, при входе в Аденский залив. Переправившись после этого через Красное море, он приехал в Абиссинию, которую называет «Индией на суше». Спустившись вниз по течению Нила, он достигает вслед за тем местечка Холван, а оттуда, через знойную пустыню Сахару, приезжает в Каир.

Каир, по словам путешественника, большой город, украшенный площадями и лавками; там никогда не бывает дождя, но Нил, выходящий ежегодно из берегов, орошает страну на пространстве «пятнадцати дней пути», что и делает ее необыкновенно плодородной.

Из Каира Вениамин проехал в Александрию, основанную некогда Александром Македонским. «Александрия, — говорит он, — большой торговый город, куда съезжаются купцы со всех частей света; город этот чрезвычайно многолюден, а улицы его так длинны, что кажутся бесконечными. В море, на целую милю от берега, вдается плотина, на которой стоит высокая башня, сооруженная

Вениамин Тудельский в Сахаре.

еще Александром Великим; на вершине этой башни установлено стеклянное зеркало, в которое можно видеть находящиеся на расстоянии пятидесяти дней пути корабли, идущие из Греции или с запада». «Эта светящаяся башня, — добавляет Вениамин, — служит еще и теперь маяком для всех плывущих в Александрию, так как она видна за сто миль не только днем, но и ночью, благодаря большому светильнику, горящему на ее вершине».

Из Египта Вениамин направился в Италию, а оттуда — через Германию — он попал в Париж. Описанием Парижа Вениамин Тудельский и заканчивает повествование о своих путешествиях. Несмотря на некоторую сбивчивость изложения, это описание представляет ценный памятник географических знаний середины XII столетия. Современные названия городов, упомянутых путешественником, дадут читателям возможность ознакомиться с его маршрутом по новейшей карте.

Следуя хронологическому порядку, после Вениамина Тудельского мы должны назвать итальянского путешественника, монаха-францисканца Джованни дель Плано Карпини, которого обычно именуют просто Карпини. Он родился около 1182 года в городе Умбрии. В 1245 году, когда ему было уже шестьдесят три года, он предпринял путешествие в Центральную Азию, к великому монгольскому хану.

Всем известны завоевания и опустошения, произведенные монгольскими ордами, под предводительством властолюбивого Чингисхана. В 1206 году этот грозный завоеватель избрал столицей своего царства Каракорум³⁸ — древний турецкий город в Центральной Азии, который был расположен на реке Орхон, у северных границ Китая. При преемнике Чингисхана, Угедее, монгольское владычество простиралось до Центрального Китая, и этот хан с шестисоттысячным войском нахлынул на Европу. Россия, Грузия, Польша, Моравия, Силезия и Венгрия сделались ареной кровавых битв, кончившихся в пользу Угедая. На жестоких монголов европейцы смотрели, как на дьяволов, вырвавшихся из бездны преисподней, и дали им название «тартар», или «татар», то есть сынов тартара, или ада.

Наступление монголов взволновало папу римского, задумавшего если не заключить союз с татарами, то хотя бы выведать их дальнейшие намерения. С этой целью папа Иннокентий IV и отправил к татарскому хану свое первое посольство, которое привезло от хана высокомерный и малоутешительный ответ. Тогда папа решил послать к хану второе посольство, поручив эту миссию францисканскому монаху Джованни дель Плано Карпини, слышшему умным и тонким дипломатом. Сопровождать его должен был монах Стефан Богемский.

Средневековый космограф.

Карпини выехал в свое далекое путешествие 6 апреля 1245 года из Лиона, где находилась тогда резиденция папы. Он отправился сначала к чешскому королю Венцеславу, который дал ему грамоту к своим родным в Польшу. Карпини и его спутники, не встретив затруднений, достигли владений русского князя, где, по совету последнего, приобрели меха бобров и других пушных зверей,

чтобы принести их в дар татарским вельможам. С этими подарками Карпини направился на северо-восток и прибыл в Киев.

Везде были видны следы страшного опустошения. Карпини пишет об этом так: «...Татары вступили в землю язычников-турок; победив их, они пошли против Руси и произвели великое избиение в земле Руси, разрушили города и крепости и убили людей, осадили Киев, который был столицей Руси; после долгой осады они взяли его и убили жителей города. Поэтому, когда мы ехали через их землю, мы находили в поле бесчисленное количество голов и костей мертвых людей. Этот город был весьма большой и очень многолюдный, а теперь razoren почти дотла: едва существует там двести домов, а людей татары держат в самом тяжком рабстве. Уходя отсюда, они опустошили всю Русь».

Киевский князь предложил Карпини переменить лошадей на татарских, привыкших находить траву под снегом, и на этих выносливых лошадях он достиг города Данилова. Там Карпини опасно заболел. Поправившись, он купил телегу и продолжал путь. Приехав в Канев на Днепре, послы очутились в первом селении Монгольского царства. Отсюда наместник хана, смягченный подарками, приказал проводить их в татарский лагерь.

Татары, сначала встретившие послов весьма недружелюбно, направили их к своему начальнику, стоявшему во главе авангарда из шестидесятитысячного войска. Предводитель авангарда в свою очередь отослал их под стражей к Батыю, главному начальнику и самому могущественному после великого хана властителю.

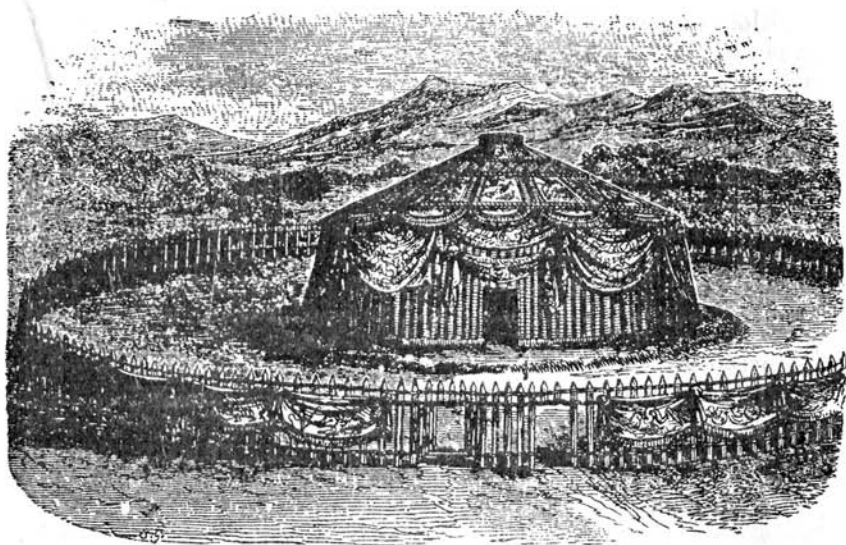
По пути для них были везде приготовлены свежие лошади; путешествие совершалось днем и ночью, почти без остановок. Таким образом Карпини проехал через всю страну, лежащую между реками Днепр, Дон, Волга и Яик (Урал) и прибыл, наконец, ко двору хана Батыя.

«Прежде чем нас повели к хану, — рассказывает Карпини, — нас предупредили, что мы должны будем пройти между двух огней, так как сила огня очистит нас от дурных намерений и от яда, если мы имеем какой-нибудь злой умысел против хана, на что мы и согласились, дабы снять с себя всякое подозрение».

Хан помещался в великолепном шатре из тонкого льняного полотна, окруженный штатом своих приближенных. О нем говорили, как о человеке очень ласковом со своими и чрезвычайно жестоким на войне. Карпини и Стефан были приняты Батыем.

Папская грамота была переведена толмачами на славянский, арабский и татарский языки, после чего ее прочли хану. Батый приказал отвести папским послам особую палатку, где им был приготовлен обед, состоявший всего-навсего из маленькой мисочки вареного проса.

На другой день Батый призвал к себе обоих послов и приказал

Шатер монгольского хана.

им поехать к великому хану. В апреле 1246 года они снова отправились в путь в сопровождении двух проводников. Дорога была очень изнурительной из-за скудной пищи и быстрой езды; путешественников все время торопили, по пять—шесть раз на день меняя под ними лошадей.

Куманские степи³⁹ поразили Карпини своей безлюдностью, так как татары разогнали всех жителей. Путешественникам пришлось страдать не только от голода, но и от жажды. Немногочисленные жители этой области занимались скотоводством под тяжким игом монголов.

Проезжая по территории Туркестана, Карпини всюду видел разоренные города, села и крепости. Миновав эту обширную область, папские послы прибыли в Каракитай.⁴⁰ Начальник этой провинции принял их хорошо и, желая оказать им почести, заставил танцевать перед ними двух своих сыновей и знатных придворных.

Из Каракитая путешественники отправились дальше через гористую и холодную страну найманов, кочевое народа, жившего близ озера Улюнгур.

Только 22 июля Карпини и Стефан Богемский прибыли в Сыр-Орду, главную резиденцию великого хана, находившуюся недалеко от столицы его империи — Каракорума. Все путешествие от Волги до Сыр-Орды заняло у них три с половиной месяца.

Монахи попали туда в то время, когда на трон великого хана должен был взойти Куюк, преемник Угедея, умершего весной того же года.

Со смертью Угедея власть над Монгольским царством перешла на время к его вдове, матери Куюка. Она приняла францисканца и его спутника в белом шелковом шатре, который мог вместить до двух тысяч человек.

«Там, — говорит Карпини, — мы видели большое собрание вождей и князей, съехавшихся со всех сторон со своими свитами. В первый день все были в белой шелковой одежде, во второй — ее сменила красная, в третий — лиловая, в четвертый — малиновая. В шатер вели два больших входа — один для самого хана, а другой для гостей. Возле второго входа стояла стража, вооруженная стрелами и мечами. Если кто-нибудь из гостей заходил за отведенные границы, то его били; а если он обращался в бегство, то пускали ему вдогонку стрелы».

Прошел целый месяц, прежде чем Куюк был провозглашен великим ханом и принял папских послов. Карпини, живя в орде, изучал быт и нравы татар, и его описания обнаруживают большую наблюдательность.

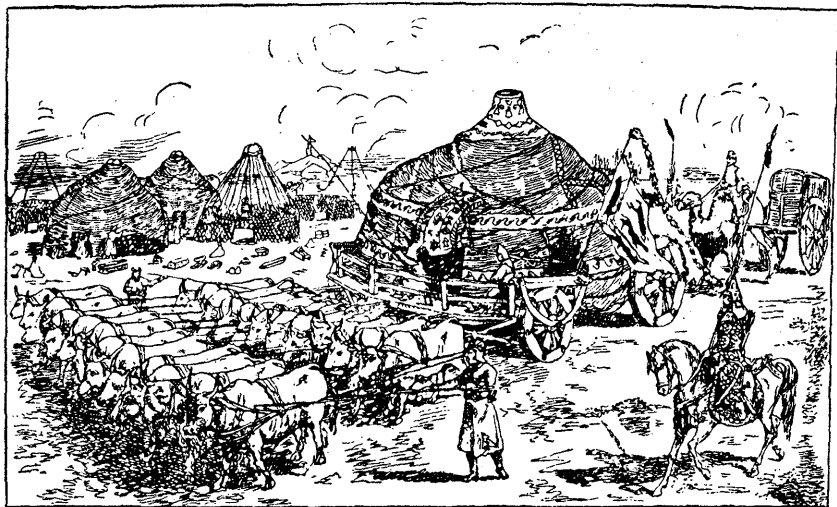
Монгольская империя, — сообщает Карпини, — страна гористая, песчаная и почти безлесная. Хан и его приближенные, а также и все другие люди варят себе пищу и греются у огня, разведенного из бычьего и конского навоза. Хотя страна бесплодна, но стада разводятся здесь хорошо. Климат неровный, погода меняется резко. «Летом бывают такие грозы, что многих людей убивает молнией. Ветер свирепствует иногда с такой силой, что опрокидывает всадников. . . На этой земле зимой никогда не бывает дождя, но даже и летом дождя выпадает так мало, что он едва смачивает пыль и корни трав. Выпадает там также очень крупный град».

Карпини так рисует внешность татар: «Глаза и щеки у них отделены друг от друга большим расстоянием и скулы сильно выдаются вперед; нос маленький и плоский, глаза тоже маленькие, а ресницы приподняты до бровей. Они очень худощавы и тонки в поясе, роста по большей части среднего; бороды почти у всех очень маленькие и редкие».

Мужчин от женщин очень трудно отличить вследствие того, что одеваются они совершенно одинаково: все носят халаты, подбитые мехом, и высокие шапки из холста или из шелка, расширяющиеся сверху; живут они в шатрах, сложенных из прутьев и тонких палок и покрытых со всех сторон войлоком; эти жилища легко разбираются и перевозятся на вьючных животных. А самые большие шатры, которые не могут разбираться, перевозятся на повозках.

Монгольские всадники.

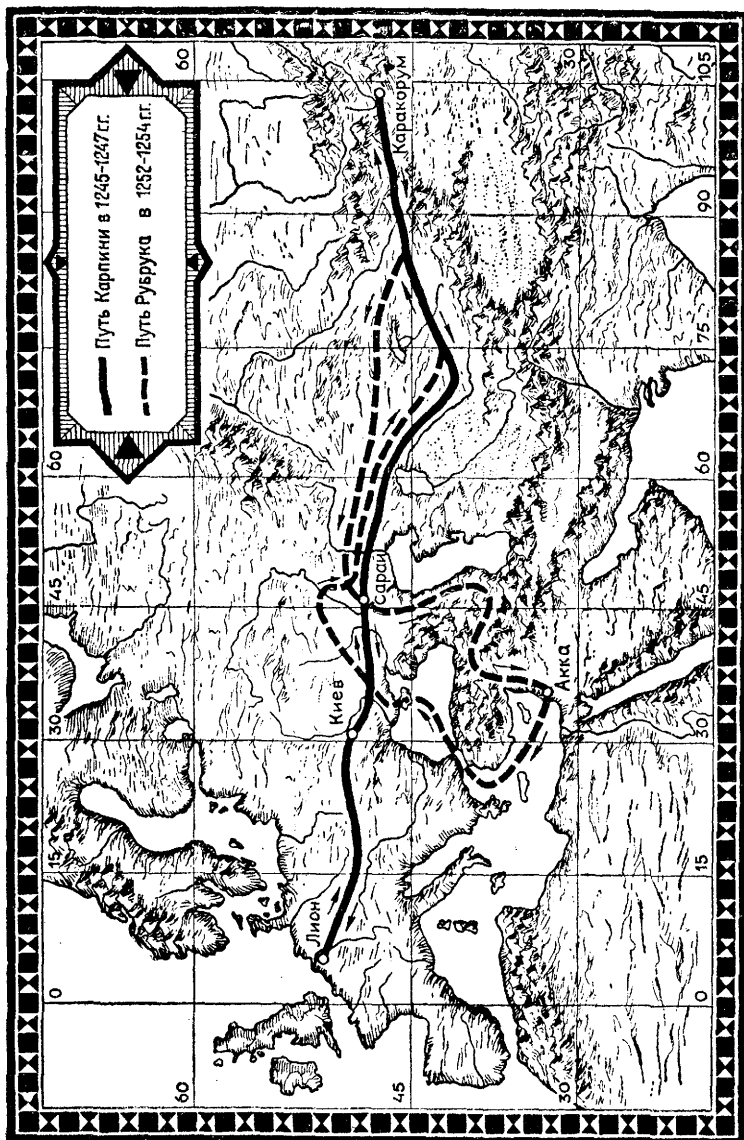
Переезд монголов на новое становище.

Монголы — народ очень суеверный: они верят в чары, колдовство и в очистительную силу огня. После смерти какого-нибудь вельможи вместе с ним зарывают чашу, полную мяса, кружку с кумысом, кобылицу с жеребенком и оседланного и взыужданного коня.

Монголы послушны своим начальникам. Они уклоняются от всякой лжи, избегают споров; убийства и грабежи между ними чрезвычайно редки; воровства у них почти вовсе не бывает, и драгоценные вещи не запираются. Эти люди безропотно переносят голод и усталость, жару и холод; они любят веселиться — играют, танцуют и пьют при всяком удобном случае. Главный недостаток их состоит, по мнению Карпини, в том, что они горды и надменны с иностранцами и ни во что не ставят человеческую жизнь.

Мужчины не утруждают себя никакой домашней работой: охотиться, стрелять из лука, пасти стада, ездить верхом — вот и все их занятия. Девушки и женщины тоже отличаются ловкостью и смелостью. Они обязаны выделывать меха, изготовлять одежду, а также смотреть за скотом. Все домашние работы идут тем успешнее, чем больше в каждом доме женщин. Благодаря обычаю многоженства татары покупают себе столько жен, сколько каждый из них в состоянии прокормить.

После долгого ожидания послы, наконец, были приняты великим ханом. Узнав содержание папской грамоты, хан написал от-

ветное письмо, которое кончалось словами: «Мы поклоняемся нашему богу и с его помощью разрушим весь мир от Востока до Запада».

Только осенью Карпини и Стефан выбрались из орды и в продолжение всей зимы пробирались по снежной пустыне. Весной они прибыли ко двору Батыя, снабдившего их пропуском, и лишь 24 июня 1247 года добрались до Киева.

Карпини с чувством благодарности рассказывает о том, как они были приняты киевлянами: «Киевляне, узнав о нашем прибытии, все радостно вышли нам навстречу и поздравляли нас, как будто мы восстали из мертвых; так принимали нас по всей России, Польше и Богемии».

Таково в общих чертах содержание рассказа Карпини о его путешествии к татарам. Умер этот знаменитый путешественник в Риме в 1252 году.

Спустя шесть лет после возвращения Плано Карпини францисканский монах Г и л ь о м д е Р у б р у к, родом фламандец, был послан к монголам французским королем Людовиком IX. Новое посольство было вызвано следующим обстоятельством: Людовик вел войну с арабами в Сирии, и в то время, как он преследовал их в Сирии, монгольский хан Эркалтай напал на арабов со стороны Персии и таким образом оказал Людовику услугу. Кроме того, разнесся слух, будто татарский хан принял христианство. Желая удостовериться в этом и заручиться новым союзником в борьбе против мусульман, Людовик и решил отправить Рубрука в Монголию.

Весной 1253 года Рубрук и его спутники отправились из города Акка в Константинополь, переплыли Черное море и высадились в порту Салдайя (Судак) на южном берегу Крыма. Здесь монахи купили запряженную четырьмя волами крытую повозку и поехали к низовьям Волги, где была ставка Батыя.

Достигнув пределов Азовского моря, путешественники направились на восток через бесплодные степи Куманской земли, по которой несколько севернее проходил уже Карпини. После утомительного двухмесячного путешествия Рубрук прибыл в лагерь хана Сартака, расположенный на берегу Волги.

Рубрук и его спутники просили доложить Сартаку об их приезде, и тот согласился принять чужестранцев. Облачившись в церковные одеяния, разложив на подушке библию, псалтырь, требник, распятие и кадило, с пением молитв они вошли в палатку Сартака. Сартак с любопытством рассматривал монахов и их одеяние, но в переговоры с ними не вступил, предложив им отправиться к его отцу, хану Батыю. Однако и Батый не захотел вступить в переговоры с посланниками французского ко-

роля, а отослал их к великому хану Мункэ, жившему в Каракоруме.

На пути в Каракорум Рубрук прошел через землю башкир, затем через землю Органа, где лежит озеро Балхаш, и через землю уйгуров, после чего приехал в монгольскую столицу Каракорум, перед которой останавливался Карпини, но не был туда допущен. Этот город, по словам Рубрука, был обнесен земляными стенами, с воротами на каждой из четырех сторон. Дворец великого хана, две мусульманские мечети и один христианский храм составляли главные здания города.

Великого хана в это время не было в столице, и поэтому Рубрук вместе со своими спутниками должен был отправиться в его резиденцию, находившуюся по ту сторону гор, в северной части страны. На следующий день состоялась церемония их представления ко двору хана. Следуя правилу францисканских монахов, они шли босые, причем отморозили себе пальцы на ногах, так как был сильный мороз. Когда татары ввели монахов к Мункэ-хану, они увидели перед собой «курносого человека среднего роста, лежащего на большом диване; на нем была меховая одежда, блестящая, как шкура тюленя». Вокруг Мункэ-хана сидели на шестах соколы и другие птицы. Послам французского короля были предложены разные напитки: арак, кумыс и мед. Но послы воздержались от питья; сам же хан вскоре охмелел, и аудиенция должна была прекратиться.

Рубрук провел несколько недель при дворе Мункэ-хана, где встретил много немецких и французских пленников, которых заставляли выделывать оружие, домашнюю утварь и т. д. После нескольких аудиенций у великого хана Рубрук получил позволение вернуться в Каракорум и там переждать зиму. Во время своего пребывания в Каракоруме Рубрук собрал интересные сведения о китайцах, об их нравах, обычаях, письме и т. д. Затем, покинув монгольскую столицу, он поехал обратно той же дорогой, но, достигнув города Астрахани, расположенного близ устья Волги, направился к югу и через Дербент, Нахичевань, Эрзерум и Малую Азию достиг порта Акка на берегу Средиземного моря.

Читатель видит, что путешествие Рубрука немногим отличается от путешествия Карпини, но описание его менее интересно: фламандский монах не был одарен такой наблюдательностью, какой отличался итальянский францисканец.

Именами Карпини и Рубрука мы можем закончить обзор путешествий, получивших более или менее широкую известность в средние века; однако известность этих путешественников бледнеет и меркнет перед славой венецианца Марко Поло, который справедливо считается самым знаменитым путешественником средневековья.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

МАРКО ПОЛО (1254 — 1324)

I

Почему венецианские купцы были заинтересованы в исследовании Центральной Азии. — Семейство Поло и его общественное положение в Венеции. — Братья Никколо и Маффео Поло. Они отправляются в Константинополь, а затем к двору монгольского императора. — Прием при дворе хана Хубилая. Великий хан назначает их послами к папе. — Возвращение в Венецию. — Марко Поло. — Он отправляется со своим отцом Никколо и дядей Маффео в резиденцию монгольского хана. — Книга Марко Поло, писанная под его диктовку Рустичано.

Венецианские и генуэзские купцы, достигшие в XIII веке торгового могущества на Средиземном море, не могли оставаться равнодушными к исследованиям, предпринимаемым смелыми путешественниками в Центральной Азии, Индии и Китае. Они понимали, что эти страны открывают перед ними новые рынки сбыта и что торговля с Востоком сулит им неисчислимые выгоды. Таким образом, интересы торговли неминуемо должны были вызвать исследования новых стран.

Именно по этой причине два крупных венецианских торговца предприняли путешествие в Восточную Азию. Оба купца принадлежали к семейству Поло, родом из Далмации. Богатство, приобретенное торговлей, поставило семейство Поло в один ряд с дворянскими родами Венеции.

В 1260 году братья Никколо и Маффео Поло, жившие до этого несколько лет в Константинополе, где они вели торговлю, отправились с большой партией товаров в Крым, к своему старшему брату Андреа, имевшему там свою контору. Отсюда Никколо и Маффео взяли путь на северо-восток в страну татар. Проехав Куманскую землю, они прибыли ко двору Берке-хана, который встретил венецианцев очень радушно и купил у них все товары по дорогой цене.

Марко Поло.

Братья Поло прожили целый год в земле Берке-хана, пока между ним и Хулагу-ханом не завязалась в 1262 году война. Не решаясь ехать по странам, разоренным монголами, братья предпочли отправиться в Бухару, главную резиденцию хана Борака, где и прожили три года. Когда Борак был побежден и Бухара покорена, приверженцы Хулагу-хана пригласили венецианцев следовать за ними в резиденцию великого монгольского хана, обещая им со стороны последнего ласковый прием. Этот хан, Хубилай (Кублай) — четвертый сын Чингисхана, — завоевал Южный Китай и был императором Китая. Он находился тогда в своей летней резиденции, в Монголии, на границе Китайского царства.

На путешествие из Бухары в Монголию братья Поло употребили целый год, пробираясь через многочисленные горные хребты Центральной Азии. Хубилай-хан был очень рад приезду венецианцев и с большим интересом расспрашивал их о событиях, происходивших в то время на Западе, о жизни и обычаях западноевропейских народов.

Братья Поло, свободно говорившие на монгольском языке, подробно отвечали на все вопросы хана.

После переговоров с венецианцами Хубилай задумал войти в сношения с Западом и решил отправить посольство к папе, поручив обоим братьям Поло быть его представителями перед папой. Купцы охотно согласились принять на себя эту миссию, облегчавшую им возвращение на родину. Хубилай приказал написать на турецком языке грамоту, в которой просил папу прислать ему сто учителей и ученых. Вместе с венецианцами хан отправил к папе своего приближенного Когатала.

В 1266 году братья Поло отправились в Европу. Но в дороге Когатал заболел, и венецианцы вынуждены были с ним расстаться. После долгих странствований, продолжавшихся три года, в 1269 году они достигли крепости Акка на Средиземном море и здесь узнали, что папа Климентий IV, к которому у них было послание от Хубилая, умер, а новый папа еще не был избран. Находившийся в Акке папский легат велел им дожидаться избрания папы. И тогда братья решили провести время ожидания на родине, где они не были уже пятнадцать лет. Маффео и Никколо отправились в Негропонт (Халкида), где сели на корабль, доставивший их прямо в Венецию.

В дороге Никколо узнал о смерти своей жены и о рождении сына, появившегося на свет через несколько дней после его отъезда, в 1254 году, и названного Марко. Оба брата прожили в Венеции два года, а избрание папы все откладывалось. Братья хорошо понимали всю важность ханского поручения и не сочли возможным откладывать далее возвращение к великому хану. Они снова отправились в Акку, взяв с собой и юного Марко, которому было тогда не более семнадцати лет. В Акке они получили у папского легата письмо к Хубилаю, в котором сообщалось о смерти папы Климента IV. Но едва только они тронулись в путь, как узнали, что папский легат сам был избран папой под именем Григория X. Новый папа приказал гонцам вернуть путешественников с дороги и вручил им грамоты к великому хану, после чего венецианцы вторично отправились в далекий путь.

Здесь, собственно, и начинается путешествие Марко Поло. Посетил ли он в действительности все многочисленные страны и города, которые описывает в своей книге? Конечно, нет. В рассказе, написанном под его диктовку пизанцем Рустичано, прямо

Марко Поло. Рисунок из первого печатного издания
«Книги Марко Поло».

сказано, что «Марко Поло, умный и благородный гражданин Венеции, говорил о том, что видел своими глазами, и о том, чего сам не видел, но слышал от людей, нелживых и верных. И чтобы книга наша была правдива, истинна, без всякой лжи, о виденном станет говориться в ней как о виденном, а слышанное расскажется как слышанное; всякий, кто эту книгу прочтет или выслушает, поверит ей, потому что все тут правда».

Следует заметить, что в большей части упоминаемых им городов Марко Поло действительно бывал. Но во многих случаях все же трудно установить, когда путешественник описывает свои личные впечатления и когда сообщает сведения с чужих слов.

Возвращаясь в Монголию, братья Поло не придерживались

того же самого пути, которым они следовали к великому хану в первый раз. Если прежде они ехали вдоль предгорий северного Тянь-Шаня, что значительно удлинило дорогу, то теперь они прошли более коротким путем — через нынешний Афганистан. Но, несмотря на это, их путешествие в резиденцию Хубилай-хана продолжалось около трех с половиной лет.

Марко Поло вместе со своим отцом и дядей Маффео начал путешествие с Малой Армении,⁴¹ которая характеризуется в его книге как «страна сильно нездоровая». «В старину, — сообщает путешественник, — здешние дворяне были храбры и воинственны; теперь они слабы и ничтожны и только пьянствуют». Большое впечатление произвел на венецианцев находящийся на берегу моря торговый город Лаяс (Аяс) — складочный пункт ценных азиатских товаров и место съезда купцов всех стран.

Из Малой Армении Марко Поло отправился в Туркменскую землю,⁴² жители которой, обладая прекрасными пастбищами, разводят добрых туркменских коней и хороших, дорогих мулов. Горожане занимаются там торговлей и ремеслами. Особенно они славятся производством ковров и шелковых тканей.

Великая Армения,⁴³ которую затем посетил Марко Поло, представляла собой удобное становище для татарской армии. Путешественник упоминает о горе Арарат, где, по библейскому преданию, остановился ковчег Ноя во время всемирного потопа. Интересно сообщение Марко Поло о разработке нефтяных источников, разбросанных по землям, граничащим с Каспийским морем.

Из Великой Армении венецианцы поехали на северо-восток, в Грузию, простиравшуюся по южному склону Кавказа. Предание гласит, — пишет Марко Поло, — что древние цари Грузии рождались «со знаком орла на правом плече». Грузины, по словам путешественника, прекрасные стрелки и хорошие воины. Жители городов выделывают чудесные ткани из шелка и золотых нитей. «Гор, ущелий, крепостей здесь много, и татары не могли подчинить эту страну вполне».

Затем путешественники спустились в королевство Мосул и прибыли в город того же имени, расположенный на правом берегу Тигра; потом они посетили Багдад, где «живет калиф всех в мире сарацин». Марко Поло говорит, что от Багдада лежит путь к берегам Персидского залива и «в страну фиников». Из Багдада венецианские путешественники попадают в Тавриз (Тебриз) — персидский город в провинции Азербайджан.

Тавриз — большой торговый город, лежащий среди прекрасных садов. Тамошние купцы ведут торговлю драгоценными камнями и наживают большую прибыль. «В этих землях злых людей и разбойников много; убийства случаются ежедневно». Вследствие этого купцы находятся под вечным страхом и всегда ездят

вооруженными. Главная торговля страны — лошади и ослы, которых жители отправляют в Кизи и в Курмаз (Ормуз), а оттуда в Индию. Что касается продуктов земледелия, то «пшеницы, ячменя, пшена, всякого хлеба, вина и всяких плодов у них много».

Из Тавриза путешественники снова спустились к югу, до персидского города Язди (Йезд), а затем, проехав семь дней по великолепным, изобилующим дичью лесам, прибыли в провинцию Керман. Здесь, в горах, рудокопы добывают бирюзу и железо. Славится эта страна производством конской сбруи и оружия и воспитанием охотничьих соколов.

Покинув город Керман, Марко Поло и его спутники через девять дней приехали в город Камади (Камадин), окруженный прекрасными рощами финиковых пальм и фишашковых деревьев. Всюду видны были стада рослых и жирных баранов и белых, как снег, с короткими и крепкими рогами быков. Над землей проносились стаи рябчиков и другой дичи. Это изобилие земных благ произвело на путешественников чарующее впечатление.

Продолжая свой путь к югу, Марко Поло достиг плодородной долины Курмаза, нынешнего Ормуза, и затем прибыл к берегам Персидского залива, в город Ормуз. Эта местность, богатая финиками и пряностями, показалась венецианцам очень жаркой и нездоровой. Но, несмотря на это, Ормуз был крупным торговым городом. Сюда, говорит Марко Поло, доставляют из разных мест для продажи драгоценные камни, шелковые и золотые ткани, слоновую кость, финиковое вино и хлеб, а потом вывозят все эти товары на кораблях. Но «суда у них плохие, — замечает путешественник, — и немало их погибает, потому что они не сколочены железными гвоздями, а сшиты веревками из коры индийских орехов».

Из Ормуза Марко Поло, поднимаясь к северо-востоку, отправился опасной дорогой через бесплодную пустыню, в которой попадает лишь горькая стоячая вода, и спустя семь дней достиг города Кобинана (Кухбенан). Продолжая путешествие, Марко Поло встретил в горах асасинов, мусульман-сектантов, во главе которых стоял старшина, называемый «горным старцем». Асасины отличались религиозным фанатизмом и страшной жестокостью по отношению к иностранцам, но Марко Поло и его спутникам удалось благополучно миновать владения «горного старца».

Дальше путь Марко Поло пролегал через город Сапурган (Шибарган), где «дыня слаще меда» и водятся в изобилии всякие звери и дичь; потом он прибыл в Тайкан (Таликан — на северо-востоке Афганистана) — город, известный своими соляными промыслами. «Славная страна, — говорит Марко Поло: — К югу высокие горы, и во всех есть соль, отовсюду, за тридцать миль

вокруг, приходят за этой самой лучшей в свете солью. Соль твердая, ломают ее большими железными заступами, и так ее много, что хватит на весь свет до окончания мира... В этой местности попадалось много дикобразов, которые, когда за ними охотились, — говорит Марко Поло, — скупивались все вместе и подставляли собакам свои иглы, сидящие у них в большом количестве на спине и на боках».

Далее путешественники вступили в область Шесмюр (Кашмир), страну с умеренным климатом, где много городов и селений, «есть леса и пустыни, а укрепленных проходов столько, что народ никого не боится, живет самостоятельно».

Если бы Марко Поло держался прежнего направления, он приехал бы в Индию. Но он поднялся отсюда на север и через двенадцать дней прибыл в землю Ваханскую, орошаемую верхним течением Аму-Дарьи и изобилующую прекрасными пастбищами, на которых пасутся громадные стада диких баранов. Затем, через гористые пустыни Памира, после сорокадневного мучительного перехода, путешественники достигли провинции Кашгар. Теперь они очутились в стране, где уже раз были Маффео и Никколо Поло, во время своего первого путешествия из Бухары в резиденцию великого хана. Из Кашгара Марко Поло повернул на запад с целью посетить Самарканд, большой город, населенный христианами и сарацинами. Затем, возвратившись опять в Кашгар, он направился в Яркан (Яркент) — город, посещаемый караванами, ведущими торговлю между Индией и северной Азией; далее, проехав город Хотан — столицу большой области того же названия, — Марко Поло достиг границы великой пустыни Такла-Макан.

После пятидневного путешествия по песчаной и безводной равнине он прибыл в город Лоб; здесь венецианцы отдыхали восемь дней, готовясь к переходу через пустыню, простирающуюся на восток.

«А пустыня та, скажу вам, великая: в целый год, говорят, не пройти ее вдоль; да и там, где она уже, еле-еле пройти в месяц. Всюду горы, пески да долины; и нигде никакой еды. Как пройдешь сутки, так найдешь довольно пресной воды; человек на пятьдесят или на сто хватит ее; так по всей пустыне: пройдешь сутки и найдешь воду. В трех—четыре местах вода дурная, горькая, а в других хорошая, всего двадцать восемь источников. Ни птиц, ни зверей тут нет, потому что нечего им там есть.

Но есть там вот какое чудо: едешь по той пустыне ночью, и случится кому отстать от товарищей, поспать или за другим каким делом, и как станет тот человек нагонять своих, слышит он говор духов, и почудится ему, что товарищи зовут его по имени, и зачастую духи заводят его туда, откуда ему не

выбраться, так он там и погибает. И вот еще что, и днем люди слышат голоса духов, и чудится часто, точно слышишь, как играют на многих инструментах и словно на барабане.

Так-то вот, с такими трудностями переходят через пустыню». ⁴⁴

Через месяц путешественники пересекли эту пустыню поперек и прибыли в провинцию Тангут, в город Шачжоу (теперь Дуньхуа), построенный на западной границе Китайской империи. Более всего Марко Поло был поражен обычаем тангутов не сжигать своих мертвецов до того дня, который назначен для погребения астрологами. «Да вот еще что: родные покойника из того же дома во все дни, пока он в доме, кормят его; приносят питье и еду, точно как бы живому, ставят перед ящиком, где тело, и оставляют до тех пор, пока мертвец, как они думают, не наестся».

Выбравшись из пустыни, Марко Поло со своими спутниками направился к северо-востоку, к городу Камул (Хами) и добрался оттуда до области Гингинталас, на краю пустыни, населенной идолопоклонниками, магометанами и христианами-несторианцами. Следует заметить, что у географов нет единого мнения относительно местоположения этой области. Из Гингинталаса Марко Поло возвратился в Шачжоу и отправился по прежней дороге, через Тангут, в город Суктан (теперь Цзюцюань), в окрестностях которого разводят в больших количествах ревень, и далее в город Канпичион (теперь Чжанье, в центральной части китайской провинции Ганьсу) — тогдашнюю столицу тангутов. Это «большой, величественный город», в котором живут знатные и богатые идолопоклонники, имеющие по многу жен. Три венецианца прожили целый год в этом большом городе. Благодаря тому, что они делали такие продолжительные остановки и часто возвращались в одни и те же места, их путешествие по внутренней Азии продолжалось три года.

Покинув Чжанье, Марко Поло ехал верхом двенадцать дней, после чего прибыл на границу песчаной пустыни, в давно уже не существующий город Езину (Эдзина). Таким образом, он опять подался в сторону, так как поехал на север; но ему непременно хотелось посетить Каракорум, эту знаменитую столицу Монголии, в которой жил Рубрук в 1254 году.

Любознательный Марко Поло не останавливался ни перед какими трудностями и опасностями, когда дело касалось осмотра неизвестных ему мест. Чтобы ознакомиться с Каракорумом, он пустился в сорокадневный переход через безлюдную пустыню Гоби и потом — на обратном пути — вторично пересек ее из конца в конец.

Марко Поло мало говорит о самом Каракоруме, ограничиваясь

главным образом передачй исторических и легендарных сведений о Монгольской империи и о походах Чингисхана.

Еще раз возвратившись в Шачжоу, Марко Поло направился оттуда к юго-востоку, чтобы посетить город Фингуи (теперь Синин, центр провинции Цинхай). В этой стране паслись дикие быки — яки, огромные, «со слона, на вид очень красивые», и встречались драгоценные животные — кабарги, дающие мускус.

Далее венецианцы проехали через провинцию и большой торговый город Сендук (Тендук) и, перебравшись через Великую китайскую стену, прибыли в Чиаганнор (во внутренней Монголии), где находился один из летних дворцов великого хана. «Много здесь озер и рек, и много судов по ним плавают; есть здесь прекрасная равнина, где много журавлей, фазанов, куропаток и всяких других птиц. И вот оттого, что много тут птиц, великий хан любит здесь жить; живет он там в свое удовольствие: охотится с соколами да кречетами, ловит много птиц, пирует и веселится».

Наконец Марко Поло, его отец и дядя, покинув Чиаганнор, приехали через три дня в Чианду (Шанду, к северу от Великой стены), и там путешественники были приняты великим ханом Хубилаем, жившим в своей летней резиденции, расположенной за «Великой стеной» к северу от Ханбалыка (Пекина).

Марко Поло мало говорит о приеме, оказанном венецианцам Хубилаем, но очень подробно описывает дворец великого хана, выстроенный из камня и мрамора и весь вызолоченный внутри. Дворец помещался в парке, окруженном стеною; там были собраны всякие звери и птицы, били фонтаны, повсюду стояли беседки из бамбука. В летнем дворце хан Хубилай жил по три месяца в году: июнь, июль и август.

«Чуть не забыл рассказать вам о чуде, — добавляет Марко Поло: — Когда великий хан живет в своем дворце и пойдет дождь, или туман падет, или погода испортится, мудрые его звездочеты и знахари колдовством да заговорами разгоняют тучи и дурную погоду около дворца; повсюду дурная погода, а у дворца ее нет».

Кажется, венецианский путешественник не сомневается в могуществе этих чародеев. Он верит, что при помощи своего «дьявольского колдовства» чародеи-идолопоклонники способны творить всевозможные чудеса. «Бакши (буддийские знахари), о которых я вам рассказывал, — говорит путешественник, — по правде, знают множество заговоров и творят вот какие великие чудеса: сидит великий хан в своем главном покое, за столом; стол тот повыше осьми локтей, а чаши расставлены в покое, по полу, шагах в десяти от стола; разливают по ним вино, молоко и другие хорошие питья. По наговорам да по колдовству этих ловких

Великий хан Хубилай принимает венецианских купцов.

знахарей-бакши полные чаши сами собою поднимаются с полу, где они стояли, и несутся к великому хану, а никто к тем чашам не притрагивался. Десять тысяч людей видели это: истинная то правда, без всякой лжи. В некромантии ⁴⁵ сведущие скажут вам, что дело то возможное».

Затем Марко Поло приводит биографические сведения о хане Хубилае и говорит, что он владеет таким количеством земель и сокровищ, каким не владел ни один повелитель на земле, «от времен Адама, нашего предка».

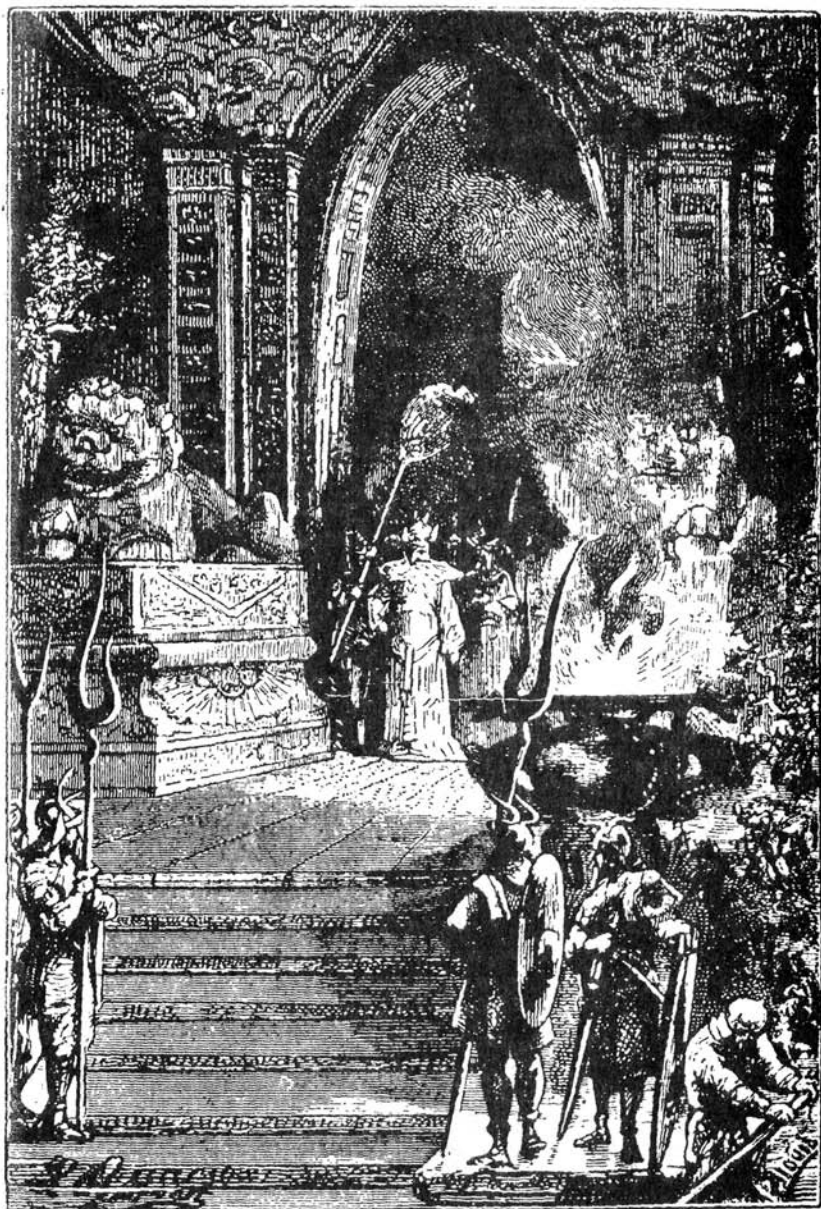
«Происходит он, знайте, — сообщает Марко Поло, — по прямой царской линии от Чингисхана, и только тот, кто происходит по прямой линии от Чингисхана, может быть государем всех татар. Хубилай-хан — шестой великий хан, это значит шестой великий государь всех татар. Получил он государство в 1256 г. по р. Х., в том году он начал царствовать».

Вместе со двором хана Хубилая путешественники переехали затем в столицу империи Ханбалык (Пекин), где находился великолепный дворец хана. Марко Поло подробно описывает в своей книге и этот ханский дворец; мы приводим здесь это описание, чтобы читатели могли судить о той роскоши, какой окружали себя монгольские владыки.

«Три месяца в году, декабрь, январь и февраль, великий хан живет в главном городе Катая (Китай) Ханбалыке; там его большой дворец, и вот он каков: прежде всего квадратная стена; каждая сторона — миля в длину, а в округе, значит, четыре мили; стена толстая, в высоту добрых десять шагов, белая и кругом зубчатая; в каждом углу по красивому, богатому дворцу; в них хранится сбруя великого хана, луки, колчаны, седла, конские узды, тетивы, все, что нужно на войне; есть еще по дворцу у каждой стены, такие же, как угóльные; всего по стенам восемь дворцов, и во всех сбруя великого хана; в каждом, знайте, одно что-нибудь: в одном луки и ничего иного, в другом только одни седла, и так в каждом одно что-нибудь. В стене на юг пять ворот; посредине большие, открываются только, когда великий хан выезжает или въезжает; после них с двух сторон по воротам; ими входят все прочие люди; а по углам есть еще по большим воротам, ими входит всякий.

За стеной этой есть другая, в поперечнике поменьше, нежели в длину; и тут восемь дворцов, таких же, как и первые, и в них также хранится сбруя великого хана. На юг в этой стене, как и в первой, пять ворот; и по углам ворота — так же, как и там.

Посредине дворец великого хана, выстроен он вот как: такого больше нигде не видано; второго этажа нет, а фундамент над землей десять пядей; крыша превысокая. Стены в больших и в малых покоях покрыты золотом и серебром, и разрисованы по ним

Дворец великого хана в Пекине.

драконы, птицы, кони и всякого рода звери, и так-то стены покрыты, что, кроме золота и живописи, ничего не видно. Зала такая просторная, более шести тысяч человек может там быть.

Диву даешься, сколько там покоев, просторных и прекрасно устроенных, и никому в свете не выстроить и не устроить покоев лучше этих. А крыша красная, зеленая, голубая, желтая, всех цветов, тонко да искусно выложена, блестит, как кристальная, и светится издали, кругом дворца. Крыша эта, знайте, крепкая, выстроена прочно, простоят многие годы.

Между первой и второй стеной — луга и прекрасные деревья, и всякого рода звери; есть тут и белые олени, и зверьки с мускусом (мускусная кабарга), антилопы и лани и всякие другие красивые звери; и за стенами только по дорогам, где люди ходят, их нет, а в других местах и там много красивых зверей.

В северо-западном углу большое озеро и много там разных рыб. Великий хан велел напустить туда рыб, и всякий раз, когда захочется ему рыбы, — сколько нужно, там и есть. Берет там начало и вытекает из озера, скажу вам, большая река; рыбе выход железными и стальными сетями загорожен.

От дворца на север, скажу вам, на один выстрел из лука великий хан приказал устроить холм. Холм в высоту сто шагов, а в округе тысячу; весь он покрыт деревьями; они всегда в зелени, никогда не бывают без листьев. Когда кто великому хану расскажет о каком-нибудь красивом дереве, он приказывает вырыть то дерево с корнями и с землей и на слонах привезти к тому холму; как бы велико ни было дерево, его привозят, и самые красивые в свете дерева тут. Холм этот великий хан приказал покрыть лазуриком (дерном) зеленым; и дерева тут зеленые, и гора зеленая, и все зеленое, и зовется возвышенность Зеленым холмом. На вершине посредине — дворец, большой, красивый и весь зеленый. Так это все — и гора, и деревья, и дворец — с виду прекрасно, смотришь, и сердце веселится. Для того-то и устроил все это великий хан, чтобы было на что порадоваться».

Марко Поло упоминает также о дворце сына и наследника великого хана, а затем описывает Ханбалык. Старый город отделен от нового города — Тайду — каналом, разделяющим и современный Пекин на две части.

Далее путешественник сообщает любопытные подробности об образе жизни великого хана. По его словам, хан Хубилай «ради важности держит около себя охрану из двенадцати тысяч всадников». Обеды хана совершаются с разными церемониями и подчинены строгому этикету. За своим столом, возвышающимся над всеми остальными, он сидит на северной стороне, лицом на юг. По левую сторону от него сидит старшая жена, а по правую — сыновья, племянники и родичи, так что «головы их приходится

Великий хан Хубилай.
Китайский рисунок XIII века.

у ног великого хана». Прислуживают ему знатные лица, у которых нос и рот прикаты золотой тканью, «чтобы дух и запах не касались пищи и питья великого хана». Когда хан собирается пить, раздаётся музыка, а когда берет в руки чашу — знать и все присутствующие смиренно преклоняют колена.

Великий хан устраивает ежегодно два больших праздника: в день своего рождения и в день нового года. На первом празднике он дарит двенадцати тысячам придворных сто пятьдесят тысяч парчовых одежд, отделанных жемчугом и драгоценными камнями. На втором празднике все подданные — мужчины и женщины — облачаются в белые одежды, так как белый цвет есть символ счастья, и «весь народ, все страны, области и царства и все, у кого от великого хана земли в управлении, приносят ему большие дары, золото и серебро, жемчуг и драгоценные камни, множество дорогих белых тканей». В этот день великий хан получает, кроме всего прочего, сто тысяч лошадей, покрытых великолепными попонами, пять тысяч слонов, украшенных тканями и дорожками сукнами и нагруженных царской посудой, и великое множество верблюдов.

В течение трех зимних месяцев, пока хан остается в своей зимней резиденции, все богатые люди, живущие на шестьдесят дней ходьбы в округности, обязаны приносить ему кабанов, оленей, антилоп, ланей, медведей. Впрочем, Хубилай и сам страстный охотник и содержит великолепный охотничий двор. У него имеются львы, леопарды и волки, отлично выдрессированные для ловли диких зверей; орлы такие сильные, что охотятся

очень удачно за лисицами, антилопами и ланями и, наконец, сотни свор охотничьих собак. Когда великий хан отправляется на охоту, его сопровождает не менее десяти тысяч ловчих с собаками, кречетами, ястребами и священными соколами. Во время охоты за великим ханом следует передвижной дворец, установленный на четырех попарно связанных слонах и обтянутый снаружи львиными шкурами, а внутри — золотыми тканями.

Охотники продвигаются до селения Качар Модун, где уже расставлены палатки и шатры на десять тысяч человек. В роскошно убранном шатре Хубилая может поместиться одновременно тысяча всадников. Здесь он живет до весны, охотясь за зверями и птицами, а затем возвращается в свою столицу Ханбалык.

Подробно описывая этот город, Марко Поло перечисляет двенадцать предместий, которые богатые купцы застроили своими прекрасными дворцами. Ханбалык ведет оживленную торговлю со многими странами. «Ни в какой другой город в свете не свозится столько дорогих и богатых вещей». Каждый день приезжает сюда более тысячи телег с шелком. Из Индии сюда привозят драгоценные камни, жемчуг и всякие дорогие вещи. В Ханбалык сходятся люди за покупками со всех сторон, за много сотен миль.

Далее Марко Поло сообщает, что для более успешного хода торговли великий хан приказал учредить «монетный двор», служащий для него неиссякаемым источником доходов. Ханская монета — всего-навсего кусочек картона с императорской печатью. Картон, выделанный из коры тутового дерева, разрезается на кусочки разной величины, смотря по стоимости «монеты». Великий хан пользуется такими деньгами для всех своих платежей и распространяет их во всех подвластных ему странах, «и никто не смеет, под страхом смерти, их не принимать». Кроме того, обладатели драгоценных камней, жемчуга, золота или серебра обязаны по нескольку раз в год приносить свои сокровища на монетный двор, где получают взамен бумажные деньги, так что великий хан владеет всеми сокровищами своей империи.

По описанию Марко Поло, система управления в Китае подчинена строгой централизации. Все царство разделено на тридцать четыре провинции, которые управляются подчиненными хану князьями, живущими в Ханбалыке; при дворцах этих князей живут чиновники, ведающие делами каждой провинции. От столицы расходятся лучами во все концы империи хорошие шоссейные дороги; по этим дорогам на расстоянии двадцати двух миль одна от другой устроены почтовые станции, и на каждой станции всегда стоят наготове от трехсот до четырехсот лошадей для ханских посыльных и чиновников; кроме того, между станциями, через каждые три мили, находятся поселки, приблизительно в сорок домов; там живут гонцы великого хана, «и испол-

няют они службу вот как: у них большие пояса с колокольчиками, для того чтобы издали слышно было, как они бегут; бегут они вскачь не более трех миль, а через три мили стоит смена; издали слышно, что гонец идет». Гонец отдает поручение соседнему скоходу, и тот бежит дальше, до следующего поста. Таким образом, великий хан уже через сутки получает известия из мест, лежащих в десяти днях пути. Такой способ сообщения обходится Хубилаю очень дешево, так как ханские гонцы вместо жалованья должны довольствоваться освобождением от налогов. Что же касается лошадей, то последние находятся на содержании у жителей провинции и тоже не доставляют чиновникам никаких забот.

Дороги в Монгольской империи содержатся в образцовом порядке; они обсажены высокими деревьями, которые видны на далеком расстоянии. Благодаря обилию лесов, жители не испытывают недостатка в дровах и, кроме того, «по всей области Китай есть черные камни; выкапывают их в горах, как руду, и горят они, как дрова. Огонь от них сильнее, нежели от дров, он продержится во всю ночь до утра. Жгут эти камни, потому что и дешево, да и деревья сберегаются».

Марко Поло прожил в Ханбалыке довольно долго. Он очень понравился великому хану своим живым умом, сметливостью и способностью легко усваивать местные наречия. Вследствие этого Хубилай давал Марко Поло различные поручения и посылал его не только в разные области Китая, но и в Индийские моря, на остров Цейлон, на Коромандельские и Малабарские острова и в Кохинхину (Индо-Китай). В 1280 году Марко Поло был назначен правителем города Янгуй (Янчжоу) и еще двадцати семи городов, входивших в эту область. Выполняя поручения великого хана, Марко Поло объехал большую часть Китая и передал в своей книге много сведений, ценных и в этнографическом, и в географическом отношении. К описанию этих путешествий Марко Поло мы теперь и перейдем.

II

Река Хуанхэ. — Таян-фу (Тайюань). — Тибет. — Каражан (Юньнань). — Зердендан. — Баошань. — Мян (Мяньнин). — Кангизу. — Толоман. — Кунгуи. — Качиан-фу (Хэцзян). — Манзи. — Янгуи (Янчжоу). — Приморские города. — Саин-фу (Янфэнь). — Кинсай (Ханчжоу). — Фути (Фуцзянь). — Зайтон (Цюаньчжоу).

Великий хан дал Марко Поло поручение и отправил его гонцом на запад. Оставив Ханбалык, он шел в этом направлении четыре месяца. Позже он рассказал в своей книге «все, что он видел, идя туда и назад».

Прежде всего он описывает переправу через большую реку Пулисангинз (Хуанхэ). Он переехал ее по прекрасному каменному мосту с двадцатью четырьмя арками, имеющему триста шагов в длину. «В целом свете, — говорит Марко Поло, — нет такого хорошего моста». Проехав тридцать миль, путешественник вступил в большой и красивый город Жиги (Чжосянь), где выделывают шелковые и золотые ткани и с большим искусством обрабатывают сандаловое дерево. Продвигаясь дальше на запад, Марко Поло через десять дней достиг области Таян-Фу (Тайюань), изобилующей виноградниками и тутовыми деревьями. «Тутовых деревьев по всей стране много; это те деревья, чьи листья едят шелкоочные черви», — сообщает он в своей книге, не забывая всякий раз упоминать о производстве шелковых тканей в городах, через которые ему приходилось проезжать.

И вот, наконец, проехав через весь Китай, путешественник добрался до Тибета. Это гористая страна, изрезанная долинами. По словам Марко Поло, там водятся в большом количестве львы,⁴⁸ медведи и другие хищные животные, от которых путешественникам было бы трудно защищаться, если бы там не рос изобилии бамбук. Купцы и путешественники, проезжающие ночью по этой стране, зажигают бамбук, который при горении сильно трещит, и этот треск отпугивает зверей. «Лошади, как слышат его, с непривычки пугаются сильно, рвут недоузки и привязи, да и убегают. Случается это часто. Непривычным к треску лошадям завязывают глаза и спутывают все четыре ноги, так что, хоть и слышат великий шум, да бежать-то не могут. Вот так-то, как я вам рассказывал, люди берегут и себя, и свой скот от львов, медведей и других хищников; а их здесь многое множество».

Согласно Марко Поло, Тибет — очень большая область, народ которой говорит на своем особом наречии и поклоняется идолам. Через Тибет протекают золотоносные реки. Хорошо здесь родится корица и «много здесь таких пряностей, которых и не видели в наших странах».

Покинув Тибет, Марко Поло направился в область Гаинду (Цюндзы) и оттуда, переправившись через большую реку Цзиньшацзын (по-видимому, Янцзы) — достиг Каражана (ныне провинция Юньнань). Поло говорит, что жители этой страны употребляют в пищу сырое мясо баранов, буйволов и быков. Это общеупотребительная пища всех сословий, только богатые сдобряют ее чесноком и разными пряностями.

Водятся в этой стране «большие ужи и превеликие змеи. Всякий, глядя на них, дивится, и препротивно на них смотреть. Вот они какие, толстые да жирные: иной, поистине, в длину десять шагов, а в обхват десять пядей; то самые большие. Спереди, у головы, у них две ноги, лапы нет, а есть только когти, как у

Мост через реку Хуанхэ. Рисунок из первого печатного издания «Книги Марко Поло».

сокола или как у льва. Голова превеликая, а глаза побольше булки. Пасть такая большая, сразу человека может проглотить. Зубы у них большие, и так они велики да крепки, нет ни человека, ни зверя, чтобы их не боялся». Судя по описанию, речь здесь идет о китайском аллигаторе (крокодиле), но размеры его сильно преувеличены.

От Каражана, направляясь на юг, Поло вступил в провинцию Зердендан, столица которой Ночиан находилась на месте нынешнего города Юнчан-фу. «У здешних людей, — говорит путешественник, — зубы золоченые; всякий зуб покрыт золотом, они делают золотые слепки с зубов и надевают их на верхние и нижние зубы». Мужчины здесь живут, «как рыцари»: «ходят на войну да на охоту, а других дел не делают». Все тяжелые работы являются уделом женщин и рабов. У зерденданцев нет ни идолов, ни храмов, они только поклоняются старшему в роде, то есть предку или патриарху. Производят они между собой расчеты с помощью зарубок на кусочке дерева. Врачей у них нет, но есть знахари и колдуны, которые прыгают, танцуют и играют на инструментах около больного, пока тот не умрет или не выздоровеет.

Из провинции золотозубых людей Марко Поло, следуя по большой дороге, служащей торговым трактом между Индией и Индо-Китаем, проехал область Баошань (в провинции Юньнань)

и после пятнадцатидневного путешествия верхом на лошади по лесам, изобилующим слонами, «единорогами» и другими дикими животными, достиг города Мян (Мяньнин). Город Мян, давно уже разрушенный, славился в то время чудом архитектурного искусства: двумя башнями, сложенными из прекрасного камня. Одна была покрыта золотыми листами в палец толщиной, а другая — серебряными. Обе эти башни должны были служить надгробным памятником царю Мяна, но его царство пало и вошло в состав владений великого хана.

Посетив эту провинцию, Марко Поло спустился до Бангалы (Бенгал), нынешней Бенгалии, которая в то время, в 1290 году, еще не была захвачена ханом Хубилаем. Но войска хана были тогда уже заняты покорением этой страны, очень плодородной, богатой хлопком, имбирем, сахарным тростником.

Оттуда путешественник направился к востоку, в город Кангигу (по-видимому, в Северном Лаосе) — главный город провинции того же названия. Жители там татуируют свое тело, накалывая иглами на лице, шее, животе, руках и ногах изображения львов, драконов и птиц; человек со сплошной татуировкой на теле считается красивейшим из смертных.

Южнее Кангигу Марко Поло во время этого путешествия не заходил. Отсюда он поднялся к северо-востоку и через пятнадцать дней пути приехал в провинцию Толоман (на границе нынешних провинций Юньнань и Гуйчжоу). Там он нашел красивых людей со смуглым цветом кожи; это были храбрые воины; жили они на высоких и неприступных горах.

Покинув Толоман, Марко Поло следовал двенадцать дней вдоль реки, на берегах которой часто встречались большие города и селения, и прибыл в провинцию Кунгуи, находившуюся в границах владений великого хана; в этой стране Марко Поло был поражен обилием диких зверей, особенно кровожадных львов.

«Львов тут так много, — говорит он, — что никто не отваживается спать ночью не в доме, оттого что львы его съедят. Скажу вам еще, когда кто плывет по реке и на ночь не остановится, да заснет не очень далеко от берега, так лев добирается до лодки, схватит человека, убежит, да и сожрет его. Беречься от львов тут умеют; а львы тут очень большие и страшные».

На львов в этой стране охотятся с двумя собаками. Пока собаки кусают льва, охотник мечет в него стрелы. «С одним всадником да двумя собаками льву не справиться», — заключает Марко Поло. Впрочем, комментаторы полагают, что в действительности речь может идти не о львах, а о тиграх, так как в Китае львы не водятся.

Из этой провинции Марко Поло направился в Качиан-фу

(Хэцзян), откуда вышел на уже знакомую ему дорогу, которая привела его обратно к хану Хубилаю.

Через некоторое время Марко Поло, с новым поручением от великого хана, совершил еще одно путешествие на юг Китая.

Прежде всего, он посетил большую область Манзи (Центральный и Южный Китай), которой, до того, как ее покорил хан Хубилай, управлял миролюбивый китайский государь Факфур, избегавший жестоких войн и кровопролитий. Марко Поло приводит легенды о доброте и справедливости этого кигайского царя, побежденного монголами.

«Расскажу вам об его добрых делах. Ежегодно кормил он двадцать тысяч малых детей; делалось это вот как. В здешнем царстве бедные женщины бросают детей, только что они рождаются, потому что кормить их нечем, а царь приказывал их брать и записывать — под каким знаком, под какою планетою ребенок родился, — а потом приказывал их воспитывать в разных местах, в разных странах, кормилиц у него много было. У кого из богатых детей не было, шел тот к царю и просил у него детей столько, сколько желал и какие ему нравились. Когда дети приходили в возраст, царь их женил и давал им на прожитие. И воспитывал он в год двадцать тысяч мужчин и женщин.

Делал царь и вот еще что. Случалось ему ехать по дороге и завидеть домишко между двух высоких и красивых домов; тотчас же спрашивал он, почему домишко такой невзрачный; отвечали ему, что маленький домик бедного человека, и не может тот построить иного дома; приказывал тут же царь, чтобы перестроили домишко таким же красивым и высоким, как и те два, что рядом с ним.

Более тысячи юношей и девиц прислуживали этому царю. Правил он по справедливости и никому зла не делал. Дома купцов и на ночь не запирались, и ничего не пропадало. Ночью без всякой опаски, все равно, что днем, можно было ходить».

В провинции Манзи Марко Поло посетил город Коигангуи, нынешний Хуайан, расположенный на берегах реки Хуанхэ. Жители этого города занимаются добыванием соли из соляных озер. Затем, продвигаясь все дальше к югу, путешественник посетил один за другим несколько торговых городов: Паншин (Баоин), Каиу (Гаю), Тигуи (Тайчжоу) и, наконец, Янгуи (Янчжоу).

В городе Янгуи Марко Поло на протяжении трех лет был губернатором. «Народ тут торговый и промышленный, — говорит он, — работают сбрую для конных воинов. Скажу вам по правде, много воинов в этом городе и кругом». Однако Марко Поло и в этот период не оставался долго на одном месте. Продолжая ездить по стране, он внимательно изучал приморские и внутренние города.

Прежде всего путешественник побывал в городе Нангхине (Аньцин), который не следует смешивать с нынешним Нанкином. Он расположен в чрезвычайно плодородной провинции. «Богатых купцов тут изрядно; платят они большую подать, и великому хану от них большой доход».

Потом Марко Поло описывает в своей книге город Саинфу (Янфэн), лежащий в северной части провинции Хэбэй. Это был последний город области Манзи, сопротивлявшийся Хубилаю уже после того, как вся область была покорена. Великий хан осаждал город в течение трех лет и овладел им благодаря содействию трех венецианцев Поло, состоявших у него на службе. «Говорили тут два брата и сын, господин Марко: «Великий государь, есть у вас мастера, пусть сделают они такие снаряды, что большие камни бросают, не выдержит этот город; станут машины бросать камни, тут он и сдастся». Были построены метательные машины — баллисты, разгромившие город градом камней, из которых многие достигали трехсот фунтов.

Из всех городов южного Китая наибольшее впечатление произвел на Марко Поло «величественный город» Кинсай (Ханчжоу). Он имеет шесть лье⁴⁸ в окружности, расположен на судоходной реке Цяньтанцзян, образующей бесчисленные рукава и разветвления. По словам Марко Поло, «двенадцать тысяч каменных мостов в нем, а под сводами каждого моста или большей части мостов суда могут проходить, и под сводами иных — суда поменьше. Не удивляйтесь, что мостов тут много; город, скажу вам, весь в воде, и кругом вода; нужно тут много мостов, чтобы всюду пройти».

В этом городе — десятки тысяч ремесленников, снабжающих своими изделиями разные города и области Китая. Много здесь богатых купцов, которые «собственными руками ничего не делают, живут в таком довольстве и так чисто, словно цари».

Во дворце бывшего властителя Манзи помещается резиденция «великого царя», управляющего областью от имени великого хана Хубилая.

Дворец славится своим великолепием. «Двадцать там больших и совсем одинаковых зал; а велики они так, что десять тысяч человек могут тут пообедать за одним столом, и все они роскошно убраны золотом. Во дворце, скажу вам, тысяча красивых и просторных покоев; есть где и поспать и поесть». Дворец окружен прекрасными озерами, садами, фонтанами.

Великий хан извлекает из области Манзи громадные доходы, источником которых служат соль, сахар, пряности и шелк, поставляемые в изобилии этой страной.

В книге Марко Поло можно найти также описание царства Фуги (Фуцзянь) с главным городом того же названия. Здесь,

Марко Поло в тропическом лесу.

Вероятные маршруты

Марко Поло

по словам путешественника, часто бывают бунты населения против монгольского владычества: «где случится бунт, туда идут эдешние войска, возьмут город и разорят его; поэтому-то в городе много войск великого хана».

Недалеко от города Фуги расположен большой порт Кайтон, ведущий оживленную торговлю с Индией.

Отсюда, после пяти дней пути, Марко Поло прибыл в город Зайтон (Цюаньчжоу) — самый дальний пункт в его путешествии по юго-восточному Китаю.

III

Япония. — Отъезд троих Поло с дочерью Хубилай-хана и с персидскими посланниками. — Зайтон. — Ява. — Суматра. — Цейлон. — Коромандельский берег. — Малабарский берег. — Оманский залив. — Остров Скотра (Сокотра). — Мадагаскар. — Занзибар и африканский берег. — Абиссиния. — Аденский залив. — Ормуз. — Возвращение в Венецию. — Празднества в доме Поло. — Марко Поло — пленник генуэзцев. — Смерть Марко Поло.

Марко Поло, благополучно завершив свое путешествие, снова возвратился ко двору хана Хубилая. После этого он продолжал выполнять разные его поручения, пользуясь своим знанием монгольского, турецкого, маньчжурского и китайского языков. Он принял участие в экспедиции на Индийские острова и впоследствии составил отчет о плавании по этим, тогда еще мало известным, морям.

В книге Марко Поло мы находим также различные подробности об островах Чипангу (Японии), но нельзя сказать с уверенностью, побывал ли он сам в этой стране. Япония славилась в то время своими богатствами, и около 1264 года, за несколько лет до прибытия Марко Поло к монгольскому двору, хан Хубилай пытался ее покорить. Его флот благополучно достиг Японии и уже завладел было одной крепостью, защитники которой были все перебиты, как вдруг налетела страшная буря и рассеяла монгольские корабли. Многие из них затонули, а уцелевшие вернулись ни с чем. Рассказывая об этой экспедиции, Марко Поло сообщает попутно то, что ему было известно об обычаях и нравах японцев.

В продолжение одиннадцати лет, не считая времени, потраченного на путешествие из Европы в Китай, Марко Поло, его отец Никколо и дядя Маффео оставались на службе у великого хана. Они стосковались по родине и хотели вернуться в Европу, но Хубилай не соглашался их отпустить. Венецианцы оказали ему много ценных услуг, и он предлагал им всевозможные дары и почести, чтобы удержать при своем дворе. Тем не менее,

венецианцы продолжали настаивать на своем, рискуя вызвать гнев великого хана. Неожиданно им помогла счастливая случайность.

Монгольский хан Архун, царствовавший в Персии, прислал к великому хану послов, которым поручено было просить для Архуна в жены дочь Хубилая. Хубилай согласился отдать за него свою дочь и решил отправить невесту с большой свитой и богатым приданым в Персию, к Архуну. Но страны, лежавшие на пути из Китая в Персию, были охвачены восстанием против монгольского владычества и ехать по ним было не безопасно. Через некоторое время караван вынужден был повернуть обратно.

Послы персидского хана, узнав о том, что венецианцы искусные мореплаватели, стали просить Хубилая доверить им «принцессу»: послы хотели, чтобы венецианцы доставили ее в Персию кружным путем, по морю, что было не так опасно.

Хубилай-хан после долгих колебаний уступил этой просьбе и приказал снарядить флот из четырнадцати четырехмачтовых кораблей и снабдить экипаж запасами на два года. На некоторых судах помещалось до двухсот пятидесяти человек. Маффео, Никколо и Марко Поло возглавили экспедицию, которая находилась в пути более трех лет. Марко Поло посетил многие страны, в то время почти не известные, и подробно рассказал в своей книге обо всем, что ему довелось увидеть или услышать.

В 1291 году монгольский флот покинул порт Зайтон (Цюаньчжоу), где Марко Поло был уже однажды во время своего путешествия по южному Китаю. Отсюда он направился к обширной стране Чианба (Чамба, одна из областей нынешнего Вьетнама), которая была подчинена великому хану и поставляла ему ежегодно в виде дани определенное количество слонов.

Далее ханский флот направился к острову Ява, который Хубилай «никак не мог захватить, оттого, что путь сюда далек, да и плавание опасно». Здесь произрастали в изобилии перец, мускатный орех, гвоздика и другие пряности, служившие жителям главным источником обогащения.

После стоянки на островах Сендур и Кондор (у берегов Камбоджи), Марко Поло достиг острова Суматры, который он называет Малой Явой. «Остров этот простирается так далеко на юг, что полярная звезда совсем невидима, ни мало, ни много», — говорит он. И это соответствует действительности для жителей южной части Суматры. Земля здесь удивительно плодородна, «богатств и всяких пряностей тут много», водятся на острове дикие слоны и носороги, которых Марко Поло называет единорогами, и «маленькие обезьяны с человеческим лицом».

Дурная погода задержала флот на целых пять месяцев, и пу-

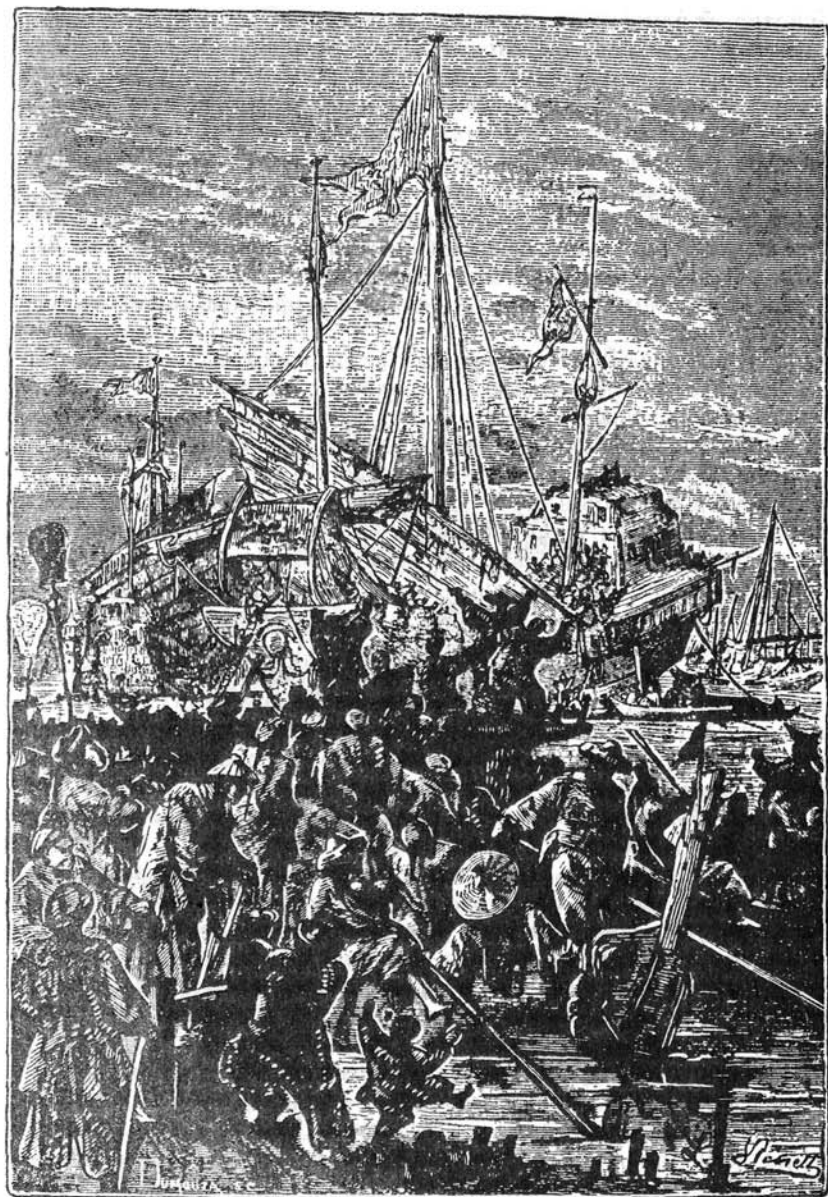
тешественник, воспользовавшись случаем, посетил главные провинции острова. Особенно его поразили саговые деревья: «Кора у них тонкая, а внутри одна мука; из нее делают вкусное тесто». Интересны описания камфарных и сандаловых деревьев, кокосовых пальм и сахарного тростника. Но наряду с правдоподобными сведениями Марко Поло передает явные легенды, доверчиво принимая их за истину. Так, например, он описывает «хвостатых людей», живущих в горах, и людей с песьими головами.

Наконец ветры позволили кораблям покинуть Малую Яву. Флот направился к юго-западу и вскоре достиг Цейлона. Этот остров, говорит Поло, был некогда гораздо больше, но северный ветер дует здесь с такой силой, что море затопило часть земли. На Цейлоне, по словам Марко Поло, добывают самые дорогие и самые красивые рубины, сапфиры, топазы, аметисты, гранаты, опалы и другие драгоценные камни. «Самый красивый в свете рубин у здешнего царя, — сообщает путешественник, — такого никто не видел, да и увидеть трудно; он вот какой: в длину он с пядь, а толщиной в человеческую руку. На вид самая яркая в свете вещь, без всяких крапин, и красен, как огонь, а дорог так, что на деньги его не купить. Великий хан, скажу вам по правде, присылал к этому царю своих гонцов и наказывал о том, что хочет купить тот рубин: коль царь пожелает его отдать, так великий хан прикажет ему уплатить то, что стоит большой город. Царь отвечал, что не отдаст рубина ни за что на свете, рубин тот дедовский, и ни за какую цену в свете его не уступит».

В шестидесяти милях к востоку от Цейлона мореплаватели встретили большую область Маабар (Коромандельский берег полуострова Индостана), которую не следует смешивать с Малабаром, лежащим на западном берегу того же полуострова. Область Маабар славится ловлей жемчуга. Там, сообщает Поло, есть чародей, которые «заколдовывают рыбу, чтобы не вредила она людям, ныряющим в воду за жемчугом», и за это колдуны получают свою долю от улова. Путешественник сообщает также интересные подробности о нравах индийцев, о похоронах индийских царей, в честь которых «все князья, что были его верными друзьями», бросаются в огонь, о распространенном обычае самоубийств «из любви к таким-то идолам», о своеобразии религиозных обрядов и т. д.

Дальше Марко Поло описывает царство Мосул (Телингана), где находились богатейшие алмазные россыпи. Путешественник передает любопытную легенду о добывании алмазов с помощью орлов

В горные расщелины и глубокие пропасти, куда человеку не дают проникнуть ядовитые змеи, бросают куски сырого мяса,

Хубилай-хан снаряжал флотилию.

к которым прилипают драгоценные камни. «В этих горах водится множество белых орлов, что ловят змей; завидит орел мясо в глубокой долине, спускается туда, схватит его и потащит в другое место; а люди между тем пристально смотрят, куда орел полетел, и как только он усядется и станет клевать мясо, начинают они кричать что есть мочи, а орел боится, чтобы его невзначай не схватили, бросит мясо и улетит. Тут-то люди подбегают к мясу и находят в нем довольно-таки алмазов. Добывают алмазы и другим еще способом: орел с мясом клюет и алмазы, а потом ночью, когда вернется к себе, вместе с пометом выбрасывает те алмазы, что клевал; люди ходят туда, подбирают орлиный помет и много алмазов находят в нем».

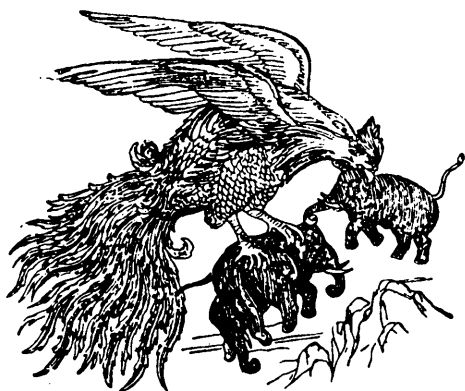
Путешествие Марко Поло по Индии продолжалось вдоль Коромандельского побережья. Он подробно рассказывает о жизни брахманов, которые, по его словам, очень долговечны, «и все оттого что воздержанны и едят мало». Некоторые отшельники-кунгуи (йоги) доживают до полутораста и до двухсот лет. Ведут они жизнь суровую и строгую, «всякой твари боятся они учинить что-либо грешное; скорее умрут, а не сделают того, что за грех почитают. . . Спят они на земле: ничего нет ни под ними, ни над ними; и просто удивительно, как они не умирают, а еще долго живут». Поклоняются брахманы и йоги быку, который считается у них священным животным.

От берегов Индии флот Марко Поло снова возвратился к Цейлону, а затем отправился в город Каил (Каял) — в то время оживленный порт, куда заходили корабли из многих восточных стран. Далее, обогнув мыс Коморин, самую южную точку Индостана, мореплаватели увидели Коиллон (нынешний Куилон), гавань на Малабарском берегу, бывшую в средние века одним из главных пунктов торговли с Западной Азией.

На Малабарском берегу возделывают рис, произрастает сандаловое дерево, собирают много перцу, индиго и пряностей. «Водятся тут совсем черные львы (пантеры) без всяких отметок», множество птиц и среди них красивые павлины и попугаи всех расцветок. «Здесь, скажу я вам, очень жарко; солнце палит так, что еле-еле вытерпишь; опустишь яйцо в реку, не успеешь отойти, оно сварилось».

Покинув Коиллон и продолжая плавание к северу, вдоль Малабарского берега, флот Марко Поло достиг берегов страны Эли; жители этой страны вели торговлю перцем, имбирем, шафраном и другими пряностями. Посетив затем Мелибар (Малабар), Гозурат (Гуджарат) и Макоран (Макран) — последний город в северо-западной части Индии, — Марко Поло, вместо того, чтобы подняться к Персии, где его ждал жених монгольской принцессы, направился к западу через Оманский залив.

Желание увидеть новые страны было настолько сильно у Марко Поло, что он уклонился на пятьсот миль в сторону, к берегам Аравии; он остановился здесь близ островов Мужского и Женского, названных так потому, что на первом острове жили одни мужчины, а на втором женщины, и только в марте, апреле и мае мужчины имели право посещать Женский остров. От этих островов флотилия Поло направилась к острову Скотра (Сокотра), лежащему у входа в Аденский залив. О жителях этого острова Марко Поло отзывался, как об искусных колдунах, способных силою своих чар повелевать бурями и ураганами. Спустившись затем на тысячу миль к югу, он направил свой флот к берегам Мадагаскара.⁴⁹

Фантастическая птица Рук.
Со старинного рисунка.

По мнению путешественника, Мадагаскар — один из самых больших и красивых островов во всем мире. Жители здесь занимаются ремеслами и промысляют слоновой костью. «Едят тут только одно мясо — верблюжье; ⁵⁰ кто не видел, тот и не поверит, сколько верблюдов убивается ежедневно; народ здешний говорит, что верблюжье мясо лучше и здоровее всякого другого, поэтому-то и ест его круглый год». Купцы, прибывавшие сюда с берегов Индии, употребляли на переезд по морю всего двадцать дней, но обратный путь отнимает у них не менее трех месяцев, так как течение в Мозамбикском проливе относит их корабли к югу. Тем не менее, индийские купцы охотно посещают этот остров, сбывая здесь с большой выгодой золотые и шелковые ткани и получая взамен сандаловое дерево и амбру.⁵¹

Путешественник описывает также животный мир Мадагаскара. Здесь водятся леопарды, медведи, львы, олени, антилопы, лани

и великое множество «всякой дичины и скота».⁵² Но что особенно поразило Марко Поло — это баснословная птица гриф (или иначе — птица Рук), о которой говорится в сказках «Тысячи и одной ночи» и в различных народных преданиях. Вот как описывает Марко Поло эту легендарную птицу: «И во всем гриф не таков, как у нас думают и как его изображают; у нас рассказывают, что гриф наполовину птица, а наполовину лев; и это неправда. Те, кто его видел, рассказывают, что он совсем как орел, но только говорят, чрезвычайно большой... Схватит слона и высоко-высоко унесет его вверх на воздух, а потом бросит его на землю, и слон разобьется; гриф тут клюет его, жрет и упитывается им».

Можно предположить, что поводом для возникновения этой легенды явилось реальное существование теперь уже окончательно вымершей гигантской страусоподобной птицы «эпиорнис максимум», яйца которой находят иногда еще на Мадагаскаре.

Поднимаясь от Мадагаскара к северо-западу, Марко Поло приплыл к острову Занзибару, а затем и к африканскому берегу. Обитатели этих мест, по его словам, «толсты и жирны так, что кажутся великанами; очень они сильны; поднимает один, что четверем только стащить, да и неудивительно: ест он за пятерых; они совсем черны, ходят нагишом, покрывают только срамоту». У африканцев большой рот, вздернутый нос, толстые губы, крупные глаза. Питаются они рисом, мясом, молоком, финиками и употребляют вино из риса с пряностями. «Народ здешний воинствен; в битвах дерутся отлично, храбры и смерти не боятся. Лошадей у них нет, дерутся они на верблюдах и на слонах. На слонов ставят теремцы и прикрывают их хорошенько; взбираются туда от шестнадцати до двадцати человек с пиками, мечами, камнями; дерутся на слонах стойко. Из оружия у них только кожаные щиты, пики да мечи, а дерутся крепко. Слонов, когда ведут их на битву, много поят вином; напьется слон и станет горделив и смел, а это и нужно в битве».

Во времена Марко Поло страны, известные под общим названием Индия, разделялись на три части: Великая Индия (полуостров Индостан и все земли, лежащие между Гангом и Индом), Малая Индия (земли по ту сторону Ганга, от восточных берегов Индостана до Кохинхины) и, наконец, средняя Индия (Абиссиния и Аравийские берега, до Персидского залива).

Покинув Занзибар, Марко Поло направился в среднюю Индию — посетил прежде всего Абасию или Абиссинию, очень богатую страну, где выращивают много хлопка и выделывают из него хорошие ткани; затем флот достиг порта Зейла, почти у входа в Баб-эль-Мандебский пролив, и далее, следуя вдоль берегов Аденского залива, останавливался последовательно в Адене.

Калату (Кальхат), Дуфарь (Зафар) и, наконец, Курмозе (Ормуз). В этот последний город Марко Поло уже однажды заезжал, когда держал путь из Венеции ко двору монгольского хана.

В Ормузе и закончилось плавание Марко Поло. Монгольская принцесса, наконец, добралась до границы Персии. Ко времени ее прибытия хан Архун успел уже умереть и в персидском царстве начались междоусобные войны. Марко Поло отдал мон-

Марко Поло и его спутники возвращаются в родной дом.
Со старинного рисунка.

гольскую принцессу под покровительство сына Архуна Гассана, который как раз в это время вел борьбу со своим дядей, братом Архуна, пытавшимся захватить освободившийся престол. В 1295 году соперник Гассана был задушен, и Гассан стал персидским ханом. Как сложилась дальнейшая судьба монгольской принцессы, — неизвестно, так как Марко Поло вместе с отцом и дядей поспешил в свое отечество. Путь их лежал на Трапезунд, Константинополь и Негропонт (Халкида), где они сели на корабль и отплыли в Венецию.

В 1295 году, после двадцатичетырехлетнего отсутствия, Марко Поло вернулся в родной город. Три путешественника, опаленные

знойными лучами солнца, в грубых татарских одеждах, с монгольскими манерами, почти забывшие родную речь, не были узнаны даже самыми близкими родственниками. К тому же в Венеции давно уже ходили слухи о их смерти, и все считали троих Поло погибшими в Монголии. Путешественники отправились в квартал Иоанна Златоуста, где находился их дом, но он оказался занятым многочисленными представителями семейства Поло, которые встретили прибывших незнакомцев с большим недоверием и долго не соглашались пускать на порог.

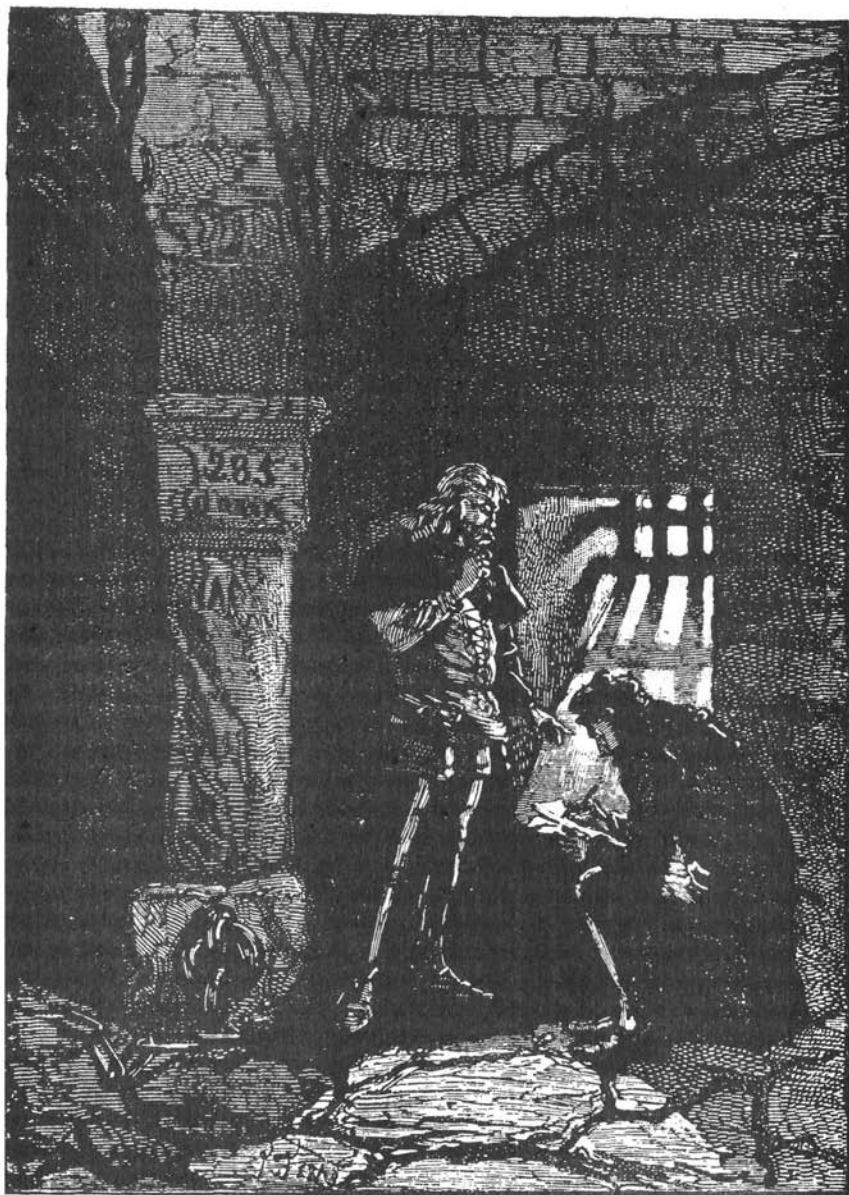
Спустя несколько дней путешественники устроили пир, на который были приглашены все их родственники и знатные граждане Венеции. Когда приглашенные собрались в приемном зале, трое Поло вышли к ним в великолепных атласных одеждах, а затем, во время пиршества, предстали перед собравшимися в платье из малинового бархата и роздали гостям по куску дамасского шелка. Наконец, они приказали слугам принести ту самую грубую татарскую одежду, в которой они прибыли в Венецию. На глазах у всех они распоролли швы, оторвали подкладку, и из рубища стали сыпаться на стол рубины, сапфиры, изумруды, бриллианты и другие драгоценные камни. Под этими лохмотьями скрывались несметные богатства.

Скоро Марко Поло стал именитым гражданином Венеции и был избран в члены магистрата. Охотно рассказывая о своих приключениях на Востоке, он особенно часто упоминал о «миллионах» великого хана, который управлял «миллионами» подданных. Поэтому сограждане, не очень-то доверявшие его рассказам, прозвали Марко Поло «господином Миллионом».

В 1298 году между республиками Венецией и Генуей разгорелась междоусобная война. Генуэзский флот, под начальством Лампи Дориа, стал угрожать Венеции. Венецианцы поспешно снарядили свой флот под начальством адмирала Андреа Дандоло, который поручил Марко Поло командовать кораблем.

В морском сражении, 7 сентября 1298 года, венецианцы были разбиты генуэзцами, и Марко Поло, раненый, попал в плен. Победители, зная о путешествиях Поло, отнеслись к нему с уважением. Знатные генуэзцы охотно принимали пленника в своих домах, желая послушать его удивительные рассказы. Они не уставали слушать Марко Поло, но, в конце концов, ему надоело рассказывать. Чтобы дать возможность всем желающим познакомиться с его приключениями в стране великого хана, Марко Поло в 1298 году продиктовал свой рассказ пизанцу Рустичано, с которым встретился в генуэзской тюрьме, где его держали в качестве заложника.

Около 1299 года Марко Поло был отпущен на свободу, вернулся в Венецию и там женился. После этого его следы теряются.

Марко Поло в генуэзской тюрьме диктует рассказ о своих путешествиях

Известно только из сохранившегося духовного завещания, помеченного 9 января 1323 года, что он оставил трех дочерей; биографы полагают, что Марко Поло умер около того же времени, семидесяти лет от роду.

Такова жизнь этого знаменитого путешественника, записки которого оказали громадное влияние на развитие географических знаний. До середины XVIII века книгой Марко Поло, которая долгое время распространялась под заглавием «Книга чудес мира», пользовались для установления торговых путей в Индию, в Китай и в Центральную Азию. Но еще большую роль книге Марко Поло суждено было сыграть в истории открытия Нового света, так как его рассказы о чудесных странах Востока, изобилующих сокровищами, побудили европейцев предпринять поиски морского пути в Индию и к берегам Китая.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ИБН-БАТТУТА (1304 — 1377)

Ибн-Баттута. — Нил, Газа, Тир, Тивериада, Баальбек-Небек, Дамаск, Мешхед, Басра, Багдад, Тебриз, Медина, Мекка, Йемен. — Абиссиния, — Берберийская земля. — Ормуз. — Сирия. — Анатолия. — Малая Азия. — Астрахань. — Константинополь. — Туркестан. — Герат. — Инд. — Дели. — Малабарский берег. — Мальдивские острова. — Цейлон. — Коромандельский берег. — Бенгалия. — Суматра. — Китай. — Африка. — Нигер. — Тимбукту.

Достоинным последователем Марко Поло был арабский путешественник Ибн-Баттута, который для исследования Египта, Аравии, Анатолии, Татарии, Индии, Китая, Бенгалии и Судана сделал то же, что Марко Поло для значительной части Центральной Азии. Этот предприимчивый и смелый путешественник должен занять место в ряду самых выдающихся исследователей.

Ибн-Баттута (полное его имя Абу-Абдалла-Мухаммед Ибн-Баттута) родился в 1304 году в городе Танжере в Северной Африке. Получив богословское образование, Ибн-Баттута в 1324 году решил совершить паломничество в священный город арабов Мекку. Но поехал он туда не прямым путем. Из Танжера он направился в Египет, побывал в Александрии и Каире, поднялся вверх по Нилу до границ Нубии, а затем, вернувшись обратно в Египет, переправился в Малую Азию, где посетил Газу, Тир — тогда сильно укрепленный город — и через Тивериаду и Баальбек-Небек проехал в Дамаск. В этом городе свирепствовала чума. Если верить путешественнику, ужасный бич ежедневно уносил в могилу до двадцати тысяч человек.

Из Дамаска Ибн-Баттута поспешил отправиться в Мешхед, где посетил гробницу арабского пророка Али. В Мешхеде собираются толпы больных и увечных, которым, по словам путешественника, достаточно провести у гробницы одну ночь, чтобы исцелиться от своих недугов. Баттута, по-видимому, несколько не

сомневается в возможности этого чуда, носящего на востоке название «ночь выздоровления».

После Мешхеда неутомимый и любознательный паломник отправился в Басру, затем в королевство Исфахан и в провинцию Шираз. Из Шираза он проехал в Багдад, Тебриз, оттуда — в Медину и, наконец, прибыл в Мекку, где оставался три года.

Во времена Ибн-Баттуты, в эпоху расцвета владычества ислама, в Мекку стекались богомольцы с разных концов земли — из Китая, Центральной Азии, Индии, Африки, Египта. С караваном паломников Ибн-Баттута посетил все города Йемена.⁵³ Добравшись до Адена, он отплыл в Зейлу, один из портов Абиссинии, и вступил на африканский берег. В стране берберийцев⁵⁴ он познакомился с нравами и обычаями местных племен, после чего переплыл Красное море и, следуя вдоль Аравийского берега, прибыл в город Зафар, лежащий на берегу Индийского океана. Здесь он встретил великолепную растительность; бетель,⁵⁵ кокосовые пальмы и другие деревья образовывали роскошные леса. Продвигаясь все дальше и дальше, любознательный путешественник попадает потом в Ормуз, объезжает несколько персидских провинций, и в 1332 году мы вторично застаем его в Мекке, куда он вернулся после трехлетних странствий.

Но это был только временный перерыв в путешествиях Ибн-Баттуты. Вскоре он опять покинул Аравию. Пустившись исследовать малоизвестные страны верхнего Египта, он направился к Каиру, оттуда — в Сирию, в Иерусалим, Триполи, Анатолию, где единомышленники оказали ему радушный прием.

Дальше арабский путешественник рассказывает о Малой Азии. В Эрзуруме ему показали метеорит весом в 620 фунтов.

Переплыв Черное море, Ибн-Баттута совершил путешествие по Крыму и степям Южной России, добрался до города Болгар, лежавшего на берегах Камы, недалеко от Волги — на такой высокой широте, замечает путешественник, что стало очень заметно неравенство дня и ночи. Затем Ибн-Баттута спустился к устью Волги и прибыл в Астрахань, где находилась зимняя резиденция монгольского хана. В это время одна из жен хана собиралась навестить своего отца, константинопольского императора. Ибн-Баттута не преминул воспользоваться оказией, чтобы посетить Европейскую Турцию. Он добился разрешения присоединиться к свите. Жена хана отправилась в путь в сопровождении десяти тысяч человек. Прием, оказанный им в Константинополе, был великолепен; колокола гремели с такой неистовой силой, что, казалось, «даже горизонт колеблется от этого звона».

Ибн-Баттуте была дана возможность подробно ознакомиться с городом, и он оставался в нем тридцать шесть дней.

Из Константинополя он возвратился в Астрахань. Отсюда,

Ибн-Баттута в Египте.

через бесплодные пустыни Туркестана, Ибн-Баттута направился в Хоросан, а затем в Бухару, полуразрушенную после нашествия Чингисхана. Некоторое время спустя мы встречаем его в Самарканде, произведшем на него весьма благоприятное впечатление, а потом в Балхе, куда он мог попасть, только преодолев Хоросанскую пустыню. Город Балх был опустошен и разрушен, так как через него прошли татарские полчища, а потому Ибн-Баттута не стал там задерживаться. Задумав вернуться на запад, на границу Афганистана, он должен был пробраться через гористую страну Хузестан. Мучительные трудности не остановили отважного араба. Не только терпение, но и удача помогли ему добраться до города Герата. Это был самый дальний пункт, достигнутый путешественником на западе. Отсюда он решил повернуть к востоку и продвигаться до крайних пределов Азии у берегов Тихого океана. Если бы ему это удалось, он превзошел бы своими исследованиями самого Марко Поло.

Следуя вдоль границы Афганистана, он достиг берегов Инда и отправился вниз по течению до устья реки. Побывав в городе Лагоре, путешественник направился в Дели. Это был большой и прекрасный город, жители которого почти все разбежались, напуганные жестокостями тамошнего властителя Магомета.

Но иногда на этого тирана находили минуты великодушия. Арабский путешественник прибыл к нему в одну из таких счастливых минут и был принят весьма благосклонно. Тиран осыпал его милостями и назначил судьей в Дели, предоставив земли и денежные доходы, связанные с этой должностью. Вскоре, однако, тиран заподозрил Ибн-Баттуту в заговоре. Чтобы избежать гнева Магомета, Ибн-Баттута вынужден был оставить свою должность и сделался факиром. Но Магомет неожиданно сменил гнев на милость и назначил Ибн-Баттуту посланником в Китай.

Итак, судьба еще раз улыбнулась мужественному путешественнику. Теперь он мог добраться до отдаленнейших стран, при очень удобных и сравнительно безопасных условиях. В сопровождении двух тысяч всадников он повез подарки китайскому императору. Ибн-Баттута никак не рассчитывал на встречу с повстанцами. Между тем индийцы напали на его конвой, а самого Ибн-Баттуту дочиста ограбили и взяли в плен. Связанного по рукам и ногам, его увезли в неизвестном направлении. Однако он не потерял присутствия духа и, воспользовавшись первой возможностью, совершил смелый побег. Он скитался в течение семи дней, пока не встретил, наконец, одного негра, который привез его в Дели, ко двору императора.

Магомет, узнав о злоключениях Ибн-Баттуты, снарядил новую экспедицию, которая на сей раз благополучно миновала мятежные области и достигла Малабарского берега. Через некоторое

Нападение пиратов на корабль Ибн-Баттуты.

время Ибн-Баттута вступил в Каликут. Здесь он оставался три месяца в ожидании благоприятного ветра. Этой невольной остановкой путешественник воспользовался для изучения морской торговли китайцев, посещавших этот город. Он с восхищением говорит о китайских джонках, о «плавающих садах», в которых китайцы выращивают имбирь и овощи и т. п.

Наконец, задул попутный ветер. Ибн-Баттута нанял тридцать джонок и нагрузил на них подарки для китайского императора. Но разыгравшаяся ночью буря разбила все суда, и дары Магомета пошли на дно. По счастливой случайности, сам Ибн-Баттута находился в ту ночь на берегу, желая присутствовать на утреннем богослужении в мечети. Из всех богатств уцелел только один коврик, на котором он молился. После этой второй катастрофы Ибн-Баттута уже больше не рискнул предстать пред властителем Дели и отплыл на Мальдивские острова.

Поселившись на Мальдивских островах, арабский путешественник женился на трех женах. Местная королева обратила внимание на Ибн-Баттуту и назначила его судьей. Однако великий визирь, завидовавший популярности араба, начал строить против него козни. Ибн-Баттуте снова пришлось бежать. Он надеялся добраться до Коромандельского берега, но ветры отнесли его судно к острову Цейлону.

Здесь Ибн-Баттута был принят с большим почетом и получил от султана разрешение подняться на священную гору Серендид, или Адамов пик. Ему хотелось увидеть на вершине горы чудесный отпечаток человеческой ноги, который, как утверждали индийцы, был оставлен на камне «стопую Будды» при его вознесении на небо. В своем сочинении Ибн-Баттута говорит, что этот след имеет одиннадцать пядей в длину. Ибн-Баттута принимает на веру и другие легенды. Он сообщает, например, что значительную часть населения острова составляют большие бородатые обезьяны, которые подчиняются своему королю — павиану, увенчанному короной из древесных листьев.

С Цейлона Ибн-Баттута все же добрался до Коромандельского берега, хоть и испытал в пути жестокие бури. Перейдя южную оконечность полуострова Индостан, он достиг другой стороны берега, откуда опять пустился в море. На этот раз Ибн-Баттуту ожидало новое несчастье: на его судно напали пираты. Дочиста ограбленный, в жалких лохмотьях, изнуренный от голода и лишений, он кое-как добрался до Каликута. Вот уж действительно никакое несчастье не могло сломить этого человека! Он принадлежал к числу тех сильных натур, которые в испытаниях почерпают лишь новую энергию. Благодаря помощи нескольких купцов из Дели, которые узнали Ибн-Баттуту и подивились его необыкновенной судьбе, он опять снаряжился в дальний путь и от-

плыл к Мальдивским островам. Оттуда он попал в Бенгалию, где его восхитили естественные богатства страны, и затем переправился на Суматру. Принятый с почетом местным королем, он воспользовался его щедротами, которые помогли собрать необходимые средства для поездки в Китай.

Джонка понесла арабского путешественника по «Тихому морю», и через семьдесят один день он достиг гавани «Канлук», столицы какой-то таинственной, не обозначенной на картах страны, где жители, «красивые и мужественные люди, выделывают превосходное оружие». Из Канлука Ибн-Баттута проехал несколько китайских провинций и, прежде всего, посетил великолепный город Зейтун, по-видимому нынешний Цюаньчжоу.

Ибн-Баттута побывал во многих городах этой обширной империи, изучая обычаи китайцев, их промышленность и торговлю. Правда, до Великой стены на севере Китая он так и не добрался, хотя упоминает о ней в своем сочинении, называя эту стену «препятствием Гога и Магога».⁵⁶ Переходя из одного места в другое, он посетил, между прочим, провинцию Шаньси, состоявшую из шести укрепленных городов, и прожил там довольно долгое время. Случай дал ему возможность присутствовать на похоронах одного хана, который был погребен вместе с четырьмя рабами, шестью фаворитами и четырьмя лошадьми. Затем Ибн-Баттута вернулся в Зейтун, но вспыхнувшее там восстание заставило его покинуть этот город. Он отплыл обратно на Суматру, откуда после остановок в Каликуте и Ормузе возвратился в 1348 году в Мекку, объехав еще Персию и Сирию.

В следующем году Ибн-Баттута вернулся после двадцатипятилетних странствий в свой родной город Танжер. Но он не мог долго усидеть на одном месте. Через некоторое время его снова потянуло в дальние страны.

На этот раз Ибн-Баттута отправился в Испанию, затем вернулся в Марокко, проник в глубь Судана; объехав области, орошаемые Нигером, он перебрался через великую пустыню Сахару и, наконец, вступил в город Тимбукту, совершив новое большое путешествие, уже само по себе достойное высшей славы. Это было его последнее путешествие. В 1353 году, спустя двадцать девять лет после того, как Ибн-Баттута в первый раз покинул Танжер, он возвратился в Марокко и поселился в Феце, где встретил человека, которому продиктовал свою увлекательную книгу, известную под заглавием «Подарок любознательным».

Арабский путешественник прославился как самый отважный исследователь XIV века, и потомство совершенно справедливо ставит имя Ибн-Баттуты рядом с именем знаменитого венецианца Марко Поло.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ЖАН ДЕ БЕТАНКУР (1339 — 1425)

Нормандский рыцарь. — Его мечты о завоеваниях. — Что было известно о Канарских островах. — Кадис. — Канарский архипелаг. — Жан де Бетанкур возвращается в Испанию. — Свидание Бетанкура с кастильским королем Генрихом III. — Гадифер исследует Канарский архипелаг. — Возвращение Жана де Бетанкура и его ссора с Гадифером. — Крещение канарийцев. — Французские колонисты на Канарских островах. — Попытки завоевать остров Гран-Канария. — Учреждение канарийской епархии.

В 1339 году, в графстве Э, в Нормандии,⁵⁷ родился Жан де Бетанкур, барон Сен-Мартен ле-Айар. Проявив себя как отважный воин и искусный мореплаватель, он мечтал снарядить большую заморскую экспедицию и совершить какое-либо открытие.

Благоприятный случай не заставил себя ждать.

В Атлантическом океане, против берегов Африки, лежит группа Канарских островов, носивших некогда название «Счастливых». Если верить преданию, в древности эти острова исследовал Юба, нумидийский царь.⁵⁸ В средние века их посещали арабы, генуэзцы, португальцы, испанцы и французы. Наконец, в 1393 году, испанский дворянин Альмонастер высадился на Лансароте, одним из Канарских островов, и привез оттуда, вместе с несколькими пленниками, образцы местной флоры и фауны, свидетельствовавшие об изумительном плодородии этого архипелага.

Мысль о завоевании Канарских островов показалась Жану де Бетанкуру весьма соблазнительной, и он стал готовиться к экспедиции. Покинув свой замок, он отправился в Ла-Рошель на берегу Атлантического океана. Там он встретился с рыцарем Гадифером де ла Саль, таким же точно искателем приключений. Жан де Бетанкур поделился с Гадифером своими замыслами, и тот предложил ему попытать счастья вместе. Бетанкур ответил согласием.

Вскоре Бетанкур приобрел хорошие корабли, нанял матросов, собрал войско и закупил припасы. Вместе с Гадифером он вышел из гавани Ла-Рошель и благополучно прибыл в испанский порт Ла-Корунья. Затем флотилия снова направилась на юг, вдоль Португальского берега, и, войдя в испанскую гавань Кадис, надолго там задержалась. Задержка произошла из-за распри Бетанкура с генуэзскими купцами, которые обвинили его в похищении у них корабля. Бетанкур вынужден был отправиться в Севилью, к королю Генриху III, который снял с него обвинение. Вернувшись в Кадис, он нашел часть своего экипажа возмущившейся. Многие матросы, напуганные опасностью предстоящего путешествия, не желали продолжать плавание. Бетанкур, оставив у себя на службе только смелых людей, снялся с якоря и вышел в открытое море.

Через восемь дней после отплытия из Кадиса флотилия достигла одного из островов Канарской группы, которому Бетанкур присвоил название «Грасьоса». Вскоре показался еще один остров — Лансароте, длиной в 44 и шириной в 16 километров. На этом острове Бетанкур нашел прекрасные пастбища и плодородную почву, орошаемую многочисленными родниками. Жители острова Лансароте, рослые и хорошо сложенные люди, ходили почти без всякой одежды.

Прежде чем обнаружить здесь свои завоевательные замыслы, Жан де Бетанкур решил захватить несколько других островов. Войдя в доверие к местному царьку, нормандский рыцарь построил на острове Лансароте небольшую крепость и, оставив там гарнизон, отправился дальше. В течение восьми дней Жан де Бетанкур объезжал соседние острова, но не встретил ни одного человека, так как все жители при приближении корабля скрывались в горах. Между тем припасы у мореплавателей быстро истощались, и среди экипажа снова началось волнение.

Оставив Гадифера на острове Лансароте, Жан де Бетанкур решил возвратиться в Испанию, чтобы запастись провизией и набрать новую команду, так как на своих людей полагаться он больше не мог.

Первое, что он сделал по прибытии в Кадис, — принял меры против взбунтовавшихся матросов, заключив самых непокорных в тюрьму. Затем нормандский рыцарь отправился в Севилью, добился аудиенции у кастильского короля Генриха III и отдал ему под покровительство Канарские острова.

Расчет оказался правильным. Кастильский король не только согласился принять щедрый дар, но и назначил Жана де Бетанкура правителем Канарских островов, определив в его пользу пятую часть дохода со всех товаров, которые будут поступать с этих островов в Испанию. Кроме того, Генрих III подарил ему

двадцать тысяч мараведи⁵⁹ и предоставил право чеканить на Канарских островах собственную монету. Генрих III отдал также в распоряжение Бетанкура хорошо оснащенный корабль с большим грузом провизии, оружия и всевозможных припасов.

Между тем на острове Лансароте, где губернатором был оставлен Гадифер, начались раздоры и столкновения среди людей, составлявших гарнизон крепости, а затем — стычки европейцев с туземцами, повлекшие жертвы с той и другой стороны. В конце концов Гадифер решил перебить всех туземных мужчин, а женщин и детей обратить в христианскую веру. Только неожиданное прибытие корабля, посланного Жаном де Бетанкуром, отвлекло Гадифера от исполнения этого замысла.

Письмо Бетанкура, в котором сообщалось, что Канарские острова отданы им в дар кастильскому королю, Гадифера вовсе не обрадовало. Но он сумел скрыть свою досаду, и вновь прибывшим был оказан хороший прием.

Как только закончилась разгрузка корабля, Гадифер отправил на нем исследовать соседние острова архипелага.

На острове Гран Канария (Большая Канария) навстречу европейцам вышло около пятисот туземцев. Зная о жестокости завоевателей, они держались настороже и не пустили их в глубь острова.

Тогда Гадифер направился к острову Гомера, на котором виднелись многочисленные огни. С наступлением дня некоторые из спутников Гадифера попытались было высадиться на берег, но неустрашимые туземцы набросились на европейцев и вынудили их поспешно отчалить.

После этого Гадифер решил попытать счастья на острове Ферро (Иерро). Здесь высадка не встретила никаких препятствий, и Гадифер со своими спутниками прожил на этом острове двадцать два дня.

Остров Ферро был великолепен. Тысячи сосен вздымались к небу свои мощные стволы. Глубокие прозрачные ручьи щедро орошали почву. В лесу встречались в изобилии кабаны, козы и овцы и всевозможная пернатая дичь.

Покинув Ферро, Гадифер отправился на остров Лас-Пальмас (остров Пальмы) и пристал к гавани, лежащей недалеко от большой реки. Этот остров также был покрыт сосновым лесом и драконовыми деревьями. Здесь Гадифер встретил туземцев — красивых, рослых и сильных людей, с правильными чертами лица и белой кожей.

Гадифер оставался на этом острове несколько дней. Затем, запасшись водой, он объехал остальные острова архипелага и вернулся в свою крепость на Лансароте. За те три месяца, что Гадифер отсутствовал, оставшаяся часть отряда вступала в постоян-

ные стычки с островитянами и захватила многих из них в плен. Доведенные до отчаяния, канарийцы стали сами отдаваться в руки европейцев и соглашались принять крещение, лишь бы только избавиться от жестоких преследований. Обрадованный таким исходом дела, Гадифер направил в Испанию к Бетанкуру посланца с отчетом о последних событиях на Канарских островах.

Но не успел еще губернаторский посланец добраться до Кадиса, как Жан де Бетанкур самолично прибыл на остров Лансароте. Гадифер и все европейцы оказали ему торжественный прием.

Жан де Бетанкур был человеком честолюбивым. Не довольствуясь покорением Канарских островов, он стал уже мечтать о завоевании африканских земель. Между тем предстояло еще приложить немало усилий, чтобы упрочить господство на Канарских островах, властителем которых он являлся пока только номинально. Поэтому Бетанкур решил прежде всего осмотреть острова, исследованные Гадифером.

Запасшись съестными припасами и оружием, он отправился вместе с Гадифером к острову Фуэртевентура, где оставался в течение трех месяцев. За это время он захватил в плен много туземцев и отправил их на Лансароте. Следует сказать, что жители Фуэртевентура, чрезвычайно смелые и сильные люди, яростно отстаивали свои законы и обычаи. Но перевес был на стороне завоевателей, к тому же еще построивших крепость на вершине горы.

Однако экспедицию пришлось неожиданно прервать, так как между обоими завоевателями вспыхнула ссора. Гадифер резко упрекал Бетанкура за то, что он принес острова в дар кастильскому королю, и требовал, чтобы несколько островов было отдано ему в полное владение. Дело кончилось тем, что соперники отправились искать справедливости в Испанию, каждый на своем корабле, и порознь прибыли в Севилью. Король Кастилии, как и следовало ожидать, нашел поведение барона де Бетанкура вполне справедливым и выразил свое порицание Гадиферу, после чего тот вернулся во Францию, чтобы никогда больше не приезжать на Канарские острова.

Избавившись от соперника, Жан де Бетанкур снова прибыл на остров Фуэртевентура, где не прекращались битвы с канарийцами, которые успели разрушить крепость, построенную завоевателями. Когда Бетанкур получил подкрепление с острова Лансароте, война разгорелась с новой силой. Наконец сопротивление туземцев было сломлено и вместе со своими вождями они были обращены в христианскую веру.

Бетанкур, довольный достигнутыми результатами, решил поехать во Францию. Он поручил управление островами лейтенанту

Жану де Куртуа, а сам в январе 1405 года отправился в путь, захватив с собой четырех туземцев — трех мужчин и одну женщину.

Через двадцать один день барон де Бетанкур достиг берегов Нормандии и прибыл в свой родовой замок Гранвиль. Не собираясь здесь долго засиживаться, он рассчитывал увлечь за собой на Канарские острова несколько десятков соотечественников. Приглашал он главным образом разных мастеров и ремесленников, обещая наделить их землей. Для перевозки эмигрантов Бетанкур снарядил два корабля. Некоторые переселенцы отправились на Канарские острова вместе со своими семьями. На этот раз стареющий рыцарь привез из Франции своего племянника Масно де Бетанкура, которому решил впоследствии передать управление островами.

После кратковременного отдыха на Лансароте Жан де Бетанкур отправился покорять самый большой из островов архипелага — Гран-Канарию. 6 октября 1405 года три корабля с вооруженными людьми отчалили от Лансароте. Но ветер отнес корабли к африканскому берегу, и мореплаватели пристали к мысу Бохадор.

Осматривая местность, Жан де Бетанкур успел захватить несколько туземцев и три тысячи верблюдов. Часть верблюдов он приказал погрузить на корабли, чтобы переправить их в Канарию, после чего флотилия отплыла от мыса Бохадор, который, таким образом, Бетанкур посетил еще за тридцать лет до португальских мореплавателей.

Во время перехода флотилии от африканского берега к Канарским островам снова поднялся сильный ветер, и корабли потеряли друг друга из виду. Один корабль пригнало к острову Фуэртевентура, другой к острову Лас-Пальмас, но вскоре все три корабля снова соединились у берегов Гран-Канарии.

Этот остров, гористый на юге и низменный на севере, был покрыт роскошной растительностью. Пихты, драконовые, оливковые, фиговые и финиковые деревья образовывали густые леса. В большом количестве здесь водились овцы, козы и дикие собаки. Земля, удобная для возделывания, приносила ежегодно два урожая, не требуя никаких удобрений. Остров был довольно густо населен.

Жан де Бетанкур надеялся покорить Гран-Канарию без особого труда. Но канарийцы, оказавшиеся стойкими и храбрыми воинами, упорно сопротивлялись солдатам Бетанкура. В жестоких схватках европейцев с островитянами обе стороны понесли большие потери. С некоторыми перерывами битва продолжалась шесть недель, и все-таки Гран-Канарию на этот раз покорить не удалось.

Туземцы оказали серьезное сопротивление завоевателям и на

Рыцарь Гадифер на острове Ферро (Иерро).

острове Лас-Пальмас. Местные воины так искусно метали камни, что били почти без промаха.

Покорив с большим трудом острова Лас-Пальмас и Ферро, Жан де Бетанкур отправился на Фуэртевентура и занялся там дележом земли между колонистами. Первые колонисты освобождались от всяких податей на девять лет. Затем Бетанкур возвратился на Лансароте и вскоре задумал совершить путешествие в Рим, чтобы просить папу о назначении на Канарские острова епископа.

Оставив губернатором своего племянника Масио, Бетанкур распорядился, чтобы ему дважды в год присылали известия в Нормандию о положении дел на Канарских островах и чтобы на доходы с островов Лансароте и Фуэртевентура были построены две церкви. Перед отъездом он наказывал своему племяннику Масио: «Я оставляю вам власть и право поступать так, как вы сочтете нужным, но не забывайте при этом блюсти мою честь и выгоду».

Заручившись письмом от кастильского короля, Жан де Бетанкур получил аудиенцию у папы римского, который сразу же откликнулся на его просьбу послать на Канарские острова епископа и священников.

Остаток жизни Жан де Бетанкур провел в Нормандии в своем родовом замке.

Канарские острова были первой испанской колонией на Атлантическом океане. Завоеванием Канарских островов было положено начало европейской колонизации.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ХРИСТОФОР КОЛУМБ (1436—1506)

I

Открытие португальцами острова Мадейры, островов Зеленого мыса, Азорских островов, Гвинеи и Конго. — Мыс Доброй Надежды. — Бартоломеу Диаш. — Успехи географии и торговли в средние века. — Общераспространенное заблуждение о расстоянии между Европой и Азией. — Молодые годы Христофора Колумба. — Его первые путешествия. — Зарождение у Колумба мысли об открытии западного морского пути в Индию и Китай. — Пребывание Колумба в монастыре Рабида. — Аудиенция у Фердинанда и Изабеллы. — Договор от 17 апреля 1492 года. — Братья Пинсон. — Три каравеллы Колумба. — Отплытие из Палоса 3 августа 1492 года.

1492 год — знаменитый год в географической летописи. Это достопамятный год открытия Америки.

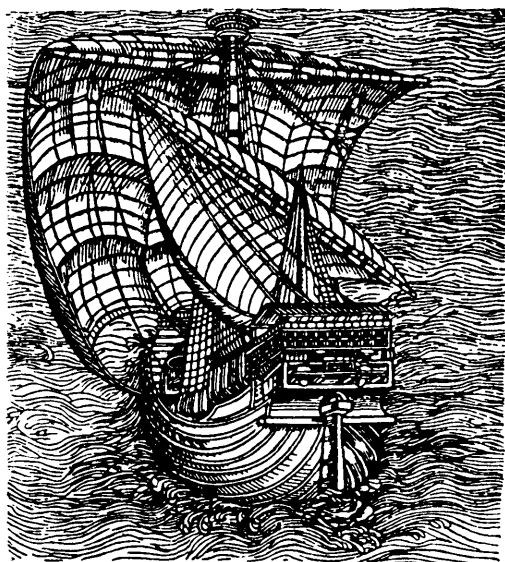
Старый свет должен был позаботиться о нравственном и политическом воспитании Нового света. Но оказался ли Старый свет со свойственными ему ограниченными понятиями, полуварварскими стремлениями и религиозным фанатизмом на высоте своей исторической задачи? Пусть факты говорят сами за себя.

Расскажем вкратце о том, что произошло с того времени, как Жан де Бетанкур колонизовал Канарские острова, то есть с 1405 до 1492 года.

Научные и географические познания арабов, изгнанных в конце XV века из Испании, оказали заметное влияние на развитие науки на всем Пиренейском полуострове. Во всех приморских городах, особенно в португальских, не прекращались разговоры об африканском берегу и заморских странах, полных богатств и всяких чудес. «Тысячи историй разжигали любопытство, жадность и честолюбие, — говорит Жюль Мишле, — всех влекло в те таинственные страны, где природа не поскупилась на создание необыкновенных чудовищ и щедро усеяла золотом поверхность земли».

Португальский инфант * Энрики, известный в истории под именем Генриха Мореплавателя (1394—1460), с увлечением занимался астрономией и географией; он организовал несколько морских экспедиций в Африку и немало способствовал расцвету колониального могущества Португалии. Рассказы об этих экспедициях воспламенили воображение Христофора Колумба.

В 1415 году двадцатилетний Энрики принимал участие в завоевании арабской крепости Сеута на марокканском берегу. Вернувшись из Сеуты, он поселился в Сагрише, у мыса Сан-Висенти,

Каравелла Колумба. Рисунок из изданного в 1493 году письма Колумба к Габриэлю Санчесу.

расположенного на юго-западе Португалии. Отсюда его взорам открывался необъятный океан. Инфант Энрики устроил в своем замке обсерваторию и учредил мореходную школу. Здесь португальские моряки занимались составлением новых карт и учились пользоваться компасом. Инфант окружил себя учеными, собиравшими для него сведения о морском пути в Индию и о возможности

* Испанский (и португальский) титул королевского сына, наследного принца

плавания вокруг Африки. По словам летописца, «он стремился узнать земли, лежащие за Канарскими островами и за мысом, называемым Бохадор, ибо до тех пор никто — ни по письменным источникам, ни по людской памяти — не знал ничего определенного о лежащей за этим мысом земле».

Хотя сам Энрики не участвовал ни в одной экспедиции, но, постоянно поощряя мореплавателей и покровительствуя исследователям, он вполне заслужил свое имя Мореплавателя, под которым вошел в историю.

Мыс Нон на западном берегу Африки издавна считался роковым рубежом для всех путешественников. Само название мыса — «Нон», по-латыни «нет» — говорит о том, какой он пользовался дурной славой. В 1419 году этот мыс обогнули два португальских дворянина — Жуан Гонсалу Сарку и Триштан Тейшейра, посланные Генрихом Мореплавателем к берегам западной Африки. Унесенные ветром далеко в открытое море, они были отброшены к острову, названному ими Порту-Санту. Вернувшись сюда через год, они заметили на юго-восточном горизонте черную точку. Португальцы направились к ней и увидели поросший лесом остров, который и называли Мадейра, то есть «Лесистый».

После этого открытия прошло еще пятнадцать лет, прежде чем португальцам удалось обогнуть мыс Бохадор, охраняемый, как тогда говорили, яростными морскими течениями и свирепыми ветрами. Только в 1434 году капитан Жил Эаниш, человек смелый и честолюбивый, после третьей попытки прошел мимо этого страшного мыса, лежащего в двухстах километрах южнее Канарских островов. По общему мнению современников, «подвиг Жила Эаниша можно сравнивать только со славнейшими подвигами Геракла».

Ободренные этим примером, Антан Гонсалвиш в 1441 году и Нунью Триштан в 1444 году продвинулись еще дальше к югу. Первый привез с собой немного золотого песка с берегов Рио-де-Оро, а второй достиг устья реки Сенегал и захватил десять негров, которых доставил в Лиссабон и продал в рабство по очень высокой цене. Так было положено начало торговле неграми — торговле, опустошавшей африканский материк и покрывавшей человечество позором в течение четырех столетий. . .

Начиная с 1444 года, португальцы отправляли целые флотилии в Африку за рабами. На людей охотились со специально выдрессированными собаками. Инфант Энрики не только одобрил торговлю неграми, но и выговорил для себя пятую часть дохода от этого позорного промысла. Португальский летописец, восхваляя своих соотечественников, повествует об одной особенно удачной экспедиции: «Наконец-то господу богу, воздателю доб-

Португальский принц Энрики (Генрих Мореплаватель).
Со старинной гравюры.

рых дел, угодно было за многие бедствия, перенесенные на его службе, даровать им победоносный день, славу за их труды и вознаграждение за убытки, так как в этот день было захвачено мужчин, женщин и детей 165 голов».

Работоторговля несомненно ускорила продвижение португальцев еще дальше — к южным берегам западной Африки.

В 1445 году Д и н и ш Д и а ш обогнул Зеленый мыс и исследовал часть побережья Гвинейского залива. В следующем году португальцы открыли Азорские острова. Несколькими годами позже венецианец А л ь в и з е д а К а д а м о с т о, также состоявший на службе у Генриха Мореплавателя, открыл восточную группу островов Зеленого мыса (1456).

Всякий страх исчез. Роковой рубеж, по ту сторону которого,

как полагали раньше, «воздух жжет, словно огонь», был оставлен позади. Экспедиция следовала за экспедицией, и каждая прибавляла что-нибудь новое к тому, что уже было известно. Африканский берег, казалось, тянется бесконечно. Но чем дальше продвигались на юг, тем, казалось, дальше отодвигался желанный мыс, крайняя южная точка континента, которую стоило только обогнуть, чтобы достигнуть вождельенной Индии!

Продвижение португальцев вдоль западного берега Африки продолжалось и после смерти Генриха Мореплавателя. Португальский король Жуан II присоединил к своему титулу звание властителя Гвиней. Еще не успели мореплаватели, открывшие Конго, освоиться с новым небом и с новыми звездами, как Диогу Кан в 1484—1486 годах обследовал западный берег Африки от экватора до тропика Козерога, чуть было не лишив Бартоломеу Диаша (Варфоломея Диаса) чести открытия южной оконечности континента. Во время третьего плавания Диогу Кану удалось достигнуть пункта, расположенного на $21^{\circ}50'$ южной широты. Это был мыс Кросс, на котором, следуя обычаю, начальник экспедиции воздвиг «падран» — каменный столб с португальским гербом. На обратном пути путешественник посетил властителя Конго в его столице и привез с собой в Лиссабон посланника королевства Конго Касуту с многочисленной свитой из африканцев.

Вскоре после возвращения Диогу Кана в августе 1487 года три каравеллы,⁶⁰ под командой Бартоломеу Диаша, пустились вниз по реке Тежу (Тахо) в открытое море. Опытный моряк Жуан Инфанти командовал вторым кораблем. Капитаном третьего, грузового, судна был назначен Диогу Диаш, брат Бартоломеу.

О первой части этого достопамятного путешествия не сохранилось никаких подробностей. Нам известно только из книги Жуана Барруша,⁶¹ крупнейшего португальского историка XVI века, к которому приходится обращаться за всеми сведениями о португальских морских экспедициях, что Бартоломеу Диаш направился к устью Конго и затем следовал до 29-й параллели, вдоль незнакомых берегов. В гавани, которая была названа им Анградуш-Волташ, Диаш оставил грузовое судно — меньшую из своих каравелл — под охраной девяти матросов. Переждав в этой гавани дурную погоду, он направился отсюда дальше к югу. В течение тринадцати дней Диашу пришлось бороться со страшным штормом. Чем дальше он продвигался к югу, тем сильнее понижалась температура. Моряки уже считали себя погибшими.

Когда буря улеглась, Диаш направил свои корабли к востоку, надеясь достигнуть берега. Не видя в течение нескольких дней земли, он решил тогда повернуть к северу. Наконец, на горизонте показались высокие горы, и 3 февраля 1488 года португальцы

пристали к берегу, даже и не подозревая о том, что во время бури обогнули мыс, названный затем мысом Доброй Надежды. Берега бухты представляли собой зеленые луга, на которых пасся рогатый скот. Увидев приближающиеся корабли, пастухи убежали в горы. Эта бухта была названа Байа-душ-Вакейруш (Пастушеская бухта).

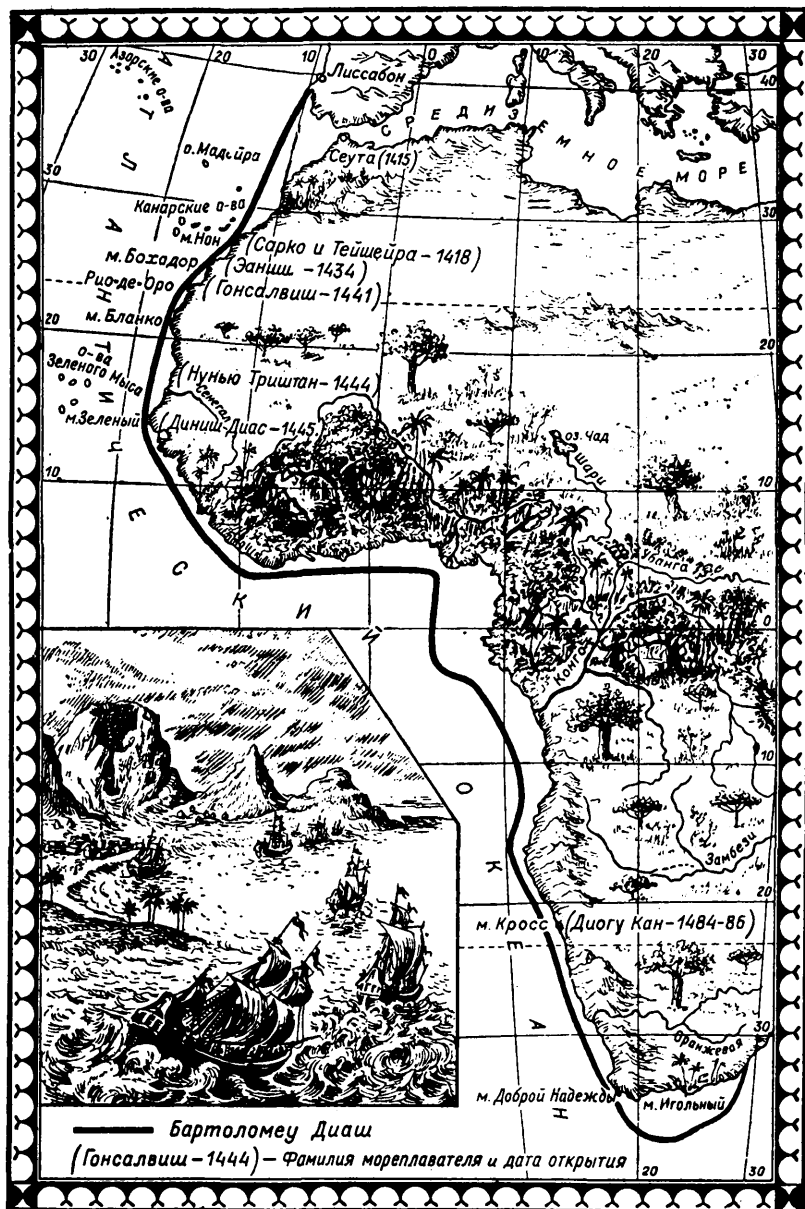
Запасшись в Пастушеской бухте пресной водой, экспедиция Диаша направилась снова на восток и достигла бухты Сан-Браш (теперь Моссел), а оттуда, идя вдоль берега, достигла залива Алгоа и небольшого острова, который Диаш назвал островом Креста, так как на нем португальцы воздвигли большой каменный крест. Отсюда берег материка начал поворачивать к северо-востоку, и португальцы решили, что они находятся уже на пути в Индию. Обрадованный Диаш хотел идти дальше, но его спутники, утомленные трудностями пути и изнуренные голодом, запротестовали и заявили, что дальше они не пойдут. «К тому же, — говорили матросы, — раз земля тянется теперь к востоку, значит, мы прошли какой-то большой мыс, а погому лучше всего повернуть обратно и отыскать его».

Диаш собрал совет, и все подали голос за возвращение. Он вынужден был уступить, но с условием, чтобы еще трое суток продолжать плыть вперед и удостовериться, не повернет ли берег к северу. За такой короткий срок корабли Диаша не успели обогнуть всей южной оконечности Африки и дошли только до устья большой реки, которая была названа в честь капитана второй каравеллы Риу-ди-Инфанти. Оказавшись в преддверии Индийского океана, жестоко разочарованный Диаш вынужден был пуститься в обратный путь.

Когда корабли проходили мимо падрана, установленного на острове Креста в заливе Алгоа, Диаш, по словам Жуана Барруша, «испытывал такое чувство горечи, такую скорбь, словно расставался с любимым сыном, обреченным на вечное изгнание; он вспоминал, с какой опасностью и для себя и для всех своих подчиненных он прошел столь долгий путь лишь затем, чтобы поставить этот каменный столб, а самого главного бог ему не дал совершить».

Наконец корабли подошли к тому «великому и знаменитому мысу, скрывавшемуся сотни лет», которому Диаш и его спутники присвоили название Торментозу («Бурный») в память об опасностях и трудностях, пережитых ими в то время, когда они впервые огибали его.

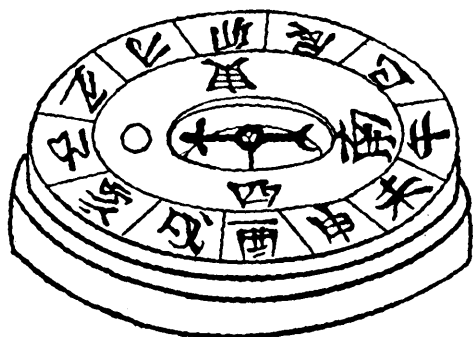
Но Жуан II смотрел на вещи иначе и переименовал мыс Бурный в мыс Доброй Надежды. Для него дорога в Индию была теперь открыта, и его обширные планы расширения торговли и усиления могущества Португалии были близки к осуществлению.

Португальские экспедиции в Африку (1415—1487 гг.)

24 августа 1488 года Бартоломеу Диаш прибыл в Ангра-душ-Волташ. Из оставленных там девяти матросов шестеро умерли; седьмой скончался от неожиданного потрясения, увидя своих соотечественников. Грузовое судно за это время пришло в негодность, и Диаш приказал его сжечь. Возвращение экспедиции в Португалию не сопровождалось никакими неожиданностями. После короткой остановки у форта Сан-Жоржи-да-Мина («Рудник св. Георгия»), где Диаш принял на борт золото, полученное губернатором колонии от туземцев, экспедиция в декабре того же 1488 года прибыла к португальскому берегу. Флотилия Диаша находилась в пути шестнадцать месяцев и семнадцать дней. Это было самое продолжительное из всех морских путешествий, предпринятых до того времени португальцами.

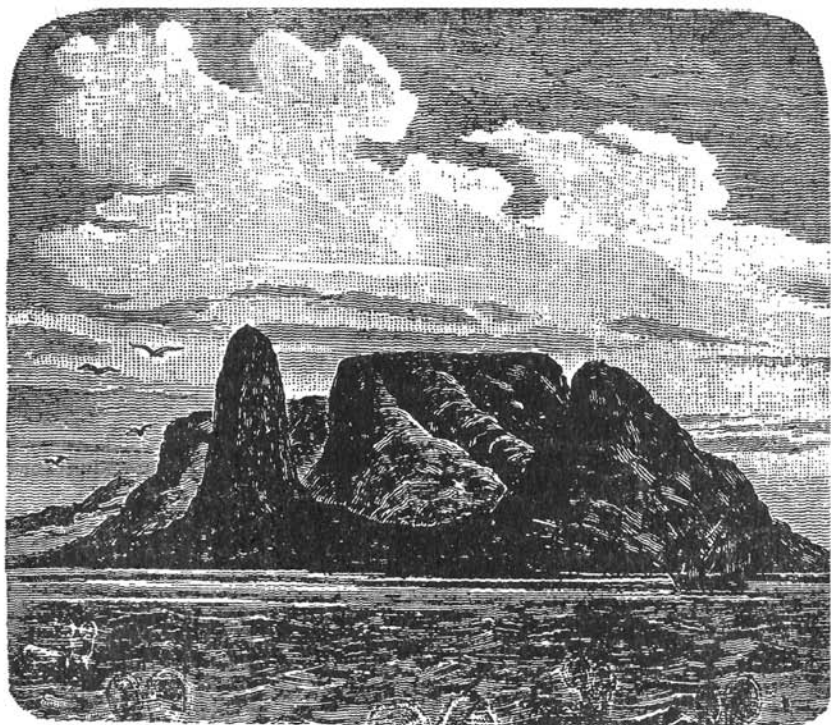
Как это ни странно, Диаш не только не получил никакой награды за свое замечательное плавание, увенчавшееся таким большим успехом, но, по непонятной причине, попал даже в опалу. Ему не поручалось больше начальство ни над одной экспедицией.

Древний китайский компас.

И только десять лет спустя, когда Васко да Гама отправился по его следам открывать морской путь в Индию, Диашу было разрешено сопровождать своего более счастливого товарища в качестве простого подчиненного до форта Сан-Жоржи-да-Мина на Золотом берегу. Диашу не оставалось ничего другого, как только внимать толкам о чудесном открытии Васко да Гамы и обдумывать на досуге, какое громадное влияние окажет это событие на дальнейшую судьбу его родины.

Позднее Бартоломеу Диаш принимал участие в качестве обыкновенного капитана в экспедиции Педру Алвариша Кабрала, открывшего Бразилию. Но и здесь ему не суждено было испы-

Мыс Доброй Надежды.

тать радость от созерцания берегов, к которым он сам указал дорогу. Едва португальская флотилия покинула американский берег и направилась к мысу Доброй Надежды, как на океане поднялась страшная буря. Четыре корабля затонули, и в том числе корабль, капитаном которого был Диаш. Отважный мореплаватель погиб со своим кораблем в волнах Атлантического океана 24 марта 1500 года.

Великий португальский поэт Луиш ди Камоэнс, автор поэмы «Лузиады» (1572), намекая на этот трагический конец Бартоломеу Диаша, вложил в уста духа Адамастора, охраняющего мыс Бурный, следующее мрачное пророчество: «Я дам страшный урок первому флоту, который будет проходить мимо этих утесов, и жестоко отомщу тому, кто первый дерзнет потревожить меня в моем неприступном убежище».

В действительности только в 1497 году, то есть через пять лет после открытия Америки, Васко да Гама обогнул южную

оконечность Африки. Можно утверждать, что если бы Колумб не опередил Васко да Гаму, то открытие Нового света задержалось бы на длительное время.

И в самом деле, мореплаватели этой эпохи были весьма осторожны. Не зная протяженности морей, они не рисковали пускаться в открытый океан и предпочитали держаться в виду африканского берега. Если бы мыс Бурный удалось обогнуть раньше, то мореплаватели привыкли бы ходить в Индию по этому пути и никто из них не подумал бы добираться до «Страны пряностей», то есть до Азии, через Атлантический океан. Кому бы тогда могло прийти в голову искать дорогу на восток, направляясь к западу?

Только в силу необходимости могла возникнуть подобная мысль. «Главной задачей морских путешествий португальцев в XV веке, — говорит Кули, — было изыскание пути в Индию через океан». Ученые мужи того времени не в состоянии были предположить существование нового материка по ту сторону океана, несмотря на то, что некоторые части американского материка уже были открыты.

Известно, например, что итальянский мореплаватель Джон Кабот (Кабото), находившийся вместе со своим сыном Себастьяном на английской службе, в 1497 году высаживался на полуострове Лабрадор почти в то же время, когда Колумб и Веспуччи открыли Южную Америку. Скандинавские викинги еще несколькими столетиями раньше причаливали к этим неизвестным берегам. Гренландские переселенцы исследовали землю, которую они называли Винланд, то есть «Виноградная страна» (ученые отождествляют ее с Новой Англией). И тем не менее существование Нового света представлялось в те времена такой несообразностью, что и Гренландия, и Винланд, и Лабрадор считались не более как продолжением европейского континента.

Итак, мореплаватели XV века стремились только установить более легкое морское сообщение с берегами Азии. Действительно, сухопутная дорога в Индию, Китай и Японию, в страны, известные по чудесным рассказам Марко Поло, была длинна и опасна, так как проходила через Малую Азию, Персию и Монголию. Кроме того, сухопутные дороги не могли способствовать процветанию торговли; перевозка по ним была сопряжена с большими трудностями и обходилась очень дорого. Назрела необходимость найти более удобное средство сообщения. И тогда народы всех стран, расположенных вдоль берегов европейских морей, начиная с Англии и кончая Испанией, видя перед собою свободные воды Атлантического океана, неизбежно должны были задаться вопросом: а не могут ли эти океанские воды привести к берегам Азии?

Так как шарообразность Земли была уже доказана, то такое предположение имело все основания. Если отправиться через Атлантический океан на запад, то в конце концов корабль достигнет берегов Восточной Азии и Индии. Путь через океан не может не быть свободным!

И в самом деле, кто бы мог подумать о существовании преграды между Европой и Азией — препятствия, протяженностью в три тысячи двести пятьдесят лье? Кто бы мог подумать о существовании Америки?

К тому же следует заметить, что ученые средних веков считали, будто берега Азии удалены от Европы не более чем на две тысячи лье. Аристотелю⁶² земной шар казался намного меньше его действительных размеров. «Каково расстояние от крайних берегов Испании до Индии? — спрашивал Сенека⁶³ и так на это отвечал: — Несколько дней пути при благоприятном ветре». Страбон придерживался такого же мнения. Итак, путь между Европой и Азией не считался длинным. Кроме того, промежуточные остановки на Канарских и Азорских островах, о существовании которых между Европой и Азией было известно в XV веке, должны были облегчить путь через океан.

Можно утверждать, что господствовавшее заблуждение о расстоянии между Европой и Азией имело и свою положительную сторону: оно побуждало мореплавателей того времени пускаться в неизведанные просторы Атлантического океана. Если бы было известно, что в действительности расстояние, отделяющее Европу от Азии, достигает пяти тысяч лье, то вряд ли кто-нибудь отважился бы пуститься в западные моря.

Заметим, что некоторые факты подтверждали, или, вернее, казались подтверждением точки зрения последователей Аристотеля и Страбона относительно близости к Европе восточных берегов Азии. Так, например, один португальский лоцман, отплыв в море на четыреста пятьдесят лье от мыса Сан-Висенти, лежащего на юго-западе Португалии, нашел в воде кусок дерева, украшенный древней резьбой. Около Мадейры рыболовы вылавливали время от времени то доски со следами орнамента, то длинные бамбуковые палки, напоминавшие с виду индийский бамбук. Жители Азорских островов не раз выволакивали на берег громадные сосны неизвестной породы, а однажды нашли два человеческих трупа — «с широкими лицами, не похожие на христиан», — говорит португальский летописец.

Подобные случаи также поддерживали господствовавшее заблуждение. В XV веке еще не знали о существовании Гольфстрима, приносящего иногда к европейским берегам то, что попадало в его течение. Найденным предметам приписывали азиатское происхождение. Все это приводило к ошибочному выводу,

что Азия недалеко от Европы и что сообщение между этими противоположными сторонами огромного Евразийского континента не вызовет больших трудностей.

Следовательно, ни один географ того времени не мог даже подозревать о существовании Нового света. Примем это за исходное положение. При отыскании пути на Запад не было и речи о расширении географических знаний. Во главе этого движения стояли купцы с их торговыми интересами, и они-то главным образом и стремились проложить путь через Атлантический океан. Вопрос шел исключительно о торговле с Востоком и отыскании кратчайшего для нее пути.

Заметим, что компас, изобретенный, по общему мнению, около 1302 года неким Флавио Джойа д'Амальфи,⁶⁴ давал возможность морякам не только удаляться от берегов, но и совсем терять их из виду. Кроме того, немецкий космограф Мартин Бехайм⁶⁵ и два ученых доктора, служивших у Генриха Мореплавателя, нашли способ ориентироваться по высоте солнца и применили астролябию для нужд мореплавания.

Когда эти навигационные приборы вошли в обиход, вопрос о торговом пути на Запад стал особенно волновать испанских, португальских и итальянских купцов, заразивших своим энтузиазмом ученых. Не было конца дискуссиям, спорам и практическим предложениям. Со всех сторон сыпались факты, системы, доктрины. Наступило время для проявления силы разума, которому предстояло разобраться во всем этом и установить истину. Так и случилось. Все разрозненные, отрывочные мысли и данные соединились в стройное целое в голове одного гениального человека, обладавшего редкой настойчивостью и смелостью.

Этим человеком был Христофор Колумб (по-испански — Кристо́валь Колóн), родившийся, вероятно, в 1436 году близ Генуи. Мы говорим «вероятно» потому, что деревни Когорео и Нерви спорят с городами Савоной и Генуей из-за чести считаться его родиной.⁶⁶ Что же касается года рождения Колумба, то здесь тоже нет единого мнения. Разные исследователи определяют время его рождения между 1430 и 1445 годами. 1436 год представляется нам наиболее вероятным.⁶⁷

Христофор Колумб родился в небогатой семье генуэзского шерстяника Доминико Колумба, или, по-итальянски, Коломбо. Христофор был старшим из трех сыновей Доминико. Биографы утверждают, хотя в точности это неизвестно, что он был отправлен отцом в университет в город Павию для обучения грамматике, латинскому языку, географии, астрономии и навигации. Если он и был в этом университете, то очень недолго, так как уже четырнадцати лет поступил на морскую службу. О жизни Ко-

Христофор Колумб. Со старинной гравюры.

лумба с этого времени до 1485 года сохранилось очень мало сведений.

Мы знаем лишь, что он участвовал в нескольких торговых плаваниях и приобрел славу искусного морехода. Колумб принимал участие в нескольких португальских путешествиях вдоль берегов Африки, бывал по торговым делам в Гвинее, закупал на Мадейре сахарный тростник для генуэзского торгового дома, совершал поездки на север — в Англию и Ирландию и успел к сорока годам «объехать всё, что объезжали до него».

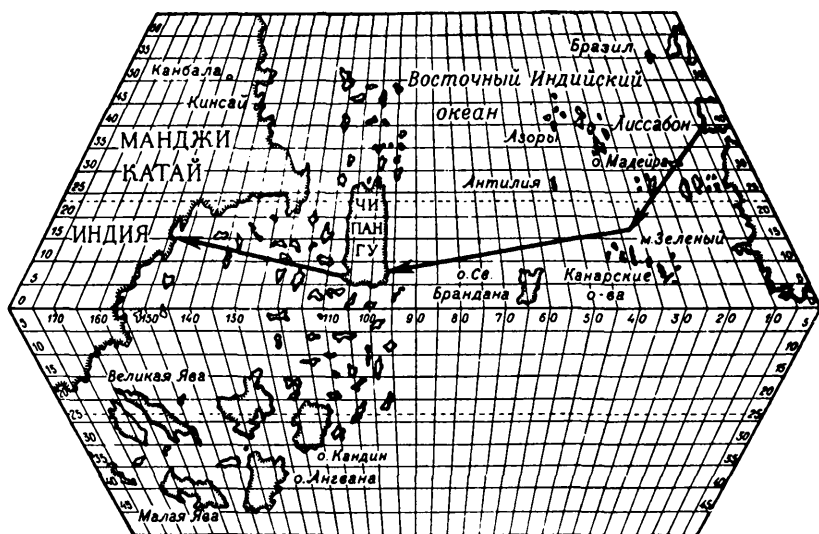
В перерывах между морскими путешествиями Колумб вместе со своим младшим братом Бартоломе добывал средства к существованию составлением морских карт. Приблизительно в 1476 году Колумб поселился в португальской столице Лиссабоне, которая была в то время главным центром мореходной науки и привлекала к себе отважных мореплавателей и ученых-географов.

Живя в Лиссабоне, Христофор Колумб около 1479 года женился на Филипе Муньиш ди Перестреллу, дочери португальского дворянина, правителя острова Порту-Санту, расположенного в 50 километрах к северо-востоку от Мадейры. В 1480 году от этого брака родился старший сын Колумба, Диего, впоследствии унаследовавший титул главного адмирала и вице-короля Индии.

Отец Филипы Перестреллу умер еще до ее замужества. Губернатором острова Порту-Санту был назначен его старший сын Бартоломе Перестреллу. Некоторое время Христофор Колумб провел со своей женой на этом острове, прилежно изучая оставшиеся после ее отца географические карты и заметки о путешествиях. Предполагают, что именно в этот период жизни Колумба у него зародилась великая мысль об открытии западного пути в Индию.

Вернувшись затем с семьей в Лиссабон, Колумб занимался изданием глобусов, географических и навигационных карт, продолжая в то же время пополнять пробелы в своем образовании. Колумб читал по крайней мере на четырех языках (итальянском, португальском, испанском и латинском). Сохранился экземпляр написанной на латинском языке книги Пьера д'Айи⁶⁹ «Образ мира» с собственноручными пометками Колумба на полях.

Географические представления Колумба сложились в значительной мере под влиянием этого ученого труда. Пьер д'Айи, вслед за Роджером Бэконом,⁶⁹ учил о шарообразности Земли и утверждал, между прочим, что расстояние от западных берегов Европы до восточных берегов Азии не может быть особенно большим.

Карта Тосканелли, на которую нанесены восточные берега Азии и острова Японии. Стелками показан путь, по которому собирался следовать Колумб.

Задумав открыть западный путь в Индию, Колумб, как рассказывают его биографы-современники, вступил в переписку с известными учеными — Мартином Бехаймом, о котором мы уже упоминали, и с итальянским географом, математиком и астрономом Паоло Тосканелли.⁷⁰

По преданию, этот ученый поддержал идею Колумба и прислал ему копию своего письма к лиссабонскому вельможе Мартиншу, который обращался к Тосканелли за советом по поручению португальского короля Афонсу V. Письмо Тосканелли, независимо от того, был ли Колумб знаком с его содержанием или нет, представляет такой большой интерес, что мы не можем обойти молчанием этот исторический документ.

«Я знаю, — писал Тосканелли, — что существование такого пути может быть доказано на том основании, что Земля — шар. Тем не менее, чтобы облегчить предприятие, я решился изобразить новый путь на морской карте. Отправляю его величеству карту, сделанную мною собственноручно. На ней изображены ваши берега и острова, откуда вы должны плыть непрерывно к западу; и места, куда вы прибудете; и как далеко вы должны держаться от полюса или от экватора; и какое расстояние вы должны пройти, чтобы достигнуть стран, где больше всего разных пряностей и драгоценных камней. Не удивляйтесь, что я называю

западом страны, где растут пряности, тогда как их обыкновенно называют востоком, потому что люди, плывущие неуклонно на запад, достигнут восточных стран за океаном в другом полушарии. Но если вы отправитесь по суше — через наше полушарие, то страны пряностей будут на востоке. . . »

Далее Тосканелли делает выписки о Китае из книги Марко Поло, утверждая при этом, что от Лиссабона до китайского города Кинся (современного Ханьчжоу) не более 6500 миль.

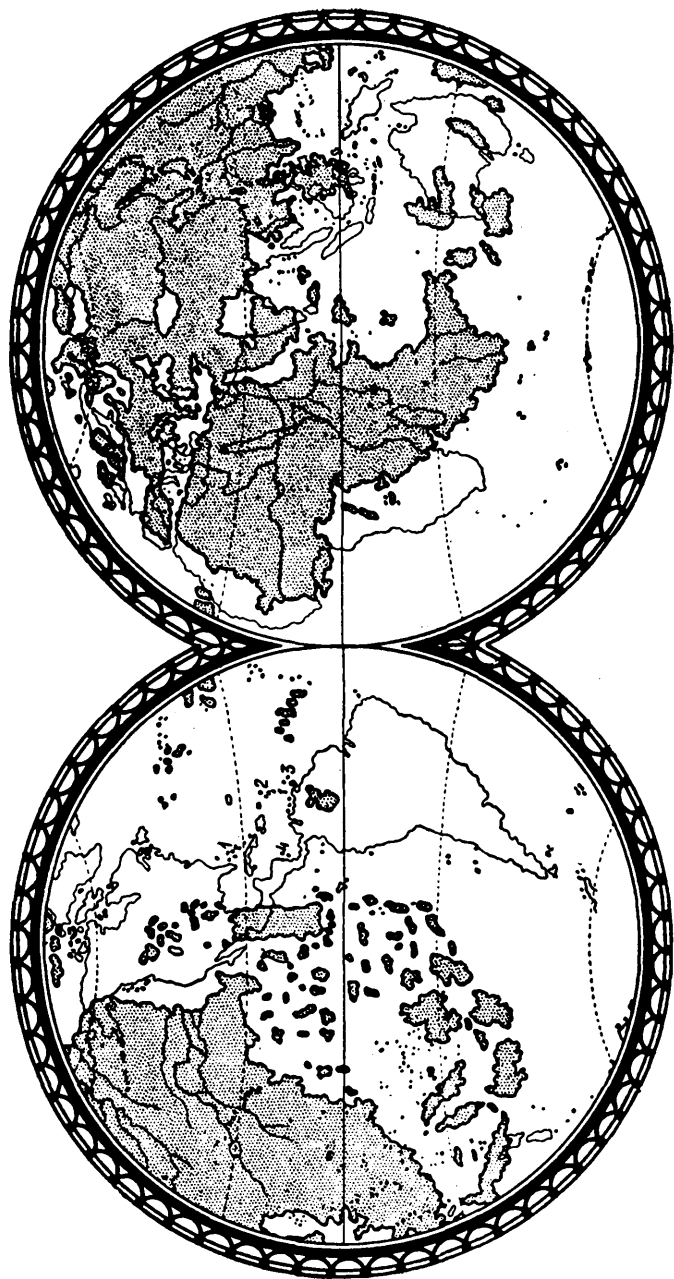
Если приведенное письмо Тосканелли действительно дошло до Колумба, оно могло только усилить его энтузиазм и побудить его к активным действиям. Однако письмо Тосканелли само по себе не привело ни к какому результату, так как Афонсу V был занят войною с Испанией и оставил без ответа предложение итальянского ученого. В то время возможности Португалии были очень ограничены. Война с маврами в Марокко и многочисленные африканские экспедиции истощили ее и без того скудную казну.

Преемник Афонсу, Жуан II, создал «Совет математиков» для рассмотрения проектов заморских экспедиций. Новый португальский король заинтересовался планом Колумба, предложившего снарядить три каравеллы, которые должны были, следуя западным путем, достичь «великого острова Сипанго (или «Чипангу»)»⁷¹ и царства великого хана». Но «Совет математиков» почему-то отклонил предложение генуэзского морехода, а король Жуан II, воспользовавшись проектами Тосканелли и Колумба, снарядил без участия последнего экспедицию в Китай через Атлантический океан. По-видимому, люди, на которых было возложено это предприятие, не обладали достаточным опытом. Уже через несколько дней поднявшийся в море шторм заставил португальских моряков вернуться обратно в Лиссабон.

Христофор Колумб, оскорбленный вероломством португальского короля, решил покинуть его страну. Одновременно на Колумба обрушилось и другое несчастье: в конце 1484 года умерла его жена, и он остался один с малолетним сыном Диего. Полагают, что Колумб сперва направился в Геную, а затем в Венецию, где его предложение о поисках нового пути через океан было встречено очень холодно.

В 1485 году мы находим Колумба в Испании. В это время он не обладал никакими средствами и вынужден был совершать длинные путешествия пешком, неся на руках своего маленького сына.

Теперь уже история следит за ним шаг за шагом, больше не теряя его из виду и сохраняя для потомства все подробности этой героической жизни.

Карта мира по Бехайму, 1492 год. Карта Бехайма наложена на современную карту мира. Цифрами 1, 2, 3, 4 отмечены места, которых достиг Колумб в первом и последующих путешествиях.

Добравшись до Андалузии, Христофор Колумб попытался найти приют в окрестностях городка Палоса, где внимание путника привлек старинный францисканский монастырь св. Марии де Рабида. Голодный, утомленный, Колумб попросил у монастырского привратника разрешения остановиться на ночлег.

Настоятель монастыря Хуан Перес де Марчана разговорился с незнакомцем и, узнав от него все подробности его жизни, посвященной осуществлению великого замысла, решил оказать ему помощь. Дожидаясь благоприятного момента, Колумб в течение нескольких месяцев, до весны 1486 года, прожил в монастыре Рабида. Затем с рекомендательным письмом настоятеля к влиятельному лицу, духовнику короля Фердинанда и его супруги королевы Изабеллы, он отправился в Кордову, куда должны были вскоре прибыть король и королева. Действительно, духовник, которому было адресовано рекомендательное письмо, пользовался полным доверием Фердинанда и Изабеллы, но он не сумел заинтересовать королевскую чету проектом гениального мореплавателя и ничего для него не добился.

Христофору Колумбу оставалось только запастись терпением. Он поселился в Кордове и, чтобы добывать себе средства к жизни, снова принялся за составление географических карт. Не теряя мужества, он стойко переносил все удары судьбы, решив во что бы то ни стало добиться осуществления своего замысла. В Кордове ему удалось приобрести друзей и покровителей, которые представили его богатейшему гранду, * герцогу Энрике Гусману.

Заинтересовавшись дерзким планом Колумба, герцог, однако, не успел оказать ему помощь, так как неожиданно очутился в опале и вынужден был бежать из Кастилии. Наконец, другой кастильский гранд, герцог Мединасели, добился для Колумба аудиенции у Фердинанда и Изабеллы.

Христофору Колумбу казалось, что цель его теперь близка. Фердинанд и Изабелла отнеслись благосклонно к его проекту и поручили высказать свое мнение специальной комиссии из ученых, прелатов и монахов в коллегии св. Стефана, в Саламанкском университете.

Но радость Колумба была преждевременна. Вся комиссия восстала против его проекта. Да и как было не восстать? Его идеи близко соприкасались с религиозными вопросами, к которым в XV веке относились особенно ревностно. Хотя шарообразность Земли была уже доказана, но отцы церкви все еще не желали признавать этого открытия. Сама идея кругосветного путешествия рассматривалась ими как нечто противоречащее текстам священного писания.

* Гранд — титул испанского вельможи.

Колумб ищет приюта в монастыре св. Марии де Рабиды.

«Кроме того, — рассуждали богословы и ученые-схоласты, — если бы даже и удалось как-нибудь спуститься в другое полушарие, то как подняться оттуда обратно? Даже при самом благоприятном ветре кораблю ни за что не подняться на огромную водяную гору, которую образует выпуклость шара, если даже допустить, что Земля действительно шарообразна».

Это был для того времени весьма веский довод. Итак, Христофора Колумба едва не обвинили в ереси — в самом тяжелом и непростительном по законам XV века преступлении. Правда, он сумел кое-как оправдаться от возведенного на него комиссией обвинения, но окончательное решение по его проекту было отложено на неопределенное время.

Прошло еще несколько лет. Измученный унижительными хлопотами и неудачами, отчаявшись добиться чего-нибудь путного в Испании, Христофор Колумб послал своего брата Бартоломе к английскому королю Генриху VII с предложением своего плана, но, кажется, король не удостоил его никаким ответом. Тогда Бартоломе отправился во Францию и сумел заинтересовать проектом Колумба сестру короля Карла VIII Анну Боже.

Собравшись ехать во Францию, Колумб в 1491 году снова появился в монастыре Рабида, чтобы забрать своего сына Диего, который воспитывался там уже больше шести лет. Настоятель монастыря Хуан Перес, по-прежнему сочувствовавший идеям Колумба, познакомил его с богатым палосским судовладельцем Мартином Алонсо Пинсоном и с другими влиятельными лицами, которые помогли ему еще раз получить аудиенцию у короля и королевев. Нашлись также богатые люди, согласившиеся ссудить казне деньги на эту экспедицию. Последнее обстоятельство побудило Фердинанда и Изабеллу утвердить столь необычный проект и — после долгих обсуждений и колебаний — принять все условия, выдвинутые Колумбом.

Итак, только через семнадцать лет после зарождения великой идеи и спустя семь лет после прибытия в монастырь Рабида Колумб 17 апреля 1492 года подписал в военном городке Санта-Фе договор с королем и королевой Испании. В это время они только что отпраздновали победу над Гренадой — последним оплотом мавританского господства на Пиренейском полуострове — и потому могли проявить заинтересованность в установлении торговых связей с Индией.

По торжественному договору «дон Кристоваль Колон» назначался главным адмиралом всех островов и материков, которые ему удастся «открыть или приобрести». Этот титул «со всеми привилегиями и прерогативами» должен был переходить его наследникам — из рода в род, на вечные времена. Христофор Колумб удерживал за собою звание вице-короля и губернатора

всех новых владений, которые он завоеует в богатой Азии. Десятая часть жемчуга, драгоценных камней, золота, серебра, пряностей и всяких других вещей и товаров, «купленных, обмененных, найденных или приобретенных» во вновь открытых странах, должна была поступать в собственность Колумба, а девять десятых всей добычи — в собственность короля и королевы.

Все мытарства были окончены, и Христофор Колумб мог теперь приступить к исполнению своих замыслов. Но, повторяем, он вовсе и не замышлял открывать Новый свет, о существовании которого даже не догадывался. Он хотел лишь «попасть на Восток через Запад, проехать западным путем в землю, где растут пряности». Можно утверждать, что Колумб до конца дней своих был уверен, будто он достиг берегов Азии, и даже не подозревал того, что на самом деле открыл Америку. Однако это нисколько не умаляет его славы и величия его подвига.

Таким образом, открытие Нового света оказалось делом случая. Но отвага, с которой гений пренебрег опасностями неизвестного пути; бесстрашное плавание вдали от берегов, которых боязливо держались все его предшественники; уверенное продвижение по океану на хрупких суденышках, готовых стать добычею первой бури; отважное стремление вперед по безграничным просторам новых морей — все это обеспечивает за Колумбом бессмертную славу.

Христофор Колумб стал готовиться к отплытию. В его распоряжение были предоставлены два корабля. Вступив в соглашение с богатыми судовладельцами Палоса — тремя братьями Пинсон, он получил от них необходимые средства для снаряжения третьего судна.

Экипаж, как утверждают историки, был принудительно набран из каторжников и уголовных преступников, отбывавших наказание в Палосе, так как обыкновенные матросы не соглашались принять участие в этой опасной экспедиции.

Капитаном первой каравеллы «Санта-Мария», водоизмещением около 100 тонн, был сам Колумб. Это было, по его словам, «плохое судно, непригодное для открытий».

Капитаном второй, меньшей каравеллы «Пинта» был старший из трех братьев-судовладельцев — Мартин Алонсо Пинсон.

Самый маленький корабль — «Нинья» («Детка»), водоизмещением в 40 тонн, был поставлен под управление Висенте Пинсона.

Экипаж всей флотилии состоял приблизительно из 90 человек.

Рано утром 3 августа 1492 года три каравеллы Колумба снялись с якоря и, оставив позади отмель Сальтес, лежащую в виду города Уэльва в Андалузии, пустились в неведомую даль по волнам Атлантического океана.

Первое путешествие Колумба на запад. — Гран-Канария. — Остров Гомера. — Отклонение магнитной стрелки. — Бунт на кораблях Колумба. — «Земля! Земля!». — Сан-Сальвадор (Гуанахани). — Взятие острова во владение. — Санта-Мария-де-Консепсьон (Рам). — Фернандина (Лонг-Айленд). — Изабелла (Крукед-Айленд). — Остров Хуана (Куба). — Описание острова. — Эспаньола (Гаити). — Остров Тортуга. — Касик в гостях у Колумба. — «Санта-Мария» терпит крушение. — Остров Монте-Кристи. — Порт Навилад. — Возвращение. — Четырехдневная буря. — Прибытие в Испанию. — Прием, оказанный Колумбу.

Выйдя в океан, адмирал — так называют Колумба во всех старинных источниках — направил свою флотилию на юго-запад, к Канарским островам, откуда он собирался повернуть прямо на запад. На четвертый день плавания случилось несчастье: на каравелле «Пинта» сломался руль. По-видимому, это было сделано умышленно матросами, чтобы возвратиться обратно в Палос. Но Колумб приказал пристать к острову Гран-Канария и заняться ремонтом поврежденного корабля. Только на девятнадцатый день после отплытия (2 сентября) флотилия, покинув Гран-Канарию, прибыла на остров Гомера, где Колумб запасся водой, дровами и съестными припасами.

Несмотря на то, что адмиралу стало известно о намерении португальской эскадры напасть на него в открытом море, чтобы помешать экспедиции, 6 сентября флотилия покинула Канарский архипелаг. Приказав поднять все паруса, Колумб искусно избежал встречи с противником и, взяв курс на запад, вскоре потерял из виду остров Иерро (Ферро), последний из Канарских островов. Дальше уже начиналась неизведанная область океана. Многие матросы стали плакать и жаловаться на свою несчастную судьбу, которая обрекла их на верную гибель.

Колумб старался, как только мог, утешить матросов, рисуя перед ними заманчивые картины сказочно-прекрасных стран, обещая им земли и богатства, — все, что могло воспламенить воображение его спутников, жаждущих обогащения. Чтобы не волновать матросов дальностью пройденного расстояния, Колумб решил показывать в корабельном журнале преуменьшенные данные о пройденном пути; верные расстояния он заносил в свой личный дневник.

«Адмирал принял решение, — сказано в дневнике первого путешествия, — отсчитывать доли пути меньшие, чем проходили в действительности, в том случае, если бы плавание оказалось длительным, чтобы людьми не овладели страх и растерянность». (Запись от 9 сентября.)

13 сентября, вечером, когда флотилия находилась почти

в двухстах милях к западу от острова Иерро, адмирал заметил, что магнитная стрелка компаса вместо того, чтобы показывать на север, отклонилась на северо-запад.

Таким образом, Колумбу принадлежит важное географическое открытие отклонения магнитной стрелки, которое он учитывал в дальнейшем при своих расчетах. Когда компасы начали «северо-западничают», как выражались кормчие, тревожное настроение экипажа еще более усилилось.

14 сентября матросы с каравеллы «Нинья» увидели водяную трясогузку и какую-то неизвестную тропическую птицу. Так как птицы не залетают далеко в море, появление их предвещало близость земли. Температура была очень мягкая, погода великопная, «как в Андалузии в апреле». Восточный ветер все время гнал корабли в нужном направлении. Но именно это постоянство восточных ветров и пугало матросов, считавших, что корабли никогда не смогут вернуться обратно в Испанию.

На тридцать пятый день плавания, 16 сентября, на поверхности океана стали попадаться пучки водорослей, а в следующие дни около кораблей появилось множество птиц. Но земля все еще не показывалась, хотя каждый день умножались признаки ее близости. Настроение экипажа оставалось неустойчивым: от надежды люди легко переходили к отчаянию, отчаяние быстро сменялось надеждой.

Приведем несколько выдержек из путевого дневника Колумба.

«Понедельник, 17 сентября. Адмирал плыл своим путем на запад и прошел за день и ночь более 50 лиг.⁷² Отмечено, однако, было всего лишь 47. Помогало течение. Видели часто траву, и ее было очень много. Это была та трава, что растет на скалах, и приносилась она с запада. Моряки рассудили, что находятся вблизи земли... После того как рассвело, в тот же понедельник, увидели еще больше травы, и оказалась она речной. Среди трав нашли живого рака, которого адмирал сохранил. Адмирал отмечает, что все это были верные признаки земли и что корабли находятся от нее не далее чем в 80 лигах. Обнаружено было, что со времени отплытия от Канарских островов не было еще столь мало соленой воды в море и столь тихой погоды. Все повеселели, и каждый корабль ускорял ход насколько возможно, чтобы первым увидеть землю. Видели много дельфинов, а люди с «Ниньи» одного убили.

Адмирал отмечает при этом, что все это — признаки западной стороны. «Уповаю на всевышнего, от коего зависит все, и надеюсь, что очень скоро даст он нам узреть землю».

Вторник, 18 сентября. Шли день и ночь, пройдя более 55 лиг, но показали только 48. Море все эти дни было очень

спокойное, совсем как река в Севилье. Мартин Алонсо на «Пинте», корабле весьма быстроходном, пошел вперед, не дожидаясь остальных каравелл. Он сообщил со своей каравеллы адмиралу, что видел множество птиц, летящих к западу, почему и надеялся этой же ночью увидеть землю; по этой причине он шел так быстро. . .

Среда, 19 сентября. Поплыли своим путем, и так как погода была тихая, за день и ночь прошли 25 лиг, записали же 22. В этот день, в 10 часов, на корабль залетел глупыш, вечером видели еще одного. Птицы же эти обычно не удаляются более чем на 20 лиг от земли. Порой шел дождь, но ветра не было — верный признак земли.

Воскресенье, 23 сентября. Плыли к северо-западу, порой отклоняясь на четверть к северу, а иногда своим путем, то есть на запад. Прошли 22 лиги. Видели голубя, глупыша, еще одну речную птицу и белых птиц. Травы попадалось много, и в ней найдены были раки. Так как море было теплое и гладкое, люди стали роптать, говоря, что море тут странное и никогда не подуют ветры, которые помогли бы им возвратиться в Испанию.

Вторник, 25 сентября. . . На заходе солнца Мартин Алонсо Пинсон показался на корме своего корабля и с радостным видом вызвал адмирала, поздравляя его, ибо увидел он землю. . . До ночи все были убеждены, что земля лежит где-то поблизости. Адмирал приказал всем кораблям отклониться от обычного пути на запад и идти всем кораблям к юго-западу, в том направлении, где показалась земля. . .

Среда, 26 сентября. Адмирал плыл своим путем на запад до полудня, затем направился на юго-запад до тех пор, пока не убедился, что то, что вчера все принимали за землю, было небом. . .

Суббота, 29 сентября. Плыли своим путем на запад. Прошли 24 лиги, людям же насчитали 21 лигу. . . Погода была мягкая и приятная, именно такая, о которой говорят, что не хватает только соловьиного пения, море же было гладкое, как река. Трижды появились глупыши и один раз вилохвостка. Видели много травы. . .»

Можно себе представить, с какою жадностью матросы и офицеры каравелл всматривались в западный горизонт, где должна была показаться земля! Каждый был заинтересован в том, чтобы первым заметить эту неизвестную землю, так как король Фердинанд обещал первому, кто ее увидит, выдать в награду шелковый камзол и десять тысяч мараведи⁷³ годовой ренты.

7 октября экипаж флотилии был взволнован выстрелом бомбарды,⁷⁴ раздавшимся с «Ниньи», которая шла впереди. Этот условный сигнал должен был, по распоряжению Колумба, опове-

стить флотилию, как только будет замечена земля. Братьям Пинсон, находившимся на борту «Ниньи», показалось, что они видят землю. Однако вскоре обнаружилось, что это была очередная ошибка. Так как Пинсоны утверждали, что видели попугаев, летящих к юго-западу, адмирал согласился слегка изменить направление. Это отклонение от курса было сделано очень кстати: если бы флотилия продолжала плыть прямо на запад, она могла бы наскочить на острые рифы Багамских островов и потерпеть крушение.

Корабли плыли по новому направлению три дня, но земля, так долго и страстно ожидаемая земля, упорно не показывалась! Каждый вечер солнце скрывалось все за той же равнодушной линией океана. Экипаж то и дело становился жертвой оптического обмана. Матросы роптали, выражая недовольство Колумбом, «этим упрямым генуэзцем», который завлек их на край света. Признаки возмущения стали повторяться все чаще и чаще, и, наконец, 10 октября люди заявили, что дальше они не двинутся.

Положение Колумба становилось все более затруднительным. Его уверения о близости земли, его посулы и угрозы почти уже не действовали на матросов. На счастье Колумба, 11 октября матросы с каравеллы «Пинта» выловили в море свежееотломленную ветку и небольшую палку, обработанную руками человека. Почти в то же время люди с корабля «Нинья» заметили ветку шиповника, усеянную свежими ягодами. Все воодушевились и обрадовались, видя эти признаки, служившие очевидным доказательством близости земли.

Наступившая ночь покрыла море мраком. «Пинта», самый быстроходный корабль из всей флотилии, держалась впереди адмирала. Христофор Колумб ни на минуту не покидал капитанского мостика. Он до боли в глазах всматривался в горизонт. В ночном тумане ему чудились вдали какие-то огни: они то мерцали, то потухали, то вспыхивали вновь. Затем огни исчезли, и Колумба опять охватила тревога.

Так корабли продолжали плыть до двух часов утра. Никто не смыкал глаз.

Вдруг с «Пинты» раздался голос матроса Родриго де Триана: — Земля! Земля!

И почти одновременно выстрелила бомбарда.

Через несколько минут очертания берега стали вырисовываться в предутренней мгле. Паруса на каравеллах тотчас же были убраны, и корабли легли в дрейф в ожидании утра.

Можно себе представить, что должен был почувствовать в эту минуту Колумб! Наконец-то, после долгих лет мытарств он сумел доказать свою правоту и раскрыть великую тайну океана!

Колумб впервые увидел берег Нового света утром 12 октября

1492 года. Вместе с первыми лучами солнца, в двух милях от кораблей открылся низменный остров, относящийся к Багамскому архипелагу. Колумб тотчас же присвоил этому острову христианское название Сан-Сальвадор («Святой спаситель»). Так как Багамский архипелаг тянется на 1200 километров от полуострова Флориды до Гаити и в нем насчитывается около трех тысяч больших и малых островов, можно только предполагать, к какому именно острову пристала флотилия Колумба. Сами же туземцы называли его Гуанахани.

Вскоре на берегу появилось несколько голых людей, пристально рассматривавших корабли. Христофор Колумб сел в шлюпку вместе с обоими капитанами, королевским инспектором Родриго Санчесом де Сеговией, нотариусом флотилии Родриго де Эсковеда и другими должностными лицами. Адмирал сошел на берег в алой одежде поверх лат, с развернутым королевским знаменем. Оба капитана несли знамена с зеленым крестом, вокруг которого переплетались буквы «F» и «I» — инициалы Фердинанда и Изабеллы. Именем короля Леона и королевы Кастилии адмирал торжественно вступил во владение островом Сан-Сальвадор.

Во время этой церемонии туземцы окружили Колумба и его спутников. Вот как описывает сам Колумб в своем дневнике эту сцену первого знакомства с жителями:

«Поскольку они держали себя дружелюбно по отношению к нам и поскольку я сознавал, что лучше обратиться к ним в нашу святую веру любовью, а не силой, я дал им красные колпаки и стеклянные четки, что вешают на шею, и много других малоценных предметов, которые доставили им большое удовольствие. И они так хорошо отнеслись к нам, что это казалось чудом. Они впасть переправлялись к лодкам, где мы находились, и приносили нам попугаев, и хлопковую пряжу в мотках, и дротики, и много других вещей и обменивали все это на другие предметы, которые мы им давали, как, например, на маленькие стеклянные четки и погребушки. С большой охотой отдавали они все, чем владели.

Но мне показалось, что эти люди бедны [и нуждаются] во всем. Все они ходят нагие, в чем мать родила, и женщины тоже, хотя я видел только одну из них, да и та была еще девочкой. И все люди, которых я видел, были еще молоды, никто из них не имел более 30 лет, и сложены они были хорошо, и тела и лица у них были очень красивые, а волосы грубые, совсем как конские, и короткие. Волосы зачесывают они вниз, на брови, и только небольшая часть волос, и притом длинных, никогда не подстригаемых, забрасывается назад. Некоторые разрисовывают себя черной краской (а кожа у них такого цвета, как у жителей Канарских островов, которые не черны и не белы), другие — крас-

ной краской, иные — тем, что попадаете под руку; и одни из них разрисовывают лицо, другие же все тело, а есть и такие, у которых разрисованы только глаза или нос. Они не носят и не знают [железного] оружия: когда я показывал им шпаги, они хватались за лезвия и по неведенью обрезали себе пальцы. Никакого железа у них нет. Их дротики — это палицы без железа. Некоторые дротики имеют на конце рыбы зубы, у других же наконечники из иного материала.

Они все без исключения рослые и хорошо сложенные люди. Черты лица у них правильные, выражение приветливое. У многих я видел рубцы на теле; объясняясь знаками, я спросил их, отчего у них эти рубцы, и они таким же образом растолковали мне, что сюда приходили люди с других, лежащих рядом островов, и хотели эти люди захватить их всех, они же оборонялись. И я думаю, и иные думают, что сюда те люди пришли с материковой земли, чтобы захватить всех живущих здесь в плен.

Они должны быть хорошими и толковыми и сметливыми слугами — я заметил, что они очень быстро научились повторять то, что им говорилось; и я полагаю, что они легко станут христианами, так как мне показалось, что нет у них никаких верований».

На следующее утро, 13 октября, туземцы толпою окружили каравеллы. Они приплыли на своих больших челноках, выдолбленных из цельного ствола дерева и вмещавших до сорока пяти человек. Они ловко управляли этими лодками с помощью весла, похожего на широкую лопату, и передвигались с большой быстротой. Многие островитяне были украшены золотыми пластинками и золотыми кольцами, продетыми через отверстие в носу. Казалось, они были взволнованы прибытием чужеземцев, корабли которых свалились к ним точно с неба. Они подходили к испанцам, дотрагивались с большим удивлением до их одежды, принимая ее за какое-то непонятное для них природное оперение. Особенно их привлекло алое платье Колумба. По-видимому, они приняли его вначале за какого-то попугая высшей породы. Впрочем, вскоре туземцы сообразили, что этот человек — самый главный среди всех прибывших чужеземцев.

На рассвете следующего дня Колумб с некоторыми своими спутниками отправился осматривать остров Сан-Сальвадор. Остров оказался большим и ровным, покрытым густым зеленым лесом и свежими лугами, а посредине находилось прекрасное озеро. Разноцветные голосистые попугаи с шумом перелетали с дерева на дерево. Попугаи составляли на этом острове единственную разновидность пернатых.

Так как испанцы видели у многих дикарей золотые украшения, они заключили, что на Сан-Сальвадоре имеются золоти-

носные руды. Колумб стал расспрашивать одного из туземцев, откуда они берут эти вещи, и туземец знаками объяснил, что, обогнув остров и плывя к югу, он попадет в страну, где золото встречается в изобилии.

На следующее утро Колумб приказал сняться с якоря и плыть в указанном туземцем направлении, в богатую золотом страну, которая, по его мнению, была не чем иным, как островом Сипанго (Япония).

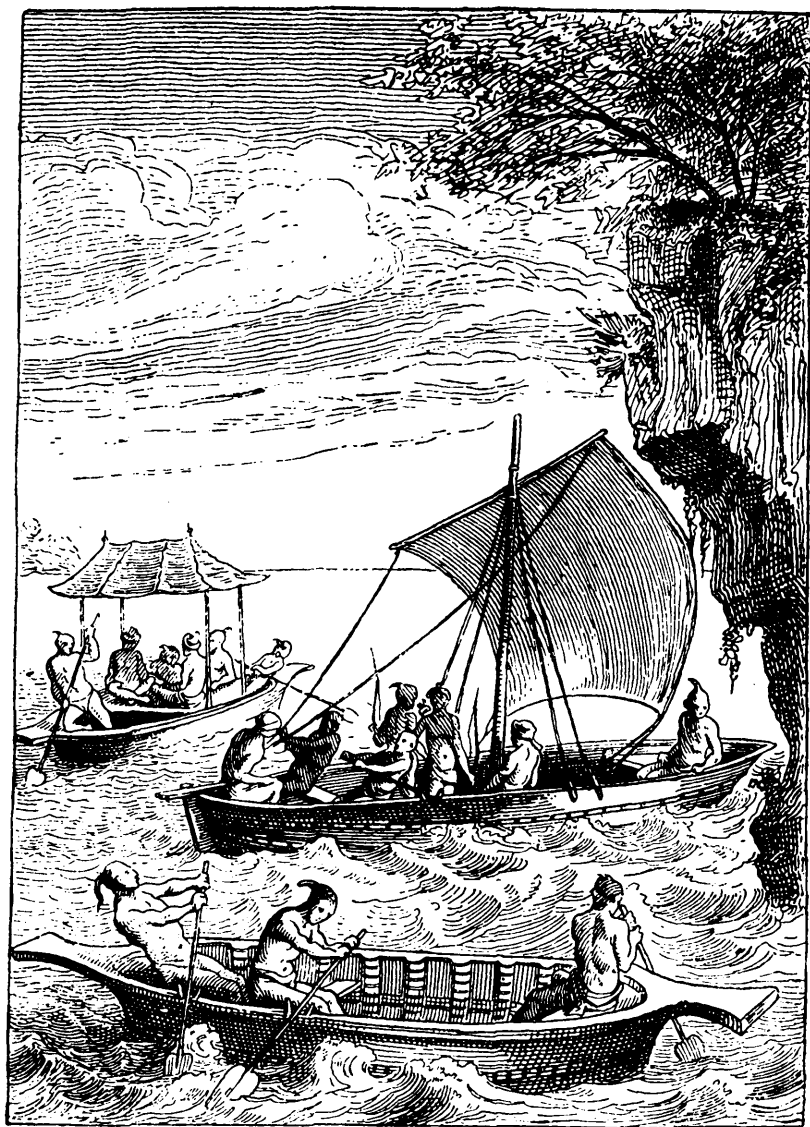
Это заблуждение Колумба как нельзя лучше характеризует географические знания того времени. Великий мореплаватель нисколько не сомневался, что открытые им земли принадлежат к азиатскому континенту. Сипанго, или Чипангу, — как мы знаем, — название Японии в «Книге Марко Поло». Ошибку Колумба разделяли с ним все его спутники. Даже после четырехкратного путешествия на острова, лежащие по ту сторону Атлантического океана, Колумб не подозревал, что открыл новую часть света.

Экипаж Колумба, да и сам адмирал были вполне уверены, что в ночь на 12 октября 1492 года они достигли берегов Японии, либо Китая, либо Индии. Этим объясняется, почему Америка долгое время носила название Западной Индии и почему коренное население этого материка до сих пор известно в Южной и Северной Америке под общим именем «индейцев».

Итак, Христофор Колумб решил достигнуть богатых берегов Японии. Но сначала он направился вдоль берегов Сан-Сальвадора, чтобы исследовать его западную сторону. Встретившиеся на берегу туземцы радушно предлагали адмиралу воду и касаву — хлеб, приготовляемый из мучнистых корней юкки. Колумб несколько раз высаживался в разных местах берега и везде встречал самый дружественный прием. «Я видел два или три селения, а также людей, — пишет он в своем дневнике, — которые выходили на берег, взывая к нам и вознося хвалу богу. Одни приносили нам воду, другие пищу, иные же, заметив, что я не собираюсь выйти на берег, бросались в море и добирались до нас вплавь; и мы поняли, что они спрашивают, не явились ли мы с неба».

Не считаясь с этими проявлениями дружеских чувств, Колумб приказал захватить несколько индейцев, чтобы обучить их испанскому языку и отправить ко двору Фердинанда и Изабеллы. Кроме того, Колумб надеялся с помощью пленников найти вожаденную страну, где «родится золото».

Обогнув Сан-Сальвадор, испанцы убедились, что они открыли не одинокий остров, а целый архипелаг, простирающийся далеко на юго-запад. Колумб увидел столько островов, что не мог решить, к какому из них пристать раньше. Самый большой остров был виден на расстоянии 5 лиг от Сан-Сальвадора.

Индейцы на своих пирогах. Со старинной гравюры.

15 октября, при заходе солнца, флотилия бросила якорь у западной оконечности этого острова, которому было присвоено название Санга-Мария-де-Консепсьон (теперь Рам). И здесь жители оказали испанцам самый радушный прием и охотно дарили им все, чего бы они ни просили. Отсюда Колумб направился дальше и пристал к третьему острову, названному им в честь испанского короля Фернандиной (нынешний Лонг-Айленд). Туземцы по-прежнему проявляли дружелюбие, а Колумб продолжал их одаривать стеклянными бусами и медными погремушками, угощать хлебом и патокой, желая, чтобы среди дикарей распространилась о чужеземцах добрая слава.

Жители Фернандины показали Колумбу более цивилизованными, чем их соседи. Некоторые из туземцев были в накидках из хлопковой ткани, многие носили набедренные повязки. В каждом доме, построенном в виде шатра, были высокие и хорошие очаги. Испанцы «обратили внимание, что внутри эти дома старательно подметены и чисты, а ложе и подстилки, на которых индейцы спят, похожи на сети и сплетены из хлопковой пряжи».⁷⁵

Большое впечатление произвела на Колумба и прекрасная природа этого острова — пышная тропическая растительность с большим разнообразием форм и видов. Особенно интересны и красочны у Колумба описания животного мира. Вот, например, что он говорит о рыбах: «Рыбы здесь настолько отличаются от наших рыб, что кажется это чудом. Иные похожи на петухов и имеют тончайшую расцветку — тут и синие, и желтые, и красные, и все иные тона; другие же расцвечены на много ладов, и так тонки эти краски, что не найдется на свете человека, который не подивился бы им и не обрел бы величайший покой, глядя на этих рыб».

Западный берег острова, образующий глубокий полукруг, мог служить великолепной естественной гаванью для множества кораблей.

Однако на острове Фернандина испанцы не обнаружили тех богатств, которых они так жадно искали. Никаких золотых рудников здесь не оказалось. Туземцы, взятые на борт, говорили о каком-то острове Самоат, где жители якобы добывают много золота.

Колумб поплыл в указанном направлении, и в ночь на 19 октября флотилия пристала к большому острову. Это и был Самоат, который Колумб в честь испанской королевы переименовал в остров Изабеллу (на современных картах он известен как Крукед-Айленд).

По рассказам туземцев, взятых с острова Сан-Сальвадор, на этой земле должен был находиться могущественный властитель, который якобы «управляет всеми ближними островами, хо-

дит одетый и носит на себе много золота». Колумб тщетно ждал этого короля несколько дней, но тот не показывался.

Остров Изабелла также порадовал Колумба своими чистыми озерами и великолепными лесами, изобилующими роскошной и разнообразной растительностью.

«И как все другие острова, этот остров весь зеленый, и травы здесь, как в Андалузии в апреле, и поют в лесах птицы, и человеку, который сюда попал, не захочется уж покинуть эти места. Затмевая солнце, летали здесь стаи попугаев, и было, кроме того, на диво много других птиц, самых разнообразных и во всем отличных от наших.

Росли на острове деревья бесчисленных пород, и у каждого плоды были на свой лад, и все они на диво благоухали. И я себя чувствовал самым обездоленным человеком на свете, потому что не мог определить пород этих деревьев и плодов, а я уверен, что все они весьма ценны. Я везу с собой образцы плодов и трав, отобранных здесь».

Таковы были впечатления Колумба от острова Изабеллы. Жители, испуганные появлением чужеземцев, скрылись в лесах, но потом постепенно собрались в свои селения и стали с любопытством разглядывать невиданных белых людей.

Мысль о достижении Японии ни на минуту не покидала Колумба. Так как туземцы говорили о существовании на западе большого острова, который они называли Куба, то адмирал предположил, что этот остров составляет часть королевства Сипанго, и твердо решил дойти до города Кинся, чтобы вручить великому хану письма от Фердинанда и Изабеллы.

При первом попутном ветре флот Колумба снялся с якоря и снова поплыл на запад. В четверг, 25 октября, корабли прошли мимо группы из шести или восьми островов, вытянутых по одной линии с севера на юг, а в воскресенье Колумб увидел берега острова Кубы. Корабли бросили якорь возле устья большой реки, которой испанцы присвоили название Сан-Сальвадор.

Колумб был поражен обширностью и красотой этого острова. На берегах росли бесчисленные пальмы с такими большими листьями, что достаточно было одного из них, чтобы покрыть хижину туземца. Высокая горная гряда, пересекающая остров, показалась Колумбу такой же красной, как горы Сицилии. Колумб торжественно присоединил этот остров к владениям испанской королевы и назвал его островом Хуана в честь наследного принца.

Туземцы при приближении испанцев разбежались. В покинутых хижинах испанцы нашли домашнюю утварь и изображения местных божков — «женские фигурки и головки наподобие масок, очень хорошо выделанные», а также рыболовные сети и ко-

стяные крючки. Колумб приказал ничего не трогать, чтобы не возбудить негодования туземцев. Через несколько дней ему удалось завязать отношения с жителями Кубы с помощью индейцев, привезенных с Сан-Сальвадора.

«И когда местные жители убедились окончательно, что им не причинят зла, они успокоились, и вскоре к кораблям подошло более чем шестнадцать челноков, или каноэ, с хлопковой пряжей и прочими местными вещичками. Адмирал приказал ничего у них не брать, чтобы индейцы таким образом узнали, что он ищет только золото, которое здесь называют «нукай».

Колумб не сомневался, что теперь он достиг искомого материка Азии и находится всего в нескольких десятках миль от Кин-сая. Он так был в этом уверен, что стал снаряжать посольство к великому хану. В качестве посла он назначил дворянина Родриго де Хереса, которого должен был сопровождать испанский еврей Луис де Торрес, владевший еврейским, арабским и халдейским языками.⁷⁶ В проводники Колумб выбрал двух индейцев — одного из числа пленных, взятых на острове Гуанахани (Сан-Сальвадор), а другого — с острова Куба. Посланникам было дано шесть дней для исполнения миссии. Снабженные всякими побрякушками и пестрыми тряпками, они отправились во внутренние области мнимого материка с приказанием сообщить владельцу страны, что Колумб прислан королем и королевой Испании для установления дружественных отношений между их державами и привез с собой королевское послание и подарки, которые вручит монарху при личной встрече.

Оставшись ждать возвращения посольства, Колумб занялся исследованием побережья Кубы. Жители понемногу привыкли к белым людям и охотно принимали от них подарки. Когда адмирал показал им золото и жемчуг, они дали ему понять, что в местности, которая называется «Бохно», и золото и жемчуг имеются в изобилии: местные жители носят золотые украшения в ушах, на ногах, на шее и имеют также жемчужные ожерелья. Кроме того, туземцы сообщили, что еще дальше есть страна, где живут якобы одноглазые люди и люди с собачьими мордами, которые едят человеческое мясо.

6 ноября, после четырехдневного отсутствия, возвратились посланники Колумба. Они рассказали, что, пройдя двенадцать лиг, встретили селение, состоящее из пятидесяти домов, таких же точно, как и хижины на берегу. В селении было не менее тысячи жителей. Туземцы приняли испанцев с большим почетом и, считая их, по-видимому, какими-то сверхъестественными существами, целовали им руки и ноги.

Особенно испанцы были удивлены обычаем местных жителей зажигать какие-то листья, свернутые в трубочку, и вдыхать от

них дым. Таким образом испанцы впервые столкнулись с употреблением табака, а затем переняли этот обычай, и курение табака распространилось по всей Европе.

Туземцы добывали огонь быстрым трением друг о друга двух кусков дерева. В жилищах, построенных в форме палаток, оказалось большое количество хлопка, а возле одной палатки самая большая куча, в которой было не менее 500 арроб.⁷⁷ Что же касается китайского хана, то послы нигде его не встретили, и все расспросы о нем оказались совершенно бесплодными. Послам не удалось также обнаружить ни малейших признаков золота и никаких других драгоценностей, а когда индейцам показали предумышленно захваченные образцы перца, корицы и других пряностей, то они знаками объяснили, что в их стране нет ничего подобного, но такие растения встречаются в другой стране, к юго-востоку от их селения.

Заблуждение Колумба привело его к ошибке, которая изменила весь ход его открытий. Думая, что он находится на берегу Азии, Колумб, естественно, считал Кубу частью континента. Потому ему и не пришло в голову объехать обширный остров. Вместо этого он решил вернуться на восток. Если бы Колумб продолжал придерживаться первоначального направления, то он непременно пристал бы либо к Флориде в Северной Америке, либо к берегам Мексики. И тогда, вместо невежественных полудиких туземцев, он встретил бы ацтеков, жителей великого королевства Монтесумы, нашел бы прекрасные города, организованную армию, огромные богатства, и роль Эрнандо Кортеса стала бы тогда, без сомнения, его ролью. Но этому не суждено было случиться. Упорствуя в своем заблуждении, Колумб, снявшись с якоря 12 ноября 1492 года, повернул к востоку.

Больше всего Колумба привлекало золото. Узнав от туземцев, что недалеко, на юго-востоке, лежит остров, который они называли «Банеке», где «собирают золото прямо по побережью, в ночное время при свечах», он и направился на поиски этого неведомого острова.

Встречный ветер заставлял Колумба лавировать вдоль берегов Кубы. Вскоре он заметил новый архипелаг, поросший строевым лесом и окаймленный горными вершинами, сверкавшими, словно кристаллы на солнце. На многочисленных островах по ночам блестели огоньки рыбаков. Неоднократно испанцы высаживались на различных островах и водружали на их берегах кресты в знак взятия этих земель во владение.

Между тем капитан «Пинты» Мартин Алонсо Пинсон на своем ходком корабле обогнал флотилию и 21 ноября, на рассвете, вовсе скрылся из виду. Колумб заподозрил его в измене, предположив, что Пинсон решил первым достигнуть острова

Банеке, чтобы добыть для себя побольше золота. Этот поступок Пинсона сильно огорчил Колумба. В его дневнике мы находим следующие слова: «Он доставил мне также много иных забот и хлопот».

Продолжая исследовать близлежащие острова и берега Кубы, Колумб давал испанские названия встречавшимся по пути землям, бухтам, рекам и горным вершинам. Однако он нигде не нашел людоедов, несмотря на то, что некоторые хижины туземцев были украшены черепами убитых врагов, что приводило в восхищение индейцев, находившихся на корабле адмирала.

После бегства «Пинты» Колумб медленно продвигался в восточном направлении, пока не достиг восточной оконечности Кубы. Противный ветер заставил его отклониться от намеченного курса на остров Банеке. Вместо этого 5 декабря ему довелось открыть большой остров, который туземцы называли «Бохио». Это был соседний с Кубой остров Гаити.

Вечером каравелла «Нинья», по распоряжению адмирала, вошла в бухту, которая была названа бухтой Марии (теперь бухта св. Николая, на юго-западе Гаити).

На следующий день каравеллы прошли мимо множества мысов и мимо одного островка, названного Колумбом островом Тортуга (Черепаша). При виде кораблей индейцы обращались в бегство на своих быстроходных пирогах. Остров, вдоль которого продвигались испанцы, оказался гористым, благодаря чему и был впоследствии назван Гаити (Возвышенный). Пение птиц, напоминавшее трели испанских соловьев, горы, похожие на испанские сьерры, живописные долины, дубовые рощи — все это вызывало у Колумба воспоминания о видах Кастилии, почему он и назвал этот остров Эспаньолой.⁷⁸ Жители Эспаньолы оказались до того боязливыми и недоверчивыми, что с ними никак не удавалось войти в сношения: при малейшей попытке испанцев приблизиться к ним они быстро убегали в лес. Тем не менее нескольким матросам все же удалось захватить одну молодую женщину, которую они и привели на корабль. Колумб дал ей кольца, бусы и одежду, после чего приказал отпустить ее на берег.

Когда на другой день отряд из девяти хорошо вооруженных матросов углубился на четыре с половиной лиги внутрь страны, где находилось большое селение, туземцы оказали испанским матросам хороший прием, наперебой угощали их и приносили разные подарки, ничего не требуя взамен. Матросы, побывавшие в селении, говорили Колумбу, что «с этими людьми по красоте и учтивости не могут сравниться ранее встречавшиеся индейцы». Но Колумб с этим не согласился, так как, по его мнению, «все индейцы, которых он видел на других островах, были отличнейшего поведения».

Христофор Колумб и его спутники высаживаются на острове Эспаньола (Гаити). Со старинного рисунка.

На этом острове испанцы повсюду встречали хорошо возделанные хлопковые поля, заросли алоэ, мастиковые и плодовые деревья. «И, судя по тому, что адмирал уже видел раньше и что было перед его глазами сейчас, он вполне согласен был с мнением тех, кто говорил, что земли, которые встречались прежде, не могут сравниться с этой долиной. Даже нивы Кордовы по сравнению с ней — будто ночь перед светом яркого дня».

15 декабря Колумб отправился дальше к острову Банеке, но ветер отнес его к ранее открытому острову Тортуга. Протекавшая там судоходная река так понравилась Колумбу, что он назвал ее Гвадалквивиром, а долину, в которой она протекает, — Райской. На другой день, крейсируя посреди залива, Колумб заметил в море одного индейца на утлом челне, удивительно устойчивом даже при свирепствовавшем в то время ветре. Взятый на борт вместе с челноком, индеец получил обычные в таких случаях подарки, а затем был высажен возле его селения, рас-

положенного у самого моря. Индеец показал своим односельчанам полученные подарки «и сообщил, что испанцы — хорошие люди».

После этого на берег вышли все жители селения вместе с вождем, красивым двадцатилетним юношей, которому по приказанию Колумба были оказаны почести, как настоящему королю.

Туземный вождь был так же наг, как и его подданные, мужчины и женщины, относившиеся к нему с большим уважением, но без всяких признаков подобострастия.

«Один из индейцев, бывший с адмиралом, заговорил с королем и сказал ему, что пришельцы явились с неба и что ищут они золота и намерены идти на остров Банеке. И на это король ответил, что все, что он слышал, ему нравится и что на острове Банеке действительно есть много золота. . . Он добавил, что отсюда до Банеке лишь два дня пути, и заявил, что если пришельцы нуждаются в чем-нибудь, что имеется на его земле, он охотно даст им все необходимое».

На следующий день другой вождь, которого индейцы называли «кастиком»,⁷⁹ явился к Колумбу на корабль в сопровождении многочисленной свиты и присутствовал на торжественном обеде по случаю церковного праздника — дня св. Марии. Каравеллы были украшены флагами. После нескольких залпов из бомбард касика пригласили к столу адмирала. Отведывая кастильские кушанья и напитки, он отсылал блюда и кубки своим людям. У касика было доброе лицо, и держался он, по словам Колумба, с поразительным достоинством. По окончании обеда он предложил адмиралу несколько тоненьких пластинок золота, получив от него взамен янтарные четки, красные башмаки и флакон с благовонной водой. Кроме того, Колумб подарил касику кастильскую монету с изображением Фердинанда и Изабеллы, стараясь при этом внушить туземцам, что «нет на всем свете более великих государей». Когда касик пожелал сойти на берег, Колумб распорядился произвести в его честь новый залп из бомбард.

Утром 18 декабря, соорудив на берегу большой крест, испанцы покинули эту гостеприимную страну. Выйдя из залива, образованного островами Тортуга и Эспаньола, Колумб открыл еще несколько островов, и всюду местные жители принимали испанцев за посланников неба и просили их остаться жить среди них. На одном острове касик, по имени Гуаканагари, прислал Колумбу в подарок пояс, на котором вместо пряжки было изображение животного с большими ушами, носом и языком, сделанное из ковального золота. Этого было достаточно, чтобы испанцы поторопились высадиться на берег.

Колумб и его спутники щедро раздавали туземцам бубенчики, латунные кольца, стеклянные бусы и пестрые лоскутки, получая

взамен золотые изделия и другие вещи, имевшие в глазах испанцев хоть какую-нибудь цену.

Жилища туземцев были здесь очень красивы и хорошо построены. Красная, черная и белая краски, которыми мазались индейцы, предохраняли их, по мнению Колумба, от палящих лучей солнца. Когда Колумб настойчиво расспрашивал островитян о стране, богатой золотом, они указывали на восток, именуя эту страну «Сибо», и Колумб полагал, что они говорят о Сипанго, то есть о Японии.

25 декабря, в первый день рождества, произошло несчастье с адмиральским судном. Младший матрос, подменивший на короткое время опытного рулевого, не заметил, как корабль, увлекаемый течением, очутился возле отмели. В полночь «Санта-Мария» наскочила на скалу и получила пробойину в корме. Колумб, разбуженный толчком, выбежал на палубу. Он принял меры для спасения судна, но лоцман и несколько матросов с перепуга бросились в шлюпку и стали грести к «Нинье», которая лавировала на расстоянии полулиги от «Санта-Марии». Между тем начался отлив и «Санта-Мария» все глубже врезалась в мель. Пришлось срубить мачты, чтобы облегчить корабль, а когда вода залила трюм, оставшийся экипаж должен был перейти на другой корабль.

Касик Гуаканагари, узнав о несчастье белых людей, заплакал от огорчения и послал на помощь Колумбу всех жителей своего селения с пирогами для разгрузки корабля. Благодаря его участию все корабельное имущество было спасено и заботливо перевезено на берег. Всю ночь у склада дежурили вооруженные индейцы, а наутро Гуаканагари отправился на борт «Ниньи», чтобы утешить адмирала, и предложил ему все свои богатства.

Колумб, успокоенный такой дружбой и преданностью индейцев, решил основать в этой части острова небольшой форт и оставить в нем некоторых своих спутников, так как все матросы с «Санта-Марии» не могли бы поместиться на «Нинье».

Желая укрепить в индейцах веру в могущество белых, Колумб приказал выстрелить в дерево из бомбарды. Грохот выстрела и особенно расщепленный ствол произвели на индейцев огромное впечатление; все они, как один, упали на землю, а касик дрожал, боясь пошевелиться. Но Колумб объяснил ему, что он не будет стрелять в индейцев, так как считает их своими братьями. Тогда касик попросил Колумба защитить этим страшным оружием его соплеменников от людоедов-карибов, которые часто совершают набеги на близлежащие острова и увозят к себе индейцев. Колумб обещал касику свое покровительство.

Распорядившись приступить к строительству форта, он решил возвратиться поскорее в Испанию, так как у него оставался теперь только один корабль. Если бы и с ним случилась авария, то Колумб оказался бы навсегда отрезанным от Европы и все его труды пропали бы даром.

Через несколько дней после гибели «Санта-Марии» Колумб получил неожиданное утешение. К месту его стоянки подошла лодка с индейцами, которые привезли с собой несколько золотых плиток и попросили обменять их на погремушки. Касик Гуаканагари, увидев, как обрадовался Колумб, приказал своим подданным доставлять ему ежедневно разные изделия из золота.

В то же время стало известно о судьбе «Пинты», отделившейся от флотилии 21 ноября. Туземцы сообщили, что видели большой корабль на восточном конце острова. Однако лодка, посланная Гуаканагари, вернулась, не найдя «Пинты».

3 января 1493 года, закончив приготовления к отъезду, Колумб решил отправиться в обратный путь. Форт уже возвышался над берегом, и на крепостных стенах были установлены бомбарды, снятые с каравеллы «Санта-Мария». Этот форт получил название Навидад (Рождество) в память о кораблекрушении 25 декабря. Теперь Колумб считал, что это несчастье имело и свою положительную сторону, ибо, не будь его, он не узнал бы, что на Эспаньоле имеется золото.

Колумб оставил в форте Навидад тридцать девять добровольцев, назначив своими заместителями Диего де Арану, Перо Гумьереса и Родриго Эсковеду. «Среди прочих людей, что остались на острове, были корабельный плотник, конопатчик, хороший пушкарь, знающий толк в фортификации, бондарь, портной, лекарь». Оставшиеся в Навидаде испанцы были обеспечены припасами на целый год.

Поручив гарнизону форта во что бы то ни стало отыскать золотые россыпи и выбрать место, подходящее для постройки города, Колумб, простившись с касиком и с первыми поселенцами, 3 января снялся с якоря и отчалил от гавани на каравелле «Нинья».

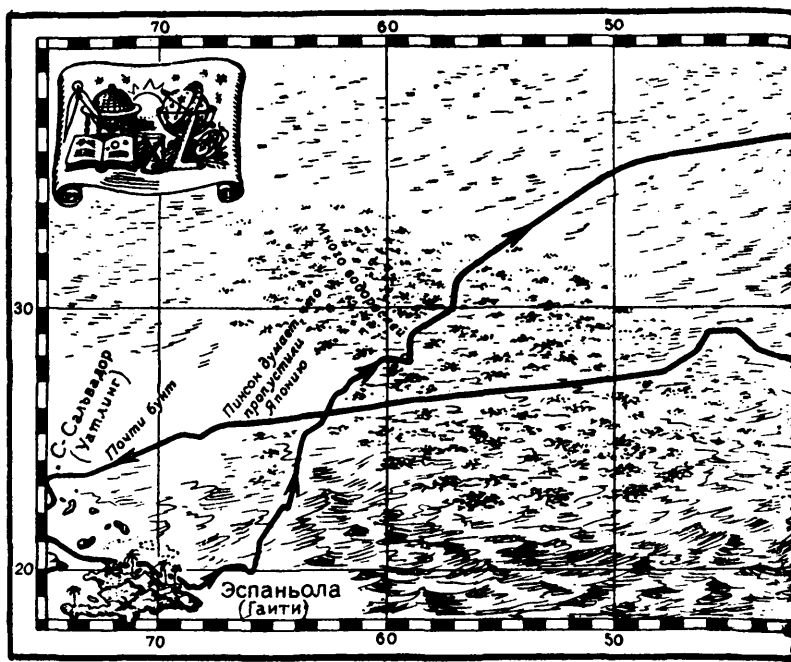
На другой день Колумб открыл небольшую бухту, рядом с которой находилась высокая гора. Это место, удобное для стоянки, он назвал Монте-Кристи (гора Христа). 6 января один из матросов увидел с верхушки мачты каравеллу «Пинта». Капитан «Пинты» Мартин Алонсо Пинсон вскоре поравнялся с «Ниньей» и, явившись к Колумбу, стал оправдывать перед ним свое поведение; он утверждал, что его отлучка была вынужденной, что он якобы не мог поступить иначе. На самом же деле Пинсон, как и предполагал Колумб, решил первым достигнуть легендар-

Форт Навидад, построенный Колумбом на Эспаньоле. Рисунок из изданного в 1493 году письма Колумба к Габриэлю Санчесу.

ного острова Банеке и захватить золотые россыпи. Так как экипаж «Пинты» был на стороне своего капитана, а «Ниньей» командовал его брат Висенте Пинсон, Колумбу не оставалось ничего другого, как притвориться, будто его удовлетворяют лживые объяснения Пинсона, и отложить расправу с ним до более подходящего случая.

7 января пришлось сделать остановку, чтобы закрыть течь

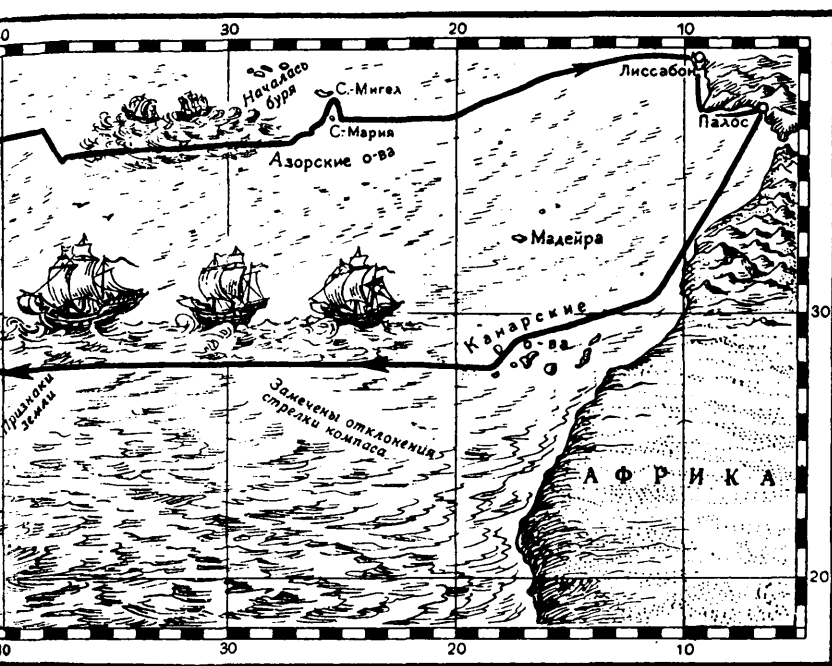

Первое путешествие

на каравелле «Нинья». Воспользовавшись остановкой, Колумб решил исследовать широкую реку, протекавшую на Монте-Кристи. В реке были найдены золотые песчинки, и Колумб назвал ее «Золотой рекой». Колумбу хотелось продолжить исследование побережья Эспаньола и прилегающих островов, но матросы, подстрекаемые братьями Пинсон, открыто высказывали свое недовольство и требовали скорейшего возвращения в Испанию.

9 января корабли снова снялись с якоря, продолжая следовать вдоль восточных берегов Эспаньола. Но затем флотилия, задержанная безветрием, бросила якорь в удобной бухте, и здесь произошла стычка испанцев с туземцами, не проявившими на сей раз добрых намерений. 13 января испанские матросы пустили в ход оружие. Потеряв несколько человек, туземцы обратились в бегство. Так впервые европейцами была пролита кровь беззащитных индейцев.

Отношения Колумба с экипажем ухудшались с каждым днем. Раздраженные и утомленные матросы все чаще позволяли себе

Колумба через океан.

враждебные выпады против адмирала. В дневнике Колумба постоянно встречаются горькие жалобы на непослушание подчиненных «без всякой видимой причины».

Наконец, 16 января скрылся из виду последний мыс Эспаньолы, и обе каравеллы направились на восток. Подгоняемые попутным ветром, они вышли в открытый океан и быстро продвигались в нужном направлении. День тянулся за днем без всяких происшествий. Но 12 февраля, когда Колумб уже надеялся скоро увидеть берега Испании, поднялась сильная буря и море начало так волноваться, что, по словам адмирала, не будь «Нинья» такой прочной и столь хорошо приспособленной для плавания, он серьезно опасался бы за ее судьбу.

Буря не прекращалась в течение четырех суток, ежеминутно угрожая кораблям гибелью. Испуганные моряки давали обеты отправиться босиком замаливать свои грехи в самые отдаленные монастыри, а буря между тем не унималась. Каравеллы бросало из стороны в сторону. Ветер угнал «Пинту» далеко на север, и она снова скрылась из виду. Оставшись на маленькой «Нинье»,

Герб Колумба.

Колумб поторопился написать на пергаменте отчет о своих открытиях с просьбой к нашедшему доставить его королю Фердинанду и королеве Изабелле. «Этот пергамент он обернул провощенной тканью, как следует перевязал, приказал принести большой деревянный бочонок и вложил в него сверток — так, чтобы ни одна живая душа не знала, что содержится в нем, и все думали, что адмирал выполняет какой-то обет, а затем велел бросить бочонок в море».

15 февраля поутру буря стала утихать. К вечеру на горизонте была замечена земля, которая оказалась одним из островов Азорской группы. Радость Колумба и его спутников, снова увидевших землю Старого света, была беспредельной, но прошло еще три дня, прежде чем им удалось пристать к острову Санта-Мария, самому южному в Азорском архипелаге.

На другой день экипаж «Ниньи» решил отслужить благодарственный молебен, и Колумб отпустил на берег половину всех матросов. Но едва только испанцы дошли до часовни, как их захватили в плен португальские солдаты, посланные губернатором острова. Когда попытка захватить также и Колумба с его каравеллой не увенчалась успехом, губернатор, после настойчивых требований Колумба, через пять дней освободил его матросов, и 24 февраля «Нинья» снова пустилась в море.

На пути от Азорских островов каравеллу снова застигла буря, и только 4 марта измученные мореплаватели увидели перед собой какую-то землю. Оказалось, что ветер пригнал «Нинью» к португальским берегам, к устью реки Тежу (Тахо), близ Лис-

сабона. «В час заутрени адмирал пришел к городу Растело на берегу лиссабонской реки, и там местные моряки сказали ему, что никогда еще не было в зимнюю пору таких бурь и что погибло 25 кораблей, шедших из Фландрии, и много других кораблей уже четыре месяца не могут выйти в море».

Знаменитый португальский мореплаватель Бартоломеу Диаш поднялся вместе с вооруженными людьми на борт «Ниньи» и приказал Колумбу отправиться с отчетом на его корабль. Но, когда Диаш узнал, кто такой Колумб, он доложил о его замечательном плавании властям, и в Растело стали съезжаться из Лиссабона толпы любопытных, чтобы посмотреть на Колумба и привезенных им индейцев. Затем Колумб был торжественно принят королем Португалии, который пытался внушить ему, что по договору 1479 года, заключенному с кастильской короной, открытые за океаном земли должны войти в состав португальских владений. Хотя приближенные советовали королю не выпускать Колумба из Португалии, он все же его отпустил.

В полдень 15 марта каравелла «Нинья» вошла в гавань Палоса, пробыв в плавании семь месяцев и двенадцать дней. Через несколько часов в Палос прибыла и вторая каравелла — «Пинта», — отнесенная ветром к берегам северной Испании. Капитан «Пинты» Мартин Алонсо Пинсон в пути тяжело заболел и умер через несколько дней после возвращения на родину.

Все жители Палоса вышли на набережную приветствовать Колумба, которого считали уже погибшим. Узнав о том, что королевский двор находится в Барселоне, Колумб отправился туда, захватив с собой шестерых индейцев, привезенных из Эспаньолы. Путь Колумба из Палоса в Барселону превратился в настоящее триумфальное шествие. При дворе ему был оказан великолепный прием. Колумб рассказал Фердинанду и Изабелле о своем путешествии и сделанных открытиях, показал индейцев, образцы привезенного золота, невиданные заморские растения и перья диковинных птиц.

В тот же день Колумбу было присвоено дворянское звание и дарован герб с изображением феодального замка, группы островов, пяти якорей и увенчанного короной льва. На гербе были начертаны следующие слова:

Для Кастильи и Леона
Новый мир открыл Колумб.

Не желая довольствоваться достигнутым, деятельный адмирал сразу же заявил королю и королеве, что, как только ему будет дана возможность, он отправится в новое заокеанское плавание.

III

Второе путешествие Колумба. — Остров Иерро. — Остров Доминика. — Остров Мария-Галанте (Мери-Галант). — Гвадалупе. — Встреча с каннибалами. — Острова Монтсеррат, Санта-Мария ла-Редонда, Сан-Мартин и Санта-Крус. — Архипелаг Тринадцати тысяч Дев (Виргинские острова). — Остров Сан-Хуан-Баутиста (Пуэрто-Рико). — Эспаньола. — Гибель первых поселенцев. — Основание города Изабеллы. — Форт св. Фомы. — Ямайка. — Берега Кубы. — Возвращение в Изабеллу. — Восстания на Эспаньоле. — Отъезд Колумба в Испанию.

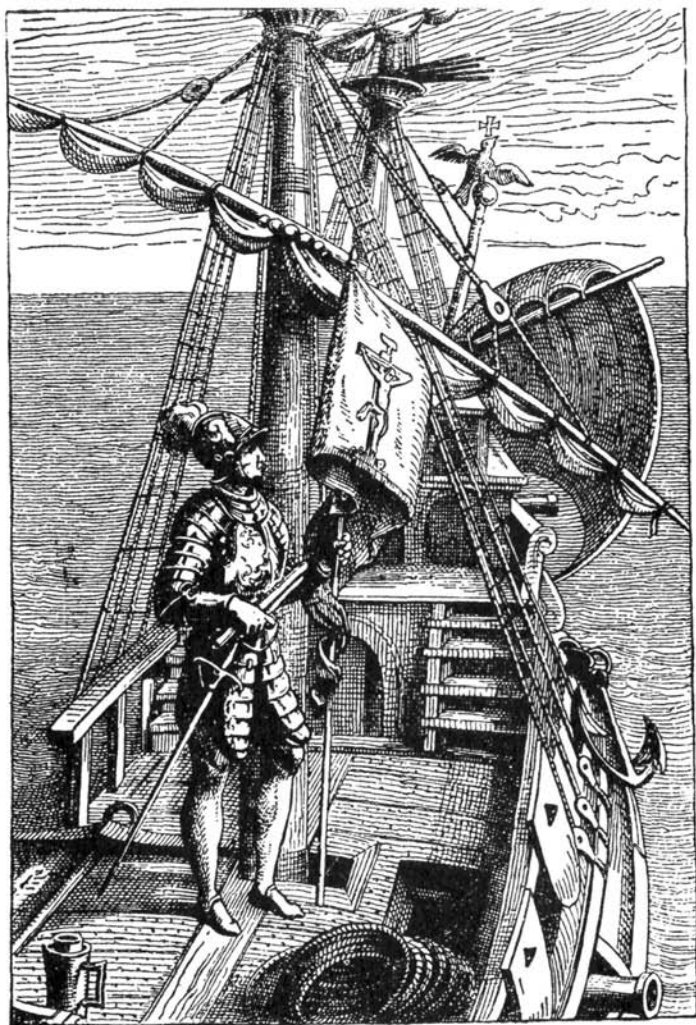
Рассказы о приключениях генуэзского мореплавателя взбудоражили всю Европу. Воображению рисовались золотые россыпи и сказочно богатые земли по ту сторону океана. В сердцах закипали страсти, порожаемые корыстолюбием и алчностью. Колумб, сам одержимый жаждой обогащения и желанием продолжить свои открытия, снова стал собираться в далекое плавание. На этот раз ему уже не понадобилось искать влиятельных покровителей и доказывать, какие неисчислимые выгоды сулит его предприятие. Без особого труда были найдены и необходимые средства для подготовки новой экспедиции, и люди, готовые следовать за ним хоть на край света. Что касается Фердинанда и Изабеллы, то у них были особые причины торопиться с отправлением флотилии.

Как только Колумб покинул Лиссабон, португальский король Жуан II созвал государственный совет, на котором было решено снарядить эскадру для преследования испанских кораблей, направляющихся в новые страны. Португальцы считали, что Испания нарушила предоставленное им римским папой исключительное право владеть землями, открытыми к югу и востоку — от мыса Бохадор до Индии. Отношения между двумя странами обострились.

Фердинанд и Изабелла, желая предотвратить военные действия, обратились за разрешением спорного вопроса к папе римскому, опираясь при этом на право первого открытия.

4 мая 1493 года римский папа Александр VI Борджиа издал буллу, согласно которой все области, острова и материки на запад от меридиана, проходящего на расстоянии ста лиг от Азорских островов или островов Зеленого мыса,⁸⁰ должны были принадлежать Кастилии, а земли на восток от этой линии — стать собственностью Португалии.

Таким образом папская булла разделила весь земной шар на две половины. Одна половина была отдана Испании, а другая — Португалии. Не очень-то доверяя державе-сопернице, Фердинанд и Изабелла спешили закончить подготовку экспеди-

Колумб на своей каравелле. Со старинной гравюры.

ции, чтобы закрепить за собой и расширить новые заокеанские владения.

В распоряжение Колумба была предоставлена флотилия, состоявшая из трех больших галеонов и четырнадцати каравелл. Кроме экипажа и должностных лиц, с Колумбом отправлялись за океан сотни идалъго — безземельных дворян, оставшихся не

у дел после падения Гренады, и десятки священников и монахов — для обращения индейцев в христианскую веру. Всего в экспедиции участвовало свыше полутора тысяч человек.

Колумб взял с собой все необходимое для организации испанской колонии на Эспаньоле. На корабли были погружены скот, семена хлебных злаков и овощей, разные сорта виноградной лозы, всевозможные орудия, вооружение, боевые припасы и т. п. Из десяти привезенных в Европу индейцев пятеро возвращались на родину. Они уже успели настолько освоить испанский язык, что могли служить переводчиками.

25 сентября 1493 года семнадцать кораблей подняли паруса и вышли из гавани Кадиса, провожаемые приветственными криками многолюдной толпы. 1 октября показались Канарские острова. На острове Гомера запаслись водой, дровами и свежей провизией для всей флотилии. Здесь же были приняты на борт огромные собаки, специально дрессированные для охоты на людей. 6 октября скрылся из виду самый западный среди Канарских островов — Иерро, и после двадцатидневного плавания при благоприятном ветре и хорошей погоде Христофор Колумб опять увидел новые земли.

3 ноября, в воскресенье, при восходе солнца, кормчий флагманского судна «Санга-Мария-Галанте» радостно закричал:

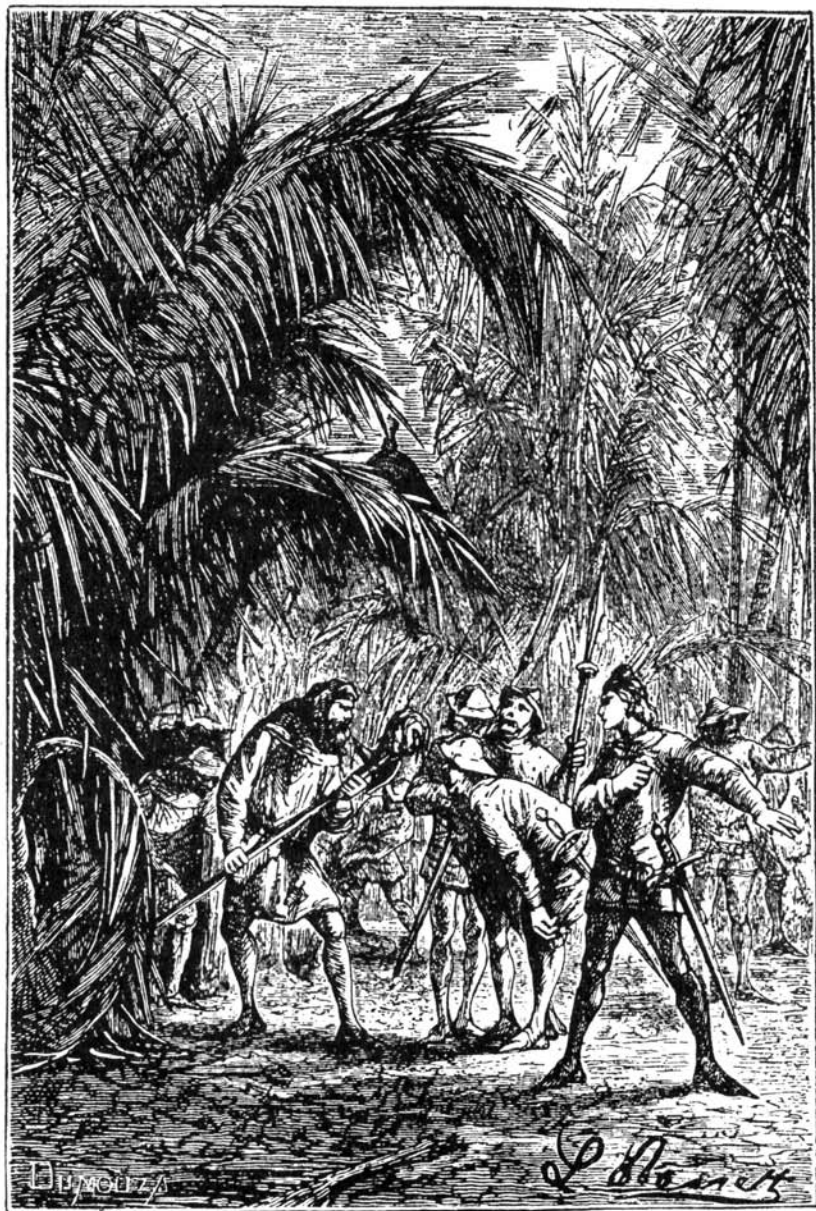
— Добрые вести! Земля!

Это был гористый остров с пышной тропической растительностью. Адмирал прошел мимо него и прилегающих небольших островков и скоро увидел на горизонте другой большой остров. Первому острову он дал название Доминика (то есть Воскресенье), второму — Мария-Галанте (теперь Мари-Галант). Эти названия удержались до наших дней. Затем был открыт третий большой остров, названный Гвадалупе (Гваделупа), в честь одного из испанских монастырей.

Испанский летописец XVI века Бартоломе Лас Касас в своей «Истории Индий» так говорит об этом острове: «Адмирал приказал направить к берегу две лодки, чтобы попытаться захватить на острове местных жителей и вывести от них, что возможно, об этой земле и о людях, ее населяющих, и о том, как далеко она находится от Эспаньолы.

Адмиралу привели двух юношей, и они знаками дали ему понять, что живут не на этом острове, а на другом, который называется Борикен [Пуэрто-Рико]. Всеми способами, какие только возможны — руками, глазами и жестами, выражавшими душевную горечь, — они убеждали адмирала, что этот остров населен карибами, которые взяли их в плен и привезли с Борикена, чтобы, по своему обычаю, их съесть».

Испанцы увидели на берегу поселок из тридцати круглых

Матросы Колумба находят на острове Гвадалупе остатки каннибальского пишества.

деревянных хижин, покрытых пальмовыми листьями. Внутри хижин висели плетеные постели, которые индейцы Эспаньолы называли гамаками. При приближении чужеземцев дикари убежали в лес, бросив нескольких пленников, предназначенных для очередного людоедского пиршества. Матросы нашли в жилищах обглоданные человеческие кости, отрубленные руки, ноги и головы. По-видимому, жители Гвадалупе и были теми самыми карибами,⁸¹ о которых с ужасом говорили туземцы Эспаньолы.

8 ноября Колумб отдал приказ плыть дальше и направился со всей своей эскадрой на северо-запад, к острову Эспаньола, где он оставил тридцать девять человек в форте Навидад. Поднявшись к северу, Колумб открыл несколько новых островов, которым дал названия — Монтсеррат, Санта-Мария ла-Редонда, Сан-Мартин, Санта-Крус («святой крест»). 14 ноября эскадра при-

Сражение испанцев с каннибалами. Со старинного рисунка.

стала к острову Санта-Крус. Там произошла первая встреча испанцев с карибами (караибями), которую подробно описывает лекарь второй экспедиции Колумба — Диего Альварес Чанка:

«Из лодки, отправленной к берегу, высадилось несколько человек; они направились к селению, жители которого уже успели скрыться. Там испанцы захватили пять или шесть женщин и несколько мальчиков. Почти все они, по их словам, были пленниками карибов, как и на упомянутом выше острове [Гваделупа].

Как раз в тот момент, когда наша лодка с добычей собиралась в обратный путь к кораблям, у берега показалось каноэ [пирога], в котором было четверо мужчин, две женщины и мальчик. Увидев флотилию, они, пораженные этим зрелищем, оцепенели от удивления и в течение долгого времени не в состоянии были двинуться с места, оставаясь от нее на расстоянии почти двух выстрелов из бомбарды. Тут-то их заметили из лодки и с кораблей. Тотчас же лодка направилась к ним, близко держась берега, а они все еще находились в оцепенении, глядя на корабли, удивляясь им и прикидывая в уме, что это за странная штука. Заметили же они лодку только тогда, когда она вплотную подошла к ним, и поэтому они уже не смогли уйти от преследования, хоть и пытались это сделать. Наши же кинулись на них так стремительно, что не дали им возможности уйти.

Видя, что бежать им не удастся, карибы с большой отвагой натянули свои луки, причем женщины не отставали от мужчин. Я говорю «с большой отвагой», потому что их было всего шестеро — четверо мужчин и две женщины — против двадцати пяти наших. Они ранили двух моряков, одного два раза в грудь, другого — в бок. И они поразили бы своими стрелами большую часть наших людей, не будь у последних кожаных и деревянных щитов и не подойди наша лодка вплотную к каноэ и не опрокинь его. Но даже и после того, как каноэ опрокинулось, они пустились вплавь и вброд — в этом месте было мелко, — и пришлось немало потрудиться, чтобы захватить карибов, так как они продолжали стрелять из луков. Несмотря на все это, удалось взять только одного из них, смертельно ранив его ударом копья. Раненого доставили на корабль».

Этот эпизод показывает, что индейцы дорого ценили свою свободу и готовы были сражаться за нее до последней капли крови.

Карибы показались испанцам «весьма свирепыми». В отличие от других индейцев, они носили длинные волосы и обводили глаза черной краской. Все тело они покрывали татуировкой и перетягивали жгутами мускулы рук и ног, отчего они становились необыкновенно упругими.

Дальше к северу взорам испанцев открылись «бесчисленные и веселые» островки, названные Колумбом архипелагом «Одиннадцать тысяч дев». С тех пор эти острова именуются Виргинскими (по-испански «дева» — «вирхен»).* Потом вдали открылся большой остров, который индейцы, взятые на Гвадалупе, называли

* По католической легенде, «одиннадцать тысяч дев» совершили паломничество в Рим и на обратном пути были перебиты гуннами.

Борикен. Земля была здесь тщательно возделана, всюду виднелись обработанные поля. Но хижины на берегу оказались пустыми — испуганные жители разбежались. Флотилия, не задерживаясь на этом острове, названном Колумбом Сан-Хуан-Баутиста (позднее он был переименован в Пуэрто-Рико), прошла вдоль его северного берега.

В пятницу 22 ноября Колумб, наконец, увидел Эспаньолу. Когда дошли до бухты Монте-Кристи, несколько матросов были посланы на берег за пресной водой, и здесь они нашли два разложившихся трупа. У одного из мертвецов были остатки густой бороды. Колумба охватили тревожные предчувствия.

Вечером 27 ноября флотилия бросила якорь в бухте Навидад. Колумб приказал выстрелить из двух бомбард, чтобы оповестить гарнизон форта о своем прибытии. Но ответного выстрела не последовало, сигнальные огни не зажглись и никаких признаков форта на берегу не было видно. Колумб с нетерпением ждал рассвета, чтобы узнать о судьбе своих матросов, которые вынуждены были жить почти целый год среди индейцев.

Около полуночи к флотилии подплыли на пироге несколько индейцев. Один из них настойчиво повторял: «Адмирал, адмирал». Туземцев проводили на флагманский корабль, и Колумб узнал среди них родственника касика Гуаканагари. Он привез Колумбу в подарок от касика две золотые маски. На вопросы Колумба об испанцах, оставшихся на острове, индейцы давали сбивчивые и неясные ответы. Можно было только понять, что многие испанцы умерли от болезней, другие стали жертвами взаимных раздоров, остальные ушли в глубь острова на поиски золота и увели с собой много женщин. Родственник касика сообщил также, что недавно на Гуаканагари напал касик соседней области, по имени Каонабо, сжег селение и ранил Гуаканагари в бою.

Как ни печальны были эти известия, но они все-таки немного успокоили Колумба. Он не сомневался, что оставшиеся в живых матросы поспешат вернуться, как только узнают о его прибытии, и расскажут всю правду о случившемся. Но наутро Колумба ждало еще большее огорчение. От форта Навидад остались одни развалины со следами пожарища. Кое-где виднелись обломки разбитых сундуков и клочки одежды европейцев, а неподалеку от крепости было найдено одиннадцать зарытых в землю тел, оказавшихся трупами испанцев.

О том, что произошло за время его отсутствия в форте Навидад, Колумб узнал через несколько дней от касика Гуаканагари, которого нашел больным в одном из отдаленных селений. «Гуаканагари сообщил, — пишет Бартоломе Лас Касас, — что христиане погибли потому, что, как только адмирал покинул их, они

стали ссориться между собой. У них возникли нелады, и эти люди принялись отнимать жен у их мужей, и каждый из них отправлялся добывать золото сам, и только для себя. Группа бискайцев соединилась против всех остальных христиан, а затем все они рассеялись по стране и там за свои провинности и дурные поступки были убиты».

Колумб поверил Гуаканагари, хотя подозревал, что в истреблении испанцев принимали участие также и индейцы его племени. Но не желая до поры до времени портить с ними отношения, Колумб пригласил касика в свой лагерь и снова устроил празднество в его честь. Касика привели в изумление лошади, которых он никогда прежде не видел, а искусство верховой езды вызвало его неподдельный восторг. Несмотря на то, что многие спутники Колумба настоятельно советовали задержать Гуаканагари, чтобы с его помощью найти виновных, Колумб не последовал этому совету и приказал касика отпустить. По-видимому, тот почувствовал что-то недоброе, так как на следующий день куда-то исчез и не показывался на глаза. С тех пор отношения между индейцами и испанцами стали заметно ухудшаться.

Гибель гарнизона форта Навидад не изменила решения Колумба основать на Эспаньоле колонию. Туземцы постоянно говорили о богатой золотом области Сибао, которую Колумб все еще продолжал считать страной Сипанго. На поиски золота был снаряжен большой отряд во главе с Алонсо де Охедой, кастильским дворянином, позднее «прославившимся» своими жестокостями в колониях. Экспедиция Охеды увенчалась успехом. Ему удалось открыть несколько ручьев с золотиносным песком и найти самородок золота в девять унций весом.

Тем временем Колумб спешно снарядил в обратный путь пятнадцать каравелл, оставив на Эспаньоле только пять кораблей и около пятисот человек. Поступить таким образом его заставил недостаток съестных припасов, а также болотная лихорадка, поразившая многих из его спутников. Командовать флотилией Колумб поручил капитану Антонио де Торресу, приказав ему представить подробный отчет Фердинанду и Изабелле о положении дел на Эспаньоле. В памятной записке, переданной Торресу в качестве материала для отчета, Колумб просил послать ему «скот, продовольствие и все прочее, необходимое для заселения края и обработки полей». В памятной записке содержались и такие строки, характеризующие, к сожалению, великого мореплавателя отнюдь не с лучшей стороны: «Оплату же всего этого можно производить рабами из числа канибалов, людей жестоких и вполне подходящих для этой цели, хорошо сложенных и весьма смышленных. Мы уверены, что стоит только вывести их из этого состояния бесчеловечности, и они могут стать

наилучшими рабами; перестанут же они быть бесчеловечными, как только окажутся вне пределов своей страны».

Так как местность возле бывшего форта Навидад оказалась нездоровой и непригодной для основания колонии, Колумб 7 декабря вышел из бухты со всей своей флотилией и в тот же вечер стал на якорь неподалеку от Монте-Кристи. Здесь был торжественно заложен город Изабелла, названный так в честь кастильской королевы. Как только в новом городе были построены жилища, Колумб, оставив там губернатором своего брата Диего, отправился с наиболее сильными и здоровыми людьми в область Сибео. 12 марта 1494 года экспедиция отправилась в путь. Страна, по которой проходил Колумб, отличалась удивительным плодородием и благодатным климатом. Позже европейцы в этом убедились, когда начали собирать по две жатвы в год. Горы чередовались с долинами, поросшими такой буйной зеленью, что приходилось по пути вырубать кустарники и деревья. Местные жители, никогда не видевшие европейцев, встречали их с распростертыми объятиями и позволяли брать у себя в домах все, что им нравилось.

«В воскресенье, 16 марта, вступили в страну Сибео, где земли тощие и гористые. Горы здесь были бесплодные, усеянные большими и малыми камнями. На холмах, не покрывая их сплошь, росла низкая трава... Везде в этой провинции были бесчисленные реки и ручьи, и повсюду в них найдено было золото».

Так как дальнейший путь становился труднопроходимым, Колумб приказал построить на холме форт из камня и дерева и окружить его широким рвом. Этому форту Колумб дал название форта св. Фомы.

Оставив в форте св. Фомы пятьдесят два человека под начальством Педро Маргарита, Христофор Колумб 21 марта отправился обратно в Изабеллу. В пути ему пришлось задержаться на несколько дней из-за разлива горных рек. В Изабеллу он прибыл 29 марта и нашел здесь страшные беспорядки: в колонии не было муки, так как солдаты и матросы не успели построить мельницу; увеличилось количество больных и умерших; изнуренные от голода люди не могли справиться со своей работой; а надменные идалго, полагавшие, что как только они придут в новые земли, богатства сами свалятся им на голову, гнушались всякой работой и бездельничали с утра до ночи. Точно так же вели себя и священники, считавшие, что духовный сан освобождает их от простого труда. Колумб принял строгие меры, и для острастки отрешил от должности несколько человек.

Вскоре из форта св. Фомы прибыл гонец с известием, что все местные индейцы бежали, покинув свои селения, и что будто бы

Один из форт, построенных Колумбом на Эспаньоле.

они готовятся во главе со своим касиком Каонабо к походу на испанцев, засевших в форте. Усмирить восставших индейцев Колумб поручил Алонсо де Охеде, дав ему подробные инструкции, которых тот в точности придерживался.

Отправившись в область Сибео с небольшим, но хорошо вооруженным отрядом, Охеда притворился другом индейцев и вошел в селение касика Каонабо якобы с мирными намерениями. Каонабо принял испанцев самым лучшим образом. Во время беседы Охеда протянул ему цепи с наручниками, объяснив, как нужно носить эти «украшения». Затем, привязанного к седлу, Каонабо доставили в Изабеллу и приковали к стене в подвале дома Колумба. После этого случая, означавшего объявление войны индейцам, Колумб значительно укрепил гарнизон форта св. Фомы, поручив начальство над ним тому же Алонсо де Охеде.

Перед тем как начать новое путешествие, Колумб, «желая, —

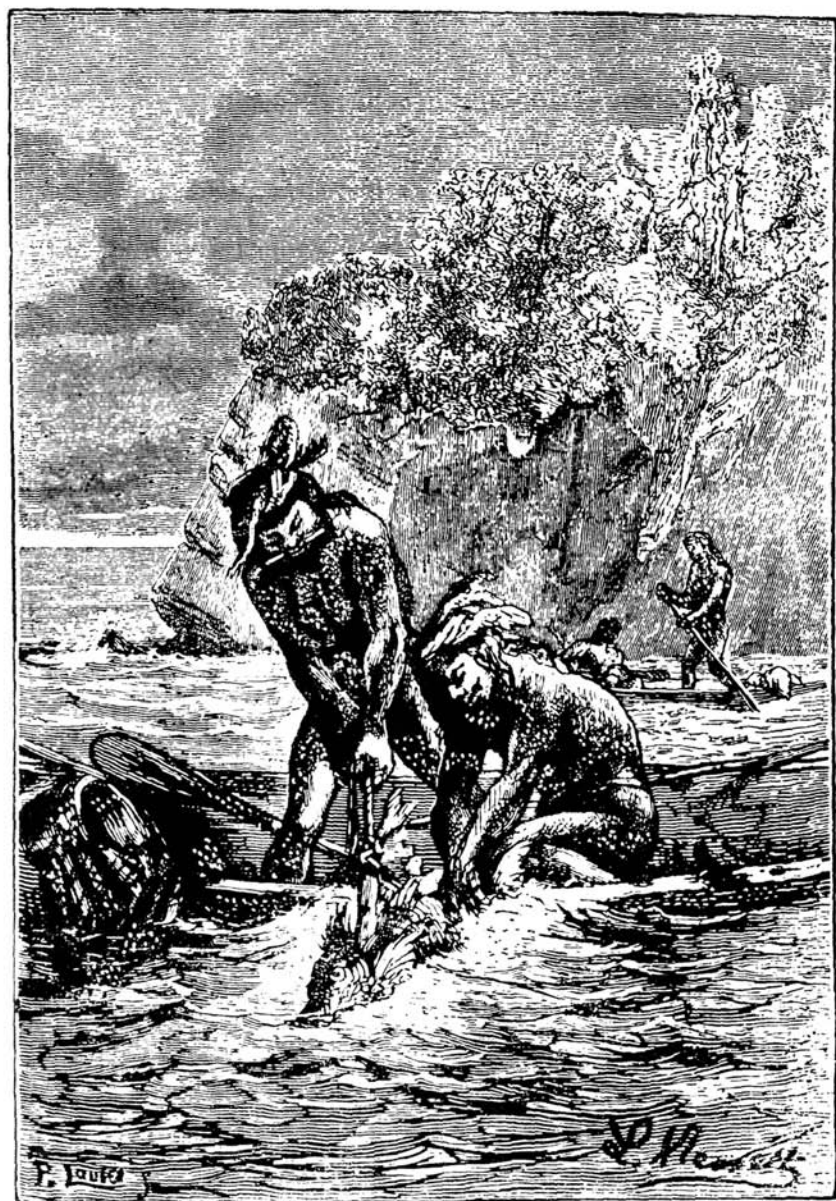
по словам Лас Касаса, — навести порядок в управлении Эспаньолой и в делах, касающихся индейцев, чтобы покорить их», учредил совет из пяти человек под председательством своего брата Диего. Членами совета были назначены три рыцаря и главный миссионер колонии священник Буйль.

24 апреля Колумб, покинув Изабеллу, вышел в море на трех кораблях и поплыл на запад. Пройдя остров Тортугу, он пересек пролив между Кубой и Эспаньолой и 3 мая увидел берег острова Ямайки, который «показался ему самой прекрасной и благодатной землей из всех, что до сих пор были открыты».

Островитяне встретили Колумба очень недружелюбно и пытались помешать высадке испанцев. Тогда Колумб приказал открыть огонь. После того как пять или шесть индейцев были ранены или разорваны спущенными на берег псами, сопротивление прекратилось. Остров Ямайка был назван Колумбом Сантьяго. Дальнейшему продвижению вдоль западного берега Ямайки помешал встречный ветер, заставивший Колумба возвратиться к Кубе. Он поплыл вдоль южного берега Кубы. Во время этого опасного плавания по мелководью и через узкие протоки было открыто свыше семисот мелких островов. Один архипелаг, в котором оказалось свыше ста шестидесяти островов, Колумб назвал Хардинес-де-ла-Рейна (Сад королевы).

Возле одного острова испанцы наблюдали любопытное зрелище — необыкновенный способ рыбной ловли, который и до сих пор практикуется индейцами Антильских островов. «Рыбную ловлю индейцы называют охотой, потому что охотятся они с помощью одних рыб за другими, а гончих рыб спускают в воду, привязывая к их хвостам бечевки. Рыбы же эти величиной с угря, и пасть у них очень широкая с множеством присосков, как у каракатиц; они очень дерзкие, как наши хорьки. Когда их бросают в воду, они сразу же присасываются к любой рыбе, а затем уже не отпускают ее, и можно оторвать этих рыб от своей жертвы, только вытащив их из воды, а, будучи в воде, они выпускают добычу только мертвые. Рыба эта очень легкая, и ее, как только она присосется, тянут за бечевку, привязанную к ее хвосту, и вытаскивают на поверхность, отбирая здесь добычу».

В первых числах июня Колумб вынужден был сделать остановку в бухте одного лесистого островка, чтобы починить корабли, подводные части которых сильно поистерлись о мели. Здесь Колумб узнал от одного индейца, что «Куба — земля, со всех сторон окруженная морем». Продолжая затем трудное плавание вдоль берегов Кубы, 7 июля Колумб приказал высадиться на берег, где в присутствии одного престарелого касика, повелителя этой области, была отслужена месса. После окончания службы касик обратился к Колумбу с назидательной речью, ко-

Кубинские индейцы на рыбной ловле.

торию тут же перевели ему толмачи-индейцы. Слова касика дошли до нас в передаче Лас Касаса.

«Ты явился, — сказал касик, — облеченный большой властью в эти земли, никогда раньше тобой не виданные, и с твоим приходом повергнуты были все селения и жители этих стран в великий страх. Знай же, что сообразно тому, как мы верим, есть в иной жизни два места, куда устремляются души, покинувшие тело: одно дурное и пребывающее во мраке, предназначенное для тех, кто причиняет зло и терзает род людской; другое — радостное и светлое, куда следуют души людей, уважающих в этой жизни мир и покой. И поэтому, если ты чувствуешь, что приближаешься к смерти и желаешь получить в той жизни награду, не должен ты причинять ни зла, ни ущерба тем, кто тебе не причиняет того же самого».

Мудрость невежественного индейца глубоко поразила и тронула Колумба. Он заверил касика, что явился в эти земли не для того, чтобы творить зло, а чтобы защитить мирных и добрых людей от свирепых карибов. Индеец поверил Колумбу и удовлетворился его ответом.

Испанцы были удивлены, когда узнали, что земля у этих индейцев была, так же как свет, воздух и вода, общая. Мое и твое — эта причина всяких раздоров — были им вовсе неизвестны, так как они привыкли довольствоваться малым. «Они живут, как в золотом веке, — сообщали со слов Колумба испанские летописцы, — они не окружают своих владений и жилищ рвами, не строят заборов; сады у них открыты для всех; в их стране нет ни законов, ни книг, ни судей, ни истории, ни письменности; справедливые от природы, они считают дурным и несправедливым того, кто притесняет или обижает других».

Догадываясь, по-видимому, что Куба является островом, Колумб, тем не менее, взял строжайшую присягу со всего экипажа в том, что Куба — не остров, а часть Азиатского материка. Такая мера принята была для того, чтобы в Европе по-прежнему считали, что Колумб открыл западный путь к берегам Индии и Китая, иначе могло провалиться все его предприятие.

Покинув остров Кубу, адмирал возвратился к Ямайке и обследовал ее берега до крайнего юго-восточного мыса. Дальнейшему изучению Ямайки помешали болезнь Колумба и чрезвычайно трудные условия этого длительного плавания. В килевой части всех кораблей открылась течь, провизия была на исходе, среди экипажа поднялся ропот. 19 августа Колумб повернул на восток, к острову Эспаньоле и прибыл в Изабеллу 29 сентября, измученный тяжелой болезнью и трудностями, пережитыми в пути.

Радость Колумба, узнавшего о прибытии своего второго брата

Испанцы травят индейцев собаками. Со старинной гравюры.

Бартоломе, была омрачена напряженной обстановкой, создавшейся в его отсутствие на Эспаньоле. Летописец Лас Касас говорит об этом так: «Вся страна находилась в состоянии брожения и смуты, и царили в ней ужас и ненависть. Индейцы вооружались против христиан, вынужденные к тому притеснениями, насилием и грабежом, которые чинили им. [испанцы] в течение всего времени, что прошло с момента отплытия адмирала к берегам Кубы и Ямайки».

Индейцы Эспаньолы были возмущены похищением касика Каонабо, но непосредственным поводом для восстания послужили бесчинства солдат капитана Педро Маргарита, который давно уже возненавидел Колумба и не подчинялся его приказам. Когда брат адмирала — Бартоломе привел на остров три каравеллы с людьми и припасами, Педро Маргарит вместе со своими сообщниками, среди которых был также главный миссионер Буйль, овладел этими кораблями и самовольно отправился в Испанию. Солдаты Педро Маргарита, покинутые своим начальником, разбрелись в поисках добычи по всему острову, учиняя неслыханные грабежи и насилия, и это окончательно переполнило чашу терпения индейцев. Почти все касики Эспаньолы подняли жителей подчиненных им селений на восстание. Положение испанцев стало угрожающим.

Как только Колумб оправился после пятимесячной болезни, он вместе со своим братом Бартоломе выступил в поход против индейцев с отрядом из двухсот пеших солдат, двадцати пяти всадников и двадцати пяти собак. Война продолжалась девять месяцев, до конца 1495 года.

«За это время, — пишет Лас Касас, — произошли чудовищные избиения индейцев, и целые области совершенно обезлюдели, особенно в королевстве Каонабо... Так произошло потому, что индейцы прилагали все свои силы, чтобы попытаться выбросить из своей страны таких жестоких и свирепых людей. Они видели, что без малейшего на то повода, без всякого вызова с их стороны их лишают родины, земли, свободы, жен и детей и самой жизни и ежедневно истребляют жестоко и бесчеловечно. При этом христиане легко достигали своей цели, ибо бросались на индейцев на лошадях, разили их копьями, рубили мечами, рассекая людей надвое, травили их собаками, которые терзали и пожирали индейцев, сжигали их живьем и подвергали на разный манер иным немилосердным и безбожным пыткам... Таким образом, как о том пишет сам адмирал королям, усмирено было население острова, по его словам, неисчислимое, и силой и хитростью от имени их величеств приведены были к покорности все народы. Адмирал же, как испанский вице-король, обязал каждого касика или туземного короля платить за землю, которой они владели, подать

Сожжение индейцев испанцами. С гравюры XVI века.

в виде продуктов этой земли и стал эту подать собирать с 1496 года. Таковы собственные слова адмирала».

Фердинанд и Изабелла, ждавшие от своей заморской колонии больших поступлений в королевскую казну, укоряли Колумба в письмах за то, что Эспаньола не только не дает дохода, но даже не покрывает издержек на снаряжение флотилий и жалование людям. Поэтому Колумб и обложил индейцев непосильной данью. «Адмирал велел всем жителям провинций Сибео и Вега Реаль и всем живущим поблизости от золотых копей индейцам, которым было более 14 лет, каждые три месяца приносить полный фландрский касавель [бубенчик] золота. Только один король Маникаотех должен был давать ежемесячно полтыквины золота. Все же остальные люди, не живущие вблизи копей, обязаны были приносить по одной арrobe хлопка. Затем Колумб приказал сделать из меди или бронзы бирки, на которых выбивался особый знак. Эти бирки выдавались каждому индейцу при взносе подати, с тем чтобы плательщики податей носили их на шее и можно было бы таким образом узнать, кто уплатил подать и кто не внес ее. А те, кто не платил ее, должны были подвергаться наказанию, хотя адмирал и говорит, что наказание за неуплату податей было умеренное. Не удалось, однако, обязать всех индейцев носить эти бирки; смуты и мятежи охватили всю страну».

Возмущение индейцев было только подавлено, но не уничтожено. Вскоре по призыву Анакаоны, жены Каонабо, туземцы восстали во второй раз; им удалось привлечь на свою сторону касика Гуаканагари, до тех пор открыто не выступавшего против Колумба. Опустошив маисовые поля и плантации, индейцы скрылись в горах. Испанцы оказались обреченными на голод и стали преследовать туземцев со страшной жестокостью. В результате этих карательных экспедиций уже в 1496 году две трети туземного населения погибло от голода, болезней и от оружия европейцев. Несчастные индейцы дорого заплатили за свое знакомство с испанскими завоевателями.

Между тем судьба перестала благоприятствовать Колумбу. В то время как его власть становилась все более неустойчивой на Эспаньоле, падал так же его авторитет и в Испании. Многие недоброжелатели и завистники старались внушить Фердинанду и Изабелле, что Колумб будто бы хочет захватить в свое собственное владение все новые земли и сделаться независимым королем. Офицеры, которых он посылал с донесениями в Испанию, обвиняли его в жестокости и несправедливости. Фердинанд, под влиянием противоречивых толков о поведении Колумба, отправил в Эспаньолу королевского комиссара Хуана Агуадо, с поручением расследовать положение дел.

Индейцы Эспаньолы добывают для испанцев золото.
Со старинной гравюры.

Облеченный доверием комиссар был с самого начала на стороне врагов Колумба и отправился на Эспаньолу с предвзятым мнением. Хуан Агуадо, прибыв туда во время отсутствия Христофора Колумба, отнесся крайне высокомерно к его брату Диего, губернатору города Изабелла. Королевский комиссар поспешно собрал сведения, дискредитирующие великого мореплавателя, и хотел уже было, не дожидаясь его возвращения, отправиться в обратный путь, когда внезапно налетевший ураган разбил о прибрежные утесы его корабли, стоявшие в гавани Изабеллы.

Когда Колумб вернулся в Изабеллу и встретился с королевским комиссаром, он предложил ему одну из своих каравелл, а на другой решил сам отправиться в Испанию, чтобы оправдаться перед королем. В это время поступило известие об открытии на Эспаньоле новых золотых россыпей. Колумб, не колеблясь, отложил свой отъезд. Золото, привезенное из Эспаньолы в Испанию, могло послужить ему лучшим оправданием в глазах кастильского двора. При этом Колумб не забывал и о своей личной выгоде. Несмотря на то, что слухи о богатстве нового рудника оказались преувеличенными, Колумбу все же удалось пополнить золотой запас королевской казны. Перед отъездом он распорядился построить два новых форта для защиты золотоискателей от нападения индейцев и 10 марта 1496 года покинул Изабеллу. После трехмесячного плавания 12 июня обе каравеллы Колумба вошли в гавань Кадиса.

Второе возвращение великого мореплавателя не сопровождалось никакими триумфами. При дворе его встретили довольно сдержанно. В Колумбе разочаровались не только король и королева, но и многие из его спутников. Обещанные им богатства не давались в руки. Золотые рудники на Эспаньоле поглощали гораздо больше средств, чем приносили дохода. Освоить новые земли оказалось значительно труднее, чем их открыть. Но Колумб обладал такой силой убеждения, такой верой в свою правоту, что сумел вернуть доверие Фердинанда и Изабеллы.

Король и королева внимательно выслушали его яркий рассказ о взятых во владение новых островах, об открытии Ямайки, о последнем путешествии вдоль берега Кубы и новых месторождениях золота на Эспаньоле.

Мало-помалу Колумбу удалось разбить все доводы своих противников и рассеять сомнения королевской четы относительно целесообразности снаряжения новой экспедиции.

Итальянский историк Бенцони приводит любопытный анекдот о находчивости и решительности Колумба. Во время очередного жаркого спора с противниками, отрицавшими значение его открытий, Колумб попросил каждого из присутствующих попробовать поставить яйцо острым концом. Когда эта попытка ни-

Ловля жемчуга индейцами. Со старинной гравюры.

кому не удалась, он разбил острый конец и поставил яйцо на стол.

— Никто из вас не догадался так поступить, а я сумел! — ответил Колумб своим противникам, желая этим сказать, что гораздо легче находить ошибки у первооткрывателя и критиковать его, чем самим открывать новые земли.

IV

Третье путешествие Колумба. — Мадейра. — Острова Зеленого мыса. — Остров Тринидад. — Побережье Венесуэлы. — Дельта Ориноко. — Залив Пария. — Остров Маргарита. — Возвращение на Эспаньолу. — Основание города Санто-Доминго. — Волнения в колонии. — Жалобы на Колумба в Испании. — Прибытие на Эспаньолу командора Бовадильи. — Арест Колумба и его двух братьев. — Колумб в цепях. — Свидание Колумба с Фердинандом и Изабеллой.

С большим трудом Колумбу удалось добыть средства для снаряжения третьей экспедиции. Война Испании с Францией из-за итальянских земель надолго отвлекла внимание Фердинанда и Изабеллы от забот, связанных с финансированием этого предприятия. Только с наступлением весны 1497 года Фердинанд, несмотря на противодействие влиятельного епископа Хуана де Фонсеки, впоследствии председателя Совета по делам Индий, предоставил в распоряжение Колумба шесть небольших кораблей. Вместе с «адмиралом моря-океана» (таков был его официальный титул) в новые земли отправились сорок кавалеристов, сто пехотинцев, шестьдесят матросов, двадцать рудокопов, пятьдесят хлебопашцев, двадцать ремесленников, тридцать женщин, несколько врачей и даже музыкантов. Но найти добровольцев на этот раз было не так-то просто: правительство не соглашалось на большие издержки и не хотело брать на себя содержание и вознаграждение переселенцев. Колумб нашел выход, предложив заселять новые земли уголовными преступниками. Согласно королевскому указу, преступникам, сосланным на Эспаньолу, наполовину сокращался срок наказания. Отсюда легко заключить, какого сорта люди были спутниками Колумба в его третьем плавании.

30 мая 1498 года Христофор Колумб пустился в океан из порта Санлукар-де-Баррамеда (в устье Гвадалquivира), чувствуя себя физически разбитым от всех пережитых неприятностей и сильно страдая от ревматизма. Но ни болезнь, ни усталость, ни злобные нападки недругов не могли сломить его исключительной энергии.

Помимо всего прочего, Колумб еще до своего отъезда узнал, что в открытом море, у мыса Сан-Висенти, его поджидает французская эскадра с намерением воспрепятствовать его плаванью. Чтобы избежать встречи с корсарами, Колумб сделал крюк и направился к острову Мадейра, где и остановился на несколько дней. Пополнив запасы дров, воды и продовольствия, он пошел затем к Канарским островам и возле острова Иерро разделил свою флотилию. Три корабля под начальством Педро де Арану, Алонсо Санчеса де Карвахала и Хуана Антонио Колумба, одного из родственников адмирала, были направлены с подробными инструкциями и припасами на остров Эспаньола; сам Колумб, с одним кораблем и двумя каравеллами, повернул к югу, намереваясь сначала пересечь экватор, а потом уже следовать на запад — «к берегам Индий».

27 июня маленькая флотилия прибыла к островам Саль и Боавишта, составляющим часть архипелага Зеленого мыса. Боавишта, «бесплоднейший из бесплодных островов», использовался португальцами как место для поселения прокаженных. На главном острове архипелага — Сантьягу — Колумб запасся продовольствием и рогатым скотом. 4 июля были снова подняты паруса и взят курс на юго-запад. Через некоторое время корабли попали в полосу изнурительного зноя. «Все сразу впали в такое смутное состояние, — сообщает Колумб в отчете Фердинанду и Изабелле о своем третьем путешествии, — что не нашлось человека, который решился бы спуститься под палубу, чтобы взять посуду для воды или пищу. Жара эта стояла восемь дней».

В полдень 31 июля, когда на судах оставалось только по одному бочонку воды, матрос по имени Алонсо Перес увидел на горизонте вершины трех гор. Это был остров, расположенный у северо-восточных берегов Южной Америки. Колумб дал ему название Тринидад (Троица), удержавшееся до наших дней.

На другой день; 1 августа, Колумб нашел удобную бухту и поставил корабли на якорь. Остров был покрыт прекрасными пальмовыми лесами. Матросы, посланные на берег за водой, увидели в глубине острова хижины и возделанные поля, но самих жителей не встретили.

На следующее утро к кораблям подошла большая лодка с двадцатью четырьмя молодыми туземцами, вооруженными луками, стрелами и деревянными щитами. Эти индейцы были прекрасно сложены, и кожа у них была блее, чем у жителей Эспаньолы. На них были яркие тюрбаны и набедренные повязки из хорошо выделанной хлопчатой материи. Испанцы попытались было привлечь индейцев на борт, соблазняя их зеркальцами, тазами и другими блестящими предметами, но тринидадские воины не поддались на соблазн. Тогда Колумб велел вынести тамбурин и

устроить пляски. Эффект получился самый неожиданный. Индейцы приняли грохот тамбурина и пляски матросов за изъяснение враждебных чувств. Прикрываясь щитами, они осыпали корабль градом стрел и направились быстрым ходом к другой каравелле. Колумб приказал разрядить по ним арбалеты. . .

К югу от Тринидада виднелась земля, которую Колумб называл островом Грасия (Благодати). Но в действительности это был американский берег, а именно, та часть Венесуэлы, которая примыкает к дельте Ориноко. Таким образом Колумб, сам того не подозревая, увидел берег нового материка.

Прежде чем повернуть к северу, флотилия вынуждена была войти в пролив, отделяющий Тринидад от этого мнимого острова. В проливе, получившем название Бока-дела-Сьерпе (Змеинная пасть), оказалось такое бурное и стремительное течение от притока пресной воды, что испанцы пришли в ужас.

В своем письме к Фердинанду и Изабелле Колумб сообщает, что ему пришлось увидеть и пережить в этом опасном море: «Поздно ночью, находясь на борту корабля, я услышал ужасный рокот, доносившийся с юга. Продолжая наблюдать, я увидел, как с запада на восток море поднимается наподобие холма высотой с корабль и все более и более приближается ко мне. Поверху же, по направлению к кораблю, с шумом и рокотом шла волна с такой же буйной стремительностью и яростью, с какой шли в проливе другие течения, и я был весь охвачен страхом, опасаясь, как бы она не опрокинула корабль, когда обрушится на него. Но она прошла мимо и достигла входа в пролив, где долго удерживалось волнение».

Преодолев пролив, Колумб вскоре достиг противоположного берега и высадился на землю, которую туземцы называли Пария. Это название сохранилось с тех пор за заливом, образуемым водным пространством между островом Тринидад и прилегающей частью материка Южной Америки. Местные индейцы приняли испанских моряков с большим радушием. «У многих висели на груди большие куски золота, — сообщает Колумб, — а у некоторых к рукам привязаны были жемчужины. Я очень обрадовался, увидев эти предметы, и приложил немало стараний, чтобы дознаться, где они их добывают. Они сказали мне, что жемчуг добывается здесь, именно в северной части этой земли».

На этот раз Колумбу действительно удалось открыть страну с богатейшими золотыми россыпями и жемчужными отмелями, но ему не суждено было воспользоваться своим открытием.

Съестные припасы, взятые для колонистов Эспаньолы, начали портиться. Здоровье самого адмирала настолько пошатнулось, что он вынужден был спешить в гавань. Измученный болезнью,

полуослепший от длительной бессонницы, Колумб приказал поднять паруса и продвигаться вдоль берегов этой прекрасной земли в поисках выхода в открытое море.

У полуострова, названного впоследствии Пария, открылся второй пролив с не менее бурным течением. Колумб окрестил его Пастью дракона (Бокас-дель-Драгон). Вода здесь также оказалась пресной. «И тут я догадался, — пишет Колумб, — что сталкивающиеся между собой высокие волны, которые врывались с таким сильным ревом в эти проходы, вызывались борьбой соленой и пресной воды. Пресная выталкивала соленую, не давая ей войти, а соленая не позволяла выйти пресной».

Колумб с сожалением покидал вновь открытые земли. В том же письме к Фердинанду и Изабелле он пытается доказать, что дошел до преддверия «земного рая», который, как ему казалось, «лежит на вершине в той части земли, которая имеет вид выступа, подобного выпуклости у черенка груши», и «никому не дано попасть туда без божьего соизволения». Отсюда видно, что великий мореплаватель во многом разделял предрассудки своего времени. Но наряду с такими фантастическими рассуждениями, мы находим у Колумба глубокомысленные догадки. «И если эта река не вытекает из земного рая, — говорит он, — то я утверждаю, что она исходит из обширной земли, расположенной на юге и оставшейся до сих пор никому не известной».

С большим трудом преодолев течение в Пасте дракона, Колумб 13 августа вышел в открытое море. На пути к Эспаньоле он обнаружил еще несколько островов, и среди них остров Маргариту (Жемчужину), названный так потому, что здесь испанцам удалось в обмен на безделушки и обломки фаянсовой посуды получить у местных жителей много жемчуга.

Колумбу очень хотелось исследовать эти земли, но матросы были изнурены долгим плаванием и сам он едва держался на ногах. «Идя в этих местах, — пишет Лас Касас, — адмирал страдал глазами от того, что совсем не приходилось ему спать, — путь между всеми этими островами чреват был постоянными опасностями, а в таких случаях обычаем его было бодрствовать. Адмирал говорит, что здесь он чувствовал себя более усталым, чем когда открывал другой материк, то есть Кубу, потому что глаза его застилались кровью. Таковы были его ни с чем не сравнимые труды на море».

20 августа 1498 года показался, наконец, южный берег Эспаньолы. Минув Изабеллу, корабли направились в Санто-Доминго, новый город, основанный в отсутствие Колумба его братом Бартоломе, в пятидесяти милях от Изабеллы, возле устья большой реки. Таким образом, братья Христофора Колумба сосредоточили в своих руках все управление колонией. Диего был

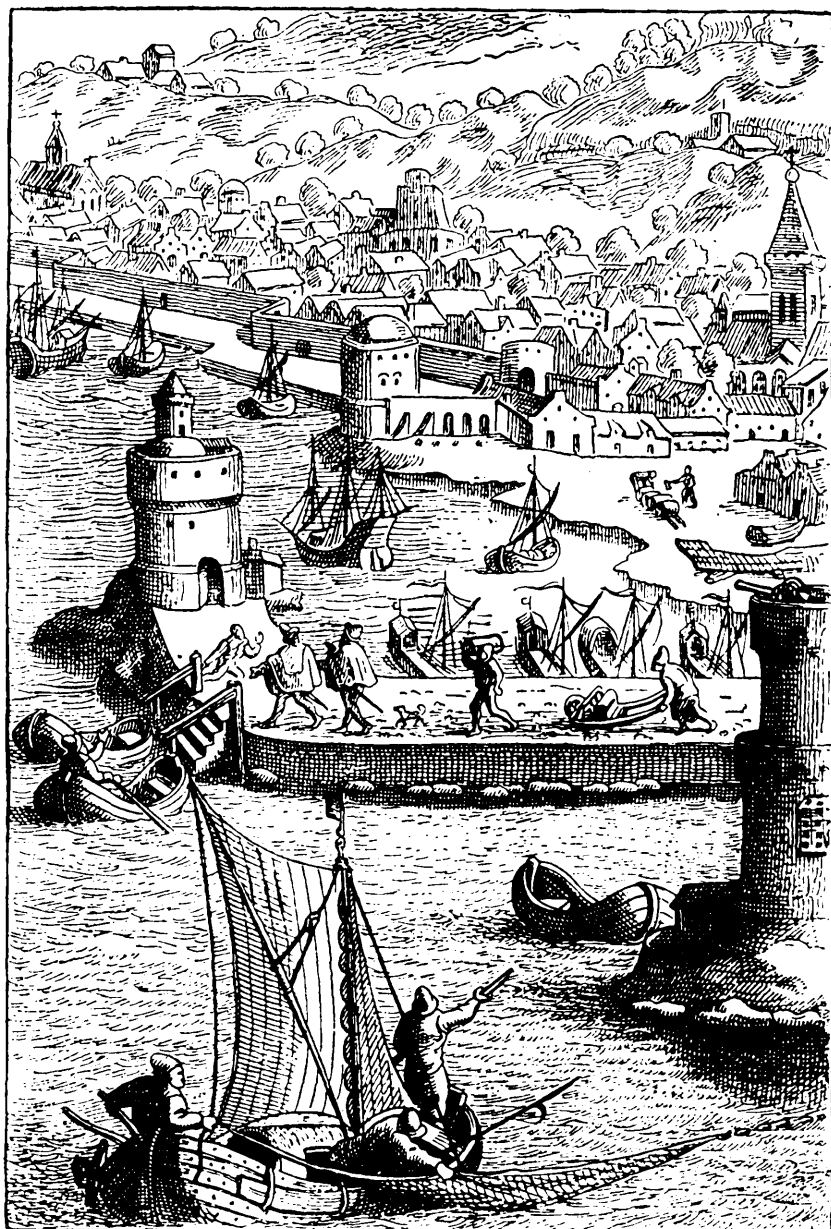
губернатором Изабеллы, Бартоломе — губернатором Санто-Доминго.

Как только с берега были замечены корабли, Бартоломе вышел на каравелле в море встретить своего брата и сообщил ему о мятеже среди колонистов. Главный судья Эспаньола Франсиско Рольдан, рассчитывая на то, что Колумб окончательно впал в немилость и больше уже не вернется на остров, поднял восстание против его братьев, опираясь на недовольных и не признающих никакой власти идалго. Когда на Эспаньолу прибыли три каравеллы, посланные Колумбом, Рольдан потребовал у капитанов выдачи припасов и оружия и сумел склонить на свою сторону несколько десятков матросов и новых поселенцев. Банды мятежников опустошали поля, сжигали селения, уводили индианок, превращая их мужей в живые мишени для стрельбы из лука, заводили рабов и рабынь «для домашних услуг».

Христофор Колумб, не успев еще оправиться от болезни, 31 августа прибыл в Изабеллу и вступил в переговоры с мятежниками, предоставив желающим право вернуться в Кастилию. Колумб обещал Рольдану и его сообщникам прощение, если они откажутся в своих проступках, но Рольдан с презрением отверг его условия и еще долгое время фактически оставался хозяином острова. Рольдан и его друзья тайно отправили письма в Испанию, в которых старались оправдать свое поведение, обвиняя адмирала и его братьев в желании основать на Эспаньоле «династию Колумбов».

Авторитет Колумба и его власть настолько упали, что в августе 1499 года он вынужден был подписать с Рольданом унижающее условие, согласно которому за Рольданом сохранялась должность главного судьи, а его приверженцам была обещана выплата жалованья за все время восстания и предоставлялись «репартимьенто» — земельные наделы вместе с прикрепленными к ним индейцами.

Между тем усиливалось недовольство Колумбом и в Испании. Отпущенные на родину колонисты распускали порочащие его слухи и писали на него доносы. В то время как Васко да Гама открыл морской путь в настоящую Индию и в 1499 году благополучно вернулся в Португалию с богатым грузом, Эспаньола продолжала приносить одни только убытки. Попытка Колумба компенсировать правительство за счет работорговли не увенчалась успехом, так как индейцы, вывезенные в Испанию, быстро умирали в неволе. Тогда Фердинанд и Изабелла предложили использовать труд индейцев на месте, но испанцы обращались с ними так жестоко, что за несколько лет коренное население Эспаньолы уменьшилось более чем на две трети и продолжало быстро сокращаться

Испанский порт. Со старинной гравюры.

Чтобы усилить поступления в казну, королевская чета в 1499 году лишила Колумба привилегии на открытие новых земель за океаном. Воспользовавшись этим, некоторые из его прежних спутников стали поспешно снаряжать заокеанские экспедиции.

В то же время Фердинанд, не доверяя Колумбу как чужеземцу, назначил своего придворного вельможу и командора религиозно-военного ордена Алькантара Франсиско Бовадилью судьей-правителем на Эспаньоле с неограниченными полномочиями. По сути дела, назначение Бовадильи означало низложение Колумба.

Бовадилья прибыл на Эспаньолу 23 августа 1500 года и начал творить суд и расправу. Не застав в Санто-Доминго Колумба и его брата Бартоломе, Бовадилья потребовал к себе Диего Колумба и приказал ему сложить с себя власть.

Христофор Колумб, уведомленный о прибытии Бовадильи, поспешил вернуться в Санто-Доминго и согласился признать Бовадилью только представителем правосудия, но не губернатором колонии, ибо дарованные королями привилегии никто, по мнению Колумба, не имел права отменить.

Тогда Бовадилья вручил адмиралу письмо короля и королевы следующего содержания:

«Дон Кристоваль Колон, наш адмирал моря-океана! Мы приказали нашему командору дону Франсиско Бовадилье объявить вам нашу волю. Повелеваем подчиняться ему и исполнять все, что он скажет от нашего имени.

Фердинанд, Изабелла».

Звание вице-короля, присвоенное Колумбу по торжественному договору с королем и королевой, не было даже упомянуто в этом письме. Христофор Колумб, заставив себя подавить гнев, подчинился Бовадилье, который потребовал немедленной выдачи Бартоломе Колумба. Когда тот, вызванный адмиралом, прибыл, Бовадилья, прежде чем начать следствие, приказал заковать в цепи всех трех братьев и отвести их в тюрьму.

После короткого и пристрастного расследования Бовадилья обвинил Колумба в государственной измене и приказал, как преступника, отправить его в кандалах вместе с братьями в Испанию.

Колумб, ожидавший самого худшего, обрадовался, когда узнал о решении Бовадильи. Братьев посадили на разные корабли. Капитан каравеллы предложил Колумбу освободить его от цепей, но адмирал решительно отверг эту поблажку. «Короли приказали мне повиноваться, — сказал он, — и Бовадилья заковал меня в кандалы; я останусь в них до тех пор, пока короли не позволят снять их, и я сохраню эти цепи на память о своих заслугах».

Христофор Колумб в оковах на пути в Испанию.

В октябре 1500 года корабли прибыли в Кадис. Колумба и его братьев повели по городу под стражей и в оковах.

Обращение с великим мореплавателем как с уголовным преступником вызвало негодование во всей Испании. Это встревожило короля и королеву. Фердинанд заявил, что Бовадилья превысил свои полномочия, а Изабелла приказала выдать адмиралу две тысячи дукатов, чтобы он мог явиться ко двору «в приличном виде».

Когда сильно постаревший, изможденный Колумб предстал перед королевской четой и, не скрывая своего волнения, упал к ногам королевы, Изабелла, по словам историка Эрреры, не могла удержаться от слез, а Фердинанд стал говорить ему о своей признательности и неизменном расположении.

Выслушав оправдания Колумба, король и королева обещали восстановить его в правах и наказать Бовадилью за недостойное обращение с адмиралом и причиненный ему ущерб.

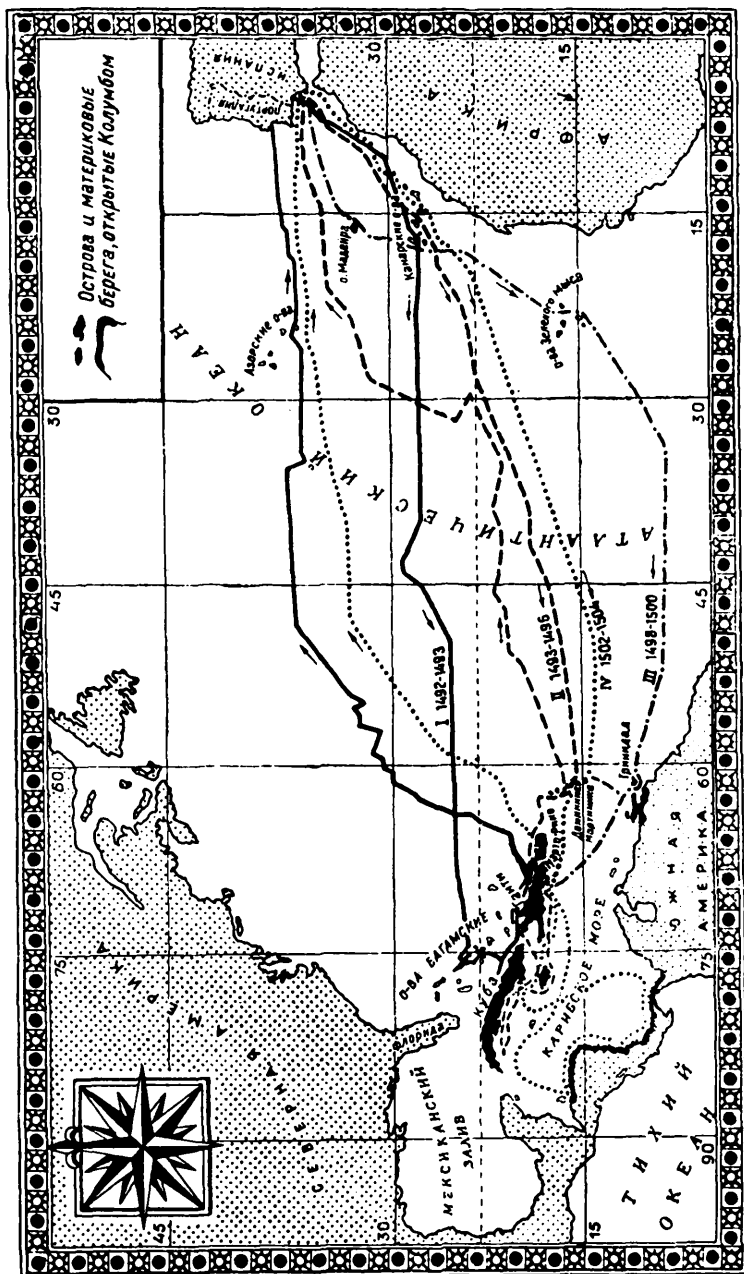
Эти обещания успокоили Колумба. Слова Фердинанда и Изабеллы показались ему искренними. Вскоре он стал помышлять о новых открытиях и начал хлопотать о снаряжении четвертой экспедиции. Мог ли он тогда предполагать, что последние годы его жизни будут омрачены еще более тяжкими испытаниями?

V

Четвертое путешествие Колумба. — Острова Мартиника, Доминика, Санта-Крус, Пуэрто-Рико. — Прибытие на Эспаньолу и запрещение высадки. — Ямайка. — Малые Кайманы. — Остров Сосен (Пинос). — Остров Гуанаха. — Американский берег от мыса Гондурас до Дарьенского залива. — Золотые прииски в стране Верагуа. — Возмущение индейцев. — Пуэрто-Бельо. — Крушение у берегов Ямайки. — Нужда. — Восстание экипажа. — Лунное затмение. — Прибытие Колумба на Эспаньолу. — Возвращение в Испанию. — Смерть и погребение Колумба.

Мало-помалу «адмиралу моря-океана» удалось вернуть расположение кастильского двора. Фердинанд поневоле должен был отказаться от своего предвзятого мнения о Колумбе, как увлекательном энтузиасте. В конце концов обещание адмирала сбылось: Эспаньола стала приносить королевской казне значительные доходы. В Испанию прибывали из Эспаньолы корабли, груженные золотом. Привозили оттуда и жемчуг.

Правда, официальный титул вице-короля Колумбу так и не был возвращен, но это объясняется не столько его личными взаимоотношениями с Фердинандом и Изабеллой, сколько интересами

Карта путешествий Колумба.

кастильской короны, превратившей, несмотря на договор с Колумбом, всю торговлю колонии в королевскую монополию.

Вместо отозванного Бовадильи на Эспаньола был послан новый королевский наместник Николас Овандо, возглавивший флотилию из двадцати трех кораблей, которые перевезли за океан около трех тысяч поселенцев. В годы наместничества Овандо коренное население Эспаньолы и других островов Большого Антильского архипелага еще более сократилось. Недостаток рабочей силы в колониях испанцы стали восполнять черными рабами — африканскими неграми, количество которых увеличивалось на островах с каждым годом. По приказанию королей Овандо ввел на Эспаньоле новый порядок: каждый колонист обязан был вносить в казну одну треть добытого золота.

Христофору Колумбу исполнилось шестьдесят шесть лет. Ему не терпелось отправиться в четвертое путешествие. Он твердо надеялся достигнуть Индии через «Западный океан» — более безопасным и более коротким путем, нежели Васко да Гама, обогнувший мыс Доброй Надежды. Колумб был убежден, что открытые им земли составляют часть азиатского материка и завоеванные им острова отделены только проливом от Золотого Херсонеса (полуостров Малакка), откуда уже легко будет добраться до настоящей Индии и создать конкуренцию португальской торговле. Таким образом, развенчанный вице-король вновь превращался в отважного адмирала. На этот раз Колумб задумал осуществить кругосветное плавание. Несмотря на то, что многие кастильские вельможи возражали против этого плана, считая его несбыточным, Фердинанд и Изабелла рассудили, что риск для них не столь уж велик, а приобретут они многое, если Колумбу удастся его предприятие.

Было решено снарядить флотилию из четырех кораблей. Назывались они «Капитаны», «Сантьяго де Палос», «Гальега» и «Вискайна». Суда были небольшие, водоизмещением в пятьдесят — семьдесят тонн. По существу это были корабли каботажного плавания.

14 марта Колумбу была вручена королевская инструкция, которая во многом ограничивала его права и ставила все его действия под контроль нотариуса и еще одного должностного лица. Франсиско де Порраса, являвшегося одновременно капитаном «Гальеги». Франсиско де Поррас должен был принимать от адмирала в присутствии нотариуса «все, что будет добыто и приобретено... будь то золото, серебро, жемчуг, драгоценные камни и пряности или иные ценности». Вместе с тем Фердинанд и Изабелла запретили Колумбу высаживаться на Эспаньоле, а Николасу Овандо, правителю острова, было еще раньше предписано не допускать туда Колумба.

9 мая 1502 года Христофор Колумб вышел из Кадиса, имея на борту всех четырех кораблей около ста пятидесяти человек экипажа. Вместе с ним отправлялись в далекий путь его брат Бартоломе и тринадцатилетний Эрнандо, сын Колумба от второго брака.⁶²

20 мая корабли Колумба остановились в гавани Гран-Канария, а 15 июня достигли Мартиники, одного из наветренных островов Малого Антильского архипелага. Затем Колумб заходил на острова Доминика, Санта-Крус, Борикен (Пуэрто-Рико) и, наконец, 29 июня, после благополучного плавания, достиг острова Эспаньолы.

Колумб не собирался приставать к этому острову, откуда его с позором изгнали, но нужно было починить одну из каравелл, да и люди приуныли от долгого плавания. Тем не менее губернатор Овандо, следуя королевскому приказу, не разрешил Колумбу войти в гавань. Как раз в это время заканчивалась погрузка флотилии, с которой должны были отправить в Испанию большую партию золота. Во главе флотилии Овандо поставил смещенного с должности Бовадилью. Вместе с ним на родину возвращался и Рольдан со своими друзьями и сообщниками.

Погода стояла тихая и ясная. Колумб, с прозорливостью опытного моряка, почувствовал приближение бури и послал на берег шлюпку, чтобы предупредить Овандо о грозящей опасности. Но так как Колумбу не доверяли, его совет не был принят во внимание, и вся флотилия из двадцати одного корабля снялась с якоря. Не успели еще корабли достигнуть восточной оконечности острова, как налетел страшный ураган и потопил почти все корабли с людьми и ценностями. Когда Колумб узнал о гибели своих злейших врагов Бовадильи и Рольдана, он сказал, что их постигла «кара господня».

Что довелось пережить самому адмиралу вместе с экипажем во время этой бури, видно из его послания королю и королеве: «Буря была ужасная, и в ту ночь она разметала все мои корабли. Люди дошли до крайности, потеряв всякую надежду на спасение, и ждали гибели. На каждом из кораблей думали, что все другие корабли погибли. Разве на моем месте любой смертный, будь он даже Иовом,⁸³ не впал бы в отчаяние, видя, что в час, когда дело шло о моем спасении и о спасении моего сына, брата, друзей, запрещено мне было приближаться к земле, к гаваням, которые я промыслом божьим приобрел для Испании в кровавом поту!»

Когда буря стихла, корабли снова соединились у западной оконечности Эспаньолы. После починки судов Колумб направился дальше на запад и в середине июля достиг Ямайки. Отсюда течение отбросило маленькую флотилию к архипелагу Сады королевы, но затем, из-за встречного течения, корабли почти не про-

двигались вперед. За неделю удалось покрыть не более семидесяти лье. Потом корабли были отброшены к Кубе, и это привело к открытию группы небольших необитаемых островов Малые Кайманы и острова Сосен (Пинос).

Отсюда Христофор Колумб снова повернул на юго-запад и очутился среди морей, воды которых не бороздил еще ни один европейский корабль. Судьба еще раз привела Колумба к берегу американского материка. 30 июля испанцы открыли небольшой остров Гуанаха, лежащий против северного берега Гондураса. 14 августа показалась новая неизвестная земля, и Колумб пристал к мысу Гондурас, продолжением которого является Панамский перешеек, соединяющий оба континента.

Таким образом Колумб, не ведая того, уже во второй раз приставал к американскому берегу. В продолжение четырех долгих месяцев он шел вдоль этого берега к юго-востоку, борясь с противными ветрами и течениями, непрерывно нанося на карту очертания побережья. Каждую ночь он бросал якоря, чтобы не удаляться от берега.

Следуя этим неизвестным путем, он надеялся найти пролив, ведущий в Индийские моря.

Плавание проходило в исключительно трудных условиях. Колумб встречен был здесь такими ветрами, что ему, старейшему моряку из всего экипажа, никогда не приходилось испытывать ничего подобного. В письме королю и королеве он так описывает это мучительное плавание:

«В течение восьмидесяти восьми дней не прекращалась ужасная буря — такой силы, что от взора были скрыты и солнце и звезды. Корабли дали течь, паруса изодрались, такелаж и якоря были потеряны, погибли лодки, канаты и много снаряжения. Люди поражены были недугами и удручены, многие обратились к религии, и не оставалось никого, кто не дал бы какого-либо обета или не обязался совершить паломничество. Часто люди исповедовались друг другу в грехах. Им нередко приходилось видеть бури, но не столь затяжные и жестокие. Многие из тех, кто казался сильным духом, впали в уныние, и так было в продолжение всего этого времени. Болезнь сына, который находился со мной, терзала мою душу, и тем горше было мне сознавать, что в нежном тринадцатилетнем возрасте ему пришлось претерпеть в течение столь долгого времени большие невзгоды. Но бог дал ему такую силу, что он воодушевлял всех прочих и вел себя так, как будто провел в плаваниях восемьдесят лет. Он утешал и меня, а я тяжело захворал и не раз был близок к смерти. Из небольшой надстройки, которую я приказал соорудить на палубе, я направлял ход корабля. Брат мой находился на корабле, которому угрожала еще большая опасность. . .»

12 сентября флотилия достигла мыса, за которым берег круто поворачивал к югу. Ветер внезапно стих, появилось благоприятное течение. Этот мыс был назван Колумбом Грасьяс-а-диос (Слава богу). От мыса Грасьяс-а-диос корабли продолжали идти вдоль берега, который в различных местах получил следующие названия: Берег Москитов (Москито), Никарагуа, Коста-Рика (Богатый берег), Верагуа (теперь Панама). 25 сентября Колумб бросил якорь между маленьким островом Уэрта и континентом (на границе нынешних республик Никарагуа и Коста-Рики). Здесь адмирал задержался на три недели, занимаясь починкой своих кораблей.

Христофор Колумб полагал, что он находится недалеко от устья Ганга; индейцы, встреченные в этих местах, говорили ему о стране Сигуаре, окруженной морем и изобилующей золотом. Туземцы утверждали, будто в десяти днях пути от этой страны находится большая река, название которой показалось Колумбу похожим на Ганг. Адмирал вновь пустился в море на поиски этой страны, следуя вдоль лесистых берегов Верагуа.

В начале ноября корабли вошли в обширную гавань. Берега были здесь так красивы, что Колумб присвоил этой местности название Пуэрто-Бельо (Прекрасная гавань). Это название и сейчас сохраняется за портом в зоне Панамского перешейка.

Следующая бухта, в которую флотилия вошла 26 ноября, была названа испанцами Ретрете. Сейчас в этом месте находится гавань Эскриванос (гавань Писцов). Суда, изъеденные червями-древоточцами, имели жалкий вид и требовали ремонта. После нескольких дней стоянки в этой бухте Колумб снова вышел в море, но вскоре его захватила очередная буря.

«Девять дней, — пишет он, — я был словно потерянный, утратив надежду на то, что мне удастся выжить. Никому еще не приходилось никогда видеть такое море — бурное, грозное, вздымающееся, покрытое пеной. Ветер не позволял ни идти вперед, ни пристать к какому-нибудь выступу суши. Здесь, в море цвета крови, кипевшем, словно в котле на большом огне, я задержался на некоторое время. Никогда я еще не видел столь грозного неба. День и ночь пылало оно, как горы, и молнии извергали пламя с такой силой, что я не раз удивлялся, как могли при этом уцелеть мачты и паруса. Молнии сверкали так ярко и были так ужасны, что все думали: вот корабли пойдут ко дну. И все это время небеса непрерывно источали воду, и казалось, что это не дождь, а истинный потоп. И так истомлены были люди, что грезили о смерти, желая избавиться от подобных мучений. Дважды теряли корабли лодки, якоря, канаты и были оголены, ибо лишились парусов».

Целый месяц корабли Колумба шли вдоль берега Верагуа, пройдя за это время только триста километров. В первых числах декабря каравеллы достигли Дарьенского залива и у мыса Сан-Блас повернули обратно. По-видимому, Колумб убедился, что дальнейшие поиски прохода в Индийское море бесполезны. Незадолго до Колумба, в 1501 году, в этих же самых местах побывал испанец Бастидас, обогнувший Карибское море с востока, но Колумбу, по-видимому, об этом не было известно.

Через месяц, когда каравеллы продвинулись еще километров на двести к юго-западу, Колумб выбрал стоянку для отдыха экипажа и для ремонта кораблей. Флотилия вошла в устье реки, получившей название Белен (Вифлеем). Здесь испанцам опять не посчастливилось. 24 января 1503 года поднялась сильная буря, ветром сорвало корабли с якорей, и только с большим трудом удалось спасти каравеллы от гибели.

Несмотря на сильные дожди, Колумб старался внимательно исследовать землю Верагуа, где, по сообщению индейцев, имелись месторождения золота. 6 февраля в глубь страны отправился отряд из семидесяти человек под начальством Бартоломе Колумба. С помощью туземных проводников действительно удалось обнаружить такие богатые россыпи, что испанцы за несколько часов набили карманы золотыми самородками. В своем письме к королям Колумб сообщает, что в первые два дня он увидел в Верагуа больше золота, чем за четыре года на Эспаньоле.

Обрадованный результатом разведки, Колумб решил построить на берегу небольшой форт и оставить там гарнизон во главе с Бартоломе. Однако эта первая попытка основать европейскую колонию на новом материке окончилась довольно плачевно.

Испанцы вели себя так бесцеремонно и с таким усердием нагружали золотом свои корабли, что миролюбивые индейцы в конце концов возмутились и во главе с местным касиком Кибаном неожиданно напали на непрошенных гостей. Произошла серьезная схватка. На этот раз индейцы не только были отбиты, но Кибан вместе со своей многочисленной семьей попал в плен. Несмотря на бдительный надзор, Кибану вскоре удалось бежать, а его родичи, для которых жизнь в неволе была горше смерти, повесились в корабельном трюме, служившем им тюрьмой.

В апреле, собравшись с новыми силами, индейцы спустились с гор и, вторично напад на испанцев, истребили значительную часть гарнизона этой недолговечной крепости. Оставшиеся в живых испанские солдаты вынуждены были вместе с командиром форта вернуться на корабли.

Между тем здоровье Колумба становилось все хуже и хуже. Чувствуя свое бессилие удержать эту «обетованную землю», он

должен был торопиться в обратный путь. В конце апреля 1503 года три каравеллы Колумба снялись с якоря, а четвертая, пришедшая в полную негодность, была затоплена возле разрушенного форта...

Едва Колумб успел отплыть на тридцать миль в восточном направлении, как в одном из кораблей открылась течь. Пришлось пристать к берегу (возле нынешнего Пуэрто-Бельо) и бросить там еще одну каравеллу, так как починить ее было уже невозможно. Теперь флотилия Колумба состояла всего из двух каравелл без шлюпок и почти без провизии. Снова пройдя мимо Ретрете, Колумб еще раз проник в Дарьенский залив. Это был самый крайний восточный пункт, достигнутый им в районе Панамского перешейка. Теперь адмирал переменял курс и направился на север, к Эспаньоле, где рассчитывал получить помощь. Через десять дней он находился уже в виду архипелага Малые Кайманы; но здесь он не мог справиться с ветрами, которые отнесли его на северо-запад, к островам, ранее названным им Сады королевы, разбросанным у южных берегов Кубы. Облюбовав один из островов, Колумб решил сделать остановку, чтобы дать отдых экипажу, но не успели бросить якоря, как разразился сильный шторм, так потрепавший корабли, что они стали окончательно непригодными для плавания.

«По прошествии шести дней, — рассказывает Колумб, — когда погода улучшилась, я снова пустился в путь, потеряв все снасти, на кораблях, изъеденных червями и похожих на пчелиные соты, и с людьми, утратившими мужество и павшими духом. Я прошел путь дальше того места, куда доходил раньше, когда буря заставила меня повернуть назад, и на том же острове нашел довольно надежную гавань. Спустя восемь дней, я вновь пустился в путь и в конце июня прибыл на Ямайку, причем ветры все время были противные, а суда находились в еще худшем состоянии. Тремя насосами, горшками и котелками нельзя было даже с помощью всех людей справиться с водой, которая просачивалась внутрь корабля, а устранить зло, причиненное червями, не было никакой возможности».

Колумб направился было на своих разбитых кораблях к Эспаньоле, но вскоре вынужден был вернуться на северный берег Ямайки в поисках надежной гавани. 24 июня 1503 года он связал вместе и посадил на мель обе свои каравеллы в гавани, получившей затем название Убежище доня Кристоваля. Трюмы наполнились водой, а палубы были превращены в крытые соломой дома. Теперь Колумбу оставалось только ждать, когда какой-нибудь испанский корабль случайно пройдет мимо Ямайки. Между тем съестные припасы были на исходе, матросы, выдержавшие столько испытаний, вышли из повиновения, а злополуч-

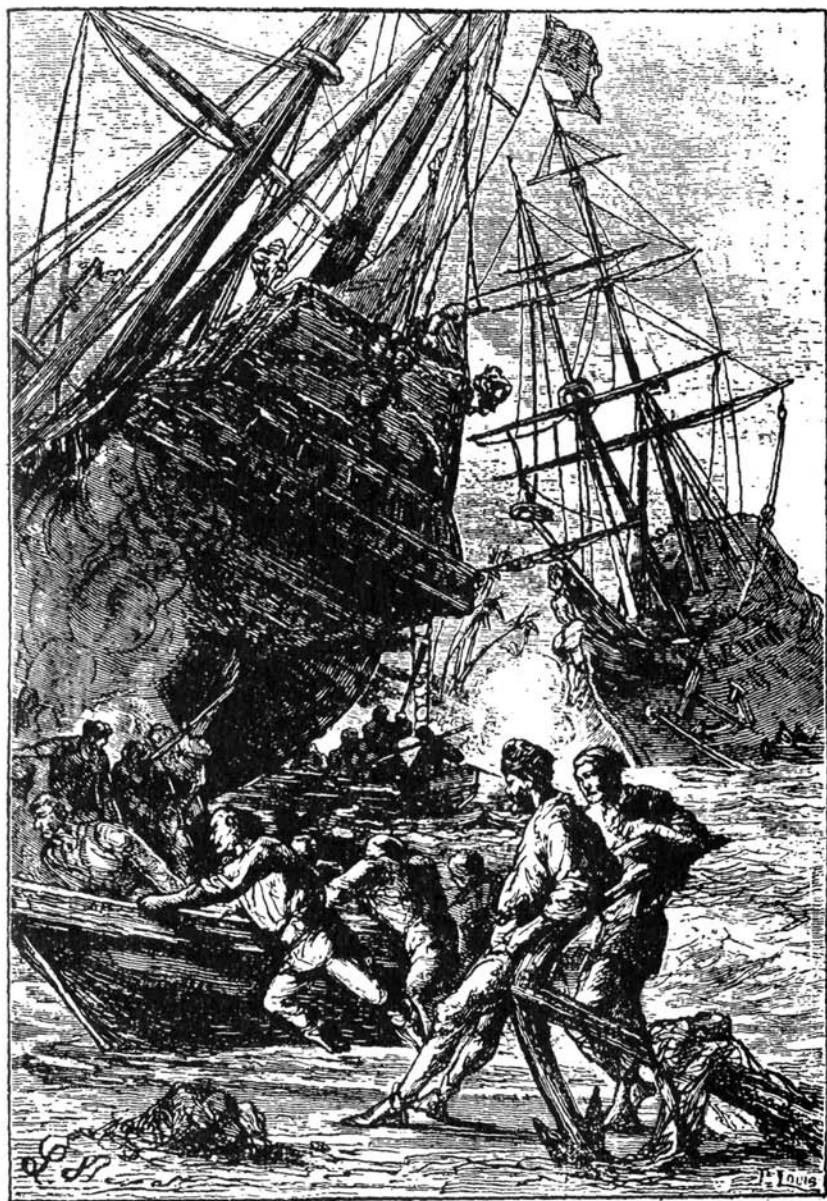
ный адмирал лежал тяжело больной, страдая от ревматизма и общего упадка сил.

Чтобы установить связь с внешним миром, Колумб призвал к себе надежного офицера Диего Мендеса и поручил ему отправиться на Эспаньолу в туземной пироге с письмом к королю и королеве, в котором адмирал излагал обстоятельства своего четвертого плавания и просил оказать ему помощь. Но так как до короля и королевы было далеко, Колумб в другом письме обратился с просьбой к наместнику Овандо выручить его из беды, прислав за ним два корабля за его, Колумба, счет. Мендес прекрасно сознавал всю рискованность попытки преодолеть в пироге бурный пролив шириной в двести километров, но ради спасения товарищей согласился пойти на это опасное дело и пустился в океан на двух больших пирогах с десятью индейцами-гребцами; его сопровождали отважный офицер Бартоломе Фреско и несколько матросов.

Между тем недовольство потерпевших крушение матросов перешло в открытый мятеж против Колумба. Зачинщики мятежа утверждали, будто Колумб, не имея права вернуться на Эспаньолу, хочет обманным путем удержать их на Ямайке и насильно превратить в колонистов и будто он заинтересован в том, чтобы опала распространилась и на них. Если наместник Овандо не допустил флотилию в порт Санто-Доминго, рассуждали мятежники, — значит, он действовал так по приказу короля. И вот 2 января 1504 года капитан каравеллы «Гальега» Франсиско де Поррас и брат его Диего, занимавший должность нотариуса флотилии, стали во главе восстания. Оба брата подняли матросов и с криком: «В Кастилию! В Кастилию!» — устремились скопом к каюте адмирала.

Колумб был болен и лежал в постели. Его брат Бартоломе и сын Эрнандо просили пощадить больного. При виде престарелого, немощного Колумба бунтовщики сдержали свою ярость, но стали требовать, чтобы он принял меры к возвращению в Испанию. Колумб просил их дождаться прибытия с Эспаньолы Мендеса и Фреско, но братья Поррас заявили, что они с матросами желают покинуть остров немедленно и будут действовать на свой страх и риск.

Опустошив лагерь и взяв десять пирог, которые Колумб выменял у индейцев, мятежники поплыли вдоль берега к восточной оконечности острова, разграбили там одно селение, насильно захватили несколько десятков индейцев и, заставив их грести, отправились на Эспаньолу. Когда в открытом море поднялся шторм, испанцы, чтобы облегчить пироги, выбросили за борт своих пленников. После этого варварского поступка матросы сами взялись за весла, но их отбросило ветром обратно к берегам Ямайки. Мя-

Каравеллы Колумба на Ямайке.

тежники разбрелись по всему острову, грабили индейцев и творили всякие бесчинства.

Что касается Колумба, то его положение было отчаянным. Оставшиеся ему верными люди почти все были больны. Запасы иссякли, надвигался голод. Чтобы не возбуждать против себя индейцев, люди Колумба старались не причинять им никакого зла. Но скоро островитянам надоело кормить чужеземцев; испанские безделушки, которые они получали в обмен на продукты, перестали их привлекать. Только какой-нибудь необыкновенный случай мог заставить индейцев снова слушаться испанцев и доставлять им припасы. И такой случай представился.

Из астрономических таблиц Колумб узнал, что 29 февраля 1504 года произойдет лунное затмение. Накануне этого дня он пригласил к себе всех касиков острова. Им было объявлено через переводчика, что бог белых людей в наказание за то, что касики не хотят больше снабжать их провизией, решил отнять у жителей острова луну. Встревоженные туземцы стали ждать наступления рокового часа, и этот час в точности совпал с предсказанием адмирала. Когда черная тень упала на лунный диск, касики бросились к ногам Колумба, умоляя его упросить бога белых людей отратить это страшное бедствие. Колумб как бы нехотя согласился и, удалившись на некоторое время в свою палатку, чтобы «поговорить с богом», объявил, наконец, что бог решил сменить гнев на милость, если индейцы дадут обещание помогать его служителям. Касики поклялись выполнить это требование, и тогда луна освободилась от покрывавшей ее тени и, к величайшей радости туземцев, вновь засияла во всем своем блеске. С тех пор Колумбу и его товарищам уже не приходилось опасаться голода.

Прошло уже восемь месяцев со времени отъезда Диего Мендеса и Бартоломе Фреско на Эспаньолу, но никаких известий от них не поступало. Колумб был уверен, что посланные им люди давно уже стали добычей океана, и перестал надеяться на спасение. Даже самые стойкие из его спутников впали в уныние.

Между тем Мендес и Фреско, преодолев в пути немало трудностей и опасностей, благополучно прибыли через четыре дня на Эспаньолу и тотчас же сообщили губернатору об ужасном положении Колумба и его экипажа. Овандо под разными предложениями задерживал обоих офицеров, не пуская их в Санто-Доминго, где они могли бы снарядить корабль и без его помощи. Мало-помалу слухи о беде, постигшей Колумба, распространились по всему острову. Некоторые из влиятельных колонистов стали упрекать Овандо за нежелание оказать помощь адмиралу, которому Испания обязана открытием и завоеванием Эспаньолы. Тогда Овандо милостиво разрешил Мендесу и Фреско заняться снаряжением

судна за счет Колумба, а сам поторопился отправить на Ямайку своего приближенного, некоего Диего Эскобара, одного из злейших врагов адмирала, с поручением разузнать все подробности о положении дел на Ямайке.

Легко вообразить, какая радость охватила Колумба и его спутников, когда на горизонте неожиданно показался парус! Но вскоре их постигло горькое разочарование. Эскобар не пожелал вступить в переговоры с адмиралом и даже не высадился на берег. Оставив потерпевшим крушение «в дар» от губернатора бочонок вина и ящик солонины, он тотчас же уехал обратно, не взяв ни одного человека на борт своего корабля.

Колумба глубоко оскорбила эта жестокая насмешка, но он старался сохранять спокойствие и уговаривал матросов не отчаиваться, уверяя, что скоро Овандо придет за ними другую каравеллу. В то же время Колумб попытался привлечь на свою сторону братьев Поррас и других мятежников, которые продолжали рыскать по острову, грабя и притесняя туземцев. Колумб предложил восставшим мир, но они ответили на это нападение на его лагерь. Испанцы, оставшиеся верными Колумбу, вынуждены были взяться за оружие. В битве с мятежниками они потеряли только одного человека и захватили в плен обоих братьев Поррас. Испуганные мятежники явились к адмиралу с повинной. Колумб заключил с ними мир, приказав выделить на их долю часть припасов, но не пускать никого из них на корабли.

Наконец, ровно через год после отъезда Мендеса и Фреско, на Ямайку прибыли два корабля. Один из них был снаряжен Мендесом на средства Колумба, а второй был послан Овандо под давлением общественного мнения, которое постепенно склонилось на сторону Колумба благодаря рассказам Мендеса и Фреско о постигших его бедствиях.

24 июня 1504 года Колумб и его спутники — друзья и враги — покинули Ямайку, где они пережили столько нравственных и физических страданий, и отправились на остров Эспаньолу.

Задержанные ветрами, корабли только в середине августа прибыли в порт Санто-Доминго. Колумб, к своему великому удивлению, был встречен колонистами с большим почетом.

Лицемерный Овандо радушно принял его у себя в доме. Но хорошие отношения продолжались недолго. Скоро Овандо начал придираться к Колумбу и обвинять его в жестокое обращении с восставшими против него людьми, а Колумб, в свою очередь, стал собирать материалы, чтобы доказать злоупотребления Овандо его губернаторской властью. В отместку за это губернатор мешал поверенному Колумба собирать для него доходы, которые он вправе был получать по договору с Фердинандом и

Изабеллой. Наконец, когда терпение Колумба истощилось, он нанял два корабля и 12 сентября 1504 года отплыл в Испанию вместе со своим братом Бартоломе, сыном Эрнандо и преданными людьми из экипажа. Это было последнее плавание Христофора Колумба.

Едва только каравеллы вышли из гавани, как разразился сильный шторм. Флагманский корабль потерял мачту; Колумбу вместе с экипажем пришлось перейти на другой корабль, которым управлял его брат, а поврежденное судно отослать обратно в Санто-Доминго. Таким образом, Колумб пустился через океан на одном утлом суденышке, рискуя в случае аварии погибнуть в волнах. Судьба преследовала злосчастного адмирала до самого конца плавания. В течение нескольких недель в океане бушевала буря, каравелла потеряла большую мачту и часть парусов, а Колумб, прикованный к постели жестоким ревматизмом, не мог даже покинуть свою каюту. Только 7 ноября показались берега Испании, и полуразвалившийся корабль «адмирала моря-океана» бросил якорь в андалузском порту Санлукар-де-Баррамедя.

Четвертое путешествие Колумба привело к новым великим открытиям. Правда, ему не удалось найти западный проход из Атлантического океана в «Южное море» и совершить кругосветное плавание, но на карту мира были нанесены очертания американского побережья от мыса Гондурас до Дарьенского залива и несколько архипелагов в Карибском море.

Больного Колумба перевезли из порта Санлукар в Севилью, где он надеялся восстановить свое здоровье, чтобы начать новые хлопоты перед королевским двором. Но жестокие испытания еще не кончились для Колумба. По приезде в Испанию он узнал, что Изабелла, которую он считал своей покровительницей, умерла. Он писал Фердинанду письма с настоятельными просьбами вернуть принадлежащий ему по договору титул вице-короля заморских владений и доходы, связанные с этим высоким званием, но письма оставались без ответа. Только в сентябре 1505 года Колумб собрался с силами поехать в Сеговию, где тогда находился королевский двор. Фердинанд принял адмирала очень сухо и ничего ему не обещал. Такая неблагодарность и вероломство короля так глубоко потрясли Колумба, что он опять слег и больше уже не мог подняться.

20 мая 1506 года Христофор Колумб умер в городе Вальядолиде. Кончина великого мореплавателя осталась незамеченной его современниками.

Адмирал умер, но, казалось, он не обрел покоя даже после смерти. Тело Колумба было погребено в Вальядолиде. В 1513 году его останки были перевезены в Севилью, в картезианский монастырь, а в 1536 году, во исполнение воли покойного, родные Ко-

лумба перевезли гроб с его прахом на Эспаньолу и похоронили в соборе Санто-Доминго. В конце XVIII века, когда остров Гаити (Эспаньола) перешел к Франции, испанское правительство распорядилось перенести останки Колумба на остров Кубу, в собор города Гаваны. *

Существует предание, что при перевозке останков Колумба в 1795 году из Санто-Доминго на Кубу настоятель собора, не желая тревожить прах великого адмирала, указал на гроб его брата Диего Колумба, погребенного там же, и этот гроб был перевезен на Кубу. В 1877 году в соборе Санто-Доминго, рядом с пустым склепом Колумба, был найден еще один склеп со свинцовым саркофагом, надпись на котором гласит, что заключенные в нем останки принадлежат великому мореплавателю Кристовалю Колону, открывшему Новый Свет.

Впрочем, не так уж и важно, где покоятся останки человека, открывшего Новый Свет. Имя Колумба, его слава и величие его подвига признаны везде и всюду.

* В 1897 году гроб Колумба был перевезен в Испанию и установлен в Севильском соборе.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ЗАВОЕВАНИЕ ИНДИИ И СТРАНЫ ПРЯНОСТЕЙ

I

Ковильян и Пайва. — Васко да Гама. — Подготовка экспедиции. — Мыс Доброй Надежды. — Бухта Сан-Браш (Моссел). — Мозамбик. — Момбаса. — Малинди. — Прибытие в Каликут. — Столкновения с саморином. — Возвращение в Европу. — Цинга. — Пиратские набеги. — Смерть Паулу да Гамы. — Почести в Лиссабоне.

Португальский король Жуан II, желая как можно скорее открыть путь к «полуденной Индии», послал почти одновременно две экспедиции — морскую и сухопутную. Бартоломеу Диашу, как мы уже знаем, в 1488 году удалось обогнуть мыс Доброй Надежды и доказать, что морской путь в Индию возможен. Вторая экспедиция — сухопутная — была секретной. Король поручил двум смельчакам проникнуть в Индию более легкой, короткой и безопасной дорогой — через Суэцкий перешеек, Красное море и Индийский океан.

Такое поручение можно было возложить на людей не только надежных, отважных, предприимчивых, но и хорошо знакомых с трудностями путешествия по этим странам, знающих восточные языки или хотя бы один арабский. Нужно было найти людей изворотливых и скрытных, способных отклонить всякое подозрение от своих истинных замыслов, конечной целью которых было подробно разведать обстановку, чтобы вырвать впоследствии из рук мусульман, арабов и венецианцев монополию торговли с азиатскими странами.

Некто Перу ди Ковильян, служивший оруженосцем у короля Афонсу во время его войны с Кастилией, позднее дважды ездил в Берберию с дипломатическими поручениями Жуана II. Ковильян владел несколькими восточными языками, хорошо

знал жизнь и культуру мусульман. Остановив на Ковильяне свой выбор, Жуан II дал ему в спутники дворянина, которого звали Аффонсу ди Пайва. Снабженные подробными картами, оба путешественника 7 мая 1487 года выехали из Лиссабона.

После многих приключений, выдавая себя за торговцев медом, португальцы добрались до Александрии, где едва не умерли от жестокой лихорадки. Прибыв затем в Каир, они завели дружбу с арабскими купцами из Феса и Тлемсена и отправились с ними в Тор, на побережье Аравийского полуострова. Там они надеялись добыть важные сведения о торговле с Индией. Переход через пустыню с караваном был долгим и утомительным. Еще более трудным оказалось двухмесячное плавание по Красному морю и через пролив Баб-эль-Мандеб («Ворота слез») до Адена.

Из Адена оба португальца решили идти каждый своим путем, чтобы затем в условленное время снова встретиться в Каире. Ковильян направился в Индию, а Пайва — в Эфиопию, на поиски легендарной страны христианского пресвитера (священника) Иоанна, с которым Жуан II хотел заключить союз против мусульман. Легенды о существовании христианского государства в Африке передавали многие путешественники. Португальский король поручил своим посланцам во что бы то ни стало добыть точные сведения об этой неизвестной стране. Спутники распрощались в Адене. С этого дня теряются дальнейшие следы Аффонсу ди Пайвы, без сомнения павшего где-то жертвой своей смелой попытки.

Что же касается Ковильяна, то ему удалось устроиться на арабское судно, идущее в Индию, и благополучно достичь Малабарского берега. Он высадился в порте Каннанур, узнал там все, что его интересовало о торговле пряностями, а потом поехал в Каликут, главный торговый центр «полуденной Индии», на которую Португалия уже в течение целого столетия бросала алчные взоры. Из Каликута Ковильян отправился к северу на маленьком судне, заходившем во все портовые города, пока не достиг важнейшего торгового порта на острове Гоа.

От проницательных взоров португальского лазутчика не укрылась ни одна подробность. Он выяснил, какие продукты вывозятся с Малабарского берега и какие товары поставляют сюда арабские, генуэзские и венецианские купцы, которых он встречал почти в каждом индийском городе. Ковильян успешно выполнил свою миссию, пользуясь дружественным приемом индийцев, не подозревавших, что этот любознательный чужеземец будет способствовать разорению и порабощению их страны.

В Гоа португалец снова сел на торговое судно и поплыл на запад. Он побывал в Ормузе, в восточно-африканском порту Софала, известном своей торговлей золотом, которое добывалось

туземцами во внутренних областях материка; посетил Зсйлу, оживленный торговый город на побережье Сомали; наконец, проделав обратный путь через Красное море, вернулся в Каир, весьма довольный результатами своего продолжительного путешествия.

В Каире Ковильян должен был дожидаться своего спутника. Условленный срок давно уже истек, а Пайва все не возвращался. Прошло несколько месяцев. Ковильян собрался уже было отправиться на родину, когда неожиданно к нему явились два незнакомца, оказавшиеся учеными евреями, посланными Жуаном II с дальнейшими инструкциями и новым запасом денег для Ковильяна и Пайвы. Король не разрешал им возвращаться в Португалию до тех пор, пока они не выполнят до конца порученного им дела. После этого Ковильяну ничего другого не оставалось, как написать для короля подробный отчет о своем путешествии и отправиться дальше, взяв на себя выполнение задачи, которая не удалась Пайве.

Путь его лежал в Эфиопию (Абиссинию), где, по слухам, находилась страна священника Иоанна. Жители Эфиопии действительно исповедовали христианскую религию, но по своему образу жизни, обычаям и нравам не имели ничего общего с европейскими христианами. Абиссинский негус (император) Александр принял письма Жуана II «с большим удовольствием и радостью», но не отпустил Ковильяна на родину. После смерти Александра в 1494 году новый негус приблизил португальца ко двору и назначил правителем области. Потеряв надежду увидеть своих близких, Ковильян обзавелся новой семьей и окончательно обосновался в Эфиопии, где и умер глубоким стариком.

Когда в 1520 году к негусу прибыло португальское посольство, Ковильян оказал своим соотечественникам ценные услуги не только в качестве проводника, переводчика и советника. Он подробнейшим образом рассказал члену посольства, монаху Франсишку Алваришу, обо всем, что ему довелось увидеть и узнать во время своих скитаний по Африке и Индии.

Таким образом в донесении португальскому королю Жуану II и в беседах с Алваришем Ковильян сообщил важнейшие сведения о сухопутных дорогах и морских путях, о городах, торговле, природных богатствах и ценностях Индии — сведения, которые были затем учтены и использованы при подготовке экспедиции Васко да Гамы.

Король Жуан II, занятый в последние годы жизни спорами с Испанией и усмирением португальской феодальной знати, умер, так и не успев воспользоваться морским путем в Индию, проложенным наполовину Бартоломеу Диашем, и ценными сведениями, добытыми Ковильяном. Правда, замечательные результаты пер-

вого плавания Колумба побудили португальского короля заняться подготовкой морского похода из Португалии к берегам Индии, но построена была флотилия уже при короле Мануэле I, преемнике Жуана II.

Все ожидали, что во главе экспедиции будет поставлен испытанный и прославленный мореход Бартоломеу Диаш, которому, казалось бы, самой судьбой было предназначено завершить начатое им дело, но король распорядился иначе. Выбор его остановился на молодом придворном по имени Васко да Гама.

Португальский летописец XVI века Гашпар ди Корреа так описывает обстоятельства этого неожиданного назначения:

«Пока все готовилось, король денно и ночью размышлял — кому можно будет доверить столь великое предприятие. Знатные люди королевства, видя приготовления, которые делались для отправки флота на эти открытия, говорили ему о людях, подходящих, по их мнению, для этой роли. Но король отвечал, что он уже решил. Так прошло много дней. Однажды король сидел в зале, где он работал за столом, давая приказания. Случайно король поднял глаза, когда по залу проходил Васко да Гама. Он был его придворным, человеком благородного происхождения... Король задержал на нем свой взор, сердце его дрогнуло, он подождал его и, когда тот преклонил колено, сказал: «Я буду рад, если вы возьметесь совершить поручение, где придется много потрудиться». Васко да Гама, поцеловав руку короля, ответил: «Я, государь, слуга ваш и исполню любое поручение, хотя бы оно стоило мне жизни».

Васко да Гама принадлежал к старинному дворянскому роду. Один из его предков, Алвару Анниш да Гама, отличился при короле Афонсу III в освободительной войне с маврами. Отец мореплавателя Иштеван да Гама был главным управителем и судьей городов Синиша и Сильвиша. Трое его сыновей — Паулу, Айриш и Васко — с детства были увлечены рассказами о путешествиях в далекие страны и мечтали о жизни, полной приключений и опасностей.

Год рождения Васко да Гама точно не установлен. Известно только, что он родился в маленьком приморском городе Синиш между 1460 и 1469 годами (1460 год представляется наиболее вероятным). Предполагают, что Васко да Гама еще подростком принимал участие в одной из войн Португалии с Кастилией и в юношеские годы совершил два или три плавания к берегам Гвинеи.

В 1492 году он блестяще выполнил ответственное поручение короля Жуана II. Когда французские корсары захватили груженный золотом португальский галион, возвращавшийся из Сан-Жоржи-да-Мина, Васко да Гама объехал на быстроходной кара-

велле португальское побережье, захватив все французские суда, стоявшие на рейде. После этого французский король вернул с извинениями захваченный галион с золотом, а Васко да Гама попал в милость к королю и стал в Португалии популярной личностью.

Значительно позже, уже после возвращения из первой экспедиции в Индию, он женился на девушке из родовитой и влиятельной семьи, Катарине ди Атайди, но никаких данных о семейной жизни Гамы не сохранилось, за исключением того, что у него было от этого брака несколько детей. Его второй сын, Иштеван да Гама, стал впоследствии губернатором Индии, четвертый сын, Паулу да Гама, — губернатором Малакки, а пятый сын, Криштован да Гама, воевал в Эфиопии, где был убит.

Случайно уцелел один старинный документ, благодаря которому можно с полной уверенностью сказать, что в субботу 8 июля 1497 года армада Васко да Гамы снялась с якоря в предместье Лиссабона — Риштеллу.

Экспедиция была тщательно подготовлена. Насколько это было возможно, старались продумать каждую мелочь и предусмотреть любую случайность, какая только могла встретиться в пути. В этом отношении Васко да Гама был поставлен в куда более благоприятные условия, нежели Колумб.

Эскадра состояла из четырех кораблей средней величины, примерно в сто — сто двадцать тонн водоизмещения. Построены они были под наблюдением Бартоломеу Диаша, который предложил заменить косые латинские паруса четырехугольными и для удобства маневрирования в мелких водах придать судам меньшую осадку. В расчете на трехгодичное плавание было обращено особое внимание на прочность и оснастку кораблей, снабженных тройной переменной парусов и канатов. Все бочки, предназначенные для запасов воды, вина, масла и уксуса, были промазаны глиной и скреплены железными обручами. Трюмы были превращены в склады продовольствия и боевых припасов; кладовые были заполнены дешевыми вещами для обмена с дикарями. Вооружение каждого корабля состояло из двенадцати пушек (бомбард).

Особенно тщательно был подобран экипаж — из лучших матросов, искусных лоцманов и опытных капитанов.

На флагманском корабле «Сан-Габриэл» развевался флаг «капитана-командира» эскадры. Вторым кораблем «Сан-Рафэл» командовал его брат, Паулу да Гама. Командиром третьего судна — каравеллы «Берриу», названной так по имени одного моряка, у которого она была куплена, назначили испытанного офицера Николу Коэлью, и, наконец, Гонсалу Нуниш, один из приближенных Васко да Гамы, вел грузовое судно.

Среди экипажа находились некоторые из моряков, принимавших участие в экспедиции Бартоломеу Диаша, в том числе лучший

Васко да Гама Со старинной гравюры.

португальский боцман Перу д'Аленкер. Весь экипаж армады, включая и десятерых преступников, взятых для исполнения самых опасных поручений, состоял приблизительно из ста шестидесяти — ста семидесяти человек.

По сравнению с грандиозностью поставленной задачи, до чего же слабы и жалки были средства, которыми располагала эта горсточка людей!

Накануне отплытия король Мануэл пригласил Васко да Гаму и офицеров армады к себе на прием и обратился к ним с прощальной речью.

«Я пришел к решению, — заявил король, — что нет более подobaющего предприятия для моего королевства — как я не раз вам говорил, — чем поиски пути в Индию и в страны Востока. Я надеюсь, упоая на милость божью, что в этих землях, хотя и столь отдаленных от римской церкви, не только может быть провозглашена и воспринята благодаря нашим усилиям вера в господа нашего Иисуса Христа, сына божьего, и мы не только получим за это в награду славу и хвалу среди людей, но и сможем, кроме того, приобрести царства и новые государства с большими богатствами, вырвав их силой оружия из рук варваров... И я вижу, что Васко да Гама, который присутствует здесь, хорошо показал себя во всех делах, вверенных или поручаемых ему. Я избрал его для этого похода как преданного кавалейру [рыцаря], достойного столь почетной миссии».

Наступило 8 июля. При первых лучах солнца Васко да Гама, в сопровождении своих офицеров, среди громадного стечения народа приблизился к кораблям. Вокруг него образовалась свита из монахов и священников, которые читали молитвы и отпускали грехи уходящим в далекое опасное плавание, откуда многим не суждено было вернуться. По ветру реяли флаги, солдаты трубили в трубы, вопли и причитания людей, провожавших своих близких, смешивались с восторженными криками зрителей. Поднятые паруса с алыми крестами, раздуваемые попутным ветром, рвались в открытое море, увлекая в сказочно богатую Индию надежды Васко да Гамы и его спутников...

На первом этапе экспедиции, до крепости Сан-Жоржи-да-Мина на Гвинейском берегу, откуда португальцы вывозили золото и рабов, флотилию сопровождал корабль, которым командовал Бартоломеу Диаш, назначенный правителем этой крепости.

Плавание началось спокойно, при попутном ветре. Уже через неделю корабли оказались в виду Канарских островов. В ночь на 17 июля возле бухты Рио-де-Оро (Золотая река) спустился густой туман, и корабли разлучились друг с другом. Предвидя такую возможность, Гама заблаговременно приказал держать курс на острова Зеленого мыса. Здесь, у острова Сантьягу, ко-

рабли снова собрались вместе. Возобновив запасы мяса, воды и дров, 3 августа флотилия двинулась дальше на юго-восток, а Бартоломеу Диаш повернул к африканскому берегу, к месту своего нового назначения.

Вскоре корабли попали в полосу шторма. Не прекращавшийся встречный ветер преграждал путь в Индию. И тогда Васко да Гама принял смелое решение: он повернул корабли на юго-запад, в сторону тогда еще не открытого бразильского побережья. Сделав большой крюк, командир эскадры сумел обойти полосу шквалов, и таким образом был найден наиболее удобный морской путь из Европы к мысу Доброй Надежды, которым до сих пор пользуются парусные суда. Если бы Васко да Гама продвинулся еще немного на запад, Бразилия была бы открыта на три года раньше.

Португальцы не видели землю девяносто три дня. Плавание в неизвестных водах казалось бесконечным. 27 октября были замечены киты и тюлени, потом появились водоросли, глубина океана стала уменьшаться, и утром 4 ноября тоскливым взорам мореплавателей открылся берег Африки. Однако прошло еще три дня, прежде чем удалось найти удобную бухту.

Там португальцы впервые увидели бушменов, которых приняли за низкорослых негров. Матросы захватили и доставили на корабль одного насмерть перепуганного туземца. Переводчики так и не поняли его «бормотанья», и Гама, после того как туземец был хорошо накормлен и немного успокоился, пришлось объясняться с ним жестами. Перед дикарем разложили образцы пряностей, жемчуг, золото, серебро, но он, впервые увидев эти драгоценные предметы, не проявил к ним никакого интереса.

Позже выяснилось, что эти «низкорослые негры», прикрывавшие наготу древесной корой, очень ловко владели своим примитивным оружием — деревянными дротиками с наконечниками, закаленными на огне. Когда один легкомысленный матрос, некий Фернан Вилозу, чем-то обидел дикарей, они погнались за ним и завязали настоящее сражение с его защитниками, среди которых оказался и сам Васко да Гама; во время этой битвы он был ранен стрелой в ногу. Из-за неосторожности Вилозу португальцам пришлось поскорее сняться с якоря. Описанный случай послужил затем Луишу ди Камознсу материалом для одного из лучших мест в его знаменитой поэме «Лузиада».

Корабли пошли дальше на юг, к мысу Доброй Надежды. Новый шторм заставил Васко да Гаму снова пуститься в открытое море. Матросы выбились из сил, окоченели от холода. На кораблях начался ропот.

Потеряв надежду на спасение, люди обступили капитана-командира, требуя повернуть обратно. Это было решительное ис-

питание, которое Васко да Гама выдержал со свойственной ему настойчивостью.

«Васко да Гама был очень раздражительным человеком, — пишет Гашпар ди Корреа, — временами он сердито заставлял их замолчать, хотя прекрасно видел, что у них было много оснований считать себя обреченными на смерть; шкиперы и кормчие умоляли его переменить курс, но капитан-командир не пошел на это, хотя в трюм набралось много воды и работа моряков стала вдвое тяжелей. Дни были короткими, а ночи длинными. Кроме того, шел такой холодный дождь, что люди не могли двигаться. Все молили бога о спасении их душ, ибо они уже не надеялись сохранить жизнь. В это время Васко да Гаме показалось, что пришло время переменить курс, и он согласился на это с большим раздражением, поклявшись, что, если они не обогнут мыса, он вновь и вновь будет выходить в море до тех пор, пока он или обогнет мыс, или с ним случится то, что будет угодно богу».

Расчет оказался правильным. 22 ноября флотилия благополучно обогнула мыс Доброй Надежды и через три дня остановилась в бухте, которую путешественники называли Сан-Браш (теперь Моссел).

Это была та самая Гавань пастухов, где у Бартоломеу Диаша десять лет тому назад произошло столкновение с туземцами. Надо было держаться настороже. Но местные бушмены оказались доверчивыми и незлобивыми. Они с восторгом принимали подарки — погремушки и бубенчики, пригоняя взамен коров и овец. Желая закрепить дружбу с белыми людьми, бушмены стали в круг и начали плясать под аккомпанемент флейт. Музыка и танцы дикарей произвели на португальцев большое впечатление.

«Тогда они начали играть на четырех или пяти флейтах, — пишет в своем дневнике один из спутников Васко да Гамы, имя которого осталось неизвестным. — Некоторые издавали высокие звуки, другие — низкие, создавая таким образом гармонию, изумительную для негров, от которых нельзя было ожидать ничего подобного. И они продолжали танцевать на свой лад, а капитан-командир приказал трубачам играть, и мы танцевали на наших кораблях. Капитан-командир сам присоединился к нашим танцам и очень нас развеселил».

Действительно, что могло быть необычнее этой взаимной ссоры, которую задавали друг другу португальцы и бушмены! Но удивительнее всего было видеть Гама, важного, надменного Гама, выделяющим перед дикарями замысловатые антраша! Однако дружеские отношения между португальцами и туземцами продолжались недолго. Когда бушмены стали проявлять «строптивость», Васко да Гама приказал устрашить их несколькими артиллерийскими залпами.

Во время стоянки в бухте Сан-Браш португальцам удалось все же добыть съестные припасы и внимательно осмотреть корабли, поврежденные бурей. Грузовое судно пришло в полную негодность. Васко да Гама приказал сжечь его, предварительно перегрузив все имущество на другие корабли.

Перед отплытием португальцы воздвигли падран и установили на берегу большой крест, сделанный из запасной мачты. Но едва только флотилия отошла на некоторое расстояние, как бушмены уничтожили эти сооружения на глазах у португальцев.

16 декабря Васко да Гама увидел последний падран, поставленный Бартоломеу Диашем на берегу Рио-Инфанте, в том месте, где теперь находится порт Элизабет. Дальше уже начинались воды, в которые не заходил ни один португальский корабль. Здесь флотилии пришлось выдержать борьбу со встречным течением, сильно замедлявшим плавание.

День рождества (25 декабря) отпраздновали в море, в виду незнакомого берега, названного Натал, что по-португальски означает рождество. Люди испытывали большие лишения. Пресной воды оставалось так мало, что пищу готовили только на морской воде. Несколько дней продолжались поиски удобной бухты. 11 января 1498 года корабли бросили якорь возле устья небольшой речки. Туземцы — высокие стройные негры племени банту — оказали португальцам хороший прием. Здешние негры были вооружены большими луками и длинными копьями с железными наконечниками. Переводчик Аффонсу, живший долгое время в Африке, сумел легко договориться с туземцами, и они охотно снабдили португальцев всеми необходимыми припасами. В благодарность за это Васко да Гама подарил местному вождю куртку и красные шаровары и присвоил его стране название Терра-да-Боа-Женти (Страна добрых людей).

Спустя несколько дней, на следующей стоянке, португальцы встретили двух негритянских вождей, которые пренебрегли их жалкими подарками. Один из этих негров был в чалме с вышитой шелком каймой, другой — в тюрбане из зеленого атласа. Негры дали понять чужеземцам, что прибыли из далекой страны и не раз уже видели такие большие корабли. Отсюда Васко да Гама сделал правильное заключение, что его флотилия приближается к Индии, к вожденной «полуденной Индии»! Поэтому река, впадающая в океан в том месте, где произошла эта знаменательная встреча, была названа Рио-да-Бонш-Сигналеж (Река добрых признаков).

Но, несмотря на эти «добрые признаки», португальцев ждали еще на пути в Индию суровые испытания. Среди экипажа вспыхнула цинга, страшная болезнь, вызванная длительным употреблением однообразной и не всегда доброкачественной пищи.

Обогнув южноафриканский берег, корабли вошли в Мозамбикский пролив (между Африкой и Мадагаскаром) и 2 марта пристали к порту Мозамбик (у северного конца пролива). Португальцы увидели утопавший в зелени город и порт со множеством больших и малых судов. Васко да Гама узнал через переводчика, владевшего арабским языком, что на этих берегах можно встретить много поселений и городов, основанных арабскими работорговцами и купцами, ведущими торговлю с Индией. Золото, серебро, ткани и пряности, жемчуг и рубины составляли главный предмет торга. Таким образом, португальская флотилия попала в области, находившиеся под мавританским влиянием. Арабы контролировали все торговые пути и доставляли восточные товары в Александрию, Каир, Оран и другие города, а оттуда генуэзские и венецианские суда переправляли эти товары в страны Европы. Арабы были хозяевами Индийского океана, и португальцы, прежде чем завоевать Индию, должны были сломить могущество арабов.

Местный шейх, полагая, что он имеет дело с мусульманами, нанес визит португальцам, которые встретили его весьма учтиво и подарили ему несколько нитей коралла и красный колпак. Важный холеный шейх из вежливости принял этот скромный подарок, но при повторном визите, когда португальцы стали его снова одаривать такими же пустяками, с презрением отвернулся от этих убогих даров. Вскоре шейх узнал, что чужеземцы — христиане, злейшие враги магометан, и, пристыженный тем, что поддался на обман, решил устроить избиение «неверных». Однако он действовал недостаточно осторожно: матросы, отпущенные на берег, сразу же почувствовали ненависть местных жителей. Когда дело начало доходить до открытых столкновений, Васко да Гама отвел флотилию к небольшому острову (Сан-Жоржи) и, прежде чем окончательно покинуть Мозамбик, приказал своим людям захватить во что бы то ни стало одного или двух лоцманов, так как нанятые с помощью шейха лоцманы-арабы сбежали с полученным вперед жалованием. Португальцы захватили в окрестной деревушке двух лоцманов, но затем подверглись нападению, когда высадились на берег за водой. В ответ на этот враждебный выпад Васко да Гама стал обстреливать город из бомбард, вынудив шейха запросить мира. Тем не менее через несколько дней начались новые стычки, и португальцам лишь с большим трудом удалось запастись питьевой водой. На прощанье Паулу да Гама захватил два туземных баркаса, разделив богатый груз между своими офицерами и матросами, а Васко да Гама приказал еще раз обстрелять из бомбард этот негостеприимный берег.

Только 29 марта подул благоприятный ветер, и корабли снова пустились в путь. Но арабский лоцман притворился, будто

не понимает, чего хотят от него чужеземцы. Тогда Васко да Гама, чтобы положить конец упрямству этого мавра, приказал «как следует» его высечь. Остров, мимо которого португальцы проплывали во время экзекуции, получил название Илья-ду-Асоутаду (Остров высеченного.)

7 апреля флотилия подошла к Момбасе, портовому городу, в котором, по уверению высеченного лодмана, была колония христианских купцов.

Корабли стали на якорь в открытом море, не рискуя войти в гавань, несмотря на восторженный прием, который был оказан здесь португальцам. Их настойчиво зазывали в город, но Васко да Гама, подозревая предательство, не решился нанести визит местному шейху. Ночью к флагманскому кораблю приблизилась завра (мавританский баркас) с сотней вооруженных людей. Они попытались было перелезть через борт, но Гама разрешил подняться только нескольким. Удалились арабы столь же неожиданно, как и прибыли.

Шейх Момбасы, по-видимому уже извещенный о том, что произошло в Мозамбике, боялся открыто напасть на португальцев. Прикидываясь другом, он присылал щедрые подарки, в том числе апельсины, благодаря которым многие матросы избавились от цинги, обещал нагрузить корабли пряностями, как только они войдут в порт, уговаривал португальцев открыть у него в городе торговую факторию, а по ночам продолжал посылать к месту стоянки завры с воинами, упорно пытавшимися обрубить якорные канаты и потихоньку забраться на португальские корабли.

Чтобы узнать истинные намерения шейха, Васко да Гама приказал подвергнуть пытке двух захваченных арабов. С хладнокровной жестокостью капитан-командир допрашивал несчастных пленников, капая им на спину кипящую смесь смолы и масла. Арабы сознались, что шейх решил заманить корабли в гавань и отомстить португальцам за то, что они натворили в Мозамбике. Не довольствуясь этими показаниями, Гама велел продолжать пытку, но пленники внезапно рванулись вперед и бросились за борт со связанными руками.

В ожидании попутного ветра португальцам пришлось еще два дня стоять у Момбасы. Лишь 13 апреля флотилия двинулась дальше, захватив в нескольких лигах от места стоянки небольшое арабское судно с богатым грузом золота и серебра. На другой день корабли стали на якорь у Малинди, одного из самых богатых арабских городов. С моря он казался особенно красивым. Сверкавшие в солнечных лучах позолоченные минареты и ослепительной белизны мечети отчетливо выделялись на фоне синего неба.

Здесь Васко да Гаме посчастливилось. Шейх Малинди, соперник правителя Момбасы, был заинтересован в том, чтобы приобрести новых союзников и покровителей. Слухи о силе и жестокости португальцев успели уже дойти до Малинди, и местный шейх сделал все возможное, чтобы расположить к себе чужеземцев, заявивших о своем прибытии выстрелами из бомбард. На шейха и на жителей города это произвело тем большее впечатление, что арабы не имели огнестрельного оружия. С другой стороны, и Васко да Гама на этот раз несколько изменил свою тактику и занял выжидательную позицию.

Чтобы рассеять подозрения командира эскадры, шейх предложил ему встретиться в лодках в открытом море. Так как шейх был глубоким стариком, он послал вместо себя своего сына в сопровождении небольшой свиты. Все требования Васко да Гамы были быстро удовлетворены. Он получил большой запас воды, топлива, продовольствия и свежих фруктов. Но самой ценной услугой, которую шейх оказал португальцам, была присылка на флагманский корабль необыкновенно искусного лоцмана, явившегося к капитану-командиру со своими навигационными картами и приборами. Настоящее имя этого лоцмана было А х м е д И б н М а д ж и д, но португальцы звали его Малéмо Канá, произнося на свой лад его арабский титул Муаллим Канаган (в приблизительно переводе — мастер и учитель кораблевождения). Ахмед Ибн-Маджид оставил несколько сохранившихся до наших дней руководств по кораблевождению в Индийском океане.

24 апреля португальская флотилия покинула гавань Малинди и, взяв курс на северо-восток, направилась к берегам Индии. Переход через Индийский океан, с попутным муссоном, продолжался двадцать три дня. Португальцев преследовал такой нестерпимый зной, что питьевая вода быстро испортилась и люди стали болеть. Участились смертные случаи.

19 мая корабли приблизились к берегу, и на следующий день флотилия Васко да Гамы бросила якорь у Каликута, богатейшего города Малабарского побережья.

Измученные тропической жарой и болезнями, люди прибодрились. Все были охвачены радостью. Наконец-то они прибыли в эту дивную, вожденную страну! Наконец-то, после стольких трудов, опасностей и лишений, они достигли Индии!

Едва якорь коснулся дна, как от берега отделились четыре лодки и стали быстро приближаться к кораблям. Сидевшие в лодках люди знаками пригласили матросов посетить город. Но Гама, удвоивший осторожность после событий в Мозамбике и Момбасе, приказал всем оставаться на местах и послал на берег в качестве разведчика Жуана Нуниша, знавшего арабский язык. Это был один из преступников, находившихся в составе экипажа.

Ему было поручено обойти город под видом покупателя и постараться выяснить настроение жителей.

Нуниша окружила толпа любопытных и стали его засыпать вопросами, на которые он не мог ответить. Тогда его отвели к арабским купцам. К величайшему удивлению Нуниша, эти купцы умели объясняться по-кастильски и по-генуэзски. Узнав, что он португалец, они спросили: «Черт возьми, каким чудом тебя сюда занесло?» Нуниш ответил, что португальцы прибыли в Индию в поисках христианских поселений и пряностей. Арабы заинтересовались, почему же в Индию не послали свои корабли также правительства Кастилии, Франции и Венеции. Нуниш не растерялся и с апломбом заявил, что этому воспрепятствовал португальский король.

Оказалось, что один из присутствовавших при разговоре арабов когда-то торговал с португальцами и кастильцами в Ороне. Увидев португальцев в Индии, он решил, что теперь сила на их стороне и, значит, можно будет на этом поживиться. Нуниш взял Эль Масуда, так звали этого араба, на корабль и представил его Васко да Гаме. Увидев капитана-командира, Эль Масуд воскликнул: «Счастливое предприятие, счастливое предприятие! Множество рубинов, множество изумрудов! Благодарите бога за то, что он привел вас в столь богатую страну!»

Сначала Васко да Гама не доверял говорливому арабу, которого оставил у себя в качестве проводника и переводчика. Но позже, когда Монсайди, так звали португальцы Эль Масуда, оказал им много ценных услуг, капитан-командир убедился, что встреча с ним была для него большой удачей.

Так как верховный правитель Каликута «самудрин раджа», или, как говорили португальцы, «саморин», находился в прибрежном городе Поннани, в двадцати восьми милях от столицы, то Гама направил к нему двух человек вместе с Монсайди, с сообщением, что посол португальского короля прибыл в Каликут и хотел бы вручить саморину королевское послание. Саморин тотчас же вызвал лоцмана, поручив ему отвести португальские корабли в более удобную бухту — Пандарани, севернее Каликута, и ответил, что на другой день самолично прибудет в свой дворец.

Как только корабли были отведены в Пандарани, к Васко да Гаме явился нарочный саморина с приглашением посетить дворец. Нарочного сопровождали двести гвардейцев, которые во время его переговоров с Васко да Гамой оставались на берегу. Васко да Гама под предлогом позднего времени отложил визит во дворец на завтра.

Утром 28 мая 1498 года он отправился к саморину с тринадцатью португальцами в тяжелых доспехах, приказав Николау Коэлью, капитану «Берриу», ждать его у берега с людьми на лод-

ках, в боевой готовности. На время своего отсутствия, а также в случае несчастья, которое помешало бы ему в условленный срок вернуться на корабль, Васко да Гама поручил командовать флотилией своему брату Паулу да Гаме, который должен был, даже не пытаясь выручить из беды капитана-командира, без промедления плыть обратно в Португалию и дать королю отчет о блестящих результатах экспедиции.

На берегу португальцев встретила огромная толпа любопытных. На всем пути ко дворцу саморина гостей сопровождала пышная свита из военных, придворных, чиновников, слуг, а также музыкантов, ни на минуту не прекращавших своей оглушительной игры. Васко да Гаму несли в паланкине шесть регулярно сменявшихся африканцев.

Когда процессия вступила в Каликут, Васко да Гама пожелал остановиться у первой встретившейся ему пагоды. По-видимому, он продолжал еще верить распространенной в Европе легенде о том, будто жители Индии являются христианами. Приняв пагоду за христианский храм, а статую одной из индийских богинь за изображение богородицы, Гама и его спутники упали перед ней на колени и стали молиться в языческом храме. Впрочем, если капитан-командир даже и догадывался о своей ошибке, то не подавал виду из дипломатических соображений. Когда один из его спутников, Жуан да Са, шепнул ему, стоя на коленях: «Если это дьяволы, то я поклонюсь истинному богу!» — Васко да Гама улыбнулся. А улыбался он не так уж часто!

Улицы города были запружены народом. Солдаты бамбуковыми палками расчищали путь процессии, с большим трудом добравшейся до дворца. Только вечером португальцев, одуревших от зноя и шума, изнемогавших под бременем своих доспехов, ввели в покои саморина, который принял их в зале, пышно убранном тканями и коврами и наполненном пряными ароматами благовоний. Сам властитель Каликута, в одной только набедренной повязке, возлежал на зеленом бархате, жуя бетель. Руки его были украшены массивными золотыми браслетами и кольцами с огромными алмазами, шея была обвита жемчужным ожерельем и золотой цепью, на ушах висели грузные серьги.

Португальцам подали чаши для мытья рук и угостили плодами хлебного дерева и бананами. Затем саморин попросил Васко да Гаму изложить цели своего путешествия и содержание письма португальского короля. Васко да Гама, видя среди советников саморина мавров, сказал, что хотел бы с ним поговорить без свидетелей. Властитель охотно согласился и перешел с Гамой и некоторыми из своих приближенных в соседнее помещение.

Анонимный автор «Рутейру» (дневника путешествия) сообщает, что Гама, охарактеризовав португальского короля Мануэла

Васко да Гама получает аудиенцию у саморина. Со старинной гравюры.

как самого великодушного и самого могущественного монарха в мире, заявил, что король Мануэл и его предки, начиная с инфанта Энрики Навигадор (Генриха Мореплавателя), в течение нескольких десятилетий чуть ли не ежемесячно посылали свои корабли на поиски морского пути в Индию «не потому, что они искали золота и серебра, — ибо золота и серебра в Португалии такое изобилие, что нет никакой нужды искать их в чужих землях, — а потому, что короли португальские прослышали, будто бы на Востоке есть также христианское царство».

В заключение Васко да Гама от имени короля Мануэла предложил саморину дружбу и мир, на что саморин ответил, что он счастлив считать португальского короля другом и братом и отправить в Португалию своих послов.

Однако хорошее впечатление, произведенное на саморина внушительной речью Васко да Гамы, и ни с чем не сравнимые выгоды, которые сулил предложенный им торговый договор, предстали в совершенно ином свете, когда на следующий день на корабль за подарками для каликутского властителя явились два арабских сановника. Перед ними выставили двенадцать кусков полосатой ткани, четыре красных капюшона, шесть шляп, четыре нитки кораллов, шесть тазиков для омовения рук, ящик сахара, две бочки оливкового масла и два бочонка меда.

Сановники, с удивлением оглядев эти подарки, заявили с усмешкой, что самый бедный арабский купец мог бы явиться с более ценными дарами и что саморин никогда не примет таких безделиц. Если у португальцев нет ничего лучшего, то пусть они поднесут ему чистое золото. Васко да Гама, обиженный отказом сановников принять подарки, снова отправился к саморину. После долгого ожидания его впустили во дворец, разрешив взять с собой только двух человек. На этот раз саморин был более сдержан. Подношение властителю богатых даров было в Индии старинным обычаем. Чужеземцы грубо нарушили этот обычай. Кроме того, саморина восстановили против португальцев его арабские сановники, правильно рассудившие, что торговая монополия в Индии их соотечественников находится теперь под угрозой. Наконец в Каликуте стало уже известно о пиратских набегах, совершенных португальцами на пути в Индию.

Саморин выразил удивление, почему Васко да Гама, посланный к нему столь богатым и могущественным королем, не привез с собой никаких ценных даров? На это Васко да Гама со свойственной ему находчивостью ответил, что предложенные подарки принадлежат лично ему, а португальский король в следующий раз пришлет саморину такие богатые дары, что тот останется доволен. Затем Васко да Гама прочел саморину через переводчика письмо португальского короля и попросил разрешения основать в Кали-

куте небольшую торговую факторию. Но властитель не захотел оставить в Каликуте ни одного португальца. Он предложил Гаме выгрузить и продать с наибольшей выгодой привезенные товары, а потом отправиться восвояси со всеми своими людьми.

Резкий поворот в настроении саморина сразу же приободрил арабских купцов, которые чувствовали себя в Каликуте полными хозяевами. Они не могли примириться с мыслью, что португальцы будут оказывать влияние на ход торговли, и решили ни перед чем не постоять, чтобы навсегда избавиться от этих опасных соперников. Богатые купцы оказывали давление на арабских сановников саморина и распространяли по городу самые мрачные слухи об этих наглых авантюристах и жадных грабителях, которые ищут только удобного случая хорошенько ознакомиться с Каликутом, чтобы затем вернуться сюда с большим флотом, разграбить город и уничтожить всех, кто посмеет им воспротивиться. Результаты этих враждебных происков мусульман не замедлили сказаться.

Когда Васко да Гама добрался на следующий день со своими спутниками до якорной стоянки в Пандарани, он не нашел на берегу ни одной лодки и вынужден был заночевать в караван-сараях. Утром Гама потребовал лодок, чтобы переправиться на корабли, но приставленный к нему советник саморина заявил, что лодки будут даны только в том случае, если португальские корабли подойдут поближе к берегу. Гама наотрез отказался выполнить это требование, и тогда караван-сарай сразу же превратился в тюрьму: сановник велел запереть все двери и поставил вокруг дома часовых. Португальцев сторожило «больше ста человек, все вооруженные мечами, двусторонними боевыми топорами, щитами, луками и стрелами». При этом сановник уверял, что португальцы вовсе не арестованы, а просто взяты под охрану, дабы уберечь их от ярости мусульман.

Лишь на третий день в караван-сарай явился тот же самый сановник с приказом саморина выгрузить на берег португальские товары, высадить весь экипаж и не разрешать людям возвращаться на корабли до тех пор, пока все товары не будут распроданы.

Как только португальцы устроили на берегу факторию, Васко да Гама и его люди были освобождены. Оказавшись на борту своего судна, капитан-командир приостановил дальнейшую выгрузку товаров, поручив ведать делами фактории Диогу Диашу, брату знаменитого мореплавателя.

Однако товары, выставленные португальцами на продажу, вызывали лишь насмешки мавританских купцов, не скрывавших своего враждебного отношения к христианам. В то же время советники саморина — индийцы, желая досадить своим соперни-

кам — арабам, стали доказывать властителю, что ему не выгодно ссориться с этими чужеземцами.

Получив очередное негодующее письмо Васко да Гамы, саморин послал в гавань Пандарани носильщиков, чтобы они безвозмездно переправили португальские товары на главный каликутский базар. Но и там дело пошло не намного лучше. Индийцы и арабы не хотели покупать грубые португальские ткани или предлагали за них смехотворно низкие цены. В то же время арабские купцы и сановники продолжали восстанавливать против португальцев и население Каликута, и самого саморина.

Так прошло около двух месяцев. Диогу Диашу удалось продать лишь небольшую часть товаров. Наконец 9 августа Васко да Гама послал его к саморину с прощальным письмом, в котором напоминал об обещании каликутского властителя направить в Португалию посольство и просил подарить для португальского короля по несколько мешков разных пряностей.

Диогу Диашу пришлось дожидаться аудиенции четыре дня. Саморин принял его очень холодно и не только отказался выполнить обе просьбы Васко да Гамы, но потребовал, чтобы тот немедленно выплатил ему шестьсот шерафинов в качестве таможенной пошлины. Вслед за тем саморин приказал захватить португальские товары и задержать Диогу Диаша вместе с его помощниками.

На следующее утро по городу с барабанным боем ходили глашатаи и объявляли во всеуслышание, что саморин уличил португальцев в шпионаже и потому строго-настрого запрещает всем жителям Каликута вступать с ними в какие бы то ни было отношения. Васко да Гама, узнав о враждебных действиях саморина, решил выждать некоторое время, чтобы неожиданно нанести ему ответный удар.

Через несколько дней, в нарушение приказа властителя, а может быть, и в шпионских целях на португальские корабли опять стали прибывать с берега посетители — торговцы со своими товарами, ремесленники с различными изделиями и просто любопытные. Всех их хорошо принимали и кормили. Но когда среди посетителей оказалось несколько именитых горожан, Васко да Гама велел их задержать и сообщил саморину, что отпустит заложников только в обмен на пленных португальцев.

Лишь через несколько дней, когда Гама уже приказал поднять паруса, к флагманскому кораблю приблизилась лодка с индийцами, изложившими условия саморина. Не доверяя коварному властителю, Гама пригрозил обезглавить заложников, если в поставленный им новый срок пленные португальцы не будут возвращены. Саморин не хотел портить отношений с влиятельными родственниками заложников. Немедленно вызвав к себе Диогу Диаша, он, как ни в чем не бывало, попросил его передать Васко

да Гама письмо для португальского короля. На пальмовом листе были начертаны по-арабски следующие слова: «Васко да Гама, твой придворный, прибыл в мою страну, чему я очень рад. Земля моя богата гвоздикой, имбирем, корицей, перцем и драгоценными камнями. В обмен я хочу получать от тебя золото, серебро, кораллы и красную ткань».

27 августа к кораблям приблизились лодки с пленными португальцами, но Гама отослал только половину заложников, заявив сидевшим в лодке индийцам, что остальные шесть человек будут отпущены после того, как саморин прикажет вернуть португальские товары.

На рассвете следующего дня к флагманскому кораблю торопливо приплыла маленькая лодка. В ней оказался насмерть перепуганный тунисский мавр Монсайди: в эту ночь было конфисковано все его имущество, а его самого объявили шпионом португальского короля. Монсайди с трудом удалось ускользнуть от преследования, и теперь он умолял капитана-командира предоставить ему убежище. Васко да Гама согласился взять его в Португалию. Впоследствии Монсайди обосновался в Лиссабоне и принял христианскую веру.

К вечеру индийцы доставили на лодках часть португальских товаров, чтобы обменять их на заложников. Но Васко да Гама, решив отомстить саморину, ответил, что он дарит эти товары каликутскому властителю, а заложников увозит с собой в Португалию: пусть они удостоверятся собственными глазами, как могущественна эта страна и как велик ее король! И действительно, когда через два года заложники вернулись в Каликут с флотилией Кабрала, они многое смогли порассказать своим соотечественникам!

30 августа флотилия тронулась в обратный путь. Но не прошло и двух—трех часов, как полное безветрие задержало корабли у каликутского берега. Вскоре они были окружены несколькими десятками лодок с вооруженными людьми. Выстрелы из бомбард не испугали индийцев, сжимавших все более тесное кольцо вокруг «Берриу», чтобы отделить его от флотилии. Однако бой не состоялся. Внезапно задул сильный ветер и началась гроза. Португальские корабли понеслись на всех парусах в открытое море, оставив преследователей позади.

Васко да Гама повел корабли на север. 20 сентября показались Анджидивские острова.⁸⁴ Найдя удобную бухту, португальцы пополнили запасы дров и воды и занялись ремонтом и чисткой судов. Через несколько дней вахтенный заметил вдали шесть парусов. Николау Коэлью вышел к ним навстречу на «Берриу» и, приблизившись на расстояние выстрела, открыл по неизвестным судам огонь из бомбард. Пять кораблей благопо-

лучно ушли, а у шестого сломалась мачта. Матросы бросились в море и были подобраны своими товарищами. Захваченный португальцами корабль был гружен кокосовыми орехами и кувшинами с пальмовым маслом.

Спустя четыре дня появились еще два корабля. Васко да Гама дал им войти в залив. Один укрылся у высокого берега, а другой приблизился к стоянке португальцев. Стоявший на корме нарядно одетый человек лет сорока, со светлой кожей, издали закричал на венецианском наречии, что имеет сообщить командиру нечто важное. Незнакомец, по его словам, был христианином по рождению, с молодых лет попавшим в Индию, и находился на службе у могущественного правителя Гоа, от которого и привез португальцам письмо с предложением мира и дружбы. Пока Васко да Гама вежливо беседовал в каюте с этим общительным человеком, который «говорил так много и о стольких вещах, что иногда противоречил сам себе», португальцы захватили его корабль. Затем, по приказанию Васко да Гамы, подозрительный незнакомец был подвергнут жестоким пыткам, после чего, под угрозой смерти, помог португальцам захватить второе индийское судно и в конце концов признался, что целью его визита был заманить португальские корабли в Гоа, где они были бы использованы в войнах с соседними государствами. Васко да Гама оставил этого лазутчика у себя, и впоследствии, вторично крещенный, под новым именем Гашпара да Гамы, он был взят переводчиком в экспедицию Кабрала, отличился на португальской службе и даже будто бы стал фаворитом короля Мануэла.

Что же касается двух захваченных кораблей, то они были ограблены и пущены ко дну, а весь экипаж, за исключением тридцати шести индийцев, поставленных на тяжелые работы, был поголовно перебит.

2 октября, после двенадцатидневной стоянки у Анджидивских островов, названных Камознсом «островами любви», где «богиня Венера дала возможность утомленным путникам спокойно насладиться отдыхом в земном раю», флотилия Васко да Гамы пустилась дальше по Аравийскому морю.

Плавание было исключительно тяжелым. Переход до африканского берега занял три месяца. Ветра почти не было. Одолевал мучительный энгой. Вода протухла, пища почти вся испортилась, людей валила цинга. Ежедневно море поглощало новых мертвецов. На каждом корабле оставалось по семь—восемь здоровых человек, которые не в состоянии были справиться со всей работой. «Я заверяю всех, — пишет автор «Рутейру», — что, если бы подобное положение продолжалось еще две недели, не осталось бы людей для управления кораблями. Мы дошли до такого состояния, что исчезли все узы дисциплины. Мы молили святых покров-

Васко да Гама на флагманском корабле.

вителей наших судов. Капитаны посоветовались и решили, если позволит ветер, вернуться обратно в Индию».

2 января 1499 года был замечен африканский берег. Флотилия прошла мимо большого города. Это был Могадишо, на берегу Сомали. Не решаясь пристать к этому незнакомому городу, Васко да Гама приказал «для острастки» обстрелять его из бомбард. 5 января поднялась буря, из которой корабль «Сан-Рафаэл» вышел с серьезными повреждениями. 7 января за португальцами погнались пираты, но были отогнаны несколькими залпами из бомбард. Наконец показались знакомые гостеприимные берега Малинди. Здесь флотилия бросила якорь.

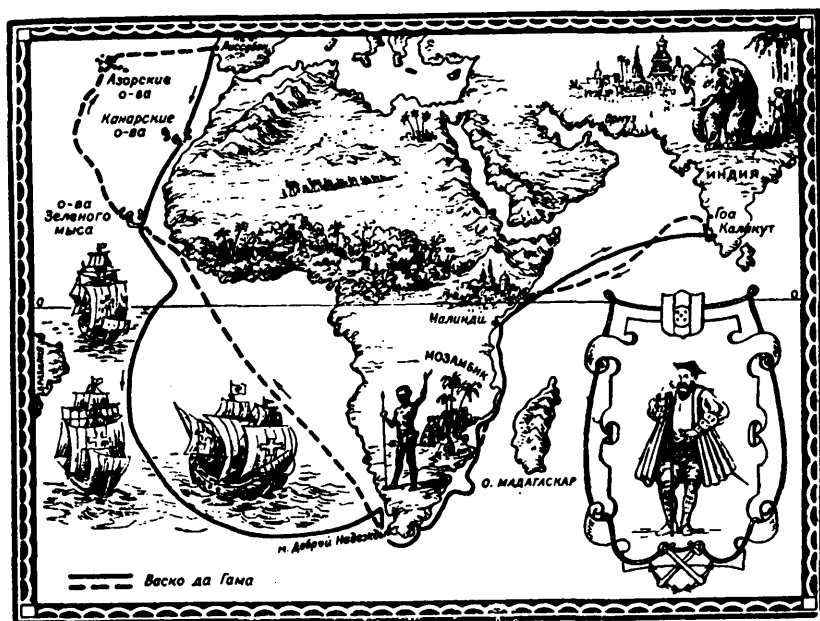
Португальцы, как и в первый раз, были радушно встречены местным властителем, который немедленно снабдил их продовольствием и фруктами. Васко да Гама и капитаны кораблей получили от шейха щедрые дары. Сверх того, Гама «выпросил бивень слона для короля [Португалии], его господина, и попросил, чтобы на земле был поставлен столб [падран] в знак дружбы». Шейх не только удовлетворил эту просьбу, но послал еще на корабль молодого араба, чтобы Гама сделал его своим слугой. В 1501 году этот юный араб вернулся на родину на одном из кораблей Кабрала.

Пять блаженных дней, проведенных португальцами в Малинди, отчасти восстановили их силы, и они снова подняли паруса. 13 января была сделана остановка немного далее Момбасы. Численность экипажа настолько сократилась, что уже не было возможности управлять тремя караблями. Поэтому Васко да Гама приказал сжечь «Сан-Рафаэл», наиболее поврежденный из всех кораблей.

28 января прошли мимо острова Занзибар и 1 февраля сделали новую остановку около острова Сан-Жоржи, близ Мозамбика. Здесь Васко да Гама приказал установить падран. Дальше шли с попутным ветром мимо знакомых берегов. 20 марта флотилия благополучно обогнула мыс Доброй Надежды и вышла в Атлантический океан.

Своим постоянством благоприятный ветер, казалось, торопил возвращение путешественников. Через двадцать семь дней, 16 апреля, они достигли острова Сантьягу (архипелаг Зеленого мыса). Здесь Николау Коэлью отделился от флотилии и поспешил в Лиссабон, чтобы поскорее передать королю Мануэлу радостную весть об открытии Индии. 10 июля 1499 года «Берриу» вошел в лиссабонскую гавань.

В это время на руках Васко да Гамы медленно умирал его брат Паулу, не вынесший всех тягот пути. Желая довести его живым до родины, Васко да Гама передал командование флагманским кораблем «Сан-Габриэл» Жуану да Са, а сам нанял на Сантьягу

Морской путь в Индию.

быстроходную каравеллу. Паулу с каждым днем становилось все хуже и хуже. Васко да Гама пришлось высадиться в порту Ангра на острове Терсейра (Азорские острова) и отдать брата на попечение францисканцев. Но все старания вернуть его к жизни были тщетными. На следующий день Паулу да Гама умер.

Похоронив любимого брата, Васко да Гама поспешил в Лиссабон, где его ждала триумфальная встреча. 18 сентября состоялся торжественный въезд в португальскую столицу уцелевших участников экспедиции. Из четырех кораблей обратно прибыли два, а из экипажа вернулось меньше половины.

Но что значили для Мануэла I эти потери по сравнению с выгодами, которые сулило ему открытие Индии! Как только он узнал об успехе экспедиции Васко да Гамы, к своему титулу «король Португалии и Алгарви по сю сторону и за морем, в Африке» он прибавил слова: «владелец Гвиней и завоеваний, мореплавания и торговли Эфиопии, Аравии, Персии и Индии».

Историческое значение открытия морского пути в Индию понимал, разумеется, не один только король Мануэл, поспешивший торжественно оповестить об этом кастильских королей и римского папу. В то же время информировали свои правительства о три-

умфе Васко да Гамы итальянские послы и купцы. Сохранился дневник одного венецианца, где имеются такие строки: «Как только новость о возвращении Гамы достигла Венеции, народ был поражен как громом, и наиболее мудрые из людей считали это худшим известием, какое только могло быть получено».

Что касается Васко да Гамы, то сразу же после прибытия он получил наследственный титул «дона», который в Португалии присваивался только представителям владетельной знати, и ежегодную пенсию в тысячу крузаду. Чтобы титул «дона» не был пустым звуком, Васко да Гама попросил короля сделать его сеньором города Синиша. Но так как Синиш принадлежал ордену Сантьяго, введение дона Гамы во владение городом затянулось на долгие годы. Король, желая задобрить честолюбивого и алчного мореплавателя, повысил ему пенсию, а в 1502 году, перед тем как Васко да Гама отправился во вторую экспедицию, наделил его новым титулом «адмирала Индийского моря» со всеми «почестями, достоинствами, вольностями, властью, юрисдикцией, доходами, привилегиями и правами, которые ему надлежит иметь».

II

Педру Алвариш Кабрал. — Открытие Бразилии. — Буря. — Диогу Диаш на острове Мадагаскар. — Берег Африки. — События в Каликуте. — Кочин и Каннанур. — Возвращение Кабрала. — Жуан да Нова. — Остров Святой Елены. — Вторая экспедиция Васко да Гамы. — Зверства португальцев в Индии. — Осада Кочина. — Начало деятельности Афонсу д'Албукерки. — Триштан д'Албукерки. — Франсиску д'Алмейда, первый вице-король Индии. — Открытие Цейлона. — Морские бои. — Осада Ормуза. — Взятие Гоа. — Назначение Албукерки вице-королем. — Осада и взятие Малакки. — Острова пряностей. — Вторая экспедиция в Ормуз. — Смерть д'Албукерки. — Судьба португальского владычества в Индии.

Как только Васко да Гама вернулся в Лиссабон, король Мануэл приказал готовить новую экспедицию, чтобы укрепиться на Индийском побережье.

9 марта 1500 года флотилия из тринадцати хорошо вооруженных судов, под начальством Педру Алвариша Кабрала, покинув устье Тежу (Тахо), взяла курс на юго-запад.

Капитанами кораблей были назначены самые испытанные моряки, такие, как Дуарти Пашеку, Николау Коэлью, Диогу Диаш, Бартоломеу Диаш и др. Что касается последнего, то ему предстояло после завоевания золотых приносок Софалы на восточном берегу Африки возглавить гарнизон новой крепости и наладить пересылку золота в Португалию.

О начальнике экспедиции Кабрале известно очень мало; мы не знаем даже, каким образом ему удалось получить назначение на такой важный пост. Кабрал принадлежал к одной из аристократических португальских семей. В юности он служил пажом при дворе Жуана II, позднее стал членом королевского совета и вступил в орден Христа. Ни один историк не сохранил о Кабрале никаких сведений, которые давали бы основания считать его опытным моряком. Неизвестно также, совершил ли он когда-либо второе плавание. Впрочем, трудно допустить, чтобы он обязан был своим назначением исключительно одной только благосклонности короля, когда среди офицерского состава флотилии находились такие первоклассные моряки.

Правда, Кабрал был человеком мужественным и решительным. Но почему, спрашивается, командиром армады не был назначен Васко да Гама? Ведь уже прошло полгода после того, как он вернулся из своей экспедиции. Не естественнее ли было бы передать начальство человеку, уже знакомому с этими отдаленными странами и нравами жителей? Быть может, Васко да Гама не успел еще отдохнуть после своего путешествия? Или на него так сильно подействовала смерть брата, что он не пожелал отправиться в новое плавание? Но не вернее ли будет предположить, что король Мануэл, ревнивый к чужой славе, не пожелал предоставить Васко да Гаме случай еще раз отличиться?.. Все эти догадки, вероятно, так и останутся навсегда догадками.

Любое желание кажется легче выполнимым, когда в него страстно веришь. Король Мануэл вообразил, что саморин не воспротивится основанию в своих владениях португальских факторий и контор, и Кабрал, снабженный подарками, великолепие которых должно было заставить каликутского властителя забыть о жалких подношениях Гамы, был уполномочен добиться от саморина запрещения арабам всякой торговли в Каликуте. Впрочем, самым убедительным аргументом Кабрала было хорошее вооружение его эскадры. По пути новый капитан-командир должен был остановиться в Малинди и преподнести дружелюбно настроенному шейху богатые подарки. Король Мануэл не забыл и о своих миссионерских задачах. С экспедицией Кабрала отправились в Индию восемь монахов-францисканцев, чтобы обращать язычников в христианскую веру.

В письме португальского короля, которое Кабрал вез саморину, содержались не только дружеские предложения, но и прикрытые пышными фразами угрозы: «Наша твердая цель, — писал Мануэл I, — следовать скорее воле бога, чем людей, не прекращать, несмотря на любое сопротивление, это предприятие и продолжать наше мореплавание, торговлю и общение с этими странами, которым господь бог снова хочет оказать услугу нашими

руками, не желая, чтобы наши труды по служению ему оказались напрасными».

После тринадцатидневного плавания флотилия миновала острова Зеленого мыса, и тут было замечено исчезновение одного корабля. Суда легли в дрейф, но ожидание оказалось тщетным: пропавший корабль не вернулся. Куда делось это судно, так и не удалось выяснить. Затем остальные двенадцать судов возобновили плавание, направившись, по примеру Васко да Гамы, в открытое море, а не вдоль побережья Африки от мыса к мысу, как это делали раньше португальские капитаны.

Желая подойти к мысу Доброй Надежды более безопасным путем, Кабрал забрался так далеко на юго-запад, что оказался во власти экваториального течения, вынесшего его к берегам неизвестной земли. 22 апреля 1500 года матросы увидели на горизонте высокую гору; вскоре показался обширный берег, поросший прекрасной тропической растительностью. Это была восточная часть Южной Америки. Но португальцы приняли эту землю за остров и назвали ее сначала Вера-Круш (Истинный крест), а несколько позже — Санта-Круш (Святой крест).

Однако Кабрала нельзя считать первым европейцем, высадившимся в Бразилии. Висенте Пинсон, спутник Колумба по первому путешествию, открыл эту часть Южной Америки четырьмя месяцами раньше. Но об этом открытии Кабрал не имел никаких сведений, так как Пинсон и его спутники вернулись в Испанию только 30 сентября 1500 года.

Наутро Кабрал послал на берег Николау Коэлью, встретившего здесь почти совершенно голых темнокожих людей с длинными гладкими волосами. Туземцы не проявили никакого испуга и ни малейших признаков враждебности. Тогда Кабрал разрешил высадиться всему экипажу. Португальский монах Энрики отслужил первую обедню на берегу Нового света, и, пока португальцы молились, вокруг них собралась большая толпа индейцев, с любопытством разглядывавших белых людей.

Хижины этих дикарей построены были на сваях и покрыты большими пальмовыми листьями. В очагах постоянно тлел огонь для защиты от сырости и москитов. Туземцы не знали ни золота, ни серебра, но, когда им показали медные вещи, они пришли в неописуемый восторг и тотчас же принесли свои изделия из этого металла — наконечники для стрел и украшения. Больше всего португальцев поразили обычаи туземцев прорезывать нос, уши и губы и вставлять в образовавшиеся отверстия косточки и палочки. Потому бразильские индейцы и были названы ботокудами (от португальского botoque — затычка).

1 мая Кабрал торжественно присоединил эту страну к португальским владениям. На береговом холме был поставлен боль-

лой крест с надписью. Чтобы закрепить за Португалией новые земли, Кабрал направил один из своих кораблей с радостным известием в Лиссабон; наскоро соорудив небольшой форт и назвав его Порту Сигуру (Безопасная гавань), он оставил при нем в качестве первых португальских колонистов двух преступников, поручив им собрать как можно больше сведений об этой стране.

Позже, когда на Земле святого креста было найдено ценное красильное дерево, которое под названием бразильского дерева прежде вывозилось из Индии, новую страну стали именовать Бразилией.

2 мая одиннадцать кораблей Кабрала взяли курс к мысу Доброй Надежды. Экипаж, ободренный счастливым началом путешествия, верил в легкий и быстрый успех предприятия. Но когда внезапно появилась комета с длинным огненным хвостом, поразившая ужасом эти простодушные и невежественные умы, она была принята за дурное предзнаменование. И должно же было так случиться, что события на сей раз подтвердили суеверие!

24 мая поднялась страшная буря — явление обычное для Южной Атлантики. Волны, словно высокие горы, обрушивались на корабли, грохотал гром, ветер обрывал снасти, дождь лил не переставая. Сквозь густые тучи, как будто навсегда похоронившие солнце, изредка прорывался слабый луч, и то лишь для того, чтобы осветить на мгновение эту мрачную картину. Море стало мутным и черным, зловещие багровые пятна выступали на поверхности вздувшихся от пены гребней, делая их похожими на мрамор; бушующее море блестело фосфорическим светом; за кораблями тянулся извилистый огненный след.

Двадцать два дня не утихла буря. Корабли разметало в разные стороны. Португальцы уже перестали надеяться на спасение. Когда, наконец, показался свет и разъяренные стихии стали умиротворяться, экипаж каждого уцелевшего корабля, полагая, что только он один пощажен этой страшной бурей, тревожно всматривался вдаль. Три корабля поспешили навстречу друг другу. Но радость скоро была уничтожена печальной действительностью: не хватало восьми судов.

Четыре корабля вместе со всеми людьми были потоплены гигантским смерчем. Одним из этих кораблей командовал Бартоломеу Диаш, не даром назвавший Бурным открытый им мыс Доброй Надежды. По словам Камозенса, смертоносные волны охраняли здесь восточную империю от народов Запада, которые уже столько веков зарились на ее удивительные богатства...

Флагманский корабль и два присоединившихся к нему судна преодолели мыс Доброй Надежды и пристали к африканскому берегу севернее Софалы. Оттуда они направились в Мозамбик

и встретили там еще три судна. Все шесть кораблей были в довольно плачевном состоянии — с поврежденным рангоутом⁸⁵ и разорванными парусами. Седьмой корабль, которым командовал Диогу Диаш, зашел так далеко к северо-востоку, что открыл остров Мадагаскар. На обратном пути в Португалию почти весь экипаж был перебит арабами. Через три месяца с величайшим трудом Диогу Диаш достиг островов Зеленого мыса, имея на борту только тринадцать человек. Здесь он дождался возвращения Кабрала из Индии. Диогу Диаш был первым португальцем, обогнувшим Африку от Красного моря до Гибралтарского пролива.

Правитель Мозамбика, снова увидев португальские корабли, испугался и на этот раз выказал дружелюбие. Потратив десять дней на ремонт кораблей и запасшись всем необходимым, Кабрал повел свою флотилию дальше и 26 июля достиг Килвы (Килва-Кивиндже). Местный правитель отнесся к португальцам неприязненно. Кабрал, желая поскорее прибыть в Каликут, решил отложить до другого раза карательные действия против строптивого мавританского царька. Но зато в Малинди, куда корабли прибыли 1 августа, португальцы были встречены с тем гостеприимством, какое они заранее предвкушали. Здесь их ждали бесчисленные празднества и пиры. Шейх предоставил в распоряжение Кабрала опытных лоцманов и снабдил его свежими припасами.

13 сентября 1500 года флотилия бросила якорь у Каликута.

Благодаря хорошему вооружению флотилии, которое было продемонстрировано по прибытии приветственным залпом из всех орудий, и богатым подаркам, пригланувшимся саморину, каликутский правитель заверил португальцев в своих дружеских чувствах и согласился на все требования Кабрала: послал ему на борт заложников, выдал охранную грамоту для ведения торговли и предоставил право конфисковать арабские корабли, которые посмели бы нарушить эту привилегию.

Арабские купцы заняли выжидательную позицию, исподволь подстрекая население против португальцев, которые стали хозяйничать в Каликуте, как у себя дома. Португальские миссионеры грубо навязывали индийцам новую веру, моряки и солдаты грабили арабские суда и обращались с местными жителями как с побежденными. Наконец терпение арабов иссякло.

Ночью 16 декабря, в условленный час огромная толпа окружила португальскую факторию, которой управлял видный королевский чиновник Айриш Коррейя. Персонал фактории состоял из восьмидесяти человек. Нападение было настолько неожиданным, что спаслось только тридцать португальцев. Айриш Коррейя был убит одним из первых.

Кабрал вступает во владение Бразилией.

Ответственность за эту зверскую резню Кабрал возложил на саморина. Дружба оказалась непрочной. В отместку Кабрал приказал захватить, разграбить и сжечь десять арабских кораблей, только что подошедших к берегу, после чего беззащитный Каликут был подвергнут длительной бомбардировке. Деревянные дома загорелись, и половина города была превращена в дымящиеся развалины. Во время обстрела и пожаров погибли сотни ни в чем не повинных людей.

Увенчав себя этой бесславной победой, Кабрал направился с флотилией к югу, на поиски другого города, с которым можно было бы установить торговые отношения. Плывя вдоль Малабарского берега, Кабрал вскоре достиг Кочина. Правитель этого города был в зависимости от каликутского саморина и завидовал своему богатому соседу. Поэтому раджа Кочина, надеясь с помощью португальцев получить независимость, охотно заключил с ними союз и продал им по дешевке много пряностей, мускуса, фарфора и шелка.

Хотя корабли были уже полностью нагружены, но Кабрал решил посетить еще Каннанур, где также заключил торговый союз с раджей, дополнительно нагрузив корабли корицей. 16 января 1501 года флотилия Кабрала тронулась в обратный путь.

Возле Мозамбика одно из судов село на мель и дало течь. Правда, все припасы и снаряжение удалось спасти, но корабль пришел в полную негодность и был сожжен. Во время стоянки в Мозамбике один из кораблей был послан Кабралом в Софалу за золотом. И здесь португальцам посчастливилось: доверчивые туземцы охотно отдавали им тяжелые слитки золота за стеклянные бусы и медные погремушки.

У мыса Доброй Надежды Кабралу пришлось выдержать еще одну сильную бурю. Только 31 июля 1501 года флотилия, сократившаяся более чем на половину, поднялась по Тежу (Тахо) в Лиссабон.

Король Мануэл мог отпраздновать с легким сердцем эту новую удачу. Богатый груз, привезенный Кабралом, не только полностью покрыл огромные издержки на снаряжение экспедиции, но и дал сверх того стопроцентную прибыль. Вызвав к себе венецианского посла, Мануэл I «Счастливый» заявил ему, что венецианцы, генуэзцы и флорентинцы должны теперь посылать свои корабли за пряностями не к арабам в Северную Африку, а в Лиссабон, к португальцам.

Что касается Педру Алвариша Кабрала, то его дальнейшая жизнь и судьба неизвестны. Спустя много-много лет в Сантарене была найдена его могила. Надгробная надпись дала возможность установить, что в награду за свои заслуги Кабрал получил титул «дона» и что умер он в 1526 году.

Незадолго до возвращения Кабрала в Лиссабон король Мануэл послал в Индию небольшую флотилию из четырех кораблей под командой Жуана да Нова. Эта экспедиция благополучно обогнула мыс Доброй Надежды и открыла между Мозамбиком и Килвой незнакомый остров, названный именем флотоводца (остров Жуан да Нова). Прибыв в Малинди, португальцы узнали о недавних событиях в Каликуте. Не желая ставить под угрозу репутацию португальского оружия, Жуан да Нова направился прямо к Кочину и затем к Каннануру, где нагрузил свои корабли перцем, имбирем, корицей и другими пряностями. Перед отплытием в Европу Жуан да Нова получил сведения, что со стороны Каликута приближается большой неприятельский флот. Несмотря на численное превосходство вражеских судов, Жуан да Нова решил принять бой с арабами и индийцами. Благодаря маневренным преимуществам португальских кораблей и наличию артиллерии Жуан да Нова одержал полную победу: несколько кораблей были потоплены, часть индийских судов была захвачена в плен, а остальные обратились в бегство.

На обратном пути в Португалию Жуан да Нова открыл в Атлантическом океане небольшой остров, названный им островом Святой Елены.

По преданию, остров Святой Елены является первым пунктом в южном полушарии, где началась европейская колонизация. Согласно легенде, португальский матрос Фернан Лопиш, участник первой экспедиции Васко да Гамы, влюбился в Каликуте в индианку и решил жениться на ней. Для этого ему пришлось перейти в мусульманскую веру. Когда через два года в Кочине остановились корабли Жуана да Нова, Лопиш покинул свою жену и, добравшись до Кочина, упросил взять его обратно на родину и разрешить вернуться в христианскую веру. Чтобы искупить свои грехи, он захотел остаться в одиночестве на острове Святой Елены. Жуан да Нова снабдил отшельника припасами, дал ему некоторые орудия, семена овощей и хлебных злаков. Фернан Лопиш, оставленный на необитаемом острове, так усердно работал, что через четыре года в состоянии был снабжать пшеницей и овощами португальские корабли, пристававшие к острову Святой Елены во время длинного перехода из Европы до мыса Доброй Надежды.

Экспедиции Васко да Гамы, Педру Алвариша Кабрала и Жуана да Нова показали, что португальцам нельзя было рассчитывать на установление бесперебойной торговли с народами Малабарского берега, пока индийские раджи оставались в своих странах полновластными государями. Надо было их поставить в зависимость от португальской короны. Поэтому португальцы решили построить в разных частях Индии постоянные военные

укрепления и опорные пункты, чтобы в конце концов покорить эту богатую страну и держать ее в страхе и повиновении.

Король Мануэл приказал послать в Индию новую экспедицию с большим отрядом хорошо вооруженных солдат. После некоторых колебаний руководство четвертой индийской армадой король передал в сильные руки дон Васко да Гамы, адмирала индийских морей.

Экспедиция состояла на этот раз из двадцати судов. Флотилию решено было разделить на три части. Под непосредственное начальство самого Васко да Гамы было отдано десять судов. Висенти Судрэ, дядя адмирала, получил пять кораблей. Он должен был крейсировать в Индийском океане и всячески препятствовать арабской морской торговле. Третьей группой, тоже из пяти судов, командовал Иштаван да Гама, племянник адмирала. Эти корабли должны были остаться в индийских водах и охранять фактории.

30 января 1502 года в лиссабонском соборе состоялась торжественная месса. Мануэл I произнес тронную речь, призывая благословение неба на эту военную экспедицию, и вручил Васко да Гаме обнаженный меч.

10 февраля эскадра покинула Лиссабон.

Первая остановка была сделана у Канарских островов, вторая в Порту-Дала на африканском берегу, недалеко от Зеленого мыса. Здесь Васко да Гама встретил груженную золотом каравеллу, возвращавшуюся в Лиссабон из Сан-Жоржи-да-Мина. Воспользовавшись этим случаем, адмирал показал индийским послам, которых вез обратно в Кочин и Каннанур, какими богатствами располагает Португальское королевство. Послы пришли в изумление: им никогда не приходилось видеть такого огромного количества золота.

Плавание через Атлантический океан в обход ветрам гвинейского побережья прошло благополучно. В Софале и Мозамбике были основаны фарты и фактории. В Килве Васко да Гама покорил арабского эмира и наложил на него дань.

Покидая этот порт, адмирал оставил своему наместнику инструкцию для отставших в пути португальских кораблей, в которой сообщал, что наложил дань на властителя Килвы в полторы тысячи золотых миткалов ежегодно, и предписывал капитанам, не задерживаясь в Килве, следовать в Каннанур.

Когда корабли Васко да Гамы достигли уже Малабарского берега, в море было замечено арабское судно. Оно возвращалось из Мекки в Каликут. Помимо различных товаров, на нем было более трехсот паломников — мужчин, женщин и детей. И здесь Васко да Гама совершил ни с чем не сравнимое по своей жестокости преступление, которое навеки запятнало позором имя этого

великого мореплавателя. Ограбив судно, он приказал затем сжечь его вместе со всеми находившимися на нем людьми. Подплыв на лодке к пылающему кораблю, адмирал с каменным лицом взирал на это ужасное зрелище и равнодушно слушал душераздирающие вопли и стоны несчастных мусульман. Так португальцы начали осуществлять свой план уничтожения арабского судоходства в Индийском океане.

3 октября 1502 года Васко да Гама прибыл в Каннанур. Местный раджа устроил ему торжественную встречу и подарил двух слонов. Нагрузив корабли пряностями и договорившись с раджей о постройке в Каннануре большой фактории, адмирал отправился в Каликут, чтобы, как он говорил, «передать саморину богатые подарки за хороший прием, оказанный Кабралу».

Несмотря на то, что саморин предложил на этот раз португальцам богатый выкуп в возмещение понесенных ими убытков и сообщил, что все зачинщики нападения на факторию Кабрала обнаружены и арестованы, Васко да Гама немедленно захватил суда, стоявшие в гавани Каликута, и, подогнав свои корабли ближе к берегу, весь день и всю ночь обстреливал беззащитный город. Затем адмирал приказал повесить на реях тридцать восемь захваченных индийцев; с наступлением ночи у повешенных были отрублены руки, ноги и головы и переправлены на берег с издевательским письмом, в котором адмирал советовал саморину приготовить из всего этого его любимое кушанье «керри». Но и эта жестокость показалась Васко да Гаме недостаточной. Он велел выбросить в море туловища мертвецов, чтобы прилив принес их к стенам Каликута. Жители города всю ночь ходили с факелами по берегу, собирая обрубки тел своих близких. До кораблей донсались жалобные крики и погребальные песнопения.

Через два дня Васко да Гама еще раз обстрелял Каликут, потом выбросил на берег новую партию пленных — еще живых, обливающихся кровью людей, с отрубленными руками, носами и ушами — и, удовлетворенный своей зверской расправой, отправился в Кочин за пряностями. Для блокады каликутского побережья было оставлено семь кораблей под командованием Висенти Судрэ.

Каликут превратился в груды дымящихся развалин. Под обломками зданий разлагались сотни трупов. Саморин, пылая жадой мести, бежал со своими приближенными из разрушенного города...

В Кочине Васко да Гама закончил погрузку судов и, оставив в построенной крепости несколько десятков солдат, отправился обратно в Европу. К тому времени саморину удалось

с помощью арабских купцов собрать довольно большую флотилию. 12 февраля она двинулась навстречу кораблям Васко да Гамы, снова приближавшимся к Каликуту.

Португальцы одержали легкую победу. Арабские корабли, встреченные сокрушительным артиллерийским огнем, обратились в бегство.

11 октября 1503 года Васко да Гама вернулся в Лиссабон, где его ждали новые почести. Король Мануэл остался доволен богатой добычей и одобрил карательные действия адмирала индийских морей. Он повысил Васко да Гаме пенсию, но, несмотря на упорные хлопоты честолюбивого адмирала, только в 1519 году предоставил ему земельные угодья и присвоил графский титул. В то же время завистливый король предпочитал держать прославленного мореплавателя не у дел. Нового назначения Васко да Гама от Мануэла I так и не дождался.

Между тем события в Индии продолжали развиваться с лихорадочной быстротой. Португальцам пришлось положить еще немало усилий и пролить целые реки крови, прежде чем им удалось закрепиться на Малабарском побережье.

Как только флотилия Васко да Гамы покинула индийские воды, саморин Каликута, подстрекаемый арабскими купцами, снова собрался с силами и повел свое войско на Кочин, чтобы отомстить непокорному радже и уничтожить засевших в городе португальцев.

Саморин обещал даровать прощение кочинскому радже при условии выдачи всех «неверных», но раджа, зная вероломство каликутского властителя, предпочел опереться на своих новых союзников и отказался выпслнить это требование. Однако раджа жестоко просчитался. В критическую минуту Висенти Судрэ, убоявшись пятидесятитысячного войска саморина, повел свою флотилию в Аденский залив (у входа в Красное море) в расчете на то, что возвращающиеся из Мекки корабли с богомольцами дадут ему богатую добычу.

После короткой осады Кочин был взят приступом, а раджа с остатками своей разбитой армии и немногими уцелевшими португальцами переправился на один из островков в океане.

Положение кочинского раджи было отчаянным. Саморин не только завладел всеми его богатствами и захватил португальские товары, но и готовился к нападению на его последнее убежище. Тем временем флотилия Висенти Судрэ была захвачена страшной бурей в Баб-эль-Мандебском проливе. Сам Судрэ погиб вместе с флагманским кораблем, а уцелевшие суда пошли обратно к Кочину, но были задержаны ветрами у Лаккадивских островов. Там они встретили новую португальскую эскадру и вместе с нею прибыли в Кочин. Как только на горизонте показались

португальские корабли, войска саморина обратились в бегство и португальцы вошли без боя в опустевший, разграбленный город.

Капитаном одного из кораблей этой эскадры был А ф ф о н с у д'А л б у е р к и, смелый, предприимчивый завоеватель, впоследствии значительно расширивший колониальные владения Португалии. Бартоломеу Диаш, Педру Алвариш Кабрал и Васко да Гама подготовили почву, которую суждено было возделывать Албукерки.

Он родился в 1453 году в родовитой дворянской семье и получил хорошее по тому времени образование. После нескольких лет пребывания в Арсиле на атлантическом побережье Северо-Западной Африки, он вернулся в Лиссабон и был назначен главным шталмейстером при дворе Жуана II. Позже он принимал участие в экспедиции, отправленной на помощь неаполитанскому королю, защищавшемуся от вторжения турок, и в 1489 году был назначен капитаном одной из португальских крепостей.

Таким образом, Албукерки прибыл в Индию с установившейся репутацией храброго воина и опытного моряка. Ему достаточно было немного времени, чтобы правильно понять и оценить сложившуюся в Индии обстановку. Он считал, что португальцы смогут укрепиться на Востоке и вести успешную торговлю только в том случае, если будут опираться на завоеванные территории. Для этого нужно было создать прочные крепости с сильными гарнизонами во многих местах побережья, а также у выходов из Красного моря и Персидского залива. По мнению Албукерки, правота которого вскоре полностью подтвердилась, крейсирование и пиратские набеги португальских кораблей в индийских водах могли обеспечить лишь временный, преходящий успех.

Аффонсу д'Албукерки начал свою деятельность в Индии, располагая незначительными силами. Он принял участие в усмирении непокорных вассалов кочинского раджи и на двух кораблях прошел с боями вдоль Малабарского берега. После этого Албукерки с богатой добычей вернулся в июле 1504 года в Лиссабон, спеша добиться более значительных средств и согласия короля на проведение в жизнь нового стратегического плана.

А в Индии события продолжали развиваться своим чередом. Каликутский саморин в союзе с подвластными ему раджами Малабарского берега снова осадил Кочин, на этот раз не только с суши, но и с моря. В распоряжении саморина было сорок шесть тысяч бойцов и флот из двухсот восьмидесяти кораблей.

Гарнизон заново отстроенной португальской крепости, которой командовал Дуарти Пашеку Пирейра, проявил большую смелость и находчивость. После пятимесячных боев саморин вынужден был отказаться от дальнейшей осады Кочина и отвести свои

войска в Каликут. После этого многие раджи отмежевались от каликутского властителя и вступили в переговоры с Пирейрой.

Дальнейший шаг к укреплению португальского могущества в Индии был сделан в 1505 году, когда король Мануэл, по совету Васко да Гамы, учредил должность вице-короля Индии с трехгодичным сроком полномочий.

Первым вице-королем был назначен Триштан да Кунья. Незадолго до отплытия его постигла временная слепота и вместо него должность вице-короля получил испытанный воин дон Франсиску д'Алмейда. В марте 1505 года он отплыл из Португалии с флотилией из двадцати двух кораблей. Кроме экипажа на кораблях было тысяча пятьсот солдат. В это время в Португалии уже ощущался недостаток в опытных моряках. Чтобы укомплектовать экипаж, Алмейда вынужден был превратить в матросов молодых крестьян. На одной каравелле новоиспеченные моряки даже не в состоянии были отличить правого борта от левого. Рассказывают, что капитан каравеллы вышел из затруднительного положения довольно оригинальным способом. Приказав подвесить к одному борту связку лукавиц, а к другому связку чеснока, он командовал: «Руль на лук! Руль на чеснок!»

Алмейда поставил своей задачей окончательно преградить путь в индийские моря арабским купцам, направить всю торговлю с Индией через мыс Доброй Надежды, усилить старые фактории и крепости и построить ряд новых.

Прежде всего Алмейда «навел порядок» в Килве: изгнав старого шейха, он посадил на его место своего ставленника и основал форт. Встретив сопротивление в Момбасе, Алмейда разграбил и сжег этот город, а затем построил новые крепости в Мозамбике, Софале и на острове Анджидив, везде оставляя сильные гарнизоны и по одному — два корабля. В Кочине Алмейда короновал привезенной из Португалии короной молодого раджу, унаследовавшего престол недавно умершего старого раджи, который служил португальцам верой и правдой.

Затем вице-король, продолжая грабить и истреблять мусульманских купцов на суше и на море, заключил союз с раджей могущественного южно-индийского царства Виджаянагара и отправил экспедицию на поиски богатых пряностями Мальдивских островов. Флотилию отнесло ветром к востоку, и вместо Мальдивских островов португальцы открыли остров Цейлон, в изобилии поставлявший корицу.

Но больше всего Алмейда рассчитывал на морское могущество Португалии и придавал главное значение пиратским набегам на арабские торговые суда. Действительно, ему удалось расстроить торговые связи Египта и Венецианской республики

с Индией, благодаря чему оба государства стали терпеть огромные убытки.

В 1508 году египетский султан, опираясь на помощь своих союзников — Венеции и Турции, — построил большой флот и внезапно напал у Чаула на португальские корабли. На этот раз португальцы потерпели сокрушительное поражение, причем среди убитых оказался единственный сын вице-короля Индии, дон Лауренсу д'Алмейда. Личное горе удвоило энергию и мужество вице-короля. 2 февраля 1509 года он подошел к Диу и, не задумываясь, двинул свою эскадру против соединенного флота египетского султана, каликутского саморина и еще некоторых государств Малабарского побережья. Несмотря на то, что вражеский флот состоял из двухсот кораблей, Алмейда выиграл сражение. Его выручило превосходство в артиллерии и богатый опыт ведения морского боя. Разграбив и предав огню большую часть кораблей противника, Алмейда тем самым обеспечил до поры до времени господство Португалии в индийских морях.

Вскоре после этой победы истек трехгодичный срок полномочий первого вице-короля Индии, но Алмейда очень неохотно и под большим давлением уступил место своему сопернику, Афонсу д'Албукерки. Дальнейшая судьба Алмейды сложилась весьма плачевно. На обратном пути в Португалию его корабли сделали остановку у мыса Доброй Надежды. Когда португальцы попытались захватить в плен нескольких бушменов, то встретили с их стороны яростный отпор. Спутники Алмейды посоветовали ему хорошенько проучить этих дикарей. И тогда бушмены показали чужеземцам, на что они способны. Как только Алмейда со своим отрядом отошел от берега, бушмены пригнали к морю огромное стадо и, отрезав противнику путь к отступлению, перебили одного за другим всех португальцев; при этом туземцы были вооружены только деревянными копьями. Так бесславно погиб грозный и непобедимый вице-король Индии, дон Франсишку д'Алмейда.

Пока происходили описанные события, Афонсу д'Албукерки тоже не бездействовал. 6 марта 1506 года он вторично отправился на Малабарское побережье с эскадрой из шестнадцати кораблей, которой командовал выздоровевший Триштан да Кунья.

После стоянки у островов Зеленого мыса и мыса Аугусту в Бразилии флотилию Триштана да Куньи отнесло ветром далеко на юг, где под 37°8' южной широты и 14°2' западной долготы были открыты три необитаемых острова, которые и поныне носят имя командира этой эскадры (острова Тристан-да-Кунья). Внезапно налетевшая буря не только помешала произвести высадку на вновь открытые острова, но и рассеяла корабли; снова

соединиться им удалось только в Мозамбике. Следуя затем вдоль восточного берега Африки, Триштан да Кунья исследовал берег острова Мадагаскар, открытого еще в 1500 году Диогу Диашем.

Перезимовав в Мозамбике, Триштан да Кунья потом оставился в Малинди, где высадил трех человек, поручив им проникнуть через внутренние области материка в Абиссинию. После неудачной попытки овладеть городом Могадишо, Триштан да Кунья повернул свое оружие против арабской крепости на острове Сокотра у входа в Аденский залив и овладел крепостью. Весь гарнизон был безжалостно перебит. Случайно уцелел лишь один старый слепой солдат, спрятавшийся в колодезь. Когда его потом спросили, как он сумел туда спуститься, он ответил: «Слепые видят только ту дорогу, которая ведет к свободе».

В Сокотре да Кунья и Албукерки создали новые укрепления и оставили гарнизон, который должен был обеспечить господство португальцев в Аденском заливе и контролировать выход в Красное море через Баб-эль-Мандебский пролив. Тем самым прерывался важнейший торговый путь между Венецией и Индией.

В Сокотре Триштан да Кунья и Албукерки расстались. Первый направился в Кочин, чтобы взять там груз пряностей, а второй, мечтая поскорее осуществить свой замысел, повел корабли к Ормузу, богатому городу на берегу Персидского залива.

В поисках Ормуза Албукерки последовательно задерживался у разных городов на берегу Аравийского моря и предавал их огню и мечу. Так были уничтожены три цветущих города — Кольят, Курьят и Маскат. В Маскате Албукерки приказал истребить все население, а немногим пощаженным отрезать носы и уши.

К Ормузу португальцы продвигались наугад, так как не знали его географического положения. Албукерки было известно, что Ормуз служил перевалочным пунктом почти для всех товаров, направлявшихся из Азии в Европу. Богатство, могущество и многолюдность этого персидского города, красота его зданий славились на всем Востоке. Существовала даже поговорка: «Если мир — перстень, то Ормуз — его драгоценный камень».

Албукерки стремился завоевать Ормуз не только ради его несметных богатств, но прежде всего из-за господства этого города над Персидским заливом, который служил второй торговой дорогой между Востоком и Западом. Захватить Ормуз — это значило окончательно отрезать для Венеции и Египта морской путь в Индию. Не говоря ничего о своих планах капитанам флотилии, которые не рискнули бы напасть на Ормуз небольшими силами, Албукерки вошел в Оманский залив, и вскоре огромный город, построенный на скалистом острове, предстал

Албукерки перед Ормузом.

перед португальцами во всем своем великолепии. Гавань Ормуза была переполнена многочисленными судами, причем многие из них были снабжены орудиями. Судя по всему, Ормуз располагал большим и хорошо подготовленным гарнизоном.

Капитаны кораблей попытались было отговорить Албукерки нападать на этот укрепленный город и советовали ему не рисковать престижем португальского оружия. Но Албукерки ответил, что действительно «дело очень серьезное, но отступать уже поздно и теперь ему нужна решительность, а не добрые советы».

Как только якорь коснулся дна, Албукерки послал ормузскому шаху ультиматум, требуя, чтобы Ормуз признал верховную власть португальского короля и подчинился бы его наместнику, если не желает подвергнуться участи Маската.

Шах Сейф-Эд-дин, царствовавший тогда в Ормузе, не достиг еще совершеннолетия, и от его имени правил первый министр Ходжа-Атар, искусный и хитрый дипломат.

Не отвергая окончательно требований Албукерки, Ходжа-Атар просил его подождать несколько дней, решив таким образом выиграть время и собраться с силами. Но Албукерки легко разгадал его замысел и по истечении трех дней внезапно напал со своими шестью судами на ормузский флот. Бой продолжался несколько дней, и в конце концов перевес перешел на сторону португальцев. И на этот раз их выручило превосходство в артиллерии. Когда персы увидели, что счастье им изменяет, они покинули свои корабли и бросились вплавь к берегу. Преследуя противника, португальцы проникли в город, подожгли его в нескольких местах и устроили жестокую резню.

Убедившись в невозможности дальнейшего сопротивления, Ходжа-Атар поспешил принять все условия Албукерки: ормузский шах признавал себя вассалом Португалии и обязывался выплачивать ежегодно победителям большую дань. Кроме того, португальцы получили право построить в Ормузе крепость и основать факторию.

Но Албукерки оказался не в состоянии удержать за собой Ормуз. Среди португальцев начались разногласия. Некоторые капитаны, в том числе и Жуан да Нова, считавшие, что Албукерки нарушил инструкции короля Мануэла, самовольно отделились от капитан-командира и отправились на своих кораблях в Индию. После их измены Албукерки вынужден был покинуть Ормуз и отказаться от важнейшего опорного пункта, завоеванного у входа в Персидский залив.

Пока Албукерки продолжал крейсировать в Аравийском море, Жуан да Нова и стоявшие на его стороне капитаны присоединились у Кочина к эскадре Алмейды. Чтобы оправдать свою измену, они обвинили Албукерки в серьезных злоупотреблениях

Желая устранить соперника, властолюбивый Алмейда поручил своим приближенным заняться сбором улик против Албукерки. Но в это время из Лиссабона был получен приказ о назначении Албукерки вице-королем. Тем не менее Алмейда отказался передать ему власть и, как только Албукерки прибыл в Кочин, приказал заковать его в кандалы. Трудно сказать, чем бы кончилось это дело, если бы из Португалии не прибыл с чрезвычайными полномочиями маршал Фернан да Коутаньо. Он подтвердил назначение Албукерки вице-королем и сообщил, что явился с поручением разрушить Каликут и окончательно обезвредить саморина. Поскольку каликутского властителя не было тогда в столице, маршал распорядился немедленно приступить к карательной операции.

Албукерки, зная, что португальцы сильны только на море, старался отговорить Коутаньо от этого безумного шага, но угрозы не подействовали, и он вынужден был скрепя сердце подчиниться королевскому приказу.

Португальцы ворвались в Каликут и проникли во дворец саморина. Пока они грабили дворец, радуясь своей легкой победе, их со всех сторон окружили арабы и индийцы, заставившие португальских солдат сражаться в узких проходах. Одним из первых погиб в этом бою маршал Коутаньо, а тяжело раненного Албукерки с большим трудом удалось доставить на корабль.

Оправившись после ранения, новый вице-король приступил к осуществлению своих планов завоевания Индии и прилегающих территорий с выгодными стратегическими позициями. Узнав о том, что город Гоа, столица могущественного царства, стал ареной политической и религиозной борьбы, Албукерки решил овладеть этим богатым торговым центром, расположенным на острове, немного выше Малабарского берега. Из Гоа шли торговые пути в Декан и другие индийские государства. Это было самое удобное место для основания колонии. В январе 1510 года Албукерки остановился возле Гоа с флотилией из двадцати трех кораблей. Город сдался почти без всякого сопротивления. Вице-король сделал его своей столицей, крепостью и центром торговли Португальской империи с Индией.

Но торжество Албукерки было недолгим. Всего через два месяца после взятия города его прежний правитель Адиль-Хан осадил Гоа с шестидесятитысячной армией и вынудил португальцев искать спасения на кораблях. В это время дули муссоны, и корабли Албукерки не могли обогнуть отмель и выбраться в открытое море. Корабли превратились в форты. Запасы вскоре иссякли, и португальцы, находясь близ цветущего берега, голодали и болели цингой.

В августе, когда муссоны прекратились, корабли Албукерки покинули Гоа, но только для того, чтобы вернуться сюда в ноябре с большими силами и снова захватить город. В течение трех дней в Гоа не прекращались убийства и грабежи. Португальцы вырезали всех мусульман без различия пола и возраста. Торжествующий Албукерки сообщил в своем донесении королю Мануэлу, что за эти три дня в Гоа было убито шесть тысяч мужчин, женщин и детей.

Вторично завоевав город, Албукерки решил прочно здесь обосноваться. Он приказал построить крепость, церковь, судостроительную верфь, чеканил монету, выделял португальским поселенцам лучшие дома и рекомендовал жениться на местных женщинах, надеясь таким образом усилить влияние португальцев в Индии.

Энергичная деятельность Албукерки встречала упорное сопротивление со стороны его многочисленных завистников и недоброжелателей, которые делали все возможное, чтобы очернить его перед королем Мануэлом.

Между тем покой португальского короля смущали рассказы мореплавателей о полулегендарных островах пряностей, расположенных где-то к востоку от Цейлона. Владея факториями на Малабарском берегу, португальцы находились, однако, еще далеко от тех стран, где растут мускатный орех, гвоздика, перец, корица и другие специи, ценившиеся в то время в Европе чуть ли не на вес золота. В Индии эти пряности доставались португальцам из вторых и третьих рук. Поэтому Мануэлу не терпелось найти дорогу к этим вожаделенным *Islas de la especerí* (Островам пряностей). Ради этого была снаряжена экспедиция во главе с Диогу Лопишем да Секейрой, вышедшая 5 апреля 1508 года с четырьмя кораблями из Лиссабона. Среди спутников Секейры был молодой офицер Фернанде Магальянш, тот самый великий Магеллан, которому суждено было впоследствии совершить первое кругосветное плавание.

Прибыв в августе 1509 года в Кочин, Секейра направился отсюда в Бенгальский залив, а затем прошел мимо Никобарских островов. 11 сентября португальцы вошли в малаккскую гавань, заполненную бенгальскими, малайскими, яванскими, китайскими, японскими, сиамскими лодками, ладьями, яликами и джонками. В этом крупнейшем торговом центре Востока португальцы встретили настоящее вавилонское столпотворение рас, племен и наречий. Огромный город был разделен рекою на две части. В северной половине находились кварталы иностранных купцов, в южной — каменные особняки богачей и малайской знати, белый дворец султана и главная мечеть.

В то время в Малакке насчитывалось свыше ста тысяч жи-

телей. Индия, Китай, острова Зондского архипелага и многие другие страны вели с Малаккой оживленную торговлю. Отсюда товары развозились извилистыми путями во все страны Азии, в Африку, Египет и Европу.

Султан Махмуд, много слышавший о португальских зверствах в Индии, встретил непрошенных гостей с притворным радушием и торжественно заключил с Секейрой торговый договор, дававший предпочтение португальским судам перед всеми другими. Через несколько дней, когда большая часть команды была на берегу, флотилию окружили маленькие джонки с купцами, предлагавшими свои товары. Палуба флагманского корабля скоро была переполнена малайцами. Гарсиа де Суса, капитан маленькой каравеллы, сопровождавшей флотилию, заподозрив недоброе, предупредил Секейру об опасности. Секейра велел одному из матросов посмотреть с мачты, не возвращаются ли с берега португальские лодки, посланные за товарами. Матрос, увидев, как над дворцом султана взвился столб дыма — условный знак нападения, — поднял тревогу. Но не успели матросы выскочить из кают, как все малайцы разбежались по своим джонкам и стали быстро удаляться от кораблей. На берегу в это время было совершено нападение на португальских матросов. Многие из них были убиты на месте и человек тридцать захвачено в плен. Несмотря на настойчивые требования Секейры, султан Махмуд отказался освободить пленных. Секейре не оставалось ничего другого, как спешно вернуться в Индию и сообщить обо всем случившемся вице-королю.

Албукерки снарядил девятнадцать кораблей и собрал около тысячи двухсот солдат, причем среди них было только шестьсот португальцев. В июне 1511 года флотилия остановилась у Малакки. Султан тотчас же прислал к Албукерки своего сановника, который сообщил, что министр, виновный в задержании португальцев, казнен и пленники скоро будут отпущены. Однако время шло, а пленники не возвращались. Тогда Албукерки еще раз потребовал немедленного освобождения португальцев, но султан не торопился сдержать свое слово, рассчитывая на то, что скоро задует встречный муссон и Албукерки, пока еще есть попутный ветер, волей-неволей поспешит сняться с якоря. Если же португальцы почему-либо задержатся в Малакке, то флотилия вице-короля достанется ему, султану Махмуду, так как Албукерки не в состоянии будет содержать на кораблях в течение нескольких месяцев такой большой отряд. Хорошо понимая трудность своего положения, Албукерки нашел иной выход: он решил как можно скорее произвести нападение на Малакку, несмотря на то, что в гарнизоне насчитывалось двадцать тысяч бойцов.

25 июня 1511 года Албукерки начал штурм города. После

длительной бомбардировки с кораблей и кровавых уличных боев Малакка была взята. Но эта победа досталась португальцам недешево. Узкие улицы были залиты кровью не только защитников города, но и нападающих. Сам Албукерки едва не сложил здесь голову. Когда он был уже окружен малайцами, на выручку ему подоспели один из офицеров и несколько солдат. Султан Махмуд бежал со своими приверженцами в горы.

Захватив Малакку, Албукерки отдал приказ разграбить малайские кварталы, но кварталы, заселенные яванцами, сиамцами, китайцами и индийцами, были пощажены, так как иностранные купцы еще до падения города направили к Албукерки своих эмиссаров.

Вице-король собрал в Малакке громадную добычу для казны, не считая тех богатств, которые были награблены португальскими солдатами. Лично для себя Албукерки удержал только шесть бронзовых львов, которые должны были после смерти вице-короля украсить его гробницу в память об этой исторической победе.

После взятия Малакки Албукерки приказал построить на берегу крепость. Чтобы показать, что хозяином этой страны теперь является португальский король, он изъял из обращения малайские деньги и велел начеканить новую монету с изображением Мануэла I.

Не теряя времени, Албукерки завязал торговые отношения с Явой, Сиамом и Бирмой и отправил небольшую флотилию на поиски Молуккских островов. Португальцы исследовали весь Зондский архипелаг, Суматру, Яву, Целебес; затем, находясь недалеко от берегов Австралии, поднялись к северу и достигли островов Буру и Амбоина, входящих в группу Молуккских островов. Нагрузив свои суда гвоздикой, мускатным орехом, сандаловым деревом и жемчугом, португальцы в 1512 году вернулись в Малакку.

Таким образом, взятие Малакки повлекло за собой открытие теперь уже настоящей страны пряхностей. Португальцы поспешили основать там фактории и вступить во владение этими новыми землями.

Отныне перед португальскими кораблями были открыты ворота, которые вели из Индийских морей в Океанию и в восточную Азию. Множество дотоле неизвестных народов вошли в соприкосновение с европейцами. Чужеземные нравы, полумифологические предания многих племен развернулись теперь перед изумленным Западом. С открытием португальцами Индии и Малаккского полуострова наступила новая эра, которая всем своим громадным значением обязана предприимчивости и отваге небольшого народа, чье государство едва заметно на карте мира.

В отличие от других португальских завоевателей, Албукерки был разумным политиком. Он дал возможность Малакке в кратчайший срок оправиться от разгрома. На рейде снова появились многочисленные торговые суда. Новые властители города набивали свои склады пряностями, слоновой костью, фарфором, шелковыми тканями, и о недавних трагических событиях напоминали только португальские флаги, развевавшиеся над цитаделью и факторией.

Между тем слух о завоевании Малакки распространился по всему Малабарскому побережью и достиг Ормуза. Жестокость Албукерки и удача, сопутствовавшая всем его предприятиям, внушили такой страх ормузскому шаху, что, не дожидаясь нового разгрома, он сам послал вице-королю часть дани, наложенной на Ормуз еще в 1506 году. Не придавая никакого значения этим лицемерным изъявлениям дружеских чувств, Албукерки все-таки принял послов ормузского шаха, решив при первой же возможности заняться окончательным покорением этого города.

Такая возможность представилась только в 1513 году. Задумав осуществить грандиозный план захвата Адена, Мекки, Медины и покорения Египта, Албукерки направил свою эскадру в Красное море. Однако штурм Адена не удался, и вице-король на обратном пути снова остановился у Ормуза. Прежде всего Албукерки занял и укрепил форт, построенный им в 1506 году, и ввел туда сильный гарнизон. Шах Ормуза беспрекословно подчинился всем требованиям Албукерки, и теперь португальцы полностью завладели этим важнейшим в стратегическом отношении городом.

К тому времени поступили благоприятные известия и с Малабарского берега. Непримиримый враг португальцев каликутский саморин умер, отравленный своим братом. Новый саморин тотчас же заключил с португальцами мирный договор, позволив им построить в Каликуте крепость и факторию.

Таким образом, Португалия овладела на Востоке важнейшими опорными пунктами на всем огромном пространстве Индийского океана, от Ормуза до Малакки, и превратила Гоа в столицу своей колониальной империи.

Последние дни Албукерки были омрачены королевской опалой. Многочисленные доносы, которые посылали недруги вице-короля из Индии в Лиссабон, поколебали в конце концов у короля Мануэла доверие к Албукерки. Арестованные и высланные в 1514 году из Индии за неповиновение вице-королю Лопу Суариш ди Албиргария и Диогу Мендиш не только вышли сухими из воды, но и сумели убедить Мануэла, что Албукерки стремится основать в Индии независимое государство со столицей в Гоа. Особенно подозрительной показалась королю просьба Албукерки

присвоить ему в награду за заслуги звание герцога Гоа. Воспользовавшись тем, что срок полномочий Албукерки давно уже истек, Мануэл назначил вице-королем Индии Лопу Суариша ди Албиргарию, постоянно интриговавшего против своего могущественного соперника.

Известие о назначении нового вице-короля было получено Албукерки в то время, когда он выходил из Ормузского пролива. Глубоко пораженный такой несправедливостью, основатель португальского господства в Индии продиктовал свое последнее письмо королю:

«Государь, я пишу вашему величеству не собственной рукой, потому что она очень дрожит, а это предвещает смерть... Что касается индийских дел... все улажено... Итак, я сделал то, что вы мне поручили... Я советую вам... если вы хотите прочно владеть Индией, по-прежнему действуйте так, чтобы она могла сама себя поддерживать».

Будучи уже смертельно больным, Албукерки направился из Ормуза в Гоа, где и умер 15 декабря 1515 года, не успев даже сойти с корабля.

После смерти Албукерки в Индии началась полоса неслыханных злоупотреблений и мошенничества. Начиная от очередного вице-короля и кончая простым солдатом, португальцы соперничали друг с другом в грабежах и хищениях. Нет такой жестокости, которою не запятнали бы себя португальцы в Индии.

Преемник Албукерки Лопу Суариш ди Албиргарию был его полной противоположностью. При нем была утрачена всякая дисциплина и широко открылись двери для всевозможных злоупотреблений.

Следующий вице-король, Диогу Лопиш да Сикейра (1518—1522), проявил себя как самый алчный и бессовестный хищник и стяжатель, не брезговавший никакими средствами ради того, чтобы набить себе карманы.

Еще более позорными делами заклеил себя пятый вице-король, дон Дуарти да Минезиш, затмивший своей алчностью и распутством всех предшественников.

Преемник Мануэла I, новый португальский король Жуан III, видя, что колонии в Индии с каждым годом приносят казне все меньше дохода, и зная о чудовищных злоупотреблениях своих чиновников, решил назначить вице-королем сурового и неподкупного Васко да Гаму. Шестидесятичетырехлетний «адмирал индийских морей», дождавшийся, наконец, назначения на высокий пост, покинул Португалию 9 апреля 1524 года. Прибыв в Индию, он начал проводить крутые меры против злоупотреблений и стяжательства колониальной администрации, но вскоре тяжело

Албукерки в Ормузе.

заболел и умер 24 декабря того же 1524 года, так и не успев довести дело до конца.

Но если бы даже Васко да Гама и удалось установить некоторый порядок в португальских колониях, то все равно это была бы только временная мера. Причины упадка португальского могущества заключались, разумеется, не в одних только злоупотреблениях.

В числе других причин, вызвавших быстрый упадок и раздробление этой огромной колониальной империи, созданной Албукерки и оставившей в Индии даже после своего распада глубокие следы, французский историк Мишле считает отдаленность и разбросанность фортов и факторий, малочисленность португальского населения, огромные территории захваченных стран, разнузданные грабежи и незаконные поборы, невыносимые для населения колоний, скверную систему управления и, наконец, неукротимое национальное высокомерие португальцев, которое мешало тесному контакту победителей с побежденными.

Но есть еще одна, более существенная причина упадка португальской колониальной системы — ненависть побежденных народов. Уже в середине XVI века индийцы стали объединяться для совместного отпора: в 1567 году против португальцев выступил союз всех раджей Малабарского берега, а в 1578 году вспыхнули восстания на островах Цейлон и Амбоина.

В том же XVI веке ослабевшая Португалия попала в зависимость к испанским королям и находилась в подчинении свыше шестидесяти лет (с 1580 по 1640 год). В это время в португальских колониях энергично хозяйничали испанцы. Затем на португальские владения в Индии наложила свою руку Голландия, но тоже не смогла их удержать и вынуждена была уступить первенство еще более сильному сопернику — Англии.

Часть вторая

ГЛАВА ПЕРВАЯ

КОНКИСТАДОРЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АМЕРИКИ

I

Алонсо де Охеда. — Хуан де Ла-Коса. — Америго Веспуччи. — Его подлинные и мнимые путешествия. — Происхождение слова Америка. — Педро Алонсо Нуньо. — Висенте Пинсон. — Диего Лепе. — Родриго де Бастидас. — Хуан Диас де Солис. — Диего да Окампо. — Первые испанские поселения в Центральной Америке. — Понсе де Леон и открытие Флориды. — Васко Нуньес де Бальбоа и открытие Тихого океана. — Хуан де Грихальва и открытие Мексики.

Письма Колумба и рассказы его спутников об изобилии золота и жемчуга во вновь открытых странах воспламенили воображение алчных купцов, разорившихся дворян и всяких искателей приключений. Многие из них становились конкистадорами.⁸⁶

10 апреля 1495 года испанское правительство в нарушение договора с Колумбом разрешило всем кастильским подданным переселяться в новые земли с обязательством вносить в королевскую казну две трети добытого золота. Нашлось немало охотников воспользоваться этой привилегией. Несмотря на энергичные протесты Колумба, его старый недруг архиепископ Бургосский Фонсека, ведавший всеми делами «Индий», охотно оказывал содействие прежним спутникам великого мореплавателя в организации заокеанских экспедиций.

Едва только Колумб, отправляясь в свое третье путешествие, покинул гавань Санлукар-де-Баррамедас, как почти одновременно были снаряжены четыре экспедиции на средства богатых судовладельцев; среди них главную роль играл Висенте Пинсон, спутник Колумба по его первому плаванию, и малозвестный тогда флорентийский купец Америго Веспуччи, живший в Испании.

Первую из этих четырех экспедиций возглавил Алонсо де Охеда. Вместе с ним отправились на поиски новых земель Хуан де Ла-Коса, в качестве первого лодмана, и Америго Веспуччи,

обязанности которого точно не установлены. Предполагают, что он был взят на корабль в качестве штурмана или астронома.

Прежде чем сообщить историю этой экспедиции, мы остановимся несколько подробнее на деятельности этих трех лиц, из которых последнему принадлежит видное место в летописи открытия Нового Света хотя бы потому, что его именем был назван вновь открытый материк.

Алонсо де Охеда, родившийся около 1465 года в городе Куэнка, воспитывался в доме герцога Медины и в ранней молодости принимал участие в войне против мавров. Это был человек необыкновенно настойчивый, решительный и жестокий. Когда Колумб подыскивал спутников для своего второго путешествия, молодой идалго,⁸⁷ мечтавший о славе и нажизе, без колебаний записался офицером в состав экипажа. Колумб сразу же обратил внимание на хладнокровие и находчивость Охеды, который затем открыл на Эспаньоле золотые россыпи и оказал адмиралу много ценных услуг. Но позже Охеда примкнул к бунтовщикам и проявил себя как самый непримиримый враг Колумба. Может быть, именно по этой причине Охеда после возвращения в Испанию встретил поддержку и покровительство архиепископа Фонсеки. Последний не только помог Охеде снарядить экспедицию, но, как полагают исследователи, даже снабдил его копиями составленных Колумбом карт.

Хуан де Ла-Коса, первый лоцман Охеды, был родом из бискайского города Сантонья. По словам испанского историка Лас Касаса,⁸⁸ Хуан де Ла-Коса был «лучшим из кормчих, когда-либо живших на свете». Свой огромный опыт он приобрел в неоднократных плаваниях к берегам Африки и в двух экспедициях Колумба. Ла-Коса был также замечательным картографом. Сохранилась составленная им приблизительно в 1500 году интереснейшая карта, на которую нанесены все земли Африки, открытые к тому времени португальцами, и все открытия Колумба и его последователей за океаном. Несмотря на то, что Ла-Коса во время второго плавания Колумба присягал адмиралу в том, что Куба — азиатский полуостров, она изображена на этой карте в виде острова. По-видимому, Ла-Коса ради истины осмелился нарушить присягу, в тексте которой содержалась вполне реальная по тем временам угроза вырвать у клятвопреступника язык.

Кроме Хуана де Ла-Косы, к Охеде присоединились еще несколько моряков, вернувшихся вместе с ним из Эспаньолы. Среди них был и второй лоцман Бартоломе Рольдан, участник плавания Колумба к заливу Пария.

Что касается Америго Веспуччи, то, по-видимому, Охеда был обязан ему прежде всего финансовой стороной предприятия. Веспуччи отправился за океан, чтобы «помогать открывать»,

как гласит итальянский текст его письма к знатному флорентийцу Содерини.

Америго Веспуччи родился 9 марта 1451 года во Флоренции в знатной и зажиточной семье. В молодости он получил домашнее образование — изучал математику, физику и астрономию под руководством своего дяди, ученого монаха из доминиканского монастыря св. Марка.

Около 1492 года Веспуччи прибыл из Флоренции в Испанию и поселился сначала в Барселоне, а затем в Севилье в качестве агента банкирского дома Медичи. Живя в Севилье, Веспуччи познакомился со своим соотечественником, владельцем торгового дома Хуаното Беральди, принимавшим деятельное участие в снаряжении второй экспедиции Колумба; известно, что Веспуччи был не только знаком, но и дружен с Колумбом. Когда Хуаното Беральди в 1495 году умер, его наследники пригласили Америго Веспуччи управлять делами своего торгового дома. В январе 1496 года фирма Беральди взяла от испанского правительства подряд на снаряжение четырех каравелл для очередной «индийской» экспедиции.

Наскупило ли Веспуччи положение, которое он считал ниже своих возможностей, или он, в свою очередь, был охвачен лихорадкой открытий и мечтал о быстрой наживе в новых странах? Как бы то ни было, но он присоединился к экспедиции Охеды, что подтверждается свидетельством последнего в знаменитом процессе наследников Колумба с королевским казначейством.

Флотилия Охеды в составе четырех каравелл вышла в море 20 мая 1499 года и, держась, как и Колумб в третьем плавании, юго-западного направления, достигла через двадцать семь дней американского материка, но не возле устья Ориноко, а несколько ниже, у берегов нынешней Нидерландской Гвианы.

Поднимаясь вдоль берега и заходя в устья рек, Охеда «дарил» туземцам стеклянные бусы и погремушки, получая взамен жемчуг и золото. Так он достиг страшных проливов Бока-дела-Сьерпе (Змеиная пасть) и Бокас-дель-Драгон (Драконова пасть), через которые Ла-Коса благополучно провел флотилию, пользуясь картами Колумба. Отсюда берег уходил без конца на запад. Через несколько дней Охеда открыл остров Кюрасао, назвав его Островом гигантов, так как здешние туземцы были людьми необыкновенно рослыми. Войдя в тихий, глубокий залив Маракайбо, испанцы увидели туземное селение на высоких сваях. Это зрелище так поразило мореплавателей, что они назвали вновь открытую землю Венесуэлой (Маленькой Венецией). Это название удержалось за страной, прилегающей к Карибскому берегу Южной Америки, от устья Ориноко до залива Маракайбо.

Охеда делал попытки завязать торговые сношения с тузем-

цами, сновавшими на своих пирогах между свайных построек. Но как только испанцы приближались к ним, жители Венесуэлы осыпали их тучей стрел. В результате последовал неравный бой. Индейцы были разбиты, а их хижины на сваях сожжены.

Так как припасы уже подходили к концу, Охеде пришлось отказаться от дальнейшего исследования этого побережья, и он взял курс на Эспаньолу. Колумб, узнав о прибытии этого беспокойного, мстительного человека, не сомневался в том, что Охеда внесет с собой в колонию новый элемент раздора, и решил дать ему отпор. И действительно, высадившись на остров, Охеда тотчас же присоединился к недовольным и поднял на Эспаньоле очередной мятеж, но после нескольких неудачных для него столкновений вынужден был покинуть Эспаньолу. На обратном пути он остановился у Багамских островов, где занялся охотой на туземцев. Набив живым товаром трюмы кораблей, в феврале 1500 года Охеда вернулся в Испанию и продал в рабство захваченных индейцев.

Спутник Охеды Америго Веспуччи достиг Испании на своей каравелле четырьмя месяцами раньше — 18 октября 1499 года.

О других путешествиях Веспуччи сохранились неясные и противоречивые сведения. Сам он утверждает в своих письмах, что якобы совершил четыре путешествия — в 1497, 1499, 1501 и 1502—1503 годах. Однако есть все основания предполагать, что первое и четвертое путешествия относятся к области легенд.⁸⁹

Сообщение о первом путешествии Веспуччи содержится в его письме к Содерини, написанном в 1504 году. Здесь говорится о встречах и столкновениях с туземцами мексиканского побережья. Если бы это плавание действительно состоялось, то первым европейцем, достигшим на Западе материка, следовало бы считать не Колумба, а Веспуччи. Но никаких документальных источников, подтверждающих эту экспедицию, не сохранилось, а географические описания Веспуччи настолько расплывчаты, что не поддаются отождествлению с какими-либо определенными пунктами на американском побережье.

Такой авторитетный ученый, как Александр Гумбольдт,⁹⁰ считает первое плавание Веспуччи мнимым. Материал для описания этого первого, фиктивного, путешествия, по-видимому, был почерпнут из впечатлений исторически доказанного плавания Веспуччи с экспедицией Охеды в 1499 году.

Спор о Веспуччи, начавшийся еще в XVI веке, разгорелся с новой силой в XVIII столетии. «Если бы даже Веспуччи на самом деле совершил открытие части материка, — писал Вольтер,⁹¹ — то все равно слава должна принадлежать не ему; она, бесспорно, принадлежит тому, кто обладал гением и мужеством

Америго Веспуччи. Со старинной гравюры.

предпринять первое путешествие, то есть Колумбу. Славы, как говорит Ньютон,⁹² заслуживает только инициатор».

Действительно, трудно допустить, чтобы в 1497 году могла состояться экспедиция, участники которой будто бы открыли восемьсот пятьдесят лье нового берега, не оставив об этом никаких следов не только в трудах великих историков, но и в судебных документах по иску наследников Колумба! Эти судебные документы содержат богатейший фактический материал, так как обе стороны — испанское правительство и наследники Колумба — собрали многочисленные свидетельские показания о всех заморских экспедициях, открывавших одну за другой разные части американского побережья.

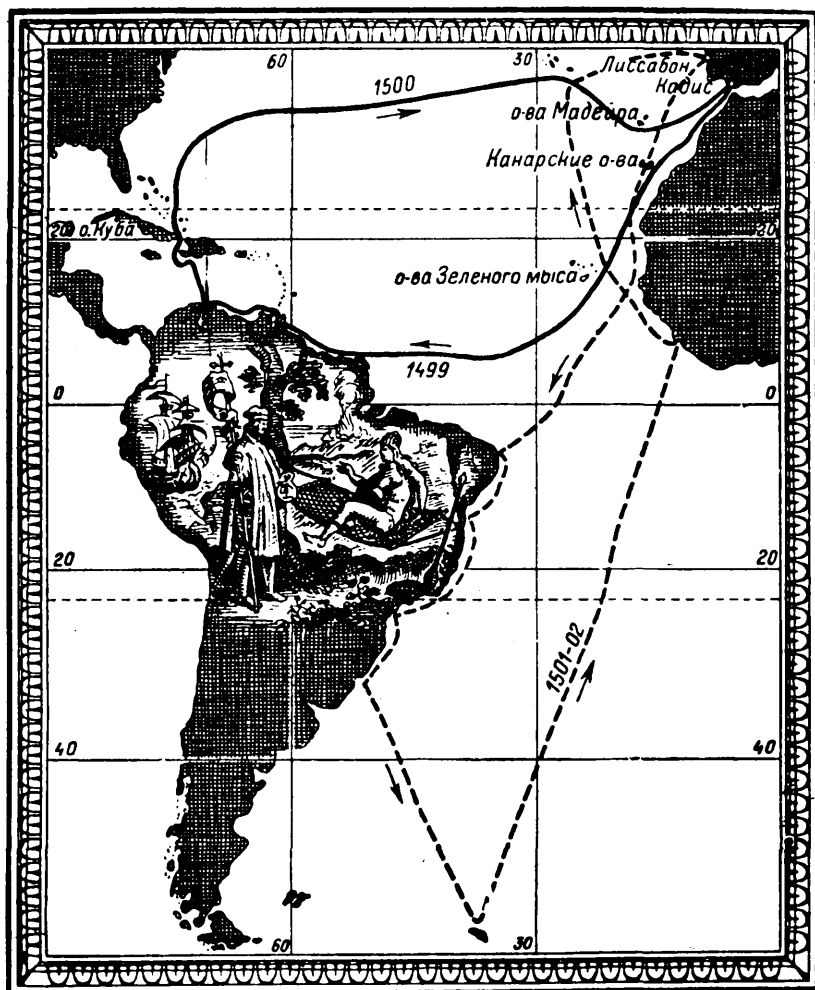
Наконец, из подлинных документов, добытых в испанских архивах, можно заключить, что Веспуччи имел полномочия снабдить всем необходимым корабли, предназначенные для третьего путешествия Колумба, и был занят этим делом с середины августа 1497 года и до самого отъезда Колумба 30 мая 1498 года.

Мы уже говорили о том, что все записки о путешествиях Веспуччи чрезвычайно неопределенны и путаны. Они страдают отсутствием точности и последовательности; указания пунктов следования экспедиций до того сбивчивы, что легко могут быть отнесены к разным местам побережья. Кроме того, эти записки не содержат никаких сведений ни относительно спутников Веспуччи, ни относительно мест высадки и вообще не дают данных, которыми мог бы воспользоваться историк. Никому не известные географические названия, противоречивые и взаимно исключающие друг друга даты — вот что представляют собой эти пресловутые письма, постепенно обросшие обширными комментариями. «Словно какой-то злой рок, — говорит А. Гумбольдт, — преследовал эти подлинные документы, чтобы спутать все, что касается флорентийского мореплавателя».

Тщательное сопоставление этих документов с достоверными фактами, известными об экспедиции Охеды, позволило Александру Гумбольдту сделать вывод, о котором мы уже говорили, то есть признать первое плавание «фиктивным дубликатом» второго, действительно состоявшегося.

В противовес этому, бразильский историк Варнхаген поставил своей целью доказать, что Америку открыл не Колумб, а Америго Веспуччи. По утверждению Варнхагена, Веспуччи, выйдя из Испании 10 мая 1497 года, месяцем позже проник будто бы в Гондурасский залив, прошел вдоль берегов Юкатана и Мексики, осмотрел устье Миссисипи, обогнул в конце февраля оконечность Флориды, а затем, после тридцатидневной стоянки в заливе св. Лаврентия, в октябре 1498 года вернулся в Кадис.

Если бы Веспуччи действительно совершил это изумительное

Экспедиции Америго Веспуччи.

путешествие, то он оставил бы далеко позади всех современных ему мореплавателей. Тогда можно было бы по всей справедливости присвоить его имя материку, большую часть которого он впервые обозрел. Но нет ничего более бездоказательного, чем утверждения Варнгагена. Точка зрения Гумбольдта, как самая убедительная, до сих пор принимается всеми авторитетными исследователями.

Около 1501 года Америго Веспуччи принял предложение короля Мануэла и перешел на португальскую службу. Между 1501 и 1504 годами он плавал на португальских кораблях по Атлантическому океану и к бразильским берегам. Португальцы использовали мореходные познания Веспуччи, но не поручали ему организовывать и возглавлять экспедиции.

Наибольшую славу принесло Америго Веспуччи его третье плавание (1501—1502 годы), сведения о котором также довольно противоречивы и недостаточно убедительны.

Покинув в мае 1501 года Лиссабон, экспедиция направилась по следам Кабрала к бразильскому берегу. После длительного перехода по бурному морю 16 августа корабли достигли у 5° южной широты неизвестного мыса, которому было присвоено название Мыс св. Рока. Продвигаясь оттуда на юго-запад вдоль восточного побережья Южной Америки, португальцы 15 февраля 1502 года дошли якобы до 32° южной широты, после чего, по уверению Веспуччи, он взял на себя руководство всей экспедицией и повел корабли еще дальше на юго-восток, пока не достиг какой-то неизвестной земли под 52° южной широты. Зимние холода заставили моряков повернуть к северу; уже через 33 дня они увидели Гвинейский берег Африки и в сентябре 1502 года благополучно прибыли в Португалию. Если допустить, что Веспуччи действительно достиг 52° южной широты, то это было первое плавание европейцев в антарктических водах.

Четвертая экспедиция Веспуччи ознаменовалась крушением флагманского корабля близ острова Фернанду-ди-Норонья, что помешало остальным кораблям продолжать путь по намеченному курсу — за мыс Доброй Надежды к полуострову Малакка и заставило их остановиться в заливе Всех Святых (залив Баия-Бланка) в Бразилии. Это неудачное путешествие было, по-видимому, совершено с капитаном Козью. Что касается третьей экспедиции, то и вовсе неизвестно, кто был ее начальником.

Эти разнообразные путешествия не принесли Веспуччи богатства; его положение при португальском дворе было так незавидно, что он воспользовался возможностью снова перейти на службу в Испанию и в 1505 и 1507 годах дважды плавал на испанских кораблях к Дарьенскому заливу. 22 марта 1508 года Веспуччи был назначен главным «пилотом» — лоцманом Испании. Получая на этой должности довольно значительное жалованье, он дожил свой век если не в богатстве, то и не терпя нужды и скончался в Севилье 22 февраля 1512 года, будучи уверенным, как и Колумб, что плавал вдоль берегов Азии.⁹³

Америго Веспуччи знаменит главным образом тем, что Новый свет, вместо того чтобы по справедливости называться Колумбийей, называется по его имени Америкой. Но сам флорентийский

Америго Веспуччи. Со старинной гравюры.

мореплаватель в этом не повинен. Долгое время и совершенно понапрасну его обвиняли в бесстыдном обмане и мошенничестве, утверждая, будто он хотел похитить славу Колумба и присвоить себе честь первого открытия. Но это вовсе не так. Колумб и его современники любили и уважали Веспуччи. В документах, оставшихся после Колумба, нет даже и намека на подобные обвинения.

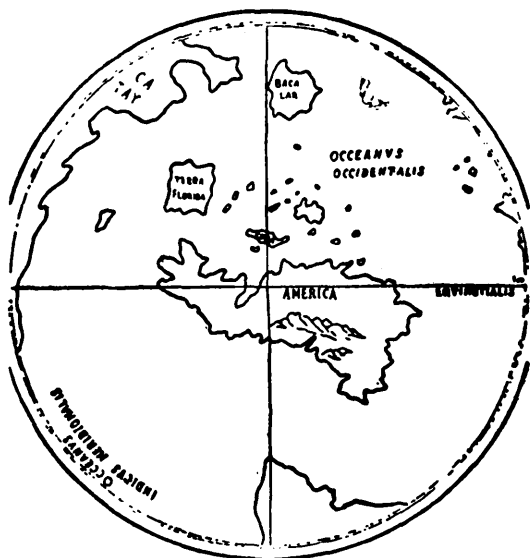
Сохранилось семь печатных документов, приписываемых Веспуччи. Это — письма к Содерини, содержащие краткое описание четырех его путешествий, два отдельных сообщения о третьем и четвертом плаваниях в форме писем к банкиру Медичи и, наконец, еще одно письмо, обращенное к тому же лицу, по поводу открытий португальцев в Индии. Эти документы, напечатанные в виде отдельных брошюр, вскоре были переведены на несколько языков и получили широкое распространение по всей Европе.

В 1507 году некто Хилакомилус, настоящее имя которого — Мартин Вальдземюллер, выпустил в городке Сен-Дье, в Лотарингии, небольшую книгу «Введение в космографию». Восхваляя Америго Веспуччи, Хилакомилус впервые употребляет слово «Америка», предлагая присвоить это название новой части света. Предложение Хилакомилуса понравилось географам. В 1509 году в Страсбурге выходит географический трактат, где новый материк также назван Америкой; в 1520 году в Базеле печатается одно из сочинений Помпония Мела,⁹⁴ содержащее карту Нового света, озаглавленную «Америка»; в 1538 году знаменитый фламандский географ Меркатор составил карту мира, на которой обе части нового континента обозначены под названием «Америка». Число сочинений, употреблявших с этого времени название, предложенное Вальдземюллером, увеличивалось с каждым днем.

Несколько лет спустя, получив более достоверные сведения о том, кто в действительности открыл новый материк, и оценив по достоинству плавание Веспуччи, Вальдземюллер вычеркнул из нового издания своего сочинения все, что касалось его путешествий, всюду заменив имя Веспуччи именем Колумба, но слишком поздно! Ошибка была освящена!

Что касается самого Веспуччи, то едва ли можно допустить, что ему была известна ошибка Хилакомилуса, приведшая к таким неожиданным последствиям. Единодушные отзывы о Веспуччи, как о человеке уважаемом, должны окончательно смыть незаслуженное обвинение, так долго тяготевшее над его именем.

Почти одновременно с экспедицией Охеды и Америго Веспуччи, в 1490 году, из Испании отправились в Новый свет еще три экспедиции. Первая, состоявшая из одной только каравеллы, вышла в июне 1499 года под начальством Педро Алонсо Ниньо, сопровождавшего Колумба в его первом и третьем пла-

Часть карты Леонардо да Винчи (около 1514 года).
Одна из первых карт с названием «Америка».

ваниях. Он принял себе в сотоварищи севильского купца Кристо-
сто-ва-ля Герру, на счет которого и было по-видимому, снаряжено судно.

Педро Алонсо Ниньо преследовал только одну цель — он стремился разбогатеть. Не сделав никаких новых открытий, он вернулся в Испанию в апреле 1500 года с таким большим количеством жемчуга, что не замедлил возбудить в своих соотечественниках алчность и желание последовать его примеру.

Следующая экспедиция в Новый свет отправилась под начальством Висенте Яньеса Пинсона, младшего брата Алонсо Пинсона, умершего капитана каравеллы «Пинта». Подобно брату своему, ненавидя Колумба, Висенте Пинсон присвоил себе ложный девиз:

Для Кастильи и Леона
Новый мир открыл Пинсон.

Висенте Пинсон принимал участие в первой экспедиции великого мореплавателя в качестве капитана каравелы «Нинья».

Он вышел из Испании в ноябре 1499 года с четырьмя судами, из которых только два возвратились в гавань Палоса в конце сентября 1500 года. Пинсон пристал к матерiku Нового света приблизительно у 6° южной широты и таким образом открыл берега Бразилии за несколько месяцев до Кабрала.

Пройдя затем около 4000 километров к северо-западу до залива Пария, Пинсон обнаружил по пути пресноводное море (возле устья Амазонки), а затем открыл остров Тобаго. Этому замечательному плаванью принадлежит заметное место в истории открытия Нового света.

Одновременно с Пинсоном исследованием этих же берегов занимался в 1500 году Диего Лепе, в распоряжении которого были только две каравеллы. Экспедиция Лепе сделала ценные наблюдения над направлением береговой линии континента, к юго-западу от его восточного выступа.

Не успел Диего Лепе возвратиться в Испанию, как из Кадиса вышла за океан новая экспедиция. Снарядил ее богатый севильский чиновник Родриго де Бастидас. Он ставил своей целью не столько открытие новых земель, сколько добычу золога и жемчуга, которые надеялся получить у туземцев в обмен на стеклянные бусы и другие ничего не стоящие безделицы.

Начальником экспедиции был все тот же искуснейший испанский лоцман Хуан де Ла-Коса.

Каравеллы Бастидаса проникли в Дарьенский залив и оставались в разных пунктах Панамского перешейка, в том числе в гавани Ретрете, вторично открытой Колумбом 26 ноября 1502 года.

Таким образом, это путешествие, предпринятое дельцом с целью обогащения, благодаря Хуану де Ла-Косе оказалось одним из самых значительных по сделанным открытиям. Но окончилось плавание Бастидаса весьма плачевно. Обе каравеллы погибли близ Эспаньолы, а сам Бастидас вместе с Ла-Косой едва добрался до Сан-Доминго. Наместник Эспаньолы Бовадилья, известный уже нам своим жестоким обращением с Колумбом, велел арестовать обоих путешественников и под тем предлогом, что они в нарушение закона покупали золото у индейцев, отправил их в Испанию, куда они прибыли, претерпев страшную бурю, уничтожившую часть испанского флота. В Кастилии Бастидас был привлечен к суду. Однако ему удалось не только оправдаться, но и выхлопотать себе ежегодную пенсию в награду за сделанные открытия.

После этой богатой результатами экспедиции путешествия, приносившие новые открытия, совершались все реже и реже. Испанцы старались теперь упрочить свою власть в уже открытых областях, основывая там крепости и поселения.

В 1493 году Христофор Колумб начал колонизацию Эспаньолы, заложив город Изабеллу. Два года спустя Колумб занялся исследованием страны и покорением несчастных индейцев, охотясь на них с выдрессированными для этой цели свирепыми псами и посылая захваченных туземцев, привыкших к вольной и

Аллегорическое изображение жителей и богатств Америки. Рисунок из книги XVI века.

беззаботной жизни, на постоянную работу в рудники. Бовадилья, а затем Овандо — губернаторы, сменившие Колумба, — обращались с индейцами, как с животными. Индейцы были превращены в рабов и распределены между поселенцами вместе с земельными участками.

Жестокое обращение с этим несчастным народом с каждым днем становилось ужаснее. С помощью весьма неблагоприятного приема Овандо, завладев «королевой» области Ксарагуа и тремястами ее приближенных, приказал их перебить всех до единого.

«В течение многих лет, — говорит Робертсон, — в Испанию ежегодно вывозилось золота не менее чем на 460 000 песо,⁹⁵ что составляло по тем временам очень крупную сумму, учитывая большую ценность денег в начале XVI века».

В 1511 году Диего Веласкес с отрядом в триста человек завоевал Кубу, которая, в свою очередь, превратилась в арену убийств и грабежей, легших неизгладимым позором на испанцев. Чтобы выведать у индейцев, где находятся золотые россыпи, их жгли на медленном огне, отрубали руки, выкалывали глаза, поливали им раны кипящим маслом или расплавленным свинцом. Вследствие этого население островов Нового света быстро уменьшалось, и уже недалек был тот день, когда оно должно было совсем исчезнуть. Стоит только прочесть «Историю Индий» Бартоломе Лас Касаса, этого неутомимого защитника бесчеловечно преследуемых индейцев, чтобы узнать, каким страшным мучениям они подвергались.

Лас Касас приводит следующий рассказ, ярко характеризующий отношение испанских завоевателей к индейцам.

Испанцы взяли в плен на острове Куба касика по имени Гаттия и осудили его на сожжение. Когда непокорного индейца привязали к столбу, францисканский монах попытался обратить его перед смертью в христианскую веру, суля ему все блаженства рая.

— А есть ли испанцы в той стране наслаждений, о которой ты мне говоришь? — спросил Гаттия.

— Да, — ответил монах, — но только те, которые были добрыми и справедливыми.

— Даже лучшие из них, — возразил с негодованием касик, — не могут быть ни справедливыми, ни добрыми. Я не хочу идти туда, где встречу хоть одного человека из этого проклятого племени!

Разве недостаточно одного этого факта, чтобы охарактеризовать ту степень ожесточения, до которой были доведены несчастные туземцы? И такие ужасы повторялись повсюду, куда бы ни ступала нога испанца! Но не будем больше говорить о страшных жестокостях, совершенных людьми, которые считали себя цивили-

лизованными и проповедовали «христианское милосердие» среди народа менее дикого, чем они сами!

Проследим теперь за дальнейшим ходом испанских географических открытий в Центральной и Южной Америке.

В 1504 и 1505 годах четыре корабля под начальством Хуана де Ла-Косы исследовали Дарьенский залив; то было первое путешествие, в котором Ла-Коса выступил в роли главного начальника. К тому же времени следует отнести и третье путешествие Охеды, по словам Тумбольдта, путешествие достоверное, но весьма неясное, так как о нем не сохранилось почти никаких сведений.

В 1508 году Хуан Диас де Солис вместе с Висенте Пинсоном открыли обширную область, известную с тех пор под названием Юкатан. Хотя это путешествие не было ознаменовано ничем особенно примечательным, но о нем все же следует упомянуть, так как оно помогло уточнить береговую линию американского континента. По этой же причине мы отметим и путешествие Севастьяна де Окампо, которому было поручено в 1508 году объехать Кубу и выяснить, является ли она островом или частью материка. Окампо, установив, что Куба — остров, тем самым окончательно опроверг заблуждение Колумба.

В 1515—1516 годах Хуан Диас де Солис, плывя на юг к экватору, продвинулся до 40° южной широты и, к величайшему своему изумлению, убедился, что материк Нового света продолжает тянуться на огромное пространство. Он неоднократно высаживался на берег, торжественно вступая во владение вновь открытыми землями, но за недостатком средств и людей нигде не основывал крепостей. Ближайшим результатом этого путешествия была более точная оценка протяженности южноамериканского материка.

Первый, кому пришла в голову мысль основать колонию на материке, был тот самый Алонсо де Охеда, происхождения которого уже известны читателям. Не имея никаких средств, но обладая большой смелостью и предприимчивым умом, он без труда находил компаньонов, снабжавших его деньгами и припасами для снаряжения заокеанских экспедиций.

Один из компаньонов Охеды, Диего Никүэса, богатый поселенец с Эспаньолы, в 1509 году снарядил экспедицию к берегам Центральной Америки, чтобы организовать там постоянные поселения. Король Фердинанд, как всегда щедрый на посулы и ничего не стоящие поощрения, присвоил тому и другому почетные титулы, но не дал ни одного мараведи. Никүэса решил основать две колонии и наметил в качестве условной границы между двумя владениями реку Атрато, впадающую в Дарьенский залив. Восточная область, названная Новой Андалузией — от

реки Аtrato до Маракайбо, — досталась Охеде, а западная область, под именем Золотой Кастилии (нынешние Панама и Коста-Рика), — Никуэсе.

Но на этот раз конкистадоры имели дело с народами не столь простодушными, как жители Антильских островов. Индейцы Центральной Америки твердо решили воспротивиться захвату их страны и при каждом удобном случае пускали в ход неожиданные для испанцев средства сопротивления. Началась ожесточенная борьба. В одной битве семьдесят спутников Охеды, и в том числе Хуан де Ла-Коса, были убиты стрелами, смазанными кураре — страшным ядом, который при малейшем ранении приводит к смертельному исходу.

Не лучше обстояло дело и в области, губернатором которой был назначен Никуэса. Несмотря на то, что он дважды получал подкрепления из Кубы, большинство его спутников погибло от ран, истощения и болезней. Оставшиеся в живых испанцы основали у Дарьенского залива маленькую колонию Санта-Мария эль Антигуа, под начальством Васко Нуньеса де Бальбоа, которому принадлежит видная роль в истории исследования американского материка.

Но прежде чем говорить о знаменитом путешествии Бальбоа, мы должны еще упомянуть об открытии испанцами новой страны, которая образует северную границу дуги, глубоко вдающейся в американский материк (Флорида и Мексиканский залив).

В 1502 году знатный испанский дворянин Хуан Понсе де Леон, спутник Колумба в его второй экспедиции, прибыл вместе с Овандо на Эспаньолу. Он принимал участие в покорении этого острова, а позднее (в 1508 году), завоевав остров Пуэрто-Рико, основал на его северном берегу первое испанское поселение. Услышав от местных индейцев предание о существовании на острове Бимини чудодейственного источника, возвращающего молодость, Понсе де Леон решил во что бы то ни стало найти этот источник и испытать на себе его целительную силу. Надо полагать, что он чувствовал потребность в такой волшебной влаге, хотя ему еще не было и пятидесяти лет.

Снарядив на свой счет три каравеллы, Понсе де Леон 1 марта 1513 года отправился на поиски Бимини в направлении Багамских островов. Плывая от острова к острову в надежде найти «источник вечной молодости», простодушный конкистадор добросовестно исследовал весь архипелаг. Но если поиски Бимини с его волшебным источником и не увенчались успехом, то все же путешествие Понсе де Леона было далеко не бесполезным, так как ему удалось открыть землю, такую цветущую и плодородную, что он назвал ее Флоридой (Цветущая), тем более что это открытие совпало с Вербным воскресеньем.⁹⁶

Не довольствуясь открытием Флориды, Понсе де Леон продолжил свое плавание, высаживаясь во многих местах побережья и отведывая воду из всех встречавшихся ему на пути источников. Но волосы его оставались такими же седыми и морщины не разглаживались. После шести месяцев бесплодных поисков Понсе де Леону, наконец, надоела эта шутовская роль; оставив на берегу Флориды несколько человек из экипажа, он поручил им продолжать поиски волшебного источника и 5 октября возвратился в Пуэрто-Рико. Разумеется, Понсе де Леону пришлось перенести много насмешек, когда его увидели больным и еще более постаревшим.

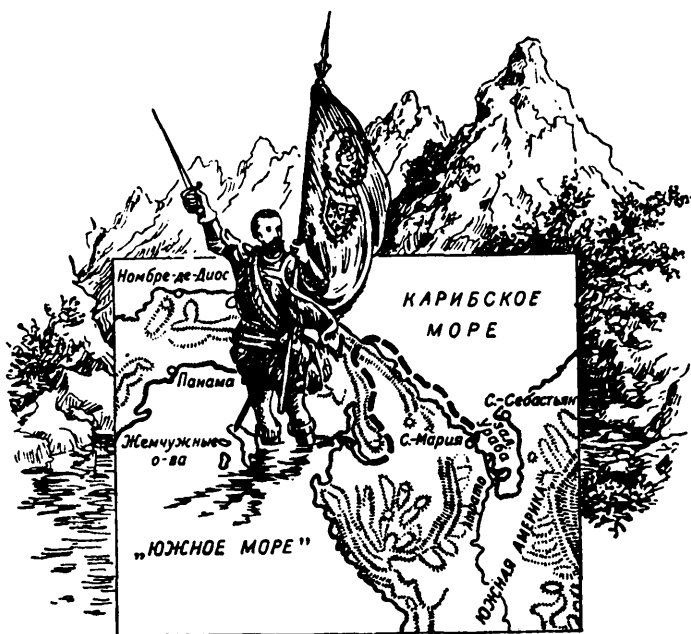
Эту экспедицию, комичную по своим мотивам, но очень богатую результатами, можно было бы отнести к числу исторических анекдотов, если бы за нее не ручались такие историки, как Пьетро Мартир, Овьедо, Эррера и Гарсиласо де ла Вега.

А теперь вернемся к Бальбоа.

Васко Нуньес де Бальбоа прибыл в Новый свет вместе с Бастидасом и поселился на острове Эспаньола. Здесь он получил «репартимьенто» — земельный участок с прикрепленными к нему индейцами; однако, как и большинство «репартимьенто», его хозяйство не приносило дохода. Бальбоа наделал так много долгов, что искал только способа избавиться от преследования кредиторов. Но капитанам судов, отправлявшихся из Эспаньолы в Европу или на материк Нового света, было строжайше запрещено принимать на борт несостоятельных должников. Тогда Бальбоа пошел на хитрость. Он сел в пустую бочку и вместе с грузом попал на корабль, державший курс к Дарьенскому заливу; таким образом, начальнику экспедиции, капитану Энсисо, волей-неволей пришлось содействовать побегу отважного искателя приключений.

Испанцы, привыкшие к слабому сопротивлению жителей Антильских островов, на этот раз не смогли покорить суровых обитателей материка. К тому же среди участников экспедиции начались разногласия, которыми умело воспользовался в своих целях Бальбоа, встав во главе новой колонии, а Энсисо, объявленный государственным преступником, был арестован и отправлен в Испанию. Еще более круто Бальбоа расправился с Никуэсой, который первым основал испанское поселение на Панамском перешейке. Отправив бывшего наместника с несколькими верными ему людьми на ветхом судне и без всяких припасов в океан, Бальбоа стал самочинным хозяином обширной территории на берегу Дарьенского залива.

Приступив к завоеванию окрестных областей, Бальбоа сумел нагнать на индейцев-карибов страх не только собственной жестокостью, но и кровожадностью своего свирепого пса Леончило, который «один стоил двадцати солдат». Впрочем, Бальбоа был даль-

Путь Бальбоа через Панамский перешеек.

новиднее своих предшественников и без особой надобности не прибегал к крутым мерам.

Больше всего Бальбоа интересовало местоположение золотых россыпей. От одного индейского касика он узнал, что страна, богатая золотом и жемчугом, действительно существует: она лежит к югу от Дарьенского залива, там, где простирается «Южное море».

Это было первое известие о Тихом океане и государстве Перу. 1 сентября 1513 года Бальбоа отправился открывать «Южное море» с отрядом из ста восьмидесяти наиболее смелых и выносливых солдат. Экспедицию сопровождали шестьсот индейцев-носильщиков и свора борзых собак, познавших вкус человеческого мяса.

Панамский перешеек, который нужно было пересечь, чтобы добраться до берега неизвестного моря, имеет не более шестидесяти миль в ширину, но зато он перерезан на всем протяжении цепями высоких гор, у подножия которых образовалась наносная, необыкновенно плодородная почва, поросшая буйной тропической

Бальбоа увидел Океан.

растительностью. Испанцам пришлось прорубаться через непроходимые чащи лиан, папоротников, гигантских деревьев, не пропускавших на одного луча солнца, преодолевать вязкие болота, заполненные тучами moskitov. Этот девственный лес был населен множеством птиц и животных, покой которых никем никогда не нарушался. Ядовитые испарения болот, желтая лихорадка и дизентерия, свирепствовавшие в этих местах, изматывали силы и убивали энергию самых здоровых людей.

К препятствиям, нагроможденным на пути Бальбоа природой, прибавлялось еще враждебное отношение туземцев. Завидев грозный отряд Бальбоа, они убегали в горы или, пользуясь преимуществами хорошо защищенной местности, совершали на испанцев неожиданные нападения. Бальбоа, безотлучно находясь среди своих воинов и разделяя с ними все лишения и опасности, старался поддерживать в них бодрость духа и заставлял их стремиться вперед.

После двадцатидневного перехода, сопровождавшегося непрерывными боями с индейцами, Бальбоа, поднявшись на гребень горы, увидел, наконец, необъятное лазурное море и спустя четыре дня достиг берега Тихого океана. Войдя по колено в воду, с обнаженной шпагой в одной руке и с кастильским знаменем в другой, он торжественно объявил это море владением испанского короля.

Та часть Тихого океана, к востоку от Панамы, где находилась экспедиция Бальбоа, была названа им заливом Сан-Мигель (залив св. Михаила). Это название удержалось до наших дней.

Сведения, которые Бальбоа удалось собрать у окрестных касиков, покоровшихся его оружию и предоставивших ему жизненные припасы, совпадали с рассказами туземцев на берегу Дарьенского залива.

Бальбоа узнал, что на юге находится обширная страна, «до того богатая золотом, что из него делают даже обиходные орудия»; жители той страны приручают лам и используют их как домашних животных для перевозки тяжестей. Эти интересные сведения вместе с большим количеством жемчуга, полученного здесь Бальбоа от туземцев, окончательно убедили его, что он находится в азиатских странах, описанных Марко Поло, недалеко от империи «Сипанго», сказочные богатства которой не давали покоя алчным авантюристам.

Бальбоа пересек Панамский перешеек в нескольких направлениях. Три века спустя А. Гумбольдт с полным основанием мог сказать что в начале XVI века эта страна была известна лучше, чем в его время. Но Бальбоа на этом не остановился. Он начал готовиться к новой экспедиции в Южное море, собираясь построить на берегу залива Сан-Мигель несколько каравелл и от-

Бальбоа вступает во владение Южным морем (Тихий океан).

правиться с ними завоевывать государство Перу. Однако его планам не суждено было осуществиться. Присланный в Золотую Кастилию новый наместник Педро Ариас д'Авила воспыал ненавистью к Бальбоа, привлек его к суду по обвинению в государственной измене и настоял на вынесении смертного приговора.

В 1517 году Бальбоа был обезглавлен, и открытие европейцами Перу задержалось на целые пятнадцать лет из-за преступной зависти человека, имя которого приобрело такую печальную известность, что может быть поставлено рядом с именем Герострата.⁹⁷

Если первоначальными сведениями о Перу мы обязаны Васко Нуньесу де Бальбоа, то другой исследователь, Хуан де Грихальва, первый добыл не менее важные сведения о Мексиканской империи, господство, которой распространялось почти на всю Центральную Америку. Хуан де Грихальва получил в 1518 году начальство над флотилией из четырех кораблей, снаряженных Диего Веласкесом, завоевателем Кубы. Посланный Веласкесом исследовать побережье Юкатана, открытого в 1517 году Франсиско Эрнандесом де Кордовой, Грихальва взял с собой в путешествие опытного лодмана Антония Аламиноса, одного из участников экспедиции Понсе де Леона к берегам Флориды. Среди экипажа, состоявшего из двухсот сорока человек, находился и Берналь Диас дель Кастильо, очевидец и участник драматической истории завоевания Мексики, к бесхитростным запискам которого нам не раз придется обращаться.

После тринадцатидневного плавания Грихальва, поднимаясь вдоль берега Юкатана, обогнул мыс Каточе и углубился в залив Кампече. 10 мая он высадился в большом селении Чампотон. Жители селения, изумленные неожиданным появлением кораблей, приняли их за морские чудовища. Индейцы были особенно поражены видом бледнолицых людей, мечущих молнии, но тем не менее защищались так упорно, что пятьдесят семь испанцев было убито и еще больше ранено. Разумеется, такой враждебный прием заставил Грихальву как можно быстрее сняться с якоря. Продолжая плыть на запад вдоль мексиканского берега, 17 мая он вошел в устье большой реки, которую индейцы называли Табаско (река Грихальва). Его корабль окружила целая флотилия пирог с вооруженными туземцами, готовыми в любую минуту вступить в бой. Но благодаря осторожности Грихальвы и изъяснениям «дружеских чувств», на которые он не скупился, испанцам на этот раз удалось избежать кровопролитной схватки.

«Далее наш капитан через толмачей рассказал им, — сообщает Берналь Диас, — что мы пришли из далеких стран, что мы подданные великого государя по имени Дон Карлос [Карл V], что у него множество подвластных князей и касиков; пусть и они при-

Хуан де Грихальва.

знают его господином, тогда много добра произойдет для них; а также пусть в обмен на стеклянные бусы дадут нам кур.

Отвечали два индейца: один — предводитель, другой «папа» [жрец]. Припасы они нам готовы обменять, но господин у них уже есть, и удивительно, что мы, никогда не видав их, сразу же навязываем господина. Пусть мы не спешим воевать с ними, как в Чампотоне: все окрестные воины уже прибыли, и сейчас на месте уже два отряда, каждый по 8000 человек. Они отлично знают, что на днях в Чампотоне мы уложили и ранили более 200 человек, но они куда сильнее жителей тех стран; вот почему они готовы узнать наши намерения, о которых сообщат всем касикам, собравшимся здесь со своими воинами.

Капитан наш обнял их в знак мира, дал им несколько нитей стеклянных бус и наказал вернуться поскорее с ответом, прибавив, что иначе мы в селение войдем силой, хотя обижать их не хотим.

Посланные действительно держали совет и порешили: быть миру».

В обмен на ничего не стоящие побрякушки испанцы получили от индейцев хлеб из юкки, камедь,⁹⁸ куски золота, отлитые в форме рыб и птиц, хлопчатобумажную одежду местного производства и т. п. Так как индейцы, взятые с мыса Каточе в качестве переводчиков, плохо понимали язык жителей области Табаско, то Грихальва решил сократить стоянку, и корабли снова

пустились в море. Флотилия прошла мимо реки Гуакасуалко; испанцы видели на берегу несколько снежных вершин. Ближайшая из них была названа Сан-Мартино, по имени солдата, который увидел ее первым. Наконец, корабли бросили якорь в устье реки, получившей название Рио-де-лас-Бандерас (Река знамен), ибо собравшиеся на берегу индейцы размахивали белыми флажками, желая установить мирные отношения с чужеземцами.

При высадке Грихальвы на берег туземцы оказали ему божеские почести. Перед ним курили копаловую смолу⁹⁹ и положили к его ногам золотые украшения, жемчуг и медные секиры. Объявив эту страну своим владением, испанцы отправились дальше и вскоре достигли Острова жертвоприношений, названного так потому, что на площадке каменной лестницы испанцы обнаружили нечто вроде жертвенника, на котором лежали трупы пяти принесенных в жертву индейцев. У каждого была рассечена грудь, вырвано сердце, отрублены руки и ноги. Затем Грихальва подошел к другому острову, названному им Сан-Хуан по имени святого, память которого праздновалась в этот день. К названию Сан-Хуан было еще прибавлено слово «Улуа», которое часто повторяли индейцы, пытаясь объяснить белым людям, зачем они приносят своим богам человеческие жертвы. С тех пор остров так и называется Сан-Хуан-де-Улуа.

Нагрузив все золото, которое ему удалось здесь собрать, на корабль капитана Альварадо, Грихальва отправил его на Кубу к Веласкесу с отчетом о результатах экспедиции и с просьбой прислать подкрепления. «Хлеб наш заплесневел и вызывал тошноту, — вспоминает Берналь Диас, — 10 человек умерло от ран, 4 были больны; для устройства колонии не хватало народа...»

Продолжая плыть до 28 июня вдоль берега, мимо оживленных селений, разбросанных у подножия высоких гор, Грихальва достиг устья реки Пануко, которая была названа испанцами Рио-де-Каноас, так как здесь они были атакованы целой флотилией лодок с вооруженными индейцами и с большим трудом отбили эту атаку.

Лоцман Аламинос настойчиво советовал Грихальве вернуться назад. Корабли были в жалком состоянии; съестные припасы подошли к концу; солдаты, почти все больные или раненые, не соглашались даже под защитой крепостей остаться среди этих воинственных племен. К тому же между испанцами начались раздоры.

Найдя удобную стоянку в устье реки Сан-Антонио, Грихальва приказал бросить якоря и заняться починкой флагманского судна, давшего течь. В этом месте Берналь Диас посадил возле туземного храма несколько апельсинных зернышек. «Принялись они отлично, и после нашего ухода храмовые «папы» [жрецы],

вероятно, ухаживали за чужестранным растением, поливая его и оберегая от муравьев. Рассказываю я это потому, что это были первые апельсиновые насаждения в Новой Испании». ¹⁰⁰

15 ноября того же 1518 года, после семимесячного плавания, экспедиция Грихальвы вернулась на Кубу.

Результаты этого путешествия были очень значительны. Впервые испанцами была исследована огромная береговая линия, составляющая полуостров Юкатан, берега залива Кампече и Мексиканский залив. Теперь испанцы узнали, что Юкатан — полуостров, а не остров, как думали раньше. Кроме того, Грихальве удалось собрать много ценных сведений о могущественной Мексиканской империи. Особенно испанцы были удивлены, встретив в Мексике гораздо более высокую цивилизацию, чем у туземцев Антильских островов. Она обнаруживалась в архитектуре, в способах обработки почвы, в тонкости хлопчатобумажных тканей, в орнаменте золотых украшений, которые носили индейцы. Богатство и процветание Мексики не могли не возбудить жадности у испанских колонистов Кубы. Новые аргонавты ждали только подходящего случая, чтобы устремиться на завоевание нового золотого руна.

II

Эрнандо Кортес. — Его назначение. — Снаряжение экспедиции и борьба с Веласкесом. — Высадка в Веракрус. — Мексика, государство ацтеков. — Монтесума. — Провинции Тлашкала и Чолула. — Поход в Мехико. — Монтесума — пленник Кортеса. — Поражение Нарваэса. — «Ночь печали». — Битва в долине Отумбы. — Вторая осада и взятие Мехико. — Экспедиция в Гондурас. — Поездка Кортеса в Испанию. — Экспедиция к берегам Калифорнийского залива. — Возвращение Кортеса в Испанию и хлопоты о наместничестве. — Смерть Кортеса.

Наместник Кубы Диего Веласкес, не дожидаясь возвращения Грихальвы, поспешил отправить в Испанию донесение об открытии новых стран, подкрепленное образцами мексиканских золотых изделий, и просил обширных полномочий для колонизации этой области. Не получив еще ответа из Испании, Веласкес начал деятельно готовить экспедицию для завоевания вновь открытой страны. Вооружение флотилии должно было соответствовать опасности и важности задуманного предприятия. Но если снаряжение войска представлялось делом относительно не трудным, то Веласкесу, человеку алчному, изменчивому и подозрительному, как его характеризует один испанский историк того времени,

было нелегко подобрать начальника для этой экспедиции. В самом деле, начальник должен был обладать не только талантом полководца и администратора, но и быть послушным орудием в руках Веласкеса. А это значило, что ставленник Веласкеса, не желавшего подвергать себя никакой опасности, должен был заранее согласиться предоставить ему всю славу и все почести завоевателя новых стран.

Выбор главного начальника затягивался. Одни люди, действительно мужественные и предприимчивые, не желая быть пассивным орудием в руках Веласкеса, отказывались от предложенной им чести; другие, более покладистые или более скрытные, хотя и горели желанием стать во главе экспедиции, не обладали достаточным мужеством и храбростью. Многие предлагали назначить начальником Грихальву, только что вернувшегося из Мексики. Ведь он открыл эту страну, был знаком с ее особенностями и пользовался большой популярностью у солдат и матросов. Но именно поэтому Веласкес и побоялся поручить Грихальве начальство над новой экспедицией.

Пока продолжались эти разговоры и пререкания, два любимца наместника — его секретарь Андрес де Дуэро и правительственный контролер Амадор де Ларес — заключили союз с одним идадьго, Эрнандо Кортесом, обещая сделать его начальником экспедиции, если он согласится разделить с ними добычу, которую привезет из завоеванной страны. Разумеется, Кортес ответил согласием, и его союзники начали действовать.

«Они не скупилась, — пишет Берналь Диас, — на вкрадчивые речи: много лестного говорили они про Кортеса, уверяя, что он единственный человек, годный для этого предприятия, что в его лице Веласкес найдет неутомимого и неустрашимого начальника, который, без сомнения, не изменит ему, так как является его крестником. Наконец они убедили губернатора, и Кортес был назначен генерал-капитаном всего предприятия. И так как Андрес де Дуэро состоял при губернаторе секретарем, то поспешил, по желанию Кортеса, пространно изложить на пергаменте хорошими чернилами все его полномочия и представил их ему в виде готового, надлежащим образом скрепленного документа».

Разумеется, если бы Веласкес был более дальновиден, он ни за что не сделал бы этого выбора!

Эрнандо Кортес родился в 1485 году, в провинции Эстремадура, в небогатой дворянской семье. Проучившись некоторое время в Саламанкском университете, он вернулся в свой родной дом, но тихая и мирная жизнь претила его кипучему и капризному характеру. Вскоре Кортес уехал в Америку, надеясь выдвигаться там на службе. Особенно он рассчитывал на покровительство своего родственника Овандо, наместника Эспаньолы.

Эрнандо Кортес. Со старинной гравюры.

На Эспаньоле он действительно занимал почетные и выгодные должности, принимая время от времени участие в карательных экспедициях. Здесь он не только познакомился с военной тактикой преследуемых индейцев, но и легко усвоил то беспощадно-жестокое обращение с ними, которым обесславили себя испанцы. В 1511 году он сопровождал Диего Веласкеса в его экспедиции на Кубу и сумел так отличиться, что, несмотря на разногласия со своим начальником, получил за «усердие» обширные земли, отнятые у индейцев.

В короткое время благодаря своей практичности Кортес успел округлить состояние, но свободных денег у него никогда не водилось, так как он любил хорошо одеваться и жить на широкую

ногу. Он еще ни разу не выступал в роли главного начальника, но его исключительная энергия и хладнокровная расчетливость, находчивость и решительность, умение располагать к себе людей и заставлять их уважать себя — все это было принято во внимание Веласкесом. К этим качествам надо еще прибавить красивую внешность, представительную осанку, изумительную выносливость и большую физическую силу, которые выделяли Кортеса даже среди авантюристов, привыкших переносить любые трудности.

Как только назначение Кортеса было санкционировано, он тотчас же вывесил у ворот своего дома знамя из черного бархата, расшитое золотом, с красным крестом посредине, окруженным сиянием, и латинской надписью сверху: «Друзья, последуем за крестом, под знаменем его и с верою мы победим!»

«С этим знаменем, — рассказывает Берналь Диас, — он и стал через герольдов и глашатаев производить вербовку во имя короля и его наместника Веласкеса, обещая всем долю в добыче, а после завоевания — энкомьенду [поместье] с индейцами. Впечатление было громадное, и люди так и липли к вербовщикам».

На призыв Кортеса в короткое время откликнулось триста человек. Со всех сторон к нему стекались деньги и товары. Но этого оказалось недостаточно. Тогда Кортес, отдав все, что у него было, на вооружение флота, заложил свои поместья и занял у знакомых купцов крупные суммы на покупку съестных припасов, оружия и лошадей.

Тем временем подозрительный Веласкес, подстрекаемый своими обиженными родственниками и разными недоброжелателями, едва не разрушил все дело Кортеса. Растущая популярность начальника экспедиции лишила наместника покоя. Он понял, что Кортес не из тех людей, которые остаются в тени, и решил, пока еще не поздно, сместить его и назначить другого начальника. Но Кортес, тайно извещенный об этом Дуэро и Ларесом, решил ускорить свой отъезд. Хотя экипаж был еще не укомплектован и вооружение недостаточно, он собрал всех своих людей и ночью снялся с якоря.

Одуроченный Веласкес скрыл до поры до времени свой гнев, но сейчас же принял меры, чтобы задержать Кортеса. А тот не терял даром времени. Остановившись в одной из ближайших гаваней, он пополнил запасы провизии и принял на борт многих спутников Грихальвы, среди которых были такие испытанные мореходы, как лоцман Антонио Аламинос, Педро Альварадо и его братья, Кривосталь де Оли, Алонсо д'Авила, Гонсало Сандоваль, Берналь Диас дель Кастильо, автор уже известной нам драгоценной хроники, и другие.

Затем Кортес направился к порту Тринидад, на южном берегу Кубы, продолжая и там пополнять припасы. В это время трини-

дадский алькальд получил письмо от Веласкеса с приказом задержать Кортеса и лишить его начальства над флотом. Но сделать это было нелегко, так как Кортес насчитывал много приверженцев. Алькальд даже и не пытался привести в исполнение приказ наместника.

Желая набрать на корабли побольше добровольцев, Кортес продолжал вербовку в Гаване среди экипажей кораблей, стоявших на рейде. Когда Веласкес узнал об этом, он сделал еще одну попытку задержать Кортеса, послав соответствующий приказ вице-губернатору Гаваны. Но Кортес, окруженный солдатами, которые, по словам Берналя Диаса, отдали бы за него жизнь, свободно вышел из Гаваны.

Наконец, вербовка добровольцев закончилась, все необходимое снаряжение было погружено, и 18 февраля 1519 года Кортес пустился в море с флотилей из одиннадцати кораблей, причем самый большой из них имел не более ста тонн водоизмещения. Кортеса сопровождали сто десять матросов, около пятисот солдат, двести индейцев и несколько женщин для хозяйственных работ. Артиллерия состояла из десяти больших и четырех малых фальконетов,* а кавалерия — всего из шестнадцати всадников. С этими почти ничтожными силами, собранными тем не менее с величайшим трудом, Кортес отправился в поход против могущественного властителя, государство которого было обширнее всех испанских владений, вместе взятых. Это предприятие было сопряжено с такими невероятными трудностями и лишениями, что если бы Кортес предвидел только половину из них, то его решимость, без сомнения, поколебалась бы. Но, как сказал один древний поэт, «судьба улыбается тем, кто смело идет ей навстречу»...

Выдержав в океане страшную бурю, флотилия пристала к острову Косумель (у северо-восточного берега Юкатана). Жители острова, индейцы майя, то ли запуганные испанцами, то ли слабо верившие в своих богов, быстро согласились обратиться в христианскую веру и позволили испанцам сокрушить идолов. Здесь на корабль Кортеса неожиданно явился один испанец по имени Херонимо де Агуилар, находившийся восемь лет в плену у индейцев. Этот человек хорошо говорил на языке майя; он оказал Кортесу большие услуги в качестве переводчика.

Обогнув мыс Каточе, Кортес, по примеру Грихальвы, углубился в залив Кампече, затем прошел мимо Чампотона и поднялся вверх по реке Табаско, надеясь, как и его предшественник, добыть у местных индейцев много золота. Но настроение туземцев резко изменилось, и они сделали попытку оказать сопротивление высадке испанцев. Несмотря на то, что индейцев было несколько

* Старинное малокалиберное орудие, стрелявшее свинцовыми ядрами.

раз больше, чем испанцев, и сражались они с изумительной храбростью, испанцы одержали легкую победу. Пушечные залпы и набеги кавалеристов, которых местные жители принимали за сверхъестественные существа, привели индейцев в полное смятение.

«Никогда еще индейцы не видели лошадей,— говорит Берналь Диас, — и показалось им, что конь и всадник — одно существо, могучее и беспощадное».

В этом сражении погибли сотни индейцев, между тем как потери завоевателей ограничились двумя убитыми и несколькими ранеными.

Вскоре Кортес заключил с индейцами мир и получил от них дань съестными припасами, хлопчатобумажными тканями и небольшим количеством золота. Кроме того, индейцы дали Кортесу двадцать молодых невольниц, среди которых была знаменитая красавица Марина, прославленная всеми испанскими летописцами за то, что она, легко изменив своему народу, перешла на сторону испанцев и оказала Кортесу много ценных услуг при завоевании Мексики. Малиналь — таково было настоящее имя подруги Кортеса — была родом из племени ацтеков и находилась несколько лет в плену у индейцев Табаско.

«Кортес всюду брал ее с собой в качестве удивительной переводчицы, — пишет Берналь Диас, — и была она нам верным товарищем во всех войнах и походах, настоящим божьим подарком в нашем тяжелом деле; многое удалось нам совершить только при ее помощи. Понятно, что она имела громадное влияние, самое громадное во всей Новой Испании, и с индейцами могла делать, что хотела».

От Табаско Кортес повел корабли на запад в поисках удобной гавани, которая была найдена у того самого острова Сан-Хуан-де-Улуа, где остановился Грихальва. Едва флотилия бросила якорь, как к адмиральскому кораблю безбоязненно приблизилась лодка с туземцами. С помощью Марины Кортес узнал, что эта страна входит в состав большого государства, во главе которого стоит могущественный властитель по имени Монтесума; живет он в своей столице Теночтитлане, или Мехико. Кортес сообщил индейцам о своих мирных намерениях, вручил им подарки и высадился на берег материка — в жаркой и нездоровой местности, где вскоре был заложен город-крепость Веракрус (Истинный крест).

Уже на следующий день к Кортесу явился с большой свитой «губернатор» близлежащей провинции по имени Теутиле, посланный Монтесумой. Зная, какое беспокойство внушало верховному властителю появление испанцев, Теутиле был очень встревожен, когда Кортес изъявил желание тотчас же отправиться к нему для

Кортес получает припасы, золото и двадцать невольниц.

переговоров. Желая задобрить воинственных чужеземцев, Теутиле приказал положить к ногам Кортеса богатые дары: красивые ткани, плащи из перьев и золотые украшения, которые сразу же возбудили жадность у европейцев. Чтобы дать «туземцам» представление о своем могуществе, Кортес приказал выстрелить из пушек. Грохот орудийного залпа привел индейцев в ужас.

Во время этого первого свидания с европейцами мексиканские художники тщательно зарисовывали на белой ткани испанские корабли, войско Кортеса, лошадей, борзых собак и все, что вызывало удивление у местных жителей. Эти рисунки делались по приказанию Монтекумы.

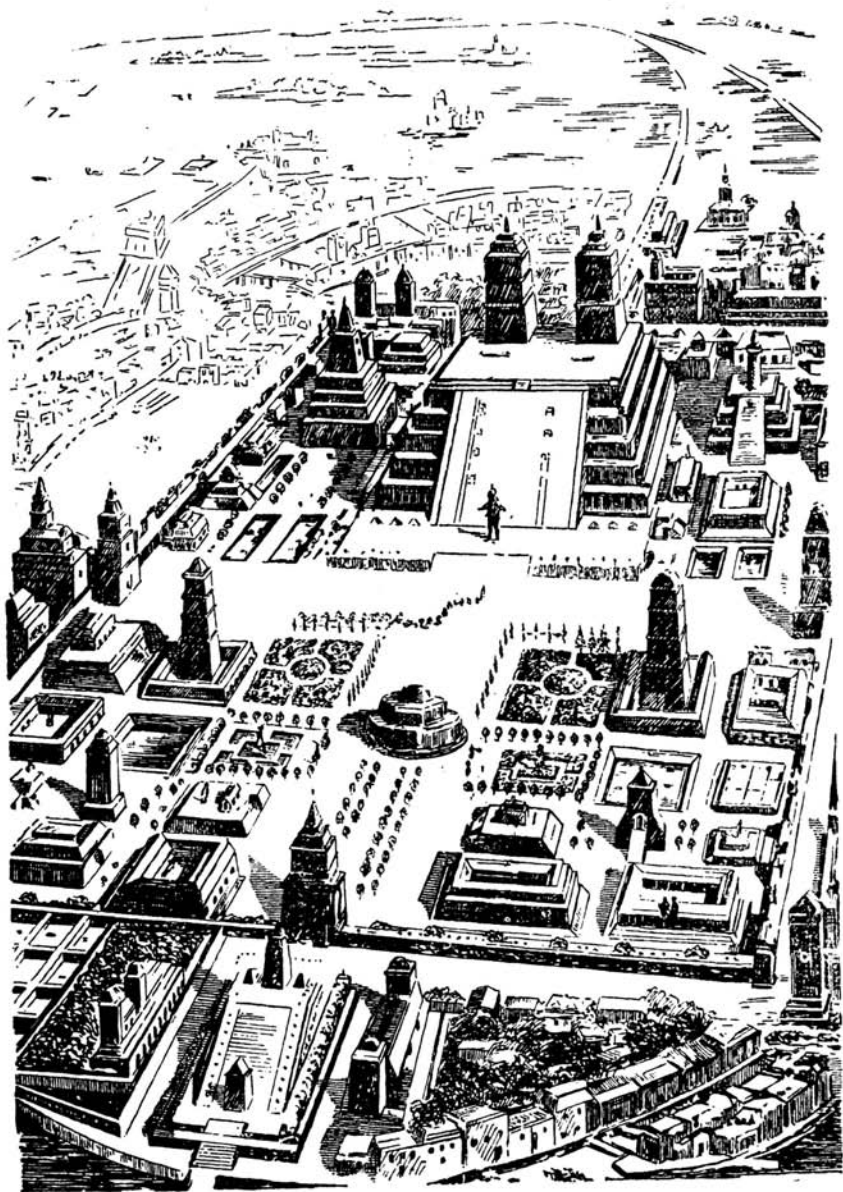
Но прежде чем перейти к рассказу о покорении Мексики Кортесом и его сражениях с ацтеками, следует сообщить некоторые подробности о самой империи Монтекумы, которая, несмотря на ее кажущееся могущество, уже таила в себе зародыши разложения и упадка. Этим и объясняется тот удивительный факт, что небольшая горстка авантюристов сумела завоевать обширную страну.

Та часть американского материка, которая подвластна была Монтекуме, носила название Анагуак и простиралась от 14° до 20° северной широты. Почти посреди этой империи расстилается живописная Мексиканская долина с необыкновенно плодородной почвой и прекрасными озерами, лежащая на высоте 7 500 футов над уровнем моря. Несмотря на то, что эта часть Мексики находится в тропическом поясе, Мексиканская долина отличается умеренным климатом. Здесь не бывает ни палящего зноя, ни нестерпимого холода. Круглый год здесь царит благодатная весна.

До нас дошло очень мало подлинных документов о народе, населявшем Мексиканскую долину в древние времена. Мексиканские летописи были сожжены невежественными конкистадорами и монахами-фанатиками, с ожесточением уничтожавшими все, что могло напоминать о традициях побежденного народа.

В начале седьмого века на плоскогорье Анагуак поселилось племя тольтеков. Это был смысленный народ, занимавшийся земледелием и ремеслами. Тольтеки искусно обрабатывали металлы; они возводили большие здания, развалины которых и теперь еще встречаются в Мексике.

После четырехвекового владычества тольтеки исчезли из этой страны так же таинственно, как и появились в ней. Спустя столетие на их место пришло с северо-запада дикое племя чичимеков, которое вскоре, в свою очередь, было вытеснено другими, более цивилизованными народами. Наиболее значительным среди этих народов были ацтеки. После многих десятилетий непрерывных войн и переселений ацтеки остановились в Мексиканской долине,

Теночтитлан с птичьего полета. (Реконструкция.)

где в 1325 году основали на островах горного озера свою столицу Теночтитлан. Цивилизация ацтеков, сначала ограничивавшаяся пределами Мексиканской долины, успела за одно столетие распространить свое влияние на запад до Атлантического океана и на восток — до Тихого.

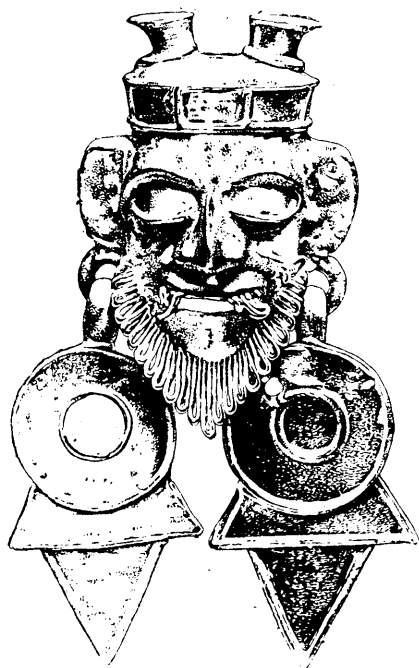
В короткое время ацтеки стали самым цивилизованным народом из всех племен Нового света. В Мексике существовало право собственности, процветала торговля, развивались ремесла, было установлено денежное обращение. Хорошо налаженная административная система и целая сеть курьерских постов, вполне отвечавших своему назначению, позволяли быстро передавать любые распоряжения из одного конца империи в другой. Красивые города, величественные дворцы, многочисленные храмы, крепости, мосты, акведуки, хорошие дороги — все это свидетельствовало о сравнительно высокой культуре ацтеков, вступавшей, однако, в резкое противоречие с их жестокими религиозными обрядами.

Среди ацтеков было распространено многобожие (полигеизм). Жрецы составляли значительную касту и пользовались большим влиянием даже в политических делах. Религия ацтеков включала в себя самые дикие и кровавые обряды. Ацтеки верили в очистительную силу человеческих жертвоприношений. Этот ужасный обычай получил особенно широкое распространение в XIV—XV веках, когда ацтеки ежегодно приносили в жертву своим богам до двадцати тысяч человек. Несчастные жертвы этого религиозного изуверства набирались большей частью из населения покоренных земель, которые приносили дань своим победителям не только деньгами и продуктами земледелия и ремесла, но и людьми. Иногда число жертв достигало громадной цифры. Известно, например, что в 1486 году при освящении нового храма в Теночтитлане за один только день было убито семьдесят тысяч военнопленных!

Древняя Мексика имела монархический образ правления; власть государя, или, вернее сказать, верховного вождя, вначале довольно ограниченная, усиливалась вместе с завоеваниями и вскоре приняла деспотический характер. Верховный вождь, он же одновременно верховный жрец, всегда выбирался из одного и того же рода, и его возведение на престол сопровождалось огромным количеством человеческих жертвоприношений.

Могущественный Монтесума принадлежал к жреческой касте, и при нем особенно окрепла и усилилась верховная власть вождя. Ведя с молодых лет завоевательные войны, он значительно расширил свои владения и поработил соседние племена; эти племена охотно переходили затем на сторону испанцев, полагая, что господство этих новых завоевателей будет менее тягостным и менее жестоким, чем владычество ацтеков.

Если бы Монтесума со своими силами напал на испанцев, когда последние находились в жаркой и нездоровой местности Веракрус, то, без сомнения, Кортес не выдержал бы натиска и был бы разбит, несмотря на превосходство своего оружия и дисциплинированность солдат. Если бы ацтеки использовали эту возможность, то завоевание европейцами Мексики могло бы отодвинуться на неопределенное время. Но тех качеств, какими в из-

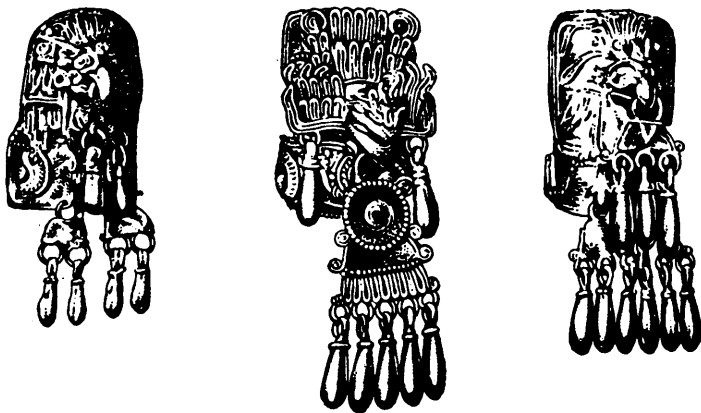

Древнемексиканское нагрудное украшение из золота.

бытке обладал Кортес, как раз и не доставало Монтесуме: он никогда не отличался способностью принимать быстрые и твердые решения.

Не осмелившись вступить в открытую борьбу с Кортесом, Монтесума отправил к нему послов с подарками и велел сообщить чужеземцам, что он просит их вернуться восвояси, так как путь в его столицу слишком далек и опасен.

Кортес, конечно, не удовлетворился таким ответом, а богатые подарки еще больше разожгли его алчность. Но оставаться дольше на нездоровом берегу, где свирепствовала болотная лихорадка,

Древнемексиканские золотые украшения.

было невозможно: уже тридцать испанцев умерло от этой страшной болезни. Положение становилось критическим. Среди испанцев начались раздоры. И тогда Кортес принял смелое решение.

Знаки для обозначения дней ацтекского календаря (сверху вниз и слева направо): Крокодил. — Голова смерти. — Обезьяна. — Коршун. — Ветер. — Олень. — Трава. — Движение. — Дом. — Кролик. — Тростник. — Кремневый нож. — Ящерица. — Вода. — Оцелот. — Дождь. — Земля. — Собака. — Орел. — Цветок.

Чтобы оградить свои корабли от нападения индейцев, он заложил на берегу крепость Веракрус, вокруг которой должен был затем вырасти целый город.

«Избрали мы управителей города, алькальдов и резидентов, на рынке водрузили позорный столб, а за городом построили виселицу. Так было положено начало новому городу», — пишет Берналь Диас.

Кортес предоставил городским властям широкие полномочия и заранее заручился от них грамотой, официально назначавшей его именем короля губернатором и верховным судьей новой колонии. Это высокое звание не только освобождало Кортеса от ответственности перед Веласкесом, но и давало ему право на получение двух пятых всей добычи. Кроме того, Кортес выделил лучший корабль и послал двух своих приближенных — Пуэртокарреро и Монтехо — в Испанию, с поручением доставить королю Карлу V письмо и образцы мексиканского золота. Этим Кортес хотел обеспечить себе благосклонность испанского двора.

Устроив таким образом свои дела, Кортес выступил в поход и вскоре достиг города Семпоала, где ему был оказан хороший прием и были вручены богатые дары. Касик племени тотонаков пожаловался Кортесу на притеснения, чинимые ацтеками. «Гнет так силен, что некуда двинуться, — говорил касик, — но никто не смеет противиться, зная, что Монтесума владеет множеством провинций и городов и несметным войском». Кортес заключил с этими индейцами союз и уговорил их отказаться платить дань Монтесуме. Мексиканские чиновники, прибывшие в это время за сбором дани, по приказанию Кортеса были обезоружены и взяты в плен.

Таким образом испанцам посчастливилось найти союзников в первые же дни высадки на мексиканское побережье. Но действия Кортеса связывало постоянное брожение в его собственном лагере. Сторонники Веласкеса организовали против Кортеса заговор и стремились захватить корабли, чтобы вернуться на Кубу. Видя, что ему предстоит непрерывная борьба с малодушными и заговорщиками, Кортес пошел на отчаянное средство. Он приказал вытащить на берег все суда и снять с них канаты, якоря и железные части под тем предлогом, что корабли пришли в полную ветхость и не могут больше служить. Тем самым путь к отступлению был отрезан и все участники экспедиции были поставлены перед необходимостью победить или умереть.

Не опасаясь более неповиновения или недостатка дисциплины в своем войске, Кортес 16 августа 1519 года оставил Семпоалу и выступил в поход к столице Мексики — Теночтитлану. Армия завоевателя состояла из четырехсот пехотинцев и пятнадцати всадников. На вооружении было семь маленьких пушек (фалько-

нетов), которые тащили индейцы. Кроме того, Кортес взял с собой тысячу триста индейских воинов из союзного племени тотонаков и тысячу носильщиков.

Уже на второй день Кортес достиг границы маленькой области Тлашкала, вольнолюбивое население которой, ненавидя всякую зависимость, не хотело платить дань Монтесуме. Кортес надеялся, что его обещание немедленно освободить индейцев от мексиканского ига поможет ему склонить тлашкаланцев на свою сторону и превратить их в союзников. Он отправил послов выговорить разрешение у тлашкаланского касика пройти через его страну, чтобы достигнуть Мексики. Но послы были задержаны, и тлашкаланцы выслали навстречу испанцам сильное войско. Тем не менее Кортес двинулся внутрь страны. В течение четырнадцати дней ему пришлось выдерживать непрерывные нападения тлашкаланских войск, общая численность которых достигала тридцати тысяч человек. Тлашкаланские индейцы обнаружили такую храбрость и стойкость, что привели в удивление испанцев, до сих пор не видевших ничего подобного в Новом свете.

Однако вооружение у тлашкаланцев было первобытное. Они располагали только деревянными копьями, мечами и стрелами с костяными наконечниками. К тому же и тактика у них была самая примитивная. Как могли они выстоять с таким вооружением против порохострельных орудий, металлических сабель и мечей? Когда тлашкаланцы увидели, что после всех сражений, стоивших жизни их самым храбрым воинам, у испанцев почти не было убитых, они приписали чужеземцам сверхъестественную силу. Оказала свое действие и необычная тактика Кортеса: пойманных лазутчиков он отсылал с отрубленными руками, но индейцев, захваченных в плен, не только не убивал, как это делали ацтеки после каждого сражения, а отпускал целыми и невредимыми, да еще с подарками.

После нескольких сокрушительных побед Кортес предложил тлашкаланцам мир, угрожая в противном случае истребить их всех до единого.

Между тем к Кортесу прибыли новые посланцы Монтесумы с подарками и с новым требованием воздержаться от похода на Теночтитлан, «так как путь этот далек, горист и безводен». Монтесума понадеялся было, что чужеземцы погибнут от мечей тлашкаланцев, а теперь ему приходилось опасаться за судьбу своего государства.

Побежденные тлашкаланцы пошли на все требования: признали себя данниками Испании и поклялись помогать Кортесу во всех его походах, а он, со своей стороны, обещал сказывать им покровительство и освободить их от власти ацтеков.

И в самом деле, мир пора уже было заключить. В лагере испан-

Монтесума, верховный властитель Мексики. Со старинной гравюры.

Кортес принимает тлашкаланских правителей, несущих подарки. Рядом с ним переводчица Марина. (Рисунок из древнемексиканской рукописи.)

цев положение было далеко не блестящим: многие были ранены, остальные страдали от болезней, голода и переутомления. Последовавшее затем триумфальное вступление в Тлашкалу, где испанцы были встречены, как некие сверхъестественные существа, помогло им довольно быстро собраться с силами.

После двадцатидневного отдыха в этом городе Кортес повел на Мехико всю армию, пополнившуюся щестью тысячами тлашкаланских воинов. По дороге он посетил Чолулу, священный город ацтеков, где находился храм одного из мексиканских богов — Кецалькоатля. Сюда из разных мест Мексики стекались паломники на поклонение этому божеству.

Монтесума был очень рад этому обстоятельству, потому ли, что он надеялся, что боги сами отомстят испанцам за оскорбление святынь, или потому, что рассчитывал на бунт и резню, которые могли быть легко вызваны с его помощью в этом многолюдном городе. Но радость Монтесумы была недолгой.

[illegible]

АЦТЕКИ называли главнейших туземных племенных групп

АЦТЕКИ названий славнейших туземных племенных групп

↑

главнейшие направления передвижений

СОЮЗ СОВРЕМЕННЫЕ НАУКА И ШТАТОВ

Мексика перед испанским завоеванием.

Тлашкаланцы своевременно предупредили Кортеса, чтобы он не особенно доверял выражениям дружбы и преданности жителей Чолулы. Не желая сворачивать с прямого пути и обнаруживать малейший страх, отважный завоеватель быстро занял несколько кварталов и расположился лагерем почти в самом центре города. Кортес принял меры предосторожности, а Монтесума тем временем готовил ему западню.

Тлашкаланцы разведали, что женщины и дети удалены из города; Марина в свою очередь узнала от одной местной жительницы, что у противоположных ворот Чолулы сосредоточился большой отряд. Вскоре стало известно и о других приготовлениях противника: улицы были перегорожены рвами и земляными насыпями; на крышах и балконах были навалены груды камней. Монтесума уже отдал приказ уничтожить всех чужеземцев и стягивал к Чолуле свои силы.

Тогда Кортес предупредил нападение врагов решительными действиями: он велел захватить в плен всех жрецов Чолулы и приказал своим солдатам устроить в городе поголовную резню. Страшное избиение чолуланцев не прекращалось на протяжении двух дней и ночей. С помощью своих союзников из Тлашкалы, которые находились во вражде с Чолулой, испанцы перебили и заживо сожгли не менее шести тысяч человек, разрушили храмы, наполовину сравняли с землей и разграбили цветущий город. Этот устрашающий пример не мог не подействовать на Монтесуму и его подданных.

После падения Чолулы подвластные Монтесуме племена встречали Кортеса как освободителя. Не было ни одного касика, который не жаловался бы на деспотизм ацтеков, и это позволяло Кортесу надеяться, что ему не особенно трудно будет завоевать разрозненную империю.

После двухнедельного пребывания в Чолуле Кортес отпустил своих союзников-тлашкаланцев домой с богатой добычей, а сам вместе с войском стал подниматься на горные хребты, отделяющие нынешнюю Пуэблу от Мехико.

По мере того как испанцы спускались с гор в Мексиканскую долину, перед их изумленными взорами раздвигалась великолепная панорама: голубые озера, окруженные прекрасными городами, отлично возделанные поля, а посреди цветущей долины — величественная столица, построенная на островах, в центре большого озера.

Изумление испанцев еще больше возросло, когда они попали на главную дорогу к столице: «Всюду возвышались башни и храмы, могучие строения из камня — то на земле, то на воде. Никогда ни о чем подобном не мечтали мы даже во сне», — пишет Берналь Диас.

Монтесума. С портрета, написанного по приказанию Кортеса.

Ожидая всяких сюрпризов со стороны нерешительного Монтесумы, который до последней минуты не знал, как ему встретить чужеземцев, — как врагов или как друзей, — Кортес направился к плотине, ведущей через озеро в Теночтитлан. Он был уже на расстоянии одной мили от города, когда его встретили знатные ацтеки в богатых одеждах. Торжественно приветствуя Кортеса, они возвестили его о приближении государя

Вскоре появился и сам Монтесума в украшенном золотом и перьями паланкине, который несли его сановники. По мере продвижения процессии ацтеки, собравшиеся огромными толпами вдоль дороги, падали ниц и зажимали глаза, как бы выражая этим уничижительным жестом, что они недостойны даже лицезреть своего обожаемого монарха.

«При нашем приближении, — рассказывает Диас, — он поднялся, и сейчас же склонился спины, и самые высшие касики схватили его под руки и как бы снесли на землю, а над ним возвышался балдахин, ослепительно сверкавший золотом и драгоценными камнями, от которого нельзя было оторвать глаз. Одевание великого монарха было столь богатым, что даже мягкие полуса-

пожки усыпаны были камнями и жемчугом, а подошва, говорят, была из чистого золота».

Первое свидание было вполне дружественным. Монтесума лично проводил гостей в отведенное для них помещение. Это был обширный дворец, обнесенный каменной стеной и защищенный высокими башнями. Кортес не замедлил, однако, занять оборонительную позицию: он приказал поставить часовых и выставить у ворот пушки.

«Дворец состоял из множества поместительных зал, — сообщает Берналь Диас, — и покои Кортеса сплошь были покрыты дорогими коврами; но и нас не забыли — наши постели с новыми матрасами, подушками, блестящими одеялами и занавесями, были таковы, что на них могли бы покоемиться принцы. Все блестело чистотой и богатыми украшениями».

При вторичном свидании Кортесу и его солдатам были поднесены великолепные подарки. Суеверный Монтесума рассказал чужеземцам, что, по преданию, родоначальники ацтеков пришли в эту страну под предводительством белого бородатого человека. Основав эту державу, этот властитель, которого ацтеки считали богом и называли Кецалькоатлем, отплыл за океан, предсказав, что наступит время, когда с востока явятся его, Кецалькоатля, потомки и преобразуют в стране законы. И вот, если теперь Монтесума принимает испанцев как дорогих гостей, то только потому, что видит в них потомков своего древнего бога и протца.

На следующий день Кортес с несколькими офицерами и с Мариной нанес ответный визит Монтесуме и, изложив основные положения христианского вероучения, стал настойчиво уговаривать мексиканского монарха «обратиться в истинную веру». Но Монтесума ответил, что боги его страны всегда были милостивы к нему и у него нет никаких оснований менять свою веру на новую.

Следующие дни были посвящены осмотру столицы. Теночтитлан оказался весьма многолюдным и необыкновенно красивым городом, поразившим испанцев своими прекрасными дворцами, величественными храмами, великолепными парками и садами. Улицы, мощенные мраморными плитами, ежедневно поливались и были безукоризненно чисты. Теночтитлан был самым большим городом в Америке, да и в Европе лишь немногие города могли выдержать сравнение с ним.

Кортес пожелал осмотреть главный рынок. Вот как его описывает Берналь Диас: «Сильно мы удивились и громадной массе народа, и неслыханным гудам всякого товара, и удивительному порядку всюду и во всем. . . Прежде всего, нужно сказать, каждый товар имеет свое особое место. И вот, в первую очередь,

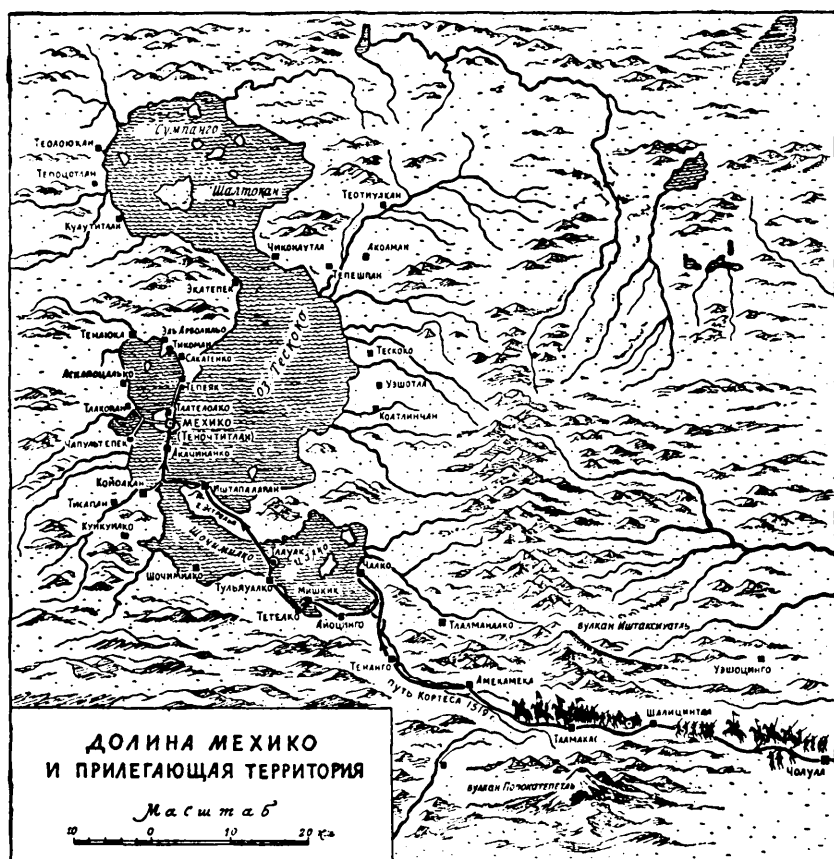
мы попали к ювелирам, золотых дел мастерам, продавцам дорогих тканей, а также рабов и рабынь; рабский рынок был нисколько не меньше португальского рынка гвинейских негров; невольники имели на себе ошейники, которые прикреплены были к длинным, гибким шестам, очень немногие лишь могли двигаться свободно.

Затем следовали ряды более грубого товара: бумажной пряжи и материи, ниток, какао, плетеной обуви, сладких местных корешков, всяких шкур и кож, сырых и дубленых, и т. д. и т. д., точно на ярмарке в Медина-дель-Кампо, моем родном городе. А там, смотришь, теснятся лари со съестными припасами — овощами, салатами, разной живностью, фруктами, колбасами, сладкими пирожками, медом. Совсем близко стояли горшечники, разный щепной товар, затем столы, скамьи, колыбели. А дальше шел, говорят, дровяной и угольный рынок. . . Но глаза наши уже устали, да и немислимо было все обозреть без остатка. Ведь достаточно сказать, что в Мексике ничего не пропадало и все считалось товаром: даже человеческие отбросы собирались и перевозились куда нужно, ибо употреблялись в производстве, например, кожанном. Вижу, что читатель улыбается, но это именно так, как я говорю: недаром в Мехико везде были уборные, особо для этого построенные, укромные. Да, ничто в этом городе не пропадало даром! . .

Впрочем, всего не перечтешь, что было на этом величайшем в мире рынке. Достаточно указать еще, что в особом месте продавалась «аматл», то есть здешняя бумага, в другом — искусные изделия для особого курения, «табаки», далее — благовония разные, пахучие мази и притирания, далее — великое множество семян, отдельное место для продажи соли, отдельный ряд для изготовления кремневых инструментов, для инструментов музыкальных и т. д. и т. д. — без конца. Все битком набито народом, но везде порядок, да и на самом рынке был суд с тремя судьями и многими подсудками; суд этот наблюдал за качеством товаров, а также решал все распри.

Наконец, чтобы не забыть, еще одно: уже близко к большому храму, на краю рыночной площади, помещалось множество продавцов золотого песка, который хранился в костяных, весьма тонких, почти прозрачных трубках. Трубка определенной величины и являлась здешней единицей обмена. . .»

Теночтитлан находился на высоком плоскогорье. Многочисленные каналы и плотины, соединявшие различные части города, были перерезаны подъемными мостами и шлюзами для свободного прохода судов, бороздивших озеро во всех направлениях. С восточной стороны плотин не было, и связь осуществлялась с помощью лодок.

Долина Мехико.

Такое расположение города сильно беспокоило Кортеса, так как он понимал, что ацтеки легко могли атаковать испанцев и отрезать им отступление, разобрав и разрушив мосты. Чтобы предотвратить всякое неожиданное восстание, Кортес решил сделать Монтесуму своим заложником. Повод к этому вскоре представился. Один индейский касик, вассал Монтесумы, напал на испанцев, оставленных Кортесом в городе Семпоала. Этот касик перебил весь небольшой гарнизон во главе с командиром Эскаланте и приказал носить головы убитых испанцев из города в город, чтобы доказать, что чужеземцы могут быть побеждены и что они — не боги, а простые смертные.

Кортес не преминул воспользоваться этим печальным собы-

тем, чтобы обвинить императора в измене. Он заявил Монтесуме, что если тот и оказал ему и его солдатам хороший прием, то только лишь затем, чтобы найти подходящий случай расправиться с ними так же, как его подданные расправились с Эскаланте, а такое двуличие недостойно монарха и не оправдывает доверия, с каким отнеслись к нему белые люди. Впрочем, если его, Кортеса, подозрения неосновательны, то император имеет прекрасный случай сурово наказать ослушников, осмелившихся поднять руку на испанцев. Наконец, чтобы исключить возможность дальнейших нападений, которые могут окончательно нарушить дружеские отношения, установившиеся между испанцами и ацтеками, и чтобы последние убедились, что их император не питает к испанцам никаких дурных чувств, Монтесуме не остается ничего другого, как поселиться вместе со своими гостями в отведенном для них дворце.

Разумеется, Монтесума не хотел соглашаться на это требование, но в конце концов ему пришлось уступить наглости и угрозам. Опасаясь за свою жизнь, он волей неволей должен был перейти во дворец к Кортесу. Чтобы оправдать перед своими подданными такое странное решение, Монтесума должен был несколько раз повторить, что он охотно и совершенно добровольно передает себя в руки испанцев, что побуждает его к этому чувство гостеприимства. Монтесуме стоило большого труда успокоить своих подданных, которые готовы были в любую минуту наброситься на чужеземцев.

Когда этот смелый дипломатический ход сверх всякого ожидания блестяще удался Кортесу, он настолько приободрился, что решил примерно наказать убившего испанцев касика и других виновников восстания. Все они были схвачены и переданы на суд и расправу испанцам, одновременно выступившим в роли судей, истцов и палачей.

Судебное разбирательство было коротким. Кортес и его приближенные осудили виновных к сожжению на костре перед дворцом императора, причем в качестве топлива для костра Кортес потребовал у Монтесумы запас деревянных копий, стрел и дротиков, хранившихся в арсенале. Так Кортесу удалось уничтожить значительную часть оружия ацтеков.

Но и этого ему было мало: чтобы еще больше устрашить ацтеков, он подвел Монтесуму к пылающим кострам, на которых корчились в предсмертных муках семнадцать участников восстания, и приказал надеть императору на руки железные цепи в виде наказания за соучастие в преступлении, которое было совершено якобы по его приказанию. Гордый Монтесума чувствовал себя настолько униженным и был так убит этим страшным зрелищем, что несколько не сопротивлялся позорному церемониалу и поблагода-

рил Кортеса за доброту, когда тот собственноручно снял с него после казни оковы.

«Казнь военачальников, — повествует Берналь Диас, — произвела свое полное действие. Молва об этой неслыханной расправе быстро распространилась по всей Новой Испании. Прибрежные племена вновь покорились нам и покорно исполняли все приказы из Веракруса. . .

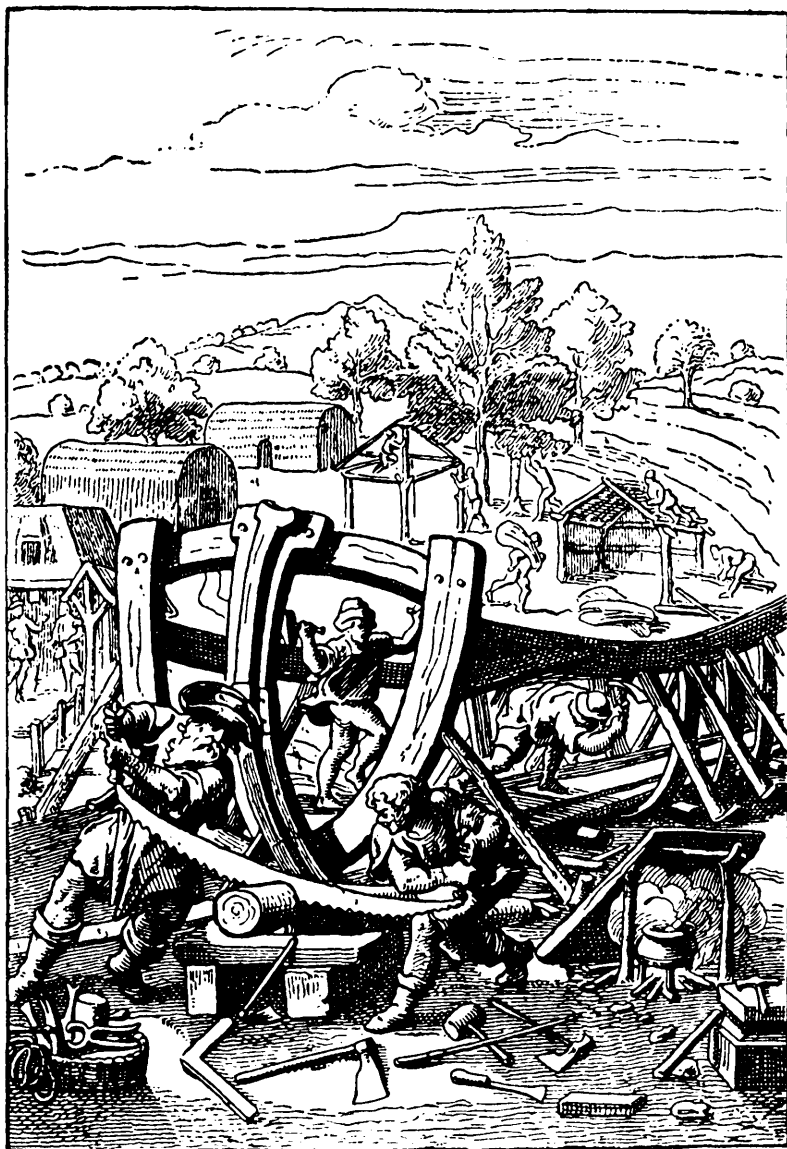
Стар я теперь, а события того времени живой стеной теснятся вокруг меня! Да и где это было слыхано, чтобы 400 воинов, в 1400 часах от родины, сперва уничтожили свои корабли — единственное средство их спасения; затем двинулись бы в громадную укрепленную столицу врага, хорошо зная, что именно там он им готовит верную смерть; затем пленили бы местного властителя, выхватив его из собственного дворца, охраняемого тысячами людей; затем публично казнили бы его генералов, а самого его держали бы в цепях! Великое это чудо!»

Кортес продолжал действовать, не теряя времени. Якобы затем, чтобы угодить Монтесуме, выразившему пожелание увидеть европейские корабли, он распорядился доставить из крепости Веракрус имевшиеся там снасти и железные части судов и приказал построить в Теночтитлане две каравеллы, с помощью которых он хотел держать под контролем сообщение между разными частями города.

Постепенно Кортес настолько упрочил свою власть и так запугал нерешительного императора, что пошел еще дальше в своих требованиях, предложив Монтесуме признать себя вассалом и данником испанского короля. Монтесума вынужден был принести присягу в верности, которая повлекла за собой новые, еще более богатые дары и значительную контрибуцию, собранную, впрочем, без особого труда. Все золото и серебро, которое Кортес обнаружил в тайной кладовой Монтесумы, не считая всевозможных подарков и дани, он приказал переплавить в слитки, сохранив в целости только некоторые изделия самой тонкой рабсты.

Надо заметить, что хотя общее количество переплавленного золота составило сумму, превысившую 600 000 песо, что было по тем временам большим богатством, Кортеса это никак не удовлетворило. Несмотря на то, что испанцы пустили в ход всю свою силу, заставив Монтесуму исчерпать свои сокровищницы, добыча оказалась завоевателям почти ничтожной; во всяком случае, она не имела ничего общего с тем представлением о сказочных сокровищах Мексики, какое заранее составил себе Кортес.

Когда отложили пятую часть королю, две пятых — Кортесу и вычли сумму, потраченную на снаряжение флотилии, то на долю каждого солдата досталось не более ста песо. Испытать столько

Испанцы строят каравеллу. Со старинной гравюры.

трудов, подвергнуться таким страшным опасностям, вынести столько лишений — и все это ради несчастных ста песо!

Деlež производился строго по рангам. Каждый офицер стремился урвать для себя как можно больше, да и сам Кортес, по-видимому, выделил себе чересчур щедрую долю, так как куча золота заметно уменьшилась еще до того, как приступили к дележу.

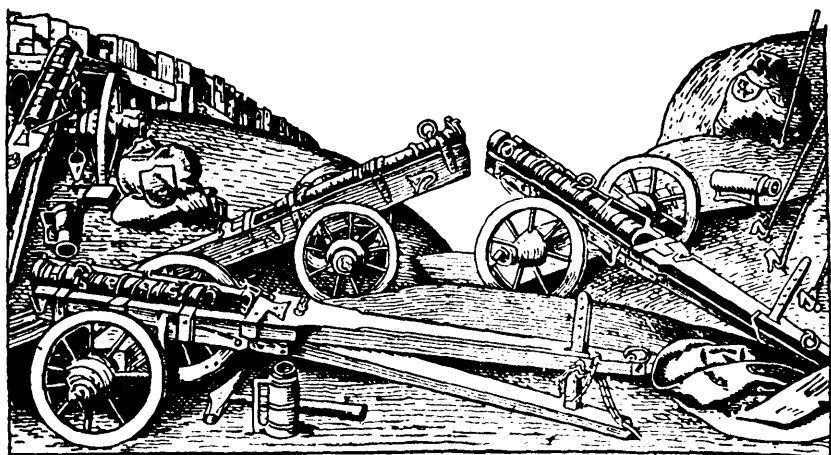
«Когда же, после стольких надувательств,— рассказывает Берналь Диас, — очередь дошла до нас, остальных солдат, по расчету — один пай на человека, то этот пай был столь мизерен, что многие его даже не брали, и тогда, конечно, их доля тоже шла в карман Кортесу! . .

Разумеется, тогда мы должны были молчать, ибо кому же было жаловаться на обман и у кого требовать справедливости! К тому же Кортес не жалел ни ласковых слов, ни обещаний, и наиболее опасным крикунам ловко умел затыкать рот сотней другой».

Все еще не отказываясь от намерения обратиться к Монтеесу в христианскую веру, Кортес старался убедить его в преимуществах своей религии. Но если Монтеесу было уступчиво во всем, что касалось политики, то он решительно не желал отречься от своих богов. Когда Кортес захотел опрокинуть мексиканских идолов, как это он уже сделал однажды на острове Косумель и в Семпоале, население отнеслось к поруганию святынь с такой нескрываемой враждебностью, что Кортес, опасаясь мятежа, вынужден был оставить свои планы. Но повод был уже дан. Ацтеки, принявшие почти безропотно унижительное пленение верховного вождя, решили отомстить испанцам за своих оскорбленных богов и стали готовиться к общему восстанию против ненавистных завоевателей.

В то время как дела испанцев в Мексике резко ухудшились, Кортес получил сообщение, что около гавани Веракрус крейсируют какие-то корабли. Сначала Кортес обрадовался, решив, что это флотилия, посланная ему на помощь королем Карлом V в ответ на письмо, отправленное 26 июля 1519 года из Веракруса вместе с золотом на корабле Монтехо и Пуэртокарреро. Но радость оказалась преждевременной. Флотилия была снаряжена не королем, а Диего Веласкесом, успевшим выхлопотать себе у архиепископа Фонсеки, председателя Индийского совета, разрешение выслать против Кортеса карательную экспедицию, которой было поручено низложить его, захватить в плен и доставить на Кубу, где он должен был предстать перед уголовным судом.

Флотилией командовал генерал Панфило де Нарваес. На восемнадцати судах находилось около полутора тысяч человек, среди них — восемьдесят кавалеристов, девяносто арбалетчиков, семьде-

Артиллерия времен Кортеса. С гравюры XVI века.

сят мушкетеров. На вооружении было около двадцати фальконетов с большим запасом ядер и пороха.

Нарваэс беспрепятственно высадился возле форта Сан-Хуан-де-Улуа и отправил нарочных к Сандовалью, командиру гарнизона Веракрус, с требованием передать ему город. Сандоваль задержал посланцев Нарваэса и отправил их под конвоем в Теночтитлан. Кортес обласкал пленников и тотчас же освободил их, а затем без труда выведал от них, как велики силы и каковы намерения Нарваэса. Положение было критическим, так как Нарваэс уже высадился на берег и через несколько дней мог войти в Теночтитлан. Кроме того, на его стороне было явное превосходство сил и вооружения.

Оценив обстановку и взвесив все за и против, Кортес, несмотря на неблагоприятные обстоятельства, предпочел принять сражение. Лучше было пойти на риск, чем пожертвовать без сопротивления всеми своими завоеваниями из-за самодурства Веласкеса.

Чтобы оттянуть время и попытаться, кроме того, внести смуту в ряды противника, Кортес послал к Нарваэсу своего капеллана Ольмедо, но принят тот был очень дурно, и все его мирные предложения были с презрением отвергнуты. Гораздо больший успех имел Ольмедо среди солдат. Он раздавал им золотые цепочки, кольца и другие ценные подарки, что сразу же расположило их в пользу Кортеса и его баснословных, по словам Ольмедо, богатств. Узнав об этом, Нарваэс пришел в ярость, но дело уже

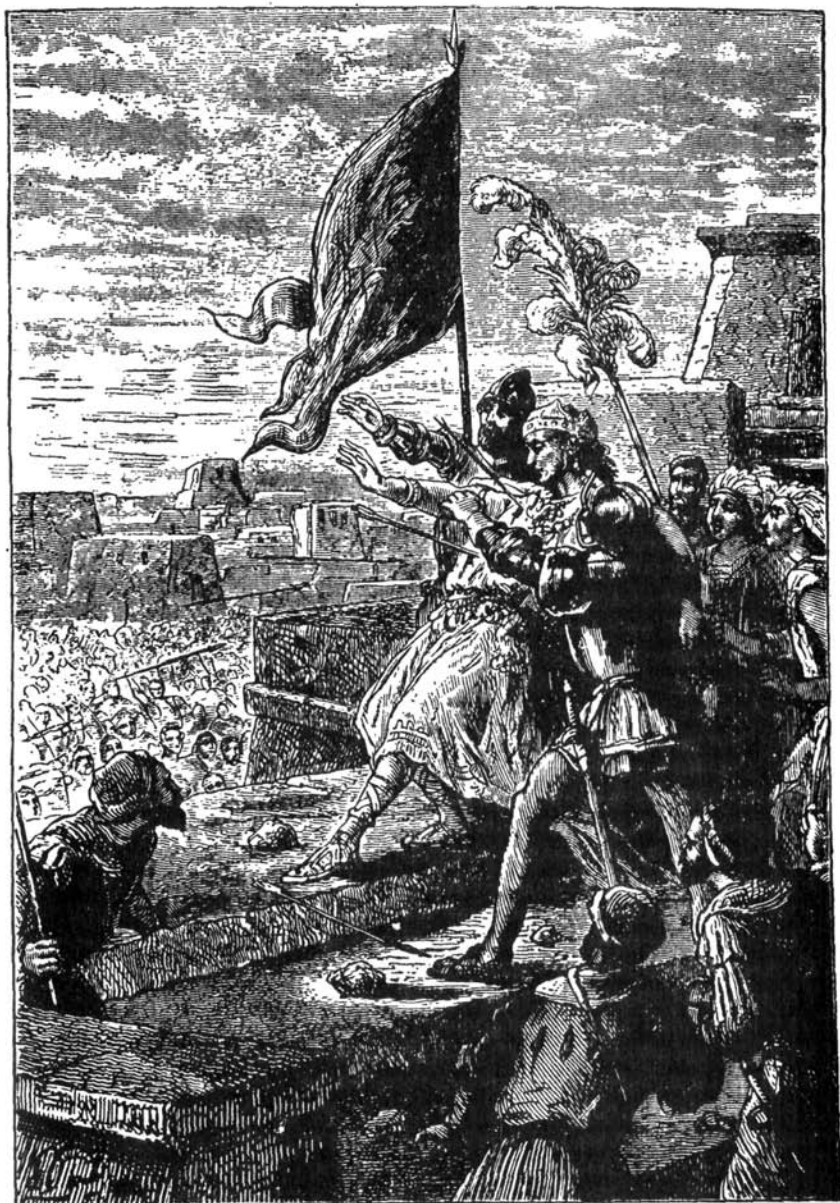

Испанцы и тлашкаланцы сражаются с ацтеками. Рисунок из древнемексиканской рукописи.

было сделано: расчет оказался безошибочным, и популярность Кортеса возросла.

Тогда Нарваэс начал действовать. Назначив цену за голову Кортеса и его главных сообщников, он двинулся в наступление. Но Кортес был не таков, чтобы вступать в сражение при неблагоприятных условиях. Он все время уклонялся от встречи с противником, утомлял его, засылал в лагерь Нарваэса лазутчиков, которые следили за каждым его шагом, и, наконец, когда Нарваэс укрылся со своим войском в Семпоале, Кортес совершил неожиданное ночное нападение. После короткой схватки Нарваэс был тяжело ранен — удар копьем пришелся ему в левый глаз — и попал в плен, а его солдаты тотчас же перешли на сторону Кортеса, который потерял в эту ночь только двух человек.

Таким образом, Кортес неожиданно для себя не только вышел победителем, но и приобрел сильное подкрепление. Этим резким

Монтесума был ранен несколькими стрелами.

поворотом счастья он обязан был главным образом своему дипломатическому искусству.

Но торжество Кортеса было омрачено известием, полученным из Теночтитлана. Войска, оставленные там под начальством Альварадо для охраны сокровищ и пленного императора, находились в самом отчаянном положении. Воспользовавшись отсутствием Кортеса, ацтеки восстали и напали на испанский гарнизон. Многие солдаты были убиты, другие ранены, а оставшиеся в живых подвергались непрерывной осаде.

Следует, впрочем, сказать, что это давно уже назревшее восстание, которое Кортес старался предотвратить, было вызвано преступным поведением Альварадо. Во время религиозного празднества ацтеков он «устроил, — по словам Берналя Диаса, — кровавую баню, желая овладеть богатыми украшениями, какие нацепили на себя мексиканцы по случаю священного танца».

Кортес поспешил в Теночтитлан во главе своего отряда, усиленного двумя тысячами тлашкаланцев. 24 июня 1520 года он во второй раз вступил в этот город и успел прибыть до того, как ацтеки приступили к разрушению мостов и плотин, соединявших столицу с твердой землей. Несмотря на усиление гарнизона, положение осажденных испанцев не улучшилось. Ежедневно им приходилось отражать атаки и делать вылазки, чтобы очищать дороги на подступах ко дворцу.

Теперь Кортес понял, какую он совершил ошибку, расположившись в городе, где ежеминутно ему грозило нападение и откуда было так трудно выбраться. Он обратился к Монтесуме, прося его воздействовать на восставших, чтобы заключить перемирие или хотя бы выговорить срок для отхода испанцев из столицы. Несчастный император поднялся на дворцовую стену и стал убеждать своих подданных сложить оружие. В ответ на это в толпе ацтеков раздались ропот и угрозы. Когда Монтесума призвал затем восставших помириться с испанцами, негодование ацтеков возросло до крайних пределов, и, прежде чем солдаты Кортеса успели прикрыть Монтесуму своими щитами, он был ранен несколькими стрелами и опрокинут навзничь ударом камня в голову.

Устрашенные преступлением, которое они только что совершили, ацтеки разбежались, и площадь перед дворцом опустела. Император же, поняв слишком поздно, какую отвратительную роль он выполнял, очутившись в руках Кортеса, сорвал со своих ран повязки, отказался от всякой пищи и умер, проклиная испанцев.

После смерти Монтесумы нечего было и думать о примирении с ацтеками. Нужно было во что бы то ни стало вырваться из этого города, где испанцам грозила продолжительная осада и го-

Штурм цитадели испанцев.

лодная смерть. Кортес это прекрасно понимал и отдал приказ втайне готовиться к отступлению.

С каждым днем атаки ацтеков становились все более яростными, и Кортесу самому приходилось с мечом в руке сражаться рядом со своими солдатами. Испанский историк Антонио де Солис рассказывает даже, что при одном нападении на квартал, в котором засели испанцы, двое молодых ацтеков, узнав Кортеса по его зычному голосу, решили пожертвовать собой, чтобы уничтожить виновника бедствий их страны.

Приблизившись к нему с видом побежденных, собирающихся просить пощады, они схватили Кортеса и стали пробиваться сквозь ряды войск, надеясь отделить его от испанцев. Но, благодаря своей силе и исключительной ловкости, Кортес сумел освободиться из объятий этих храбрецов, и оба ацтека пали жертвой своей благородной попытки спасти родину.

Вопрос об отступлении был уже решен, и оставалось только выбрать день или ночь. Днем было бы легче противостоять неприятелю, наблюдать за его маневрами, восстанавливать разрушенные мосты. Вместе с тем было известно, что индейцы очень редко решаются нападать после захода солнца, и в этом Кортес не мог не усмотреть для себя большого преимущества. Но принять окончательное решение его побудило предсказание одного солдата, занимавшегося астрологией, который уверял своих товарищей, что отступление будет успешным только в том случае, если оно произойдет ночью.

Дождавшись безлунной ночи, испанское войско вышло из крепости. Кроме испанских солдат, под начальством Кортеса находились отряды туземцев — союзников из Тлашкалы, Смпоалы и Чолулы, — общей численностью, после всех понесенных ими потерь, до семи тысяч человек. Гонсало де Сандоваль командовал авангардом, Кортес находился в центре с обозами, пушками и пленными, среди которых были сын и две дочери Монтесумы и некоторые другие знатные ацтеки; Педро де Альварадо и Веласкес де Леон вели арьергард с главными силами пехоты. Отступающие взяли с собой переносный мост, чтобы переправляться через каналы и разрушенные плотины.

Испанцы бесшумно шли по темным, безлюдным улицам мексиканской столицы, погруженной, казалось, в глубокий сон. Но едва они достигли внешней плотины и стали наводить переправу, как со всех сторон были атакованы плотными рядами неприятельских войск; в то же время по обеим сторонам разрушенной плотины сгрудилось бесчисленное количество лодок с ацтеками, осыпавшими испанцев градом камней и стрел. Ошеломленные, растерянные завоеватели и их союзники-индейцы не знали, с какой стороны защищаться.

Представьте себе такую картину. Наскоро переброшенный деревянный мост погружается в воду под тяжестью орудий и людей. Скученные на узкой плотине, не имея возможности пустить в ход огнестрельное оружие, лишенные поддержки кавалерии, которой не хватает места, смешанные с ацтеками, теснящими их грудь к груди, окруженные со всех сторон, испанцы и их союзники начинают уступать численному превосходству ацтеков, все время получающих свежие подкрепления. Начальники и солдаты, пехотинцы и всадники, испанцы и тлашкаланцы — все смешивается в одну кучу: каждый защищает только самого себя, не заботясь о дисциплине и об общем спасении.

Казалось бы, все погибло. Но Кортесу с сотней солдат удается перебраться через пробитую плотину по груде заваливших ее трупов. Кортес устанавливает солдат в боевом порядке и врзается вместе с ними в самую гущу сечи. Среди ацтеков начинается смя-

Кортес в битве у Отумбы.

тение. Этим пользуются испанцы: оставшиеся в живых преодолевают плотину; но через несколько минут новые силы мексиканцев прибывают на место боя, и резня продолжается с еще большим ожесточением. Только на рассвете уцелевшим испанцам удастся добраться до берега и соединиться в Тлакупе, селении неподалеку от Теночтитлана.

Так закончилась эта «ночь печали» — «*noche triste*», как называли ее испанцы.

Со слезами на глазах Кортес сделал смотр своим силам. Потери были огромны. Погибло около пятисот испанцев и четыре тысячи индейцев-союзников. Были убиты почти все лошади. Большая часть добычи, золото, все пушки, все припасы и провизия, все бумаги Кортеса и его дневник, который он тщательно вел со дня отплытия с Кубы, — все это осталось на дне озера. Пленники и заложники погибли или бежали. В числе убитых оказались самые лучшие офицеры и солдаты, а из уцелевших ни один офицер и ни один солдат не избежал ранения.

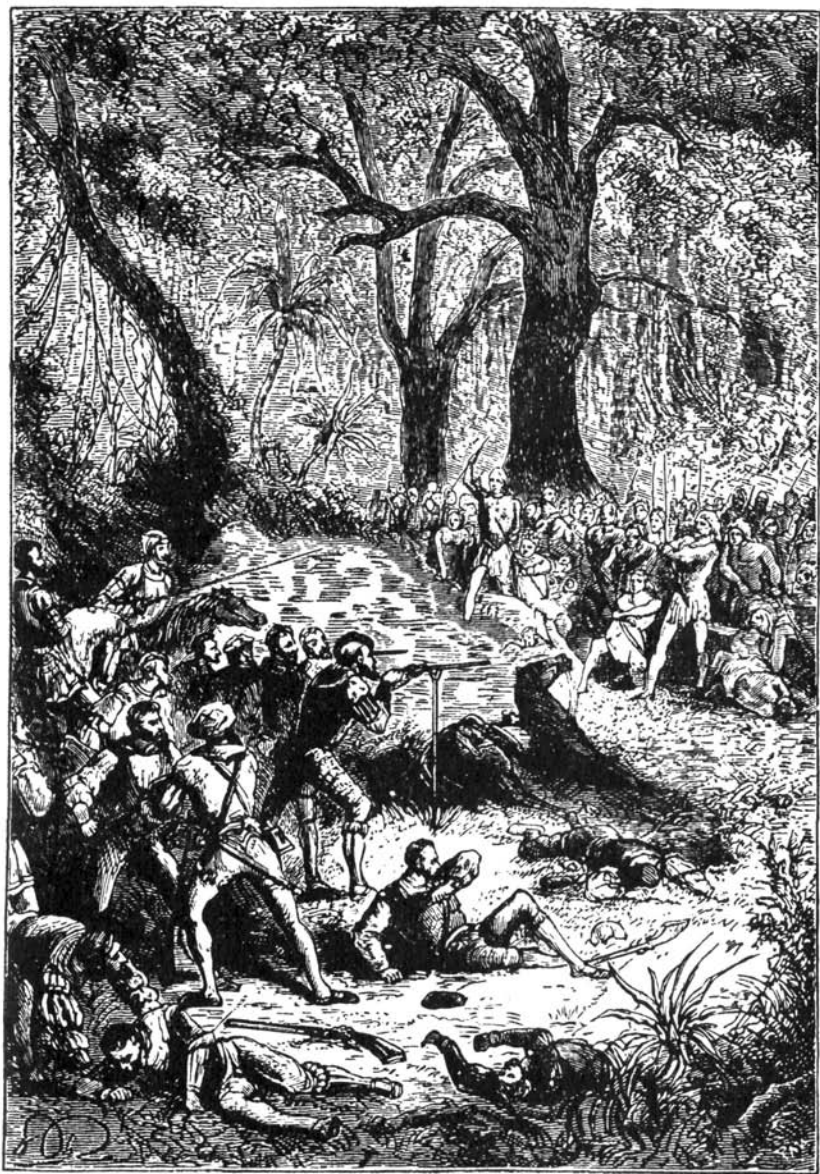
Не останавливаясь в Тлакупе, испанцы направились наудачу по направлению к Тлашкале, не зная, что их там ждет. Преследуемые по пятам ацтеками, они вынуждены были снова принять сражение: оно произошло в долине Отумбы, причем вражеская армия насчитывала, как утверждают кастильские историки, до двухсот тысяч человек. С несколькими всадниками Кортесу удалось опрокинуть все, что было на его пути, и прорваться в центр неприятельского войска, где находились самые знатные ацтеки, которых легко было отличить по одежде, украшенной золотистыми перьями. Кортес стремительным ударом копья поверг на землю главного мексиканского военачальника Сидакко, а молодой испанский идадьго по имени Хуан де Саламанка добил его мечом и перedal Кортесу предводительский жезл убитого. Видя гибель своего генерала, ацтеки, охваченные паническим страхом, бросились враспынную с поля боя.

«Никогда еще испанцы не подвергались большей опасности, и без звезды Кортеса, — говорит американский историк Прескотт, — ни один не пережил бы этого дня, чтобы поведать потомкам о кровопролитной битве в долине Отумбы».

Добыча, захваченная испанцами, была значительна и отчасти могла вознаградить их за потери, понесенные при отступлении из Теночтитлана. Она была тем значительнее, что в неприятельскую армию влились со своими отрядами знатные воины. Заранее уверенные в победе, они вырядились в свое лучшее платье и надели на себя самые лучшие драгоценности.

Через несколько дней испанцы вступили на тлашкаланскую землю.

«Я хочу обратить внимание на тот факт, — говорит Берналь

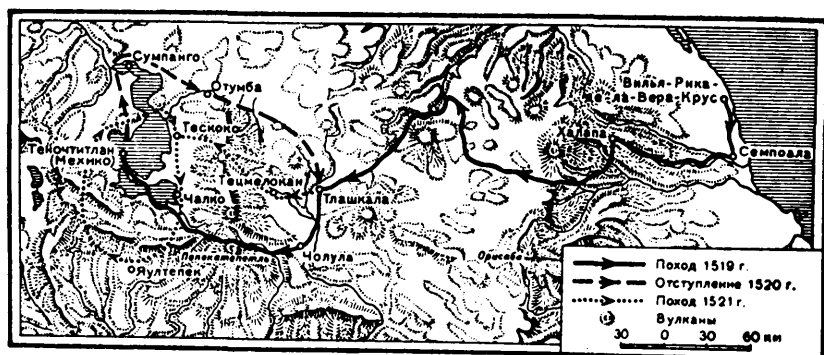
Сражение испанцев с ацтеками.

Диас, — что когда мы пришли в Мехико на помощь Альварадо, нас было всего до тысячи трехсот человек; сюда входило девятью семь всадников, восемьдесят арбалетчиков и столько же мушкетеров, тлашкаланцев было с нами больше двух тысяч человек, и было у нас много пушек. Наше вторичное вступление в Мехико произошло в Иванов день 1520 года, а наше отступление — 10 июля. Памятное сражение у Отумбы последовало 14 того же месяца. Теперь же я должен приступить к горькому повествованию о великих наших потерях как в Мехико, при переходе через плотины и мосты, так и в других сражениях — у Отумбы и по дорогам. Я утверждаю, что за пять дней мы потеряли восемьсот семьдесят человек, включая в это число и семьдесят два солдата, убитых вместе с пятью кастильскими женщинами в селении Тустепека; в то же время мы потеряли тысячу двести тлашкаланцев; наконец, в дороге убит был Хуан де Алькантара с тремя товарищами, везшими причитающуюся им долю золота в Веракрус. Да, коль хорошенько вдуматься, мало нам было радости от этого золота! Если из войска Нарваэса пало больше людей, чем из войска Кортеса, то это потому, что первые пустились в путь, нагруженные золотом, что мешало им плавать и выбираться из траншей».

Вся армия Кортеса состояла теперь из четырехсот сорока человек, в том числе — двадцати всадников, двенадцати арбалетчиков и семи мушкетеров без единого заряда; все они были раненые, хромые или с изуродованными руками. Это значит, что у Кортеса осталось теперь столько войска, сколько было при первом вступлении в Мехико, с той только разницей, что вступили испанцы в мексиканскую столицу победителями, а вышли из нее побежденными.

Войдя в Тлашкалу, Кортес предупредил своих людей, и в особенности людей Нарваэса, чтобы они ни в чем не притесняли индейцев, так как дело шло об общем спасении, и не восстанавливали бы против себя этих единственных покуда еще верных союзников. К счастью, сомнения относительно преданности тлашкаланцев не оправдались. Они встретили испанцев самым сердечным образом и ждали только случая отомстить ацтекам за своих убитых братьев. В Тлашкале Кортес узнал о гибели еще двух отрядов, но эта потеря, несмотря на всю ее значительность, его не обескуражила. В его распоряжении были испытанные воины и проверенные в суровых испытаниях союзники. К тому же и крепость Веракрус осталась нетронутой; можно было еще раз попытаться счастья.

Но прежде чем вступить в новое сражение и возобновить осаду Теночтитлана, надо было собрать вспомогательные войска и сделать все приготовления. Кортес не медлил. Он снарядил че-

Походы Кортеса.

тыре корабля в Эспаньолу, чтобы нанять волонтеров и закупить лошадей, порох и снаряды; в то же время он распорядился заготовить в тлашкаланских горах лес и построить тринадцать бригадин, которые он намеревался перенести в разобранном виде на озеро Тескоко, чтобы использовать их при осаде и штурме Теночтитлана.

Подавив попытки к восстанию, которые готовы были поднять солдаты, перешедшие к нему от Нарваэса, Кортес снова выступил в поход и с помощью тлашкаланцев совершил нападение на жителей Тепеаки и других окрестных городов. Целью этих нападений было ободрить солдат легкими победами и приучить союзников к совместным боевым действиям.

Тем временем Кортес получил неожиданное подкрепление. В Веракрус прибыли два корабля с солдатами и боеприпасами, посланные Нарваэсу наместником Кубы Веласкесом, ничего не подозревавшим о последних событиях в Мексике. Солдаты присоединились к Кортесу, и все припасы поступили в его распоряжение. Вскоре пришел еще один корабль с несколькими десятками испанцев, посланных на подмогу Нарваэсу губернатором Ямайки. И эти люди так же легко согласились служить под флагом Кортеса.

Теперь, даже когда он отделался от многих бунтовщиков, доставшихся ему от Нарваэса, его армия состояла из пятисот пятидесяти пехотинцев (среди них было восемьдесят мушкетеров) и сорока всадников.

И вот с этим-то небольшим войском, усиленным, правда, несколькими тысячами тлашкаланцев, Кортес отказался 28 декабря 1520 года снова пойти на Теночтитлан — через шесть месяцев после того, как был вынужден его покинуть.

Мы воздержимся от подробного описания второго похода Кор-

теса, поскольку местом действия были те самые области, а нас в данном случае больше интересует история географических открытий, чем история завоевания Мексики. Скажем только, что после смерти Монтесумы верховным вождем ацтеков был избран его брат Куитлауок. Предвидя новое наступление испанцев, он деятельно готовился к войне, но в ту минуту, когда его организаторские и военные способности были ацтекам нужнее всего, он умер, сраженный оспой — этим первым подарком, который испанцы преподнесли Новому свету. Вместо него правителем был избран Куаутемок, племянник Монтесумы, человек храбрый и даровитый.

Едва Кортес вступил на мексиканскую территорию, как сразу же завязалось сражение. Вскоре испанцы овладели городом Тескоко, который соединялся каналом с центральным озером, и заняли таким образом удобную стратегическую позицию на подступах к Теночтитлану.

Кортес беседует с захваченным в плен Куаутемоком и его женой.

Тем временем один из солдат Нарваэса по имени Антонио Вильяфана составил заговор на жизнь Кортеса и его главных офицеров. Но кто-то из заговорщиков в последнюю минуту испугался и выдал всех сообщников. Главный зачинщик был схвачен и казнен.

Сама судьба, казалось, благоприятствовала Кортесу. В Вера-крус прибыло новое подкрепление, и большая часть городов, подвластных Куаутемоку, довольно быстро подчинилась испанцам.

Осада Теночтитлана началась в мае 1521 года и продолжалась с переменным успехом вплоть до того дня, когда были спущены на воду бригантины. Ацтеки не побоялись атаковать их на своих маленьких лодках. Четыре или пять тысяч каноэ — по два человека в каждом — запрудили озеро и двинулись на вооруженные пушками испанские суда. Но ацтеки не в силах были противостоять огнестрельному оружию и вынуждены были отступить.

Однако эти успехи, так же как и другие победы Кортеса, не имели решающего значения, и осада Теночтитлана затягивалась. Как-то раз один из офицеров, которому поручено было охранять плотину, самовольно покинул пост и отправился с солдатами к месту битвы. Ацтеки, незамедлительно воспользовавшись оплошностью противника, напали на испанцев с таким ожесточением, что многих убили на месте и захватили шестьдесят два солдата, причем Кортес, опасно раненный в бедро, едва сам не попал в плен. В ту же ночь испанские пленники были принесены в жертву богам в большом храме, иллюминированном по случаю триумфа. Завоеватели могли наблюдать с занимаемой ими позиции последние минуты своих несчастных соотечественников.

Это серьезное поражение испанцев надолго затянуло осаду. Методически разрушая Теночтитлан, Кортес брал его квартал за кварталом. Куаутемок, видя беспечность дальнейшей борьбы в черте города, решил покинуть Теночтитлан, чтобы организовать сопротивление за его пределами. Но лодка, на которой его везли, была перехвачена испанскими солдатами, и Куаутемок попал в плен. В плену он выказал гораздо больше характера и величия, чем его дядя Монтесума. Когда Куаутемока привели к Кортесу, он сказал: «Сопrotивлялся я тебе по обязанности, как государь этой страны. Теперь это кончилось; я побежден, я твой пленник; прошу, возьми кинжал, вон тот, у твоего пояса, и убей меня».

Стоя минуты, как Куаутемок попал в плен, всякое сопротивление прекратилось, и Кортес мог занять наполовину разрушенную столицу.

Вот в каком она была виде.

«Весь квартал, в котором засел Куаутемок, — пишет Берналь Диас, — был переполнен мертвецами, которые лежали повсюду —

и в домах, и в каналах, и у самого озера; порой их было так много, что они лежали друг на друге, точно поленницы дров. Много тел лежало и в других частях города, и на самом рынке нужно было пробираться сквозь и через них. . . Куаутемок обратился к Кортесу с просьбой разрешить оставшимся жителям и защитникам города выйти ввиду невыносимого смрада и ужасающего голода. И вот по всем дамбам в течение трех суток потянулись вереницы мужчин, женщин и детей, жалких до слез, живых скелетов, еле волокащих ноги, неслыханно грязных и оборванных, распространивших страшную вонь.

Когда исход прекратился, Кортес послал людей разведать, что творится в городе. Всюду, как сказано, лежали трупы, а среди них больные и слабые, не имевшие сил уйти вместе с другими. Земля повсеместно на улицах, площадях, дворах была взрыта и вскопана, ибо жители непрерывно искали корешки для утоления голода; по этой же причине снята была кора со всех деревьев в городе. Вода повсюду была солоноватая, горькая. Словом, нужда господствовала ужасающая, и все же никто не покусился на мясо мексиканца: врагов они ели, своих же никогда. Воистину, был ли еще другой народ в мире, который претерпел столько бед и ужасов!»

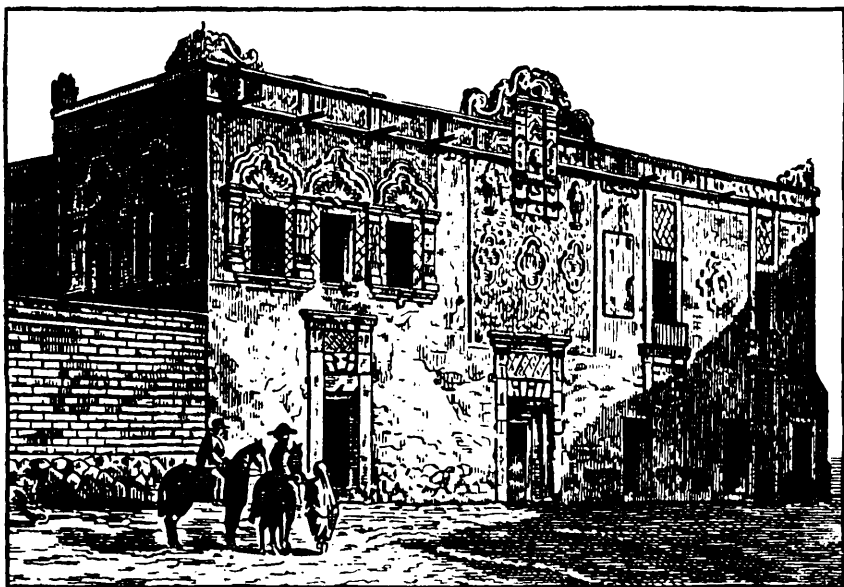
Итак, после героического сопротивления, стоившего ацтекам по одним источникам ста двадцати тысяч, а по другим — двухсот сорока тысяч человек, — после осады, продолжавшейся не менее шестидесяти пяти дней, Теночтитлан пал. И вместе со столицей пала вся империя, сраженная не столько ударами испанцев, сколько застарелой ненавистью, возмущением покоренных народов и завистью соседних провинций, которым вскоре пришлось пожалеть о том роковом для них часе, когда они согласились выступить против ацтеков в союзе с испанцами.

Вслед за опьянением успехами среди испанцев началось недовольство и брожение. Громадные богатства, на которые они рассчитывали, или не существовали вовсе, или были брошены ацтеками на дно озера.

Не зная, чем успокоить недовольных, Кортес решил подвергнуть пытке Куаутемока и его первого министра, чтобы выведать у них, где спрятаны сокровища ацтеков. Некоторые историки рассказывают, что в то время, как испанцы мешали огонь под решеткой жаровни, на которой были распростерты обе жертвы, министр повернул голову к своему повелителю, как бы спрашивая у него разрешения заговорить и признанием положить конец пытке, — но Куаутемок помог товарищу по несчастью победить минуту слабости одной фразой: «А разве я предаюсь удовольствиям или сижу в ванне?» — ответ, который позднее был поэтически перефразирован: «А разве я возлежу на розах?»

Испанцы подвергают пытке мексиканского властителя Куаутемока и его первого министра.

Дом Кортеса в Мехико после завоевания страны.

Историки испанских завоеваний подробно останавливаются на покорении Мексики, но нам достаточно будет только упомянуть об остальных экспедициях Кортеса, которому удалось проникнуть еще и в другие области Центральной Америки. Кроме того, мы не можем закончить рассказ об этом знаменитом конкистадоре, сыгравшем такую важную роль в истории Нового света, не сообщив некоторых фактов о последних годах его жизни.

После падения столицы ацтеков пала, как мы уже знаем, и вся мексиканская империя; если и встречались еще кое-где очаги сопротивления, как, например, в провинциях Оаксака и Пануко, то это были слабые, разрозненные, плохо организованные восстания. Карательные отряды испанцев сравнительно легко усмиряли сопротивлявшихся, устрашая их массовыми казнями. В то же время народы отдаленных частей империи присылали гонцов, чтобы убедиться, насколько справедливы слухи о взятии Теночтитлана, и правда ли, что этот огромный город лежит в развалинах.

«Когда же всякие сомнения на этот счет исчезли, — пишет Берналь Диас, — местные касики перепугались и слали послов за послами с изъявлением покорности и богатыми подарками. Брали они с собой и своих сыновей и показывали им поверженный Теночтитлан, как в древности смотрели разрушенную Трою».

Теперь главной задачей Кортеса было добиться признания его заслуг испанским королем. До сих пор на него смотрели в Испании, как на беглого непокорного авантюриста, и хотя перед ним трепетала вся Мексика, сам он находился под страхом ареста и казни. Чтобы заслужить себе прощение, Кортес отправлял в Испанию корабль за кораблем с мексиканскими дарами. Рассказы о подвигах Кортеса вызывали в Испании величайшее удивление, но архиепископ Фонсека, покровительствовавший Веласкесу, настаивал на привлечении Кортеса к суду. В Мексику был послан королевский комиссар с приказом арестовать Кортеса и доставить его в кандалах в Испанию. Но удостоверившись, какую огромную страну завоевал Кортес и какой неограниченной властью он там пользуется, королевский комиссар поспешил набить карманы золотом и отправиться восвояси.

Когда Карл V убедился, что Кортес вовсе и не помышляет выходить из-под его власти, он решил официально закрепить за Испанией новые территории, завоеванные отважным конкистадором. Декретом от 15 декабря 1522 года король назначил Кортеса наместником, главнокомандующим и верховным судьей Новой Испании (так была названа Кортесом Мексика).

Однако интриги против Кортеса со стороны его многочисленных врагов и завистников на этом не прекратились. Ему постоянно приходилось быть начеку, предотвращать всевозможные заговоры и смуты, которые то и дело возникали не только среди побежденных, но и в лагере самих завоевателей. «Мне было легче бороться с ацтеками, чем с моими соотечественниками», — говорил Кортес.

После взятия Теночтитлана он приступил, не теряя времени, к организации колониальной системы и к утверждению своей власти в мексиканской столице, которую по его приказанию очистили от развалин и снова начали заселять. Он привлекал сюда на житье индейцев, которых до поры до времени оставлял под властью местных касиков. Но вскоре Кортес обратил всех мексиканских индейцев в рабство, за исключением тлашкаланцев, за которыми были сохранены некоторые привилегии. При этом Кортес придерживался принятой во всех испанских колониях системы «репартиментов»: испанцы получали земельные наделы вместе с прикрепленными к ним рабами-индейцами. Миссионеры-францисканцы уже через двадцать лет обратили в христианство все население Мексики.

Укрепив свое господство в Мексике, Кортес посылал отряды испанцев в отдаленные области этой обширной страны, чтобы покорять туземцев и основывать новые колонии. Отряды Кортеса доходили до берегов Тихого океана, и испанцы торжественно вступали во владение этими водами, водружая в разных местах побе-

Кортес в парадном одеянии.
Слева вверху изображен его герб.

режья большие кресты. Вместе с тем во многих провинциях были построены крепости и форты.

В 1523 году Кортес отправил одного из своих любимцев Кристоваля Олида во главе большой экспедиции (шесть кораблей и триста семьдесят человек экипажа) на завоевание Гондураса, страны, по слухам, настолько богатой золотом и серебром, что «индейцы тамошних мест при рыбной ловле употребляют грузила из чистого золота». Другой целью этой экспедиции было отыскание пролива, соединяющего Атлантический океан с Тихим. Долгое время от Олида не было никаких известий, а потом стали доходить слухи, что он вошел в соглашение с Веласкесом и отложился от Кортеса. Чтобы наказать изменника, Кортес направил к берегам Гондураса новый отряд во главе с Франсиско Лас Касасом, который попал со своими людьми в плен к Олида, а потом сумел найти случай его убить. После этого Лас Касас основал город Трухильо, а Кортес, не получая и от этой экспедиции

никаких известий, «стал сильно беспокоиться и, не очень надеясь на море, решил самолично отправиться сухим путем в Гондурас на выручку своим». Кортес выступил в поход в октябре 1524 года с отрядом из ста тридцати конных и ста двадцати пеших воинов, не считая пехотинцев-рекрутов, недавно прибывших из Испании, и трех тысяч индейцев. Чтобы в его отсутствие не возникло никаких волнений, он взял с собой Куаутемока и касика провинции Тескоко.

Поход оказался невероятно трудным и мучительным. Путь Кортеса лежал через мексиканские земли и Юкатан. Приходилось идти по болотистой и топкой местности, продираться через густые тропические леса, наводить переправы через бурные реки, страдать от голода, зноя и москитов.

Отряд приближался уже к провинции Акулан, когда был обнаружен заговор, во главе которого, как показалось Кортесу, стоял Куаутемок. Заговорщики поставили своей целью перебить всех испанцев, а потом вернуться в Мехико и поднять всеобщее восстание. Хотя главарей найти не удалось, но Кортес тотчас же арестовал Куаутемока и находившихся при нем в отряде знатных ацтеков. Напрасно Куаутемок уверял его в своей непричастности к заговору: Кортес приказал повесить на глазах у всего отряда низложенного государя и его предполагаемых сообщников. «Казнь Куаутемока, — говорит Берналь Диас, — была, несомненно, великой несправедливостью, и почти все мы, испанцы, были такого мнения».

Мы не будем останавливаться на всех лишениях и страданиях, которые преследовали участников этой экспедиции. Только к началу мая 1525 года Кортес со своим сильно поредевшим отрядом достиг берега Гондурасского залива. Узнав о благоприятно сложившейся для него после убийства Олида обстановке в Гондурасе, он поспешил обратно в Мехику.

Из других важных экспедиций, организованных Кортесом, стоит еще упомянуть о походе Педро Альварадо в Гватемалу. В 1524 году Кортес передал ему под начало триста пехотинцев, сто шестьдесят всадников и отряд союзных индейцев. Альварадо двинулся к юго-востоку от Теночтитлана и пошел вдоль тихоокеанского побережья в поисках пролива из Тихого в Атлантический океан. Пролива ему, разумеется, найти не удалось, но зато он достиг горной страны Гватемалы, которая и была завоевана испанцами.

Не прошло еще и трех лет после первого похода Кортеса, как под властью кастильской короны оказалась территория, простирающаяся более чем на четыреста лье вдоль берегов Атлантического океана и более чем на пятьсот — вдоль Тихого; на всем этом огромном пространстве народы Центральной Америки были низведены завоевателями до положения рабов.

Общий вид города Мехико после испанского завоевания.

Возвратившись в Мексику после бесполезной экспедиции в Гондурас, Кортес узнал, что во время его длительного отсутствия власть в стране сумел захватить некто Саласар. Этот узурпатор усиленно распространял слухи о гибели Кортеса и упорно преследовал его сподвижников — «конкистадоров первого призыва». Кортесу удалось быстро расправиться с Саласаром и восстановить свое прежнее положение. Но тут на него обрушились новые беды.

Пока он находился в походе, его недруги посылали в Испанию доносы за доносами, и это побудило короля принять свои меры. Вскоре Кортес получил уведомление о смещении с поста и вызов в Испанию для дачи объяснений. Враги обвиняли его в стремлении к независимости, а этого больше всего боялся испанский король. Кортес был глубоко оскорблен этими подозрениями и стал поспешно готовиться к отъезду. Он взял с собой своих ближайших сподвижников — Гонсало де Сандовалья и Андреса Тапиа, а также нескольких ацтеков и тлашкаланцев. В подарок королю Кортес собрал самые прекрасные изделия из золота и серебра и лучшие образцы мексиканского искусства.

В мае 1528 года Кортес благополучно высадился в Палосе, откуда Христофор Колумб тридцать пять лет тому назад выехал в свое первое плавание через Атлантический океан. Завоеватель Мексики, так же как некогда Колумб, остановился в монастыре

св. Марии де Рабида и встретил здесь Франсиско Писарро, будущего завоевателя Перу, который прибыл из Нового света, чтобы просить поддержки у испанского правительства. Из Палоса Кортес отправился в Толедо, где находился в то время королевский двор.

Известие о возвращении знаменитого конкистадора всколыхнуло всю Испанию и сразу же расположило в его пользу общественное мнение. Все возведенные на него обвинения в возмущении против королевской власти и в стремлении к независимости были мгновенно опровергнуты его внезапным появлением. Путь Кортеса из Палоса в Толедо превратился в настоящее триумфальное шествие. Все хотели видеть человека, совершившего столько подвигов. «Дома и улицы больших городов, — говорит Прескотт, — были переполнены зрителями, нетерпеливо ожидавшими проезда героя, который своими единоличными усилиями покорил для отечества целую империю и, окруженный великолепиями и славой, казался не вассалом, а неограниченным монархом».

Карл V, конечно, понимал, что сама мысль о возможности наказания человека, прибавившего к его короне лучшую жемчужину, вызвала бы всеобщее негодование. Кортес получил несколько аудиенций и был награжден высшими знаками отличия. Разумеется, король не отказался принять завоеванную им империю и великолепные подарки. Со своей стороны, Карл V полагал, что сделал для Кортеса все, пожаловав ему вместе с богатыми угодьями в Мексике титул маркиза дель Валле-Оахака и патент на чин «генерал-капитана Новой Испании и Южного моря». Но несмотря на все домогательства Кортеса, король так и не пожелал восстановить его в правах наместника. Вскоре Кортес женился на племяннице кастильского сановника герцога де Бехара. Светская светская жизнь, так мало отвечавшая деятельной натуре и привычкам конкистадора, довольно быстро приелась ему, и в 1530 году он снова отправился в Мексику.

Здесь Кортесу пришлось столкнуться с так называемой «Аудиенсией» — судебной-административной коллегией, посланной королем в Новую Испанию во главе с Нуньо Гусманом. «Аудиенсия» вместе со своим начальником самым беззастенчивым образом грабила и разоряла страну. «Вообще произвол все рос да рос, — пишет Берналь Диас. — Между прочим клеймение рабов достигло небывалых размеров, так что провинция Пануко совершенно обезлюдела». Больше всех бесчинствовал сам Нуньо Гусман. «Он предпринял поход в провинцию Халиско,¹⁰¹ где хватал уйму золота, действуя гадкой хитростью и небывалым насилием».

Бесконечные ссоры и распри с королевским наместником и «Аудиенсией» так надоели «маркизу дель Валле Оахака», что он

уехал в свои обширные поместья и начал там заниматься земледелием. Он впервые ввел в Мексике сахарный тростник, шелковицу, коноплю и лен и стал заниматься разведением мериносовых овец.

Но мирная жизнь, лишенная приключений, была чужда предприимчивому духу Кортеса. В 1532 и в 1533 годах он снарядил одну за другой две экспедиции, которые отправились к северо-западу вдоль берегов Южного моря (Тихого океана). Одному из кораблей удалось достигнуть южной оконечности полуострова Калифорния, но пролив из Тихого океана в Атлантический, который так упорно искал Кортес, и на этот раз не был найден. Пролив, как известно, удалось открыть Магеллану, но совсем не в тех местах, где искал его завоеватель Мексики.

Так как вернувшиеся из экспедиции испанцы «чрезмерно восхваляли богатства новооткрытой земли», Кортес в 1536 году сам отправился в Багряное море (Калифорнийский залив), но, кроме ужасающей жары, ничего там не нашел и вернулся разочарованный. Тем не менее в 1539 году он послал туда еще одну экспедицию под начальством Фрэнсиско Ульоа, который проник в глубину Калифорнийского залива, а затем, продолжив плавание вдоль западного берега полуострова, поднялся до двадцать девятого градуса северной широты. Отсюда Ульоа послал на одном из своих кораблей донесение Кортесу, а сам отправился дальше к северу и сгинул без следа.

Все эти экспедиции стоили Кортесу огромных затрат (он снаряжал их на свои средства), но не принесли ни одного дуката.¹⁰² Однако для истории географических открытий они оказались безусловно плодотворными. Испанцы исследовали побережье Тихого океана от Панамского залива до реки Колорадо; объехали вокруг Калифорнии и выяснили, что этот воображаемый остров в действительности является полуостровом, а Багряное море — вовсе не море, а залив, глубоко врезавшийся в континент.

Снаряжая экспедиции, Кортес должен был преодолевать сопротивление нового вице-короля Мексики Антонио Мендоса, которому Карл V дал это назначение, не посчитавшись с претензиями «маркиза дель Валле-Оахака», полагавшего, что этот пост по праву должен принадлежать ему. Измученный беспрестанными придирками, оскорбленный игнорированием его наместнических прав, Кортес вновь отправился в Испанию искать справедливости у монарха. Но этот приезд Кортеса не походил на первый. Счастье окончательно отвернулось от постаревшего, утомленного конкистадора. Ему нечего уже было ждать от правительства, и он это скоро понял. Однажды, пробившись через толпу, окружавшую королевский выезд, он вскочил на подножку кареты Карла V. Сделав вид, что не узнает его, король спросил у своих сановников, кто

этот человек. «Тот самый, — ответил гордо Кортес, — кто подарил вам больше владений, чем ваши предки оставили вам городов».

Интерес испанцев к Мексике начал остывать. Она не принесла сказочных богатств, обманув возлагавшиеся на нее надежды. Все внимание королевского двора было обращено теперь к перуанским сокровищам. Перу затмило Мексику. Вот почему незаурядная личность Кортеса потеряла ореол, которым еще недавно окружало его общественное мнение Испании. Правда, Кортеса с почетом приняли в Совете по делам Индий, выслушали его претензии и обещали вынести справедливое решение, но разбор дела все откладывался и затягивался до бесконечности.

В 1541 году Кортес принимал участие в качестве добровольца в алжирском походе Карла V. Страшная буря уничтожила почти весь испанский флот. Погиб и корабль Кортеса. Сам он со своими оруженосцами и слугами с трудом спасся, но потерял три огромных изумруда, стоившие, по его словам, целого царства. Карл V решил прервать свой злополучный поход, но Кортес был иного мнения. Он сказал королю, что берется с оставшимися немногими силами атаковать и взять Алжир, если ему будет передано командование. Однако его предложение не было принято.

Вернувшись в Испанию, Кортес возобновил свои хлопоты, но так же безуспешно. Все эти неудачи окончательно подорвали его здоровье, и силы его стали угасать. Последние годы своей жизни он провел в Испании, больной и забытый, и 10 ноября 1547 года умер в Кастильехо де ла Куэста (под Севильей).

«Это был типичный странствующий рыцарь, — говорит о нем Прескотт. — Из всей плеяды испанских конкистадоров XVI века, прославившихся на поприще открытий и завоеваний, не было ни одного человека, так глубоко проникнутого романтикой авантюрных предприятий, как Эрнандо Кортес. Борьба воодушевляла его, и он любил приступать ко всякому делу с труднейшей стороны. . .»

Эта безрассудная отвага могла бы низвести завоевателя Мексики до роли заурядного искателя приключений, если бы Кортес не был тонким политиком и талантливым полководцем. История не знает другого примера, где такое значительное предприятие было бы успешно доведено до конца столь ничтожными средствами. Можно сказать, что Кортес завоевал Мексику только благодаря своим собственным усилиям.

Заканчивая характеристику этого конкистадора, мы повторим слова простодушного историка завоевания Мексики Берналя Диаса: «Кортес предпочитал свое имя всем титулам, на которые мог претендовать, и в этом отношении он был прав, потому что имя Кортеса значит для испанцев не меньше, чем для римлян имя Цезаря или имя Ганнибала¹⁰³ для карфагенян».

Союз трех завоевателей. — Франсиско Писарро и его братья. — Диего де Альмагро. — Открытие Перу испанцами. — Страна, население, инки. — Завоевание Перу. — Пленение Атауальпы, его выкуп и смерть. — Поход на Кито и соперничество конкистадоров. — Осада Куско и борьба Альмагро с братьями Писарро. — Педро де Вальдивия и завоевание Чили. — Экспедиция Гонсало Писарро. — Франсиско де Орельяна и открытие Амазонки. — Умерщвление Франсиско Писарро. — Восстание Гонсало Писарро и его казнь.

После казни Бальбоа испанцы основали на берегу Тихого океана город Панаму (1519) и начали продвигаться вдоль побережья «Южного моря». Упорные слухи о стране золота и сказочных сокровищ, лежащей где-то к юго-западу от Панамского перешейка, возбуждали у конкистадоров жадность и желание как можно скорее овладеть этой страной. Было снаряжено несколько экспедиций, но все они кончились неудачно — потому ли, что начальники оказывались не на высоте своей задачи, то ли из-за недостатка средств.

Испанцы, пытавшиеся проникнуть в глубь материка, сталкивались с огромными трудностями. Высокие горы, непроходимые болота, густые тропические леса создавали для завоевателей серьезные препятствия, к которым прибавлялось еще упорное сопротивление воинственных туземцев. Вследствие этого продвижение испанцев к югу на некоторое время приостановилось. Если и вспоминали теперь о чудесных рассказах Бальбоа, то разве только ради шутки.

Между тем в Панаме жил один испанец, которому суждено было доказать, насколько достоверны все эти слухи о баснословных богатствах стран, омываемых Тихим океаном. Это был Франсиско Писарро, предприимчивый искатель приключений, сопровождавший Васко Нуньеса де Бальбоа в его плавании по Южному морю.

Решив во что бы то ни стало добраться до «золотого царства», Писарро мог рассчитывать только на свою личную храбрость и неукротимую энергию, так как не располагал никакими средствами. Поэтому он вынужден был заключить союз с двумя другими авантюристами, которые согласились снарядить экспедицию на свои деньги. Одного из них звали Диего де Альмагро, другого — Эрнандо де Луке. Скажем несколько слов об этих трех компаньонах.

Франсиско Писарро родился в испанской провинции Эстремадура, близ города Трухильо. Год его рождения точно не установлен, известно только, что он родился не ранее 1471-го и не позже 1478 года. Будущий завоеватель был незаконным сыном идадьо,

Франсиско Писарро. Со старинной гравюры.

некоего Гонсало Писарро, который научил своего сына пасти свиней, но не позаботился обучить грамоте. Профессия свинопаса вскоре надоела юному Писарро, и, когда из стада пропала одна свинья, он больше не вернулся в отчий дом, где постоянно носил побои за самую ничтожную провинность.

Писарро поступил в солдаты, провел несколько лет в сражениях с итальянцами, а в 1510 году отправился искать счастья в Эспаньола. Здесь он «отличился» в битвах с индейцами, потом перебрался на Кубу, вошел в доверие к Охеде и сопровождал его в экспедиции к Дарьенскому заливу. Позже он перешел на службу к Бальбоа, а после казни последнего — к наместнику «Золотой Кастилии» Педро Ариасу д'Авиле, которому оказал много ценных услуг.

Вместе с д'Авилей Писарро участвовал в военных экспедициях на Панамском перешейке, а свободное от походов время проводил в своем небольшом поместье неподалеку от Панамы, терпеливо дожидаясь часа, когда можно будет приняться за осуществление «великого плана».

Если Писарро был незаконным сыном идалго, то Диего де Альмагро — просто подкидышем. Существует легенда, что в 1475 году его нашли младенцем в деревне Альмагро, от которой он и получил свое имя. Диего вырос среди солдат, еще совсем молодым отправился в Америку и ради золота готов был пойти на самые рискованные предприятия.

Что касается Эрнандо де Луке, то он принадлежал к духовному сословию и был сначала школьным учителем в городе Дарьене, а затем священником в Панаме. Де Луке решил рискнуть своим состоянием ради будущих богатств.

Самому молодому из этих авантюристов было пятьдесят лет. Испанский историк Гарсиласо де ла Вега рассказывает, что, когда в Панаме узнали о проекте Писарро, он и его компаньоны сделались предметом всеобщих насмешек. Особенно потешались над Эрнандо де Луке, которого стали называть «Fernando el Loco», то есть Эрнандо Безумный.

Участники предприятия быстро договорились между собой и разделили обязанности. Луке согласился предоставить большую часть денежных средств для снаряжения кораблей и выплаты жалованья солдатам; Альмагро, поставив на карту все свои сбережения, руководил подготовкой экспедиции; Писарро, владевший только шпагой, платил другой монетой: он взял на себя непосредственное руководство открытиями и завоеваниями.

Четвертым, неофициальным компаньоном стал панамский наместник Педро Ариас д'Авила, которому была обещана четвертая доля будущей добычи за одно лишь обещание не чинить препятствий инициаторам экспедиции.

С трудом снарядив один корабль, в ноябре 1524 года Франсиско Писарро вышел из панамского порта на поиски «Золотого царства». С ним было сто четырнадцать солдат и матросов. Оставив позади Пуэрто-де-Пинас — последний пункт, до которого в то время доходили испанцы, Писарро достиг устья реки Биру (отсюда и происходит название Перу, обширной страны, простирающейся на тысячу двести миль вдоль побережья Тихого океана).

Писарро, поднявшись вверх по течению, хотел было высадиться на берег, но везде встречал только топкие берега и непроходимые девственные леса. Покинув эту негостеприимную местность, он поплыл дальше вдоль берега моря.

Плавание оказалось чрезвычайно тяжелым. Испанцев преследовали тропические ливни и непрерывные бури. Лихорадка и нестерпимый зной подтачивали силы людей. Вскоре подошли к концу съестные припасы, и среди экипажа поднялся ропот. Но Писарро продолжал упрямо продвигаться вперед, пока люди решительно не запротестовали. Тогда он отправил в Панаму за припасами своего ближайшего помощника Монтенегро, а сам с отрядом из пятидесяти человек высадился на берег. В этом месте, названном Пуэрто-де-ла-Амбре (Голодная гавань), многие испанцы погибли от голода и в стычках с индейцами. Когда, наконец, появился долгожданный корабль Монтенегро, Писарро был уже не в состоянии двигаться дальше и предпочел вернуться в селение Чикама, близ Панамы, чтобы собраться с новыми силами, прежде чем приступить к завоеванию «Золотого царства».

Между тем Диего де Альмагро, снарядив второй корабль, вышел из Панамы с семьюдесятью испанцами по следам своего компаньона, оставлявшего по пути условные знаки. Не застав его в Пуэрто-де-ла-Амбре, Альмагро двинулся дальше, пока не достиг устья реки Сан-Хуан у 4° северной широты (в нынешней Колумбии). Каждая высадка испанцев на берег сопровождалась ожесточенными стычками с индейцами. В одном сражении Альмагро лишился глаза. Разгромив и предав огню несколько селений, он решил повернуть обратно и, плывя вдоль берега, достиг Чикамы, где и нашел Франсиско Писарро с остатками его отряда.

Соединив свои силы, оба конкистадора стали обдумывать план новой экспедиции в Перу. Людей у них было мало, припасы иссякли, средства истощились. Конкистадорам не оставалось ничего другого, как вернуться в Панаму и просить о содействии жадного и упрямого д'Авила. Встретив с его стороны решительный отказ, Писарро и Альмагро снова прибегли к помощи священника Луке; последнему удалось заинтересовать богатых купцов и чиновников и добыть необходимые средства. И тогда три компаньона заключили беспримерный в истории договор, согласно которому каж-

дому причиталась третья часть будущей добычи, причем ни один из них не имел понятия не только о величине и могуществе, но даже о местоположении «Золотого царства», которое они собирались завоевать.

Интересно отметить, что под договором мог расписаться один только Эрнандо де Луке. Писарро же и Альмагро вывели вместо подписи кресты, а рядом с крестами поставили за неграмотных их имена два панамских жителя.

Заклучив этот договор, Писарро и Альмагро не без труда набрали отряд из ста шестидесяти человек и, закупив все необходимое, отправились на своих двух кораблях во второе плавание. Конкистадоры достигли без помех устья реки Сан-Хуан и поплыли вверх по течению. Они разорили несколько туземных деревень и захватили богатую добычу.

Однако индейцы здесь были более цивилизованными, чем в других, уже завоеванных испанцами областях. С малыми силами нечего было и думать о покорении этой густонаселенной страны. Необходимо было получить подкрепление. Эта задача была возложена на Альмагро, который тотчас же отправился обратно в Панаму с захваченным у индейцев золотом, чтобы заняться вербовкой добровольцев. Другой корабль Писарро отправил под командой опытного кормчего Бартоломе Руиса к югу, на разведку, а сам остался со своим отрядом в захваченной индейской деревне с намерением исследовать близлежащие местности.

Бартоломе Руис успешно выполнил свою задачу: избегая столкновений с индейцами, он продвинулся далеко на юг, почти до экватора. Перед изумленными испанцами открывались цветущие, цивилизованные области, хорошо возделанные поля, богатые селения.

Руис встретил в море парусный корабль, который оказался перуанской «бальзой» — большим плотом с навесом, двумя мачтами и парусами. На бальзе находились мужчины и женщины в ярких одеждах из тонкой ткани. Руис узнал от них о существовании государства инков, о роскошных дворцах, храмах и сокровищах города Куско и о близлежащем городе Тумбесе. Обрадованный кормчий, захватив с собой нескольких перуанцев, чтобы использовать их впоследствии в качестве переводчиков, отправился в обратный путь и присоединился к отряду Писарро.

Тем временем Альмагро на вербовал в Панаме еще восемьдесят добровольцев из числа вновь прибывших испанских колонистов и также присоединился с ними к Писарро. Экспедиция, теперь уже в полном составе, двинулась дальше на юг, вдоль узкой береговой полосы, окаймляющей горную цепь. Вскоре экспедиция достигла границы страны перуанских индейцев — инков. Однако

начать завоевание этого обширного государства с такими ничтожными силами Писарро все еще не решался, так как несколько столкновений с перуанцами кончились не в его пользу. Выбрав для стоянки небольшой остров Гальо, он остался на месте со своим отрядом, еще раз отправив Альмагро в Панаму за подкреплением.

Однако Педро де лас Риос, новый наместник, присланный в «Золотую Кастилию» после смерти д'Авилы, запретил Альмагро вербовать добровольцев для этого «безрассудного предприятия» и отправлять их «на верную гибель». Он не только не помог Альмагро, но направил к острову Гальо корабль за Писарро и его спутниками. Такой исход предприятия отнюдь не улыбался Альмагро и Луке. Они уже понесли большие затраты и не намерены были отказываться от своих надежд, особенно после того, как Бартоломе Руису удалось захватить нескольких перуанцев. О богатстве этой страны можно было судить по их золотым и серебряным украшениям.

Оба компаньона поспешили послать своего доверенного к Писарро, предложив ему настаивать на продолжении экспедиции и отказаться от повиновения наместнику. Писарро, разумеется, внял этим советам. Но напрасно он расточал соблазнительные обещания своим измученным, изголодавшимся спутникам. Когда прибыл корабль, посланный наместником, все они, за исключением двенадцати человек, покинули незадачливого конкистадора.

И вот с этими бесстрашными людьми, среди которых находились кормчий Бартоломе Руис и будущий историк завоевания Перу — Франсиско Ксерес. Писарро поселился вдали от берега на необитаемом острове, названном им Горгоной. Испанцы провели там семь долгих месяцев, терпеливо дожидаясь обещанной помощи от Альмагро и Луке. Жили они впроголодь, питаясь рыбой, моллюсками и съедобными кореньями.

Наконец, под влиянием настойчивых просьб Альмагро и единоклубного протеста испанских колонистов, требовавших оказать помощь людям, все преступление которых состояло в упорном преследовании поставленной цели, Педро де Лас Риос согласился отправить на остров Горгону небольшое судно с приказом привезти в Панаму Писарро и его спутников. Чтобы Писарро не использовал в своих интересах это судно, на его борту не было ни одного солдата и никакого военного снаряжения.

Когда корабль прибыл на Горгону и капитан огласил приказ наместника, все тринадцать авантюристов, забыв о своих лишениях, стали уговаривать приехавших за ними матросов отправиться к берегам Перу за богатой добычей. Уговоры действовали. Писарро завладел кораблем и вместо того, чтобы вернуться в Пана-

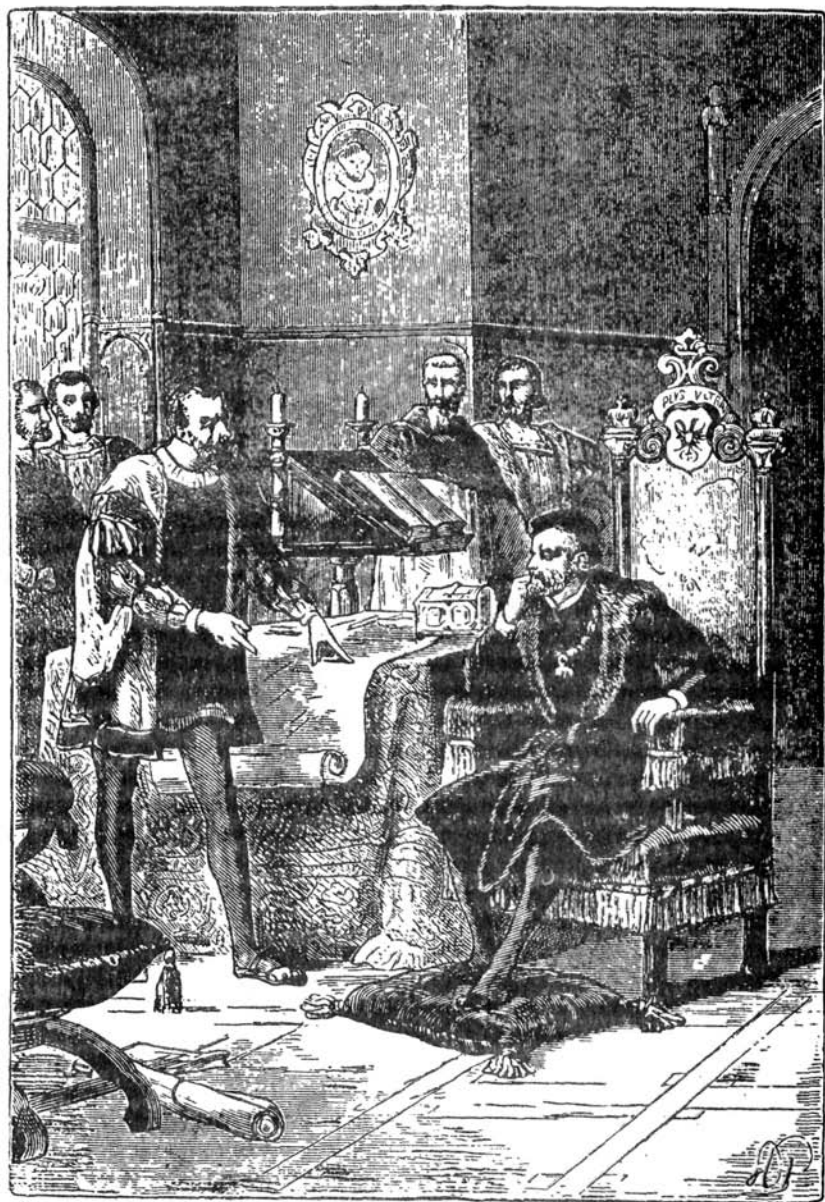
му, направился с двумя десятками испанцев в южном направлении, вдоль берега нынешнего Эквадора, пока не пересек залива Гуаякиль и не достиг затем перуанского города Тумбеса, расположенного под 3° южной широты. Там испанцы увидели великолепный храм и дворец, принадлежащий инкам, правителям страны.

Страна была густо заселена и земля хорошо обработана; но что особенно восхитило испанцев и заставило их думать, что они, наконец, открыли то самое «Золотое царство», о котором ходило столько разноречивых слухов, — это было обилие золота и серебра. Драгоценные металлы шли здесь не только на изготовление украшений и предметов роскоши, но и на выделку всевозможных сосудов и домашней утвари.

Посланные внутрь страны Педро де Кандиа и Алонсо де Молина привезли сведения, от которых все участники экспедиции пришли в восторг. Перуанцы радушно встретили белых людей, охотно показали им свои просторные каменные дома и угостили вином из золотых и серебряных кубков. Особенно поразили испанцев «маленькие верблюды» — ламы. Писарро приказал достать для него несколько золотых сосудов и две — три пары лам. Затем он завлек к себе на корабль двух туземцев, чтобы выучить их испанскому языку и при следующем посещении страны воспользоваться ими в качестве переводчиков. После этого Писарро отправился дальше на юг, встречая повсюду такое же гостеприимство и доверчивое отношение жителей, как и в Тумбесе. Вместе с тем он все более и более убеждался в невозможности покорить эту могущественную страну теми слабыми силами, которыми он располагал. Достигнув 8° южной широты, где позднее был основан город Трухильо, Писарро вынужден был повернуть обратно и после восемнадцатимесячного плавания прибыл со своими спутниками в Панаму, где их считали давно погибшими.

Прошло уже свыше трех лет с тех пор, как Писарро предпринял первую попытку проникнуть в Перу. Неудачные экспедиции вконец разорили его компаньонов Луке и Альмагро. Писарро ничего не оставалось, как еще раз обратиться за помощью к наместнику. Но Педро де лас Риос был по-прежнему непреклонен и запретил вербовать в Панаме добровольцев. Горя желанием приступить к завоеванию вновь открытой страны, Писарро решил добиться аудиенции у самого Карла V. Он занял необходимую для поездки сумму и в 1528 году в сопровождении Педро де Кандиа отправился в Испанию, надеясь заинтересовать короля перуанскими золотыми изделиями, шерстяными тканями и невиданными в Европе ламами.

Нелегко ему было добиться аудиенции у Карла V. Расписав королю в самых соблазнительных красках страну, которую пред-

Писарро добился аудиенции у Карла V.

стояло завоевать, Писарро после долгих хлопот получил от него в качестве поощрения за свои труды звание наместника, военачальника, должность главного судьи, дворянский герб и пожизненную пенсию. Писарро выговорил также награды и титулы для обоих своих компаньонов и для всех остальных участников экспедиции.

В ведение Писарро переходила обширная территория с точно не обозначенными границами, названная Новой Кастилией и примыкавшая в Панамскому наместничеству. Это высокое назначение ровно ничего не стоило Карлу V, так как Писарро сам же и должен был завоевать свое право называться наместником, а жалование ему разрешено было отчислять из «доходов страны», то есть из будущей добычи. Несмотря на то, что Писарро не получил никакой значительной субсидии, он принял на себя обязательство на вербовать за полгода двести пятьдесят человек и снабдить корабли оружием и припасами.

Фактически помощь испанского правительства выразилась только в милостивом разрешении конкистадору предпринять за свой страх и риск завоевание Перу и приобщить завоеванную страну к испанским владениям.

Закончив переговоры в правительственных учреждениях, Писарро отправился первым делом в свой родной город Трухильо (в области Эстремадура). Здесь он завербовал в состав экспедиции четырех родственников: трех сводных братьев по отцу — Эрнандо, Гонсало и Хуана — и брата по матери Франсиско де Алькантара, человека, ничем себя впоследствии не проявившего. Потом Писарро объехал всю Эстремадуру, стараясь набрать добровольцев, которые, однако, не шли толпами на его зов, несмотря на щедрые посулы будущих наград и титулов.

Наконец, в начале 1530 года Писарро вернулся в Панаму, где сразу же столкнулся с новыми неожиданными осложнениями и трудностями. Диего де Альмагро видел в нем теперь не союзника, а соперника. Если Эрнандо де Луке королевским указом назначался епископом Новой Кастилии, то для Альмагро, честолюбие и способности которого были Писарро хорошо известны, он хлопотал только дворянское звание, денежную награду — жалкие пятьсот дукатов — и начальство над еще не существующей крепостью в Тумбесе. Альмагро, потративший значительно большую сумму на предварительные путешествия, счел себя обманутым и отказался участвовать в новой экспедиции. Сплотив вокруг себя недовольных и обиженных королевской подачкой, он обвинил Писарро в вероломстве и заявил о своем решении приступить к завоеваниям независимо от него.

Распавшийся было союз конкистадоров все же удалось восстановить благодаря посредничеству Луке и красноречию самого

Посадка конкистадоров на суда. Со старинной гравюры.

Писарро, давшего торжественное обещание уступить своему компаньону должность «аделантадо» — губернатора.

Однако средства Писарро, Альмагро и Луке были так ограничены, что они снарядили только три небольших корабля и набобавали всего лишь сто восемьдесят солдат. Правда, среди них было тридцать шесть всадников. В январе 1531 года Писарро в сопровождении четырех сводных братьев отправился в свое последнее плавание к берегам Перу, в то время как Альмагро остался в Панаме, чтобы исподволь подготовить вместе с Луке вспомогательную экспедицию.

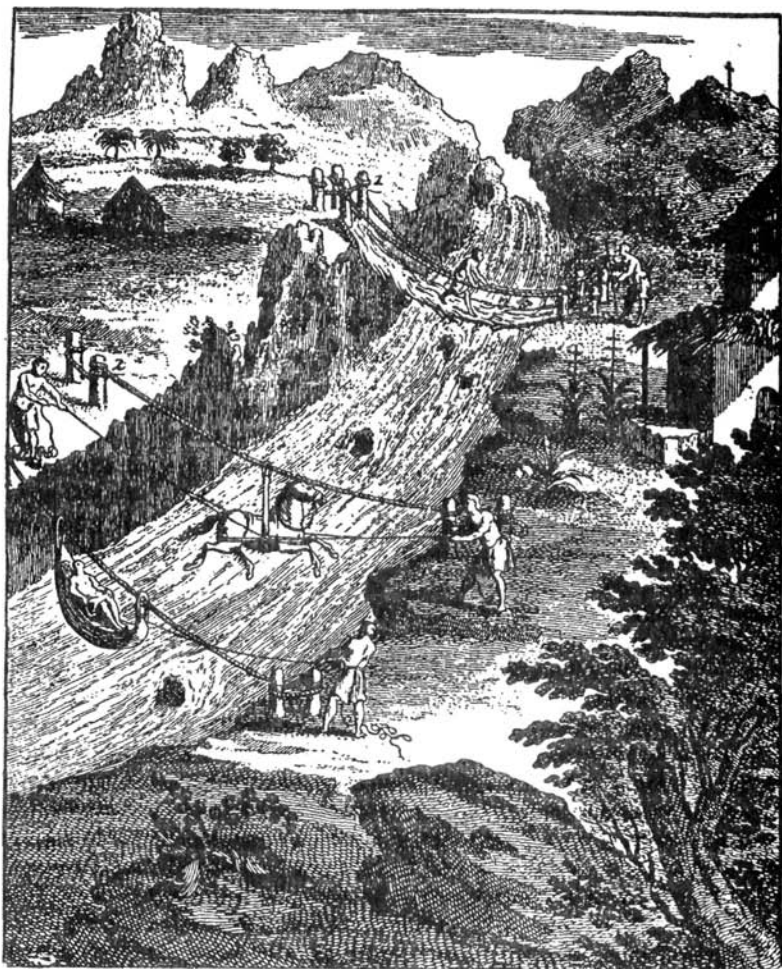
На тринадцатый день маленькая флотилия, отнесенная ураганом на сто миль ниже предварительно намеченного места, пристала к берегу в бухте Сан-Матео. Высадившись с конными и пешими людьми, Писарро продвигался отсюда к югу, а корабль следовал за ним вдоль побережья.

Путь оказался невероятно трудным. Страна, в этих местах почти безлюдная, была покрыта горами и изрезана стремительными потоками. Переправу через горные реки удавалось наводить лишь у самого устья, где течение было менее бурным.

Наконец Писарро дошел со своим отрядом до небольшого города в провинции Куско. Перуанцы, слышавшие от жителей Тумбеса о доброте и вежливости белых людей, встретили их с распростертыми объятиями. Писарро, не преминув воспользоваться доверчивостью перуанцев, разграбил город, захватил большую добычу и отправил в Панаму два корабля с богатым грузом золота, серебра и драгоценных камней. Теперь у него были все основания надеяться, что соблазнительная приманка заставит многих испанских авантюристов присоединиться к его отряду.

После этой расправы над беззащитными индейцами завоеватель отправился еще дальше к югу и высадился в Портовехо. Здесь вскоре к нему присоединились новые добровольцы — Севастьян Белалькасар и Хуан Фернандес, прибывшие из Панамы с двенадцатью кавалеристами и тридцатью пехотинцами.

Паническое действие на индейцев, произведенное в Мексике лошадьми и грохотом огнестрельного оружия, повторилось с меньшим эффектом и в Перу, и это помогло Писарро беспрепятственно достигнуть острова Пуна в заливе Гуаякиль, где конкистадор решил дожидаться прибытия новых подкреплений. Но остроумия, более воинственные, чем их соотечественники на материке, в течение полугода мужественно отражали все атаки испанцев. Несмотря на то, что Писарро, получив из Никарагуа подкрепление, приказал захватить и обезглавить касика Тоналу и еще шестнадцать местных вождей, ему все же не удалось сломить сопротивление перуанцев, и он вынужден был вернуться на материк.

Способы переправы и висячие мосты в Перу. Со старинной гравюры.

Но и здесь его ждало большое разочарование. Когда в мае 1532 года испанцы вошли в Тумбес, они увидели вместо богатого, процветающего города груды дымящихся развалин. Оказалось, что жители, устрешенные жестокостью завоевателей, ушли в горы и разрушили свой город, лишь бы он не достался ненавистным чужеземцам.

Вскоре испанцев стали валить с ног тяжелые болезни: гро-

пическая лихорадка, дизентерия, нарывы, покрывавшие все тело. Туземцы держали завоевателей под страхом неожиданных нападений. Недовольные испанские солдаты готовы были взбунтоваться.

Чтобы предотвратить крушение всех своих планов, Писарро решил переменить тактику. Он понял, что для успеха дела необходимо во что бы то ни стало вернуть доверие перуанцев. Поэтому он приказал своим людям прекратить военные действия и всячески старался внушить местным жителям, что пришел в их страну с мирными целями и все столкновения, которые происходили до сих пор, были вызваны только печальными недоразумениями. Мир с перуанцами на некоторое время был восстановлен. Писарро собрался с новыми силами и в сентябре 1532 года выступил со своим отрядом в поход внутрь страны.

Из Тумбеса он двинулся вниз по течению реки Пьюра и открыл близ ее впадения в океан лучшую на этом побережье гавань Пайту. Затем он основал у устья реки Кило крепость Сан-Мигель, чтобы корабли, прибывающие из Панамы, находили удобную стоянку. Здесь к Писарро явились посланцы от низложенного перуанского властителя Гуаскара и стали просить чужеземцев помочь Гуаскару справиться с его братом Атагуальпой и наказать похитителя престола.

В то время когда испанцы предприняли завоевание Центральной Америки, государство Перу простиралось на полторы тысячи миль вдоль побережья Тихого океана и далеко вдавалось внутрь материка, за высокую цепь Анд. В древности население этой страны состояло из диких племен, не знавших никакой цивилизации и находившихся в состоянии вечной междоусобной войны. Проходили века, все оставалось в том же положении и ничто не предвещало наступления новой эры, пока, как гласит легенда, на берегу озера Титикака перед изумленными индейцами не появились мужчина и женщина, объявившие себя детьми солнца. Люди эти были красивы и величественны; звали их Манко Капак и Мама Оэльо Инки приписывали им основание своей цивилизации. Как рассказывает легенда, эти мифические родоначальники объединили множество кочующих племен и еще за двенадцать веков до прихода испанцев заложили столицу государства Куско. Манко Капак обучил мужчин земледелию и ремеслу, а Мама Оэльо научила женщин прядению и ткачеству. Положив начало общественной жизни перуанцев, божественная чета оставила своим подданным религию, законы и государственное устройство. Перед тем как покинуть землю и вернуться в небесные чертоги, родоначальники установили в Перу владычество своих потомков. Так, по преданию, была основана династия инков (инка — значит правитель, господин).

Изображение древнеперуанских воинов на глиняном сосуде, найденном в Перу.

Государство инков, занимавшее сперва лишь окрестности Куско, быстро расширяло свои границы и растянулось на тридцать градусов — от островов Жемчужных до тропика Козерога. Правители Перу пользовались такой же неограниченной властью, как азиатские деспоты. «Кажется, в мире не было такой страны, — говорит испанский историк Сарате, — где подданные были бы так послушны и покорны. Инка был одновременно и вождем племени и верховным жрецом. Прямой потомок Манко Капака и Мамы Оэлью, он считался божеством — живым воплощением Солнца. Достаточно было инке вручить человеку, на которого распространялась его милость, одну только нить из своей диадемы, чтобы человек, осчастливленный этим символом власти, видел вокруг себя изъявления всеобщего уважения и покорности. Вельможе было бы легко без всякой помощи солдат истребить население целой провинции. Верховная власть инки внушала такой благоговейный трепет, что нить из его диадемы могла стоять жизни тысячам людей, готовых встретить смерть без всякого сопротивления».

Впрочем, древние летописцы единодушно утверждают, что инки старались не злоупотреблять своей властью и заботились о благе подданных. Во всей династии из двенадцати наследовавших друг другу верховных вождей не было ни одного, который оставил бы о себе дурную память. Можно ли еще где-нибудь в мире найти страну, летописи которой передавали бы аналогичные факты? Не достойно ли сожаления, что испанцы внесли в эту страну войну со всеми ее ужасами, свои болезни, свои пороки и свои предрассудки, горделиво называя все это цивилизацией? И не следует ли пожалеть о том, что некогда счастливый и богатый народ дошел до такого униженного состояния, что его бедные,

обездоленные потомки даже не сохранили воспоминаний о своем былом величии, чтобы эти воспоминания помогли им переносить нынешнюю горькую участь!

Перуанцы сохранили свои предания с помощью странной системы узелков, которые завязывались на разноцветных шнурках. Такой способ фиксирования событий заменял отсутствовавшую письменность. Особые колонны и обелиски, установленные на площадях и возле храмов, помогали определять равноденствие и солнцестояние, к которым приурочивались сельскохозяйственные работы и религиозные праздники. Календарный год состоял из трехсот шестидесяти пяти дней и делился на двенадцать месяцев. Города были украшены величественными зданиями и статуями, выполненными с изумительным искусством. Перуанцы были самым просвещенным и цивилизованным народом из всех народов Нового Света.

Инка Гуайна Капак (при сыне которого Атагуальпе испанцы завоевали это обширное государство) значительно расширил свои владения и проложил дорогу через всю страну, от Кито до Куско. Если учесть, что строителям дороги пришлось срывать горы и засыпать пропасти, то легко вообразить, каковы были масштабы этого строительства! Распоряжения властителя передавались по всей стране гонцами, сменявшими друг друга через каждые два километра.

Выезд инки из дворца обставлялся с необыкновенной пышностью. Достаточно сказать, что трон монарха, сделанный из чистого золота, устанавливался на золотых носилках, к которым имели право прикасаться только знатнейшие особы империи.

В то время когда испанцы высадились на перуанском берегу, власть принадлежала двенадцатому инке Гуайна Капаку, женатому, вопреки древнему закону империи, на дочери покоренного монарха страны Кито. Гуайна Капак имел от нее любимого сына Атагуальпу и завещал ему после своей смерти власть над этой страной. Старший его сын Гуаскар, происходивший от матери, в жилах которой текла кровь инков, считался законным наследником престола и царствовал в Куско. Этот раздел власти, противный обычаю, установленному в Перу с незапамятных времен, вызвал в Куско такое недовольство, что Гуаскар, ободренный своими подданными, решил восстать против брата, не желавшего признать за ним верховного господства. Атагуальпа привлек своей щедростью большую часть воинов, сопровождавших его отца в походе на Кито; когда обе армии встретились, счастье улыбнулось узурпатору, и Гуаскар был низложен.

Не странно ли, что в Перу, так же как и в Мексике, испанцам благоприятствовали совершенно исключительные обстоятельства! В Мексике народы, покоренные ацтеками, подвергались таким

притеснениям, что встретили испанцев, как освободителей; в Перу междоусобная борьба двух братьев разъединила силы индейцев и помешала им дружно выступить против завоевателей, которых они легко могли бы смести с лица земли.

Писарро, принимая послов Гуаскара, пришедших просить у него помощи против Атагуальпы, которого они называли бунтовщиком и похитителем престола, сразу же смекнул, какую выгоду можно будет извлечь из этой междоусобной войны. Он понял, что если примет сторону одного из двух братьев, то тем скорее справится с обоими. Узнав от послов, где находится со своей армией Атагуальпа, Писарро смело двинулся в глубь страны во главе шестидесяти двух всадников и ста двадцати пехотинцев. Из всего этого отряда только двадцать человек были вооружены аркебузами и мушкетами. Большую часть запаса огнестрельного оружия Писарро оставил гарнизону крепости Сан-Мигель, рассчитывая, в случае неудачи похода, найти там убежище и дожидаться высадки вспомогательных войск.

Писарро направился к маленькому городу Кахамарка, лежащему в горной местности, в десяти дневных переходах от берега. По пути испанцам пришлось пересечь безводную пустыню, покрытую жгучими песками и тянувшуюся на целых двадцать миль, до провинции Мотупе. В этой пустыне солдаты так изнемогали от зноя и жажды, что перуанцам ничего не стоило бы уничтожить всю экспедицию одним ударом. Но, к счастью для Писарро, Атагуальпа еще ничего не знал о его походе.

Через несколько дней испанцы достигли подножия Андов. Прекрасная тенистая дорога круто поднималась в горы и скрывалась в диких ущельях. На каждом шагу Писарро могла подстергать засада. Но перуанцы проявили беспечность, и завоеватели благополучно достигли цветущей долины Кахамарки. Только тогда в лагере Атагуальпы узнали о появлении белых людей.

Скоро от инки прибыл гонец, и Писарро не замедлил заявить ему о своих дружеских чувствах и преданности. Он сообщил индейскому посланцу, что готов следовать воле монарха, признать его своим господином и уважать жизнь и имущество его подданных. Прибыв в Кахамарку, Писарро благоразумно разместил свое войско в храме и во дворце инки, застраховав себя таким образом от внезапного нападения. Затем он отправил одного из своих братьев и офицера Эрнандо де Сото в сопровождении двадцати солдат в лагерь Атагуальпы, находившийся всего лишь в трех — четырех километрах от города.

Послы были приняты перуанцами с большими почестями. Испанцев поразило обилие золотых и серебряных украшений и невиданная роскошь, окружавшая властителя. Атагуальпа согласился посетить лагерь Писарро и велел известить начальника

белых людей, что явится к нему на следующий день и лично поздравит его с прибытием в Перу. Восгорженные рассказы послов об удивительных богатствах Атагуальпы только утвердили Писарро в намерении изменнически завладеть инкой и его сокровищами.

Многие испанские авторы, в особенности Сарате, преднамеренно извращают факты, чтобы они не казались такими гнусными, и пытаются обвинить в измене Атагуальпу. Но в настоящее время собрано так много документов, что мы не можем вместе с Робертсоном и Прескоттом не признать чудовищного вероломства Писарро. Конкистадору было очень выгодно завладеть инкой и распоряжаться им, как своим орудием, подобно тому, как поступил Кортес с Монтесумой. Писарро не преминул воспользоваться простодушием и честностью Атагуальпы, поверившего его дружеским заверениям и ничуть не подозревавшего, что этот новоявленный «друг» собирается заманить его в западню и готовит ему гибель. Полное отсутствие совести в вероломной душе завоевателя, расчетливая хитрость, гнусное предательство — все это покрывает память Писарро вечным неизгладимым позором!

Писарро разделил свою кавалерию на три маленьких эскадрона, соединил всю пехоту в один отряд, укрыл стрелков по обочинам дороги, по которой должен был проехать инка, и оставил при себе около двадцати самых надежных и решительных воинов.

Атагуальпа, желая дать испанцам представление о своей силе и могуществе, приближался со всей своей армией. Он возлежал на носилках, украшенных драгоценными камнями, разноцветными перьями, золотыми и серебряными пластинками. Его окружали шуты и танцоры, певцы и музыканты, а позади тянулась длинная процессия носилок с его приближенными. Свиту Атагуальпы замыкали солдаты и дворцовая челядь.

Как только инка приблизился к испанскому лагерю, навстречу вышел с переводчиком священник Висенте де Вальверде, получивший впоследствии за свое усердие звание епископа. Подойдя к перуанскому властителю с распятием в одной руке и с молитвенником в другой, отец Вальверде произнес длинную речь.

Он начал с сотворения мира, изложил сказание о потопе и грехопадении, поведал монарху историю Иисуса Христа, растолковал догматы христианской веры, сообщил о могуществе римского папы и о том, что папа Александр отдал во владение испанскому королю все страны Нового Света, и, наконец, предложил Атагуальпе перейти в христианскую веру и подчиниться испанскому королю, как своему законному повелителю. Если инка немедленно подчинится, заявил Вальверде, то испанский король возьмет Перу под свое покровительство и позволит инке продолжать царство-

Атагуальпа, последний перуанский инка. Со старинной гравюры.

вать. Отказ от повиновения чужеземцам повлечет за собой опустошительную войну и страшную месть.

Вот уж, действительно, необыкновенная встреча и, по меньшей мере, странная речь, тем более, что красноречие священника было потрачено впустую! Да и вряд ли он мог надеяться убедить Атагуальпу в правоте христианских догматов. Ведь переводчик, плохо владевший испанским языком, не в состоянии был передать даже и приблизительного смысла его проповеди! Но все-таки самое главное Атагуальпа понял: он понял, какие наглые требования предъявляют ему чужеземцы. Особенно его возмутили угрозы и те места речи, которые касались его власти. Ответ Атагуальпы был преисполнен негодования.

Инка заявил, что он хозяин в своей стране и не понимает, как могут ею распоряжаться без его согласия; он вовсе не намерен отречься от веры своих отцов и принять другую, незнакомую ему религию, о которой он слышал здесь впервые; что касается всего остального, то он ничего не понял; во всяком случае, все это для него чрезвычайно ново и он хотел бы услышать, откуда Вальверде узнал все эти истории.

— Из этой книги, — ответил священник, протянув ему евангелие.

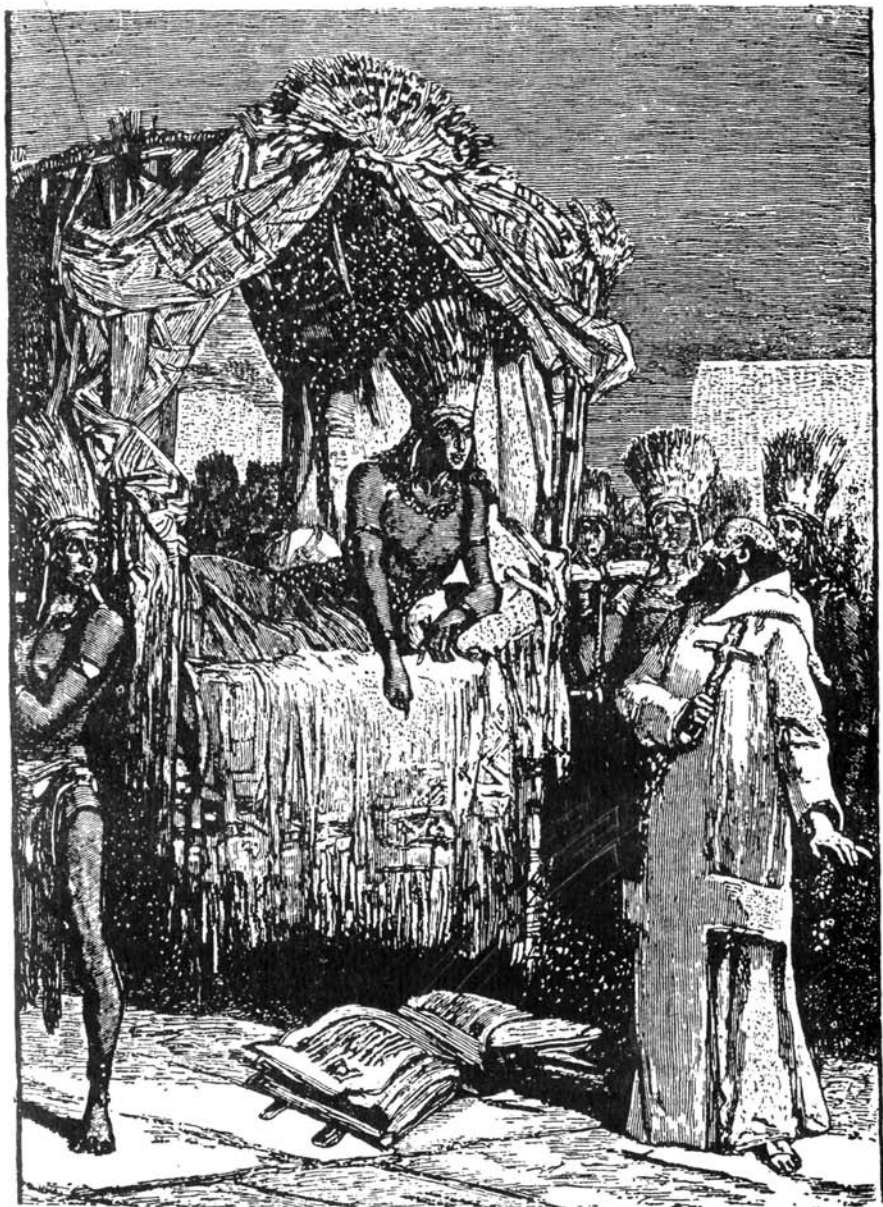
Атагуальпа взял книгу, с любопытством перевернул несколько страниц и, приложив к уху, сказал:

— Она ничего мне не говорит! — С этими словами он бросил ее на землю.

Это послужило сигналом к битве или, вернее, к резне. Аркебузы и мушкеты были пущены в дело, всадники ринулись вперед, пехотинцы с мечами в руках набросились на ошеломленных перуанцев. Началось всеобщее смятение. Индейцы стали разбегаться во все стороны, даже и не пробуя защищаться. Несмотря на то, что телохранители Атагуальпы сгрудились вокруг носилок, заслонив их своими телами, Писарро прорвался вперед, рассеял испуганную свиту и, схватив инку за длинные волосы, сбросил его с носилок.

Только ночь положила конец побоищу. Четыре тысячи перуанцев полегли на месте, еще больше было ранено и три тысячи взяты в плен. То, что произошло, не может быть названо сражением. Это была хладнокровная, заранее задуманная резня. Подтверждается это также тем фактом, что испанцы не понесли никаких потерь. Из всех нападающих был ранен только один человек — сам Писарро, да и то своим же солдатом, который неловко замахнулся мечом.

Добыча, собранная с убитых и в резиденции инки, превзошла самые смелые ожидания испанцев. Количеству собранных богатств соответствовал, конечно, и восторг завоевателей.

Ответ Атагуальпы священнику Вальверде.

Сначала Атагуальпа переносил свое пленение довольно спокойно, тем более что Писарро, по крайней мере на словах, делал все возможное, чтобы облегчить его участь. Вскоре, заметив необузданную алчность своих тюремщиков, инка предложил за себя выкуп: он обещал наполнить комнату длиною около шести и шириною в четыре метра золотыми вазами и всевозможными изделиями из золота до такой высоты, какую достанет его рука. Писарро сразу же согласился. Тогда пленный инка разослал по всем провинциям гонцов с необходимыми распоряжениями, которые были незамедлительно и безоговорочно приняты к исполнению.

Гуаскар, узнав, что испанцы обещали после получения выкупа вернуть Атагуальпе свободу, прислал сообщить Писарро, что если он покончит с Атагуальпой, то получит вдвое больше золота, чем мог предложить ему незаконный правитель Перу. Но Атагуальпа сумел предотвратить свидание Писарро с Гуаскаром. Инка подошл тайно своих приверженцев к брату, и те утопили его в реке Андамарке.

В то время как перуанцы собирали золото для выкупа своего монарха, Писарро, воспользовавшись тем, что войско Атагуальпы было уже расформировано, послал Эрнандо де Сото с пятью испанцами в город Куско, чтобы они «помогли» доверенным лицам инки собирать золото, а своего брата Эрнандо направил во главе небольшого отряда в город Пачакамак, где находились две святыни перуанцев — храм Солнца и храм Создателя вселенной. Эрнандо Писарро не только разграбил оба храма, но и привез с собой в Кахамарку перуанского военачальника Чалькучиму, заявив ему, что его якобы желает видеть Атагуальпа. Тридцатитысячное войско Чалькучимы, оставшись без командира, быстро распалось. Таким образом испанцам удалось одержать еще одну крупную победу.

Между тем Альмагро с большим трудом снарядил в Панаме вспомогательную экспедицию. В феврале 1533 года он привел в Кахамарку сто пятьдесят пехотинцев и пятьдесят всадников. Но прибыл он слишком поздно и помощь его была уже не нужна. Тем не менее, по условиям договора, он имел право на третью часть добычи. Писарро уговорил его взять меньшую долю и решил начать дележ, не дожидаясь, пока комната наполнится золотом до отметки на стене. Почти все художественные изделия были переплавлены в слитки. Общая стоимость золота, за вычетом пятой части в пользу испанского короля, составила 1 326 539 песо.¹⁰⁴ Такого огромного выкупа не платил до того времени ни один монарх.

Этот результат резни и грабежа был торжественно разделен между участниками экспедиции в день святого Якова, покровителя Испании, после благодарственной мессы. Какое отвратитель-

Пленение Атагуальпы. С гравюры XVI века.

ное смешение благочестия и подлости, столь обычное в те времена диких суеверий и безудержной алчности!

На долю каждого всадника досталось по 8 тысяч песо, а пехотинцы получили по 4 тысячи песо золотом. Было чем заткнуть рты самым требовательным, учитывая в особенности, что поход был не долгим и не утомительным! Многие авантюристы, желая насладиться своим неожиданным богатством, стали проситься домой. Писарро охотно отпускал всех желающих, так как понимал, что слух о быстром их обогащении не замедлит привлечь к нему новых добровольцев. Своего брата Эрнандо он послал в Испанию с известием о триумфе и с королевской долей добычи. Вместе с Эрнандо отправились на родину шестьдесят испанцев. Все они уехали, тяжело нагруженные золотом и нисколько не обремененные укорами совести.

Как только Атагуальпа внес последнюю часть выкупа, он потребовал, чтобы его немедленно освободили. Но Писарро не намерен был выполнить свое обещание. Он хотел использовать власть и влияние Атагуальпы в стране, чтобы овладеть всеми богатствами Перу. Кроме того, Писарро подозревал, что инка отдал тайный приказ по всем провинциям собрать войска. Обманутый инка теперь уже не скрывал своего презрения к вероломному завоевателю, не более просвещенному, чем последний из его солдат. Отношения между испанцами и индейцами становились все более напряженными. Солдаты считали, что виноват во всем Атагуальпа, да и Писарро стал склоняться к мысли, что лучше от него избавиться. Чтобы придать очередному преступлению видимость законности, против инки был затеян судебный процесс.

Трудно найти что-либо более гнусное, чем этот суд, в котором Писарро и Альмагро были одновременно и судьями и обвинителями. Из статей обвинения одни были настолько смехотворны, а другие до того нелепы, что не знаешь, чему более удивляться: наглости или криводушию Писарро, подвергшего допросу властителя могущественного государства.

Атагуальпа был признан виновным в незаконном захвате престола, в убийстве своего брата Гуаскара, в растрате золота страны, что нанесло ущерб испанской короне, в идолопоклонстве, в многоженстве, в попытке поднять восстание против законных властителей Перу — испанцев и т. д. За все эти преступления «суд» приговорил его к публичному сожжению на костре. Но так как Атагуальпа в конце концов согласился принять крещение, чтобы только отвязаться в последние часы своей жизни от назойливого Вальверде, то новообращенного, в виде особой милости, не сожгли, а задушили тетивой от лука. Казнь Атагуальпы была повторением печальной истории властителя ацтеков Куаутемока. Эти два злодеяния резко выделяются даже среди бесчисленных

Испанцы умерщвляют Атагуальпу. С гравюры XVI века.

зверств испанцев в Америке, где завоеватели не останавливались ни перед какими позорными преступлениями!

Правда, в разношерстном сборище авантюристов нашлось все же несколько человек, сохранивших чувство чести и собственного достоинства. Они пытались было протестовать во имя поруганной и преданной справедливости, но их слабые голоса были заглушены корыстолюбивыми речами Писарро и его сообщников.

После казни Атагуальпы Писарро облек «верховой властью» одного из его сыновей, совсем еще юношу, но тот вскоре умер, как полагают, отравленный кем-то из партии Гуаскара. Борьба между двумя братьями-инками и все события, имевшие место со времени прибытия испанцев, значительно ослабили ту связь, которая всегда существовала между перуанцами и их властителями. Поэтому Писарро очень обрадовался, когда к нему явился Манко, сын убитого Гуаскара, с изъявлениями преданности и покорности. Несмотря на то, что Писарро торжественно короновал его в Куско, новый «государь» пользовался не большим влиянием, чем его скоропостижно скончавшийся предшественник. В стране началось брожение. Империя стала распадаться. Правитель Кито, Руминагуи, приказал убить брата и детей Атагуальпы и объявил себя главою независимого государства.

Испанцы умело воспользовались внутренними раздорами в стране. Писарро стремительно двинулся на Куско, решив, что теперь у него достаточно сил, чтобы покорить столицу Перу. В гавани Сан-Мигель высаживались толпы авантюристов, соблазненных рассказами о перуанских сокровищах, и спешили присоединиться к Писарро. Под его начальством собралось уже пятьсот человек, не считая значительного отряда, оставшегося в крепости Сан-Мигель во главе с Белалькасаром.

Во время похода на Куско происходили стычки с большими отрядами перуанцев, но все они кончились для них тяжелыми потерями и самыми ничтожными для завоевателей. 15 ноября 1533 года испанцы вступили в Куско и немедленно овладели городом. Но здесь их ждало разочарование: золота и драгоценных камней удалось собрать гораздо меньше, чем они ожидали, хотя добыча и превысила в общем сумму выкупа Атагуальпы. Потому ли испанцам показалось этого мало, что они уже «освоились» со сказочными богатствами страны, или потому, что теперь стало больше желающих принять участие в дележе?

Между тем Белалькасар, которому наскучило бездействие, воспользовался подкреплением, прибывшим из Никарагуа и Панама, и отправился в Кито, где, по словам перуанцев, Атагуальпа оставил большую часть своих богатств. С отрядом из восьмидесяти всадников и ста двадцати пехотинцев он разбил войско Руминагуи, преградившее ему путь, и благодаря своему мужеству

и ловкости вступил победителем в Кито. Но ему пришлось испытать еще большее разочарование: сокровищ Атагуальпы в Кито вовсе не оказалось. По-видимому, они были предусмотрительно вывезены и спрятаны жрецами.

Не успел Белалькасар укрепиться в завоеванном городе, как на сцену неожиданно выступило новое действующее лицо. На перуанском побережье высадился с крупными силами сподвижник Кортеса, губернатор Гватемалы Педро де Альварадо. Прикинувшись, будто он не знает, что провинция Кито подлежит ведению Писарро, новый претендент на завоевание Перу организовал экспедицию из пятисот человек, в числе которых было более двухсот всадников. Альварадо рассчитывал первым дойти до Кито, а потом уже отстаивать права фактического владельца. Высадившись в Портовехо, он решил добраться до Кито без проводников, но выбрал по неведению самый худший и труднейший путь через Анды. После страшных страданий от жажды и голода, не говоря уже о горячем пепле извергающегося вулкана Чимборасо и о глубоких снегах на горных перевалах, экспедиция Альварадо, потеряв пятую часть своих участников и половину лошадей, достигла, наконец, долины Кито. Оставшиеся в живых были так измучены, что потеряли всякую боеспособность.

Как только Писарро узнал о высадке Альварадо, он немедленно послал на спорную территорию своего компаньона Диего де Альмагро, поручив ему предварительно зайти в Сан-Мигель за подкреплением. Не застав в крепости Белалькасара, раздосадованный Альмагро отправился в поход на Кито с теми незначительными силами, которые были в его распоряжении.

Это трагикомическое состязание трех претендентов, из которых каждый хотел опередить и перехитрить своих соперников, как нельзя лучше характеризует бесчестные нравы испанских конкистадоров.

Можно себе представить удивление и беспокойство, охватившие спутников Альварадо, когда вместо ожидаемых индейцев они увидели перед собой отряд испанских солдат под начальством Альмагро! Оба отряда изготовились к бою. Но подоспевший в это время на помощь к Альмагро Белалькасар сообщил ему, что в Кито не оказалось никаких сокровищ. Альмагро понял, что сражаться по сути дела не из-за чего. Вступив в переговоры с Альварадо, он заключил с ним мировую сделку. Губернатор Гватемалы согласился за сто тысяч песо отказаться от своих притязаний и уступить Писарро весь свой флот и все военное снаряжение. После этого Альмагро вошел со своим отрядом в Кито и отправил к Писарро гонцов с донесением о новой блистательной победе.

Пока в Перу происходили эти события, Эрнандо Писарро прибыл в Испанию с богатым грузом награбленных сокровищ, кото-

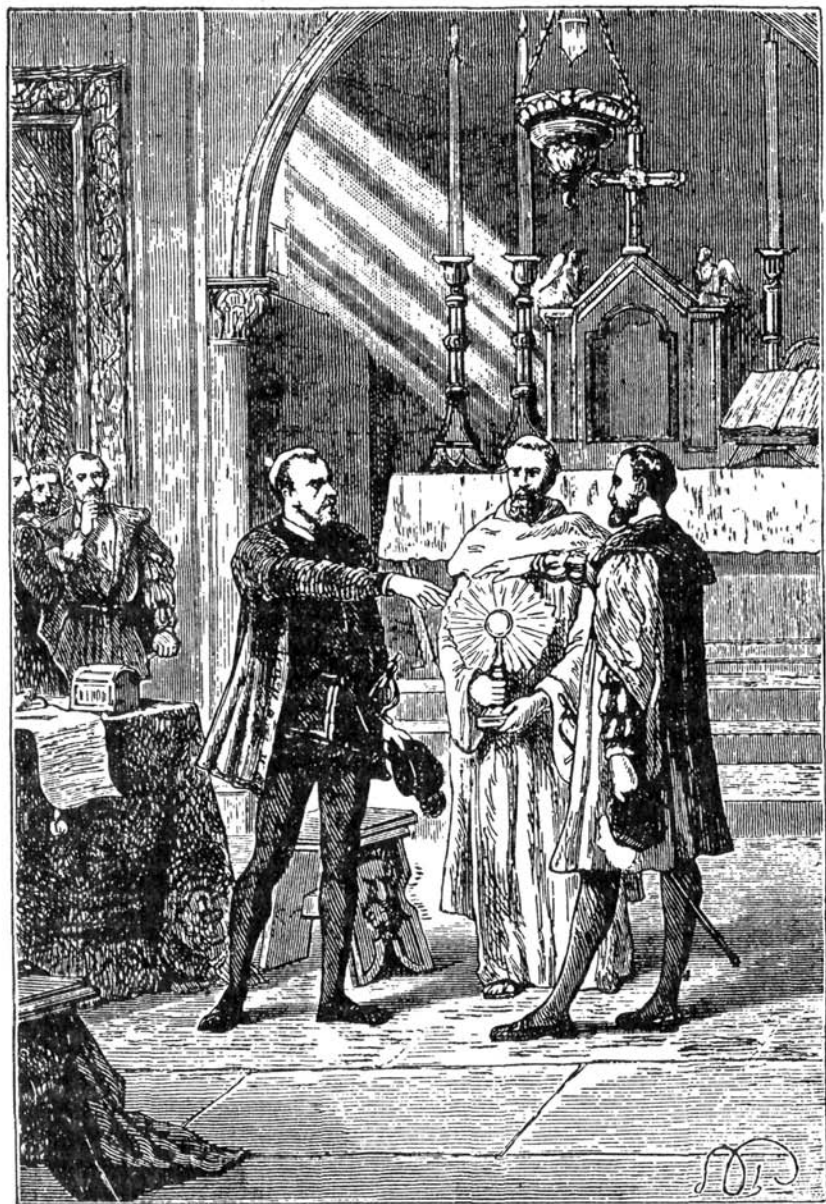
рые обеспечили ему при дворе превосходный прием. Эрнандо добился для своего брата Франсиско расширения наместнических прав и привилегий, а также ему был присвоен титул маркиза. Отныне Франсиско Писарро — маркиз де Альтавильтас — общался к придворной знати. Эрнандо Писарро получил рыцарское звание. Что касается Альмагро, то он был утвержден в должности «аделантадо» — губернатора; его владения простирались на двести испанских миль (больше тысячи километров) без обозначения границ подвластной ему территории, что открывало широкий простор для всевозможных недоразумений и произвольных толкований.

Когда Альмагро узнал, что ему вверено самостоятельное губернаторство, он решил, что Куско находится на его территории, и предпринял завоевание этой страны. Но его намерению воспротивились Хуан и Гонсало Писарро. Соперники готовы уже были разрешить спор оружием, когда в перуанскую столицу прибыл Франсиско Писарро, «великий маркиз», как его часто называют испанские историки.

Альмагро никогда не мог простить своему компаньону ни его лукавства, выказанного в переговорах с Карлом V, ни той развязности, с какой он присвоил себе в ущерб союзникам большую часть власти и управления. Но так как намерения Альмагро встретили серьезное сопротивление, а сила была не на его стороне, то он до поры до времени скрыл свое неудовольствие и досаду и притворился, будто очень обрадован примирением.

«Товарищество было восстановлено, — говорит Сарате, — на том условии, что дон Диего де Альмагро отправится открывать новые страны на юге, и если найдет что-нибудь хорошее, то для него будет испрошено наместничество у его величества короля; если же Альмагро ничего не найдет, тогда дон Франсиско разделит с ним свои владения. Договор был заключен в торжественной обстановке, и оба поклялись на святых дарах, что в дальнейшем ни тот, ни другой ничего не будут предпринимать друг против друга». Современники утверждают, что Альмагро поклялся не посягать ни на страну Куско, ни на соседние страны, простирающиеся на сто тридцать лье к северу от ее границ, если даже король дарует ему наместничество. Обратившись к святым дарам, он якобы произнес следующие слова: «Господи, если я преступлю данную мною клятву, то порazi и накажи тело и душу мою».

После того как был заключен этот торжественный договор, выполненный, впрочем, с такой же «верностью», как и первый, Альмагро занялся приготовлениями к походу. Благодаря большой щедрости и энергии ему удалось увлечь за собой пятьсот шестьдесят человек. Среди них были и кавалеристы. Осенью 1535 года он выступил с этим войском по направлению к Чили. Путь ока-

Франсиско Писарро и Альмагро дают торжественную клятву не воевать друг с другом.

зался чрезвычайно трудным. Особенно тяжело дался переход через Анды. Солдаты гибли от холода, болезней и истощения. Не раз приходилось выдерживать битвы с воинственными племенами, которых еще не коснулась никакая цивилизация. Туземцы нападали на испанцев с такой яростью, что ничего подобного завоеватели не видали ни в Перу, ни в какой-либо другой завоеванной стране. Альмагро дошел до 30° южной широты, но ни золота, ни сокровищ в этом краю не оказалось. Тем не менее он упорно продолжал продвигаться к югу, пока измученные солдаты не отказались наотрез продолжать этот бесполезный поход. Альмагро пришлось повернуть обратно.

Писарро, заключив с ним в 1535 году договор, отправился в соседние приморские провинции, надеясь без всякого сопротивления туземцев установить там новые порядки. Для неграмотного человека, никогда не изучавшего правоправедения, его уставы о сборе податей, об учреждении судопроизводства, о «репартимент» (распределение земельных участков и прикрепленных к ним индейцев среди испанских колонистов), о работе индейцев в рудниках были составлены умно и толково. Если вся деятельность этого конкистадора, его алчность и вероломство заслуживают самого сурового осуждения, то справедливость требует сказать, что он понимал значение своей роли как основателя большой империи. Он долго раздумывал, какой город выбрать в качестве столицы испанских владений. В пользу Куско говорило то, что здесь находилась резиденция инков; но этот город, расположенный более чем в четырехстах милях от берега моря, находился далеко от Кито, которому Писарро придавал первостепенное значение. Как раз в это время его внимание было привлечено красотой и плодородием обширной долины, орошаемой течением реки Римака. Здесь, в девяти километрах от моря, он и основал в 1536 году столицу своей державы. Вскоре был выстроен великолепный губернаторский дворец и роскошные особняки для главных офицеров. «Город королей», или Лима,¹⁰⁵ как позже была названа столица Перу, стал быстро разрастаться и превратился в большой административный и торговый центр.

Пока Писарро, занятый всеми этими заботами, находился вдали от Куско, небольшие военные отряды углублялись в самые отдаленные провинции, чтобы уничтожить последние очаги сопротивления. В Куско был оставлен совсем незначительный гарнизон. Этим обстоятельством воспользовался инка Манко, которому запрещено было выезжать из города. Номинальный властитель Перу решил свергнуть иго чужеземцев и стать полноправным монархом. Он сплотил вокруг себя влиятельных жрецов и разработал с ними план всеобщего восстания. Несмотря на то, что Манко находился под неусыпным надзором, он сумел обмануть

бдительность испанцев и организовал заговор, не возбудив никакого подозрения. Однажды он попросил разрешения присутствовать на большом религиозном празднике в нескольких километрах от Куско, где должны были собраться все знатнейшие лица империи. Появление инки послужило сигналом к восстанию.

Перуанцы взялись за оружие на всем пространстве от Кито до Чили и вскоре уничтожили несколько испанских отрядов. Братья Писарро со ста семьюдесятью испанцами были осаждены в Куско. Осада Куско, начавшаяся в феврале 1536 года, продолжалась одиннадцать месяцев. На стороне осаждающих был огромный численный перевес. Против испанцев было обращено захваченное у них же оружие. В городе непрерывно пылали пожары. Среди осажденных начался голод. Отряды, которые Франсиско Писарро четыре раза посылал на помощь братьям, истреблялись перуанцами в узких ущельях Андов. Осажденные испанцы мужественно сражались и несли большие потери. В числе погибших оказался и один из братьев Писарро — Хуан.

Перуанцы были уже близки к тому, чтобы взять город штурмом, когда у стен Куско неожиданно появился со своим отрядом Диего де Альмагро. На обратном пути в Перу ему пришлось пересечь гористую песчаную пустыню Атакаму, где его солдаты перенесли не меньше страданий от зноя и жажды, чем в Андах от снега и холода. Достигнув перуанской территории, он узнал о восстании, разбил наголову войска Манко и снял осаду с Куско.

Сославшись на то, что этот город неподведомственен Писарро, Альмагро ввел в него своих солдат. Перевес в силах был на его стороне, и братьям Писарро пришлось сложить оружие. 8 апреля 1537 года Альмагро взял под арест Эрнандо и Гонсало Писарро и объявил себя законным губернатором перуанской столицы.

В это же самое время значительный отряд перуанцев осаждал новую столицу — Лиму, где находился Франсиско Писарро. Все свои корабли он отправил за подкреплениями в Панаму и послал гонцов в недавно построенную крепость Трухильо, где во главе большого гарнизона находился Алонсо де Альварадо. Писарро приказал ему немедленно отправиться в Куско на выручку Эрнандо и Гонсало. Приблизившись к городу, Альварадо с удивлением узнал, что осада с Куско снята и он снова находится в руках испанцев. Не успел Альварадо опомниться, как Альмагро устроил засаду и взял в плен весь его отряд.

Теперь силы Альмагро удвоились, так как к нему охотно присоединились почти все солдаты Альварадо. После этого Альмагро оставалось только двинуться на Лиму, чтобы раз и навсегда покончить с Франсиско Писарро и объединить под своей властью оба губернаторства. На это и намекали ему некоторые офицеры, в особенности Оргоньос, побуждавший его немедленно уничто-

жить обоих братьев Писарро, а затем ополчиться на бывшего компаньона и союзника. Но кого Юпитер захочет погубить, — сказал римский поэт, — у того он отнимет разум. Альмагро, который во всех других случаях никогда не чувствовал угрызений совести, на этот раз проявил нерешительность, а вернее всего, испугался далеко идущих последствий своего бунта против «великого маркиза». Так или иначе, вместо того чтобы выступить в поход, он остался в Куско.

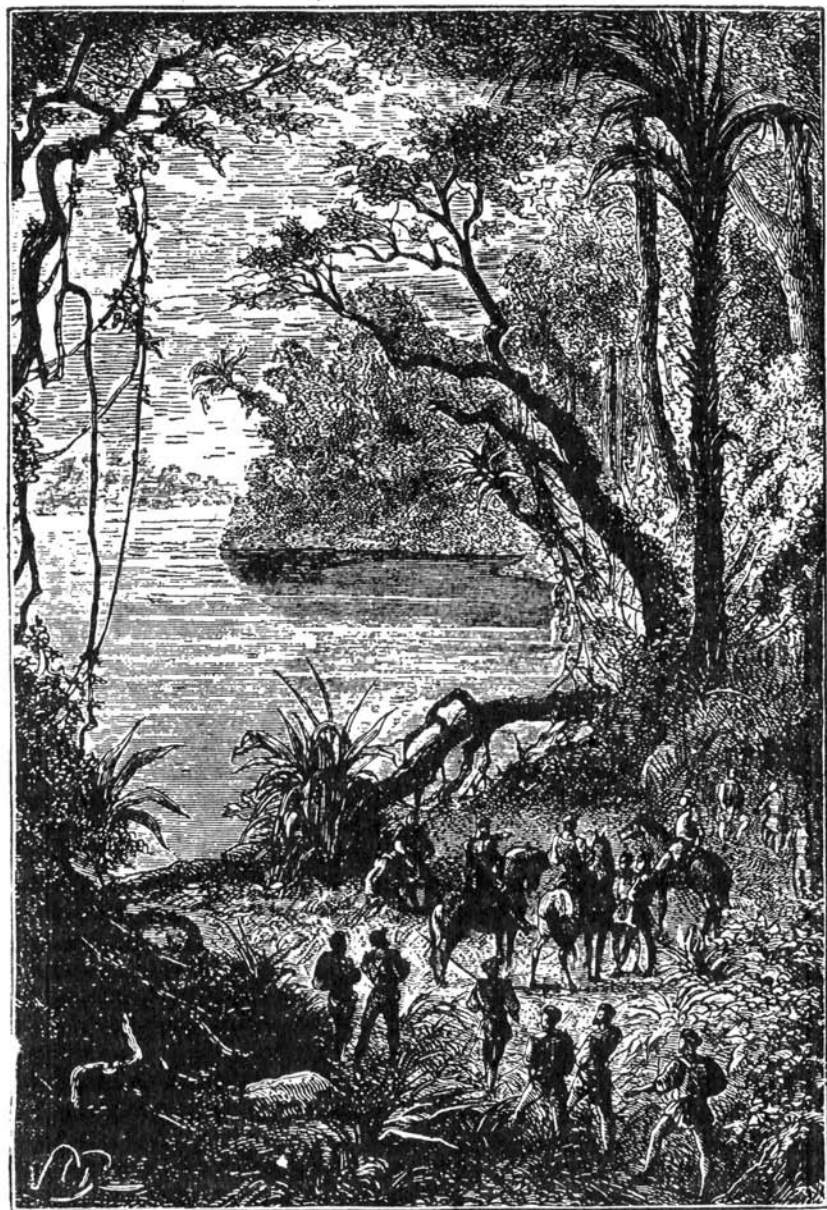
Если взглянуть на это дело с точки зрения интересов Альмагро, то следует признать, что он совершил роковую ошибку, в которой ему пришлось горько раскаяться. Но если принять во внимание интересы испанской короны, то начатый им раздор и междоусобная война, затеянная на глазах у неприятеля, уже сами по себе составляли тяжкое преступление. И Альмагро это настолько хорошо понимал, что решил ради собственной безопасности занять выжидательную позицию.

Между тем положение Писарро было не из легких. Ему оставалось только надеяться на время и случай. Силы его были скованы, так как подкрепления из Панамы заставляли себя ждать.

Альмагро, пропустив благоприятную возможность, завел с противником новые переговоры, продолжавшиеся несколько месяцев. Тем временем Гонсало Писарро и Альварадо удалось подкупить стражу и бежать. Уже етолько раз обманутый Альмагро согласился все же принять приверженца Писарро — Эспиносу, старавшегося убедить его, что ссора между двумя противниками не только пагубна для всей страны, но, без сомнения, вызовет гнев короля и смещение их обоих с постов. Однако доводы Эспиносы не подействовали на Альмагро. Он хотел, чтобы Писарро по меньшей мере разделил с ним свою власть.

Наконец, соперники согласились последовать решению третейского суда. В роли судьи выступил монах Бовадилья. Он потребовал прежде всего немедленного освобождения Эрнандо Писарро, передачи Куско в распоряжение маркиза и посылки в Испанию нескольких офицеров от обеих сторон с полномочиями добиться у короля окончательного решения о разграничении прав обоих соискателей.

Но едва только последний из его братьев получил свободу, как Писарро, отбросив всякую мысль о мире или перемирии, объявил, что только оружие решит, кто из них — он или Альмагро — будет хозяином в Перу. В короткое время он собрал семьсот человек, начальство над которыми поручил двум своим братьям. Прямым путем можно было попасть в Куско только через горы. Чтобы облегчить себе переход, они отправились по берегу моря к отрогам Андов, откуда дорога вела прямо к столице.

Отряд Гонсало Писарро на берегу реки Напо.

Альмагро следовало бы защищать горные проходы, но под его началом было только пятьсот человек и главные надежды он возлагал на кавалерию, которая не могла бы действовать в узких ущельях. Поэтому ему пришлось дожидаться неприятеля в долине Куско. 26 апреля 1538 года произошла решающая битва. Оба отряда сражались с одинаковым ожесточением, но победу решили две роты мушкетеров, которые прислал на помощь Писарро испанский король, узнавший о восстании перуанцев. В этом сражении, известном под названием «битва при Лас-Саликасе», пало с той и другой стороны сто сорок испанцев. Оргоньос и несколько приближенных офицеров Альмагро были убиты уже после сражения. Братья Писарро снова вошли в Куско и тотчас же захватили престарелого, больного Альмагро.

Индийцы, следившие из своих горных убежищ за этим междоусобным сражением, решили было напасть на победителей, но в последнюю минуту дрогнули и обратились в бегство. «Ничто, наверное, так не доказывает, как этот факт, — говорит Робертсон, — суеверного ужаса, который внушали испанцы коренным жителям Америки. У свидетелей сокрушительного поражения одной из сторон не хватило мужества наброситься на другую, ослабленную и утомленную самой победой; они не осмелились напасть на своих угнетателей, когда, казалось, сама судьба предоставляла благоприятный случай отомстить завоевателям».

В эту эпоху победа, не сопровождавшаяся грабежом, не считалась полной. И город Куско был предан разграблению. Но его богатств оказалось недостаточно, чтобы насытить алчность офицеров и солдат Писарро. Все они были такого высокого мнения о своих достоинствах и заслугах, что каждый требовал для себя большей доли. Эрнандо Писарро, разделив между своими людьми часть добычи, отправил их вместе с присоединившимися солдатами Альмагро завоевывать новые земли. После этого он решил разделаться с Альмагро. Побежденный соперник «великого маркиза» был предан суду и приговорен к смертной казни. Узнав о решении суда, Альмагро стал ссылаться на свой преклонный возраст и укорять победителей в несправедливости. Но вскоре к нему вернулось его обычное хладнокровие, и он ожидал смерти с мужеством солдата.

8 июня 1538 года Альмагро задушили в тюрьме, а затем публично обезглавили его труп.

Чтобы загладить дурное впечатление от казни Альмагро, Франсиско Писарро решил послать в Испанию Эрнандо с отчетом о своих действиях. Но для этого требовалось много золота. Только оно могло произвести впечатление на испанский двор и вернуть Писарро расположение короля.

Началась новая полоса грабежей, реквизиций и насилий над

перуанцами. Внушительное количество золота и сокровищ удалось собрать только к началу 1540 года.

Эрнандо Писарро без дальнейших оттяжек отправился на родину, но встретил там страшное предубеждение против себя и своих братьев не только со стороны короля и придворных, но и со стороны всего общественного мнения. Друзья Альмагро, имевшие связи в придворных кругах, изложили всю историю деятельности Писарро и его братьев в таком неприглядном свете — а сделать это было совсем не трудно, — что даже золото не возымело своего обычного действия. Эрнандо Писарро с большим трудом удалось добиться свидания с королем.

Выслушивая только заинтересованные стороны, Карл V не мог решить, кто же в конце концов больше виноват. Ему было ясно одно: эти междоусобные войны наносят ущерб интересам Испании. Поэтому король решил послать в Перу комиссара, предоставив ему широкие полномочия. Комиссар должен был ознакомиться на месте со всеми обстоятельствами и установить наиболее подходящую, по его мнению, форму правления. Это важное поручение было возложено на Вако де Кастро, с успехом выполнившего свою задачу. Предложив ему отнестись с уважением к Франсиско Писарро, король в то же время приказал арестовать его брата. Эрнандо Писарро провел в тюрьме двадцать лет и вышел оттуда восьмидесятилетним старцем.

Между тем «великий маркиз», не дожидаясь решения короля, делил в Перу завоеванные земли. Себе и своим приближенным он оставлял наиболее плодородные и удобно расположенные области, наделяя спутников Альмагро, или чилийцев, как их называли, самыми скудными и отдаленными участками. Такой пристрастный раздел, конечно, не мог не вызвать раздражения среди бывших солдат Альмагро.

Одному из своих офицеров, по имени Педро де Вальдивия, Писарро поручил завершить предприятие, начатое Альмагро, то есть покорение Чили. Вальдивия выступил 28 января 1540 года по приморской дороге со ста пятьюдесятью солдатами и двумя священниками. Сравнительно благополучно пересек он безводную пустыню Атакаму и добрался до центральной части Чили — плодородных долин Кокимбо. Местные жители сначала встретили испанцев дружелюбно, но, когда после сбора урожая пришельцы начали грабить население, воинственные индейцы-арауканы выступили против них с оружием в руках. Они храбро сражались не только с солдатами Вальдивии, но и с его преемниками. Непрерывные войны испанцев с арауканами не прекращались в течение целого столетия.

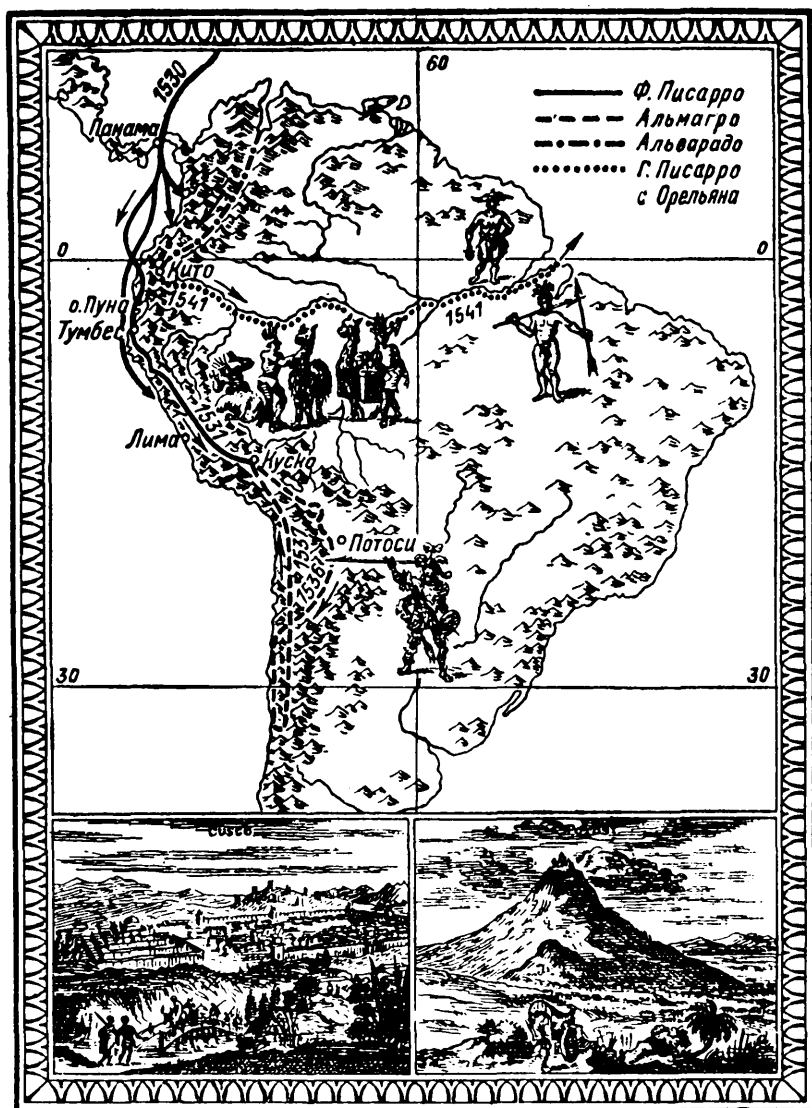
12 февраля 1541 года Вальдивия заложил новый город Сантьяго (город святого Якова). Менее корыстолюбивый, чем другие

конкистадоры, Вальдивия приступил к разработке недр, поощрял земледелие, привлекал колонистов, строил города. Несмотря на то, что Вальдивия, как и все испанские конкистадоры, управлял жестоко, применяя в рудниках и на плантациях труд индейцев-рабов, все же он придерживался более благоразумной политики, чем Писарро, и не учинял таких страшных, бессмысленных побоищ. Искреннее желание Вальдивии создать процветающую, богатую колонию выделяет его среди алчных, честолюбивых конкистадоров XVI века. Однако вольнолюбивые чилийские индейцы не желали примириться с потерей своей независимости. В 1554 году Вальдивия и его приближенные были убиты восставшими арауканами.

В то время как Вальдивия отправлялся в Чили, Гонсало Писарро переходил через Анды во главе трехсот сорока испанцев и четырех тысяч перуанцев, поставив своей целью найти на востоке страну, в которой, по словам индейцев, в изобилии росли корица и пряности. С большим трудом удалось преодолеть горные хребты и бурные потоки. Много людей погибло в горах от холода. Отряд медленно продвигался в глубь материка. В обширных равнинах, покрытых болотами и непроходимыми лесами, испанцы были застигнуты проливными дождями, не прекращавшимися в продолжение двух месяцев. Трудности похода усугублялись недостатком пищи и враждебным отношением туземцев. Но несмотря на все лишения, Гонсало Писарро достиг долины реки Напо, входящей в систему Амазонки, и затем дошел до реки Мараньон (Амазонка). Здесь испанцы разбили лагерь и построили бригантину. Пятьдесят солдат под начальством офицера по имени Франсиско де Орельяна пустились на этой бригантине вниз по течению, чтобы добыть продовольствие для экспедиции. Они добрались до устья Амазонки, проплыв таким образом около двух тысяч миль.

Возможно, Орельяна захотел отделиться от своего начальника, а может быть, его люди не смогли справиться с быстрым течением, как бы то ни было, это было поистине удивительное плавание, продолжавшееся 172 дня, — через незнакомые области, без компаса, без проводника, без запасов провизии, с непокорным экипажем, среди враждебного населения! Добравшись как-им-то чудом на своей наспех сколоченной бригантине до Атлантического океана, Орельяна затем ухитрился достичь острова Кубагуа (у побережья Венесуэлы), откуда отправился в Испанию, чтобы предложить дерзкий план завоевания и колонизации берегов великой реки.

Орельяна охотно рассказывал соотечественникам всевозможные басни об удивительных богатствах и чудесах тех стран, через которые ему довелось проехать; золота здесь было будто бы

Маршруты экспедиций Ф. Писарро, Альмагро, Альварадо, Г. Писарро и Орельяна.

столько, что местные жители устилали им кровли домов и храмов. В глазах испанцев эта басня служила подтверждением распространенной легенды об Эльдорадо («стране позолоченного человека»), где золота «полным полно». В XVI веке на поиски фантастического Эльдорадо снаряжались одна за другой экспедиции, исследовавшие всю северную часть Южной Америки. Орельяна рассказывал также о существовании на берегах великой реки «республики женщин-воительниц». Это сообщение, напоминавшее древнегреческий миф, дало повод назвать реку, которую открыл Орельяна, рекой Амазонк. Если отбросить из рассказов об этом путешествии все нелепое и вымышленное, что особенно привлекало современников, то нужно признать, что Орельяна совершил одну из самых замечательных экспедиций эпохи великих открытий, изобиловавшей грандиозными предприятиями. Франсиско де Орельяна впервые сообщил европейцам о существовании обширной страны, простирающейся от Анд до Атлантического океана.

Но вернемся к Гонсало Писарро. Можно себе представить его изумление и беспокойство, когда, дойдя со своим отрядом до места, где Напо впадает в Мараньон, он не нашел Орельяна, который должен был его здесь ожидать. Полагая, что с его помощником случилось какое-то несчастье, Гонсало велел построить каноэ и отправил несколько человек на разведку вниз по реке, в надежде, что они встретят Орельяна. Только через два месяца Писарро, продвигаясь на восток, встретил полуживого офицера из отряда Орельяны и узнал от него, что тот якобы умышленно нарушил приказ начальника, пустившись в плавание по неизвестной реке.

Продвигаться дальше было уже невозможно. Измученные, истощенные люди валились с ног от голода и болезней. Так и не найдя легендарную страну пряностей, Гонсало Писарро решил вернуться в Перу. Обратный путь экспедиции был усеян сотнями трупов. Испанцы съели всех лошадей и собак, сжевали кожаные ремни и упряжь, питались падалью и кореньями. Когда остатки экспедиции выбрались из джунглей на открытое плоскогорье, в живых осталось только восемьдесят человек. Четыре тысячи индейцев и двести десять испанцев погибли в этом страшном походе, продолжавшемся не менее двух лет.

В то время как Гонсало Писарро с такими мучениями продвигался через экваториальные джунгли, приверженцы казненного Альмагро, пылая жаждой мести, сплотились вокруг его сына Диего и решили покончить с Франсиско Писарро.

О заговоре стало известно друзьям Франсиско, но напрасно они старались предостеречь «великого маркиза». Он был так упоен своей властью и могуществом, что не желал считаться

Смерть Франсиско Писарро. С гравюры XVI века.

ни с какими советами. «Пока меч правосудия находится в моих руках, — говорил он, — никто не осмелится посягнуть на мою жизнь».

В воскресенье 26 июня 1541 года, когда Писарро наслаждался послеобеденным отдыхом, во дворец к нему ворвались девятнадцать заговорщиков с обнаженными шпагами в руках. С криками: «Смерть тирану! Смерть подлецу!» — они перебили пажей и адъютантов, пытавшихся преградить им путь, и ринулись во внутренние покои дворца. Услышав крики, все приближенные Писарро выпрыгнули из окон, за исключением его сводного брата по матери, Франсиско де Алькантары, двух дворян и двух пажей, которые остались защищать наместника. Покончив с ними, нападающие проникли в зал, где находился в это время Писарро. Намотав плащ на левую руку и обнажив шпагу, старец бросился на заговорщиков. Четверых он положил на месте и нескольких ранил. Но силы были неравные. Не прошло и минуты, как Писарро был сражен своими убийцами.

«Так, — говорит Сарате, — они достигли цели, довершив свое дело ударом меча по его горлу. Будучи уже не в силах вымолвить слово, маркиз сделал изображение креста на полу, поцеловал его и испустил дух».

Дом наместника был так зверски разграблен заговорщиками что даже не на что было купить для покойника восковых свечей.

Таков конец Франсиско Писарро. Он был убит в столице обширной империи, приобретением которой Испания была обязана исключительно его храбрости и настойчивости. Но оставил он эту империю опустошенной, разоренной, разграбленной, обогрванной потоками крови.

Писарро часто сравнивают с Кортесом. Нужно сказать, что он был так же честолюбив, отважен, настойчив и обладал не меньшими военными способностями. Но к недостаткам Кортеса — жестокости и корыстолюбию, доведенным у Писарро до самой последней крайности, присоединялись еще крайнее вероломство и двоедушие. Неизменная суровость, грубость, алчность, лукавство — все эти отличительные стороны характера Писарро могут внушить к его личности только отвращение.

Если Кортес встретил в Мексике храбрых и решительных противников, поставивших на его пути к власти почти непреодолимые преграды, то завоевание Перу досталось Писарро куда легче: мягкие и боязливые перуанцы не дали решительного отпора его оружию. Но из двух завоеваний — Мексики и Перу — больше выгод принесло Испании то, которое было легче добыто. Вот почему завоевание Перу ценилось в Испании дороже.

После смерти Писарро наместником был провозглашен Диего де Альмагро младший. Это послужило сигналом к возобновлению

междоусобной войны, которая не прекращалась до приезда нового наместника, назначенного королем.

В 1541 году в Перу прибыл, наконец, королевский комиссар Вако де Кастро. Собрав большой отряд из приверженцев Писарро, он направился с ними в Куско, где укрывался Диего де Альмагро, не признававший власти королевского представителя. Альмагро был схвачен и казнен вместе с сорока приверженцами. После этого Вако де Кастро занялся подавлением нового восстания перуанцев и твердо управлял завоеванной страной до приезда в 1543 году Бласко Нуньеса, получившего титул вице-короля Новой Кастилии.

Мы не будем излагать историю раздоров и борьбы, происходивших между вице-королем и Гонсало Писарро, который воспользовался всеобщим недовольством испанских колонистов новым законом о «репартимьенто». Согласно этому закону, рабство индейцев отменялось и все они объявлялись «свободными вассалами его величества».¹⁰⁶ Став во главе восстания, Гонсало Писарро сместил вице-короля и захватил власть в Перу. После многих перипетий победа перешла на сторону нового королевского комиссара Педро де ла Гаско, и в 1548 году Гонсало Писарро был казнен.

Тело этого последнего конкистадора из «династии» Писарро было отправлено в Куско и погребено в одежде. «Никто не захотел, — говорит Гарсиласо де ла Вега, — пожертвовать мертвецу саван».

Так кончил свои дни убийца Альмагро, и так поплатились за свои преступления братья Писарро.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ПЕРВОЕ КРУГОСВЕТНОЕ ПЛАВАНИЕ

Фернан Магеллан. — Его участие в португальских военных экспедициях. — Переезд в Испанию. — План кругосветного путешествия. — Приготовления к экспедиции. — Антонио Пижафетта. — Ла-Плата. — Патагонцы. — Подавление мятежа. — Зимовка в бухте Сан-Хулиан. — Магелланов пролив. — Тихий океан. — Разбойничьи острова. — Филиппинские острова. — Смерть Магеллана. — Борнео. — Молуккские острова. — Судьба корабля «Тринидад». — Плавание «Виктории». — Мыс Доброй Надежды. — Острова Зеленого мыса. — Завершение кругосветного плавания.

Колумб, открыв Багамские и Антильские острова, был убежден, что доплыл до восточных берегов Азии. Открыв затем восточный берег Центральной Америки, он внушил себе, что находится в десяти днях пути от Ганга. Но в начале XVI века восторжествовало другое мнение. Считалось, что земли, открытые Колумбом и его последователями в западной части Атлантики, представляют собой обширные острова, лежащие между Европой и Азией, причем расстояние от этих островов до Азии казалось совершенно ничтожным по сравнению с уже пройденной частью Атлантического океана.

Испанские мореплаватели полагали, что от Верагуа (Панамы) до Молуккских островов путь очень короткий: стоит лишь найти пролив, ведущий из Атлантического океана в «Южное море» (Тихий океан), чтобы добраться до «Островов приностей» — до этих чудесных островов, обладание которыми обогатит Испанию!

Долгое время испанские, португальские и английские мореходы искали этот желанный пролив, следуя в разных направлениях вдоль западных берегов американского континента. Кортириал и Кабот искали путь в Индию, Китай и Сипанго (Японию) в северо-западной части Атлантики, у берегов Лабрадора и Ньюфаундленда. Кортес и другие испанские конкистадоры исследовали с этой целью Панамский перешеек, берега Центральной

Америки и Калифорнийский залив. Америго Веспуччи собирался достичь юго-восточной Азии, обогнув «Землю Святого Креста» (южноамериканский материк).

Этот подвиг суждено было совершить отважному португальскому мореплавателю Фернану де Магальяншу, состоявшему на службе в Испании под именем Магеллана. Под этим именем он и завоевал себе всемирную славу. Магеллан не только нашел искомый проход в «Южное море», но и совершил — если и не он сам, то его уцелевшие спутники — первое в истории кругосветное путешествие.

Фернан Магеллан родился около 1480 года. Место его рождения точно не установлено. Долгое время считалось, что он происходил из городка Саброжа, в захолустной, отдаленной от моря провинции Тразож-Монтиш, что значит по-португальски «за горами». Но это предположение опровергнуто последующими изысканиями. Возможно, что Магеллан родился в портовом городе Опорто. Из-за чести считаться родиной великого мореплавателя спорят и другие португальские города. О его семье ничего не известно, за исключением того, что это была захудалая дворянская семья.

Магеллан провел свою юность, подобно многим молодым *hidalgos de cota de armas** при дворе короля в качестве пажа. Об этом периоде его жизни не сохранилось никаких известий. Но несомненно, как и все молодые придворные короля Мануэла, он владел воинским искусством и был знаком с мореходным делом.

Так как в ту эпоху Португалия была охвачена горячкой открытий и завоеваний новых земель, то и Магеллан поступил в ранней молодости на морскую службу; в 1505 году в качестве простого солдата он отправился в Индию с экспедицией Франсишку д'Алмейды. По дороге в Индию он участвовал в разграблении африканских городов Килвы-Кивиндже и Момбасы. В 1506 году Магеллан получил тяжелое ранение в морском бою у Каннанура и после выздоровления был послан под начальством капитана Перейры строить крепость Софалу на африканском берегу. Потом он отличился в знаменитом сражении под Диу, где д'Алмейда 2—3 февраля 1509 года разбил соединенный флот арабов и венецианцев.

Далее, в том же 1509 году, вместе с Диогу Лопишем да Секейрой, посланным королем Мануэлом на поиски «Островов пряностей», Магеллан посещает Малакку — главный центр международной торговли пряностями на Востоке. Флотилия Секейры избежала гибели в гавани Малакки и благополучно прибыла

* Дворяне четвертого разряда, привилегии которых ограничивались правом носить оружие.

Фернан Магеллан.

в Каннанур только благодаря мужеству и находчивости трех участников экспедиции: капитана Гарсна де Суса и двух молодых офицеров — Фернана де Магальянша (Магеллана) и Франсишку Серрана. После этого Магеллан храбро сражался под знаменем Афонсу д'Албукерки у стен Гоа и в Малакке и в 1511 году отправился с экспедицией Антониу д'Абреу к Молуккским островам.

Флотилия д'Абреу дошла до островов Банда, запаслась мускатными орехами и повернула обратно в Малакку. Но один корабль, под командой Франсишку Серрана, ближайшего друга

Магеллана, отделился от флотилии и поплыл дальше, к Молуккским островам. Серран обосновался на острове Тернате, вошел в доверие к местному султану и прожил здесь много лет, пока не погиб, отравленный этим же султаном, как предполагают, по наущению португальцев. Из писем Серрана Магеллан почерпнул много сведений об «Островах пряностей». Возможно, что в годы пребывания в Индии у него и зародилась великая идея, которую позднее ему удалось осуществить.

В конце 1513 года Магеллан вернулся на родину. В то время король Мануэл готовил карательную экспедицию против одного марокканского султана, отказавшегося платить дань португальцам. Магеллан снова поступил на военную службу. Но участие в марокканском походе принесло ему одни только огорчения: при осаде Азамора он лишился своего главного достоинства — боевого коня, потом был ранен в ногу и на всю жизнь охромел и, наконец, стал жертвой интриг и попал в немилость к начальству.

В 1515 или 1516 году мы снова застаем Магеллана в Лиссабоне. Не получив никаких наград за свои военные подвиги, он занялся разработкой дерзкого плана экспедиции к «островам пряностей», но не обычным путем, мимо Африки и Индии, а через Атлантический океан, вдоль «Земли Святого Креста», где он надеялся найти проход в «Южное море». Добившись доступа в архивы, Магеллан ознакомился с географическими картами и пришел к выводу, что юго-западный путь к Молуккским островам должен быть значительно короче восточного.

С большим трудом он выхлопотал аудиенцию у короля Мануэла. Король рассеянно выслушал его доклад и наотрез отказался дать средства на снаряжение экспедиции под тем благовидным предлогом, что все предшествующие попытки найти путь на восток через Атлантический океан были безуспешными.

Тогда Магеллан, огорченный этой новой неудачей, решил покинуть Португалию и переселиться в Испанию, полагая, что испанский король отнесется к его предложению с большим вниманием, так как Молуккские острова, согласно Тордесильяскому договору, оказывались в сфере испанского влияния.

Упомянутый кастильско-португальский договор, подписанный в 1494 году в Тордесильясе и затем утвержденный папой Александром VI, устанавливал разграничительную линию между испанскими и португальскими владениями — настоящими и будущими — по Атлантическому океану в 370 лигах к западу от островов Зеленого мыса и Азорских островов.

20 октября 1517 года Магеллан прибыл в Севилью и вскоре перешел в кастильское подданство.

В Севилье в то время была целая колония португальских эмигрантов. Магеллан познакомился прежде всего со старым порту-

гальским моряком Диогу Барбоза, который также провел несколько лет на военной службе в Индии и, обиженный королем, переселился в Испанию, где получил должность коменданта севильской крепости Алькасар. Дочь Диогу Барбоза, Беатриж, стала женой Магеллана, а ее брат Дуарти — участником его кругосветной экспедиции.

Диогу Барбоза, пустив в ход все свои связи, начал энергичные хлопоты в пользу проекта Магеллана.

Нашлись и другие заинтересованные лица. Почти одновременно с Магелланом Португалию покинул его старый лиссабонский знакомый Руй Фалейру, хорошо осведомленный в навигации и космографии. Магеллан и Фалейру заключили товарищеский договор, обязавшись совместно организовать экспедицию и отправиться к Молуккским островам «новым путем», который, однако, не уточнялся и составлял тайну инициаторов предприятия.

Диогу Барбоза сумел заинтересовать проектом Магеллана одного из трех руководителей Индийской торговой палаты Хуана де Аранду, который обещал употребить все свое влияние, чтобы добиться удачи. Собрав через португальских купцов благоприятные сведения о Магеллане и Фалейру, он написал рекомендательное письмо канцлеру Старой Кастилии, кардиналу Хименес де Сиснеросу, а тот, в свою очередь, добился для них приема у молодого короля Карлоса, который в июне 1519 года под именем Карла V был избран императором Священной Римской империи и постепенно сосредоточил в своих руках огромную власть. Решающую роль в деле Магеллана могла сыграть только поддержка уже известного нам влиятельного вельможи, архиепископа Хуана де Фонсеки, председателя Индийского совета.

Хуан де Аранда сумел с таким искусством изложить ему все выгоды, какие получит Испания, когда будет открыт кратчайший путь к «островам пряностей», и какие убытки понесет от этого Португалия, что Фонсека не только внимательно отнесся к проекту Магеллана, но и дал ему возможность высказать свои соображения на королевском совете.

22 мая 1518 года испанский король подписал договор с Магелланом и Фалейру. Обоим организаторам экспедиции жаловались титулы наместников и правителей всех «земель и островов», которые будут ими открыты, с правом передачи своих титулов и привилегий законным наследникам. Организаторам экспедиции предоставлялось право отчислять в свою пользу одну двадцатую часть всех прибылей.

Но Магеллану пришлось преодолеть еще немало трудностей, прежде чем он снарядил экспедицию и пустился в море. Осуществлению его замысла всячески препятствовал португальский посол при испанском дворе Алвару да Кошта. Он старался через

своих клеветов внушить Магеллану, что его проект неосуществим, что его ждут неисчислимые страдания, что испанское правительство не доверяет ему как иностранцу и королевские чиновники, назначенные в экспедицию, будут чинить препятствия и следить за каждым его шагом, что король Мануэл просит его вернуться в Португалию и готов предоставить ему выгодную должность и т. д. Уговоры не действовали, и португальский посол подослал к Магеллану наемных убийц. А когда покушение не удалось, Альвару да Кошта и его подручные делали все возможное, чтобы сорвать подготовку экспедиции. Магеллан получал плохое снаряжение, негодные товары, испорченные продукты, на каждом шагу сталкивался с непредвиденными затруднениями. Кроме того, он встретил сильную оппозицию со стороны чиновников Индийской торговой палаты, возмущавшихся тем, что испанский король доверил начальство над такой важной экспедицией португальцу. Но король уже подтвердил свое согласие официальным договором, который имел со дня его подписания непреложную силу.

Тем не менее была сделана еще одна попытка помешать плаванию Магеллана. 22 октября 1518 года был организован мятеж, оплаченный португальскими деньгами. Возмущение собравшейся в гавани толпы было вызвано явной провокацией: адмиральский флаг Магеллана на мачте флагманского судна, пришвартованного к причалу, одним из агентов Альвару да Кошты был объявлен португальским флагом, что и подстрекнуло толпу зевак к возмущению. Однако и эта попытка не удалась, и три новых указа, подписанных королем 30 марта, 6 и 30 апреля 1519 года, определили состав экипажа и офицеров; наконец, последний приказ, данный в Барселоне 26 июня 1519 года, утвердил Магеллана главным и единственным начальником экспедиции.

Мы не можем сказать определенно, почему произошла такая резкая перемена в судьбе Руй Фалейру. До сих пор мы видели его рядом с Магелланом в качестве самого ревностного приверженца и организатора предстоящего плавания. И вдруг одним росчерком пера он был лишен не только всех своих недавно приобретенных титулов и званий, но и права участвовать в экспедиции. Мы не знаем, способствовал ли этому сам Магеллан, или Фалейру каким-то образом скомпрометировал себя в глазах высших испанских чиновников. Известно только, что он так тяжело переживал нанесенную ему обиду, что повредился в рассудке, а потом, оправившись от болезни, решил вернуться в Португалию к свей семье, но там был посажен в тюрьму и получил свободу только благодаря заступничеству Карла V.

Наконец сборы были закончены. Присягнув в верности кастильской короне и заставив, в свою очередь, присягнуть офице-

ров и матросов, Магеллан 20 сентября 1519 года вышел в далекое плавание из гавани Санлукар-де Баррамеды.

Но прежде чем начать повествование об этой достопамятной экспедиции, следует сказать несколько слов о человеке, которому мы обязаны подробными сведениями о Магеллане. Автора сохранившихся до нашего времени записок звали **Антонио Пигафетта**. Это был итальянец из Виченцы, принятый в состав экспедиции в качестве «сверхштатного» уже после того, как она была полностью укомплектована. Родился он около 1490 года и принадлежал к знатному патрицианскому роду. С 1518 года Пигафетта состоял в свите папского нунция (посла) Франческо Кьерикати, посланного папой Львом X в Барселону к королю Карлосу. Узнав о подготовляемой Магелланом экспедиции, Пигафетта явился к нему с рекомендательными письмами и получил разрешение участвовать в плавании. Пигафетта оказался для экспедиции настоящей находкой: он проявил себя как умный и добросовестный наблюдатель, как храбрый и верный товарищ.

На всем протяжении кругосветного плавания Пигафетта исправно вел дневник, послуживший затем первоисточником для всех историков, писавших о великих географических открытиях. Правда, не все факты освещены Пигафеттой одинаково подробно. Имеются в его записках досадные пробелы. Тяжело раненный в сражении на острове Себу, он не присутствовал на пиршестве, окончившемся гибелью двадцати моряков флотилии, и рассказал об этом событии с чужих слов. В записках пропущены и некоторые другие важные факты. Но в общем, если не считать отдельных преувеличений во вкусе того времени, отчет Пигафетты правдив и точен. Большая часть его описаний была проверена впоследствии путешественниками и учеными, которые отправлялись в кругосветное плавание по следам экспедиции Магеллана.

Вернувшись в Испанию 6 сентября 1522 года на единственном уцелевшем корабле «Виктория», Антонио Ломбардо (так называли Пигафетту Магеллан и его спутники) сначала отправился во исполнение обета босым на богомолье в храм св. Марии Победы, а затем явился к Карлу V, находившемуся тогда в Вальядолиде, и торжественно вручил ему свой дневник путешествия. К сожалению, дальнейшая судьба этой драгоценной рукописи неизвестна.

Позже, когда Пигафетта прибыл в Италию, по просьбе папы Климента VII и великого магистра Мальтийского ордена¹⁰⁷ Филиппа Вилье де Лиль Адана, он изложил историю кругосветной экспедиции вторично, но на этот раз в конспективной форме. Копии его конспективного отчета были посланы затем многим знатым лицам, и в том числе Луизе Савойской, матери французского короля Франциска I. Последняя поручила некоему Жаку

Антуану Фабру перевести сочинение Пигафетты на французский язык. Благодаря этому копии отчета дошли до нас не только на итальянском, но и на французском языке. Две рукописи XVI века хранятся в Париже, в Национальной библиотеке. Итальянский текст находится в библиотеке Амвросия в Милане.

Пигафетта умер около 1534 года в Виченце, в доме на Лунной улице, на котором еще в начале XIX века красовался девиз: «Нет розы без шипов».

Не ограничившись сочинением Пигафетты, мы воспользовались и другими сохранившимися источниками, которые дали возможность проверить и дополнить его описания. Среди этих источников большую ценность представляет письмо Максимилиана Трансильванского (секретаря Карла V) епископу Зальцбургскому от 23 октября 1522 года, а также донесение Антониу де Бриту, командира португальской эскадры, захватившей в плен на Молуккских островах экипаж одного из кораблей Магеллана.

Флотилия Магеллана состояла из пяти кораблей: «Тринидад» («Троица») водоизмещением в 110 тонн, на котором развевался флаг адмирала; «Сан-Антонио» водоизмещением в 120 тонн, под начальством инспектора флота Хуана де Картахены; «Консепсион» («Зачатие») водоизмещением в 90 тонн, под начальством Гаспара де Кесады; «Виктория» («Победа») водоизмещением в 85 тонн, под начальством казначея флота Луиса де Мендосы, и «Сант-Яго» водоизмещением в 75 тонн, под начальством «кормчего его высочества» Жуана Серрана (этот последний был братом Франсишку Серрана, друга Магеллана, о котором уже говорилось выше).

Четверо из пяти капитанов и почти все кормчие были португальцами: Магеллан, Дуарти Барбоза и Иштебан Гомиш — на «Тринидаде»; Луиш Афонсу де Гоеш и Вашку Галлегу — на «Виктории»; Жуан Лопиш Карвалью и Жуан ди Акуриу — на «Консепсион»; Жуан Серран и Жуан де Мефрапиль — на «Сант-Яго» и другие. Всего в составе экспедиции из 265 человек было 37 португальцев, 30 итальянцев, 19 французов, несколько фламандцев, немцев, сицилийцев, англичан, негров и представителей других национальностей, вплоть до малайца Энрике, раба Магеллана, привезенного им в Европу из Индии. Преобладали, разумеется, испанцы.

Один из упомянутых офицеров, Иштебан Гомиш, был послан впоследствии Карлом V на поиски Северо-западного морского пути и прошел в 1524 году вдоль берегов Северной Америки от Флориды до Род-Айленда, а может быть, и до мыса Код. Но в истории первого кругосветного плавания он оставил по себе дурную славу: в трудный час Иштебан Гомиш самовольно отде-

лился от флотилии и 6 мая 1521 года вернулся в Севилью. Желая оправдать свое дезертирство, он обвинил Магеллана в тяжелых преступлениях; эти обвинения были посмертно сняты с Магеллана только после возвращения уцелевших участников экспедиции.

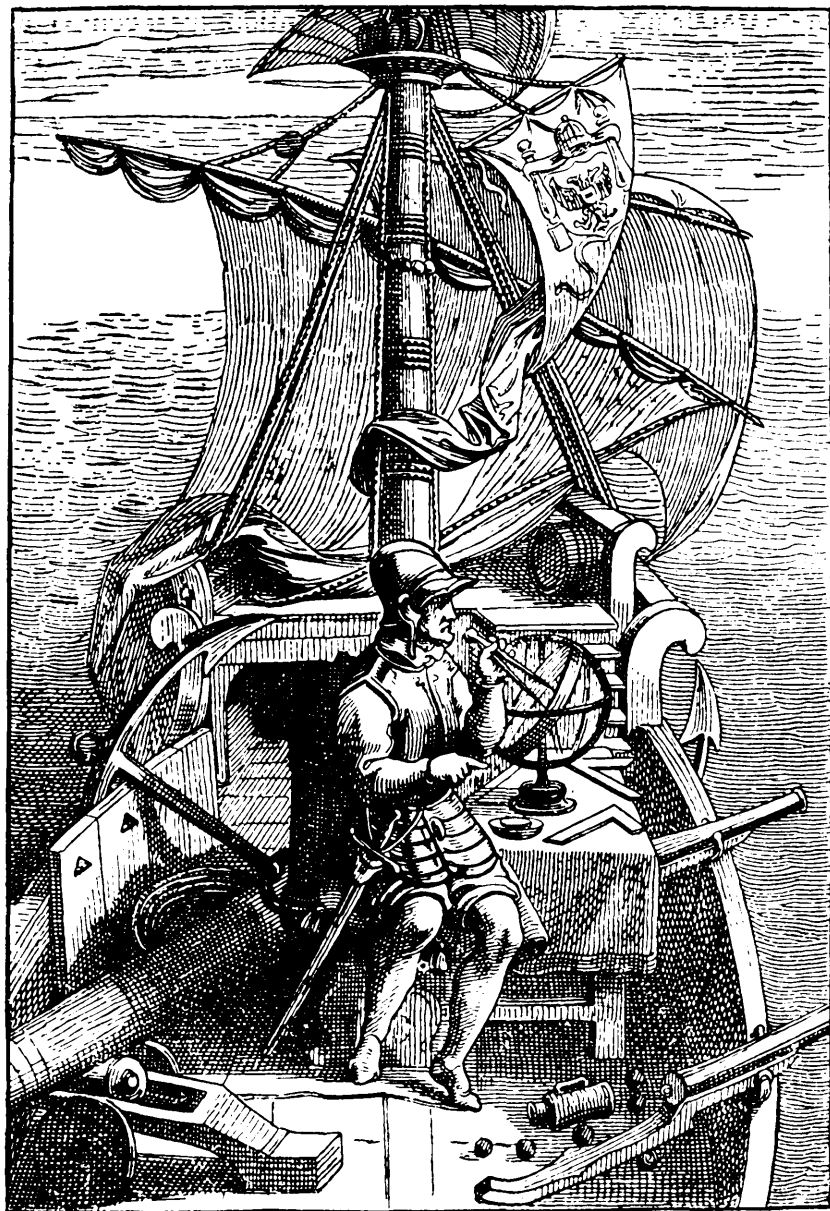
По тем временам предприятие было организовано превосходно. При подготовке экспедиции были учтены и использованы все средства, которые были тогда в распоряжении мореплавателей. Перед отплытием Магеллан отдал последние распоряжения капитанам и кормчим и сообщил световые сигналы «с той целью, чтобы корабли не отделялись друг от друга во время бурь и в ночную пору».

Утром в понедельник 10 августа 1519 года флот снялся с якоря в Севилье и спустился по Гвадалквивиру до Санаукарде Баррамеды, где и были закончены последние сборы. 20 сентября корабли вышли в открытое море и взяли курс на юго-запад. Спустя шесть дней они были уже у Канарских островов и, пристав к острову Тенерифе, запаслись водой и дровами. Но едва только флот отплыл от этих островов, как между Магелланом и Хуаном де Картахеной начались разногласия, приведшие затем к самым пагубным последствиям.

Хуан де Картахена, считая себя равным по власти Магеллану, решительно запротестовал, когда корабли от Канарских островов повернули на юг. Он заявил во всеуслышание, что капитан-генерал нарушает королевские инструкции. Картахена настаивал, чтобы Магеллан сообщил ему маршрут, которого он намерен придерживаться. На это ему было сказано, что капитан-генерал вовсе не обязан отчитываться в своих действиях перед подчиненными.

«В понедельник 3 октября, в полночь, — пишет Пигафетта, — мы плыли на всех парусах на юг и вступили в открытый океан, пройдя между Зеленым мысом и примыкающими к нему островами, расположенными на $14^{\circ}30'$ широты. Таким образом мы шли много дней вдоль берегов Гвинеи или Эфиопии, где находится гора под названием Сьерра Леоне, расположенная на 8° широты, испытывая и противные ветры, и штилы, и дожди без ветра, пока не достигли экватора, причем в течение шестидесяти дней непрерывно шел дождь».

И здесь, уже за экватором, произошло следующее печальное событие. Узнав о том, что Картахена возбуждает среди офицеров недовольство, Магеллан устроил совещание на флагманском корабле. Завязался горячий спор. Картахена держался с недопустимым высокомерием и грубостью. Решив подавить мятеж в самом зародыше, Магеллан приказал арестовать его и заковать в колодки. Такому способу наказания подвергались только провинившиеся матросы. Капитаны запротестовали против унижительного

Магеллан на своей каравелле. Со старинной гравюры.

наказания высшего офицера и добились от Магеллана согласия подвергнуть Картахену обыкновенному аресту. Вместо него капитаном «Сан-Антонио» был назначен Гаспар де Кесада.

Дожди лили не переставая. Безветрие сменилось вихрями и шквалами. Судам пришлось залечь в дрейф. Во время этих бурь мореплаватели видели огни св. Эльма, которые были сочтены за доброе предзнаменование. Это явление, которое было непонятным для людей XVI века, есть не что иное, как атмосферное электричество, скапливающееся в форме звезды или кисти на верхушках мачт.

От экватора Магеллан повернул к «Земле Святого Креста» (Бразилия), и 13 декабря 1519 года флот бросил якорь в великолепной гавани Санта-Люсия, известной теперь под именем Рио-де-Жанейро. Впрочем, Магеллан был не первым европейцем, посетившим эту бухту, как долго полагали историки. С 1507 по 1510 год в бухте Санта-Люсия жил один из спутников Магеллана, Жуан Лопиш Карвалью. На корабле «Консепсион» плыл вместе с ним в качестве юнги его десятилетний сын, рожденный женщиной бразильского племени тамажу. Бывали в этой бухте и другие португальские моряки.

Здесь за стекляшки, ленты, ножницы, бубенчики, рыболовные крючки и прочую дребедень испанская экспедиция приобрела большое количество первосортных продуктов. По свидетельству Пигафетты, на борт были погружены ананасы, сахарный тростник, бананы, куры и мясо «анта» (по-видимому, это тапир).

Сведения, сообщаемые Пигафеттой о нравах бразильских индейцев, настолько интересны, что мы передадим их дословно. «Здесьшний народ, — пишет он, — не христиане и ничему не поклоняются. Они живут сообразно с велениями природы и достигают возраста 125—140 лет». Какая необычная фраза в устах итальянца XVI века — века, исполненного суеверий! Эти слова могут только подтвердить, что идея божества отнюдь не является врожденной, как уверяют теологи (богословы), а возникает в ходе самой истории.

Но вернемся к запискам Пигафетты.

«Как мужчины, так и женщины, — сообщает он дальше, — ходят нагие. Они живут в продолговатых домах, называемых «бойи», и спят в хлопчатобумажных сетках «амаке» [гамаки], привязываемых внутри этих домов концами к толстым брусам. Под этими сетками на полу разложен очаг. В каждом из «бойи» помещается по сотне мужчин и женщин с детьми, отчего стоит большой шум. У них есть лодки «каное» выдолбленные из одного громадного дерева при помощи каменных топоров. Так как у местных жителей нет железа, то они пользуются камнем так же, как

мы пользуемся железом. В подобного рода лодке помещается от 30 до 40 человек. . . Мужчины и женщины такого же сложения, как и мы. Они едят мясо своих врагов, не потому, чтобы оно было вкусное, а таков уж установившийся обычай. Туземцы разрисовывают тело и лицо удивительным способом при помощи огня на всевозможные лады; то же делают и женщины. . . Одеты они в платья из перьев попугая, у пояса же они носят круг из самых больших перьев, — вид прямо-таки уморительный. Почти у всех, за исключением женщин и детей, в нижней губе проткнуты три отверстия, из которых свисают круглые камушки длиною около пальца. Цвет кожи у них не черный, а желтоватый. . . Своего повелителя они называют касиком».

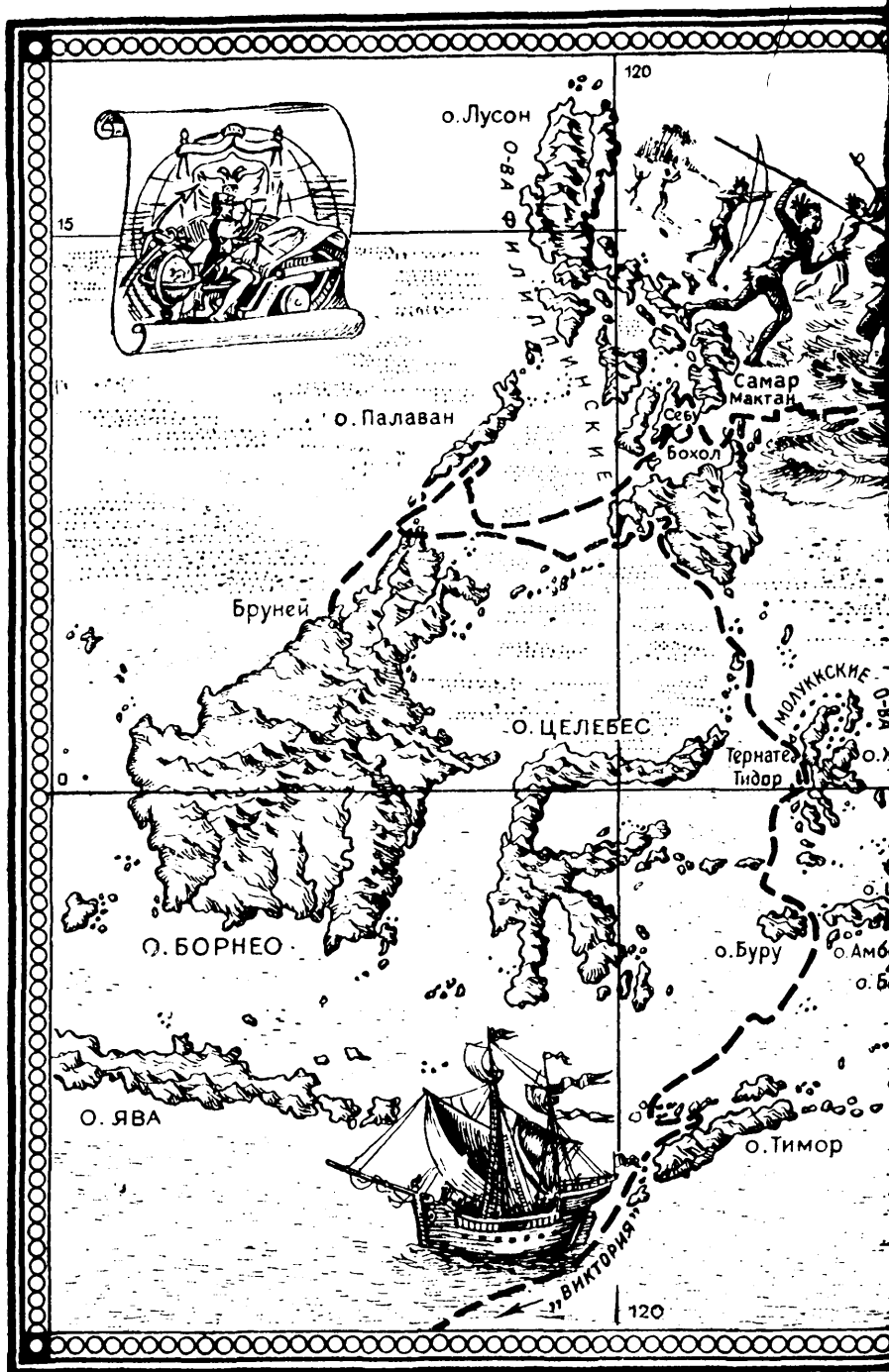
Мы уже имели случай упомянуть, что платья из перьев попугаев были в употреблении на берегу Тихого океана у перуанцев; интересно отметить, что перья попугаев служили своеобразной одеждой и бразильцам, несмотря на то, что, по сравнению с перуанцами, они были настоящими дикарями. Что касается обычая продевать камушки через отверстия в нижней губе, то этому не приходится удивляться. Такой способ носить украшения, кстати, весьма распространенный и среди туземцев тихоокеанских островов, по сути дела мало чем отличается от обычной цивилизованных женщин прокалывать уши и вдевать в них серьги.

Бразильские индейцы были добры и доверчивы. Во время мессы, дважды отслуженной на берегу, они, как и европейцы, стояли на коленях и поднимали сложенные руки, повторяя все движения богомольцев. Любопытство и переимчивость этих дикарей произвели на Пигафетту такое сильное впечатление, что он не преминул заметить в своих записках: «Их можно легко обратить в веру Иисуса Христа».

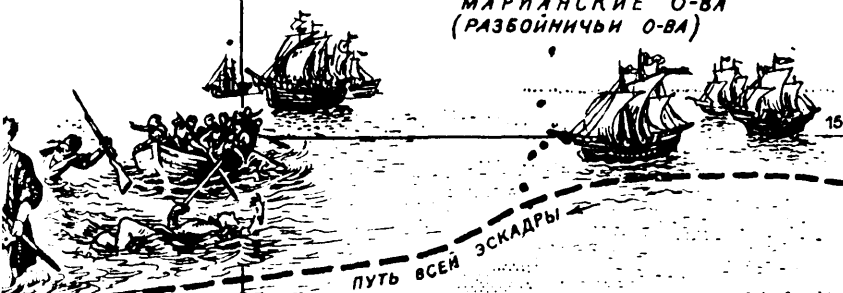
26 декабря, после тринадцатидневной стоянки, флотилия снялась с якоря и продолжала свой путь к югу вдоль берегов Южной Америки. 10 января 1520 года под 34°40' южной широты экспедиция достигла устья большой реки, опресняющей на большом пространстве морские воды. Это была Ла-Плата. Местность на северном берегу реки получила название Монтевиди. Позже здесь выросла столица нынешнего Уругвая — Монтевидео.

При виде испанских кораблей здешние жители пришли в такой ужас, что обратились в бегство, захватив все свои пожитки. Местным индейцам, как видно, уже приходилось иметь дело с белыми людьми!

В 1515 году в стычке с туземцами погиб на берегах Ла-Платы испанский мореплаватель Хуан де Солис. Напавшие на него индейцы были вооружены страшным оружием: два камня, соединенные между собой тонким ремнем, мечутся с далекого расстояния, и ремень, обвиваясь вокруг тела жертвы, будь то человек или

МАРИАНСКИЕ О-ВА
(РАЗБОЙНИЧЬИ О-ВА)

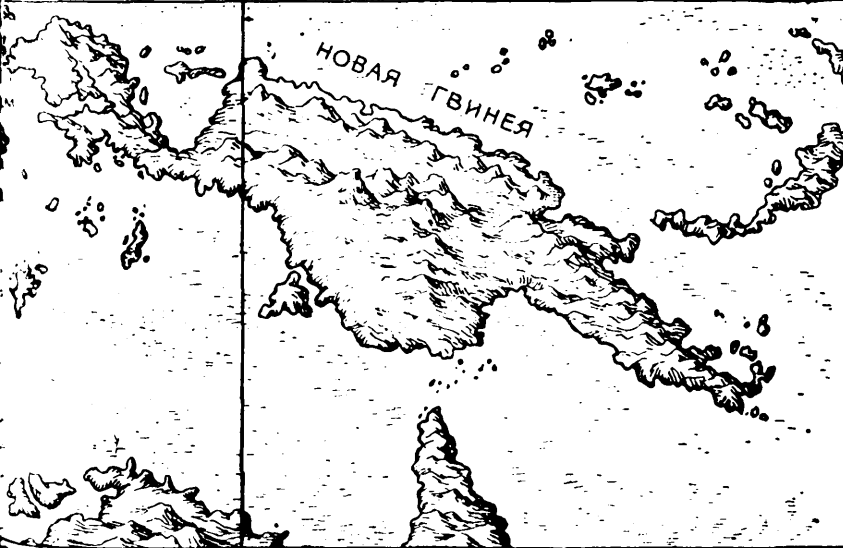

ПУТЬ ВСЕЙ ЭСКАДРЫ

О-ВА КАРОЛИНСКИЕ

Т И Х И Й
О К Е А Н

НОВАЯ ГВИНЕЯ

животное, лишает его возможности двигаться. Подобный металлический снаряд, называемый лассо, и сейчас еще в ходу у аргентинских пастухов — гаучо.

Дельту Ла-Платы испанцы приняли за пролив, ведущий в «Южное море». Когда тщательные поиски пролива в этом месте не увенчались успехом, Магеллан повел свои корабли еще дальше к югу. По пути моряки заходили во все бухты, надеясь найти этот пролив, и охотились на пингвинов, несмотря на то, что мясо этих пернатых жестко и малопитательно.

Наконец, достигнув 49°39' южной широты, флотилия 31 марта 1520 года вошла в удобную бухту, названную гаванью Сан-Хулиан (св. Юлиан). Здесь Магеллан решил остаться на зимовку.

Однажды, после двухмесячного пребывания на этом безлюдном, суровом берегу, испанцы увидели человека, показавшегося им настоящим гигантом. Когда на него обратили внимание, он стал петь и пустился в пляс, посыпая себе голову землей. Это был патагонец. Магеллан знаком пригласил его на корабль, и туземец без боязни сел в посланную за ним лодку. Все, что он видел на корабле, приводило его в крайнее изумление. Но больше всего он был поражен, когда его подвели к большому металлическому зеркалу. «Когда он увидел в зеркале свое лицо, — пишет Пигафетта, — он был страшно испуган и шарахнулся назад, опрокинув при этом на землю четырех наших».

Магеллан дал туземцу несколько погремушек, зеркальце, гребешок и отпустил на берег. Хороший прием, оказанный ему белыми людьми, ободрил его соплеменников, не замедливших явиться к месту стоянки. На корабль прибыло еще восемнадцать гостей — тринадцать женщин и пять мужчин. Рослые, широколицые, краснокожие, с желтой каймой вокруг глаз и с волосами, выбеленными известью, они были закутаны в шкуры гуанако (разновидность ламы) и обуты в широкие меховые сапоги, что и дало испанцам повод назвать их «патагонцами» (большеногими). Роста они были, однако, не столь уж гигантского, как это показалось нашему простодушному рассказчику, так как в действительности рост патагонцев достигает в среднем 1,72—1,92 метра, что, во всяком случае, превышает средний рост европейцев. Вооружение патагонцев состояло из короткого массивного лука и тростниковых, стрел, снабженных острыми наконечниками из кремня.

Желая доставить в Европу несколько туземцев, капитан-генерал пошел на лукавство, которое мы назвали бы сейчас гнусным и отвратительным. Но нельзя забывать, что в XVI веке, когда на негров и индейцев смотрели как на животных, такой недостойный образ действий никем не осуждался. Магеллан вручил патагонцам так много всяких подарков, что они уже не в силах были

захватить заманчивые железные кольца, соединенные толстой цепью. Тогда им посоветовали надеть эти кольца на ноги, что они и сделали без малейшего недоверия. Матросы заперли на кандалах замки, и патагонцы очутились в плену. Невозможно описать охватившую их ярость, когда они поняли, что стали жертвой обмана, достойного скорее дикарей, чем цивилизованных европейцев! Затем испанцы попытались захватить еще двух туземных женщин, но во время погони один из матросов был ранен отравленной стрелой, вызвавшей почти мгновенную смерть. Этот печальный случай заставил испанцев отказаться от своего намерения.

Патагонцы — прекрасные охотники. Больше всего они ценят мясо и шкуры гуанако. После удачной охоты они наедаются до отвала, потому что охота далеко не всегда бывает успешной и нередко им приходится голодать. Прожорливость патагонцев привела Пигафетту в изумление: «Каждый из захваченных нами великанов съедал по корзине сухарей и залпом выпивал полведра воды».

Предвидя продолжительность зимовки и не надеясь пополнить съестные припасы в этой суровой стране, Магеллан приказал экономить провизию и установить для людей строгий рацион. Необходимо было дотянуть до весны, не подвергая экипаж большим лишениям, чтобы потом добраться до более плодородных мест. Но эта мера усилила недовольство матросов, и несколько офицеров, стоявших на стороне Хуана де Картахены, решили вызвать возмущение.

«Зима, — говорили подстрекатели, — будет суровой и продолжительной; эта пустынная земля тянется к югу до самого полюса, и нет никакой надежды отыскать пролив, ведущий в Южное море; люди не вынесут предстоящих лишений, и эта бесполезная затея обрекает на гибель всех участников экспедиции; пора уже отказаться от безнадежных поисков пролива и, пока не поздно, вернуться в Испанию. Если же Магеллан будет упорствовать, надо заставить его силой подчиниться требованию большинства!»

Магеллан, твердо решив или умереть, или довести предприятие до благополучного конца, собрал на берегу всех офицеров и матросов и обратился к ним с речью.

«Я не могу вернуться и не вернусь! — заявил он. — Сам король определил маршрут нашей экспедиции, и ни под каким предлогом я не соглашусь его изменить. Я поведу корабли дальше на юг, пока не достигну конца этой земли или не встречу какого-нибудь пролива. Что же касается продовольствия, то людям не на что жаловаться: если рацион их не удовлетворяет, они могут восполнить недостающее охотой или рыбной ловлей. Ни в хлебе, ни в вине у нас не будет недостатка, если только мы не допустим

излишеств. Лучше испытать самые тяжкие лишения, чем с позором вернуться в Испанию. С этим согласятся все, в ком жив еще доблестный дух кастильцев!»

Магеллан надеялся, что его непоколебимое решение, выраженное в столь категорической форме, заставит недовольных замолчать и вернет ему расположение всего экипажа. Но он жестоко ошибся. Некоторые капитаны, и прежде всего арестованный Хуан де Картахена, были заинтересованы в том, чтобы поднять на кораблях мятеж.

Бунтовщики начали с того, что пробудили в испанцах их застарелую ненависть к португальцам. «Так как капитан-генерал — выходец из Португалии, то он не может быть искреннее предан кастильскому знамени, — говорили зачинщики мятежа. — Тайный умысел Магеллана — вернуться в Португалию, загладив свою вину перед королем Мануэлом. А потому этот португалец и поставил себе целью погубить всю испанскую флотилию! Вместо того, чтобы вести корабли к Молуккским островам, он хочет увлечь флотилию в страны вечного льда, в царство снега и холода, чтобы там отделаться от своих спутников-испанцев, а потом захватить корабли и вернуться с ними к себе на родину».

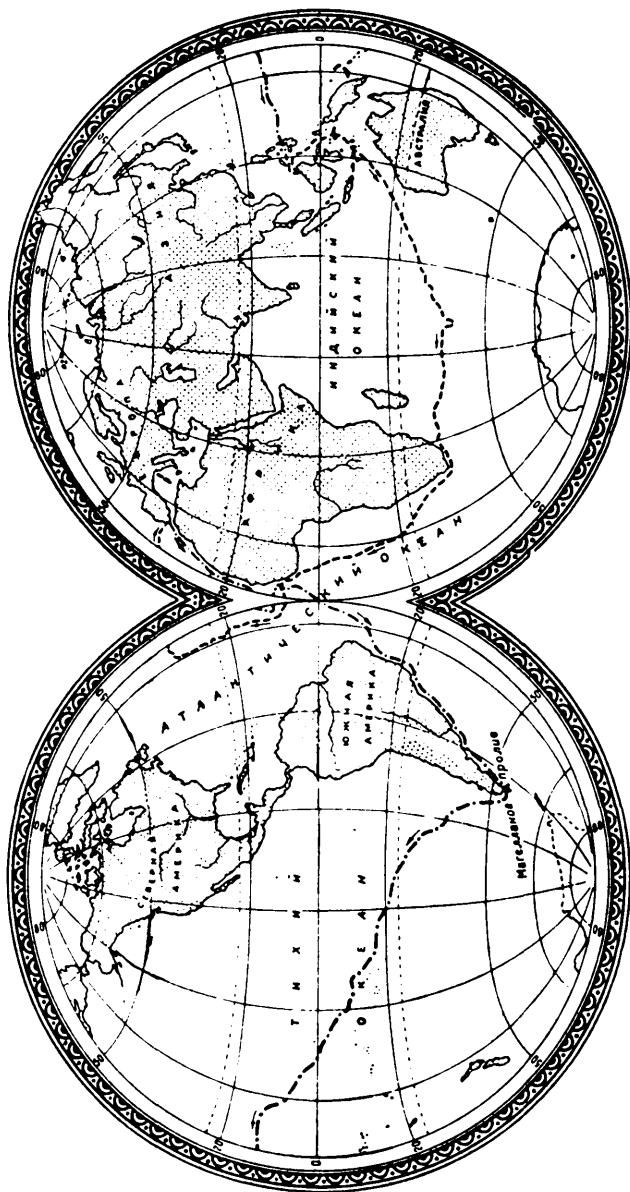
Сторонники Картахены усиленно распространяли среди матросов тревожные слухи, подготавливая тем самым почву для мятежа.

1 апреля 1520 года, в первый день пасхи, Магеллан пригласил к себе на обед всех офицеров флотилии. На флагманский корабль явились двоюродный брат Магеллана Альваро де Мескита, Антонио де Кока и еще два — три офицера. Гаспар де Кесада, капитан «Консепсиона», и Луис де Мендоса, капитан «Виктории», демонстративно пренебрегли приглашением. Обед прошел в тягостном молчании.

В ту же ночь Гаспар де Кесада, самовольно освободив заключенного на его корабле Хуана де Картахену, явился с тридцатью вооруженными людьми на корабль «Сан-Антонио» и потребовал выдачи капитана Альваро де Мескита. Когда штурман «Сан-Антонио» Хуан де Эллорьяга попытался выступить на его защиту, Кесадо воскликнул: «Разве мы откажемся от исполнения нашего долга по милости этого сумасшедшего?» — и нанес штурману четыре удара в руку обнаженным кинжалом.

Альваро де Мескита был арестован, и бунтовщики, овладев кораблем «Сан-Антонио», разделились на две группы и отправились на «Консепсион» и «Викторию». Вскоре Картахена, Кесада и Мендоса овладели почти без всякого сопротивления тремя кораблями — «Сан-Антонио», «Консепсион» и «Викторией».

Несмотря на явный перевес в силах, бунтовщики не осмелились открыто напасть на Магеллана, в распоряжении которого оставались еще два корабля — «Тринидад» и «Сант-Яго», и по-

Кругосветное путешествие Магеллана.

сдали ему условия перемирия. Магеллан ответил, что он приглашает к себе трех капитанов для переговоров на флагманский корабль. Но мятежники, опасаясь подвоха, наотрез отказались от этой встречи. Тогда Магеллан решил проявить одновременно и силу и хитрость. Он приказал захватить шлюпку, привезшую ему ответ, и, выбрав из своего экипажа шесть самых благонадежных и решительных человек, отправил их под начальством Гонсало Гомеса де Эспиносы на корабль «Виктория». В то время как Мендоса читал с насмешливой улыбкой письмо Магеллана, Эспиноса вонзил бунтовщику кинжал в горло, а стоявший рядом матрос ударил его кортиком по голове. Пока все это происходило в капитанской каюте, к «Виктории» подошла еще одна шлюпка с пятнадцатью вооруженными матросами во главе с Дуарти Барбозой, которому уже без большого труда удалось овладеть «Викторией» и подвести ее к флагманскому кораблю.

Таким образом, замыслам противника был нанесен первый удар. Пораженные энергией и решительностью Магеллана, Хуан де Картахена и его товарищи решили тайно отплыть в Испанию. Но корабли Магеллана, выстроившиеся у входа в гавань, отрезали им путь к отступлению. Попытка прорваться под покровом ночи оказалась безуспешной, и вскоре Хуан де Картахена и Гаспар де Кесада были доставлены в кандалах на флагманский корабль.

Ведение суда Магеллан поручил альгюасилу (главному судье) эскадры Гонсало Гомесу де Эспиносе. Судья приговорил к смерти более сорока человек. Тело убитого Мендосы было перевезено на берег и четвертовано. Затем был обезглавлен и четвертован Гаспар де Кесада. В роли палача, ради спасения собственной жизни, согласился выступить приверженец и слуга Кесады, Луис де Молино. Высокое положение Хуана де Картахены, которого сам король назначил инспектором флота, избавило его от казни. Магеллан распорядился высадить его на берег вместе с мятежным капелланом Педро Санчесом де ла Рейна. Изгнанники отправились в глубь страны, и больше их никогда не видели.¹⁰⁸ Сорок матросов, приговоренных к казни, были прощены, так как Магеллан нуждался в экипаже. Решительными мерами ему удалось ликвидировать мятеж, который едва не привел к краху всю экспедицию.

В бухте Сан-Хулиан оказалось мало пресной воды. Матросов угнетала эта унылая, безжизненная местность. Поэтому в середине мая, несмотря на дурную погоду, Магеллан послал к югу на разведку корабль «Сант-Яго» во главе с капитаном Серраном. Через несколько дней испанцы открыли под 50° южной широты реку Санта-Крус. 22 мая поднялась сильная буря, и корабль разбило о прибрежные скалы. Весь экипаж уцелел, за исключением

одного матроса. Потерпевшие крушение с величайшим трудом добрались до бухты Сан-Хулиан, после чего Серран был назначен капитаном на «Консепсион».

После этой неудачной попытки Магеллан решил ждать улучшения погоды. Только 24 августа флотилия покинула бухту Сан-Хулиан. Достигнув реки Санта-Крус, корабли простояли здесь около двух месяцев. Испанцы отдохнули, запаслись дровами и пополнили, насколько это было возможно, съестные припасы. С наступлением весны Магеллан повел корабли еще дальше к югу. Следуя вдоль береговой полосы, он тщательно исследовал все излучины в поисках вожденного пролива.

21 октября на 52° южной широты за выступом берега показался глубокий залив, который, как потом выяснилось, вел в пролив, соединяющий Атлантический океан с «Южным морем». Этому мысу и заливу было присвоено название «Одиннадцать тысяч дев» (Кабо-Вирхенес).

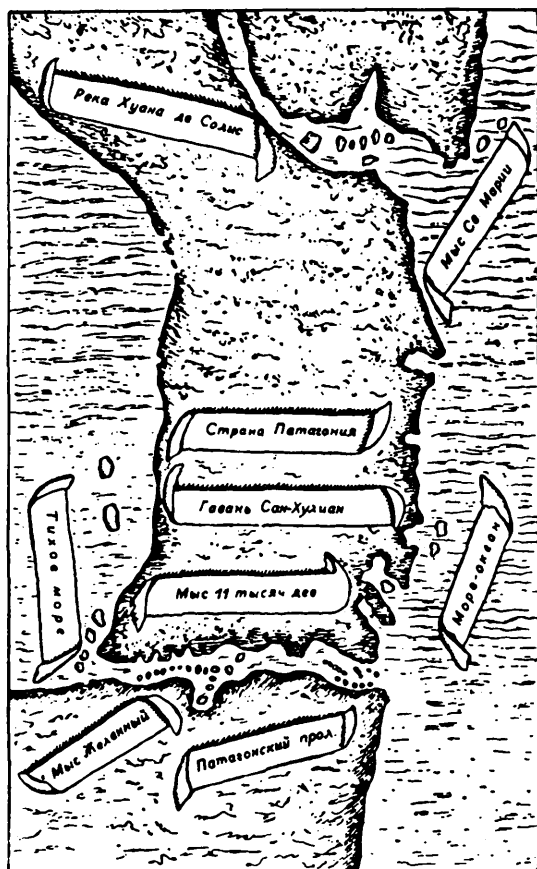
Остановившись у входа в бухту, Магеллан отправил вперед два корабля — «Сан-Антонио» и «Консепсион» — выяснить, нет ли в глубине этой бухты пролива. Корабли вернулись только на четвертый день, так и не увидев конца глубокой бухты. Тогда Магеллан решил, что это и есть искомый пролив в «Южное море», и отдал приказ всей флотилии плыть на запад. Корабли осторожно продвигались вперед, прокладывая путь среди лабиринта извилистых протоков. Вдоль унылых берегов громоздились снежные горы. Берега казались совсем пустынными, но в ночной темноте на южном берегу пролива неожиданно засветились огни костров, что и дало Магеллану повод назвать эту страну Огненной землей. Не желая задерживаться, он запретил капитанам приставать к берегу и завязывать отношения с туземцами.

Пигафетта и Мартин Трансильванский дают очень сбивчивые и неясные сведения о гидрографии и топографическом положении пролива. У нас еще будет случай вернуться к нему при описании экспедиции Бугенвиля.* А потому продолжим наш рассказ.

В середине ноября дезертировал Иштебан Гомиш, захватив корабль «Сан-Антонио». Вот как описывает это событие Антонио Пигафетта:

«Вступив в этот пролив, мы нашли два выхода из него — один на юго-восток, другой на юго-запад. Капитан-генерал отправил корабль «Сан-Антонио» вместе с кораблем «Консепсион» удостовериться, имеется ли выход на юго-восток в Тихое море. Корабль «Сан-Антонио» отказался ждать «Консепсион», намереваясь бежать и вернуться в Испанию, каковое намерение он и осуществил. Кормчим этого корабля был Эстеван Гомес [Иштебан Гомиш],

* См. второй том «История великих путешествий» Жюль Верна.

Магелланов пролив (карта Пигафетты).
На подлинной карте север находится внизу.

который ненавидел капитана пуше всего оттого, что, когда эскадра была уже снаряжена, император повелел дать ему несколько каравелл для совершения открытий, но его величество так и не предоставил их ему вследствие появления капитан-генерала. По этой-то причине он и замышлял заговор с некоторыми испанцами, и на следующий день они захватили капитана своего корабля, двоюродного брата капитан-генерала Альваро де Мескита, ранили его и заключили в оковы и в таком виде отвезли в Испанию».

После двадцатидвухдневного плавания по проливу, то расширившемуся до четырех и более миль, то сужавшемуся до одной

мили, корабли Магеллана преодолели весь пролив, названный впоследствии Магеллановым, и, наконец, увидели перед собой другое море — огромный, безбрежный океан.

Можно себе представить, какая радость охватила мореплавателей, когда после стольких трудов и усилий они, наконец, достигли желанной цели! Отныне новый морской путь на восток был проложен, и надежды Магеллана сбылись. Однако эпопея на этом не закончилась. Самые большие трудности и трагические события были еще впереди.

Ничего не может быть изумительнее этого плавания по необъятному океану, который Магеллан назвал Тихим, так как в продолжение четырех месяцев ни разу не встретил бури. Плавание по Тихому океану сопровождалось неимоверными лишениями. Пигафетта так описывает злоключения своих товарищей: «Мы питались сухарями, но то уже были не сухари, а сухарная пыль, смешанная с червями, которые сожрали самые лучшие сухари. Она сильно воняла крысиной мочой. Мы пили желтую воду, которая гнила уже много дней. Мы ели также воловью кожу, покрывающую грот-рей,¹⁰⁹ чтобы ванты¹¹⁰ не перетирались; от действия солнца, дождей и ветра она сделалась неимоверно твердой. Мы замачивали ее в морской воде в продолжение четырех—пяти дней, после чего клали на несколько минут на горячие уголья и съедали ее. Мы часто питались древесными опилками. Крысы продавались по полдуката за штуку, но и за такую цену их невозможно было достать».

Началась повальная цинга. Девятнадцать человек умерло, около тридцати надолго выбыли из строя, измученные страшной болезнью. Все считали себя обреченными на смерть. За три месяца и двадцать дней корабли прошли четыре тысячи лиг, но кругом расстиралась все та же беспредельная водная пустыня... За это время лишь однажды мореплаватели натолкнулись на скалистые, бесплодные островки, получившие название Несчастных островов,¹¹¹ так как там не нашлось ничего, что могло бы поддержать силы голодных людей.

Только 6 марта 1521 года на горизонте показалась группа островов, которые оказались обитаемыми. Скоро к кораблям Магеллана стали подплывать многочисленные лодки с туземцами. «Капитан-генерал намеревался было сделать стоянку около большого острова, дабы запастись свежей водой, но он не мог выполнить своего намерения, потому что жители этого острова забирались на корабли и крали там все, что было под руками, мы же не могли защититься от них. Наши решили было уже спустить паруса и высадиться на берег, но туземцы весьма ловко похитили у нас небольшую лодку, прикрепленную к корме флагманского судна».

Возмущенный таким неуважением к чужой собственности,

Магеллан высадился на берег с сорока вооруженными матросами, которые по его приказанию сожгли несколько десятков хижин и множество лодок и убили семерых островитян. После этой расправы испанцы запаслись всем необходимым.

У туземцев, по словам Пигафетты, не было ни предводителя, ни религии. «Ходят они нагие, некоторые носят бороду и черные волосы, спускающиеся до пояса... Цвет их кожи смуглый, хотя рождаются они белыми. Зубы их окрашены в красный и черный цвета, они считают это признаком самой большой красоты... Они мажут тело и волосы кокосовым и кунжутным маслом... Они бедны, но весьма ловки и особенно вороваты, вследствие чего эти острова названы были Ладронес» (Воровскими или Разбойничьими).¹¹²

Продолжая продвигаться к западу от Разбойничьих островов, Магеллан прошел еще свыше тысячи миль и высадился 16 марта на цветущем острове, известном теперь под названием Сиаргао (Филиппины). Здесь он решил дать отдых измученному экипажу и приказал раскинуть на берегу две палатки для больных. Вскоре явились туземцы, неся с собой бананы, пальмовое вино, кокосовые орехи и рыбу. Испанцы предложили им взамен зеркала, гребешки, погремушки и прочие мелочи.

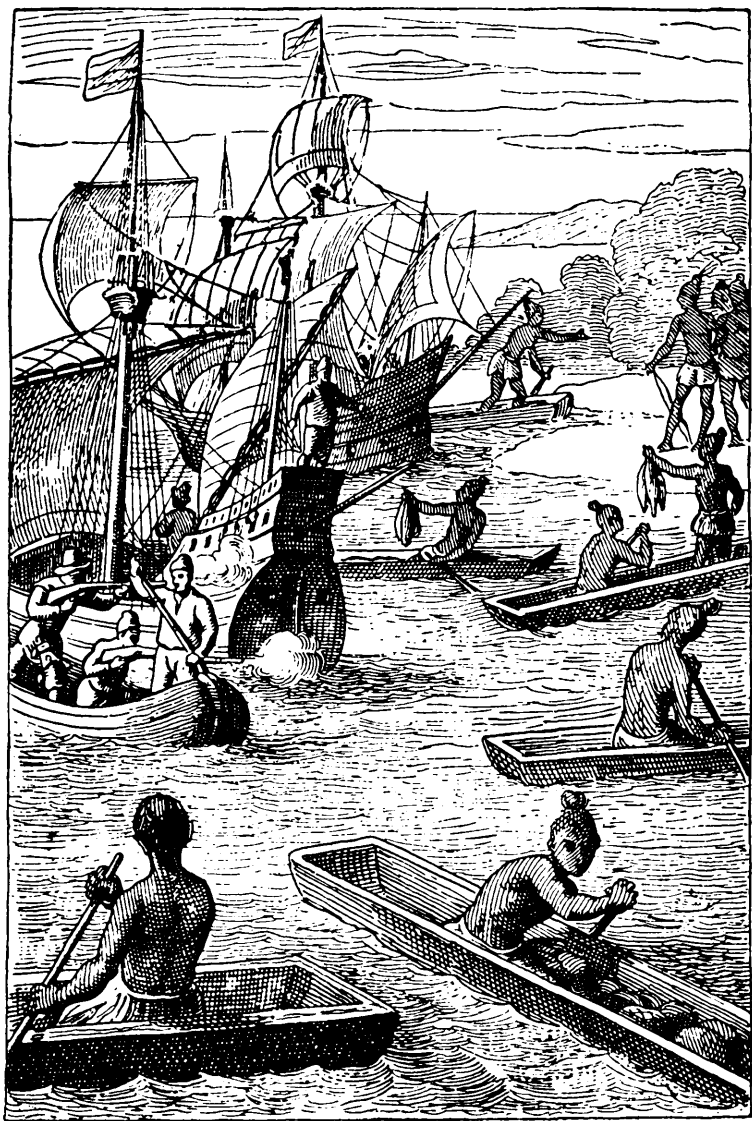
Путешественники узнали, что самым ценным продуктом местной флоры является кокосовая пальма. Из ее плодов туземцы готовят хлеб, вино, масло, уксус. Волокна идут на изготовление одежды и циновок, древесина служит превосходным строительным материалом.

Когда туземцы немного освоились и перестали бояться, Магеллан пригласил несколько человек к себе на корабль и разложил перед ними образцы интересовавших его предметов: гвоздику, корицу, перец, имбирь, мускатный орех, золото. Туземцы дали понять знаками, что все это есть у них на островах.

Узнав, что остров Сиаргао входит в большой архипелаг, Магеллан присвоил ему название «Сан-Ласаро» (св. Лазаря), измененное впоследствии на Филиппинские острова, в честь Филиппа Австрийского, сына Карла V.

В Филиппинский архипелаг входит свыше 7 000 больших и малых островов, расположенных между 5°32'—19°38' северной широты и 114°56'—123°43' восточной долготы от Парижского меридиана. Важнейшие из этих островов: Лусон, Миндоро, Лейте, Себу, Самар, Панай, Негрос, Бохоль, Палаван, Минданао.

Гостеприимство туземцев, золото и пряности, оказавшиеся на соседнем острове Сулуан, — все это заставило Магеллана отвлечься на некоторое время от своей первоначальной цели — достижения Молуккских островов — и заняться исследованием вновь открытого архипелага. Переходя с острова на остров,

Туземцы Разбойничьих островов. Со старинной гравюры.

28 марта Магеллан встретил на острове Камигин (к северу от Минданао) туземцев, язык которых сумел понять Энрике из Малакки, его раб. Своим знанием малайского языка он оказал экспедиции неоценимую услугу. Теперь Магеллан окончательно убедился, как близок он был к цели своего путешествия — к Островам пряностей, которых он достиг, идя из Европы на Восток юго-западным путем, через Атлантический океан!

Местный властитель явился на корабль с небольшой свитой. Он преподнес испанцам фарфоровые блюда с рисом, рыбу и фрукты, а Магеллан подарил ему камзол из красного сукна и шапку, а прибывшим с раджей туземцам роздал ножи, зеркала и бусы. Потом островитянам показали пушки и мушкеты. Залп из пушек привел гостей в такое смятение, что некоторые из них попрыгали за борт. «Затем капитан-генерал, — говорит Пигафетта, — велел одному из наших надеть полное вооружение, а трем другим, вооруженным мечами и кинжалами, наносить ему удары по всему телу. Властитель был донельзя поражен этим зрелищем. При этом капитан-генерал сказал ему через посредство раба, что один вооруженный таким образом человек может сражаться против ста его же людей. Властитель ответил, что он в этом убедился воочию. Капитан-генерал заявил, что на каждом из его кораблей находится по двести человек, вооруженных таким же образом».

Изумленный раджа вскоре простился с Магелланом, разрешив ему послать с ним на берег двух людей посмотреть, как живут островитяне. Послан был Пигафетта в сопровождении одного из матросов. Раджа оказал чужеземцам всевозможные почести и сообщил, что на его острове встречаются золотые самородки величиною с орех и даже с яйцо. Золото попадает в смеси с землей, которую просеивают сквозь решета, чтобы отделить драгоценный металл. Все яства подавали Пигафетте на золотых блюдах. Из золота были сделаны не только блюда и чаши, но даже некоторые предметы домашней утвари. Восхитил Пигафетту и богатый наряд раджи.

«Сообразно существующим здесь обычаям, он был одет наряднее всех других и действительно казался самым красивым среди всех окружавших его людей. Волосы его были черного-черного цвета и спускались до плеч. Его голова была покрыта шелковой тканью, а в ушах висели большие золотые серьги. От пояса до колен он был покрыт хлопчатобумажным покрывом, расшитым шелком. На боку висел кинжал с довольно длинной золотой рукояткой, в ножнах из инкрустированного дерева. На каждом зубе у него были три золотые крапинки, и казалось, будто зубы его связаны золотом. Он был надушен росным ладаном. Цвет кожи у него был желтый, и он был весь покрыт татуировкой».

В первый день праздника пасхи весь экипаж был высажен на берег, чтобы отслужить обедню. Из парусов и деревьев было сооружено нечто в роде маленькой церкви. На берег снова прибыл раджа с большой свитой и молча смотрел на богослужение, а потом, видимо устав от бездействия, начал подражать всем движениям испанцев. Магеллан приказал водрузить на холме большой крест, после чего корабли подняли паруса и направились к острову Себу, где, по словам туземцев, была хорошая торговля и можно было получить в изобилии съестные припасы. Раджа сам вызвался сопровождать Магеллана на остров Себу в качестве лоцмана и переводчика.

Когда 7 апреля маленькая флотилия прибыла на Себу, Магеллан тотчас же послал одного из своих офицеров вместе с переводчиком к местному властителю.

Посланный Магеллана на вопрос раджи, что они за люди, ответил: «Мы состоим на службе у величайшего короля на земле, и этот король велел нам плыть к Молуккским островам, чтобы завязать торговые отношения».

Раджа дружелюбно принял испанского офицера, но сказал ему, что если они имеют намерение торговать на его острове, то должны предварительно уплатить пошлину. Таков уж местный обычай. Не далее, как четыре дня тому назад, пошлину уплатила джонка, прибывшая сюда из Сиамы с грузом золота и рабов, что может подтвердить оставшийся здесь по торговым делам мавританский купец.

Офицер возразил на это, что его повелитель слишком великий монарх, чтобы подчиняться подобным требованиям, и добавил, что испанцы явились сюда с мирными намерениями, но если с ними желают вести войну, тогда они будут разговаривать иначе.

Присутствовавший при разговоре мавританский купец предупредил властителя Себу: «Смотри в оба, государь! Эти люди — те же самые, что завоевали Каликут, Малакку и всю большую Индию. Если с ними будут обращаться хорошо, они будут так же хорошо обращаться, а если с ними будут обращаться дурно, они будут обращаться еще хуже, подобно тому, как они поступили в Малакке».

Офицер поспешил заверить, что испанский король еще сильнее и могущественнее португальского короля и, конечно, не даст себя в обиду.

Эти доводы подействовали на раджу, и он не только отказался от своих требований, но предоставил испанцам исключительное право беспошлинной торговли на острове и изъявил желание нанести визит Магеллану.

После этого свидания и обычного обмена подарками туземцы в изобилии стали снабжать испанцев съестными припасами,

и между обеими сторонами установились дружеские отношения. Племянник раджи неоднократно являлся со своей свитой на корабль к Магеллану, который не преминул повторить демонстрацию мощи испанского оружия и поведать туземцам «историю наших праотцев Адама и Евы», историю Иисуса Христа и «многое другое касательно веры». Просветив таким образом островитян, Магеллан предложил им перейти в христианскую веру, не забыв, разумеется, добавить, что «с обращенными будут обходиться лучше, чем с остальными».

14 апреля раджа острова Себу и его свита, раджа острова Камигин, мавританский купец, пятьсот мужчин и столько же женщин приняли крещение. А затем обращение туземцев в христианство пошло еще быстрее. Причиной этого, как рассказывает Пигафетта, послужил следующий случай. Магеллан, узнав, что брат раджи тяжело болен, обещал его исцелить, если он согласится принять христианскую веру и если туземцы сами сожгут своих идолов. Он прибавил, что «дает свою голову на отсечение, если это не произойдет именно так, как он говорит. . . В торжественной процессии, — пишет Пигафетта, — мы направились от площади к дому больного. Мы его нашли там в таком состоянии, что ни говорить, ни двигаться он не мог. Мы окрестили его, двух его жен и десять девушек. После этого капитан спросил, как он чувствует себя. Тот сразу же заговорил и сказал, что с божьей благодатью он вполне оправился. Это было чудо самое явное, случившееся в наши дни. Капитан, услышав его речь, вознес горячую благодарность богу. Он дал больному миндального молока, которое было у нас заготовлено по его распоряжению. Потом он послал ему матрац, две простыни, одеяло из желтой материи и подушку. Пока тот выздоравливал, капитан присылал ему миндальное молоко, розовую воду, розовое масло и сладкие варенья. Не прошло и пяти дней, как больной начал ходить. Капитан велел сжечь в присутствии властителя и всего населения идола, которого несколько старух спрятали в доме больного. Он велел также разрушить множество алтарей на берегу, на которых съедалось жертвенное мясо. При этом народ кричал: «Кастилия! Кастилия!» — и принимал участие в разрушении этих алтарей».

Рядом с островом Себу находится островок Мактан, жители которого, не желая признавать верховенства раджи Себу, отказались платить ему дань. Узнав об этом, Магеллан решил помочь новому вассалу Испании, а заодно внушить туземцам страх и уважение к испанскому оружию и военному искусству.

Несмотря на то, что спутники Магеллана не советовали ему ввязываться в междоусобные распри местных властителей, он решил отправиться на Мактан с карательной экспедицией, в сопровождении раджи и туземной знати.

В ночь на 27 апреля у острова Мактан остановилась флотилия. В трех шлюпках находились во главе с Магелланом шестьдесят вооруженных испанцев в нагрудниках и касках. Туземные воины с раджей и его приближенными разместились в тридцати челноках-«балангах».

Скалы и мелководье мешали испанским шлюпкам пристать к берегу. Дождавшись рассвета, Магеллан с отрядом из сорока девяти человек переправился на островок вброд. Как только испанцы отошли от берега, из засады выскочило свыше полутора тысяч туземцев, атаковавших неприятеля с трех сторон — с флангов и с фронта. Мушкетеры и арбалетчики открыли стрельбу, не причиняя, однако, особого вреда туземцам, так как пули и стрелы пробивали только их щиты. Туземные воины, перебегая с места на место, забрасывали противника градом камней, стрел, дротиков и копий. Чтобы утратить и рассеять вражеское войско, Магеллан приказал поджечь несколько хижин, но это привело туземцев в еще большую ярость. Подавляя испанцев численностью, они старались наносить им удары по ногам и рукам, не защищенным броней.

Битву решил несчастный случай. Раненный в ногу отравленной стрелой, Магеллан приказал медленно отступать. Отступление превратилось в беспорядочное бегство. За исключением шести или восьми человек, оставшихся возле Магеллана, все остальные бросились к лодкам. Магеллан и его защитники яростно сражались, постепенно отходя к морю. Они были уже по колено в воде, когда несколько островитян одновременно набросились на Магеллана. Раненный в руку, он уже не в силах был владеть мечом. Сраженный несколькими ударами, он упал в воду, лицом вниз, после чего туземцы без труда его прикончили.

Так погиб 27 апреля 1521 года великий мореплаватель Магеллан.

«В числе других добродетелей, — говорит Пигафетта, — он отличался такой стойкостью в величайших превратностях, какой никто никогда не обладал. Он переносил голод лучше, чем все другие; безошибочнее, чем кто бы то ни было в мире, умел он разбираться в навигационных картах. И то, что это так и есть на самом деле, очевидно для всех, ибо никто другой не владел таким даром и такой вдумчивостью при исследовании того, как должно совершать кругосветное плавание, каковое он почти и совершил».

Надгробный панегирик Пигафетты, может быть, и несколько восторжен, но в основе своей справедлив. Нужно было обладать исключительной твердостью и непоколебимой энергией, чтобы, невзирая на боязнь и сопротивление спугников, проникнуть в неизвестные страны, которые суеверие той эпохи наполняло фантасти-

ческими ужасами. Чтобы дойти до окончечности южноамериканского континента и открыть желанный пролив, по справедливости названный его именем, Магеллану нужно было обладать самыми обширными сведениями в области морских наук. Нужно было непрерывно напрягать все внимание, чтобы без точных инструментов и среди незнакомых морей избежать многочисленных опасностей. Если даже и погиб один из кораблей в силу несчастного стечения обстоятельств, то Магеллан в этом не был повинен.

Скажем же вместе с нашим восторженным рассказчиком: «Слава Магеллана переживет его смерть».

После трагической гибели капитан-генерала начальником экспедиции и капитаном «Тринидада» был избран Дуарти Барбоза, капитаном «Концепсион» — Жуан Серран и капитаном «Виктории» — Луиш Афонсу де Гоеш.

Малаец Энрике, превосходно справлявшийся до сих пор со своими обязанностями переводчика, был легко ранен в битве на острове Мактан. Потеряв своего господина, он старался держаться в стороне и не оказывал никаких услуг испанцам, лежа целыми днями на своей циновке. После нескольких резких замечаний Барбозы, заявившего ему, что смерть Магеллана вовсе не освобождает его от рабства, Энрике вдруг исчез. Явившись к властителю острова Себу, он сообщил ему, что испанцы собираются отплыть к Молуккским островам, и посоветовал завлечь их в западню и погубить, чтобы потом завладеть кораблями и товарами.

1 мая властитель Себу пригласил испанцев на пиршество, обещая передать капитанам дорогие подарки для испанского короля. Дуарти Барбоза, Жуан Серран и еще двадцать шесть человек отправились в гости к радже и в самый разгар пиршества подверглись внезапному нападению. Все испанцы, кроме Серрана, были перебиты. Услышав крики, оставшиеся на судах моряки приблизились к берегу и открыли огонь из пушек. Напрасно раненный Серран, которого туземцы вывели на берег, умолял заплатить за него выкуп. Португалец Жуан Лопиш Карвалью, тотчас же взявший на себя командование, не захотел рисковать и поспешно удалился от острова, чтобы туземцы не напали на корабли. Несчастный Серран был оставлен на произвол судьбы и, без сомнения, разделил участь своих злополучных товарищей.

Карвалью между тем направил корабли к соседнему острову Бохоль. Здесь испанцы убедились, что уцелевших ста тринадцати человек недостаточно, чтобы управлять тремя кораблями. Поэтому было решено сжечь самое ветхое судно «Концепсион», перегрузив предварительно все имущество на «Тринидад» и «Викторию».

Смерть Магеллана.

Затем испанцы взяли курс на юго-запад. Новая остановка была сделана у Бутуана, составляющего часть острова Минданао. Это было прекрасное место с многочисленными гаванями и реками, богатыми рыбой. К северо-западу от Минданао лежит Лусон, самый крупный остров Филиппинского архипелага. Здесь испанцы провели несколько дней, а потом пристали к острову Палавану, где запаслись всевозможной провизией: свиньями, курами, козами, бананами, кокосовыми орехами, сахарным тростником и рисом.

По выражению Пигафетты, на Палаване они нашли «настоящую обетованную землю». На этом острове больше всего их удивили петушьи бои. «Ставят определенную сумму на того или иного петуха, и выигрыш получает владелец победившего петуха». Бой петухов до сих пор являются излюбленным развлечением жителей Филиппинского архипелага.

В конце июня испанцы достигли острова Борнео и были приняты правителем княжества Бруней в столице с таким же названием (Бруней и поныне является крупнейшим портовым городом). В то время Борнео был главным центром малайской цивилизации, а его столица Бруней, насчитывавшая 25 000 домов, была богатым торговым городом, тесно связанным с Индией, Явой и Китаем.

Губернатор прислал за офицерами двух слонов, покрытых шелковыми попонами, и двенадцать носильщиков, которые должны были доставить во дворец раджи подарки от чужеземцев. Все улицы от губернаторского дома до дворца властителя были полны вооруженными людьми. Гости въехали в дворцовый двор на слонах. Поднявшись по мраморной лестнице, испанцы попали в богато убранный зал, заполненный придворными. Следующий зал, поменьше, оказался обитым золотыми тканями. Там стояло триста телохранителей с обнаженными кинжалами. «В конце малого зала было большое окно, расшитый занавес был отдернут для того, чтобы мы имели возможность лицезреть властителя, который восседал за столом с одним из своих юных сыновей, жуя бетель. Сзади него стояли одни только женщины».

Затем последовала церемония представления послов радже. «Один из старейшин предупредил нас, — рассказывает Пигафетта, — что нам нельзя прямо заговорить с властителем и что если нам что-либо нужно, мы должны сказать об этом ему (старейшине), а он, в свою очередь, передаст это особе более высокого положения. Последний сообщит это брату правителя, находящемуся в малом зале, а этот последний передаст это при помощи разговорной трубы через отверстие в стене одному из лиц, находящихся в зале вместе с властителем. Он же научил нас,

как сделать три поклона властителю при помощи рук, сложенных над головой, подняв раньше одну ногу, а затем и другую, и целуя руки, протянутые к нему властителем. Так мы и сделали, ибо такова туг форма царского поклона».

Раджа разрешил испанцам вести торговлю в своей столице и обменялся с ними подарками. Послы были доставлены обратно на корабли с такой же пышностью: на слонах и в сопровождении носильщиков с подарками, полученными от раджи и от губернатора.

Остров Борнео поразил путешественников своими природными богатствами. Местные жители сбывают арак, или рисовую водку, камфору, имбирь, апельсины, лимоны, сахарный тростник, дыни и т. п., получая взамен от приезжих купцов медь, ртуть, киноварь, стекло, шерстяные и хлопчатобумажные ткани, а также зрительные стекла (очки). Большое впечатление произвели на Пигафетту изделия из фарфора. «Их фарфор — это нечто вроде очень белой земли, которая должна пролежать пятьдесят лет под землей, прежде чем ее употребляют, иначе она не будет такой тонкой. Отец закапывает ее в землю ради своего сына».

Пигафетта передает также рассказы об удивительных богатствах местных властителей. Раджа города Бруней «владеет двумя жемчужинами величиною с куриное яйцо». Итальянец описывает и животный мир Борнео. Там водятся слоны, буйволы, свиньи, козы и всякая домашняя птица. Монета там чеканится из бронзы; в монетах просверливаются отверстия для нанизывания. Большая часть города построена на сваях и так далеко вдается в море, что во время прилива торговцы снедью проезжают по улицам в лодках.

Вскоре испанцы узнали, что две части города — мусульманская и «языческая» — находятся в непрерывной вражде, от которой сильно страдает население, так как раджа-мусульманин и раджа-язычник друг друга ненавидят и всегда воюют между собой.

Испанцы уже около месяца стояли в гавани, когда 29 июля оба корабля вдруг оказались окруженными двумя сотнями пирог с вооруженными людьми. Опасаясь изменнического нападения, Жуан Карвалью приказал выбрать якоря и ударить по пирогам из всех пушек. Было потоплено несколько пирог и перебито немало людей. Мусульманский раджа после этого случая прислал чужеземцам свои извинения, уверяя, что пироги шли в поход против язычников и не собирались нападать на испанские корабли. Однако отношения настолько обострились, что Карвалью, не посчитавшись с тем, что в городе осталось несколько офицеров и матросов, поспешил вывести корабли в открытое море. Трусость и вероломство Карвалью вызвали среди экипажа такое возмуще-

ние, что вскоре он был смещен «за неисполнение королевских указов», а вместо него был избран опытный и честный моряк Гонсало Гомес де Эспиноса.

Покинув Борнео, испанцы занялись поисками пустынного острова, удобного для починки кораблей, которые начали давать течь. За этой работой путешественники провели не менее сорока двух дней. Здесь Пигафетта был поражен необыкновенными деревьями, «листья которых, опадая, оживают и даже двигаются. Они похожи на листья шелковицы, но не такой длины. По обоим сторонам короткого и заостренного черешка у них две ножки. Крови у них нет, но стоит лишь дотронуться до них, как они ускользают. Один из них я хранил девять дней в коробке. Когда же я ее открывал, то лист двигался вокруг коробки. Я полагаю, что эти листья живут одним только воздухом». Это интересное насекомое теперь хорошо изучено и носит название «муха-листок». Темно-серый цвет и своеобразная форма насекомого делают его похожим на засохший лист.

27 сентября 1521 года корабли возобновили плавание. Но теперь испанская экспедиция, при жизни Магеллана ставившая перед собой исследовательские и торговые цели, принялась за морские разбой. Испанцы не раз захватывали джонки, с которых требовали в пользу экипажа большой выкуп.

Путешественники прошли архипелаг Сулу, притон малайских пиратов, затем во второй раз посетили остров Минданао, где им удалось разузнать местоположение Молуккских островов. Направившись вслед за тем к юго-востоку, в среду 6 ноября они открыли, наконец, этот архипелаг и еще через два дня вошли в гавань на острове Тидоре. Цель путешествия была достигнута. «Мы возблагодарили бога и в знак радости дали залп из нашей артиллерии, — рассказывает Пигафетта. — Наша радость не должна казаться необыкновенной — ведь мы провели 27 месяцев без двух дней в поисках этих Молуккских островов».

На следующий день к испанским судам подъехал на пироге местный раджа. «Он сидел под шелковым зонтом, закрывавшим его со всех сторон. Впереди него находился один из его сыновей с царским скипетром, двое с золотыми сосудами для омовения рук властителя и двое других с двумя ларцами с бетелем». Затем властитель поднялся на корабль, где ему были оказаны всевозможные почести. Чтобы завоевать его расположение, испанцы накиннули ему на плечи бархатный камзол, а сами уселись на полу у его ног.

«Этот властитель — мавр, — пишет Пигафетта, — и ему около 45 лет от роду. Он хорошо сложен, и у него царственный вид. Во время посещения на нем была рубаха из чрезвычайно тонкой белой материи с рукавами, по краям расшитыми золотом, и покров

Раджа Мансор.

от пояса до ступней. Вокруг головы у него был повязан шелковый шарф, а на голове гирлянда цветов. Его имя раджа Султан Мансор».

На следующий день во время продолжительного свидания с испанцами Мансор заявил им о своем согласии перейти с подвластными ему островами Тидоре и Тернате под покровительство испанского короля.

Здесь кстати будет сообщить, по-прежнему следуя за Пигафеттой, некоторые любопытные подробности о Молуккском архипелаге.

В этот архипелаг входят острова: Хальмахера, Моротай, Банчан, Тернате, Тидоре, Джайлоло и много других, включая также группы Амбоина и Банда.

Некогда архипелаг потрясали частые вулканические извержения. Здесь сосредоточено большое число вулканов, теперь угасших или успокоившихся на долгие годы. Воздух на Молуккских островах до того жгуч, что если бы не частые дожди, освежающие атмосферу, то не было бы никакой возможности дышать.

Местная флора в изобилии представлена ценнейшими породами тропических деревьев. Первое место среди них занимает саговая пальма, из сердцевины которой получают питательный крахмал — саго. Саго, наряду с клубнями иньяма,¹¹³ дает хлеб всему населению островов. Из свежесрубленной саговой пальмы извлекают сердцевину и растирают ее на решетке. Затем образовавшуюся крахмальную массу режут на кусочки и превращают в небольшие хлебцы, высушиваемые в тени. После сагового дерева самое важное — шелковица (тутовое дерево), затем гвоздичник, мускатник, перечник, коричное, камфорное и другие деревья, дающие пряности, ароматические эфирные масла и тропические плоды. Там встречаются и ценнейшие леса черного, железного и тикового деревьев, известных своей прочностью и употреблявшихся в древности для самых роскошных построек. Число домашних животных на Молуккском архипелаге было в то время очень ограничено. Из диких животных особенно примечательны бабирусса — громадный кабан с загнутыми клыками; оппосум — род двуутробки, чуть побольше нашей белки; фалангер, из семейства сумчатых (живет в темных густых лесах, питается листьями и плодами); голопят, из семейства грызунов, очень грациозное и безобидное животное с рыжеватой шерстью, ростом не больше крысы, но с виду похожее на обезьянку. Из птиц интересны попугай-какаду и райские птицы, которых почему-то считали безногими и рассказывали о них много всяких басен, зимородки и казуары — большие болотные птицы почти такой же величины, как и страусы.

На Молуккских островах испанцы начали скупать пряности, набивая трюмы своих кораблей мускатным орехом, гвоздикой,

корицей, имбирем. Однажды они встретили португальского купца, по имени Педру Аффонсу де Лороза, который прожил в этих местах более десяти лет. Он сообщил путешественникам, что португальский король Мануэл, желая помешать экспедиции Магеллана, послал несколько судов к мысу Доброй Надежды, к устью Ла-Платы, а потом и на Молуккские острова, где португальцы давно уже ведут торговлю втайне от Испании. Однако португальская экспедиция не сумела вовремя прибыть на Молуккские острова и помешать высадке испанцев. Лороза рассказал также о печальной судьбе друга Магеллана Франсишку Серрана, который за восемь месяцев до прибытия испанцев был отравлен властителем Тидоре.¹¹⁴ Предупредив испанцев о грозящей им на Молуккских островах опасности, Лороза посоветовал им поскорее уехать, пока не прибыли португальские корабли. Он согласился перейти на испанскую службу и был принят на «Тринидад» в качестве кормчего.

Между тем испанцы с большой выгодой для себя сбывали товары, выгруженные на берег для обмена на пряности. Почти все товары были захвачены с четырех джонок, разграбленных у Борнео. Для торговли с испанцами прибыли суда с соседних островов — Джайлоло и Бачан. Раджа Мансор, предоставивший испанцам значительный груз гвоздики, пригласил их к себе на большой пир, который, по обычаям страны, устраивался всякий раз, когда на судах или джонках заканчивалась погрузка гвоздики нового урожая. Но испанцы, напуганные событиями на Филиппинских островах, послали радже свои приветствия и извинения.

Закончив погрузку, они подняли паруса и вышли в море. Но едва корабли успели отойти от берега, как на «Тринидаде» открылась сильная течь. Пришлось вернуться к Тидоре. Раджа прислал искусных ныряльщиков, которые старательно обследовали килевую часть «Тринидада», но так и не смогли найти пробойну. Так как вода с каждым часом прибывала, испанцы вынуждены были разгрузить по частям весь корабль, чтобы потом заняться ремонтом.

Матросы с «Виктории» не захотели дожидаться своих товарищей с «Тринидада», тем более что ему все равно не дойти было до Испании. Поэтому решили, что после ремонта «Тринидад» пойдет к Панамскому перешейку, выгрузит там драгоценный груз, а затем матросы перенесут его через перешеек к берегу Атлантического океана, куда за ним прибудет другой корабль. Но этому несчастному судну вместе с его экипажем не суждено было возвратиться в Испанию. «Тринидад», во главе с альгюасилом Гонсало Гомесом де Эспиносой и штурманом Жуаном Карвалью, только 6 апреля 1522 года покинул остров Тидоре. Корабль был

в таком плачевном состоянии, что после шестимесячных блужданий по Тихому океану, во время которых погибла от голода и болезней большая часть экипажа, вынужден был вернуться к Молуккским островам и пристать к острову Тернате.

Здесь весь оставшийся в живых экипаж (семнадцать человек) был немедленно захвачен в плен португальцами. На протесты Эспиносы они ответили угрозой повесить его на рее, и несчастный альгуасил, переправленный сперва в Кочин, был оттуда перевезен в Лиссабон, где в продолжение семи месяцев томился в тюрьме. Только в 1527 году Эспиноса вернулся в Испанию вместе с двумя матросами и священником. Таким образом, из всего экипажа «Тринидада» только этим четверым удалось уцелеть и вырваться из неволи.

«Виктория» же с богатым грузом покинула Тидоре 21 декабря 1521 года, под начальством Хуана Севастьяна де Элькано (Эль Кано), который отправился с экспедицией Магеллана в качестве штурмана на корабле «Консепсион». Экипаж «Виктории» состоял только из пятидесяти трех европейцев и тринадцати туземных матросов-невольников.

Пройдя острова Кайоо, Бачан, Оби, «Виктория», держась юго-западного направления, остановилась у одного из островов архипелага Сула. Следующие стоянки были сделаны у островов Буру, Банда и Тимор.

На Тиморе испанцы пробыли две недели, возобновили запасы провизии и добавили к своему грузу перец, воск и сандал. В одном из прибрежных селений Тимора испанские моряки вероломно захватили в плен местного начальника вместе с его сыном и потребовали за них выкуп съестными припасами. «У нас оставалось очень мало предметов для обмена, да и голод заставлял нас быть решительными», — говорит по этому поводу Пигафетта. К острову Тимору, который был в то время крупным торговым центром, за сандаловым деревом и перцем приходили джонки с острова Лусон (Филиппины), с Малакки и Явы.

11 февраля 1522 года испанцы покинули остров Тимор и направились к открытому морю, минуя многочисленные архипелаги. Любопытный Пигафетта сообщает и достоверные и легендарные сведения о близлежащих странах. На острове Ява, говорит он, распространен обычай самосожжения вдовы после смерти мужа. Подобный же обычай, как известно, долгое время существовал и в Индии. На других островах живут люди, «мужчины и женщины, ростом не больше локтя, но уши у них такой величины, как они сами: одно ухо заменяет им ложе, другим они покрываются во время сна». Волосы у них острижены, ходят они совсем голые, и голос у них пронзительный. К северу есть острова, где водятся большие птицы «такой величины, что спо-

Гигантская птица эпнорнис, останки которой были найдены на острове
Мадагаскар.

собны перетащить буйвола или слона на дерево». Нам уже приходилось упоминать о гигантской птице эпиорнис, кости и огромные яйца которой были найдены в 1850 году на Мадагаскаре.* Это показывает, с какой осторожностью нужно причислять к области чистой фантазии множество легенд, которые, несмотря на баснословные преувеличения, иногда имеют под собой реальную почву. Легенда о гигантской птице известна с IX века у персов и арабов. Птица Рок — один из фантастических персонажей арабских сказок. Не удивительно, что Пигафетта встретил у малайцев подобное же предание.

Недалеко от Сиамы, рассказывает он дальше, находится страна Камбодиа (Камбоджа), где растет ревеня. Добывается он довольно странным способом. «Группа в 20 или 25 человек отправляется вместе в джунгли. С наступлением ночи они взбираются на деревья как для того, чтобы уловить запах ревеня, так и из страха перед львами, слонами и другими дикими животными. Ветер доносит до них запах ревеня из тех мест, где он растет. Рано на рассвете они отправляются туда, откуда доносится к ним запах, и приступают к отысканию ревеня. Это — сгнившая древесина одного дерева, которое до того, как сгнивает, не испускает никакого запаха. Лучшая часть дерева — корень, хотя и сама древесина дает ревеня, который тут называется калама».¹¹⁵

Ну конечно же, не у Пигафетты должны мы черпать сведения по ботанике! Мы рискуем впасть в большие заблуждения, если примем всерьез всякие рассказы местных жителей, у которых он собирал сведения об островах Индонезии.

Ломбардский путешественник передает нам как непреложную истину не менее фантастические подробности о Китае и впадает в страшные ошибки, которых счастливо избежал его современник Дуарти Барбоза.¹¹⁶ Благодаря книге этого последнего мы знаем, что уже в то время на востоке существовала торговля опиумом.

Выйдя на простор Индийского океана, Элькано взял курс на запад-юго-запад, к мысу Доброй Надежды, стараясь при этом избежать встречи с португальскими кораблями. Он плыл по открытому морю до 42° южной широты, после чего круто повернул на запад. У самого мыса Доброй Надежды «Виктория» девять недель стояла со спущенными парусами из-за северо-западных ветров и сильных бурь. Нужно было обладать большой настойчивостью, мужеством и страстным желанием довести свое предприятие до благополучного конца, чтобы выдержать такое испытание. На корабле в нескольких местах открылась течь, плохо просоленное мясо испортилось, и, кроме риса и воды, не осталось

* См. главу о Марко Поло.

Сражение пигмеев с журавлями. Из «Космографии» Себастиана Мюнстера. 1544 г.

никаких продуктов. Измученные матросы хотели высадиться у португальского владения Мозамбик. Элькано с большим трудом отговорил их от этого безумного шага.

Наконец 6 мая «Виктории» удалось обогнуть мыс Доброй Надежды, или мыс Бурный, как он был первоначально назван. Теперь уже можно было надеяться на благополучный исход путешествия. Но мореплавателям предстояло еще претерпеть немало бедствий. За два месяца плавания по Атлантическому океану двадцать человек погибли от голода и цинги. Если бы 9 июля кораблю не удалось пристать к острову Сантьягу в архипелаге Зеленого мыса, такая же судьба постигла бы и всех остальных участников экспедиции.

Так как острова Зеленого мыса принадлежали португальцам,¹¹⁷ то испанские моряки решили действовать осторожно. Умолчав об открытии нового пути к Молуккским островам, они сообщили португальцам, будто возвращаются из Америки. Когда продукты были уже погружены, один из матросов нечаянно проговорился, что «Виктория» — единственный корабль из всей эскадры Магеллана, который возвращается в Европу. Португальцы тотчас же завладели шлюпкой, захватили сошедших на берег испанских матросов и стали готовиться к нападению на «Викторию». Элькано, однако, пристально следил с корабля за всем, что происходило на берегу. Заподозрив недоброе, он тотчас же

поднял на «Виктории» паруса, оставив на острове тринадцать матросов.

Максимилиан Трансильванский объясняет иначе этот печальный эпизод на острове Сантьягу. Экипаж был уже до такой степени измучен, что Элькано решил не только запастись на островах Зеленого мыса продуктами, но и купить несколько невольников, которые помогли бы управлять кораблем. Денег у испанцев не было, и они стали расплачиваться пряностями, что и открыло глаза португальцам. Как бы то ни было, экипаж «Виктории» сократился еще на тринадцать человек; люди, задержанные португальцами, вернулись в Испанию значительно позже.

Рассказывая о стоянке у островов Зеленого мыса, Пигафетта приводит в своем дневнике следующий поразивший его факт: «Мы поручили нашим людям, отправившимся на лодке к берегу, расспросить, какой это был день, и они узнали, что у португальцев был четверг, что нас весьма удивило, так как у нас была среда. и мы никак не могли понять, отчего могла произойти такая ошибка. Я чувствовал себя хорошо все время и делал отметки каждый день без перерывов. Как выяснилось впоследствии, тут не было никакой ошибки, ибо мы шли все время по направлению к западу и вернулись к тому же пункту, куда двигались и солнце, и таким образом выиграли двадцать четыре часа, в чем никаких сомнений быть не может».¹¹⁸

6 сентября 1522 года «Виктория» вошла в гавань Санлукар-де-Баррамеда. Прошло целых три года с тех пор, как из этого же самого порта вышли пять кораблей Магеллана, и только одно судно из всей флотилии вернулось обратно в Испанию. Из двухсот шестидесяти пяти человек, которые 20 сентября 1519 года вышли в море, только семнадцать человек возвратились на «Викторию». Все они были больны и едва держались на ногах.

Через два дня Элькано бросил якорь в Севилье. Так было завершено первое кругосветное плавание.

Весть о прибытии единственного уцелевшего корабля Магеллана быстро распространилась по всей Испании. Король Карл V пригласил к себе в Вальядолид двух участников экспедиции, чтобы узнать от них подробности этого необычайного плавания. Ко двору отправились Элькано и Антонио Пигафетта. «Покинув Севилью, — пишет последний, — я направился в Вальядолид, где преподнес его священной величеству дону Карлу не золото и не серебро, а предметы, гораздо более ценимые столь могущественным государем. Между прочими предметами я дал ему книгу, собственноручно мною написанную и содержащую описание всего того, что происходило изо дня в день на всем протяжении нашего плавания».

Элькано получил от Карла V пенсию в пятьсот дукатов и герб, изображающий земной шар, со следующей надписью на латинском языке: «*Primus circumdedisti me*» («Ты первый объехал вокруг меня»).

Богатый груз, привезенный «Викторией», побудил Карла V снарядить к Молуккским островам новую экспедицию (1525 г.). Однако начальником был назначен не Элькано, а Гарсиа де Лоайса. Эта экспедиция окончилась печально: Лоайса умер в пути, после того как корабли миновали Магелланов пролив и вышли в Тихий океан. Начальство над флотилией перешло к главному кормчему Элькано, но и он умер спустя шесть дней.

Что касается «Виктории», то она долго сохранялась как реликвия в севильской гавани, пока окончательно не разрушилась от ветхости.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ПОЛЯРНЫЕ ЭКСПЕДИЦИИ. ПОИСКИ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО И СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО ПРОХОДА

I

*Норманны.— Эйрик Рыжий.— Братья Зено.— Гашпар и Мигел Кортириалы.—
Джон Кабот.— Себастьян Кабот.— Хью Уиллоуби.— Ричард Ченслер.*

Мы уже говорили об ученом греке Пифее (IV век до н. э.), который прослыл первым полярным мореплавателем. Открыв к северу от Британии знаменитую землю Ультима Туле (вероятно, Исландию)¹¹⁹ и холодный океан, где отмели, водоросли и льды делают плавание опасным, где ночи так же светлы, как и сумерки, Пифей открыл, вместе с тем, дорогу на Север.

Предания о морских плаваниях, совершенных древними путешественниками к Оркнейским островам и к Исландии, сохранились у ирландских монахов, которые сами были отважными мореходами, что подтверждается фактом их поселения на этих пустынных архипелагах. Ирландские монахи иногда служили в качестве кормчих норманнам — норвежским и датским пиратам, наводившим в средние века ужас на всю Европу. Но, если сведения о «гиперборейских странах»,¹²⁰ дошедшие до нас от древних греков и римлян, весьма туманны и фантастичны, то этого никак не скажешь о дерзких предприятиях «северных людей» — норманнов.

Скандинавские саги — исландские, норвежские и датские сказания — отличаются исторической достоверностью и определенностью. До какой степени правдивы в них описания отдельных фактов и событий, подтвердили многочисленные археологические находки в Америке, Гренландии, Исландии, Норвегии и Дании. Скандинавские саги — ценнейший исторический источник, которому долгое время не придавали большого значения, пока знаменитый датский археолог (первой половины XIX века) К. К. Рафн,

а вслед за ним и другие исследователи не представили в высшей степени убедительные доказательства доколумбовского открытия Америки.

В ту эпоху Норвегия была бедной страной с ограниченной территорией, пригодной для заселения. Сравнительно суровые климатические условия мало благоприятствовали земледелию. Поэтому значительная часть жителей вынуждена была искать счастья вдали от родины. Воинские дружины скандинавов совершали морские набеги на страны, лежащие у берегов Ла-Манша и Северного моря, а также по течению больших судоходных рек. Когда какому-нибудь викингу ¹²¹ случалось найти богатый край или поселение, сулящее хорошую добычу, он возвращался на родину, собирал дружину и следующей весной отправлялся в поход в сопровождении людей, увлеченных жадой сражений и страстью к наживе.

Храбрые охотники и рыболовы, норманны с юных лет призывали к опасным плаваниям среди бесчисленных островов и скал, как бы защищающих континент от ярости океана, призывали лавировать в излучинах глубоких фиордов, ¹²² словно вырубленных в скалах каким-то гигантским мечом. Скандинавы пускались на своих дубовых кораблях в далекие плавания, терроризируя внезапными набегами жителей прибрежных стран. Корабли скандинавских викингов, большие и малые, длинные и короткие, чаще всего имели спереди мощный волнорез, поверх которого вздымался высокий нос, загнутый в форме буквы S. Наскальные изображения, встречающиеся в Швеции и Норвегии, дают наглядное представление об этих быстроходных и вместительных судах с прямыми парусами. Известно, например, что корабль конунга ¹²³ Олафа Трюггвессона имел тридцать две скамьи для гребцов и был рассчитан на довяносто человек экипажа. Корабль конунга Канута вмещал шестьдесят человек. Два корабля конунга Олафа Святого (или Толстого, как его называли при жизни) вмещал до двухсот человек каждый. ¹²⁴

«Морские короли», как часто называли норманнских викингов, большую часть жизни проводили на своих кораблях. Скандинавы грабили замки феодалов, сжигали богатые монастыри, опустошали берега Франции, спускались по рекам и доходили по Сене до Парижа, проплывали Средиземное море до Константинополя. ¹²⁵ Норманны утвердились на берегах Ла-Манша (поэтому северная часть Франции и была названа Нормандией), в Сицилии, позже в Англии и оставили заметные следы своего пребывания во многих европейских странах.

Нужно сказать, что морское разбойничество не только не считалось зазорным промыслом, но всячески восхвалялось дружинными певцами — скальдами, которые восторженно воспевали

удаль и отвагу викингов и сохранили в памяти поколений много подробностей о смелых морских походах норманнских конунгов. Саги и песни скальдов содержат интересные сведения о географических открытиях, сделанных скандинавскими мореходами.

С VIII века они посещали Оркнейские, Гебридские, Шетландские и Фарерские острова, где еще в VII веке селились поодиночке или небольшими группами ирландские монахи-отшельники.

В 861 году один норвежский викинг по имени **Наддод**, живший на Фарерских островах, был отброшен бурей на северо-запад, к стране, покрытой снегом, которую он назвал **Сноландией** (Снежная страна). Позднее эта земля была названа **Исландией** (Ледяная страна). Первым поселенцем в Исландии считается норвежец **Ингольф**. Когда, около 874 года, он прибыл туда на поселение, там уже жили ирландские монахи. Ингольфу приписывают основание исландской столицы — **Рейкьявика**.

В 885 году конунг **Харальд Прекрасноволосый** покорил всю Норвегию и провозгласил себя единовластным правителем страны. Значительное число норманнов, не желавших подчиниться **Харальду**, эмигрировало в Исландию. Эти переселенцы положили там основание такой же «республике»,¹²⁶ которая существовала незадолго до того в самой Норвегии. Исландское народовластие существовало до 1262 года, пока Исландия не попала под власть норвежских королей.

Смелые норманны занимались в Исландии не только скотоводством, охотой на морского зверя и рыбной ловлей, но продолжали исследовать неведомые морские просторы, открывая новые земли и острова.

В 920 году группа норманнских пиратов во главе с **Гунбьерном** была отнесена ветром к далекой северной земле; на горизонте виднелись седые вершины гор. В 983 году эту землю, издали замеченную **Гунбьерном**, открыл норвежец по имени **Эйрик Рауд** («**Рыжий**»). Изгнанный из Норвегии за убийство и затем из Исландии за «беспокойный нрав», он отправился на поиски нового места для поселения и высадился под 64° северной широты на пустынном гренландском берегу, покрытом вечными льдами. В надежде найти подходящее место для жилья, **Эйрик** и его спутники обогнули мыс **Фарвель** и остановились на юго-западном берегу Гренландии, где построили большой дом (развалины его были найдены археологом **Г. Йоргенсеном** недалеко от **Юлианехоба**). Эту страну **Эйрик Рыжий** назвал **Зеленой землей** (Гренланд), так как за мысом **Фарвель** большие участки суши были покрыты довольно густой растительностью.

Через три года **Эйрик Рыжий** вернулся в Исландию за своими друзьями, и вскоре в **Братталид** (так он назвал свой поселок в Гренландии) пришло четырнадцать кораблей с колонистами.

Высадка скандинавских викингов.

Норманские поселения в Гренландии так быстро разрастались, что в 1121 году столица страны, Гардар, была превращена в самостоятельную епархию, которая существовала еще в те годы, когда Колумб открыл Антильские острова.

В 986 году норвежец Бьярни Херьюльфсон, прибывший из Норвегии в Исландию, чтобы погостить у своего отца, узнал, что последний отправился вместе с Эйриком Рыжим в Гренландию. Молодой викинг, не колеблясь, пустился в море на поиски страны, местонахождение которой ему было известно только понаслышке. Течение отбросило его к каким-то неведомым берегам. Одни исследователи принимают их за Новую Шотландию, другие — за Ньюфаундленд, третьи — за остров Ян-Майен. Когда, после многих приключений, Бьярни Херьюльфсон добрался до Гренландии, Эйрик Рыжий стал попрекать его за то, что он недостаточно тщательно исследовал страну, куда был заброшен «по дикой прихоти волн».

Сын Эйрика Рыжего, Лейф Счастливый, узнав об открытии Бьярни новых земель, предпринял путешествие за океан и действительно обнаружил обширную пустынную землю, усеянную огромными валунами. Лейф назвал ее Хеллуланд (Каменная страна.) По-видимому это был северный берег острова Ньюфаундленд. Отсюда Лейф спустился к югу и через несколько дней вошел в бухту, известную под именем Род-Айленд. Мягкий климат, лесистые берега, реки, полные рыбой, так понравились Лейфу, что он, назвав эту землю Маркланд (Лесная страна), построил большой бревенчатый дом Лейфсбудир (жилище Лейфа). Затем он послал своих товарищей на юг исследовать близлежащие земли. Моряки вернулись с хорошей вестью: по берегам рек в лесах оказались густые заросли дикого винограда. Лейф присвоил этой земле название Винланд (Страна вина). Нагрузив свои корабли лесом, виноградом и пушниной, норманны летом 1001 года вернулись в Гренландию.

Со слов Лейфа известно, что самый короткий день в той стране длится девять часов. Отсюда можно заключить, что Лейфсбудир был построен на северо-восточном берегу Америки, под 41° 24' 10" северной широты.

Экспедиция Лейфа наделала много шума. С тех пор сына Эйрика и стали называть Счастливым. Чудесные рассказы об открытых за океаном странах побудили брата Лейфа, Торвальда, отправиться туда с тринадцатью товарищами (1002 г.). Перезимовав в Лейфсбудире, Торвальд исследовал берега к югу, осенью возвратился в Винланд и в следующем, 1004 году занялся осмотром берегов к северу от Лейфсбудира. На возвратном пути норманны впервые встретили эскимосов и без всякого повода безжалостно их перебили. На следующую ночь после этого убий-

ства норманны внезапно оказались окруженными бесчисленной флотилией эскимосских «каяков», откуда на них сыпались целые тучи стрел. Предводитель экспедиции Торвальд был смертельно ранен и вскоре умер. Товарищи похоронили его на одном мысе, названном мысом Креста.

В XVIII веке на берегу залива Массачусетс была открыта каменная могила, в которой оказался скелет человека и железная рукоятка меча. Так как индейцам этот металл не был известен, то скелет не мог принадлежать представителю какого-нибудь индейского племени, равно как и европейцу, высадившемуся здесь позже XV века, — это доказывается характерной формой железной рукоятки. Археологи утверждают, что это — погребение скандинава, и не исключена возможность, что найденный скелет — останки Торвальда, сына Эйрика Рыжего.

Весной 1007 года гренландские колонисты снарядили еще одну экспедицию за океан, которую возглавил отважный викинг Б о р ф и н н К а р л с е ф и н. Сто шестьдесят норманнов разместились на трех кораблях, захватив с собой несколько десятков голов скота. На этот раз было решено прочно обосноваться на новых землях. Эмигранты обследовали Хеллуланд, Маркланд и Винланд, а затем, высадившись на одном из островов, построили хижины и приступили к обработке земли. Зимой у норманнов кончились съестные припасы и в селении начался голод, что заставило пришельцев снова перебраться на материк. В начале 1008 года они занялись поисками Лейфсбудира и поселились недалеко от становища Лейфа Счастливого. Здесь норманны вступили в сношения с туземцами, вероятно эскимосами, которых они называли «скрелингами».¹²⁷ Некоторое время скандинавы торговали с эскимосами, но потом мирные отношения между ними испортились, так как эскимосы соглашались отдавать меха только в обмен на железные топоры и секиры. Частые столкновения с туземцами вынудили норманнов вернуться в Гренландию после трехлетнего пребывания в далекой стране, где они не оставили после себя никаких сколько-нибудь заметных следов.

Мы не имеем возможности перечислить все норманнские экспедиции, следовавшие одна за другой на огромных пространствах — от Гренландии до Лабрадора и нынешних Соединенных Штатов. Тем из наших читателей, которые пожелали бы более подробно ознакомиться с плаваниями норманнов, мы рекомендуем обратиться к специальным работам, посвященным этому вопросу, а также к текстам исландских саг и, прежде всего, к «Саге об Эйрике Рыжем».¹²⁸

В том же 983 году, когда Эйрик Рыжий высадился в Гренландии, один скандинав по имени М а р с о н был отброшен бурей к берегам страны, названной им Землею белых людей; она

простиралась, по мнению Рафна, от Чесапикского залива до Флориды.

Откуда пошло название «Земля белых людей»? Не обосновались ли там еще раньше какие-нибудь европейцы? Некоторые места в исландских летописях дают основание для таких догадок. Но каких-нибудь указаний, которые позволили бы установить национальную принадлежность этих поселенцев, пока что найти не удалось. Саги еще не раскрыли нам всех своих тайн. В них еще много неразгаданного и неясного. Но если учесть, что саги и археологические раскопки блестяще подтвердили многие предположения ученых, то можно надеяться, что наши сведения о скандинавских мореплавателях со временем станут более полными.

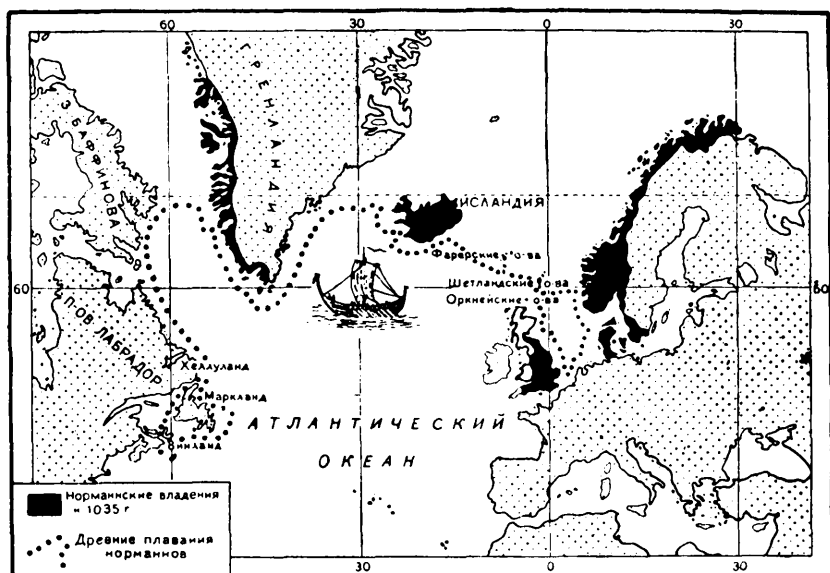
Достоверность исландских саг можно подтвердить еще одним примером. В 1051 году, во время очередной заокеанской экспедиции «скрелинги» убили исландскую женщину. В 1827 году была раскопана гробница с рунической надписью,¹²⁹ в которой оказался женский скелет и остатки одежды, хранящиеся ныне в одном из вашингтонских музеев. Это открытие было сделано в том самом месте, о котором говорится в саге, причем сама сага, повествующая об этом случае, была обнаружена лишь в 1863 году.

Но не только норманны, обосновавшиеся в Исландии и Гренландии, достигали в начале XI века берегов Америки. Упомянутая нами «Земля белых людей» в других источниках именуется «Большой Ирландией». Действительно, имеются сведения, правда очень скудные, что, кроме норманнов, также ирландцы и галлы основывали свои поселения на американском побережье. Некоторые историки считают эти указания вполне правдоподобными, несмотря на то, что окончательно доказать их достоверность не удастся.

А теперь посмотрим, как сложилась судьба норманнских поселений в самой Гренландии.

Колонии, основанные сперва в окрестностях мыса Фарвель, вскоре распространились вдоль западного берега (тогда он был менее суровым, чем теперь) — вплоть до таких северных широт, куда гренландские жители в наше время не заходят. В заливе Диско норманны били тюленей, моржей и китов. Колонисты поддерживали постоянную связь с Исландией и Норвегией. Норманнские поселения продолжали разрастаться до середины XIII века, когда на юго-западном берегу Гренландии насчитывалось около двухсот восьмидесяти поселков — значительно больше, чем в позднейшие времена, после того, как Гренландия стала датской колонией.

Каждое из норманнских селений состояло, вероятно, из небольшой группы домов. Остатки их были найдены в разных местах — на всем пространстве от мыса Фарвель до Упернивика. Вместе с тем, многочисленные рунические надписи на древне-

Норманнские владения к 1035 году.

исландском языке, которые научились теперь легко разбирать, окончательно подтвердили факты, остававшиеся долгое время под сомнением. Но сколько следов исторической деятельности норманнов еще не удалось открыть! Сколько драгоценных свидетельств храбрости и предприимчивости скандинавских народов погребено навсегда подо льдами!

Помимо всего сказанного известно также, что делались попытки перенести в Америку через Гренландию и христианскую религию. Папа Григорий VI посылал миссионеров «укреплять в вере» новообращенных норманнов и проповедовать евангелие среди эскимосских и индейских племен, а в гренландском епископстве и «на соседних островах и землях» папские посланцы в XII веке выступили с проповедью крестовых походов. Гренландия до 1418 года платила папскому престолу десятину, и «лепту святого Петра», что составляло для этого года две тысячи шестьсот фунтов моржовых клыков.

Но позже скандинавские колонии в Гренландии зачахли и обезлюдели. Это произошло в силу многих причин. Положение колонистов резко ухудшилось после того, как Исландия отошла к Норвегии и исландские корабли почти перестали посещать гренландские берега. В самой Гренландии заметно посуровел кли-

мат. Вследствие метеорологических изменений образовались колоссальные ледники, которые движутся от центра острова к берегам со скоростью до тридцати метров в год. Кроме того, в 1347 и 1351 годах значительный урон населению Гренландии нанесла эпидемия черной чумы. И, наконец, к полному развалу гренландские поселения норманнов были приведены опустошительными набегами пиратов с Оркнейских и Фарерских островов.¹³⁰

Эти острова издавна служили пристанищем для скандинавских пиратов. Со второй половины XIV века Оркнейские острова стали собственностью потомков Сен-Клера, или Синклера, одного из спутников Вильгельма Завоевателя. Около 1390 года знатный венецианец Н и к о л о З е н о на пути в Англию потерпел крушение у Оркнейских островов и поступил на службу к графу Генри Синклеру. Любопытная история путешествий Николо Зено была записана его братом А н т о н и о З е н о и включена (но, к сожалению, не в подлинном виде) в знаменитое «Собрание путешествий» Рамузио, венецианского географа XVI века.

Записки Антонио Зено постигла удивительная судьба. Один из его потомков, Николо Зено младший, родившийся в 1515 году, будучи еще ребенком, порвал эти бумаги, не подозревая, какую они представляют ценность. Впоследствии по некоторым уцелевшим письмам обоих братьев он составил рассказ, включенный в упомянутый сборник Рамузио. Была найдена также, по утверждению автора, старинная, полуистлевшая от ветхости карта, составленная братьями Зено. Николо Зено снял с нее копию, произвольно прибавив свои дополнения, которые должны были пояснить рассказ в его редакции. Сделано это было крайне опрометчиво и с такими грубыми ошибками, что карта братьев Зено оказалась безнадежно испорченной. Только те места на карте, к которым не прикоснулась рука Николо Зено младшего, показывают, с какой поразительной точностью братья Зено определили местоположение старой гренландской колонии. Тем самым подтверждается, что записки Антонио Зено, которые многие географы считают подложными, действительно существовали, ибо трудно допустить, чтобы Николо Зено младший в состоянии был так гениально сочинить историю и расцветить ее такими правдоподобными сведениями.

Николо Зено, перейдя на службу к Синклеру, отправился вместе с ним в поход на Фарерские острова, которые были в то время гнездом морских разбойников, опустошавших север Шотландии. В современных названиях Фарерских островов и гаваней удержались многие обозначения Зено. Подтверждаются и некоторые подробности описаний венецианского мореплавателя, в частности, описаний проливов с опасными отмелями, разделяющих острова этого архипелага.

Вслед за Николо Зено на Оркнейские острова прибыл его брат Антонио. В то время, как Синклер завоевывал Фарерские острова, норвежские пираты продолжали опустошать Шотландию и прибрежные архипелаги. Николо, во главе небольшой эскадры, решил напасть на пиратов, но вынужден был искать спасения от их сильного флота на одном из островков у берегов Шотландии.

Перезимовав кое-как на острове, он в следующем году высадился на восточном побережье Гренландии, под 69° северной широты, в месте, «где находился монастырь ордена Проповедников и церковь, посвященная св. Фоме. Монашеские келии обогревались природным источником горячей воды, которую монахи употребляли также для приготовления пищи и хлеба». Но больше всего поразил Николо Зено прекрасный зимний сад, хорошо укрытый от стужи, в котором в самый лютый мороз зеленели травы, распускались цветы и вызревали фрукты, словно этот сад, отеплявшийся тем же горячим источником, находился не на крайнем севере, а в умеренном климате.

В Гренландии Николо Зено, по-видимому, узнал о существовании обширной земли, расположенной к западу от этого острова.

Смелое плавание в страну, климат которой так резко отличался от климата Венеции, оказалось для Николо роковым. Он умер вскоре после своего возвращения на Оркнейские острова.

Похоронив брата, Антонио Зено отправился вместе с Синклером в экспедицию в страны крайнего запада. По рассказам моряков, прибывших на корабле Николо Зено, там можно было найти удивительно плодородные земли и огромные необжитые пространства. Соблазн был велик, и граф Синклер решил увеличить свои владения. Но эта попытка кончилась безуспешно. Туземцы оказались столь враждебными и так энергично воспротивились высадке чужестранцев, что Синклер вынужден был после долгого и опасного плаванья вернуться восвояси. Вот, собственно, и все, что нам известно об этом полулегендарном путешествии. Отсюда видно, что маршруты, проложенные норманами, к тому времени были уже основательно забыты.

Некоторые ученые, например Форстер и Мальтебрен, отождествляют далекие земли, где попытался высадиться Антонио Зено, с Ньюфаундлендом.

Кто может поручиться, что Христофор Колумб, если он, как утверждают его биографы, в молодости посетил Англию и побывал в «Ультима Туле», ничего не слышал о древних путешествиях норманнов и братьев Зено и что полученные им сведения не навели его на мысль о возможности достижения Индии западным путем?

Из приведенных фактов явствует, что Америка не только была

известна европейцам задолго до Колумба, но что делались попытки основать на ее берегах европейские поселения. Однако по разным причинам, и прежде всего потому, что между северными и южными странами Европы были тогда очень слабые связи, португальцы и испанцы имели об открытиях норманнов самые смутные представления. Разумеется, мы знаем сейчас о плаваниях скандинавов неизмеримо больше, чем соотечественники и современники Колумба. Если даже некоторые слухи и дошли до геновского мореплавателя, то, вероятно, он воспринял их в сочетании с теми данными, которые были получены им на островах Зеленого мыса, и с древними легендами о мифическом острове «Антилия»¹³¹ и платоновской Атлантиде.¹³² Все эти сведения, собранные из разных источников, по-видимому и привели его к убеждению, что на восток можно проникнуть западным путем.

Как бы то ни было, но слава Колумба остается нерушимой. Именно он, а не кто иной, открыл Америку. Бури и ветры занесли туда первых норманнов помимо их воли, и, даже основывая потом на американских землях свои недолговечные поселения, они вовсе не помышляли о достижении азиатских стран. Колумб к этому сознательно стремился и безусловно достиг бы своей цели, если бы... путь ему не преградила Америка.

Одновременно с Колумбом и его последователями в Испании, а в некоторых случаях даже немного раньше, поисками новых путей из Европы к берегам Восточной Азии занялись португальские и английские мореплаватели, которым, в свою очередь, удалось дойти до американского материка, но только северо-западным путем.

После экспедиций норманнов прошло без малого пять столетий, прежде чем европейцами были вторично открыты и исследованы берега Северной Америки!

В этой связи следует, прежде всего, упомянуть о братьях Кортириалах. Сведения, сообщаемые о них биографическими словарями, оставляют желать многого. Так как история сохранила о роде Кортириалов, этих смелых мореплавателей, очень скудные данные, то нам поневоле придется довольствоваться малым.

Братья Гашпар и Мигел Кортириалы были сыновьями опытного моряка по имени Жуан Ваш Кортириал, который еще в 1460 году совершил длительное плавание по северной части Атлантического океана и открыл большую землю, названную им Баккалаос, что значит Тресковая земля.¹³³

Гашпар Кортириал рано почувствовал влечение к предприятням, прославившим его отца. Находясь на службе у короля Мануэла, он не раз принимал участие в заморских экспедициях. Когда он попросил у короля разрешения отправиться с корабля-

ми на север Атлантического океана, ему было уже около пятидесяти лет.

12 мая 1500 года король Мануэл подписал патент, из текста которого видно, что Гашпар Кортириал еще раньше занимался поисками новых земель: «Так как Гашпар Кортириал, наш фидальгу [дворянин], много потрудился — лично и за свой счет — с кораблями и людьми, чтобы отыскать и открыть и найти с большими усилиями и расходами и опасностью для своей жизни некоторые острова и материк, и так как, желая добиться успеха, он хочет продолжать поиски и сделать все возможное, чтобы найти упомянутые острова и материк, мы оказываем ему милость и дарим ему все острова или материк, которые он найдет или откроет».

По всей вероятности, поиски Гашпара Кортириала были направлены в ту сторону, где его отец открыл некогда Тресковую землю. Снарядив на свой счет два корабля, Кортириал в начале лета 1500 года покинул Лиссабон и отплыл на северо-запад. После долгого плавания по океану Кортириал заметил берег неизвестной земли, покрытый густыми лесами. Это была Канада. Путешественники увидели там большую реку, на которой был ледоход; они приняли ее сперва за морской рукав и называли Рио-Невадо (ее отождествляют с рекой Св. Лаврентия).

«Реки здесь так полноводны, — рассказывал Кортириал, — что трудно допустить, чтобы эта страна была островом. К тому же она должна быть покрыта очень толстым слоем снега, чтобы в половодье мог образоваться такой значительный приток воды».

Хижины туземцев были сложены из дерева и покрыты шкурами пушных зверей. Железа жители не знали. Стрелы и копья, снабженные каменными наконечниками, были в их руках грозным оружием, так как сила его увеличивалась растительным ядом. Высокие, хорошо сложенные, обитатели этой страны раскрашивали себе лицо и тело разными красками, обвешивались золотыми и медными кольцами и одевались в меха.

Отсюда Кортириал направился к северу и через несколько дней достиг мыса, который был назван Тресковым, ибо «треска встречается здесь в таком изобилии, что затрудняет путь каравеллам». Кортириал исследовал американский берег на протяжении двухсот лье, от 56° до 60° северной широты, всюду давая названия островам, рекам и заливам. Название Лабрадор (Террад-у-Лаврадор — Земля Пахаря) сохранилось за огромным канадским полуостровом. Часто высаживаясь на берег, Кортириал завязывал отношения с местными индейцами. Жестокие холода и громадные плавающие льдины помешали экспедиции подняться еще дальше на север, и Кортириал возвратился в Порту-

галию, захватив с собой из Канады пятьдесят семь индейцев. Он также привез несколько белых медведей.

На следующий год, 15 мая 1501 года, Гашпар Кортириал, получив помощь от португальского правительства, снова отправился из Лиссабона за океан с целью расширить свои открытия. На этот раз он взял курс несколько южнее и открыл большую землю, названную им Терра Верди (Зеленая Земля). Две каравеллы из трех благополучно вернулись в Португалию с захваченными для продажи в рабство индейцами, но судно, которым командовал сам Гашпар Кортириал, пропало без вести. Вероятно, он погиб где-нибудь у берегов Канады.

Мигел Кортириал, приближенный португальского короля, получил разрешение отправиться на поиски своего брата Гашпара и продолжить начатое им исследование новых земель. По договору от 15 января 1502 года он получил в дар половину земель и островов, которые мог бы открыть его брат. Отплыв из Лиссабона 10 мая того же года с тремя кораблями, Мигел Кортириал благополучно достиг Ньюфаундленда; здесь он разделил свою маленькую флотилию, поручив каждому кораблю в отдельности тщательно исследовать берег, чтобы отыскать следы каравеллы Гашпара. Поиски не дали никаких результатов. По истечении установленного срока два корабля встретились в заранее назначенном месте у берегов Ньюфаундленда, но третий корабль, на котором был сам Мигел Кортириал, не вернулся. Прождав его до 20 августа, спутники Кортириала отплыли в Португалию. Обоих братьев постигла одинаковая участь.

В 1503 году португальский король отправил две каравеллы с поручением отыскать хоть какие-нибудь следы братьев Кортириалов; но все поиски были напрасны, и корабли вернулись в Лиссабон, ничего не добившись.

Узнав об этом печальном событии, последний из братьев Кортириалов, Васко Аннеш Кортириал, губернатор островов Сан-Жоржи и Терсейра, решил на свой счет снарядить корабли и отправиться на поиски Гашпара и Мигела. Однако король, боясь гибели последнего из трех братьев, воспротивился этому намерению и не отпустил Кортириала за океан.

На картах XVI века Канада часто именуется «Землей Кортириалов». Это название распространялось и на земли, лежащие южнее современной Канады и занимающие значительную часть Североамериканского континента.

Остановимся теперь на английских открытиях в Северной Америке, связанных с именами Джона и Себастьяна Каботов. Многое из того, что нам известно об этих замечательных путешественниках, является результатом исследований француза Аве-

зака и англичанина Николса, которым удалось обнаружить ценные документы в английских, венецианских и испанских архивах. Несмотря на то, что некоторые утверждения этих ученых отнюдь не являются бесспорными, мы воспользуемся для нашего краткого обзора преимущественно их трудами.

Итальянец Джованни Кабото (или Кабота) был родом из Генуи. Родился он в первой четверти XV века, но в каком именно году — неизвестно. Он был женат на венецианке и имел трех сыновей. Второй его сын, Себастьян, стал впоследствии знаменитым мореплавателем.

Джованни Кабото был моряком или купцом. В молодости он много путешествовал, по-видимому по торговым делам, а потом поселился в Венеции и в 1478 году получил права венецианского гражданина. Предполагают, что, находясь в Венеции, он изучал космографию и искусство кораблевождения и, возможно, встречался со знаменитым флорентинцем Паоло Тосканелли, чья теория о распределении суши и моря на земной поверхности была ему хорошо известна. Кабото, как и Колумб, должно быть, немало слышал о таинственных островах Бразил и Антилия в Атлантическом океане, на поиски которых английские купцы снарядили в 1480 году экспедицию под командой «самого ученого моряка» Ллойда. Сохранилось предание, что Джованни Кабото, будучи по торговым делам в Мекке, расспрашивал арабских купцов, из каких стран вывозятся пряности, составлявшие в то время самую значительную отрасль венецианской торговли.

Сведения, полученные на Востоке, якобы навели его, независимо от Колумба, на мысль, что к «островам Пряностей» можно идти западным путем — через Атлантический океан.

Около 1490 года мы застаем Джованни Кабото в крупнейшем торговом городе и главном морском порте западной Англии — Бристоле, куда он переселился вместе со своей семьей. Кабото жил в одном из предместий Бристоля, носившем название «Катайя» (Китай), так как там была большая колония венецианцев, ведших торговлю со странами крайнего Востока. В Бристоле он основал торговое предприятие и стал именоваться на английский лад Джоном Каботом. Так мы и будем его впредь называть.

Сын его Себастьян Кабот, с малых лет приохотившийся к морю, ознакомился со всеми известными тогда отраслями навигации и совершил несколько плаваний по океану, чтобы овладеть на практике тем искусством, которое он познал в теории.

Приехав в Англию, Кабот сразу же стал пытаться осуществить свою идею с помощью бристольских купцов. «Уже в продолжение семи лет, — писал 25 июля 1498 года испанский посол

в своем донесении Фердинанду и Изабелле,—бристольские купцы снаряжают по фантазии этого гемуэзца по две, по три и по четыре каравеллы на поиски острова Бразил или Земли семи городов».

В то время по всей Европе распространился слух об открытиях Колумба. «У меня родилось,—говорит Себастьян Кабот в одном письме, сохранившемся благодаря Рамузио,—страстное желание и сердечное влечение самому совершить нечто значительное, и, узнав все, что возможно, о земном шаре, я решил, что быстро достигну Индии, если буду плыть на запад. О своем проекте я сообщил его величеству, и он остался им очень доволен».

Король, к которому обратился Кабот, был тот самый Генрих VII, который несколькими годами раньше отказал Колумбу во всякой поддержке. Понятно, что теперь, когда стало известно об открытии за океаном новых земель, он отнесся благосклонно к проекту, представленному Каботами — отцом и сыном. Хотя из приведенного нами отрывка ясно, что Себастьян Кабот приписывал себе одному всю честь проекта, но главным инициатором предприятия был его отец, о чем свидетельствует патент, выданный Джону Каботу в 1495 году.

Ознакомимся с этим интересным документом (цитируем его в сокращенном виде): «Мы, Генрих... разрешаем нижепоименованным: Джону Каботу, гражданину Венеции, и его сыновьям, Луису, Себастьяну и Санчо — отправиться под нашим флагом с пятью кораблями такого тоннажа и с таким количеством экипажа, какое они сочтут нужным, в плавание за их собственный счет ко всем местам, областям и берегам восточного, западного и северного морей... чтобы искать, открывать и исследовать всяческие острова, страны, области и провинции язычников и неверных, остающиеся до сего времени неизвестными христианскому миру, в какой бы части света они ни находились... Мы жалуем им и их потомкам право покорять страны и владеть ими... с условием, что они из всех своих выгод, барышей и доходов будут уплачивать нам пятую часть всего, что достигнется каждым отдельным плаванием, и каждый раз при их входе в Бристольскую гавань (в этой гавани они только и имеют право приставать)... освобождаем их и их наследников от уплаты всяких пошлин на товары, которые они будут привозить из открытых ими стран... Повелеваем всем нашим подданным на суше и на море оказывать покровительство и помощь названному Джону и его сыновьям».

Таков патент, выданный 5 марта 1495 года Джону Каботу и его сыновьям после их возвращения из первого плавания к американскому континенту, а отнюдь не до этого, как полагают мно-

гие исследователи. Как только весть об открытиях Колумба достигла Англии, — вероятно, в 1493 году, — Джон и Себастьян снарядили на свой счет экспедицию и в начале 1494 года покинули Бристоль с намерением достигнуть сначала Китая, а затем Индии. В том, что это плавание действительно имело место, сомневаться не приходится, так как в Парижской национальной библиотеке хранится единственный экземпляр карты, гравированной в 1541 году, то есть еще при жизни Себастьяна Кабота; она свидетельствует об этом путешествии и о точном времени открытия канадского острова Кейп-Бретон.¹³⁴

Возможно, интригам испанского посла следует приписать то обстоятельство, что следующая экспедиция Джона Кабота очень запоздала и в течение всего 1496 года он не мог закончить сборы.

Только в мае 1497 года Кабот снова отправился в далекий путь. Плыя на запад севернее 50° северной широты, он достиг в конце июня какой-то пустынной земли, которая была названа Терра Прима Виста (Первая увиденная земля). Отсюда Кабот повернул к северу и занялся исследованием прибрежной полосы.

«Тогда я поплыл вдоль берега в надежде найти какой-нибудь проход, но не нашел его, хотя поднялся до 56°; видя, что берег поворачивает к востоку, я отчаялся открыть этот проход и повернул на другой галс, чтобы исследовать берег по направлению к экватору, все с тем же намерением — найти путь в Индию. Наконец я достиг страны, называемой теперь Флоридой, но, ощутив недостаток в съестных припасах, решил вернуться в Англию».

Этот рассказ был передан Себастьяном Каботом итальянскому поэту Джироламо Фракастору через сорок или пятьдесят лет после самого события. Поэтому немудрено, что Кабот смешал здесь маршруты двух разных экспедиций — 1494 и 1497 года.

Дадим некоторые пояснения к этому рассказу. Первые замеченные Каботами земли были, несомненно, мысом Норт, северной оконечностью острова Кейп-Бретон и противлежащим островом Принца Эдуарда, который долгое время называли островом Сент-Джон (св. Иоанна). Кабот проник, по всей вероятности, в эстуарий¹³⁵ реки Святого Лаврентия, который принял за морской пролив, около того места, где теперь раскинулся Квебек, и затем пошел вдоль северного берега залива Святого Лаврентия, расширяющегося на восток. Приняв далее Ньюфаундленд за архипелаг, он повернул к югу, но, без сомнения, добрался не до Флориды, как он сам утверждает (времени, затраченного на это путешествие, было явно недостаточно, чтобы он мог спуститься так низко),

а до Чесапикского залива. Здесь расположены страны, которые испанцы называли позднее Землею Эстевана Гомеса.*

3 февраля 1498 года король Генрих VII подписал в Вестминстере новый патент. Джону Каботу или его представителю разрешалось взять из гаваней Англии шесть кораблей водоизмещением в двести тонн и приобрести по казенной цене необходимое вооружение. Король позволил ему также взять с собой корабельных мастеров, ремесленников и других английских подданных, которые добровольно захотят поехать с ним за океан и поселиться в новооткрытых странах. Джон Кабот снарядил на свой счет два корабля, а три остальных были снаряжены бристольскими купцами.

Однако Джону Каботу не суждено было отправиться еще раз за океан: предполагают, что он скоропостижно скончался незадолго до отплытия. Поэтому начальство над флотилией перешло к его сыну Себастьяну Каботу. Обеспечив экспедицию припасами на целый год, с экипажем в триста человек он отправился в свое новое путешествие весной 1498 года.

Под 45° северной широты Себастьян Кабот встретил землю. Повернув на север, он следовал вдоль берега до 58°, а быть может, даже и выше. Несмотря на июль месяц, температура воздуха в этих областях была так сурова, а плывущих льдин было так много, что дальнейшее продвижение к северу становилось опасным. На этих высоких широтах дни оказались очень длинными, а ночи удивительно светлыми — немаловажная подробность, облегчающая определение достигнутой Каботом широты, поскольку известно, что под шестидесятой параллелью самые длинные дни продолжаются восемнадцать часов.

Встретившиеся трудности заставили Себастьяна Кабота повернуть на другой галс. Несколько южнее, у берегов Ньюфаундленда, он встретил отмели, кишевшие треской. Еще до Кортирала он назвал эти места Тресковыми островами. Мореплаватели без всяких усилий выловили здесь большое количество трески. Местные жители, покрытые звериными шкурами, были вооружены луками и стрелами, дротиками, копьями и деревянными мечами.

Отсюда Кабот поплыл дальше на юг, вдоль американского берега, до 38° северной широты. Затем из-за недостатка продовольствия он вынужден был повернуть обратно и прибыл в Англию в октябре или в ноябре.

* Эстеван Гомес (Иштебан Гомиш) — португальский моряк, служивший в Испании. О его вероломстве по отношению к Магеллану и самостоятельно предпринятой им экспедиции к берегам Северной Америки см. в главе «Первое кругосветное плавание».

Себастьян Кабот. Со старинной гравюры.

Перед экспедицией Себастьяна Кабота была поставлена тройная цель: открытие на пути к «Катаю» (Китаю) новых земель, установление торговых отношений, колонизация. Об этом говорит как число участвовавших в плавании кораблей, так и состав экипажа. Однако не видно, чтобы Кабот где-нибудь высаживался или предпринимал какие-либо меры для основания поселений или торговых факторий на Лабрадоре, у берегов Гудзонова залива (который он исследовал более подробно позднее, в 1517 году, в царствование Генриха VIII), или на Тресковых островах, известных под общим названием Ньюфаундленд.

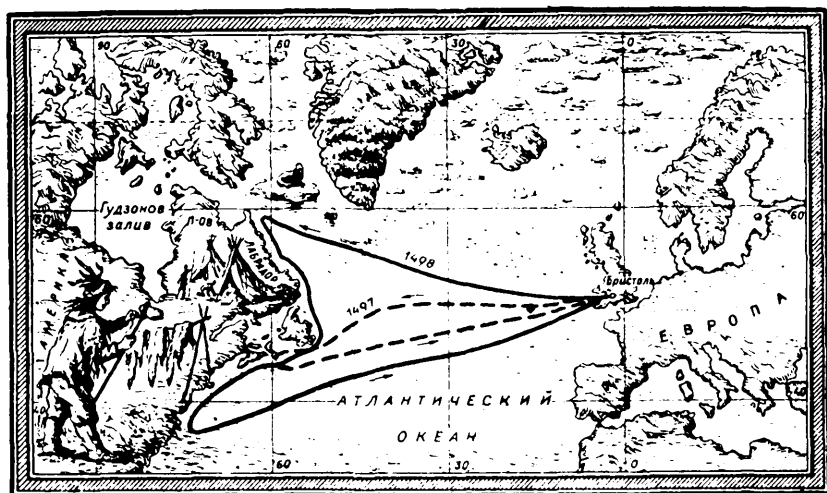
Несмотря на большое значение этого плавания, король и бристоольские купцы остались недовольны достигнутыми результатами: путь к берегам Восточной Азии не был найден, основать колонию не удалось. Так как экспедиция оказалась убыточной, Себастьян Кабот потерял при дворе доверие и его просьба о снаряжении новой флотилии была отклонена. После этого мы надолго теряем Себастьяна Кабота из виду и до 1517 года ничего не знаем ни о его путешествиях, ни о других его делах.

Нам известно только, что английский король, вопреки привилегиям, дарованным Каботу, предоставил португальцам и бристоольским купцам право торговли в странах, открытых Джоном и Себастьяном Каботами. Такое неблагодарное отношение короля к его заслугам побудило Кабота покинуть Англию и перейти на службу в Испанию.

После смерти Веспуччи Себастьян Кабот был едва ли не самым известным мореплавателем. Чтобы заручиться его согласием на испанскую службу, король Фердинанд обратился 13 сентября 1512 года с письмом к лорду Уиллоуби, который командовал переведенными в Италию английскими войсками, и предложил ему заключить договор с венецианским мореплавателем.

По приезде в Кастилию Себастьян Кабот королевским указом от 20 октября 1512 года был назначен капитаном с жалованьем в 5000 мараведи в год. Фердинанд приказал Каботу готовить экспедицию в Америку; но 23 января 1516 года король умер, и снаряжение экспедиции было приостановлено. После этого Кабот вернулся в Англию.

Здесь ему, наконец, удалось снарядить флотилию, перед которой была поставлена задача дойти до Китая Северо-западным путем. Отплыв из Англии весной 1517 года, Кабот достиг берегов Ньюфаундленда и повернул к северу. На этот раз ему удалось проникнуть до 64° северной широты. Свободное ото льдов море растянулось в такую даль, что Кабот надеялся достигнуть цели своего предприятия. Но вероломство его помощника Томаса Перта, трусость и упрямство экипажа, отказавшегося идти дальше к северу, заставили его вернуться в Англию.

Маршруты экспедиций Джона и Себастьяна Каботов.

Авраам Ортелий, известный фламандский картограф XVI века, дает на своей «Карте мира» правильные очертания Гудзона залива. При этом у северной его оконечности он отмечает пролив, ведущий еще дальше на север. Откуда такая точность? Кто мог дать этому географу такие сведения, если не Кабот? — говорит Николс.

Возвратясь в Англию, Кабот нашел страну, сильно опустошенную чумой. Замерли и коммерческие дела. Вскоре, потому ли, что он опасался стать жертвой свирепствовавшей эпидемии или потому, что его снова звали в Испанию, Кабот опять перешел на испанскую службу и в 1518 году был назначен «главным штурманом» Испании. На его обязанности лежало экзаменовать всех капитанов и кормчих, отправлявшихся в Америку. Ни одному высшему офицеру не разрешалось отправляться за океан без этого экзамена.

Время тогда не благоприятствовало далеким экспедициям. Затянувшаяся война между Францией и Испанией поглощала и людей и все средства обеих стран. Себастьян Кабот, желая возглавить новую заокеанскую флотилию, решил вернуться к себе на родину — в Венецию — и вступил в переговоры с венецианским послом Кантарини, сообщив ему о своем согласии поступить на службу в республиканский флот. Но когда Совет Десяти прислал благоприятный ответ, Кабот был уже занят другими планами, заставившими его отказаться от прежнего желания.

В апреле 1524 года Себастьян Кабот председательствовал на съезде моряков и космографов, собравшихся в Бадахосе, чтобы решить спор, кому должны принадлежать по Тордесильясскому договору Молуккские острова: Испании или Португалии. 31 мая после долгих дебатов съезд вынес решение, что Молуккские острова находятся на 20° западнее линии раздела, то есть на испанской половине земного шара. Это решение, передавшее в руки Испании большую часть торговли пряностями, по-видимому оказало влияние и на действия испанского Совета по делам Индий. Как бы то ни было, но в сентябре того же года Кабот, не желавший довольствоваться спокойной и выгодной должностью государственного штурмана Испании, был назначен командиром флотилии из трех кораблей и одной маленькой каравеллы с экипажем в сто пятьдесят человек.

Цель экспедиции была определена следующим образом: плыть по следам Магеллана, тщательно исследуя западные берега Америки, пройти через Магелланов пролив в Южное море, достигнуть с западной стороны Молуккских островов, погрузить пряности и затем вернуться обратно. Отплытие, назначенное на август 1525 года, задержалось из-за интриг Португалии до 5 апреля 1526 года. Среди экипажа было немало искателей приключений, в том числе три брата Бальбоа и бывшие спутники Магеллана, опытные мореходы Мартин Мендес и Мигель де Родас.

Однако некоторые обстоятельства заставляли сомневаться в благополучном исходе предприятия. Каботу была предоставлена только номинальная власть, так как севильская торговая компания, снарядившая экспедицию на свои средства, не считалась с его авторитетом и стремилась противодействовать всем его планам и распоряжениям. Компания не утвердила назначенного Каботом помощника главного капитана и выбрала другого; все секретные инструкции, с которыми капитаны должны были ознакомиться только в открытом море, стали им известны еще до отплытия. Составлены были эти инструкции довольно нелепо: в случае смерти главного капитана на его место назначались последовательно, один за другим, одиннадцать человек. Как не усмотреть в таком распоряжении скрытого подстрекательства к соперничеству, смутам и убийствам?

Едва только земля скрылась из виду, как на кораблях обнаружилось недовольство. Командующего флотилией обвиняли в том, что он не отвечает своему назначению. Затем распространился слух, будто подошли к концу съестные припасы и надвигается голод. На пути Кабот потерял во время бури один корабль, а с остальными прибыл к берегам Бразилии. Здесь вспыхнул мятеж, так как многие испанцы не желали примириться с тем, что находятся под начальством чужеземца. Но Кабота нелегко

Себастьян Кабот председательствует на съезде космографов в 1524 году.

было взять врасплох и заставить покориться. Чтобы пресечь зло в корне, он схватил трех капитанов и, невзирая на их репутацию и прежние заслуги, приказал усадить в лодку и отправить на берег. Через четыре месяца они были найдены португальской экспедицией, которая, как полагают, имела целью помешать исполнению замысла Кабота.

После этого инцидента венецианский мореплаватель, боясь нового возмущения, раздумал идти к Молуккским островам; однако он не хотел возвращаться в Испанию без всяких результатов. Достигнув 15 февраля 1527 года эстуария Ла-Платы, открытого в 1515 году испанским кормчим Хуаном де Солисом, Кабот решил углубиться в залив и исследовать внутренние области Южной Америки. Поднявшись до того места, где индейцы убили де Солиса, Кабот нашел удобную гавань и основал там небольшой форт Сан-Сальвадор. Потом на одной каравелле со срезанным килем он вошел в Парану и при слиянии ее с Рио-Саладо построил второй форт, назвав его Эспириту-Санто. Обеспечив себе таким образом линию отступления, он поднялся еще выше, до слияния Параны и Парагвая. Направление этой последней реки больше отвечало его планам — достигнуть той западной страны, откуда, по слухам, индейцы привозили золото.

Вскоре местность и ее обитатели изменились. Если до сих пор изумленные туземцы толпами сбегались при появлении европейских судов, то теперь на культивируемых берегах Парагвая местные жители мужественно воспротивились высадке иностранцев; когда три матроса попытались было сбить плоды с пальмового дерева, завязалась борьба, окончившаяся смертью трехсот индейцев. Эта победа выбила из строя двадцать пять испанцев, что было для Кабота чувствительной потерей и заставило его вернуться со своими ранеными в форт Эспириту-Санто. Отсюда он послал испанскому королю подробный отчет о сделанных открытиях, сообщил о возмущении капитанов, объяснил причины изменения назначенного курса и просил прислать ему подкрепления и припасы.

Посланные Кабота благополучно добрались до Испании и были приняты королем, который одобрил его действия и приказал начать колонизацию открытых стран, отказавшись, однако, предоставить Каботу помощь. В ожидании ответа Кабот основал на берегу Ла-Платы небольшое поселение, покорил окрестные племена индейцев, построил несколько новых фортов, продолжая в то же время исследовать внутренние области страны. Он достиг Потоси и рек, берущих свое начало в Андах и питающих бассейн Амазонки. Здесь подтвердились слухи о богатой стране, лежащей к северо-западу. Таким образом, Кабот и Писарро почти одновременно узнали о существовании Перу.

Кабот стал готовиться к походу, мечтая проникнуть в Перу, откуда индейцы привозили золото и серебро. Для того чтобы предпринять завоевание этой страны, ему нужно было иметь в своем распоряжении хотя бы несколько сот человек, прибытия которых он терпеливо дожидался в течение трех лет. Но испанский король не мог прислать ему солдат. Войны в Европе поглощали все средства, кортесы¹³⁶ отказывались вотиловать новые налоги, и даже Молуккские острова были заложены Португалии.

Прождав напрасно столько времени, Кабот покинул колонию и в июле 1530 года вернулся в Испанию, оставив небольшой гарнизон для охраны крепости Эспириту-Санто. После многих злоключений большая часть этого отряда была уничтожена индейцами, а уцелевшие испанцы нашли убежище в Бразилии, в одном из португальских фортов. В пампасах Ла-Платы ныне распространена изумительная порода диких лошадей, ведущих свое начало от домашних животных, завезенных некогда Каботом, — и это, пожалуй, единственный результат его злополучной экспедиции.

Злополучной она оказалась не только для большинства ее участников, но и для самого Кабота. По прибытии в Испанию он был обвинен неблагодарным королем в превышении власти, подвергнут тюремному заключению, а затем сослан на два года в Оран. Отбыв свой срок, знаменитый путешественник поселился в Севилье и занялся изготовлением географических карт.

В 1548 году, в начале царствования Эдуарда VI (1547—1553) Себастьян Кабот вернулся в Бристоль, на английскую службу. Он получил королевскую пенсию (116 фунтов стерлингов в год, что составляло по тому времени очень значительную сумму) и почетный пост управляющего морскими делами. В круг его обязанностей входило экзаменовать кормчих, редактировать инструкции, составлять навигационные карты. Его сложная и разнообразная деятельность требовала практического опыта и теоретических знаний. Кабот обладал в полной мере и тем и другим. Одновременно он преподавал космографию молодому английскому королю и сумел пробудить в нем интерес к мореплаванию и морским открытиям. Большим вкладом в навигационную науку явилось учение Кабота об отклонении магнитной стрелки. На склоне лет Себастьян Кабот занимал высокое, можно сказать, исключительное положение, которым он воспользовался, чтобы привести в исполнение один из своих давнишних замыслов.

В то время Англия почти не вела самостоятельной торговли. Все коммерческие сделки проходили через руки ганзейских купцов из Антверпена, Гамбурга, Бремена и других городов. Ганзейские торговые компании разными способами добивались понижения ввозных пошлин и, в конце концов, монополизировали английскую торговлю. Кабот придерживался тех же взглядов, что и бристоль-

ские купцы, стремившиеся освободиться от ганзейской монополии. И в самом деле, флот, которым владели англичане, был совершенно достаточен, чтобы обеспечить сбыт мануфактурных товаров и продуктов сельского хозяйства.

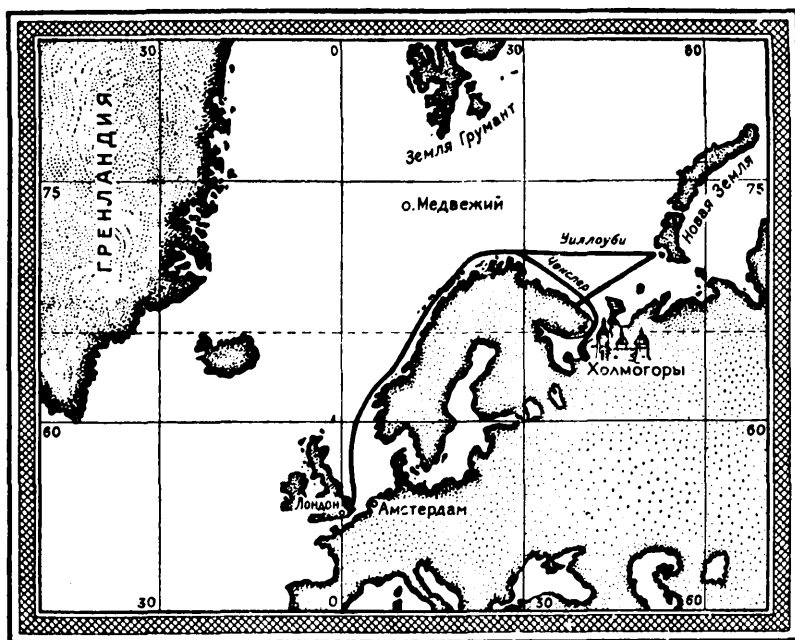
Зачем прибегать к помощи иностранцев, когда можно обойтись собственными силами? Почему бы не заняться поисками новых рынков сбыта и новых торговых путей? Если оказалось невозможным проникнуть в Индию и Китай Северо-западным проходом, то нельзя ли добраться до них Северо-восточным морским путем и не найдутся ли на этом пути более цивилизованные народы, чем бедные эскимосы с берегов Лабрадора и Ньюфаундленда? Так рассуждали в то время английские купцы.

Кабот собрал наиболее влиятельных лондонских коммерсантов и сообщил им свой проект, который встретил полное одобрение. Английские купцы охотно согласились сделать попытку достигнуть берегов Азии Северо-восточным путем, то есть следуя из Англии на восток, вдоль северных берегов Скандинавии и Восточной Европы. От слов перешли к делу и основали «Общество купцов-предпринимателей для открытия стран, земель, островов, государств и владений неведомых и даже доселе морским путем не посещаемых». 14 декабря 1551 года Себастьян Кабот был избран пожизненным и бессменным президентом этого товарищества.

По настоянию Кабота король издал указ об отмене торговой монополии ганзейских купцов. В Англии была объявлена свободная торговля, и «Общество купцов-предпринимателей» приступило к постройке специальных кораблей, приспособленных для плавания по северным морям. Первое усовершенствование, которым английское мореходство было обязано Каботу, состояло в медной обшивке килевой части корабля — такая обшивка уже существовала в Испании, но в Англии еще не применялась.

11 мая 1553 года Дептфорд* покинула флотилия из трех кораблей: «Добрая Надежда», «Доброе Доверие» и «Эдуард — Благое Предприятие». Экспедицию возглавлял сэр Хью Уиллоуби, знатный дворянин, прославившийся в военных походах; главным кормчим был избран Ричард Ченслер, искусный моряк и близкий друг Кабота, капитаном второго корабля — Корнелий Дюрферт и штурманом третьего — Стивен Барроу, один из самых опытных английских мореходов, совершивший многочисленные плавания в северные моря и назначенный впоследствии главным штурманом Англии.

* Дептфорд был в то время пригородом Лондона; в настоящее время входит в состав восточных кварталов города.

Маршруты экспедиций Ченслера и Уиллоуби.

Преклонные лета Кабота и сложные обязанности не позволили ему самому стать во главе экспедиции; он вынужден был ограничиться лишь советами и инструкциями, что не мешало ему вникать во все мелочи подготовительных работ. Инструкции Кабота, врученные Хью Уиллоуби, сохранились до наших дней и свидетельствуют об уме и предусмотрительности этого замечательного мореплавателя. Он рекомендует, между прочим, лаг,¹³⁷ как инструмент для измерения скорости хода корабля, настаивает на регулярном ведении судового журнала, советует вести записи о характере, нравах, обычаях и положении тех народов, какие встретятся на пути экспедиции, о природных богатствах разных стран и т. п. Кабот рекомендует самое обходительное обращение с туземцами и запрещает «раздражать народы надменностью, насмешками и презрением». Матросам он запрещает сквернословить, пьянствовать и предаваться азартным играм. Всякое нарушение этого параграфа инструкции влекло за собой строгое наказание. В заключение Кабот просит всех участников экспедиции поддерживать между собой согласие и напоминает капитанам о серьезности и ответственности их предприятия.

О том, какие большие надежды «Общество купцов-предпринимателей» возлагало на эту экспедицию, свидетельствует 32 параграф инструкции Кабота: «Вы не можете не знать, — обращается он ко всем участникам экспедиции, — сколь много лиц, в том числе королевское величество, лорды его досточтимого совета, вся компания, а равно ваши жены, дети, родственники, свойственники, друзья и знакомые, горят желанием узнать, каково ваше положение, условия, в которых вы находитесь, и ваше благополучие и в какой степени вы имеете надежду успешно осуществить это замечательное предприятие, которое, как все надеются, будет иметь не меньший успех и принесет не меньшую прибыль, чем та, которую восточная и западная Индия принесли императору [Карлу V] и королям Португалии».

После многодневных празднеств, происходивших в Гринвиче в присутствии всего двора и при огромном стечении народа, флотилия, наконец, подняла паруса и отправилась в далекий путь. Вблизи Лофотенских островов, у берегов Норвегии, эскадра разделилась, с тем чтобы соединиться вновь у мыса Нордкап. Однако два корабля — Уиллоуби и Дюрферта — были унесены бурей далеко на север и пристали, вероятно, к Новой Земле, а затем, теснимые льдами, направились к югу и долго блуждали по Баренцеву морю. 14 сентября они вошли в гавань на Кольском полуострове, образуемую устьем реки Арзины (Варзина) в 75—80 километрах к северо-западу от мыса Святой нос. Некоторое время спустя корабль Дюрферта «Доброе Доверие», отделенный бурей от корабля Уиллоуби, возвратился в Англию; что касается последнего, то русские поморы нашли в следующем году его корабль, затертый льдами, на северном побережье Кольского полуострова. Весь экипаж замерз. Так, по крайней мере, можно судить по судовому журналу, который несчастный Уиллоуби вел до января 1554 года.

Ричард Ченслер, напрасно прождав оба корабля в гавани Вардё, как это было условлено, решил, что они его опередили, и, обогнув Нордкап, вступил в обширный залив, открывший вход в Белое море. Затем он высадился в устье Северной Двины, около монастыря св. Николая, в том самом месте, где вскоре был построен город Архангельск. Жители этих пустынных мест сообщили ему, что они находятся под владычеством русского царя — великого князя, живущего в Москве. Несмотря на громадное расстояние, отделяющее Белое море от Москвы, Ченслер решил тотчас же отправиться в столицу великого князя.

В то время в России царствовал Иван Васильевич, названный Грозным. Россия только что свергла монгольское иго, и московские цари соединили под своей державой бывшие до того времени разрозненными и постоянно враждовавшие между собой

Ченслер на приеме у Ивана Грозного. С французской гравюры.

удельные княжества. Благодаря этому в руках московского царя сосредоточилась власть над обширной территорией, представлявшей для англичан большой и выгодный рынок. И само континентальное положение России, удаленной от торговых морей и от стран Западной Европы, сулило Ченслеру успех.

До сих пор царь приобретал европейские товары только через посредство Польши и потому с удовольствием принял предложение англичан установить постоянные и взаимновыгодные торговые связи. Ченслеру был оказан радушный прием и сделаны самые соблазнительные предложения. Он получил от царя грамоту на право свободной торговли англичан с Московским государством и, продав с барышом свои товары, нагрузил корабль мехами, китовым жиром, медью и другими ценными вещами и отправился в обратный путь.

Выгоды, которые «Общество купцов-предпринимателей» извлекло из первого путешествия в Россию, побудили англичан снарядить новую экспедицию. Через год Ченслер снова бросил якорь в устье Северной Двины и привез с собой в Москву двух агентов «Общества», которые заключили с царем торговый договор. Затем Ченслер отплыл в Англию с новым грузом русских товаров, взяв на борт посла и его свиту, которых Иван IV отправил в Великобританию.

Флотилия Ченслера была застигнута в пути сильной бурей, и из четырех его кораблей два погибли у берегов Норвегии, а третий, на котором находился сам Ченслер вместе с русским послом, 10 ноября 1556 года потерпел крушение в бухте Питслиго, у восточного берега Шотландии. Ченслер, менее счастливый, чем русский посол, которому удалось спастись, утонул со своим кораблем. Подарки Ивана Грозного для английской королевы и все товары погибли.

Таково было начало английского союза с Россией. После этого английские экспедиции в Белое море следовали одна за другой, и торговые отношения между Москвой и Лондоном с каждым годом расширялись.¹³⁸

В заключение скажем еще несколько слов о Себастьяне Каботе, в судьбе которого снова произошла резкая перемена.

Английская королева Мария вышла замуж за Филиппа II, короля Испании. Приехав с визитом в Англию, испанский король выказал пренебрежение к Себастьяну Каботу, покинувшему испанскую службу и развернувшему бурную деятельность в пользу английской торговли, которая грозила еще больше увеличить морское могущество державы-соперницы.

Не прошло и восьми дней после отъезда Филиппа II из Англии, как Кабот был лишен и своей высокой должности и пенсии, дарованной ему Эдуардом VI. На место Кабота был назначен

Уортингтон, которого Николс характеризует как человека, не заслуживающего уважения, и ставит под сомнение добросовестность его действий; предполагают, что он имел секретные полномочия воспользоваться теми планами, картами, инструкциями и проектами Кабога, которые могли бы пойти на пользу Испании. Надо заметить, что все эти документы утеряны и невозможно установить, какую выгоду сумел извлечь из них Уортингтон.

С этого момента история снова теряет из виду престарелого путешественника. Тот же мрак, каким окружено его рождение, покрывает год и место его смерти.¹³⁹ Его замечательные географические открытия, его работы по космографии, его учение об отклонении магнитной стрелки, его мудрость и дальновидность дают ему право на одно из первых мест среди великих мореплавателей мира.

II

Джованни да Верраццано. — Жак Картье и его путешествия в Канаду. — Селение Ошелага. — Курительный табак. — Цинга. — Путешествие Роберваля. — Поиски Северо-западного прохода. — Мартин Фробшер и его путешествия. — Джон Девис и исследование Баффинова залива. — Баренц и Гемскерк. — Остров Шпицберген. — Зимовка на Новой Земле. — Смерть Баренца. — Возвращение в Европу. — Реликвии, найденные в «Ледяной гавани».

От 1492 до 1524 года Франция, по крайней мере официально, не принимала участия в колониационном движении и воздерживалась от заокеанских экспедиций. Однако царствовавший в то время король Франциск I не мог оставаться равнодушным, видя, как возросло могущество соседней Испании благодаря новым открытиям и завоеванию Мексики. Потому он и решил снарядить в 1524 году первую французскую экспедицию в Новый Свет под начальством состоявшего у него на службе флорентинского морехода Джованни да Верраццано. Хотя страны, которые посетил Верраццано, были уже открыты и частично исследованы, мы все же должны упомянуть о его экспедиции, впервые достигшей берегов Нового Света под французским флагом. Впрочем, экспедиция Верраццано интересна еще и тем, что подготовила другие путешествия — Жака Картье и Самюэля де Шамплена в Канаду, а также неудачные попытки колонизации Флориды Жаном Рибо и Лодонниером.

О Верраццано не сохранилось никаких биографических подробностей. Нам неизвестно, какие причины заставили его покинуть свою родину и служить во Франции, неизвестно также, почему именно он был избран начальником первой французской

экспедиции за океан. Скучные сведения о флорентинском путешественнике дает только итальянский перевод его докладной записки королю Франциску I, помещенный в уже упоминавшемся «Собрании путешествий» Рамузио. Для нашего беглого очерка мы и воспользовались этим итальянским текстом Рамузио и его сокращенным переводом на французский язык, помещенным в книге Лескарбо о «Новой Франции».¹⁴⁰

Отправившись с четырьмя кораблями «совершать открытия за океаном», Верраццано был застигнут бурей, которая заставила его искать укрытия в Бретани. Оттуда он спустился к берегам Испании и навязал бой нескольким испанским судам. Неизвестно, каков был исход этого набега, но в дальнейшем мы застаем Верраццано, 17 января 1524 года, только с одним кораблем «Дофин» при отплытии от маленького необитаемого острова, лежащего по соседству с Мадейрой. Он пустился в океан с экипажем в пятьдесят человек, запасшись продовольствием и снаряжением на восемь месяцев.

После двадцатипятидневного плавания «Дофина» на запад разыгралась страшная буря, едва не погубившая корабль. Спустя еще двадцать пять дней, то есть 8 или 9 марта, Верраццано увидел под 34° северной широты неизвестную землю. «Сначала эта страна, — пишет он в докладной записке королю, — показалась нам очень пустынной, но приблизившись к берегу, мы увидели большие костры. Теперь оставалось только выбрать место для стоянки, чтобы ознакомиться со страной, но пришлось проплыть еще не меньше пятидесяти лье вдоль берега, круто уходящего к югу, прежде чем было найдено место, удобное для высадки».

Когда французы подошли близко к берегу, навстречу им высыпали толпы туземцев, но как только моряки начали высаживаться, они разбежались. Через некоторое время туземцы осмелели и, окружив французов, с удовольствием взирали на их белые лица и яркую одежду.

Сами же туземцы были совершенно голы, если не считать узкой набедренной повязки из кунных шкурок и украшавших голову разноцветных перьев. «Они чернокожи, — говорится в записке, — и имеют большое сходство с сарацинами,¹⁴¹ волосы у них черные, не очень длинные и связаны позади головы наподобие хвостика. Сложены они пропорционально, среднего роста — чуть повыше нашего, и внешность их почти безупречна, разве только лицо немного широковато; не отличаясь большой силой, они в то же время чрезвычайно ловки и бегают с такой быстротой, что за ними не угонишься».

Вследствие непродолжительного пребывания в этой стране Верраццано не успел собрать никаких подробностей о нравах и

образе жизни туземцев. Природа произвела на французов самое приятное впечатление. Песчаный берег был покрыт холмами, указывавшими, по мнению Верраццано, на присутствие минералов, а подалее стояли стеной «такие прекрасные рощи и леса, что ими нельзя было не восхищаться».

Местность, где высадились французы, была, по-видимому, той частью Соединенных Штатов, которая известна под названием Северной Каролины.

В продолжение всего марта 1524 года путешественники плыли вдоль берега, казавшегося густо населенным. Недостаток воды заставлял их неоднократно высаживаться, и всюду они встречали туземцев, не проявлявших никаких воинственных намерений и охотно отдававших все, что они имели, за зеркальца, бубенчики и ножи.

Однажды Верраццано послал на берег шлюпку с двадцатью пятью матросами. Не успели они еще причалить, как один молодой матрос кинул индейцам несколько безделушек и, потеряв при этом равновесие, упал в воду. Сильной волной его выбросило на берег и, прежде чем французы успели высадиться, индейцы подхватили этого матроса и увели в свое селение. Путешественники не сомневались, что их товарищ будет принесен в жертву. Дальнейшие действия туземцев только подтвердили это мрачное предположение. Индейцы поставили матроса на косогоре, прямо против солнца, раздели его донага и стали удивляться белизне его кожи; затем они развели большой костер и занялись приготовлением к пиршеству. И сам несчастный матрос и его товарищи, наблюдавшие с берега за этой сценой, решили, что теперь индейцы убьют и зажарят на костре свою жертву, как это делают все людоеды, о которых рассказывалось столько ужасов. Но в действительности ничего подобного не произошло: как только отчаявшийся матрос выразил желание вернуться на берег, туземцы, по очереди облобызав его, отпустили беднягу с миром и, поднявшись на холм, молча наблюдали, как он изо всех сил бежал к лодке.

Верраццано продолжал плыть вдоль берега к северу и, пройдя более пятидесяти лье, достиг земли, покрытой густым лесом. Двадцать матросов углубились на несколько километров в лесную чащу, но затем, боясь заблудиться, вернулись обратно. Во время этой экскурсии французы встретили двух женщин с детьми; одного ребенка лет семи — восьми они хотели отнять у матери, чтобы увезти с собой во Францию; но женщины подняли страшный крик, призывая на помощь своих соплеменников.

Здесь индейцы охотились и ловили птиц силками; вооружение их состояло из лука, сделанного из чрезвычайно твердого дерева, и стрел с наконечниками из рыбьей кости. Туземные пироги, длиною в двадцать футов и шириною в четыре, выжигались

огнем из древесных стволов. Повсюду в лесу вокруг деревьев висел дикий виноград, свисавший с ветвей длинными гроздьями. При небольшой обработке из такого винограда могло бы получиться превосходное вино. «Плоды его, похожие на наши, были приятны на вкус, и, кажется, туземцы заботились о своих виноградниках, так как везде, где они росли, были обрублены ветви соседних деревьев, чтобы они не мешали созреть плодам».¹⁴² Дикie розы, фиалки, лилии и самые разнообразные душистые растения, незнакомые европейцам, устилали землю, наполняя воздух благоуханием.

Пробыв три дня в этой чудесной стране, французы продолжали следовать вдоль берега, плывя днем и бросая якорь ночью. В десяти лье от континента они открыли остров треугольной формы, похожий на Родос, и присвоили ему имя матери короля Франциска, Луизы Савойской. Затем, пройдя еще пятнадцать лье, они причалили к другому острову с очень удобной бухтой. На берегу сразу же собралась большая толпа индейцев.

Местный вождь порастил путешественников своей красотой и величественной осанкой. Его стан был задрапирован оленьей шкурой; голова была обнажена, волосы отброшены назад и связаны в пучок, шею обвивала широкая цепь, украшенная цветными камнями. Это индейское племя было самым замечательным из всех, какие встречались до сих пор французам. «Тамошние женщины очень грациозны, — говорится в записке, опубликованной Рамузио. — Одни из них носили на плечах рысьи шкуры и заплетали волосы в две длинные косы; у других были высокие прически, как у женщин Сирии и Египта. Пожилые и замужние женщины носили в ушах медные серьги. Эта страна лежит на одной параллели с Римом, под 41,6°, но климат в ней гораздо суровее».

5 мая Верраццано покинул эту гавань и поплыл дальше к северу. Через несколько дней он достиг мест, где жители были настолько дики, что с ними невозможно было вступить в торговые отношения. Из всех предметов, которые показали им европейцы, они оценили только ножи и рыболовные крючки, а всякие бубенцы и безделушки, которые в других местах больше всего привлекали индейцев, были оставлены ими без внимания. Когда на берег высадились двадцать пять вооруженных матросов и углубились на несколько километров внутрь страны, туземцы встретили их градом стрел и сразу же скрылись в густом лесу.

Проплыв еще пятьдесят лье, Верраццано открыл обширный архипелаг, состоящий из тридцати двух островов, расположенных по соседству с материком; острова, разделенные узкими каналами, напомнили итальянскому путешественнику архипелаги Адриатического моря, окаймляющие берега Славонии и Далмации. Нако-

нец, под 50° северной широты французы достигли земель, открытых некогда норманнами и в начале XVI века бретонцами.¹⁴³ Таким образом Верраццано исследовал северо-американское побережье на протяжении семисот лье. Подняться еще севернее он уже не мог, так как подошли к концу съестные припасы. Повернув обратно, Верраццано благополучно прибыл во Францию и в июле 1524 года высадился в Дьеппе.

Некоторые историки уверяют, будто Верраццано попал в плен к дикарям у берегов Лабрадора и был ими съеден. Этот рассказ — очевидная нелепость, так как Верраццано послал из Дьеппа отчет Франциску I о своем путешествии, содержание которого мы здесь привели. Да, кроме того, индейцы этих стран никогда не были людоедами! Мы никак не могли доискаться, на основании каких источников другие авторы выдвигают версию, будто Верраццано попал в руки к испанцам, которые привезли его в Испанию и там повесили. * Гораздо добросовестнее будет сознаться, что мы ничего не знаем ни о дальнейшей судьбе Верраццано, ни о том, как отнеслись в придворных кругах Франции к его путешествию. Не исключена возможность, что какой-нибудь ученый найдет в архивах новые документы об экспедиции Верраццано, но пока что мы знаем о нем только то, что сообщается в сборнике Рамузио.

Десятью годами позже, один мореплаватель из города Сен-Мало, ** Жак Картье (1491—1557), решил основать колонию в открытых Верраццано землях и присоединить эти области к владениям Франции. Кроме того, он хотел найти дорогу в Индию и Китай. Намерению Жака Картье оказали поддержку адмирал Филипп де Шабо и король Франциск I, не раз говоривший, что ему «хотелось бы увидеть ту статью завещания нашего праотца Адама, которая лишает французского короля наследства в Новом Свете в пользу королей Испании и Португалии».

20 апреля 1534 года Картье покинул порт Сен-Мало и отправился с двумя кораблями за океан. Корабли были маленькие — в шестьдесят тонн водоизмещения, и весь экипаж состоял из шестидесяти человек. Путь из Бретани к Ньюфаундленду был

* Джованни да Верраццано был известен испанцам как дерзкий пират Хуан Флорин, перехвативший испанские корабли, шедшие из Мексики с сокровищами Монтезумы. По свидетельству Берналя Диаса, в 1527 году Хуан Флорин был взят в плен на море и повешен испанцами в Севилье. В те времена важнейшие географические открытия нередко совершались пиратскими экспедициями.

** Сен-Мало — французский рыбачий порт на северном берегу полуострова Бретань.

Жак Картье. Снимок со старинной гравюры.

хорошо знаком рыбакам из Сан-Мало. Плавание проходило так удачно, что уже через двадцать дней Картье достиг залива Бонависта у восточного берега Ньюфаундленда, но льды помешали ему бросить якорь.

Поднявшись к северу, Картье остановился у маленького острова, густо населенного птицами и названного им Птичьим. Здесь французы занялись охотой и заготовили несколько бочек солонины из мяса кайр и тупиков.¹⁴⁴ Затем Картье прошел проливом Бель-Иль (Белл-Айл), отделяющим Ньюфаундленд от материка, и нашел удобную бухту в заливе Святого Лаврентия. Вдоль всего побережья встречались прекрасные гавани, но природа здесь оказалась такой суровой, что не было смысла основывать в этих местах колонию. «Если бы земля была так же хороша, как и гавани, — писал путешественник, — она была бы благословением божьим; на самом же деле она не заслуживает даже самого названия земли, до того она покрыта камнями и высокими обрывистыми скалами; объехав все северное побережье, я так и не увидел хотя бы одного воза земли, а я высаживался во многих местах».

Продолжая плавание вдоль побережья Лабрадора, Картье был отброшен бурей к западному берегу Ньюфаундленда. Там он исследовал мыс Сент-Джордж, мыс Рей, острова Магдален и остров Принца Эдуарда, где не мог высадиться из-за отсутствия подходящей гавани. На берегах континента он не раз завязывал торговые отношения с туземцами, которые выказывали «большое желание иметь железные орудия и другие металлические изделия. Они пускались перед нами в пляс и поливали себе голову морской водой, набирая ее пригоршнями; отдавали они нам все, что имели». В этих местах французские моряки получили от туземцев много пушнины и звериных шкур.

Далее Жак Картье вошел в эстуарий реки Святого Лаврентия, где встретил туземцев, ни по языку, ни по обычаям не имевших ничего общего с теми, которых он видел раньше. «Эти, — пишет он, — уж действительно достойны названия дикарей. Я не встречал людей более бедных, чем они. Эти туземцы бреют голову, за исключением маленького места на макушке, где отрашивают длинный клоч, похожий на конский хвост, и связывают его медной проволокой. У них нет никаких жилищ, кроме лодок, под которыми они спят, ничего под себя не подстилая».

В проливе Гаспе, около устья реки Святого Лаврентия, Картье поставил на берегу большой деревянный крест с надписью: «Да будет долгой жизнь короля Франции». Тем самым он объявил эту страну французским владением. С огорчением узнав о том, что эстуарий реки Святого Лаврентия вовсе не является, как он предполагал, проливом, открывающим дорогу в Индию и Китай,

Канадские индейцы.

Картье решил вернуться во Францию. Он уговорил вождя местных индейцев отпустить с ним двух его сыновей, обещая вернуть их живыми и невредимыми в следующий свой приезд. На этом и закончилась первая экспедиция Жака Картье, благополучно высадившегося в Сен-Мало 5 сентября 1534 года.

Весною следующего года Картье снова отправился в Новый Свет. 19 мая 1535 года он вышел из Сен-Мало на трех кораблях в сопровождении Шарля де ла Помере, Клода де Понбриана и других знатных дворян. С первых дней плавания буря рассеяла флотилию, но все корабли благополучно добрались до Ньюфаундленда и встретились в условленном месте. Снова пристав к Птичьему острову, Картье оттуда проник в залив Святого Лаврентия, открыл остров Антикости и затем опять вошел в устье большой реки Ошелага (река Святого Лаврентия), ведущей в Канаду.

Прежде чем плыть по реке Святого Лаврентия, Картье вторично исследовал ее эстуарий, надеясь открыть какой-нибудь проход на север. Не найдя прохода, он возвратился в залив Севен Айлендс (Семи островов), поднялся вверх по течению и вскоре достиг реки Сагены, впадающей в Ошелагу. Индейцы сообщили ему, что на берегах Сагены местные жители добывают красную медь, которую называют «сакедазе».

Плывя все выше по реке, Картье 7 сентября достиг острова Орлеан, а неделей позже остановился в устье реки Сен-Шарль возле индейского селения Стадакона (на этом месте расположен теперь город Квебек). Таким образом, Картье первым из европейцев вступил на территорию Канады.

«На следующий день, — сообщает Картье в своем отчете, — властитель Канады по имени Донна-Кона на двенадцати лодках, в сопровождении шестнадцати человек, приблизился к нашим судам. Подойдя к самому меньшему кораблю, он стал совершать какие-то странные телодвижения, что означало церемониальное приветствие и выражение радости. Когда он взошел на наш главный корабль, то увидел двух привезенных из Франции индейцев и вступил с ними в разговор. Они рассказали ему, что видели во Франции и как хорошо с ними там обращались; это сообщение очень обрадовало властителя, и он обратился к капитану [Картье] с просьбой позволить облобызать ему руки, что считалось у них знаком высшего почтения. Страна Стадакона — или, как мы ее называли, Сен-Шарль — очень плодородна и изобилует прекрасными деревьями тех же самых пород, что и во Франции. Здесь произрастают вяз, слива, тис, кедр, виноградник, боярышник, дающий плоды величиной в сливу, и другие деревья, а из травянистых растений — конопля, несколько не уступающая французской».

Донна-Кона был приветлив до тех пор, пока не узнал, что чужеземцы собираются подняться еще выше по реке, в глубь Канады. «Тогда капитан, — читаем мы в отчете о плавании, — приказал зарядить двенадцать пушек и выстрелить в индейцев. Индейцы были ошеломлены залпом, словно на них упало небо, и поднимали такой вой и визг, что можно было подумать, будто сам ад вытряхнул на землю свое содержимое».

После этого Донна-Кона смирился, и французы, оставив свои корабли в устье реки Сен-Шарль, поплыли дальше в барке и двух корабельных шлюпках. Через десять дней они достигли большого индейского селения Ошелага, удаленного от устья реки Святого Лаврентия на двести десять лье. В этой стране Картье, по его словам, встретил «обработанные земли и большие прекрасные поля, засеянные зерновым хлебом, напоминающим по виду бразильское просо, но величиною с горох и даже больше; ¹⁴⁵ для них это такой же хлеб, как для нас пшеница. Среди этих полей находится город Ошелага — он расположен у подножия горы, с вершины которой открывается необозримая даль; эту гору мы назвали Мон-Рояль [Королевская гора]». ¹⁴⁶ Прием, оказанный Жаку Картье в Ошелаге, был как нельзя более дружественным. «Здесь нас встретило более тысячи человек — мужчин, женщин и детей, которые приняли нас так, как редко принимает отец родного сына. Они всячески выражали свою радость и пустились в пляс, причем мужчины образовали один круг, женщины — другой, а ребятишки в стороне — третий».

Властитель города, по имени Агуана, был разбит параличом. Решив, что Картье всемогущ, он стал умолять его прикоснуться к его неподвижным ногам. Примеру властителя последовали все хромые, слепые и увечные. Они умоляли Картье прикоснуться к ним, так как были убеждены, что он — бог, явившийся, чтобы их исцелить.

В отчете о путешествии далее следует такое любопытное место: «Видя их благочестие и веру в могущество божие, капитан стал им читать евангелие от св. Иоанна, осеняя крестным знаменiem больных и прося в то же время бога сподобить их уразуметь нашу святую веру и принять крещение. Затем капитан взял часослов и стал читать о страданиях Христа, да так громко, чтобы слышно было всем присутствующим; весь народ хранил глубокое молчание и совершал те же церемонии, что и мы».

Познакомившись со страной, которую он исследовал на тридцать лье в окружности, и собрав некоторые сведения о водападах и порогах реки Святого Лаврентия, Жак Картье вернулся вниз по течению до реки Сен-Шарль, где стояли его корабли. Здесь он построил форт и остался зимовать со своими спутниками.

В отчете Картье содержится много любопытных подробностей о нравах и обычаях канадских индейцев, и, в частности, о курении табака, которое было распространено по всему Новому Свету, но в Европе еще не успело привиться. «У них есть особая трава, — говорит он, — и они запасаются ею в большом количестве на зиму; здесь она очень ценится, и употребляют ее одни мужчины. Траву эту высушивают на солнце, затем кладут в маленький кожаный мешочек, который носят на шее рядом с деревянным или каменным рожком; в любое время индеец может достать из своего мешочка немного травы, растереть ее в порошок и всыпать в широкий конец упомянутого рожка; затем туда закладывают горящий уголек, а узкий конец рожка берут в рот и вдыхают до тех пор, пока все внутри не наполнится дымом, выходящим затем из рта и из ноздрей, словно из каминной трубы. Мы попробовали подышать этим дымом, но когда он попал в рот, нам показалось, что это черный перец, до того он был жгучим».

Зима стояла долгая и морозная. В декабре среди французов вспыхнула повальная болезнь — цинга, или скорбут. «Означенная болезнь, — пишет Картье, — так распространилась на наших кораблях, что к середине февраля из ста десяти человек экипажа не было и десяти здоровых». Ни молитвы, ни обеты моряков не принесли никакого облегчения. К апрелю французы похоронили двадцать пять человек; из всего остального экипажа только четверо держались на ногах. В это тяжелое время один канадский вождь сообщил Жаку Картье, что он знает средство от болезни: отвар из почек и коры одного дерева, которое индейцы называли «канедда». Когда два или три человека, которым уже нечего было терять, испытали на себе благотворное действие этого лекарства, «произошла такая свалка, что матросы чуть не поубивали друг друга: каждый хотел раньше другого выпить этого отвара. . . Через восемь дней чудодейственное лекарство так укрепило наши силы, что самые лучшие медики Лувена и Монпелье со всеми своими александрийскими снадобьями и за год не сделали бы того, что сделал за неделю отвар из этого дерева».

Спустя некоторое время стало известно, что Донна-Кона подговаривает индейцев к мятежу. Чтобы предотвратить восстание туземцев, Картье распорядился захватить вождя вместе с его приближенными и держать их на корабле. Позже Донна-Кона и девять его соплеменников были переправлены во Францию, где и умерли.

6 мая 1536 года Картье покинул место зимовки, спустился по реке Святого Лаврентия в одноименный залив, прошел мимо острова Кейп-Бретон к острову Ньюфаундленд и, после благополучного перехода через океан, 16 июля высадился в Сен-Мало.

После того как Картье представил королю отчет о своем путешествии, Франциск I решил вступить во владение новой страной. Картье был назначен главным штурманом и капитан-генералом третьей экспедиции, а знатный дворянин Жан Франсуа де ла Рок де Роберваль получил пышный титул «лорда Норумбеги, вице-короля и лейтенант-генерала * Канады, Ошелаги, Сагеней, Ньюфаундленда, Бель-Иля, Лабрадора, Большой бухты и Баккалаоса». Не Картье, а Робервалю король поручил основать в этих странах колонии под общим названием «Новая Франция».

23 мая 1541 года из гавани Сен-Мало вышли пять кораблей Картье, снабженных провизией и припасами на два года. На этих кораблях во вновь учреждаемую французскую колонию отправлялись солдаты, ремесленники и дворяне. Сам же вице-король должен был прибыть позже с другой флотилией.

На этот раз погода не благоприятствовала плаванию. Налетевшей бурей суда были разогнаны в разные стороны и только через три месяца собрались в условленном месте, у берегов Ньюфаундленда. Высадившись в конце августа в пятнадцати километрах выше индейского селения Стадакона, Картье приступил к работам: стал расчищать землю, возводить укрепления, строить дома, положив тем самым основание городу Квебеку. Одновременно он продолжал исследовать местность: поднялся до селения Ошелага и сделал попытку преодолеть два первых порога. Между тем навалилась зима, а Роберваль так и не прибыл с новой партией колонистов. Догнав кое-как до весны, Картье решил вернуться во Францию: припасы были на исходе, и отношения с индейцами до того обострились, что с минуты на минуту могло вспыхнуть восстание. На обратном пути в гавани «Святого Креста» на Ньюфаундленде Картье встретил Роберваля, везшего на грех кораблях двести колонистов. Но люди Картье были так измучены, что нечего было и думать о возвращении с ними в Квебек. Роберваль отправился туда один, а Картье в октябре 1542 года высадился в Сен-Мало и остаток своих дней провел в родном городе.

Что касается новой колонии, то после смерти Роберваля, погибшего во время второго переезда из Франции в Канаду, она хирела и прозябала до 1608 года, то есть до тех пор, пока в Квебек не прибыл Шамплен, о деятельности и об открытиях которого мы расскажем ниже.

Открытие французами Канады вновь подняло у англичан интерес к заокеанским землям. Прошло несколько десятилетий после неудачных попыток Джона и Себастьяна Каботов отыскать

* Лейтенант-генерал — звание, которое присваивалось второму лицу в армии (после главнокомандующего).

Северо-западный проход к берегам Азии, когда в Англии стали появляться ученые труды, отстаивавшие правоту отважных мореходов и наполненные всевозможными доказательствами существования этого пути на Восток. Большое влияние на английских путешественников оказало «Рассуждение сэра Хемфри Гилберта в доказательство существования Северо-западного прохода в Кайю и Индию». Гилберт доказывал, что английским судам гораздо удобнее было бы совершать плавания вокруг Америки, поскольку она является, по его мнению, островом, чем пользоваться труднодоступным Северо-восточным путем, самую возможность которого он ставил под сомнение. Взгляды Гилберта разделял и такой авторитетный английский географ, как Ричард Уилло, приведший новые аргументы в пользу отыскания Северо-западного пути.

Одним из самых горячих защитников этой идеи был смелый английский моряк Мартин Фробишер (1535—1594), которому после нескольких неудачных попыток заинтересовать богатых судовладельцев удалось, наконец, найти поддержку у графа Варвика, приближенного королевы Елизаветы.

Граф Варвик снарядил для Фробишера на свои средства одно небольшое судно и два баркаса водоизмещением в двадцать или двадцать пять тонн. И с этой-то «флотилией» отважный мореплаватель думал преодолеть полярные льды и пересечь арктические моря в таких высоких широтах, куда не заплывал со времен норманнов ни один европеец!

Выйдя 8 июня 1576 года из Дептфорда, Фробишер благополучно достиг южной оконечности Гренландии, но затем дорогу ему преградили плавучие льды, заставившие спуститься к Лабрадору. В поисках гавани Фробишер проник в Гудзонов пролив, обошел острова Лоуэр-Савидж и Резольюшен и, наконец, вышел в залив, который он назвал своим именем (залив Фробишер). Высадившись на Камберлендском берегу (Баффинова земля), Фробишер именем королевы Елизаветы вступил во владение этой страной и завязал торговые отношения с американскими эскимосами. «Похожи они на татар, — писал английский путешественник. — У них длинные черные волосы, широкие лица и плоские носы. Одеваются они в тюленьи шкуры одинакового покроя у мужчин и женщин; кожа у них коричневая, но женщины разрисовывают себе щеки и обводят глаза синими полосами. Лодки их также сделаны из тюленьих кож, а под кожей скрывается деревянный киль». Заметим, что это самое старинное из известных нам описаний эскимосов.

Так как на крайнем севере в августе уже наступала зима и холода становились все суровее, Фробишер поспешил вернуться в Англию и 2 октября бросил якорь в Темзе. Он привез до-

Мартин Фробишер.

вольно смутные сведения о сделанных им географических открытиях, но был обласкан при дворе, когда показал несколько кусков какого-то черного камня с вкрапленными в него крупцами золота.

Воображение англичан воспламенилось. Многие знатные дворяне и сама королева приняли участие в расходах на снаряжение новой экспедиции. Был построен корабль в двести тонн, рассчитанный на сто человек экипажа, и два грузовых судна для полугодового запаса провианта и вооружения. Экипаж был укомплектован опытными моряками, среди которых находился и автор интересных записок о путешествиях Фробишера — Джордж Бест.

31 мая 1577 года Мартин Фробишер — «главный адмирал всех морей, озер, земель и островов, стран и мест, вновь открываемых, и в особенности в Китае» — отправился во вторую экспедицию.

В начале июля корабли приблизились к Гренландии. Подступающие к берегу горы были покрыты снегом, а берег — вековым льдом. Погода стояла дурная. Необыкновенно густые туманы, похожие на гороховый суп, как сказали бы сейчас английские матросы, северные бури со снегом и градом, плавучие ледяные горы — таковы были препятствия, помешавшие Фробишеру ранее 9 августа проникнуть в пролив, открытый им в предшествующее плавание.

Занимаясь поисками золотой руды, англичане в то же время преследовали эскимосов. «Раненные в стычках, они в отчаянии бросались со скал в море; этого не случилось бы, если бы они с самого начала проявили больше покорности», — пишет один из спутников Фробешера.

«Золотые россыпи» вскоре были найдены. На борт большого корабля моряки погрузили двести тонн черного камня с золотыми блестками и по случаю этого знаменательного события торжественно воздвигли колонну на вершине одной горы, названной в честь покровителя Фробешера «горою Варвика».

После этого Фробешер решил исследовать «свой» залив, все еще надеясь, что это сквозной пролив, открывающий путь в «Катайю». Но льды помешали ему углубиться больше, чем на тридцать лье. У островка, названного островом Смита, он встретил двух эскимосских женщин и одну из них приказал захватить вместе с ребенком. Невежество путешественников того времени простиралось так далеко, что Фробешер и его спутники воображали, будто у туземных женщин не обыкновенные ступни, а раздвоенные копыта. Чтобы убедиться, так ли это, они заставили пленницу разуться и с удивлением обнаружили, что у нее настоящие человеческие ноги.

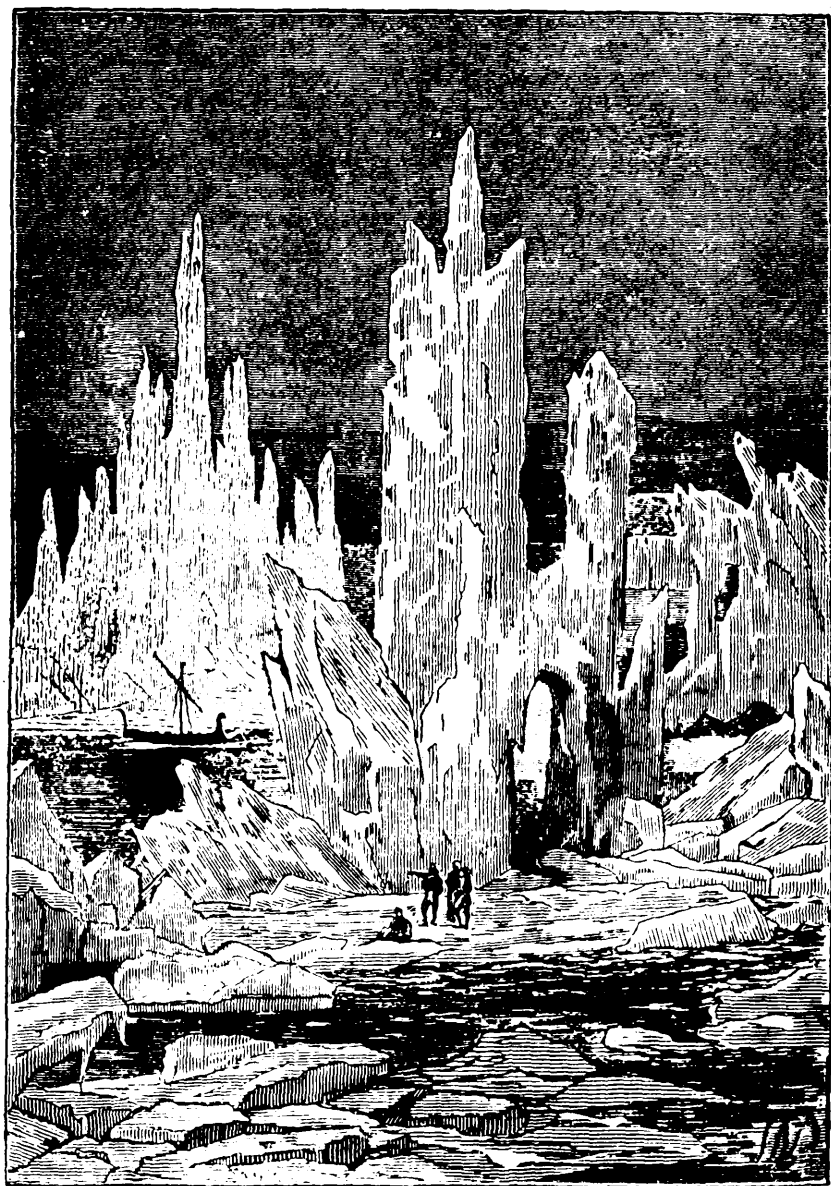
С наступлением холодов Фробешер отказался от дальнейших поисков Северо-западного прохода. Желая обеспечить целостность собранных «сокровищ», он поспешил отплыть в Англию.

Вернулся он на родину в конце сентября, выдержав по дороге жестокую бурю, рассеявшую его корабли. Кроме «золотой руды», Фробешер привез из северных стран трех эскимосов — мужчину, женщину и ребенка, которые были представлены королеве. Несмотря на то, что Елизавета «в виде особой милости разрешила им стрелять на Темзе разных птиц и даже лебедей», несчастные эскимосы, так и не освоившись с новой обстановкой, умерли через несколько месяцев.

Вскоре ученые-алхимики исследовали добытую Фробешером руду и заявили, что в ней действительно содержится золото. В Англии, особенно среди высших классов, началась «золотая лихорадка». Сказочно богатые северные страны представлялись вторым Перу, настоящим, а не легендарным Эльдорадо!

Королева Елизавета, несмотря на свой практический ум, поддавалась всеобщему возбуждению. Она решила основать в новой стране колонию и воздвигнуть крепость «*Meta incognita*». * Коро-

* *Meta incognita* — неизвестная цель. Таково было условное, секретное название, данное королевой Елизаветой земле, открытой Фробешером. Юго-восточный полуостров Баффиновой земли до сих пор носит латинское название Мета Инкогнита.

Гренландские айсберги.

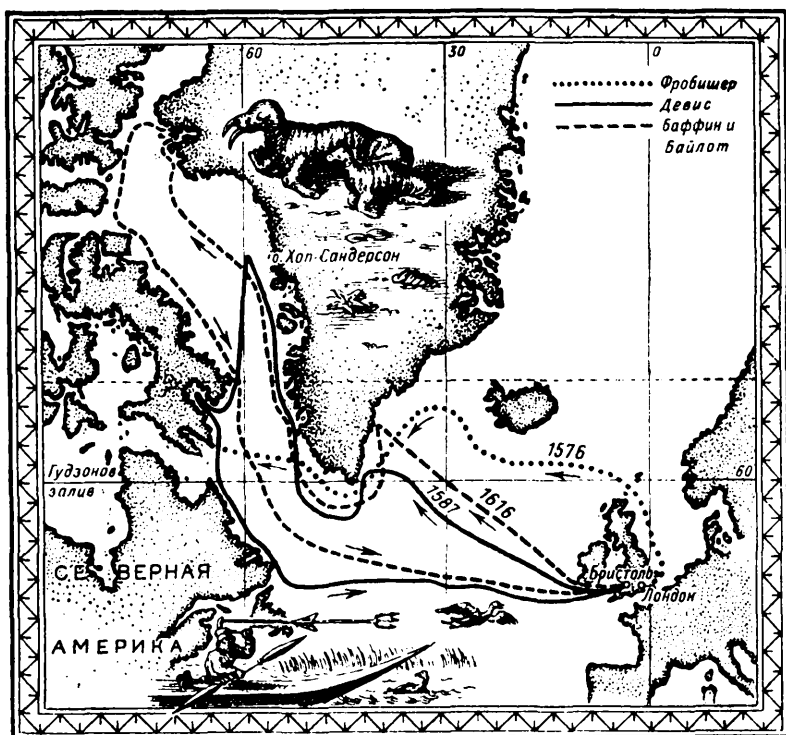
лева приказала снарядить три корабля под командой опытных капитанов — Беста, Филпота и Фентона. Эти три корабля должны были находиться в распоряжении коменданта будущей крепости и продолжать поиски Северо-западного пути. К ним были присоединены еще несколько судов, предназначенных для перевозки «золотой руды». Кроме того, во флотилию входили еще корабли, снаряженные некоторыми предприимчивыми дворянами и купцами. Помимо сорока матросов, тридцати горняков и тридцати солдат, в колонию «*Meta incognita*» отправлялись булочники, плотники, каменщики, золотобитчики и другие ремесленники. Главным начальником всей экспедиции был назначен Маргин Фробишер.

31 мая 1578 года пятнадцать кораблей покинули Англию. Через двадцать дней они достигли Гренландии и встретили бесчисленные стада китов. Приблизившись к заливу Фробишер, путешественники нашли его загроможденным льдами. Один из кораблей с такой силой ударился о ледяную гору, что сразу же затонул на глазах у всей флотилии. Вскоре с юго-востока налетела страшная буря. Как гласит запись Джорджа Беста, «на корабли со всех сторон надвигались плавающие льды. Назад еще кое-как можно было выбраться, но путь вперед был окончательно прегражден. Некоторые из наших кораблей, найдя более безопасное место, взяли на гитовы паруса¹⁴⁷ и легли в дрейф; другие бросили якорь у ледяного острова. Те же корабли, которым не удалось укрыться от опасности, подвергались натиску налетающих на них со всех сторон ледяных глыб. И тем, кто очутился в таком плачевном положении, ничего не оставалось, как защищать борта кораблей от ярости напивавших льдин канатами, туюфками, баграми, досками и чем попало».

Шторм разбросал флотилию, и корабль самого Фробишера сильно пострадал от плавающих льдов. Сбившись с пути, флотилия попала в какой-то неизвестный пролив с чрезвычайно быстрым течением. «Понстине было удивительно слышать и видеть шум и напор, которые производил прибой в этом месте, и сила его так поразительна, что суда наши иногда поворачивало кругом, как в водовороте».

Фробишер решил, что это и есть тот самый Северо-западный проход, который ведет в Индию и Китай, но заняться его исследованием он не мог, так как должен был поскорее доставить в Англию как можно больше «золотой руды». Предполагают, что английская эскадра очутилась в проливе, получившем впоследствии название Гудзонова.

В конце концов англичане все же достигли залива Фробишер, но флотилия была в таком жалком состоянии, что большая часть строевого леса, предназначенного для постройки домов, по-

Маршруты экспедиций Фробешера, Девиса, Баффина и Байлота.

шла на починку кораблей. Время года было уже позднее, в пути погибло сорок человек, запасы провизии истощались. Поэтому Фробешеру пришлось отказаться от основания колонии и ограничиться только погрузкой «золотой руды», которой он взял на этот раз 1300 тонн. 1 августа флотилия двинулась в обратный путь. Бури и ураганы сопровождали ее вплоть до берегов Англии.

В отношении географических открытий результаты этой экспедиции были ничтожны; что же касается «золотой руды», наделавшей в Англии столько шума, то при более тщательной проверке оказалось, что она не содержит ни грана золота.

Таково было последнее северное путешествие, предпринятое Фробешером. В последующие годы он плавал с вице-адмиралом Френсисом Дрейком в Вест-Индию и участвовал в походе английской эскадры против испанской «непобедимой Армады». Наконец, в 1594 году он получил тяжелое ранение при осаде французского

порта Бреста и умер на корабле не доведя свою эскадру до Портсмута.

Если путешествия Фробешера вызывались исключительно корыстными побуждениями, то в этом нужно винить не столько самого путешественника, сколько его эпоху. Справедливость требует сказать, что среди самых неблагоприятных условий и с самыми незначительными средствами Фробешер проявил много мужества, способностей и настойчивости. За Фробешером нужно признать ту заслугу, что он показал своим соотечественникам пример и сам сделал первые открытия в тех странах, исследование которых прославило впоследствии английских путешественников.

Хотя неудачи Фробешера и заставили отказаться от поисков в полярных странах золотых россыпей, подобных перуанским, но этого еще было недостаточно, чтобы заставить англичан отказаться от поисков Северо-западного прохода в Китай. Существование пролива признавалось самыми авторитетными мореплавателями, нашедшими немало единомышленников среди лондонских купцов.

При содействии богатых негоциантов в 1585 году были снаряжены два корабля — «Санлайт» («Солнечный свет») в пятьдесят тонн водоизмещения и «Мунлайт» («Лунный свет») в тридцать пять тонн, покинувшие 7 июня Дартмут под начальством «весьма сведущего моряка» Джона Девиса.

20 июля Девис и его спутники увидели землю, покрытую снежными горами, до того безжизненную, что она была названа Десолейшн-Ленд (Земля запустения). В действительности это был южный берег Гренландии, принятый Девисом, вследствие ошибочного обозначения широт на картах братьев Зено и Фробешера, за неизвестную землю. Отсюда Девис повернул на северо-запад и, обогнув южную оконечность Гренландии, поднялся до широты нынешнего Готхоба по проливу, названному его именем (Девисов пролив). Здесь он бросил якорь в глубоком и удобном для стоянки фиорде, назвав его заливом Гилберта, и выменял у миролюбивых эскимосов множество тюленьих шкур и ценных мехов за стеклянные бусы и медные бубенцы. Вскоре английские корабли были окружены целой флотилией туземных лодок. Прибрежные жители сами предложили англичанам вступить в меновую торговлю. В этом месте Девис обратил внимание на один любопытный факт: течение несло вдоль берега много деревьев, причем некоторые из них достигали в длину двадцати метров.

1 августа Девис пошел снова на северо-запад и через шесть дней остановился у мыса Дайер, по другую сторону пролива. Самой высокой горе, которая открылась его взору на камберлендском берегу, он присвоил имя сэра Ралея. После недолгой стоянки

Охота на морских львов Со старинной гравюры.

Девис в течение одиннадцати дней плыл по морю, совершенно свободному ото льда, очень широкому, с водою такого же цвета, как в океане. Не подозревая, что он углубляется в залив, ныне известный под названием Камберленд, Дэвис полагал, что находится в проливе, ведущем в Тихий океан. Внезапно спустившийся густой туман помешал ему убедиться в своем заблуждении, и он повернул обратно, уверенный, что был близок к открытию Северо-западного прохода. 30 сентября Дэвис благополучно высадился в Ярмуте, сообщив в специальном письме министру королевы Уолсингему: «Северо-западный проход — вещь несомненная, и через него можно пройти в любое время; море в нем судоходно, свободно ото льда, атмосферные условия сносны, а воды глубокие».

Дэвис был так убежден в своей правоте, что лондонские купцы без труда согласились помочь ему снарядить новую экспедицию. 7 мая 1586 года он вышел из Дартмута с теми же кораблями, к которым присоединились еще два судна — «Симейд» («Морская дева») и «Норт Стар» («Северная звезда»).

25 июня Дэвис достиг южной оконечности Гренландии. Два корабля, «Санлайт» и «Мунлайт», он отправил к северу (вдоль восточного берега Гренландии) для отыскания Северо-западного прохода, а сам с двумя другими кораблями отправился прошлогодним путем и углубился до 69° в пролив, носящий его имя. Но на этот раз Дэвисов пролив был еще забит плавающим льдом и ветер был такой резкий, что снасти и паруса покрывались ледяной корой. 17 июля экспедиция встретила ледяное поле таких огромных размеров, что понадобилось тринадцать дней, чтобы его обойти. Наконец, когда море очистилось, Дэвис под $66^{\circ}19'$ северной широты перевалил на другую сторону пролива, но на западном берегу оказалось столько льда, что приблизиться к исследованному в прошлом году «проливу» (залив Камберленд) не было никакой возможности. Повернув на юг, Дэвис достиг полуострова Лабрадор. После ожесточенной стычки с эскимосами, стоившей ему трех убитых и трех раненых, путешественник пустился в обратный путь и 19 сентября прибыл в Англию. Хотя поиски и на этот раз не увенчались успехом, Дэвис все же не терял надежды открыть Северо-западный проход, в существовании которого ни минуты не сомневался. Предвидя, однако, что склонить торговую компанию лондонских купцов на снаряжение третьей экспедиции теперь будет нелегко, он обещал своим покровителям с лихвою окупить все издержки верными барышами от охоты на моржей, тюленей и китов, которые на севере водятся в изобилии. Купцы скрепя сердце согласились снарядить третью экспедицию.

15 мая 1587 года Дэвис вышел в море с тремя кораблями —

«Санлайт», «Элизабет» и «Эллен». На этот раз, следуя вдоль гренландского побережья, он дошел до 72°12' северной широты, то есть почти до широты Упернивика. Северный ветер заставил его покинуть это побережье, названное Хоп Сандерсон, по имени богатого купца, покровителя Девиса. 19 июля он привел корабли к знакомой ему горе Ралея и затем вторично проник в залив Камберленд; на этот раз ему удалось пройти залив до конца и с огорчением убедиться, что это не пролив, а глубокая бухта. Снова выбравшись в открытое море, Девис стал исследовать берег в южном направлении и достиг залива, получившего название Ламли, хотя в действительности это был уже известный залив Фробишер.

В конце августа корабли оказались у входа в «быстрый пролив», где «вода кружилась и ревела, как будто здесь столкнулись два пролива». Судя по этому описанию, Девис, как и Фробишер, едва не был увлечен течением в Гудзонов пролив.

Вскоре путешественники достигли мыса Чидли на лабрадорском берегу и на этом вынуждены были прервать свои исследования: близилась зима, и корабли нуждались в ремонте. Проплыв вдоль берегов Америки до 52° северной широты, Девис пошел обратно в Англию и 15 сентября благополучно вернулся на родину.

Хотя поставленная перед ним задача и не была решена, но его путешествия дали положительные научные результаты, которым, однако, в то время не придавали особого значения. Девис исследовал большую часть Баффинова залива; кроме того, были собраны важные сведения о природе арктических областей и жителях гренландского побережья. С географической точки зрения эти открытия были очень ценны, хотя, разумеется, они мало удовлетворяли лондонских купцов. Поэтому после плаваний Девиса всякие попытки дальнейших поисков Северо-западного пути из Европы в Восточную Азию надолго прекратились.

Сам Девис, отказавшись от осуществления своего проекта, выработал новый план достижения Индии — обычным путем, мимо мыса Доброй Надежды, не считаясь с запретами испанцев и португальцев. В 1590 году он отправился в Индию, но у берегов Марокко был настигнут португальской эскадрой и после упорного боя вынужден был вернуться назад.

В 1605 году Девис погиб у берегов Малакки в битве с малайскими пиратами.

Со второй половины XVI века видное место в истории мореплавания и географических исследований заняли голландцы. Освободившись от испанского ига, они развернули бурную торговую деятельность, успешно конкурируя с англичанами.

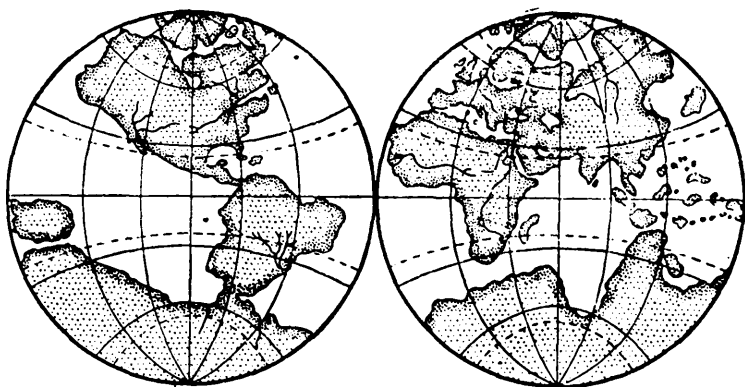

Схема карты мира из «Атласа Меркатора». 1595 г.

Желая установить торговые отношения с Индией и Китаем, голландские купцы снарядили несколько экспедиций на поиски Северо-восточного прохода. По существу они пытались осуществить ту же самую идею, что и Себастьян Кабот, которому Англия была обязана открытием богатого русского рынка. Со свойственным им практицизмом голландцы пристально следили за всеми английскими экспедициями. Вслед за Ченслером они основали торговые конторы в Коле и Архангельске, стремясь в то же время проникнуть в новые места для сбыта своих товаров. Карское море оказалось труднопроходимым, и, по совету известного голландского космографа Питера Планция, амстердамские купцы решили пройти на восток, обогнув с севера Новую Землю. К тому же и такой авторитетный фламандский картограф и математик, как Герард Меркатор,¹⁴⁸ считал, что плавание в Китай Северо-восточным проходом весьма удобно и легко.

Крупнейшие по значению путешествия голландцев связаны с именем знаменитого мореплавателя Виллема Баренца (1550—1597), уроженца острова Терсхеллинг (северная Голландия). Баренц (или, правильнее, Барентсон) был гражданином Амстердама и уже в молодые годы приобрел репутацию опытного и искусного моряка. В 1594 году он был назначен капитаном корабля «Меркурий» в экспедиции Яна Линсхотена, целью которого было «проникнуть в северные моря, открыть царства Кайтая и Хина,¹⁴⁹ лежащие к северу от Норвегии и Московии и по соседству с Татарией».

6 июня корабли отплыли от острова Тессел,¹⁵⁰ затем обогнули Нордкап и 4 июля были уже в нескольких милях от берегов Новой Земли, под $73^{\circ}25'$ северной широты. Следуя вдоль запад-

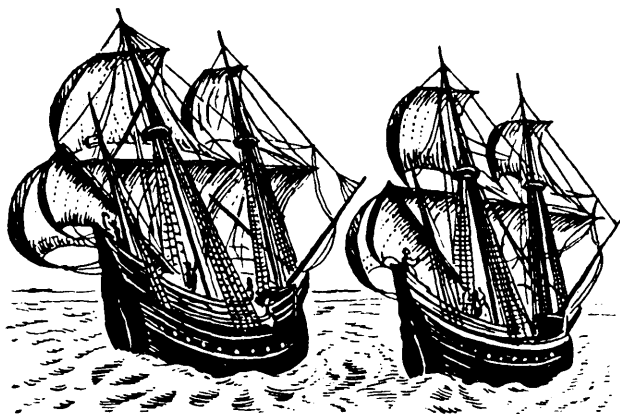
ного берега Новой Земли, Баренц 10 июля достиг мыса Нассау и через три дня встретил плотные массы плавучего льда. До 3 августа он безуспешно пытался проложить дорогу через ледяные поля, более восьмидесяти раз меняя курс. Чтобы пройти незначительное расстояние от мыса Нассау до Больших Оранских островов, у северной оконечности Новой Земли, ему пришлось преодолеть в общей сложности до тысячи семисот миль и проявить все навигационное искусство, на какое он только был способен.

Вряд ли до Баренца хоть один мореплаватель выказывал в подобных обстоятельствах столько настойчивости! Добавим еще, что он воспользовался вынужденной крейсеровкой, чтобы с редкой для того времени точностью определить широты целой серии географических пунктов. Наконец экипаж, измученный этой бесплодной борьбой, запросил пощады, и Баренц вынужден был вернуться в гавань Тессела. Другие корабли флотилии обогнули остров Вайгач и проникли в Карское море, где их задержали льды.

Тем не менее достигнутые экспедицией результаты были признаны настолько значительными, что уже в следующем году Генеральные Штаты¹⁵¹ снарядили семь судов, начальство над которыми было вверено богатому дворянину Якобу ван Гемскерку, а Баренц был назначен главным штурманом. После нескольких остановок у берегов Новой Земли и сибирского побережья флотилия встретила у пролива Югорский Шар непреодолимые льды, заставившие ее отказаться от мысли проникнуть в Карское море. 17 сентября корабли вернулись в Голландию.

Эта вторая экспедиция не оправдала возлагавшихся на нее надежд, и нидерландское правительство отказалось субсидировать дальнейшие экспедиции по изысканию Северо-восточного прохода, хотя и назначило 25 000 гульденов награды тому, кто найдет морской путь в Китай. Более сговорчивыми оказались амстердамские купцы. Они согласились снарядить два корабля, названия и тоннаж которых остались неизвестными. Начальство над ними было вверено Якобу ван Гемскерку и Яну Корнелисзону Рейпу. Баренц же был назначен старшим штурманом на корабль Гемскерка, хотя фактически был инициатором и главой всего предприятия. Геррит Де Фер описавший в своем «Морском дневнике» все три плавания Баренца, был зачислен в состав экипажа в качестве ботмана.

10 мая 1596 года голландцы оплыли из Амстердама. Они благополучно миновали Шетландские острова и 5 июня неожиданно увидели первые льдины, «чем были немало удивлены, приняв их сначала за белых лебедей». Вскоре они подошли к неизвестному острову и 11 июня высадились на его берег. Там

Корабли экспедиции, в которой участвовал Баренц.

путешественники собрали много яиц чаек и убили огромного белого медведя, что и дало повод присвоить этому острову название Медвежьего, удержавшееся до нашего времени.

Продолжая подниматься к северу, 19 июня голландцы заметили сквозь пелену тумана новую неизвестную землю, покрытую остроконечными гористыми вершинами. Этот большой остров путешественники приняли за Гренландию, а когда убедились в своей ошибке, назвали его Шпицбергом.¹⁵² Исследовав значительную часть западного побережья Шпицбергена, они попали в полосу плавающих льдов и вынуждены были снова спуститься к Медвежьему острову.

Здесь между участниками экспедиции возникли разногласия. Ян Корнелизон Рейп хотел взять курс на север и там искать проход на восток. Баренц и капитан Гемскерк решили плыть прямо на восток, мимо Новой Земли. Корабли расстались, и каждый направился своим путем.

11 июля корабль Баренца достиг мыса Канин Нос, и спустя пять дней голландцы увидели западный берег Новой Земли. Переменив галс, они поднялись к северу и 19 июля добрались до полуострова Адмиралтейства. До 4 августа дальнейший путь преграждали тяжелые льды, но 6 августа кораблю удалось обогнуть мыс Нассау. После многих приключений, о которых мы не будем рассказывать, Баренц достиг Больших Оранских островов. Затем он начал спускаться вдоль восточного берега Новой Земли и, теснимый льдами, 26 августа бросил якорь в обширной бухте. «В этой ледяной гавани, — пишет Геррит Де Фер, — нам

Корабль Баренца среди льдов. Рисунок Геррита Де Фера.

пришлось провести всю холодную зиму в большой нужде, в страданиях и тоске».

«30 августа, — читаем мы в том же дневнике, — ледяные глыбы опять стали нагромождаться одна на другую в направлении к кораблю. Дул сильный ветер с северо-запада и шел густой снег. Корабль был совершенно окружен и сжат льдом; все около него стало трещать, и казалось, что он разламывается на сто частей; это было ужасно и видеть и слышать; волосы становились дыбом при столь страшном зрелище. В этот опасный момент, когда льдины, до тех пор крепко сжимавшие корабль с обеих сторон, пробились под него, корабль вытолкнуло вверх, как будто железным орудием».

Вскоре корабль стал так трещать, что благоразумие подсказывало как можно скорее выгрузить все припасы, паруса, порох, пули, мушкеты и другие необходимые вещи; затем голландцы разбили на берегу палатку, чтобы укрыться от снега и нападения медведей. Несколько матросов, отойдя на две—три мили от берега, увидели речку с пресной водой и возле нее следы северных оленей.

Постепенно вся бухта наполнилась громадными, громоздившимися друг на друга ледяными глыбами. Голландцы оказались накрепко запертыми в ледяной гавани и стали готовиться к зимовке. «Мы пришли к заключению, что надо защищаться от холода и диких зверей, построить дом и жить в нем с возможными удобствами, а в остальном довериться судьбе». К счастью, путешественники нашли на берегу много выброшенного водой леса, принесенного, без сомнения, течением из Сибири; деревьев было столько, что их хватило не только для постройки жилища, но и на топливо до конца зимы.

Никогда еще до Баренца европейцы не зимовали в таких высоких широтах, среди мрака и холода, на берегу застывшего, неподвижного моря, которое, по неверному выражению Тацита,¹⁵³ образует «пояс мира» и где «слышен шум восходящего солнца».

Готовясь зимовать на Новой Земле, голландцы не могли предвидеть тех страшных испытаний, какие ждали их впереди. Впрочем, все семнадцать человек вынесли выпавшие на их долю горести с изумительным терпением и мужеством, без всякого ропота, без малейшей попытки к возмущению. Поведение этих доблестных мореходов, не ведавших, что сулило им будущее, и до последней минуты не терявших надежды на спасение, навсегда останется высшим примером героизма для всех моряков. Благодаря искусству, знаниям и предусмотрительности Виллема Баренца голландцы в конце концов выбрались с Новой Земли, из ледяной могилы, и вновь увидели берега своего отечества!

Внутренний вид дома Баренца на Новой Земле. Рисунок Геррита Де Фера.

Зимовщикам постоянно приходилось сталкиваться на Новой Земле с белыми медведями, в одиночку и группами подходившими к самому их жилью. Убивая зверей, они ограничивались только тем, что сдирали с них шкуры, но брезгали употреблять в пищу медвежье мясо, считая его поганым или нездоровым. Это было большой ошибкой. Медвежатина значительно улучшила бы скудный рацион, дала бы возможность отказаться от солонины и уберечься на более длительное время от цинги.

Но не будем опережать события и постараемся следовать за бесхитростным дневником Геррита Де Фера.

«22 сентября умер корабельный плотник и был погребен в расщелине горы, так как из-за сильного мороза земля не поддавалась заступу. Следующие дни были употреблены на переноску леса для постройки дома».

«8 октября. В предшествующую ночь и весь этот день был такой сильный ветер и шел такой снег, что если кто выходил, то ему казалось, что он задыхается; мало того, никто не мог пройти на расстояние длины корабля, хотя бы от этого зависела его жизнь; нельзя было даже минуты пробыть вне корабля или вне дома».

12 октября голландцы перешли в дом, хотя он был еще не совсем достроен. 21 октября большая часть провизии, мебель, припасы и инструменты были перенесены на берег. Дни становились совсем короткими, и солнце только на несколько минут показывалось над горизонтом. Холода усиливались. Дом, построенный по плану Баренца, состоял из одной большой комнаты; посредине был устроен очаг, а над крышей возвышалась широкая дымовая труба. Вдоль стен тянулись нары для спанья, в углу стояла большая бочка, служившая ванной, так как корабельный врач, во избежание заболеваний, предписывал как можно чаще мыться.

Снегу в ту зиму навалило столько, что весь дом был завален сугробами, благодаря чему сохранялась довольно высокая температура внутри жилища. Чтобы выйти из дому, всякий раз приходилось прорывать под снегом коридор. По ночам было слышно, как по крыше разгуливали голодные медведи, пытавшиеся найти доступ к людям. Это заставило голландцев придумать необычный способ охоты: они залезали в дымовую трубу и, сидя словно в сторожке, стреляли без промаха, уловив удобный момент. Вокруг дома и на крыше было поставлено много ловушек для лисиц и песцов. Пушистый мех защищал голландцев от холода, а мясо этих животных служило пищей.

В декабре начались такие лютые морозы, что дым перестал выходить из трубы, и зимовщики едва не задохлись в своем помещении. На некоторое время очаг пришлось загасить. Темпера-

тура в доме резко понизилась. Стены, койки, потолок и все вещи покрылись толстым слоем льда. Стенные часы остановились. Виноградное вино замерзло и перед раздачей его приходилось оттаивать. Каждому выдавалось на день по одному квартарию вина (0,137 литра).

«7 декабря скверная погода продолжалась, свирепствовал северо-восточный шторм, который принес сильнейший холод; мы не знали, что предпринять, чтобы защититься от него. Когда мы совещались, что делать, один из наших предложил пустить в ход каменный уголь, который мы перенесли с корабля в дом, и развести им огонь, так как этот уголь дает сильный и продолжительный жар. Поэтому вечером мы развели при помощи упомянутых углей прекрасный огонь, давший много тепла, но не убереглись при этом от большой беды. Так как теплота нас сильно подкрепила, то мы стали совещаться, как бы подольше удержать ее. Мы решили закрыть все дверцы в камине, чтобы надолго сохранить тепло; после этого все пошли спать, каждый на свою койку или логово, радуясь теплу. Мы долго разговаривали, но в конце концов у нас появилось сильное головокружение. Прежде всего мы заметили это на одном из нас, а затем и все мы почувствовали большое недомогание. Поэтому те, что были посильнее, вскочили с коек и прежде всего открыли камин, а потом дверь. Тот, кто отворял дверь, лишился чувств и в обмороке с большим шумом упал на снег. Я, чья койка была ближе всего к двери, услышал это и, видя его лежавшим в обмороке, сейчас же принес уксус и натер ему лицо, от чего он пришел в себя. По открытии двери наше здоровье восстановил тот же самый холод: раньше он был для нас таким ярым врагом, а теперь послужил причиной спасения, ибо иначе мы, без сомнения, погибли бы в беспомощности. Затем, когда мы пришли в себя, капитан дал каждому немного вина для укрепления сердца».

«11 декабря день был также ясный, но непомерно холодный, так что не испытывший этого с трудом мог бы поверить. Даже сапоги на наших ногах сделались от мороза как рог, так что мы не могли больше носить сапог, а должны были прибегать к широким и просторным башмакам, верхняя часть которых состояла из овчины; при ходьбе же надо была надевать три или четыре пары носков для согревания ног».

«25 декабря дул северо-западный ветер и погода была скверная. Несмотря на это, псцы бегали по крыше, как нам было слышно. Некоторые считали это дурным предзнаменованием. Возник вопрос: почему это дурное предзнаменование? На это был дан ответ: потому, что они не были брошены в горшок или посажены на вертел, ибо в таком случае это было бы хорошим предзнаменованием».

Так голландцы, скрашивая горести шутками, провели конец 1596 года. Начало нового, 1597 года не принесло им никакого облегчения. Снежные бури и морозы свирепствовали с такой силой, что зимовщики не могли выходить из дому. Запасы сильно оскудели, и капитан распорядился уменьшить рацион. Каждый получал теперь по маленькой мерке вина раз в два дня. Некоторые старались сберечь свои крохотные порции на случай еще большей нужды.

5 января, по голландскому обычаю, зимовщики весело отпраздновали народный праздник «двенадцатого дня», или иначе «праздник королей». Об этом трогательно и простодушно сообщает в своем дневнике Геррит Де Фер: «Мы просили капитана позволить нам в этот день среди стольких бедствий хоть раз повеселиться и поставить сбереженное вино из того, которое нам выдавалось каждые два дня, но которое мы не всегда выпивали.

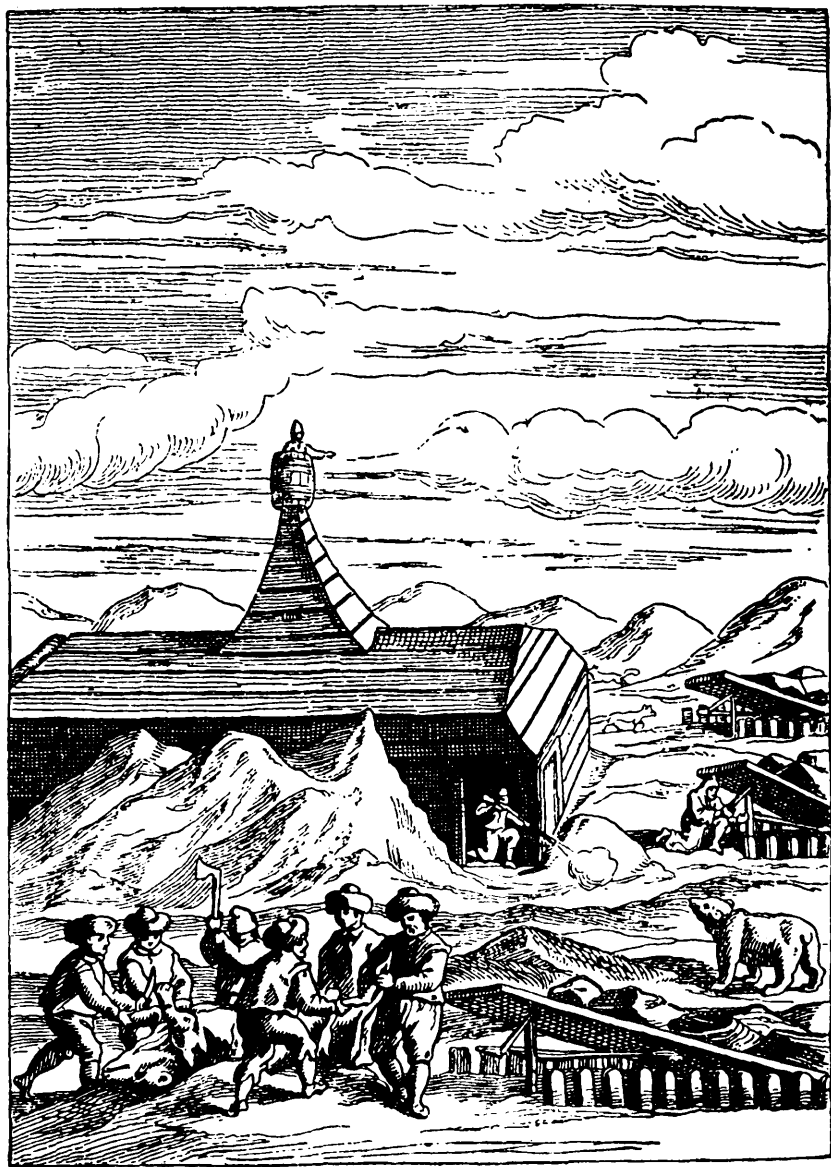
В этот вечер мы несколько оправились. Мы выставили два фунта муки, которая была предназначена для склеивания бумаги, нажарили на сковороде лепешек с маслом, и, кроме того, каждому достался белый бисквит, который макали в вино. Мы внушали себе, что находимся на родине, у родных и друзей, и веселились не меньше, как если бы угощались дома за прекрасным ужином — до такой степени нам все казалось вкусным. Мы распределили между собой билетки, на которых были написаны названия должностей, и нашему пушкарю выпал жребий, провозглашавший его властителем Новой Земли, которая простирается в длину на двести миль и расположена между двумя морями».

Начиная с 21 января лисицы и песцы стали появляться реже, но зато зачастили белые медведи; день стал прибавляться, и запертые в своем доме голландцы начали выходить на воздух. 24 января на мгновение показалось солнце. Матросы поспешили сообщить эту радостную весть Виллему Баренцу, но он заявил, что это обман зрения, так как раньше, чем через четырнадцать дней, солнце на этой широте появиться не может.

26 января после долгой болезни скончался один из матросов и был похоронен в снегу, недалеко от дома.

28 января в ясную погоду все вышли из дому — гуляли, бегали, играли в мяч. Но каждое движение давалось с трудом, так как холод, недоедание и цинга подорвали силы и здоровье даже самых крепких людей. Все настолько ослабли, что обычная вязанка дров заносилась в дом в несколько приемов.

Наконец, в первых числах марта, когда бури и метели прекратились, мореплаватели увидели, что море на большом протяжении очистилось ото льда. Но корабль по-прежнему оставался скованным в «Ледяной гавани». Морозы еще держались, и каждое дуновение ветра обжигало ледяным холодом.

Внешний вид дома Баренца на Новой Земле. Рисунок Геррита Де Фера.

15 апреля зимовщики посетили свой корабль и нашли его в довольно хорошем состоянии. На обратном пути им встретился огромный медведь, не решившийся, однако, напасть на людей. «Затем, проходя по берегу моря, мы увидели, что льдины так высоко взгромоздились одна на другую, что представляли как бы целые города с башнями и бойницами».

В начале мая матросы стали выражать нетерпение и торопить Баренца с отплытием, но он отвечал, что нужно выждать до конца мая, а если тогда корабль не освободится ото льда, то придется отплыть на лодках. 20 мая голландцы стали собираться в обратный путь, мечтая добраться на лодках до каких-нибудь населенных мест. Можно себе представить, с какой радостью и усердием матросы принялись за работу! Шлюпка была починена, паруса приготовлены, все припасы лежали наготове.

13 июня, когда море почти полностью очистилось и появился попутный ветер, Гемскерк сообщил Баренцу, который давно уже болел и не выходил из дому, что он «принял решение воспользоваться представившимся теперь удобным случаем для отъезда и вместе с командой спустить в воду лодки, чтобы покинуть Новую Землю».

«Тогда Виллем Баренц, предварительно написавший записку, положил ее в мушкетный патрон и повесил в камине. В ней было рассказано, как мы прибыли из Голландии с целью плыть в Китайское царство и что с нами случилось здесь; сказано было и про наши невзгоды, чтобы если кто после нас пристанет сюда, он мог понять, что с нами было и как мы поневоле построили этот дом, в котором и застряли на десять месяцев. Написал он и про то, как нам надо было пускаться в море на двух открытых лодках и предпринять изумительное и опасное плавание».

И вот 13 июня 1597 года голландцы бросили свой корабль, вмерзший в ледяное ложе, и отдались на волю волн.

16 июня они благополучно добрались до Больших Оранских островов и, среди опасностей, сменявших одна другую, направились к югу вдоль западного берега Новой Земли.

«20 июня при западном ветре погода была довольно сносная. Около того времени, когда солнце было на юго-востоке, Класу Андришону стало очень худо, и мы убедились, что он не долго протянет. Старший боцман, придя в нашу лодку, поведал, в каком положении находится Клас Андрисон, и сказал, что он проживет недолго. Тогда Виллем Баренц заметил: «Мне кажется, что и я прогяну недолго». Мы все же не подозревали, что болезнь Виллема настолько опасна, так как он вел с нами беседы и читал дневник, который я составлял о нашем путешествии, и мы вступали в разные разговоры по поводу этого. Наконец, отложив дневник и обратившись ко мне, он сказал: «Геррит, дай мне

напиться». Только он выпил, как ему сделалось так плохо, что он закатил глаза и неожиданно скончался. У нас даже не было времени вызвать с другой лодки капитана. Таким образом, Виллем умер раньше, чем Клас Андризон, который скоро за ним последовал. Смерть Виллема Баренца причинила нам немалое горе, ибо он был главный руководитель и незаменимый штурман, на которого мы полагались».

Так умер знаменитый голландский путешественник. В кратком и сдержанном панегирике Геррита Де Фера чувствуется, какую любовь, уважение и доверие сумел внушить Виллем Баренц своим несчастным спутникам. Баренц — слава Голландии, столь богатой смелыми и искусными мореплавателями.

Вынужденные непрерывно вычерпывать воду из своих утлых лодок, ежеминутно подвергаясь опасности быть раздавленными льдами, страдая от голода и жажды, голландцы достигли, наконец, мыса Нассау. Чтобы теснящимися льдинами не затерло лодки, голландцы вытащили их на ледяное поле, но при этом потеряли часть своих припасов и чуть было не погибли, так как лед ломался у них под ногами. Но среди всех этих бедствий на их долю выпадали и скромные радости. Как-то раз трое голландцев, добравшихся по ледяному припаю до одного из Южных Крестовых островов в надежде встретить там русских охотников, нашли семьдесят гагачьих яиц, но «не знали как их донести. Наконец, один из них снял брюки и завязал их в нижней части; двое понесли найденные яйца, повесив брюки на копье; третий взял мушкет. Таким образом после 12-часового отсутствия они вернулись, а мы были уже не в силах придумать, что с ними могло случиться... Из принесенных яиц мы устроили роскошное пиршество и, таким образом, среди наших тягостей и трудностей умели иногда доставить себе веселые минуты».

Начиная с 19 июля море настолько очистилось ото льда, что плавание становилось менее опасным. 28 июля голландцы встретили две русских ладьи, к которым сначала побоялись приблизиться. Но когда путешественники увидели, что русские поморы направляются к ним без оружия и выражают дружеские чувства, они отбросили всякий страх, особенно когда узнали в них людей, которых видели в прошлом году в окрестностях Вайгача. Голландцы получили от русских немного съестных припасов и поплыли дальше, стараясь держаться берегов Новой Земли настолько близко, насколько позволял лед. Во время одной высадки на берег путешественники нашли так называемую ложечную траву, листья и семена которой служат и поныне одним из самых сильных противоязвотных средств. Голландцы с жадностью стали есть эту траву и почти тотчас же почувствовали облегчение.

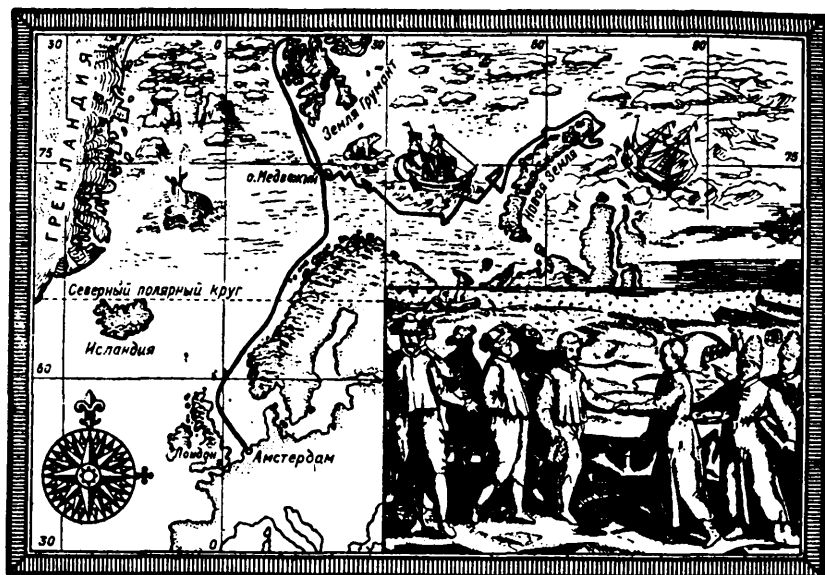
Между тем припасы быстро истощались; оставалось лишь немного хлеба и ничтожное количество мяса. Тогда мореплаватели пустились в открытое море, чтобы сократить расстояние, отделяющее их от берегов России, где они рассчитывали встретить русских рыболовов и получить помощь. Надежда их не обманула, хотя им и пришлось еще вытерпеть немало невзгод.

Добравшись до побережья материка (к востоку от устья Печоры), голландцы опять увидели русский корабль и, получив на несколько дней съестных припасов, взяли курс на запад. Новые встречи с русскими поморами спасли их от голодной смерти. В густом тумане обе лодки потеряли друг друга из виду и встретились снова далеко за Каниным Носом, уже по ту сторону Белого моря, у острова Кильдин, где рыболовы сообщили им, что в Коле стоят голландские корабли, готовящиеся к отплытию. Путешественники тотчас же послали туда одного из моряков.

Через три дня посланный вернулся из Колы с письмом от Яна Корнелисона Рейпа. Можно представить, как велико было изумление голландцев при виде его подписи. Только после сличения почерка с письмами Яна Рейпа, сохранившимися у Гемскерка, матросы поверили, что письмо действительно написано его рукой. Несколько дней спустя, 30 сентября, Ян Рейп сам прибыл на баркасе за своими бывшими спутниками, снабдил продовольствием и отвез в Колу на свой корабль.

Ян Рейп был поражен, узнав обо всем, что произошло с экспедицией Баренца и Гемскерка. Прибыв в Колу, измученные мореплаватели после нескольких дней отдыха и обильного питания восстановили свои силы и окончательно избавились от цинги. 17 сентября Ян Рейп отплыл из Колы в Голландию и 1 ноября благополучно прибыл в Амстердам.

Спутники Баренца сошли на берег, «одетые в то же платье, которое носили на Новой Земле, в шапках, подбитых песцовыми шкурками, и вошли в дом Питера Гасселера, который был одним из представителей города Амстердама по части снаряжения кораблей Яна Корнелисона и нашего. Очень многие удивлялись нашему возвращению, так как считали нас давно уже погибшими. Слух об этом распространился по городу и дошел даже до дворца принца, где в то время угощали обедами высокопоставленных лиц: канцлера и посла его величества короля Дании, Норвегии, Готов и Вандалов. Поэтому бургомистр и два члена городского совета позвали нас, и тут, в присутствии упомянутого посла и консулов, мы рассказали про наше плавание и про перенесенные опасности; затем те из нас, что были местными жителями, разошлись по домам, а остальные были отведены в назначенные им гостилицы, где пробыли несколько дней, получили плату и, наконец, отправились к своим».

Путь Баренца. В правом углу — встреча голландских моряков с русскими
(из книги Геррита Де Фера, 1598 г.).

Вот имена людей, вернувшихся из этого путешествия: Якоб ван Гемскерк, Питер Питерсон, Фос, Геррит Де Фер, магистр Ганс Фос (цирюльник-врач), Якоб Янсон Штерренбург, Ленарт Гендриксон, Лаурент Виллемсон, Ян Гиллебрандсон, Якоб Янсон Гоогвут, Питер Корнелисзон, Ян ван Буйзен, Якоб Эвертсон. Имена еще двух участников экспедиции остались неизвестны.

Чтобы закончить рассказ об этих храбрых мореходах, нам остается еще добавить, что Геррит Де Фер в следующем, 1598 году напечатал на латинском языке историю плаваний Баренца и что капитан Якоб ван Гемскерк после нескольких путешествий в Индию был назначен в 1607 году командиром эскадры из двадцати шести судов и дал испанцам большое сражение, из которого голландцы вышли победителями, причем сам Гемскерк был убит в этом бою.

Почти триста лет спустя после смерти Баренца на Новой Земле случайно было открыто место его зимовки. В сентябре 1871 года в «Ледяную гавань» зашел норвежский промышленник Эллинг Карлсен и обнаружил дом Баренца. По словам Карлсена, «дом так хорошо сохранился, как будто только вчера был построен». Внутри все было на своих местах и оказалось в таком же точно виде, как при отъезде путешественников. Вокруг дома валя-

лись пустые бочки, груды тюленьих и медвежьих костей. Вся обстановка внутри дома и его внешний вид в точности соответствовали описаниям Геррита Де Фера и рисункам, приложенным к его книге. Вдоль стен тянулись нары, на стене висели часы, мушкеты, алебарды. Из всей домашней утвари, оружия и всевозможных предметов, найденных Карлсеном на месте зимовки, следует еще упомянуть о двух книгах, принадлежавших Баренцу: одна из них — «История Китая» — свидетельствует о цели, которую он преследовал своей экспедицией, а другая — «Руководство к мореплаванию» — показывает, с каким интересом он следил за всем, что относилось к его профессии.*

Все найденные в «Ледяной гавани» предметы были затем уступлены нидерландскому правительству, передавшему их морскому музею в Гааге.

По рисункам Геррита Де Фера была выполнена большая модель дома Баренца, но без передней стенки — так, чтобы можно было видеть и комнату и все реликвии, привезенные с Новой Земли. Эта экспозиция, привлекающая всеобщее внимание, воскрешает в памяти трагические события зимовки Баренца и его товарищей в «Ледяной гавани», под 76° северной широты. Рядом с часами на стене висит медный циферблат с изображением меридиана — часть астрономического прибора, отмечавшего отклонение магнитной стрелки компаса. Этот прибор, изобретенный Планцием, представляет собой уникальный экземпляр морского инструмента, которому не суждено было войти в употребление. Рядом с различными вещами и остатками голландского флага обращает на себя внимание также флейта, на которой любил играть Баренц.

Нельзя смотреть без волнения на эти драгоценные реликвии!

* Одной из наиболее интересных находок, сделанных в «Ледяной гавани», была рукопись, оставленная Баренцом и Гемскерком в отверстии дымовой трубы.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ПИРАТСКИЕ И ВОЕННО-МОРСКИЕ ЭКСПЕДИЦИИ

Френсис Дрейк. — Томас Кавендиш. — Оливер Ван-Ноорт. — Уолтер Ралей.

Во второй половине XVI века, кроме заморских экспедиций, снаряжавшихся правительствами для завоевания новых земель или торговыми компаниями с коммерческими целями, в далекие плаванья пускались также частные лица — по тогдашней терминологии «авантюристы», — занимавшиеся морским разбоем и контрабандной торговлей, часто с ведома властей и при их тайном покровительстве.

Ожесточенная борьба между Англией и Испанией из-за торгового преобладания на морях закончилась грандиозным столкновением 1588 года: английская эскадра нанесла сокрушительное поражение испанской «непобедимой Армаде». С тех пор непрерывно нарастало морское, торговое и колониальное могущество Англии, а Испания мало-помалу превращалась во второстепенную державу. Но еще задолго до этого знаменательного сражения английские пираты подрывали силу прогивника внезапными нападениями на караваны испанских судов, возвращавшихся в метрополию с ценными грузами золота, серебра и всевозможных колониальных товаров, и отчаянно смелыми налетами на испанские гавани и форты, разбросанные вдоль побережья Центральной и Южной Америки. При этом авантюристы или погибали, или неслыханно обогащались, делясь затем своей добычей с вельможами, министрами и с самой королевой Елизаветой, принимавшими негласное участие в снаряжении пиратских экспедиций.

Некоторые английские флибустьеры (пираты) совершали такие замечательные плаванья, что память о них сохранилась в истории мореходства и географических открытий.

Одним из таких «королевских пиратов», способствовавших расширению познаний своих современников о земле, был знаменитый *Френсис Дрейк*. Он родился около 1540 года в граф-

стве Девоншир, в семье бедного деревенского священника. Отец Френсиса, обремененный многодетной семьей, вынужден был избрать для своего сына морскую профессию и определил его юнгой на небольшой корабль, совершавший торговые рейсы из Англии в Голландию.

Трудолюбивый, настойчивый, расчетливый, Френсис Дрейк вскоре приобрел все необходимые для моряка теоретические знания и практические навыки. Хозяин так полюбил молодого матроса, что, умирая, завещал ему свое судно. Выгодно продав его и добавив свои сбережения, Френсис Дрейк купил большой корабль и в качестве торгового капитана предпринял несколько длительных путешествий в Бискайский залив и в Гвинею.

Однажды, возвращаясь в Англию из очередного рейса, он подвергся нападению испанцев, которые конфисковали его корабль вместе со всеми товарами. Все протесты Дрейка ни к чему не привели, и тогда он поклялся отомстить испанцам за свое разорение. Как мы увидим дальше, он сумел сдержать эту клятву.

В 1567 году, то есть спустя два года после упомянутого случая, флотилия из шести кораблей с разрешения королевы покинула Плимут и направилась к берегам Мексики. Френсис Дрейк командовал кораблем в 50 тонн. Прежде всего англичане высадились в Африке, у островов Зеленого мыса, где занялись охотой на негров. Захватив несколько сот невольников, английские торговцы «живым товаром» продали их испанским колонистам на Антильских островах, после чего совершили лихой набег на порт Рио-дела-Гаша¹⁵⁴ и завладели городом. Затем, после страшной бури, они появились в порту Сан-Хуан на мексиканском берегу, близ Веракрус. Здесь на них неожиданно напала испанская эскадра, и Френсис Дрейк, с трудом ускользнув от преследования, после долгого и трудного плавания вернулся на родину в январе 1569 года.

После этого поражения Дрейк совершил еще два рекогносцировочных (разведочных) плавания к берегам Южной Америки и в 1572 году собрал средства для новой экспедиции. Он снарядил два корабля, из которых больший, на семьдесят тонн, был под его управлением, а меньшим, двадцатипятитонным, он поручил командовать своему брату Джону. Весь экипаж состоял из семидесяти трех бывалых моряков, на которых можно было положиться.

С июля 1572 до августа 1573 года Дрейк удачно крейсировал у берегов Дарьенского залива, совершая налеты на города Веракрус и Номбре-де-Диос, и завладел большой добычей. Надо заметить, что такими аморальными, бесчестными действиями изобиловала вся история XVI века. Но мы не будем останавливаться на диких сценах разбоя и варварства, которые заставили бы покраснеть от стыда кого угодно, но только не Френсиса Дрейка.

После того как этот смелый пират стличился в подавлении ирландского восстания и начал уже приобретать известность, он был представлен королеве Елизавете. Дрейк изложил королеве свой план опустошения западных берегов Южной Америки и вместе с титулом адмирала получил пять кораблей с экипажем из ста шестидесяти отборных матросов.

15 ноября 1577 года флотилия Дрейка покинула Плимут, взяв курс на юго-запад. Через месяц с небольшим корабли достигли Могадора, портового города в Марокко, на берегу Атлантического океана. Здесь англичане взяли заложников и обменивали их на целый караван всевозможных товаров. Затем у островов Зеленого мыса Дрейк пополнил запасы продовольствия и после пятидесятидневного плавания по Атлантическому океану благополучно добрался до Бразилии. Потом он спустился вдоль бразильского берега до эстуария Ла-Платы, где сделал короткую остановку. Продолжая плыть дальше на юг, англичане охотились на пингвинов и вступали в торговые отношения с туземцами.

«Некоторые патагонцы, которых мы видели 13 мая несколько ниже Тюленьей бухты, — пишет один из спутников Дрейка, — украшают голову птичьими перьями и разрисовывают тело разными красками. Каждый туземец был вооружен луком, из которого при выстреле вылетали одновременно две стрелы. Патагонцы отличаются большой ловкостью, очень смыслены в ратном деле. При движении они умеют соблюдать такой строй, что создается впечатление, будто их очень много, тогда как в действительности их гораздо меньше, чем кажется».

Ученые, и среди них Эдуард Шартон, обратили внимание на то, что спутники Дрейка умалчивают о необыкновенно высоком росте патагонцев, вызвавшем удивление Пигафетты. Это объясняется тем, что в Патагонии жили разные племена и, если там в действительности существовали туземцы столь высокого роста, то обитали они на южной оконечности континента, близ Магелланова пролива.

3 июня флотилия Дрейка стала на якорь в той самой бухте Сан-Хулиан, где некогда Магеллан учинил расправу с бунтовщиками и провел суровую зиму. На берегу бухты все еще стояла виселица, воздвигнутая в свое время спутниками Магеллана для казни мятежников. В этом историческом месте Дрейк, в свою очередь, решил избавиться от одного из своих офицеров, капитана Даути, не без основания заподозренного в измене. Допрошенные матросы, в конце концов, признались, что Даути подбивал их к мятежу и уговаривал отделиться от флотилии. Военный трибунал, созданный Дрейком, подтвердил виновность Даути и присудил его к смертной казни. Приговор был немедленно приведен в исполнение, и голова Даути упала на плаху.

2 августа флотилия, состоявшая теперь только из трех кораблей, так как два судна пришли в полную негодность и были брошены, вступила в пролив, который со времени Магеллана никем не посещался, кроме неудачной экспедиции Гарсиа де Лоайсы и Элькано.

«Мы продвигались вперед медленно и с немалыми затруднениями, — продолжает свой рассказ спутник Дрейка. — Пролив очень извилист, приходилось часто менять направление; кроме того, с ледяных вершин окрестных гор дуют сильные и холодные ветры; казалось, будто каждая гора имеет свой особый ветер; то он был нам благоприятен и гнал быстро вперед, то дул с левого борта, то с правого, то относил назад за один час на большее расстояние, чем мы успевали пройти вперед за несколько часов; иногда эти ветры смешивались и одновременно падали на море с такой силой, что возникали смерчи, которые низвергались ливнями. Кроме того, море там так глубоко, что не было возможности бросить якорь, хотя бы дело шло о жизни или смерти».

При выходе из Магелланова пролива флотилия была застигнута сильной бурей, уничтожившей еще один корабль, а через несколько дней ветер угнал другое судно; таким образом, адмирал остался с одним-единственным кораблем. Но если одного этого корабля ему было достаточно, чтобы нанести испанцам чувствительный урон, то можно себе представить, каких бы бед он натворил, если бы ему удалось сохранить всю свою флотилию!

Во время сильного шторма корабль Дрейка угнало к югу от Огненной Земли до 57°30' южной широты, где ему удалось стать на якорь среди островов и переждать непогоду. Следовательно, Дрейк был первым европейцем, достигшим мыса Горн и пролива, названного впоследствии его именем (пролив Дрейка). Когда буря улеглась, Дрейк начал свое изумительное плавание по Тихому океану.

25 ноября англичане подошли к Чилоэ. На этом плодородном острове, густо заселенном индейцами-арауканами, бежавшими с материка от жестокости испанцев, Дрейк решил предоставить отдых измученному экипажу. Сначала индейцы выказали гостеприимство, но на следующий день внезапно напали на англичан. В бою были убиты два моряка, многие ранены, в том числе и сам Дрейк, которому с трудом удалось добраться до корабля. Больше всего адмирал был огорчен тем, что ему пришлось покинуть Чилоэ, не наказав индейцев за вероломство. Но Дрейк сам допустил оплошность, заговорив с ними на испанском языке. Приняв англичан за своих мучителей-испанцев, они не замедлили обрушить на них свой гнев.

Высадившись затем в гавани Вальпараисо, Дрейк захватил испанский корабль, груженный винами и слитками золота на сумму

37 000 дукатов. Затем он разграбил город, покинутый испуганными жителями. Отсюда Дрейк поплыл дальше на север. В Кокимбо он встретил сильное сопротивление, заставившее его отступить. В Арике, расположенной на нынешней границе Перу и Чили, он нашел две небольшие барки, груженные слитками серебра, и, по выражению современника, «взял на себя заботу об этом грузе». Кое-какая добыча досталась Дрейку и в порту Лима, но что его особенно обрадовало — это известие о том, что две недели тому назад в Панаму отправился галион «Какафуэго» с богатым грузом золота и серебра. Он устремился за ним в погоню, догнал и, взяв на бордаж, захватил восемьдесят фунтов одного только золота, не считая серебра и драгоценных камней.

После того как Дрейк совершил еще несколько более или менее удачных набегов у берегов Перу, ему стало известно, что испанцы готовят против него карательную экспедицию. Не дожидаясь встречи с противником, он почел за благо вернуться в Англию. Перед ним были открыты три дороги: негостеприимный Мателланов пролив, обычный путь через Тихий океан и мимо мыса Доброй Надежды и третий, неизведанный путь: вдоль берегов Америки, через Ледовитое море. Дрейк предпочел выбрать этот третий путь в надежде найти Северо-западный проход из Тихого в Атлантический океан.

Дрейк направился на север вдоль американского побережья, пока не достиг таких высоких широт, где в июне земля была еще в снегу и снасти покрывались ледяной коростой. Так и не найдя пролива, он повернул на юг и высадился под 38° северной широты у берегов нынешней Калифорнии (залив Сан-Франциско).

В «Важнейших плаваниях» английского географа XVI века Ричарда Хаклюйта приведены интересные подробности о том, как Дрейк и его спутники были встречены калифорнийскими индейцами.

«Когда мы высадились на берег, дикари с большим изумлением смотрели на нас и, очевидно, принимая нас за богов, оказывали нам всякие почести. Все время, пока мы там были, туземцы дарили нам сулганы из разноцветных перьев и траву, которую они называли Tabáh (табак). Прежде чем вручить свои дары, они останавливались поодаль, произносили какие-то длинные заклинания и, положив на землю лук и стрелы, приближались к нам с подарками. А женщины тем временем, словно в отчаянии, с жалобным воем раздирали ногтями кожу на лице, так что кровь струилась по их телу; в исступлении бросались они на землю, не разбирая куда, разбивались о камни, царапались о колючий кустарник, повторяя это по десять, по пятнадцать раз, до полного истощения сил. Вскоре мы узнали, что они совершали таким образом в нашу честь обряд жертвоприношения».

Торжественно вступив от имени королевы во владение этой страной и назвав ее «Новым Альбионом», Дрейк повел свой корабль к экватору, с намерением достигнуть Молуккских островов и возвратиться в Англию мимо мыса Доброй Надежды.¹⁶⁵ Так как эта часть путешествия проходила по уже известным местам и сообщаемые спутниками Дрейка наблюдения не многочисленны и не новы, мы не будем утомлять читателей излишними подробностями.

Шестьдесят восемь дней англичане не видели ничего, кроме неба и моря, и только 30 сентября 1579 года, под 8° северной широты, достигли Разбойничьих (Марианских) островов, обитатели которых поразили их своим необычным видом. «Уши у этих людей оттянуты книзу тяжелыми украшениями, ногти у некоторых отращены на целый дюйм; зубы черны, как смоль, — они достигают этого при помощи какой-то травы, которую жуют и имеют постоянно при себе».

Пройдя мимо Филиппинских островов, 14 ноября Дрейк высадился на острове Тернате (Молуккские острова) и на следующий день встретился с местным властителем. Он приблизился к кораблю с флотилией из четырех лодок, в которых сидели его приближенные, одетые в парадное платье. После обмена приветствиями и подарками, англичане получили рис, сахарный тростник, кокосовые орехи и саговую муку.

На следующий день отпущенные на берег матросы были приглашены во дворец и присутствовали на праздничном приеме. «Впереди властителя несли зонт, богато вышитый золотом. Одет он был по обычаю страны, но очень пышно. С плеч до земли спуускался длинный плащ из золотой парчи. Голова его была покрыта красивым тюрбаном, украшенным драгоценными камнями; шею обвивала прекрасная золотая цепь с массивными застежками; пальцы были унизаны перстнями с необыкновенно большими камнями, а обут он был в сафьяновые башмаки».

Нагрузив корабль пряностями, Дрейк возобновил путешествие, но 9 января 1580 года возле острова Целебес наскочил на подводную скалу. Ради спасения жизни пришлось бросить за борт восемь пушек и часть съестных припасов. Через месяц измученные путешественники достигли небольшого острова, который туземцы называли Баратива. Дрейк занялся здесь починкой корабля и закупил по дешевке новую партию пряностей.

Пребывание на этом острове оставило у англичан самые приятные воспоминания: «Остров плодороден и богат золотом, серебром, медью, оловом, серой и т. д. Население умеет не только добывать металлы, но и обрабатывать их, придавая поделкам искусную форму. Здесь растет мускатный орех, имбирь, перец, лимон, кокос — всего этого такое изобилие, что на нас оправды-

Королева Елизавета возводит Дрейка в звание рыцаря.

валась старая поговорка: за бурей идет тишина, за войной — мир, за голодом — урожай. За все наше путешествие мы нигде, за исключением Тернате, так не питались и нигде так не отдыхали, как здесь».

Затем следует описание стоянки на острове Ява. Англичане были радушно встречены главным раджей и его четырьмя наместниками. Яванцы принесли в обмен на товары столько всякой снеди, что ею можно было набить весь трюм. «Народ здесь все рослый и воинственный; у них мечи, кинжалы и щиты собственной искусной работы, собственной закалки».

Вскоре Дрейк узнал от местных жителей, что неподалеку стоит большой флот. Опасаясь встречи с испанцами, он немедленно снялся с якоря и в первых числах июня благополучно обогнул мыс Доброй Надежды. 3 ноября 1580 года Дрейк высадился в Плимуте, закончив свое кругосветное плавание, длившееся почти три года.

Прием, оказанный ему в Англии, сначала был весьма сдержанным. Его нападения на испанские корабли и города в Америке в то время, когда обе нации официально находились в состоянии мира, нельзя было расценить иначе, как пиратские набеги. Многие англичане по справедливости считали Дрейка морским разбойником, попирающим человеческие права. Но королева, по-видимому, судила иначе, хотя и не решалась в течение пяти месяцев открыто выразить Дрейку свое благоволение. Затем, когда огношения с Испанией ухудшились, она послала за адмиралом и милостиво выслушала его подробный рассказ о проделанном путешествии. Она приказала перевести его легендарный корабль из Плимута в устье Темзы — в Дептфорд, взошла на палубу и в торжественной обстановке возвела Дрейка в звание рыцаря.

На этом и закончилась роль Дрейка, как замечательного мореплавателя и открывателя новых земель, а описание его жизни, как война и неумолимого врага испанцев, не входит в нашу задачу. Осыпанный почестями и облеченный высокими полномочиями, Дрейк умер на море 28 апреля 1596 года, во время очередного похода против испанцев.

Френсис Дрейк знаменит тем, что он совершил второе после Магеллана кругосветное плавание и впервые обогнул Огненную Землю, открыв группу островов у мыса Горн, на месте предполагавшегося материка.¹⁵⁶ Кроме того, он поднялся вдоль берега Северной Америки до 43° северной широты — выше, чем это удавалось его предшественникам испанцам. Во время своего путешествия Дрейк открыл также несколько островов и архипелагов. Но если Дрейку приписывается мало открытий, то объясняется это тем, что английский пират не стремился по многим причинам указывать свой маршрут в судовом журнале и часто избегал точ-

ных обозначений. Поэтому мы не можем перечислить все открытые им земли и острова. Дрейк положил начало морским набегам англичан, причинившим столько вреда испанцам. Эти набеги так обогатили его, что поощрили заняться тем же промыслом многих его соотечественников.

Из мореплавателей, последовавших примеру Дрейка, самым знаменитым и самым удачливым был, бесспорно, Томас Кавендиш. Поступив еще в юности на службу в английский военный флот, Кавендиш бурно провел молодые годы и быстро растратил свое небольшое наследство. Потому он и решил возместить потери за счет испанцев. В 1585 году Кавендиш ушел со службы и отправился в Америку за добычей. В Англию он вернулся богачом и, поощренный легкой фортуной разбойника морских дорог, решил приобрести на этом поприще славу и приумножить состояние. И тогда он купил три корабля в двадцать, сорок и шестьдесят тонн водоизмещения, подобрал экипаж из ста двадцати бывалых матросов и солдат и 22 июля 1586 года снова пустился в море.

Кавендиш миновал Канарские острова и добрался до Сьерра-Леоне, португальской колонии в Западной Африке. Разграбив город, он поплыл дальше, пересек Атлантический океан и достиг гавани Пуэрто-Десеадо,¹⁵⁷ где бросил якорь 27 ноября. Здесь оказалось бесчисленное множество морских собак,¹⁵⁸ очень крупных и таких сильных, что четыре человека с трудом одолевали одного зверя. Здесь же обитала масса бескрылых птиц, питающихся рыбой. Это были пингвины. Считая себя в этой удобной гавани в полной безопасности, Кавендиш вытащил свои суда на берег для починки. Но вскоре англичане не поладили с патагонцами, «людьми гигантского роста, у которых ступни достигают восемнадцати дюймов». Патагонцы тяжело ранили двух матросов стрелами, снабженными каменными наконечниками.

7 января 1587 года Кавендиш вступил в Магелланов пролив и в самой узкой его части встретил и принял на борт двадцать три испанца (среди них были две женщины) — уцелевших обитателей колонии Вилья-Фелипе, основанной за три года до того испанским капитаном Педро Сармьенто.* В этом селении, построенном испанцами с одной только целью воспрепятствовать проходу иностранных судов через пролив, были возведены четыре форта и одна церковь. К тому времени город уже представлял собой жалкое зрелище. От фортов и церкви остались

* Педро Сармьенто составил также первую сравнительно точную карту Магелланова пролива.

одни развалины. Жители поселка, лишенные возможности заниматься обработкой земли, так как на них непрерывно нападали огнеземельцы, быстро вымирали от голода и болезней. Многие погибли на пути к испанским селениям в Чили. От всей колонии только и уцелела эта жалкая горстка людей. Забрав на свои суда несчастных колонистов, Кавендиш изменил название Вилья-Фелипе на Голодный Порт (Пуэрто-Хамбре). Так именуется и поныне это печальное место.

21 января Кавендиш посетил другую бухту, названную им в честь английской королевы — Элизабет (бухта Елизаветы). В этом месте протекала быстрая река, по берегам которой обитали дикари, по уверению путешественников — людоеды. Они часто нападали на испанских колонистов и тщетно пытались завлечь матросов Кавендиша внутрь страны.

24 февраля при выходе из пролива в Южный океан маленькая эскадра была рассеяна страшной бурей. Флагманский корабль, потеряв всех своих спутников, дал сильную течь и едва удерживался на волнах. Только 15 марта Кавендиш соединился со свлси ми судами у того самого острова Чилоэ, на котором Дрейк подвергся нападению арауканов. Не дали они высадиться и Кавендишу. Несмотря на то, что остров Чилоэ и другие привлекающие острова давно уже привлекали испанцев, они так и не смогли покорить вольнолюбивых островитян, отважно защищавших свою свободу. После неудачной попытки высадиться на острове Чилоэ Кавендишу пришлось добираться до острова Санта-Мария, где покоренные индейцы, приняв англичан за испанцев, в изобилии снабдили их маисом, курами, бататами,¹⁵⁹ свиньями и другими припасами.

30 марта Кавендиш бросил якорь в бухте Кинтеро под 32° 50' южной широты и во главе отряда из тридцати стрелков двинулся в глубь страны. Атакованный испанцами, он вынужден был вернуться назад, потеряв при этом десять человек. Затем, продолжая плыть вдоль побережья, Кавендиш грабил и сжигал испанские города и селения. Так он разорил Писко, Кальяо, Пайту и опустошил остров Пуну, где ему удалось захватить одной только золотой монеты на сумму 645 000 ливров.¹⁶⁰

Потопив после этого свой флагманский корабль, окончательно вышедший из строя, Кавендиш продолжал свое прибыльное крейсерство на двух судах. У берегов Новой Испании он сжег неприятельский корабль в сто двадцать тонн, разграбил и поджег несколько портовых городов и после шестичасового боя завладел огромным галионом в семьсот восемь тонн, груженным дорожными тканями и ста двадцатью двумя тысячами песо золота. Наконец, довольный одержанными победами, английский пират решил найти для своей добычи надежное убежище. Он прошел мимо

Разбойничьих (Марианских) островов, миновал Филиппины, Яву, благополучно обогнул мыс Доброй Надежды и 9 сентября 1588 года прибыл в Плимут после двухлетнего путешествия, сопровождавшегося бесконечными набегами и сражениями.

Но не даром говорится в пословице: «Что легко наживается, легко и проживается». Уже через два года Кавендиш умудрился спустить все свои награбленные богатства и не без труда сколотил сумму, необходимую для снаряжения третьей экспедиции, которой суждено было стать последней.

6 августа 1591 года он пустился в океан с флотилией из пяти кораблей. У берегов Патагонии буря рассеяла суда, которым снова удалось соединиться только у Пуэрто-Десеадо. Застигнутый затем страшным ураганом в Магеллановом проливе, покинутый тремя дезертировавшими судами, Кавендиш вынужден был с полпути повернуть в Англию. Но на этот раз беда следовала за бедой. Голод, холод и всякого рода лишения сильно сократили экипаж. Всем попыткам англичан пристать к бразильскому берегу решительно противились португальцы. Так и носился корабль Кавендиша по волнам океана, пока сам он и большая часть его команды не умерли с голоду. Таков был конец этого знаменитого пирата, совершившего третье в мире кругосветное плавание.

Прошел год после возвращения спутников Баренца с Новой Земли. 2 июля 1598 года четыре голландских корабля с экипажем из двухсот сорока восьми человек покинули Амстердам. Командиром этой флотилии был назначен Оливер Ван-Ноорт, опытный моряк лет тридцати — тридцати двух, уже зарекомендовавший себя далекими путешествиями. Экспедиция Ван-Ноорта, снаряженная амстердамскими купцами с помощью Генеральных Штатов, была одновременно и торговой и пиратской.

Прежде голландцы довольствовались тем, что скупали пряности и разные восточные товары в Португалии и затем перепродавали их в других европейских странах; теперь же голландцы решили приобрести некоторые из островов пряностей в свое владение или по крайней мере установить прямые торговые связи с Индией. Задачей Ван-Ноорта было не только проложить для своих соотечественников путь, открытый Магелланом, но и причинить по дороге как можно больше неприятностей испанцам и португальцам. В то время Филипп II, от ига которого Нидерланды избавились в результате освободительной войны, присоединил Португалию к своей империи и запретил всякие торговые отношения с «нидерландскими мятежниками». Поэтому Голландии, не желавшей подорвать свое торговое могущество и вновь подпасть под владычество Испании, оставался только один выход —

проторить дорогу к островам пряностей. Наименее посещаемой неприятельскими судами была дорога через Магелланов пролив; пройти этим путем и предписывалось Ван-Ноорту.

Начало путешествия не предвещало ничего хорошего. На острове Принсипе в Гвинейском заливе португальцы, дружелюбно встретившие голландских путешественников, затем совершили на них вероломное нападение и убили нескольких человек. В числе убитых был брат адмирала Корнелис Ван-Ноорт, искусный штурман Мелис и еще несколько офицеров. пылая жаждой мести, Ван-Ноорт высадил на остров сто двадцать человек; но португальцы воздвигли там надежные укрепления, и после жаркой схватки, в которой голландцы потеряли убитыми и ранеными семнадцать человек, Ван-Ноорт должен был сняться с якоря, так и не отомстив за гибель своих спутников.

Достигнув берегов Бразилии, Ван-Ноорт остановился в бухте Рио-де-Жанейро и высадил нескольких матросов, чтобы они запаслись водой и закупили у туземцев провизию. Однако португальцы воспротивились высадке. В завязавшемся сражении голландцы потеряли еще одиннадцать человек. Страдая от недостатка продовольствия и пресной воды, голландцы хотели было достигнуть острова Святой Елены, но буря опять пригнала их корабли к берегам Бразилии. Так они долго скитались без штурмана по океану, высаживались на пустынном острове Мартин-Вас и снова подплывали к бразильскому берегу у Рио-Дульсе, ошибочно полагая при этом, что попали на остров Вознесения. Наконец отчаявшийся Ван-Ноорт решил зазимовать на пустынном острове Санта-Клара, у которого голландские корабли очутились по прихоти волн.

Эта зимовка сопровождалась всевозможными бедствиями. Прежде всего, адмиральский корабль наскочил на мель, да с такой силой, что только чудом уцелел. На острове Санта-Клара была учинена варварски жестокая расправа с бунтовщиками. Несколько матросов Ван-Ноорт казнил, а одному несчастному, за то, что тот ранил кормчего, он велел пригвоздить руку к грот-мачте. На этом острове, удаленном от материка всего на одно лье, Ван-Ноорт находился до 21 июня. Перед отплытием он приказал сжечь одну из яхт, так как не хватало матросов, чтобы управлять всеми четырьмя кораблями.

20 октября Ван-Ноорт вошел в бухту Пуэрто-Десеадо, где экипаж занялся охотой на морских львов,¹⁶¹ морских собак и пингвинов. Одних только пингвинов за несколько дней было заготовлено более пяти тысяч. «Генерал отправился на берег, — говорится в отчете о путешествии, сделанном со слов Ван-Ноорта, — с отрядом вооруженных людей, но ничего не нашел, кроме нескольких гробниц, в которых туземцы хоронят своих покойников и прячут

В Магеллановом проливе.

их в скалах. Эти гробницы были украшены разноцветными камнями и предметами вооружения — дротиками и стрелами». Голландцы видели издали буйволов, оленей и страусов, но на таком расстоянии, что стрелять было бесполезно.

23 ноября флотилия была уже в Магеллановом проливе. Во время одной высадки патагонцы убили трех голландских моряков. Ван-Ноорт отомстил туземцам за смерть своих спутников безжалостным избиением целого племени. Прохождение Магелланова пролива ознаменовалось еще неожиданной встречей с двумя голландскими кораблями под командой капитана Себоляда Верта, которому приписывается открытие Фолклендских островов (они назывались раньше Себольдинскими островами).

Здесь же, в Магеллановом проливе, Ван-Ноорт высадил на берег и оставил на произвол судьбы своего помощника, вице-адмирала Клааса, которого давно уже подозревал в мятежных намерениях. Подобные методы обуздания непокорных, практиковавшиеся в XVI—XVII веках испанскими, английскими и голландскими мореплавателями, были своего рода знаменем времени. То, что в наше время считалось бы актом величайшей жестокости, в те времена людям, ни во что не ставившим человеческую жизнь, казалось относительно мягким наказанием. В самом деле, какая казнь может быть более жестокой, чем оставить человека на верную погибель, без оружия и без припасов в дикой и пустынной местности?

29 февраля 1600 года Ван-Ноорт вышел в Тихий океан, потратив на блуждания и борьбу с ветрами в Магеллановом проливе девяносто девять дней. В Тихом океане бурей разметало корабли, и Ван-Ноорт потерял еще одну яхту. Как и его предшественники — англичане, он пристал для отдыха к острову Чилоэ, где арауканы, вопреки своему обыкновению, на этот раз оказали белым людям хороший прием.

Отсюда Ван-Ноорт поплыл вдоль чилийского берега, приобретая у индейцев съестные припасы в обмен на нюрнбергские ножи и топоры, рубашки, шляпы и другие дешевые изделия. Опустившись, спалив и разграбив несколько испанских поселений на берегах Чили и Перу, ограбив и пустив ко дну много испанских кораблей, Ван-Ноорт собрал богатую добычу. Но когда он узнал, что в погоню за ним послана большая эскадра, он счел за лучшее направиться к Разбойничьим (Марианским) островам, куда и прибыл 16 сентября. «Наши корабли, — сказано в отчете о плавании, — были окружены более чем двумястами лодок; в каждой сидели по три, по четыре или по пять человек и кричали во все горло: «*Hierro, hierro!*»¹⁶² — требуя железа, ибо они уже научились его ценить. Туземцы с Разбойничьих островов чувствуют себя на воде так же хорошо, как на суше, они отлично плавают и ныряют, в чем мы могли удостовериться, бросив в воду несколько кусков железа, которые они достали со дна». Ван-Ноорт убедился также, что Разбойничьи острова не даром были так названы Магелланом. Пока корабли стояли на причале, островитяне похищали все, что попадалось им под руку, вытаскивая даже гвозди из бортов. Один туземец, поднявшись по якорному канату на палубу, забрался в капитанскую каюту и, сорвав со стены меч, бросился с ним в воду.

14 октября Ван-Ноорт миновал Филиппинские острова, где он несколько раз высаживался, не преминув сжечь, разграбить и потопить несколько испанских и португальских кораблей и китайских джонок. Когда он направлялся к Манильской бухте, на него напали два больших испанских корабля. В последовавшем сражении у голландцев было убито пять матросов и двадцать пять ранено; кроме того, они потеряли последнюю яхту, захваченную неприятелем вместе со всем экипажем из двадцати пяти человек. Испанцы же вышли из боя с несравнимо большими потерями: голландцы подожгли и потопили их адмиральский корабль, на котором находилось более двухсот офицеров и матросов. При этом голландцы не только не подобрали с потопленного корабля раненых и здоровых людей, пытавшихся спастись вплавь, но кололи их копьями, топили баграми и даже разрядили по ним пушку.

После этой кровавой и бесплодной победы Ван-Ноорт остано-

Нападение флибустьеров на испанские корабли. Со старинной гравюры.

вился для отдыха на острове Борнео, затем взял на Яве богатый груз пряностей и, благополучно обогнув мыс Доброй Надежды, 26 августа высадился в Роттердаме. Из четырех голландских кораблей вернулся один, а из двухсот сорока восьми человек экипажа на берег родной земли сошли только сорок восемь человек. Тем не менее голландские купцы, снарядившие эту экспедицию, остались довольны результатами трехлетнего плавания Ван-Ноорта: привезенные им пряности и награбленная добыча с лихвой окупили все расходы.

Признавая заслуги Ван-Ноорта как первого голландского мореплавателя, совершившего кругосветное путешествие, мы не можем в то же время не осудить со всей резкостью его варварские действия и невероятную жестокость.

Теперь мы перейдем к рассказу о мореплавателе, обладавшем одновременно и самыми высокими качествами и равными им по силе недостатками, проявившем себя в разных областях деятельности, достигшем в своем отечестве высших почестей и, в конце концов, обвиненном в государственной измене и сложившем голову на плахе. Речь идет о человеке по имени Уолтер Ралей (1552—1618). Хотя мы и отводим ему несколько страниц в нашей «Истории великих путешествий», но, к сожалению, то, что мы можем сообщить о нем как о путешественнике, не делает ему большой чести.

Сэр Уолтер Ралей (или Рэли) был для своего времени человеком весьма образованным и разносторонним. Придворный и государственный деятель, философ и поэт, воин и моряк, колонизатор и путешественник, предприниматель и пират, он прожил бурную жизнь, полную приключений и превратностей. Семнадцатилетним юношей он покидает университет, чтобы стать простым солдатом. Пять лет он проводит во Франции, принимая участие в религиозных войнах гугенотов против Лиги. В 1577 году он сражается с испанцами в Нидерландах. Затем тридцати трех лет он становится вице-адмиралом английского флота и фаворитом королевы Елизаветы.

В 1585 году вместе со своими тремя сводными братьями, носившими фамилию Гилберт, он отплывает за океан, обследует восточный берег Северной Америки и основывает первую английскую колонию на американском материке — Виргинию. Из Америки он вывозит табак и картофель, вводит в моду курение и расширяет в своих ирландских поместьях картофель, который становится вскоре чуть ли не единственной пищей ирландцев.

В ту эпоху Англия переживала экономический кризис. Развитие суконной промышленности повело к резкому сокращению площади пахотных земель, так как крупные землевладельцы, разво-

Уолтер Ралей. Со старинной гравюры.

дившие овец, превращали поля в пастбища. Безземельные крестьяне устремлялись в города, но мануфактуры не в состоянии были обеспечить работой всех голодных и бездомных людей. По всей стране распространились бедность и нищета. Начались голодные бунты. Чтобы предотвратить взрыв негодования и дать возможность беднякам найти средства для поддержания жизни, английские государственные деятели сочли за лучшее способствовать эмиграции «избыточного населения». Отсюда и возникло в Англии стремление к колонизации девственных американских земель.

Северо-американский берег Атлантического океана считался владением Англии еще со времен Каботов. Ралей и его братья деятельно принялись за колонизацию американских земель, причем сам Ралей вложил в это предприятие 40 000 фунтов стерлингов, выговорив себе пятую часть всех будущих доходов от колонии. Однако суровая жизнь колонизатора заокеанских владений наскучила ему довольно быстро, и, продав свои права на обширные области в Северной Америке, он снарядил эскадру для пиратских набегов на испанские города. Затем мы опять застаем его в Англии, на сей раз в качестве участника исторического сражения английского флота с испанской «непобедимой Армадой».

После окончания войны с Испанией Уолтер Ралей навлек на себя немилость королевы Елизаветы, попал в тюрьму и потом удалился в изгнание в свой родовой замок.

Здесь он замышляет и обдумывает на досуге план путешествия в Гвиану. Он нисколько не сомневался, что изумительные результаты этой гигантской экспедиции должны будут привлечь к нему внимание всего мира и вернуть благосклонность королевы. Разве предстоящее открытие и завоевание Эльдорадо, рассказывал он, этой страны, где, по словам Франсиско де Орельяны, не только храмы покрыты золотом, но из золота сделана даже домашняя утварь, — разве завоевание такой сказочно богатой страны не принесет смельчаку «больше славы, чем Кортесу — открытие Мексики и Писарро — открытие Перу»? И тот, кто завоеует Эльдорадо, будет иметь под своей властью больше городов, народов и богатств, чем испанский король, чем турецкий султан, чем какой бы то ни было монарх в мире.

Мы упомянули уже в своем месте, какие басни распространились во всей Европе после того, как Орельяна вернулся в Испанию из своего удивительного путешествия по Амазонке. Происхождение легенды об Эльдорадо довольно убедительно объяснил Александр Гумбольдт, описав природу, состав почвы и горных пород в бассейне реки Эссекибо (территория Британской Гвианы). «Здесь, — говорит ученый, — мы всюду видим скалы, состоящие из слюдяного шифера и блестящего талька, которые сверкают

среди вод, отсвечивающих золотым блеском под лучами тропического солнца». Отсюда, должно быть, и появились все эти пресловутые «золотые купола», «серебряные обелиски» и прочие «чудеса Эльдорадо», воспламенившие воображение испанцев.

Верил ли Ралей в существование этого вымышленного города, на открытие и завоевание которого он употребил столько сил и энергии? Действительно ли он верил или старался ради собственной славы внушить другим эту иллюзию? Трудно ответить что-либо определенное. Нам известно только (повторим слова писателя Филарета Шаля), что «мало кто верил обещаниям Ралея, и многие опасались, как бы экспедиция, организованная человеком с таким неустойчивым характером и непомерно пылкой фантазией, не привела к самым плачевным последствиям».

9 февраля 1595 года Уолтер Ралей вышел из Плимута с пятью кораблями и сотней солдат, не считая судовой команды и нескольких десятков будущих поселенцев. После четырехдневной стоянки у Фуэртевентура, одного из Канарских островов, где экипаж запаса дровами и водой, он достиг острова Тринидад и там соединился с ожидавшим его капитаном Уайдоном, который взялся провести флотилию к устью реки Ориноко. Остров Тринидад находился тогда под управлением дона Антонио де Беррео. Он оказал англичанам притворное гостеприимство, а сам отправил нарочных в Куману и на остров Маргариту, поручив им собрать войско для нападения на англичан. В то же время он запретил индейцам и испанцам под страхом смерти вступать в какие бы то ни было сношения с людьми Ралея.

Однако Ралей вовремя узнал об этих кознях и решил опередить противника. Под покровом ночи он осторожно высадился со своими солдатами на берег и без боя завладел городом Сан-Хосе, захватив в плен самого губернатора и всех именитых горожан. После этого Ралей отплыл к устью Ориноко и, лавируя среди бесчисленных островков и протоков, поднялся на сто десять лье вверх по течению. Здесь он и занялся поисками легендарного Эльдорадо. Но сведения, сообщаемые Ралеем с развязностью гасконца, впервые очутившегося на берегах Темзы, до того баснословны, что нет никакой возможности отделить крупицу истины от груды лжи.

Некоторые испанцы, видевшие индейский город Маноа, утверждали, что это будто бы и есть Эльдорадо. Ралей сообщает с их слов, что этот город превосходит своей величиной и богатством все города мира и все, что конкистадорам доводилось до сих пор видеть в Америке. Полагая, что он уже находится на подступах к Эльдорадо, Ралей восторженно описывает местность у берегов Ориноко. «Там не бывает зимы, — говорит он, — почва здоровая и плодородная, полным-полно всевозможной дичи. Птицы раз-

ных пород оглашают воздух такими чудесными трелями, что они кажутся настоящей музыкой. Мой капитан, отправленный на поиски рудников, нашел залежи золота и серебра; но так как у него под руками не было ничего, кроме меча, то он не мог отделить драгоценный металл от камня. Один испанец, по имени Каракас, сказал, что этот рудник называется «*Madre del oro* [мать золота]».

Далее, чтобы не быть обвиненным в преувеличениях, Ралей прибавляет: «Могут подумать, будто мною руководила слепая иллюзия и обманчивая мечта. Но это вовсе не так. Если бы я не был убежден, что на земле не существует страны, более богатой золотом, чем Гвиана, то зачем тогда мне было предпринимать такое далекое и опасное путешествие? Уайдон и еще один из моих спутников однажды нашли несколько кусков камня, удивительно похожего на сапфир. Я показал их местным жителям, и они забили меня, что знают целую гору, состоящую из такого же камня!»

Вслед за тем Ралей рассказывает, что к нему явился один старый касик, ста десяти лет от роду, и, поведав много разных чудес о могуществе властителей Маноя, отговорил путешественника завоевывать эту страну, так как сил у него для этого было бы недостаточно. Тот же касик сообщил, будто на пути к Маноя есть целая гора из чистого золота, и вызвался ее показать. Ралей уверяет, что он якобы собственными глазами видел эту золотую гору и хотел уже к ней приблизиться, но — вот досадная случайность! — она оказалась наполовину затопленной наводнением и к ней не было подступа. «Гора имела форму башни и, как мне показалось, была скорее белого, нежели желтого цвета. Низвергающийся с нее поток, вздутый дождями, производил страшный шум. Грохот падающей воды был слышен с далекого расстояния. Вспомнив рассказ тринидадского губернатора Берreo о блестящих алмазах и других драгоценных камнях, рассеянных по всей стране, я усомнился было в их действительной ценности, пока меня самого не поразили их удивительный блеск. После короткого привала на берегу прекрасной реки мы посетили старого касика в его селении и просили, чтобы он провел нас в обход к подножию золотой горы. Но, встретив на пути непреодолимые препятствия, я решил вернуться обратно к устью Куманы [Ориноко], куда окрестные касики принесли много разных подарков».

Мы избавим читателей от фантастических описаний великанов-циклопов — с глазами на плечах, ртом на груди и волосами, растущими посреди спины, великанов, чей рост превышает в три раза рост обыкновенных людей, и прочих чудес. Все эти баснословные сведения Ралей излагает самым серьезным тоном. Его книга «Открытие прекрасной Гвианской империи с приложением

Уолтер Ралей берет в плен испанского губернатора. Со старинной гравюры.

рассказа о великом золотом городе Маноя, в году 1595» напоминает не столько рассказ путешественника-очевидца, сколько волшебные сказки из «Тысячи и одной ночи».

Если мы попытаемся отделить правду от вымысла, истину от выдумки, то что же останется тогда на долю историка-географа? Ничего или почти ничего. Вряд ли стоило Уолтеру Ралею так беззащитно рекламировать свою безрезультатную экспедицию, которая поневоле заставляет вспомнить слова баснописца:

Я воспою войну титанов с громовержцем! —
Сулил поэт, прижав ладони к сердцу.
Нагромоздил он много громких слов,
А прок-то в том каков?

Дальнейшая судьба Уолтера Ралея сложилась довольно плачевно. После смерти королевы Елизаветы он был обвинен ее преемником, королем Яковом I, в государственной измене и в ожидании смертной казни двенадцать лет провел в заточении в замке Тоуэр. Затем ему удалось соблазнить алчного короля, нуждавшегося в деньгах, проектом новой экспедиции в Гвиану. В 1617 году Ралей получил свободу и снова отправился в Америку. И на сей раз не найдя Эльдorado с его легендарными сокровищами, он попытался компенсировать себя пиратскими нападениями на испанские корабли, что ухудшило отношения между обеими странами. Этого самоуправства король Ралею не простил и, когда тот вернулся в Англию, приказал привести в исполнение уже много лет тяготевавший над ним смертный приговор.

ГЛАВА ПЯТАЯ

МИССИОНЕРЫ И ПОСЕЛЕНЦЫ. КУПЦЫ И ТУРИСТЫ

I

XVII век. — Подробное исследование уже открытых стран. — Португальские миссионеры в Абиссинии. — Итальянские миссионеры в Конго. — Французские колонии в Западной Африке и на Мадагаскаре. — Европейские миссионеры в Тибете, Индокитае и в Китайской империи.

XVII век резко отличается по своему характеру от века великих географических открытий.

Путешественникам оставалось главным образом дополнить добытые сведения новыми фактами и подробностями. XVII век столь же сильно отличается и от последующего столетия. Научные методы географических исследований еще не были разработаны. Астрономам и мореплавателям предстояло ввести их в употребление в XVIII веке.

Дневники и записки первооткрывателей оказали до некоторой степени вредное влияние на умы современников, донельзя возбуждив любопытство преувеличенными и зачастую анекдотическими рассказами о новых заокеанских землях. В этом отношении путешественники XVII века мало чем отличаются от своих предшественников. Сообщая о нравах и обычаях народов, о природных богатствах далеких стран, они почти всегда скользят по поверхности и не дают себе труда проникнуть в глубь вещей, чтобы постичь самую суть описываемых явлений. Путешественник XVII века, как правило, — поверхностный наблюдатель. Он торопится объехать все страны, открытые в XVI веке, даже и не думая посвятить себя серьезному и всестороннему изучению этих новых континентов и островов.

Сказочные богатства, неожиданно хлынувшие в Европу после открытия Америки и островов пряностей, не замедлили вызывать экономический кризис.

В то время как многие купцы и предприниматели богатели и накапливали огромные состояния, широкие слои народа нищали. Толпы неимущих людей, соблазненных рассказами о богатых и обильных заморских странах, покидали свои насиженные места и направлялись в далекий Новый свет. Так в XVII веке в разных частях американского континента возникли Новая Англия, Новая Франция, Новая Шотландия, Новая Голландия, Новая Испания и т. д.

В самой Европе приток капиталов приводит к развитию промышленности, к появлению новых и к упадку старых торговых центров. Главные торговые пути переносятся с Средиземного моря на Атлантический океан. Вследствие этого сходит на нет значение Венеции и возрастает роль Англии и Нидерландов. Голландцы, по удачному выражению Леруа Боле, становятся «общеевропейскими поставщиками и торговыми посредниками». Англичане в то же время кладут начало своей обширной колониальной империи.

Вслед за колонистами и искателями приключений в новые страны устремляются миссионеры-проповедники. Целыми толпами пробираются они во вновь открытые страны, совмещая проповедь евангелия с изучением и описанием этих земель. Проповедническое усердие составляет одну из характерных черт XVII века. Миссионеры внесли много нового в географические и исторические представления своих современников, что объясняется самим родом деятельности миссионеров. Путешественник или завоеватель только проезжает по стране, а миссионер живет в ней иногда по многу лет. Ему, конечно, легче познакомиться с историей и культурой изучаемых народов, и совершенно естественно, что многим миссионерам наука обязана обстоятельными описаниями, на которые опирались позднейшие исследователи.

Особенно большую роль миссионеры играли в изучении Африки, главным образом Абиссинии. На вопрос: а что было известно до XVII века об этой обширной стране? — обычно отвечают: ничего, кроме берегов. Но это не совсем так. Еще с незапамятных времен древним были известны два рукава Нила, и, если верить археологическим находкам, то в далекой древности египтяне доходили до больших внутренних озер. В XII веке арабский географ Идриси составил для короля Сицилии Рожера II великолепное описание Африки, в котором подтвердил это предположение. Позднее Кадамосто и Ибн-Баттута пересекают Африку, причем последний доходит до Тимбукту. Марко Поло утверждал, что Африка со всех сторон омывается морем и только узкий Суэцкий перешеек соединяет ее с Азией. Он первый из европейцев сообщил о Мадагаскаре. Наконец, когда португальцы после Васко да Гамы постоянно плавали вдоль берегов Африки, некоторые из

них проникали в Абиссинию; вскоре между этой страной и Португалией установились дипломатические отношения. Нам уже приходилось упоминать о Перу ди Ковильяне и Франсишку Алварише. Вслед за ними в Абиссинии водворилось несколько португальских миссионеров, среди которых мы должны назвать Педру Паиша и Жируме Лобу.

Педр у Паиш, занимавшийся проповеднической деятельностью на Малабарском берегу, переправился в Восточную Африку и после разных приключений в 1603 году проник в Абиссинию. Он много путешествовал по этой стране и в 1613 году не только добрался до истоков Голубого Нила, но и правильно объяснил причину нильских разливов. Этот факт впоследствии оспаривался шотландским путешественником Брюсом, несмотря на то, что его данные во многом согласуются с описанием Паиша. Последний провел в Абиссинии несколько лет, сумев так расположить в свою пользу абиссинского негуса (монарха), что тот обратился с дружеским посланием к папе римскому.

Монах Жируме Лобу высадился в 1625 году в Абиссинии вместе с Афонсу Минезишем, который был послан туда в качестве патриарха Эфиопского. Но времена изменились. Абиссинский негус, приобщенный Педру Паишем к христианской религии, был убит; его преемник, также прибегавший к услугам португальских миссионеров, умер. В Абиссинии началось движение, направленное против белых пришельцев. Многие миссионеры были изгнаны либо схвачены, заключены в тюрьмы, проданы туркам. Лобу был уполномочен собрать необходимую сумму для выкупа португальских монахов из рабства. С этой целью он отправился из Эфиопии в Бразилию, потом посетил многие города Испании, а также побывал в Риме, представив папе отчет об эфиопской церкви и нравах местных жителей. Самое интересное в его отчете — описание ветви Нила, вытекающей из озера Тан. Впоследствии Лобу совершил еще путешествие в Индию и умер в Лиссабоне в 1678 году.

На берегу Атлантического океана в Конго португальцы пытались ввести христианство сразу же после открытия страны. Сначала туда были посланы монахи-доминиканцы, но так как они не добились никакого успеха и негры упорно продолжали придерживаться своих прежних верований, то папа, с согласия португальского короля, послал в Конго итальянских проповедников-капуцинов. Один из них, Антонио Кавальери, с 1654 по 1668 год жил в Анголе и проявлял такое непомерное «апостольское усердие», что приобщал негров к христианству репрессивными мерами: сжигал идолов, сурово осуждал племенных вождей за древний обычай многоженства, подвергал мучительным пыткам тех, кто отказывался принять новую веру.

В 1687 году в Риме были изданы записки Каваччи. Автор сообщает, что влияние португальцев распространилось на двести или на триста миль в глубь страны, где вырос большой город Сан-Сальвадор, в котором было 50 000 жителей, двенадцать церквей, иезуитская коллегия.

Около 1578 года португальский путешественник Дуарти Лопиш в своем описании Конго дал много точных сведений, впоследствии использованных миссионерами. Между прочим, на карте, приложенной к его сочинению, были обозначены некоторые озера и реки, вторично открытые лишь в XIX столетии.

Французы, следуя общему стремлению к колонизации новых стран, в XVII веке колонизовали Канаду, Сан-Доминго (Ганти), Малые Антильские острова, вытеснив оттуда испанцев, и проникли в Западную Африку. Здесь французы заняли область у устья реки Сенегал. В 1637 году одна из французских экспедиций поднялась на довольно большое расстояние вверх по Сенегалу. Колония в Западной Африке значительно расширилась благодаря стараниям Андре Брю, которому был присвоен официальный титул «управляющего от имени короля и главного директора французской королевской компании на берегах Сенегала и в других областях Африки».

Хотя Андре Брю мало известен и биографические словари дают о нем весьма лаконичные сведения, тем не менее он занимает одно из первых мест среди исследователей Западной Африки. Не довольствуясь расширением колонии, он исследовал прилегающие к Сенегалу области, в которые проникли после него только путешественники второй половины XIX века, в частности капитан Маж.

Андре Брю расширил французские владения на востоке за пределы слияния рек Сенегала и Фалеме, а на юге — до островов Бисагуш. Внутри страны он собрал сведения о золотоносных районах и впервые узнал некоторые подробности об африканских племенах. Сведения, собранные Брю об истории и переселении африканских народов, чрезвычайно ценны и до сих пор еще дают интересный материал географам и историкам. Брю не только оставил нам рассказ о фактах, которые были известны ему как очевидцу, и описание лично им посещенных мест, но и сообщил любопытные подробности о природных богатствах, флоре и фауне Западной Африки.

К юго-востоку от материка французы в первой половине XVII века основали несколько факторий на острове Мадагаскар, известном долгое время под именем острова Св. Лаврентия. Воздвигнув на южном берегу Форт-Дофин, они исследовали прибрежные области и в 1649 году овладели Маскаренскими островами. Первый комендант этой крепости, Флокур, обращался

с туземцами с такой жестокостью, что вызвал на Мадагаскаре всеобщее восстание, что и послужило причиной его смещения с должности. Путешествия внутрь Мадагаскара были чрезвычайно редки, и только в наше время (в середине XIX века) французы приступили к серьезному исследованию острова.

Немногие из европейцев, проникшие в течение XVII века в Индо-китай и Тибет, также были миссионерами. В 1624 году из Индии в Тибет отправился монах Антонио де Андради; он был первым европейцем, перевалившим через Гималайский хребет. Вступив на территорию Тибета, он добился разрешения на въезд христианских миссионеров в эту страну и впоследствии основал в Цапаранге духовную миссию. Еще раньше иезуит Бенто да Гоэш поехал из Индии в Китай, поставив своей целью выяснить, являются ли «Сина» и «Китай» одной и той же страной или эго, — как думали тогда, — два разных государства. Гоэш умер в пути, не дойдя до Китая, но незадолго до смерти ему удалось установить, что «Сина» и «Китай» — одна и та же страна (Китай).

Сочинения этих и некоторых других миссионеров содержали много ценных сведений о странах, которые были так долго скрыты от европейцев. В той же связи нельзя не упомянуть и о деятельности в Кохинхине и Тонкине португальского миссионера Тейшейры, который занимался там астрономическими наблюдениями. Результаты его исследований показали со всей очевидностью, насколько ошибочны были определения долгот, данные для этих областей Птолемеем. Прделанная Тейшейрой работа заставила картографов и космографов XVII века заняться уточнением конфигурации стран крайнего востока и вызвала необходимость более точных наблюдений, которые предстояло в дальнейшем провести ученым-специалистам и мореплавателям, хорошо знакомым с астрономическими вычислениями.

Страной, особенно соблазнявшей европейских миссионеров, был Китай — эта обширная, густонаселенная империя, которая с тех пор, как европейцы проникли в Индию, упорно старалась не допускать чужеземцев в свои пределы. Только в конце XVI века несколько миссионеров, наконец, получили разрешение на въезд в Небесную Империю. Знакомство миссионеров с математическими науками и астрономией облегчило им пребывание в этой стране и дало возможность собрать — частью по древним летописям, частью во время самих путешествий — множество сведений, крайне важных для изучения истории, этнографии и географии Китая. Европейские миссионеры впервые познакомили китайцев с европейскими науками и искусствами и распространили на западе первоначальные и во многом правдоподобные сведения о китайской цивилизации.

Голландцы на «Островах пряностей». — Якоб Ле-Мер и Виллем Корнелисзон Схаутен. — Абель Янсзон Тасман и поиски Южного материка. — Тихоокеанские экспедиции испанцев. — Альваро Менданья де Нейро. — Педро Эрнандес де Кирос и Луис Ваз де Торрес. — Путешественники-купцы и путешественники-туристы. — Франсуа Пирар из Лавалья. — Пьетро делла Валле. — Жан Батист Тавернье. — Жан де Тевено. — Франсуа Бернье. — Жан Шарден. — Энгельберт Кемпфер.

Голландцы, предприняв в XVI веке несколько больших заокеанских путешествий, скоро заметили непрочность португальского владычества в Азии. Они поняли, что с надлежащей осмотрительностью и умением можно будет легко и быстро прибрать к рукам всю торговлю крайнего востока.

После нескольких разведочных экспедиций голландцы учредили в 1602 году знаменитую Ост-Индскую компанию, немало способствовавшую обогащению и процветанию метрополии. Постепенно вытесняя португальцев и разбивая их в сражениях, голландские колонизаторы проводили в захваченных странах куда более гибкую и осторожную политику, нежели их предшественники. Голландцы не стремились возводить в завоеванных областях новые крепости и старались не раздражать местное население, выдавая себя за простых коммерсантов, интересующихся исключительно торговлей. Если они строили новые укрепления, то лишь в местах, где пролегали основные торговые пути. Благодаря такой политике голландцам скоро удалось основать многочисленные фактории по всему побережью между Индией, Китаем, Японией и Океанией. Вся эта огромная прибрежная полоса фактически оказалась в руках голландских купцов.

Единственной оплошностью всемогущей Ост-Индской компании было стремление сосредоточить в своих руках монопольную торговлю пряностями. Это привело к тому, что после изгнания иностранцев, водворившихся на Молуккских или Зондских островах, голландцы установили строгий контроль над торговыми операциями всех кораблей, прибывавших туда за грузом. Ост-Индская компания дошла даже до того, что для вздувания цен на пряности уничтожила на многих островах некоторые виды растений и под страхом смерти запретила вывоз и продажу семян и черенков пряных деревьев. В короткое время голландцы прочно утвердились на Яве, Суматре, Борнео, Целебесе, Амбоине, на Молуккских островах, на мысе Доброй Надежды; они захватили самые лучшие гавани, в которых обычно останавливались корабли, возвращавшиеся в Европу.

Огромные барыши, получаемые Ост-Индской компанией от

Ост-индское судно XVI века.

продажи пряностей, возбуждали зависть не только в других странах, но и в самой Голландии, так как компания с помощью Генеральных Штатов препятствовала всем подданным Соединенных Провинций, не состоявшим у нее на службе, плавать к островам пряностей мимо мыса Доброй Надежды или через Магелланов пролив. Это и привело к неоднократным попыткам найти новый морской путь в Индию.

В 1615 году один богатый амстердамский купец Якоб Ле-Мер вместе с искусным моряком по имени Виллем Корнелисзон Схаутен решили достигнуть Индии новым путем, найдя какой-нибудь проход южнее Магелланова пролива. Ле-Мер взял на себя половину издержек по снаряжению экспедиции, а Схаутен, в сообществе с несколькими купцами из городка Горн (Хорн) на берегу Зейдер-Зе, согласился покрыть другую половину. На собранные деньги Ле-Мер и Схаутен приобрели корабль в 360 тонн, который они называли «Эндрахт» («Согласие»), и яхту «Горн», на которую были посажены шестьдесят пять солдат с двадцатью девятью пушками.

На Схаутена было возложено управление кораблями, а на Ле-Мера — осуществление коммерческих планов экспедиции. Цель путешествия хранилась в тайне. Офицеры и матросы были взяты

на службу с условием, что они безоговорочно пойдут всюду, куда им прикажут.

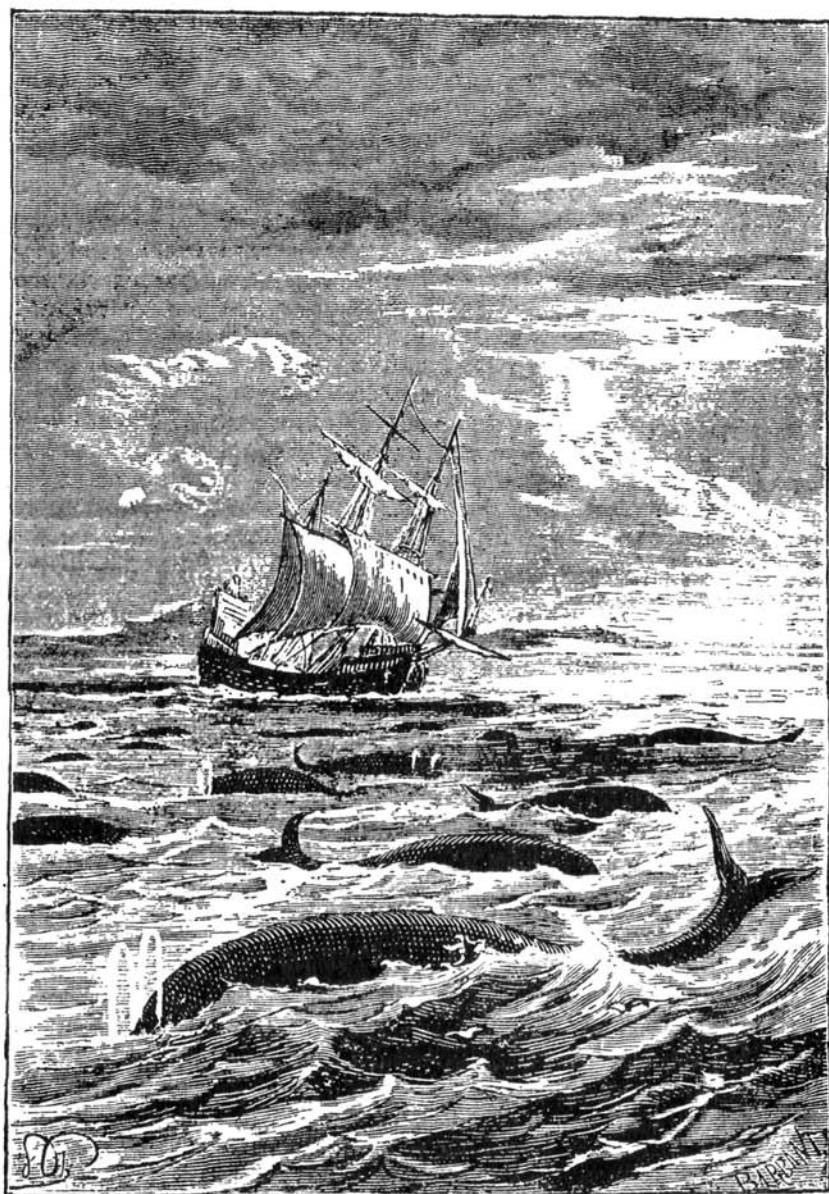
25 июня 1615 года, спустя одиннадцать дней после отплытия из гавани Тессел, когда отступление было уже невозможно и нечего было опасаться чьей-нибудь нескромности, Схаутен и Ле-Мер объявили экипажу о своем намерении искать другой пролив в «Южное море», где, может быть, удастся открыть новые страны и приобрести большие выгоды, а если повезет, то и пойти дальше тем же морем в Восточную Индию. Весь экипаж отнесся к этому сообщению с энтузиазмом.

Путь, которым обычно следовали в Южную Америку голландские, да и не только голландские, корабли, шел сначала вдоль берегов Африки. После пересечения экватора корабли поворачивали на запад. Следуя этим же путем, «Эндрахт» и «Горн» благополучно достигли берегов Бразилии, Патагонии и бухты Пуэрто-Десеадо, находящейся в ста лье от Магелланова пролива. В течение нескольких дней буря мешала кораблям войти в бухту, а потом начался такой сильный отлив, что яхта «Горн», очутившись на мели, повалилась на бок и рассохлась; ее стали спешно шпаклевать, но во время починки подводной части возник пожар, и яхта сгорела, несмотря на все старания экипажа ее спасти. 13 января 1616 года Ле-Мер и Схаутен достигли Себольдинских (Фолклендских) островов, открытых Себальдом Вертом, и затем направились вдоль берегов Огненной Земли, держась от них на небольшом расстоянии. Берег уходил на юго-восток и был окаймлен высокими горами, покрытыми снегом.

24 января в полдень была замечена по правому борту неизвестная земля, а к востоку от нее другая земля, отделенная от первой глубоким проливом. Расстояние между ними было не более восьми миль. Когда «Эндрахт» вошел в пролив, там оказалось такое множество китов, что приходилось все время лавировать, чтобы избежать столкновения. Восточной земле, не зная, что это небольшой остров, голландцы присвоили название Земля Штатов¹⁶³ (отсюда испанское название острова — Эстадос), а западная земля (юго-восточная оконечность Огненной Земли) получила имя Морица Нассауского.¹⁶⁴

Когда «Эндрахт» спустя двадцать четыре часа выходил из пролива, названного проливом Ле-Мер, на горизонте открылась группа маленьких островов, известных теперь под названием острова Уолластон. Под 55°59' Ле-Мер обогнул землю, которая заканчивалась острым выступом и была названа в честь родного города мореплавателей мысом Горн. С тех пор так и называется мыс, образующий крайнюю южную оконечность Америки.

Затем Ле-Мер и Схаутен вступили в «Южное море», выполнив таким образом поставленную задачу.

В проливе оказалось множество китов.

«Той ночью, — сказано в дневнике путешествия, — мы пошли на юг при сильной волне с юго-запада и очень синей воде; из этого мы с уверенностью сделали вывод, что находимся в Великом Южном море [Тихом океане], и очень этому обрадовались, так как мы открыли новый, до тех пор не известный путь, что в дальнейшем и подтвердилось».

От мыса Горн Ле-Мер и Схаутен поднялись к островам Хуан-Фернандес, где было решено сделать остановку, чтобы дать оправиться экипажу, больному цингой. Подобно Магеллану, Ле-Мер и Схаутен миновали, не заметив того, главные острова Полинезии и 10 апреля пристали к «Собачьему острову», где ничего не нашли, кроме небольшого ручейка пресной воды и скудной зелени. Ле-Мер и Схаутен надеялись достигнуть Соломоновых островов, но вместо этого поднялись на север к «Опасным островам» (скалистые островки в архипелаге Туамоту) и открыли остров Ватерланд (атолл Манихи), названный так потому, что на нем оказалось большое озеро; затем голландцы открыли «Остров мух», получивший свое наименование из-за невообразимого множества насекомых, оставших от корабля только через четыре дня, когда поднялся ветер. Далее Ле-Мер и Схаутен прошли мимо островов Тонга (Дружбы) и открыли несколько островов в архипелаге Мореплавателей, или Самоа; некоторые из них долгое время сохраняли за собой названия, присвоенные им голландскими путешественниками. Таковы острова: Кокосовый (Тафахи), Кеппель (Ниуатобутабу), Надежды (Ниуафу), мелкие островки Горн (Хорн) к северо-востоку от архипелага Фиджи и др.

Жители этих островов проявили неуважение к чужой собственности: они приближались на своих пирогах к самому кораблю, бесцеремонно пытались вырвать гвозди и сломать железные цепи.

Так как экипаж все еще страдал от цинги, то Ле-Мер и Схаутен были весьма обрадованы, получив в подарок от вождя одного из островов большого борового и много фруктов.

Этот вождь, по имени Лату, не замедлил приплыть на большой парусной пироге в сопровождении флотилии из двадцати пяти лодок. Однако он так и не решился взойти на корабль; зато сын его, оказавшийся более смелым, поднялся на борт и с большим интересом разглядывал все, что ему показывали.

На следующий день число пирогов, сновавших возле «Эндрахта», угрожающе возросло. По недружелюбным жестам туземных воинов голландцы поняли, что на них готовится нападение. И действительно, вскоре на палубу посыпался град камней и лодки стали смыкаться вокруг корабля тесным кольцом. Чтобы отразить нападение, голландцы дали залп по пирогам, что повергло тузем-

цев в ужас и заставило обратиться в бегство. Этому острову было присвоено название «Острова предателей».

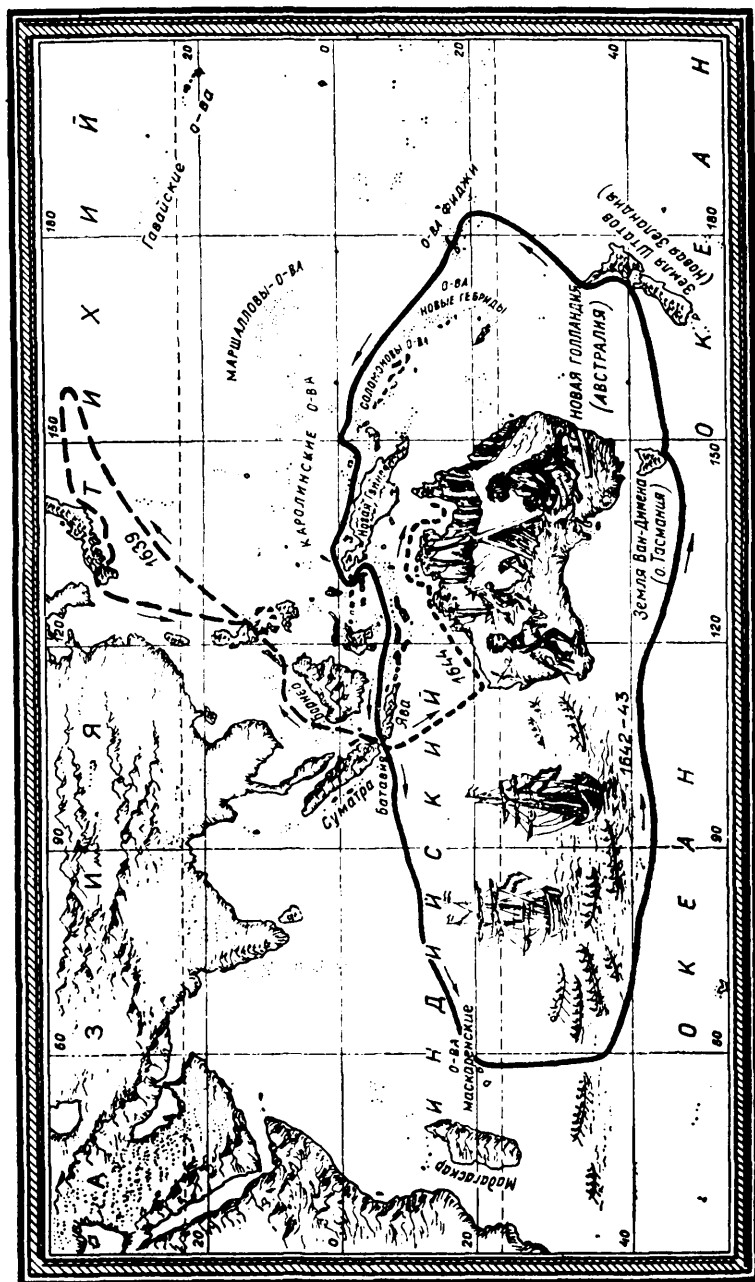
18 мая Схаутен повернул к северу, где, по его расчетам, должны были находиться Молуккские острова. Он прошел, вероятно, мимо Соломоновых островов и островов Адмиралтейства, а затем направился вдоль северного берега Новой Гвинеи и под 143° достиг залива Гелвинк. Голландцы часто высаживались на берег и давали названия многим местам: Двадцать пять Островов (мелкие вулканические острова), Высокий угол, Высокая гора, Моа — остров, исследованный позднее Тасманом, острова Вулкан и Схаутен. Последний из названных островов ныне называется Мисол. Его не следует смешивать с группой островов Схаутен, лежащих у входа в залив Гелвинк.

Наконец Схаутен и Ле-Мер достигли одного из Молуккских островов — Джайлоло, где с большой радостью встретили своих ссотечественников.

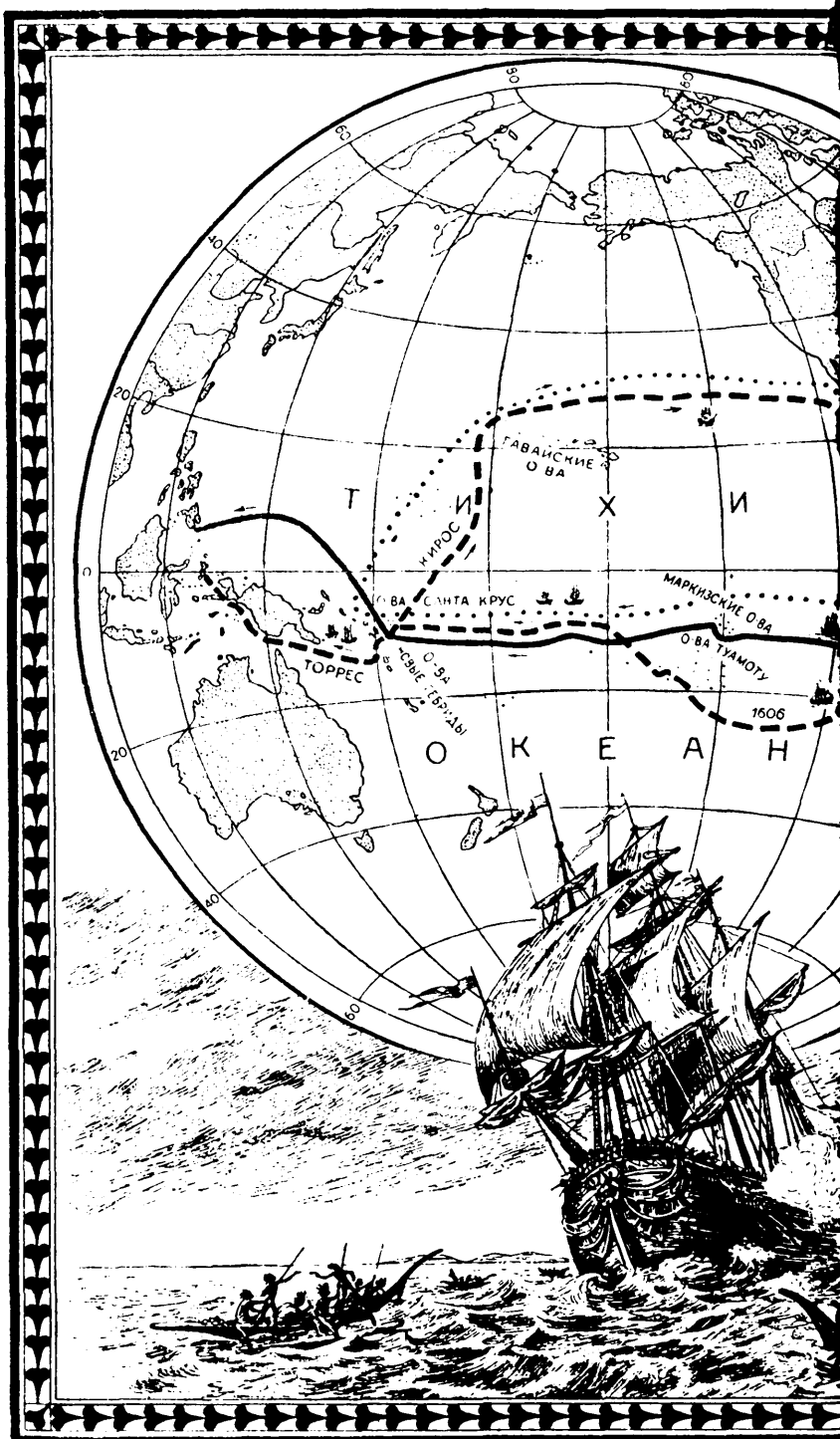
Когда экипаж «Эндрахта» оправился от цинги и усталости, Ле-Мер и Схаутен направились к Батавии (Джакарте), куда прибыли 23 октября 1616 года, после шестнадцатимесячного плавания. В Батавии администрация Ост-Индской компании, не поверив, что Ле-Мер и Схаутен открыли новый путь в «Южное море», а следовательно, не нарушили запрета, распорядилась конфисковать «Эндрахт» и задержать офицеров и матросов, которые были отправлены потом под конвоем в Голландию, где должны были предстать перед судом. Несчастный Ле-Мер, ожидавший иной встречи и совсем другой награды за свои труды и открытия, не вынес этого неожиданного потрясения: он заболел и скончался в море, недалеко от Новой Гвинеи. Что касается Схаутена, то он вместе с экипажем «Эндрахта» благополучно вернулся на родину и вскоре был оправдан. После этого он совершил еще несколько путешествий в Индию и погиб в 1625 году, застигнутый бурей у восточного берега Мадагаскара.

Такова была эта замечательная экспедиция, открывшая пролив Ле-Мер и новый путь в Тихий океан, более короткий и менее опасный, чем путь через Магелланов пролив. Эта экспедиция была ознаменована также важными географическими открытиями в Океании. Кроме того, голландцы проверили и нанесли на карту много островов, частично открытых еще раньше испанскими и португальскими мореплавателями. Впрочем, относительно разных островов, земель и архипелагов, расположенных в этих водах, мы не можем сказать с уверенностью, какому из народов принадлежит честь их первого открытия.

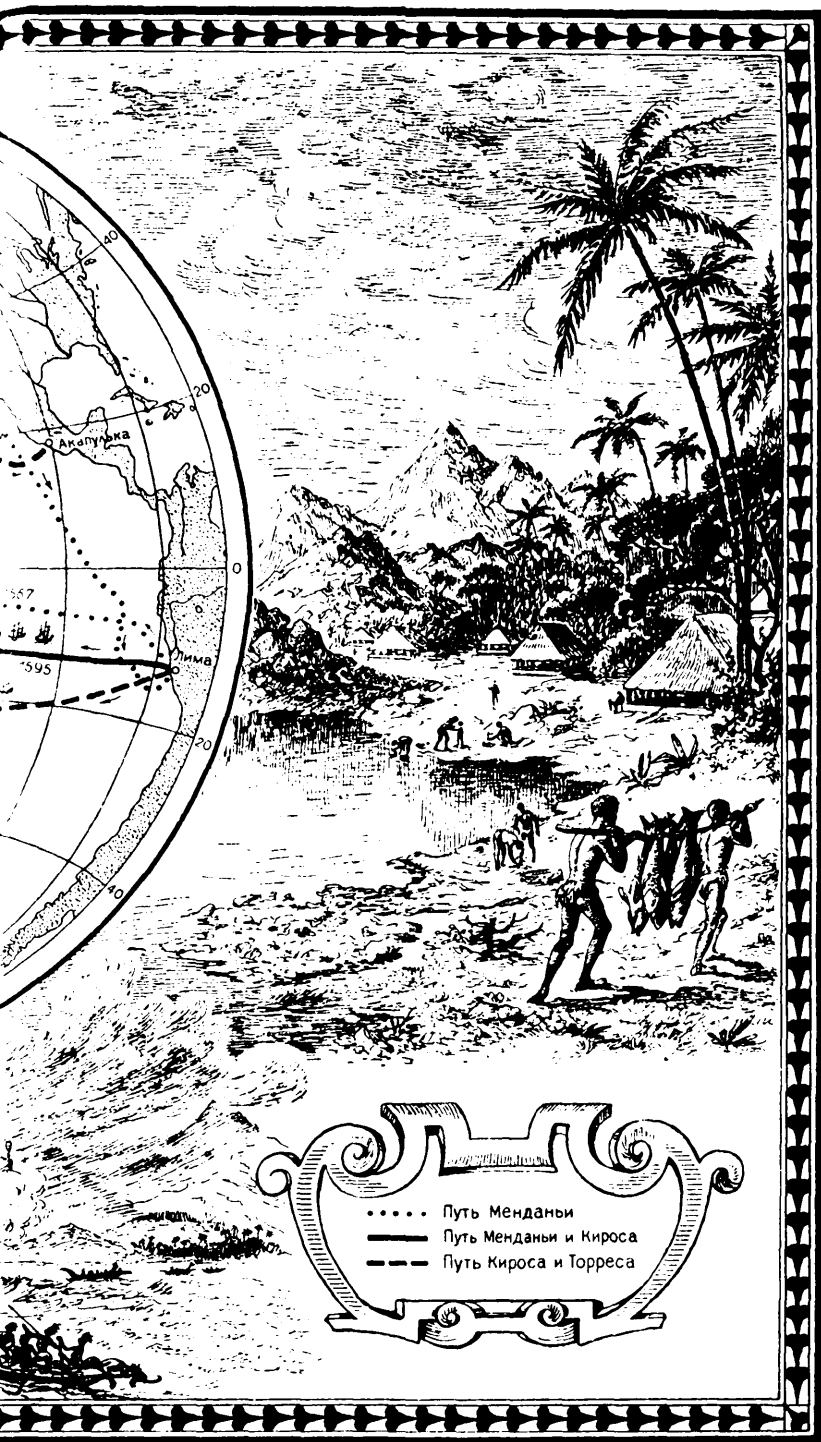
Продолжая рассказ о голландских мореплавателях XVII века, мы должны немного отступить от хронологической последователь-

Маршруты экспедиций Тасмана.

Открытие испанских

- Путь Менданы
- Путь Менданы и Кироса
- - - Путь Кироса и Торреса

ности открытий и рассказать об экспедициях Абеля Янсона Тасмана, несмотря на то, что его плаваниям предшествовали экспедиции Менданы и Кироса.

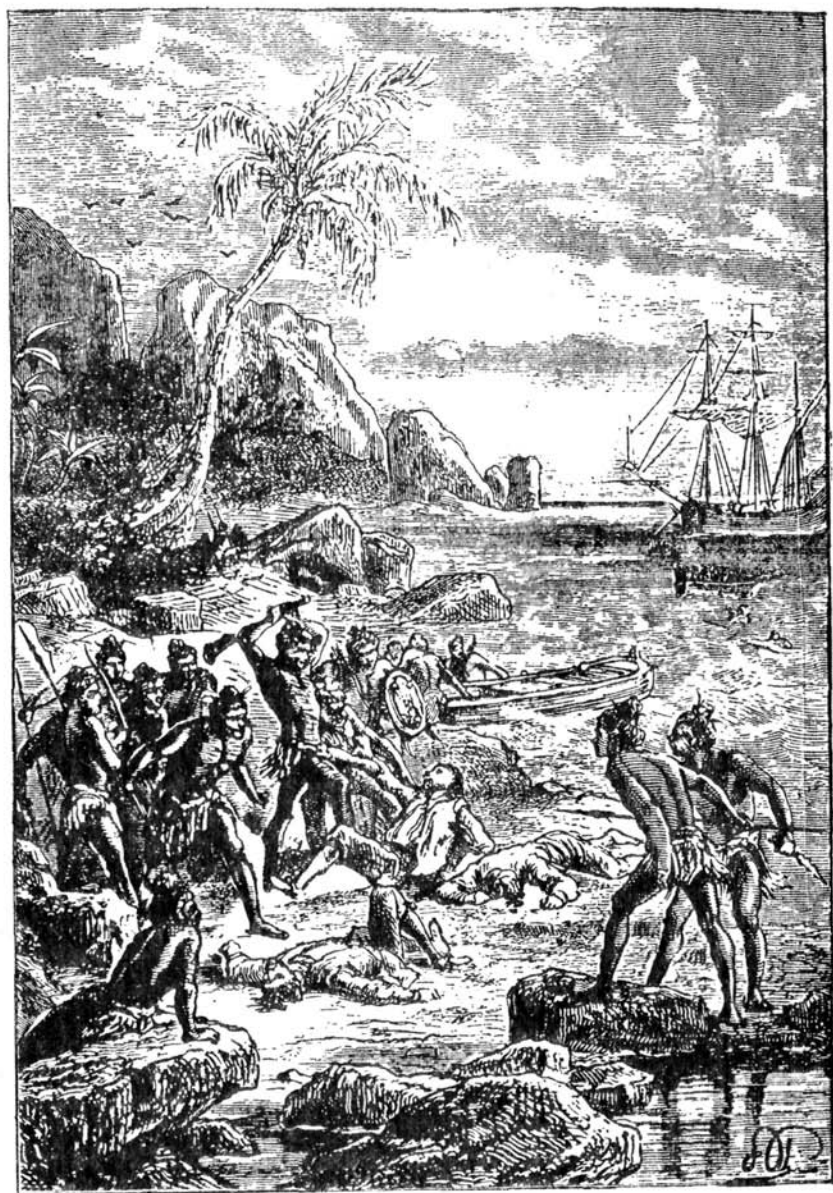
Тасман — один из величайших мореплавателей XVII века. Но каковы были его дебюты, какие обстоятельства привели его к морской службе, каким образом приобрел он незаурядные познания и навигационное искусство, благодаря которым сумел совершить крупнейшие географические открытия, — все это нам совершенно неизвестно. Биография Тасмана начинается для нас с его отплытия из Батавии 2 июня 1639 года. Пройдя Филиппинские острова, он вместе с капитаном Маттисом Квастом посетил, по приказу губернатора Нидерландской Ост-Индии Ван-Димена, острова Бонин, известные тогда под фантастическим названием Золотых и Серебряных островов. После недолгой остановки в Японии, в бухте Иеддо (Токио), Тасман вернулся в Батавию.

Вскоре Ван-Димен поручил ему возглавить экспедицию, имевшую цель изучить Индийский океан за пределами обычных торговых путей и выяснить, является ли Новая Голландия (Австралия¹⁶⁵) частью Южного материка и соединяется ли с нею Новая Гвинея. Тасман отплыл из Батавии с двумя кораблями 14 августа 1642 года; 5 сентября он достиг острова Маврикия (в группе Маскаренских островов) и затем направился на юго-восток для исследования Южного материка, о котором ходило в то время столько разноречивых и взаимоисключающих сведений.

24 ноября Тасман открыл большой остров, который он назвал Вандименовой землей, в честь губернатора Нидерландской Ост-Индии (теперь этот остров называется Тасманией). Высадившись на восточном побережье, он узнал, что эта земля обитаема, хотя самому ему и не пришлось встретить ни одного туземца, так как матросы, вообразившие, что Вандименова земля населена гигантами, отказались сопровождать Тасмана в глубь страны.

Проплыв несколько десятков миль вдоль этого берега, Тасман повернул к востоку и 13 декабря под 42°10' южной широты увидел очертания еще одной незнакомой земли, которую назвал Землей Штатов, полагая, что она является продолжением земли, открытой в 1616 году Ле-Мером и Схаутеном у мыса Горн. На самом деле это был Южный остров Новой Зеландии.

Следуя к северу вдоль береговой полосы, Тасман 18 декабря облюбовал удобную бухту и стал на якорь. Вскоре появились туземцы, не осмелившиеся, однако, подойти к кораблю ближе, чем на расстояние брошенного камня. Голос у них был грубый, рост высокий, кожа смугло-желтая; черные как смоль волосы были собраны в пучок на макушке. На следующий день маорийцы^{165-а} стали смелее и решились подойти поближе. Видя

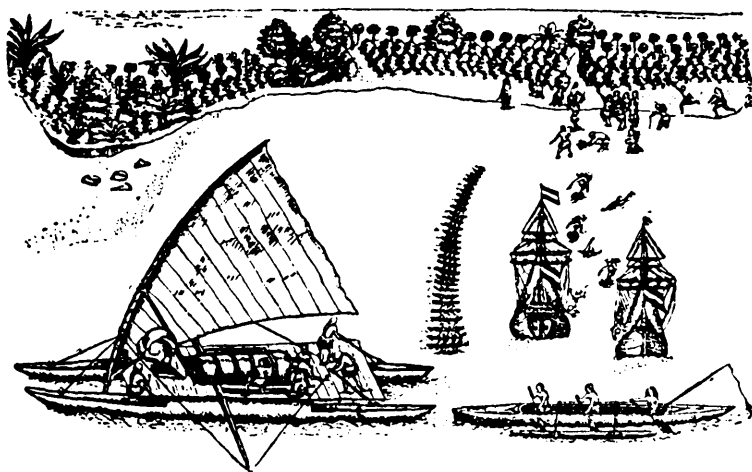

Маорийцы убивают матросов Тасмана.

их мирные намерения, Тасман послал на берег шлюпку, но островитяне вдруг пришли в ярость, напали на голландцев и убили троих матросов. Остальные бросились вплавь и были спасены подоспевшими с корабля лодками. Наказать дикарей голландцам не удалось, так как те уже успели скрыться. Место, где произошло это печальное событие, получило название Бухты убийц (теперь Голден-Бей, то есть Золотая бухта). Убедившись в невозможности завязать отношения с такими дикими племенами, Тасман снялся с якоря и поплыл вдоль берега до северной оконечности острова. Северный мыс, которым заканчивалась Земля Штатов, Тасман назвал мысом Марии Ван-Димен, по-видимому, в честь «дамы сердца», ибо сохранилось предание, будто он, простой моряк, осмелился просить руки дочери губернатора Нидерландской Ост-Индии и в отместку за такую дерзость был послан в далекую экспедицию на двух старых, полуразвалившихся судах Ост-Индской компании.

Выйдя из пролива между Северным и Южным островами Новой Зеландии, Тасман продолжал путь вдоль западного побережья Северного острова, добрался до его оконечности и повернул на северо-восток. 21 января 1645 года он достиг островов Тонга (Дружбы) и присвоил трем островам голландские названия: Миддельбург (Эуа), Амстердам (Тонгатабу) и Роттердам (Намука). Здесь ему удалось раздобыть много свиней, кур и фруктов. 6 февраля корабли Тасмана достигли архипелага из двадцати островов, названных островами Принца Вильгельма (острова Лау или Восточные). Далее, оставив к югу острова Фиджи, Тасман прошел вдоль северного берега Новой Гвинии, до ее западного выступа и посетил все места, исследованные до него Ле-Мером и Схаутеном. 15 июня после почти десятимесячного путешествия он благополучно прибыл в Батавию. Таким образом, Тасман обошел кругом всю Австралию, так и не увидев «Южного материка», который он должен был исследовать. Тасман обогатил карту мира открытием Новой Зеландии, но полагал, что она является частью того же «Южного материка». Кроме того, голландский мореплаватель встретил на своем пути много мелких островов, точное местоположение которых было нанесено на карту его замечательным штурманом Франсом Вискером.

В 1644 году Ван-Димен еще раз послал Тасмана в большое плавание, поручив ему подробнее исследовать открытые земли и окончательно установить, являются ли Вандименова Земля (Тасмания), Земля Штатов (Новая Зеландия) и Новая Гвинея частями полуполюгендарного Южного материка. В то время голландцам были известны лишь отдельные участки северного побережья Австралии, которую они называли Новой Голландией. По-видимому, Тасману не удалось выполнить эту обширную про-

Голландские суда, лодки туземцев и обитатели островов Фиджи. С собственноручного рисунка Тасмана.

грамму. Утрата судового журнала экспедиции лишает нас возможности наметить путь ее следования. Известно только, что Тасман обошел лишь восточные и западные берега залива Карпентария и затем вернулся обратно, не добравшись до пролива, отделяющего материк Австралии от Новой Гвинеи (Торресов пролив). На этом обрывается исследовательская деятельность Абеля Янсзона Тасмана и теряются все нити его дальнейшей жизни. Установлено лишь, что он умер в 1659 году пятидесяти семи лет от роду.

Плавания Тасмана сыграли выдающуюся роль в истории географического изучения южной части Тихого океана, которое было затем завершено капитаном Куком и другими исследователями.

После того как д'Албукерки завоевал Малакку, португальцы пришли к заключению, что к югу от Азии должен простирается большой материк. Эту мысль разделяли и испанцы, и с тех пор одна за другой отправлялись экспедиции в Тихий океан на поиски легендарного «Южного материка», существование которого еще с древних времен представлялось географически необходимым для «уравновешивания» огромных материков Северного полушария. Картографы XVI века не сомневались в существовании этого материка и даже наносили на карты его фантастические очертания.

Вслед за Магелланом, только случайно не встретившим на пути к Филиппинским островам сколько-нибудь значительных архипелагов, плавание по Тихому океану было предпринято родственником Кортеса по имени А л ь в а р о С а а в е д р а. Кортес послал его в 1527 году от западного берега Мексики к островам пряностей, чтобы установить через Тихий океан прямую связь между «Новой Испанией» (Мексикой) и берегами Восточной Азии. На обратном пути Сааведра умер, а его спутники вынуждены были вновь вернуться на Молуккские острова и попали в плен к португальцам.

В 1526 году португалец Ж о р ж и М и н е з и ш открыл небольшой участок северо-западного побережья Новой Гвинеи, но только в 1545 году испанский капитан О р т и с д е Р е т е с исследовал значительную часть северного побережья этого большого острова и присвоил ему название Новой Гвинеи. Тем самым нашел свое подтверждение взгляд древних географов о существовании «Южного материка», поскольку Новую Гвинею и Огненную землю стали считать частями одного огромного южного континента (Терра Аустралис).¹⁶⁶

В 1565 году, когда испанцы основали свою первую колонию на Филиппинах, участник многих экспедиций, монах-мореплаватель А н д р е с д е У р д а н е т а первый пересек Тихий океан с запада на восток, после чего было установлено постоянное сообщение между испанскими владениями в Америке и у восточного побережья Азии. Этот путь через самые пустынные части океана, от Филиппин к Мексике, долгое время был известен под названием пути Урданеты.

Но самые значительные открытия в тропической Океании связаны с именами мореплавателей Менданы, Кироса и Торреса, о которых мы расскажем более подробно.

А л ь в а р о М е н д а н ь я д е Н е й р а был племянником вице-короля Перу, дон Педро де Кастро, горячо защищавшего перед правительством метрополии проект экспедиции для открытия новых островов и континента в «Южном океане», «поскольку многие очень опытные в математике мужи вывели заключение, что таковые должны находиться в тех местах».

В возрасте двадцати одного года Менданья принял начальство над двумя кораблями с экипажем из ста двадцати пяти солдат и матросов. 19 ноября 1567 года он отплыл из порта Кальяо у Лимы. Подобно Магеллану не встретив в Тихом океане ни одного значительного острова, Менданья только в январе 1568 года открыл в экваториальной Полинезии небольшой коралловый остров из группы Эллис (Лагунные).

В начале февраля испанцы увидели у 8° южной широты «большую землю» и назвали ее островом Санта-Исабель (Святая Иза-

белла). Здесь они построили бригадину и обошли на ней большую часть Соломонова архипелага. «Жители этих островов, — пишет один из спутников Менданы, — людоеды; они пожирают своих же соплеменников, попавших в плен на войне или же захваченных хитростью. Один из местных вождей прислал Менданы в качестве лакомого блюда четверть жареного ребенка, но генерал велел тотчас же похоронить его в присутствии туземцев, которые были сильно оскорблены непонятным для них поступком».

Испанцы осмотрели острова Пальмас, Рамос, Галера и Буона-Виста. Жители этого последнего острова, притворно подружившись с испанцами, вскоре обнаружили свои враждебные замыслы. То же повторилось и на других островах архипелага. На острове Гуадалканал воинственные туземцы истребили высадившихся на берег десятерых матросов, а испанцы в отместку за это сожгли все селение и убили двадцать человек. Затем Менданы исследовал еще несколько островов Соломонова архипелага и среди них острова Трех Марий и Сан-Хуан. * Пока на этом последнем острове чинили и конопатили корабль, завязалась новая стычка с туземцами, стоившая испанцам еще нескольких человек.

Открыв, кроме перечисленных, острова Сан-Кристоваль, Санта-Каталина и Санта-Анна, Менданы вынужден был пуститься в обратный путь к Перу. Продолжать свое путешествие он был уже не в состоянии, так как экипаж из-за стычек с воинственными островитянами сильно сократился, люди страдали от цинги, съестные припасы и боевое снаряжение подошли к концу.

Обратный путь проходил в невероятно трудных условиях. Жестокие бури преследовали корабли. Голод и цинга валили людей с ног. Не проходило и дня, чтобы не умер кто-нибудь из экипажа. К тому же противные ветры заставили испанцев подниматься за северный тропик, почти до Гавайских островов, и сделать большой крюк. Только через полгода Менданы добрался до Калифорнийского побережья.

Рассказ Менданы не возбудил среди испанцев энтузиазма, несмотря на то, что он назвал открытые острова Соломоновыми, уверяя, будто это и есть та самая библейская страна Офир, куда царь Соломон посылал корабли за сокровищами для украшения иерусалимского храма. Но какое значение могли иметь для людей, видевших богатства Перу, самые чудесные рассказы? Мельчайший золотой самородок, крохотная крупинка серебра произвели бы на них гораздо большее впечатление. Менданы пришлось дожидаться целых двадцать семь лет, прежде чем ему удалось снарядить к Соломоновым островам новую экспедицию.

* Позже почти все Соломоновы острова, долгое время называвшиеся Потерянными островами, были переименованы вторично «открывшими» их английскими и французскими мореплавателями.

На этот раз она была довольно внушительной, так как предполагалось основать колонию на острове Сан-Кристоваль, открытом Менданьей во время первого путешествия: В середине июня 1595 года перуанские берега покинула флотилия из четырех кораблей. Среди четырехсот будущих колонистов было немало женщин, так как многие испанцы отправлялись на Соломоновы острова со своими семьями. Присоединилась к экспедиции и донья Изабелла, жена неугомонного Менданьи. Главным штурманом был назначен Педро Эрнандес де Кирос, или, правильнее, Кирощ, — португальский моряк на испанской службе, прославившийся впоследствии в качестве начальника другой экспедиции.

После месячного плавания, не ознаменованного никакими событиями, испанцы открыли остров, которому дали название Магдалена (Фату-Хива). Не успели корабли еще стать на якорь, как тотчас же были окружены десятками каноэ, в которых находилось три или четыре сотни туземных воинов. Европейцы были поражены их прекрасным телосложением и почти белым цветом кожи. Они наперебой предлагали кокосовые орехи и фрукты, но, когда испанцы пустили несколько человек на корабль, туземцы моментально начали хватать все, что попадалось под руку. Чтобы спугнуть бесцеремонных гостей, Менданья приказал дать холостой выстрел. В последовавшей за тем свалке был ранен один туземец, и это послужило сигналом к нападению. На град камней и копий, посыпавшихся на корабль, испанцы ответили залпами из мушкетов и поспешили поднять якоря.

Неподалеку от Магдалены оказалось еще три острова: Сан-Педро (Монана), Доминика (Хива-Оа) и Санта-Кристина (Атуана), а весь этот архипелаг был назван в честь перуанского вице-короля Островами маркиза Мендосы. С тех пор они называются Маркизскими.

Отношения с туземцами, вначале очень дружественные, вскоре испортились по вине самих же испанцев, которые, часто без всякой нужды, пускали в ход огнестрельное оружие и устраивали избиения беззащитных островитян.

5 августа испанцы снова пустились в море и, двигаясь к западу вдоль 10° южной широты, открыли через две недели острова, получившие название Опасных, потом Островов королевы Шарлотты, и остров Солитер (Одинокий), название которого достаточно точно определяет его положение. Вслед за тем флотилия достигла архипелага Санта-Крус (Святой Крест). Менданья долго блуждал по океану в поисках потерянных Соломоновых островов.¹⁶⁷ В пути во время грозы и шторма от флотилии отделился один корабль, судьба которого осталась неизвестной.

Так как дальнейшие поиски Соломоновых островов были уже невозможны, Менданья решил основать колонию на островах Санта-Крус. И в этом месте, как только корабли стали на причал, их окружили десятки лодок с сотнями туземцев. У островитян кожа была очень темной или даже совсем черной. «У всех у них выщипанные волосы белого, красного или какого-нибудь иного цвета, ибо они красят волосы в разные цвета, а зубы только красной краской. Голова у них наполовину выбрита, на теле набедренная повязка, руки и лицо вымазаны черной блестящей краской с разноцветными полосами; шея, руки и ноги обвешаны несколькими рядами украшений из черного дерева, рыбьих зубов, перламутра и жемчуга. Вооружены они луками с отравленными стрелами, снабженными костяными наконечниками, палицами из очень крепкого дерева и длинными копьями о трех зубцах».

Попытка Менданьи основать, вопреки желанию экипажа, колонию на островах Санта-Крус кончилась весьма плачевно. Среди испанцев вспыхнули раздоры. Матросы, требовавшие возвращения на родину, были сурово наказаны. Когда и эта мера не помогла, Менданья стал искать зачинщиков мятежа и приказал казнить главного подстрекателя. Установившиеся были мирные отношения с туземцами скоро прервались, причем повод для ссоры, как обычно, дали сами же испанцы. На каждом шагу их подстерегали теперь засады и неожиданные нападения туземных воинов. Карательные экспедиции еще более ожесточили местных жителей. В довершение всех бед среди колонистов вспыхнула эпидемия чумы. Жизнь на Санта-Крус с каждым днем становилась для них все более невыносимой. Наконец сам Менданья тяжело заболел и умер 17 октября, передав управление колонией своей жене, донье Изабелле.

Дальнейшее пребывание на островах Санта-Крус в таких условиях было бы безумием. Это поняла даже донья Изабелла, желавшая во что бы то ни стало основать здесь испанскую колонию. Чтобы поправить дело, она решила плыть к Маниле, нанять там новых колонистов и вернуться с ними на Санта-Крус. Руководство экспедицией перешло к Киросу. В ноябре 1595 года он приказал поднять якоря и, подчиняясь желанию доньи Изабеллы, поплыл к Филиппинам.

Плавание было тяжелым. Чума скосила за месяц еще сорок человек. Властолюбивая донья Изабелла требовала беспрекословного выполнения всех своих приказов, которые шли нередко в ущерб общим интересам. Измученные матросы хотели высадиться на одном из многочисленных коралловых островов, и Киросу с большим трудом удалось их уговорить отказаться от этого намерения. Однажды ночью от флотилии отделился еще один корабль, подобно первому пропавший без вести. 3 января

1596 года Кирос достиг Разбойничьих островов (вскоре получивших название Марианских). Испанцы несколько раз высаживались на берег за съестными припасами, но туземцы, ни во что не ставя ни золото, ни серебро, соглашались брать в обмен только куски железа или железные орудия.

Описание Марианских островов, сделанное Киросом, содержит любопытные сведения о культе предков, который был распространен среди этих островитян. Приводим дословно отрывок из его отчета:

«Туземцы извлекают кости из тела умершего родственника, потом сжигают мясо и съедают пепел, запивая его пальмовым вином. Ежегодно, в течение целой недели, они оплакивают своих покойников, нанимая для этой цели специальных плакальщиц. Кроме плакальщиц оплакивать умершего собираются в его доме все соседи; они также, в свой черед, устраивают поминки по своим покойникам. Каждый туземец охотно принимает приглашение соседа на такое празднество, так как присутствующие всегда получают обильное угощение. Во время плача по умершему кто-нибудь из его семьи подробно повествует о жизни и подвигах покойника с первого дня его рождения и до самой смерти, восхваляя его силу, рост, красоту, словом все, что может послужить к его вящей славе. Если в рассказе встречается что-нибудь смешное, вся компания принимается безудержно хохотать, а потом, после очередной порции пальмового вина, смех внезапно переходит в горькие рыдания. На этих удивительных пиршествах нередко присутствует до двухсот человек».

11 февраля 1596 года остатки экспедиции Менданы добрались до Филиппинских островов. Это было сборище измученных, истощенных людей, напоминавших скорее живые скелеты. Донье Изабелле были оказаны в Маниле торжественные почести. «Правительница» сошла на берег, сопровождаемая пушечной пальбой, и была встречена почетным караулом воинских частей. Остатки экипажа, потерявшего пятьдесят человек со времени отплытия с островов Санта-Крус, были размещены в частных домах и содержались на казенный счет. Овдовевшие женщины вторично вышли замуж или постриглись в монахини. Что касается доньи Изабеллы, которой, по-видимому, так и не удалось найти в Маниле желающих поселиться на островах Санта-Крус, то она была отведена Киросом в Перу.

Кирос поспешил представить вице-королю проект нового путешествия, но Луис де Веласко, преемник Мендосы, посоветовал ему обратиться прямо к испанскому королю и в Совет по делам Индий — под тем предлогом, что снаряжение экспедиции в южную часть Тихого океана не входило в компетенцию вице-короля. Кирос отправился сначала в Испанию, а потом в Рим, где встре-

Донья Изабелла требовала беспрекословного выполнения своих приказов.

тил благосклонный прием у папы, рекомендовавшего его Филиппу III.

После бесчисленных проволочек Кирос получил, наконец, в 1605 году разрешение снарядить в Лиме два корабля для исследования «Южного материка» и продолжения открытий Менданди. С этими двумя кораблями и одним вспомогательным судном Кирос и отплыл из гавани Кальяо 21 декабря 1605 года. В состав его экипажа входили такие выдающиеся мореплаватели, как Бермудес (его именем названы Бермудские острова) и Луис Вальес де Торрес.

На протяжении тысячи лье от Перу Кирос не встретил ни одного клочка суши. Только под 20° южной широты была замечена группа маленьких островов, принадлежащих к так называемым Низменным островам (Туамоту). Пройдя еще дальше на запад, Кирос открыл густонаселенный плодородный остров и назвал его Сагиттария (из группы островов Общества).

С большим трудом высадившись на этот остров, так как доступ к нему был прегражден многочисленными рифами, путешественники встретили стройных, красивых, совершенно голых туземцев, с кожей золотисто-коричневого цвета. Их жилища были разбросаны среди пальм по всему берегу. Туземный вождь носил на голове какое-то подобие венца из гибких разноцветных перьев. Его длинные светлые волосы, ниспадавшие до пояса, вызвали удивление у испанцев, решивших, что «у человека с таким смуглым лицом не могут быть столь светлые волосы, если только он не позаимствовал их у своей жены». Загадка объяснилась просто. Оказалось, что туземцы имели обыкновение посыпать голову известью, которая желтит и сжигает волосы.

Мы не знаем, какой именно из островов Общества Кирос назвал Сагиттарией. Французский географ Флерье предполагает, что это был остров Таити.

В следующие дни Кирос заметил еще несколько островов и, не высаживаясь, «окрестил» их по календарю, следуя обычаю, преобразовавшему все туземные названия Океании в настоящие святцы. Затем он достиг острова «Красивых Людей», который получил такое название благодаря белизне кожи и красоте туземных женщин, показавшихся испанцам даже более привлекательными и грациозными, чем их соотечественницы из Лимы, красота которых вошла в пословицу.

Остров этот расположен, по словам Кироса, под той же параллелью, что и архипелаг Санта-Крус. Чтобы достичь этих островов, Кирос повернул к юго-западу и 7 апреля открыл под 10° южной широты еще один неизвестный остров, входящий в группу Дафф, лежащую вблизи архипелага Санта-Крус. Местный вождь сообщил Киросу, что если он направится отсюда к югу,

то встретит «целых шестьдесят островов, а также большую землю Маниколо».

Кирос последовал этому совету и, открыв по дороге несколько мелких островов, 1 мая 1606 года стал на якорь у архипелага Новые Гебриды. Остров, на котором высадились испанцы, был принят Киросом за долгожданный «Южный материк» и получил название «Австралия Духа Святого». Наибольший из Ново-Гебридских островов и поныне называется Эспириту-Санто (то есть Остров св. духа).

Эта местность произвела на Кироса чарующее впечатление и показалась ему вполне достойной того, чтобы здесь был заложен город Новый Иерусалим — будущая столица испанских владений в Австралии. Река, протекавшая неподалеку от широкой бухты, где нашли спокойное убежище корабли, была названа Иорданом, и вся эта местность описывается Киросом в восторженных тонах: «Я могу сказать на основании фактов, что нет на свете страны более приятной, здоровой и плодородной; страны более богатой строительным камнем, лесом, черепичной и кирпичной глиной, нужной для создания большого города, с портом у самого моря, и притом орошаемой хорошей, текущей по равнине рекой, с равнинами и холмами, с горными кряжами и оврагами; страны более пригодной для разведения растений и всего того, что производят Европа и Индия».

В описании путешествия, однако, умалчивается о том, какие события вскоре последовали на идиллических берегах реки Иордан. Нам известно только, что восставший экипаж сделал Кироса своим пленником и, не дожидаясь корабля Торреса, посланного на разведку, направился в Перу, куда и прибыл 3 октября 1606 года, после девятимесячного плавания.*

Эдуард Шартон, ничего не говоря о возмущении экипажа, обвиняет командира второго корабля Луиса Ваэса де Торреса в том, что он, будто бы, умышленно покинул своего начальника при отплытии с острова Эспириту-Санто. Между тем из письма самого Торреса к королю Испании мы узнаем, что он, напрасно прождав Кироса пятнадцать дней на острове Эспириту-Санто, 26 июня снялся с якоря, чтобы самостоятельно продолжить исследование открытого «материка».

Убедившись в том, что «Австралия Духа Святого» вовсе не материк, а остров, Торрес повернул на северо-запад и под $11\frac{1}{2}^{\circ}$ южной широты увидел берег «большой земли». Вот как он описывает свое открытие:

* По другой версии, Кирос вероломно покинул своих спутников, чтобы поскорее попасть в Мексику, а оттуда в Испанию и закрепить за собой права и привилегии, связанные с открытием Южного материка.

«Здесь я уперся в оконечность Новой Гвинеи, побережье которой тянется с востока на запад. Эта земля населена смуглыми и нагими индейцами, носящими набедренные повязки из листьев. Их вооружение состоит из дротиков, тяжелых палиц и щитов, украшенных красивыми перьями... Вдоль этой большой земли расположено много обитаемых островов. По всему берегу встречаются удобные гавани, широкие реки, плодородные равнины. За этими островами тянутся рифы и отмели, так что сами острова находятся между этими опасными для кораблей местами и твердой землей. Однако посредине все же можно найти узкий проход. Мы взяли во владение все эти гавани именем вашего величества... Пройдя триста лиг вдоль побережья, мы увидели, что широга, под которой мы находились, уменьшилась на два с половиной градуса, так что мы очутились на девятом градусе. Дальше продвинуться мы не могли из-за многочисленных мелей и сильного течения, что заставило нас отойти от берега и повернуть на юго-запад. Там были большие острова, а на юге виднелся целый ряд других. Жители этих островов черны как смоль, отличаются большой силой и ходят совсем нагие. Оружием им служат длинные и крепкие копья, стрелы с каменными наконечниками и грубо сработанные палицы».

На основании этого отчета географы пришли к единодушному заключению, что Торрес прошел вдоль побережья настоящей Австралии через пролив, отделяющий австралийский полуостров Йорк от южного берега Новой Гвинеи. Этот бурный и опасный пролив в конце XVIII века был справедливо назван Торресовым проливом.

Таким образом, Торрес открыл южный берег Новой Гвинеи и северную оконечность Австралийского материка. В 1607 году он написал подробный отчет о своем плавании, который испанские власти, в надежде на лучшие времена, держали под строгим секретом. В 1762 году, когда англичане во время семилетней войны заняли Манилу и овладели государственным архивом, отчет Торреса попал в Англию и спустя несколько лет привлек внимание географа Александра Далримпла, который и предал его гласности.

Нам остается теперь сказать несколько слов о путешественниках XVII века, способствовавших более подробному и точному ознакомлению современников со странами малоизвестными или вовсе не исследованными.

Одним из таких путешественников был купец Франсуа Пирар из Лавала. В 1601 году он отправился из французского порта Сен-Мало по торговым делам в Индию и потерпел крушение в Индийском океане, у Мальдивских островов. Этот архипелаг

состоит не менее чем из двадцати тысяч коралловых островков (атоллов), вытянутых в меридиональном направлении от мыса Коморин (южная оконечность Индостана) до экватора.

Впоследствии Пирар рассказал в своих воспоминаниях, как он спасся при кораблекрушении и провел семь долгих лет на Мальдивских островах, хорошо изучив за это время местный язык, нравы и обычаи жителей. Записки Пирара, полные занимательных подробностей, до сих пор не утратили своего интереса, так как путешественники очень редко посещают этот архипелаг из-за его нездорового климата и изолированного положения.

В 1607 году бенгальский раджа послал на Мальдивские острова несколько кораблей, чтобы захватить пушки, оставшиеся там после гибели португальской эскадры. Несмотря на свободу, которой наслаждался Пирар, обзаведшийся на острове собственным хозяйством, он тосковал по родине и не преминул воспользоваться первой представившейся возможностью покинуть архипелаг. Вместе с ним были три его товарища, так же, как и он, случайно уцелевшие из всего экипажа. Но одиссея Пирара на этом не кончилась. Сперва его перевезли на остров Цейлон, потом переправили в Бенгалию, а оттуда он бежал в Кочин, где был заподозрен португальцами в шпионаже и заключен в тюрьму. В тюрьме он заболел и в 1608 году был перевезен в тюремную больницу в Гоа. Вырвавшись на свободу, он совершил два путешествия в страны Востока, побывал на Цейлоне, в Малакке, на островах Тернате, Диу, Банда и т. д. Потом Пирар снова был брошен в тюрьму и только в 1611 году вернулся в свой родной город Лаваль. После стольких передраг этот злополучный путешественник, без сомнения, нуждался в покое, и судя по тому, что история умалчивает о конце его жизни, можно предположить, что остаток своих дней он провел без всяких приключений.

Если французский буржуа Франсуа Пирар попал в водоворот чуть было не погубивших его случайностей из-за страсти к быстрому обогащению, то итальянского дворянина Пьетро делла Валье увлекли в не менее пестрые приключения обстоятельства романтического характера. Происходя из древнего знатного рода, он служил солдатом в папских войсках, а затем преследовал корсаров¹⁶⁸ на море. Когда он вернулся в Рим, сердце его ветреной возлюбленной было уже занято другим, более удачливым соперником. Кавалер делла Валье решил, что только путешествие «к гробу господню» исцелит его от этой несчастной любви.

В 1614 году он выезжает из Венеции, проводит тринадцать месяцев в Константинополе, добирается по морю до Александрии, попадает в Каир, присоединяется там к каравану, который и приводит его, наконец, в Иерусалим. По дороге делла Валье, по-видимому, почувствовал вкус к путешествиям, так как после Иеруса-

лима он посетил последовательно Дамаск, Халеб, Багдад и дошел до развалин Вавилона. Надо полагать, что делла Валле достиг поставленной цели, ибо после возвращения из долгих странствий он влюбился в молодую красавицу и вскоре отпраздновал свадьбу.

Казалось бы, счастливый брак должен был охладить его страсть к путешествиям. Но ничуть не бывало! В 1616 году он отправляется в Персию, сопровождает шаха в его походе против турок, а затем в течение четырех лет объезжает одну за другой все иранские провинции. В 1621 году, во время очередного путешествия, скончалась его жена, но это печальное событие не могло отклонить делла Валле от намеченного маршрута. Набальзамировав тело своей злополучной супруги, он четыре года подряд возил за собой ее гроб, проехав с ним по всем портам западного побережья Индии, через Персидский залив, Басру, Халеб, Кипр, Мальту и Сицилию, пока в 1626 году не отдал, наконец, в Риме погребальные почести безвременно усопшей.

Страны, в которых побывал по своей прихоти этот оригинальный человек, описаны им веселым, легким и непринужденным языком. Пьетро делла Валле — первый из плеяды путешественников-туристов, пускавшихся в странствия главным образом из чистого любопытства. Туристы буквально наводнили географическую литературу толстыми томами своих записок, из которых ученые могут извлечь лишь крупницы полезных сведений.

Одним из таких ненасытных путешественников-любителей был Жан Батист Тавернье. Двадцати двух лет от роду он объехал Францию, Англию, Нидерланды, Германию, Швейцарию, Польшу, Венгрию и Италию. Затем, когда Европа уже не давала больше пищи его любопытству, Тавернье пробыл целый год в Константинополе (Стамбуле), а оттуда отправился в Персию, где скупал ковры, ювелирные изделия и всевозможные безделушки, которые затем с большим барышом перепродавал у себя на родине, во Франции. Это и побудило его заняться торговлей восточными товарами.

В промежутке между 1638 и 1663 годами он проделал еще четыре путешествия, объехав за это время Персию, Монголию, Индию и Зондские острова. Ослепленный огромным состоянием, добытым торговлей, Тавернье начал жить на широкую ногу и скоро оказался накануне краха. Чтобы предотвратить полное разорение, он послал на Восток с большой партией товаров своего племянника, который, однако, не постеснялся присвоить вырученные деньги.

После этого бедняге Тавернье ничего не оставалось, как застесняться за воспоминания о своих путешествиях. Его записки содержат интересные подробности о нравах и обычаях жителей Востока,

Мраморное море и пролив Дарданеллы. Снимок со старинной карты.

разнообразные сведения о восточных товарах и торговых путях. Книга Тавернье способствовала ознакомлению европейцев с этими странами и разрушению многих легенд, укоренившихся в умах еще со времен Марко Поло.

Следует заметить, что в годы царствования Людовика XIV все французские путешественники — купцы и туристы — неизменно направлялись именно в страны Востока. Африка почти совсем не посещалась, а Америка, если еще и продолжала служить целям исследования, то без всякого содействия со стороны правительства.

Одновременно с Тавернье совершал свои далекие путешествия и знаменитый археолог Жан де Тевено. Сначала изъездив вдоль и поперек государства Европы, он предпринял затем обширную поездку по странам восточного Средиземноморья. Его маршрут пролегал через Мальту, Константинополь, Египет, Тунис и Италию. Он привез с собой в 1661 году коллекцию монет, надгробные надписи и другие памятники древней культуры. В 1664 году Тевено отправился в Персию и прожил несколько месяцев в Исфахане, а затем посетил Басру, а также Турад и другие города Индии. Но силы его уже были подорваны, и он умер в Армении в 1667 году. Сочинения Тевено в свое время пользовались популярностью и способствовали прогрессу географических знаний.

Говоря о французских путешественниках-любителях, мы должны упомянуть еще Франсуа Бернье, который был одновременно известным философом и медиком. Человек веселого нрава и независимых суждений, он был постоянным посетителем кружка литераторов-вольнодумцев, куда входили Лафонтен, Шапель, Сент-Эвремон, госпожа де ла Саблиер — люди, не желавшие примириться с гнетущей чопорностью и невыносимой торжественностью двора Людовика XIV. Страсть к путешествиям заставила Бернье объехать Сирию, Палестину и Египет. В 1658 году он достиг Индии, где провел около девяти лет и только в 1667 году вернулся через Персию обратно во Францию. За годы пребывания в Индии Бернье не только хорошо изучил страну, но и познакомился с географическими представлениями индусов. География обязана ему подробными описаниями Агры, Дели и Кашмира.

Теперь мы должны рассказать о французском негодянте Жане Шардене. Сын богатого парижского ювелира, он решил последовать примеру Тавернье и также заняться торговлей бриллиантами. Больше всего европейских купцов привлекали Персия и Индия — страны, чьи баснословные богатства вошли в пословицу. В то время достигла своего наивысшего могущества империя Великих Моголов. Не только строились новые города,

Жан Шарден. Со старинной гравюры.

дворцы и мечети, но и процветали искусства и ремесла; среди них видное место занимало производство ювелирных изделий, которыми особенно славилась страна Востока.

И вот Шарден в 1665 году устремляется в Персию, а оттуда в Индию. На следующий год он возвращается в Исфахан и, желая вести свои торговые дела без посредников, отдается изучению персидского языка. Затем он входит в доверие к шаху; это дает ему возможность собрать о персидском государстве и его населении массу интересных сведений, которые на долгие годы сделали его книгу незаменимым справочником для путешественников. Путеводитель Шардена по Персии тем более ценен, что он пригласил из Константинополя искусного художника по имени Грело, украсившего книгу видами городов, изображениями памятников, костюмов, бытовых сцен, различных церемоний и всего того, что дает наглядное представление о «повседневной жизни целого народа».

В 1670 году Шарден вернулся во Францию. Возобновившиеся преследования протестантов (а Шарден был гугенотом и не хотел отказываться от своих религиозных убеждений) заставили его покинуть свое отечество и опять отправиться на Восток. Свобода совести в те времена в Персии уважалась больше, чем во Франции.

Шарден выбрал для своего второго путешествия другую дорогу. Он проехал через Смирну (Измир) в Константинополь (Стамбул), а оттуда по Черному морю до Крыма. Прибыв затем на Кавказ, он не упустил случая познакомиться с жизнью абхазцев и черкесов. В Мингрелии у него украли часть драгоценностей и товаров, вывезенных из Франции, а сам он только случайно спасся от смерти, чтобы вскоре попасть в руки к туркам, которые взяли с него богатый выкуп, порядочно его пообчистив. После всех этих неприятностей 17 декабря 1672 года Шарден приехал в Тифлис (Тбилиси). Так как Грузия находилась тогда в вассальной зависимости от персидского шаха, то Шардену легко удалось достигнуть Эривани (Ереван), Тавриза (Тебриз) и, наконец, Исфахана.

После четырехлетнего пребывания в Персии Шарден совершил последнее путешествие в Индию и, составив большое состояние, возвратился в Европу. Из-за его протестантского вероисповедания путь во Францию был для него закрыт, и Шарден поселился в Англии, где и составил полное описание своих путешествий.

Записки Шардена, изданные в 1711 году, были первым трудом, познакомившим европейцев с Персией. Книга Шардена настолько богата фактами, что на протяжении всего XVIII века оставалась главным источником сведений об этой стране. Правда,

после Шардена Персию посетил еще художник Лебрен, также написавший книгу о своем путешествии. Но ценность этой книги заключается главным образом в рисунках, исполненных изящно и точно, тогда как в самом тексте, по сравнению с Шарденом, мы не находим ничего нового.

В заключение нам остается еще сообщить о путешествиях вестфальского (немецкого) натуралиста Энгельберта Кемпфера, которого можно считать скорее шведом, чем немцем, благодаря его длительному пребыванию в скандинавских странах. Ради возможности совершить далекое путешествие он отказался от

Японский воин. Со старинного рисунка.

блестящей карьеры и поступил секретарем к шведскому послу, отправлявшемуся в 1683 году в Москву. Таким образом Кемпферу удалось осмотреть главные города России. Затем он достиг Персии и, проведя довольно много времени в Исфахане, поступил на службу к голландцам в Ост-Индскую компанию. В течение нескольких лет Кемпфер путешествовал с научными целями по странам Азии. Он объехал всю Аравию, Малабарский берег, Цейлон, Яву, Суматру и Сиам. Потом он прожил свыше двух лет в Японии. В 1693 году Кемпфер вернулся в Европу и занялся приве-

дением в порядок собранных коллекций и подготовкой к изданию своих записок. Умер он в 1716 году.

Медик по образованию и страстный натуралист, Кемпфер был одним из первых путешественников-исследователей. Он собирал, описывал, зарисовывал все встречавшиеся ему растения, чаще всего совершенно неизвестные в Европе; он дал много ценных сведений об их лекарственных свойствах и промышленном значении, составил огромный гербарий, хранящийся ныне вместе с его рукописями в Британском музее в Лондоне.

Самым значительным вкладом Кемпфера в географическую науку был его двухтомный труд «История Японии и Сиама», изданный первоначально по-английски в 1727 году и переведенный в 1729 году на французский язык. Долгое время книга Кемпфера была единственным источником сведений о японцах, несмотря на то, что многие факты в ней недостоверны и взяты из вторых рук.

Если путешественники, о которых мы сейчас говорили, и не открыли никаких новых стран, то все же за каждым из них нельзя не признать известной заслуги. Они познакомили соотечественников с далекими странами Востока, о которых долгое время распространялось в Европе много нелепых слухов и басен. Записки этих путешественников открыли перед европейцами новый мир, казавшийся до этого необъяснимой загадкой.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

МОРСКОЙ РАЗБОЙ. ПОЛЯРНЫЕ ЭКСПЕДИЦИИ XVII ВЕКА И КОЛОНИЗАЦИЯ АМЕРИКИ

i

Уильям Дампир и его географические открытия

Знаменитого пирата У и л ь я м а Д а м п и р а, совершившего три кругосветных плавания, современники называли «королем морей». Конечно, если бы он был только флибустьером (пиратом), его имя не фигурировало бы на страницах нашей книги, но этот пират был в то же время выдающимся мореплавателем, сделавшим много географических открытий.

Уильям Дампир родился в 1652 году в Ист-Токер (графство Сомерсет в Англии). После смерти родителей с раннего детства он был предоставлен самому себе. Не питая особой склонности к учению, он больше любил бегать по лесам и полям и играть со своими сверстниками в разбойников, чем сидеть на школьной скамье.

При первой возможности Дампир поступил юнгой на торговый корабль. Совершив плавания на остров Ньюфаундленд и в Ост-Индию, он перешел затем служить на военный флот. В одном из сражений Дампир был ранен и вернулся для излечения в Англию. По выходе из военного госпиталя он уехал на Ямайку в качестве управляющего плантацией. Уже через полгода он убедился, что роль плантатора ему не по душе, и, бросив своих негров, поселился на берегу залива Кампече, где в продолжении трех лет занимался сбором красивого дерева.

Затем Дампир опять появляется в Лондоне. Но законы и официальные установления стесняют свободу этого человека «без предрассудков». Через некоторое время он снова высаживается на Ямайке и заводит дружбу с пиратами, чьи набеги причиняли столько зла испанцам.

Эти авантюристы — французы и англичане — грабили и разоряли испанские колонии не только в Мексиканском заливе, но и по ту сторону Панамского перешейка — на берегах Тихого океана, от Калифорнии до Магелланова пролива. Морские разбойники нагоняли на испанцев такой страх, что казались им какими-то фантастическими чудовищами, вырвавшимися из бездны ада.

К одной из таких пиратских шаяк, во главе которой стояли Гэррис, Саукинс и Шейс, и присоединился Дампир. В 1680 году мы встречаем его в Дарьене. Он грабит город Санта-Марию, безуспешно пытается завладеть Панамой и вместе со своими товарищами на утлых пирогах, украденных у индейцев, нападает на восемь хорошо вооруженных кораблей, стоящих на рейде недалеко от города. Эта дерзкая операция кончилась неудачно: пираты понесли в сражении большие потери и, поделив скудную добычу, разошлись в разные стороны. Одни вернулись в Мексиканский залив, другие, и вместе с ними Дампир, найдя пристанище на одном из островов Хуан-Фернандес, вскоре произвели дерзкое нападение на чилийский порт Арику. Но и на этот раз им не повезло, и шайка окончательно распалась. Дампир с несколькими приверженцами счел за лучшее отправиться в Виргинию, где надеялся набрать новых добровольцев. Там он встретил известного флибустьера, капитана Джона Кука,* который как раз в это время снаряжал корабль, чтобы проникнуть в Тихий океан через Магелланов пролив. Дампир принял участие в этой экспедиции. Сперва англичане взяли курс к берегам Западной Африки — к островам Зеленого Мыса и Сьерра-Леоне — то есть поплыли обычным путем, какого придерживались суда, отправлявшиеся в Южную Америку.

Дампир, заносивший в свой дневник все интересные факты, заметил, что под 36° южной широты море побелело, или, вернее, побледнело, и никак не мог понять причины этого явления. Но если бы он мог воспользоваться микроскопом, то без труда разгадал бы эту загадку: цвет моря иногда меняется под влиянием бесчисленного множества микроскопических организмов, кишящих на поверхности воды.

Без всяких приключений флибустьеры миновали Себольтинские (Фолклендские) острова, прошли через пролив Ле-Мер и 6 февраля 1684 года обогнули мыс Горн. Затем, счастливо избежав бури, обычно застигающей суда при вступлении в Тихий океан, капитан Джон Кук добрался до островов Хуан-Фернандес, надеясь там запастись продовольствием.

Дампир задает себе вопрос: найдут ли они индейца из Ника-

* Не смешивать с английским мореплавателем XVIII века капитаном Джемсом Куком.

«Дампир, пожалуй, из вас получилось бы плохое кушанье».

рагуа, оставленного на этих островах в 1680 году капитаном Шарпом? «Этот индеец в полном одиночестве прожил на острове более трех лет. Когда английский капитан дал сигнал к отплытию, он охотился в лесу за козами и его хватились уже в открытом море. Он остался один на острове, ничего не имея, кроме ружья, ножа, рожка с порохом и нескольких зарядов дробы. Издержав порох и дробь, он ухитрился распилить своим ножом ружейный ствол на несколько кусков и сделать из них наконечники для копья и остроги, рыболовные крючки и гарпун. С помощью этих орудий он добывал себе все, что только можно было добыть на острове, то есть коз и рыбу. На расстоянии полумили от берега он построил маленький шалаш и покрыл его козьими шкурами. Одежду ему также заменяла козья шкура, обернутая вокруг пояса».

Как мы увидим дальше, кроме этого индейца, на островах Хуан-Фернандес очутился еще один невольный отшельник, история которого получила большую известность и навела Даниэля Дефо на мысль написать роман о приключениях Робинзона Крузо на необитаемом острове.

Мы не будем рассказывать о всех экспедициях, в которых принимал участие Дампир. Скажем только, что в 1686 году он посетил острова Галапагос. Так как эта кампания для английских пиратов была неудачной, то капитан Сван, на корабле которого в то время служил Дампир, отправился в Ост-Индию, где испанцы, не ожидавшие появления флибустьеров, могли быть застигнуты врасплох. Самое меньшее, на что надеялись английские пираты, это захватить где-нибудь у Манилы испанский галион. Но в пути у них вышли все припасы. Изголодавшиеся матросы не в шутку угрожали, что, если капитан не сможет добыть продовольствие, то поочередно будут съедены все, кто настаивал на этом злосчастном плавании к Филиппинам. После капитана вторым на очереди был Дампир. По этому поводу он шуточно замечает в своих записках: «Когда мы пристали к одному из островов и погрузили продукты, капитан Сван обнял меня и сказал: «Дампир, пожалуй, из вас получилось бы плохое кушанье». И он был прав, ибо я был настолько же тощ и изнурен, насколько он жирен и дороден».

Это плавание сопровождалось всевозможными приключениями. Отдохнув и набравшись сил, англичане принялись за пиратские набеги. Дампир и капитан Сван своими внезапными налетами наводили панику на жителей Минданао, Манилы, Молуккских островов и даже южно-китайского побережья.

Дампир высаживался и на северном берегу Австралии, который поразил его своей бесплодностью и дикостью. «Еще нельзя сказать, — писал он, — остров это или целый континент; но в од-

ном я уверен: он не соприкасается ни с Азией, ни с Африкой, ни с Америкой».

На Никобарских островах заболевший Дампир расстался со своими товарищами и в туземном каноэ еле живой добрался до Суматры, где и нашел убежище. Оправившись от болезни, он объехал весь южный берег Азии, побывал в Малакке, Тонкине, Мадрасе и Бенкулене. Здесь он нанялся артиллеристом на английское военное судно и, прослужив пять месяцев, дезертировал и прибыл в Лондон. Рассказы о его удивительных приключениях привлекли к нему внимание в светских кругах, и он был представлен лорду Адмиралтейства, графу Оксфордскому.

Вскоре Дампир получил в командование военный корабль «Робак» и 14 января 1699 года отправился на нем через Магелланов пролив исследовать Южный материк (Австралию) и прилегающие к нему земли. Кроме того, Дампиру было поручено высаживаться на неизвестных архипелагах в Тихом океане.

10 марта он пересек экватор и направился в Бразилию, но встречные ветры помешали ему достичь берегов Патагонии. Тогда он изменил намеченный маршрут и пошел к мысу Доброй Надежды, а оттуда, держась юго-восточного направления, к западным берегам «Новой Голландии», как называли тогда Австралию. Этот продолжительный переход через Индийский океан завершился 6 августа благополучной высадкой в бухте Морских собак (близ залива Шарк).

Дампир, попав снова в бесплодную часть Австралии, ничего не нашел, кроме безводной пустыни, лишенной почти всякой растительности. Целый месяц он шел вдоль берега, несколько раз высаживался, но местность была все такой же безотрадной. Во время одной высадки произошла стычка с туземцами. Их молодой предводитель, человек статный и ловкий, поразил англичан своей необычной внешностью. Вокруг глаз у него были проведены белые круги и белая же полоса шла от лба до кончика носа, грудь и руки также были выкрашены в белый цвет. Черная кожа, курчавые волосы, дикий и свирепый взгляд, высокий рост — таковы, по Дампиру, отличительные признаки австралийской расы.

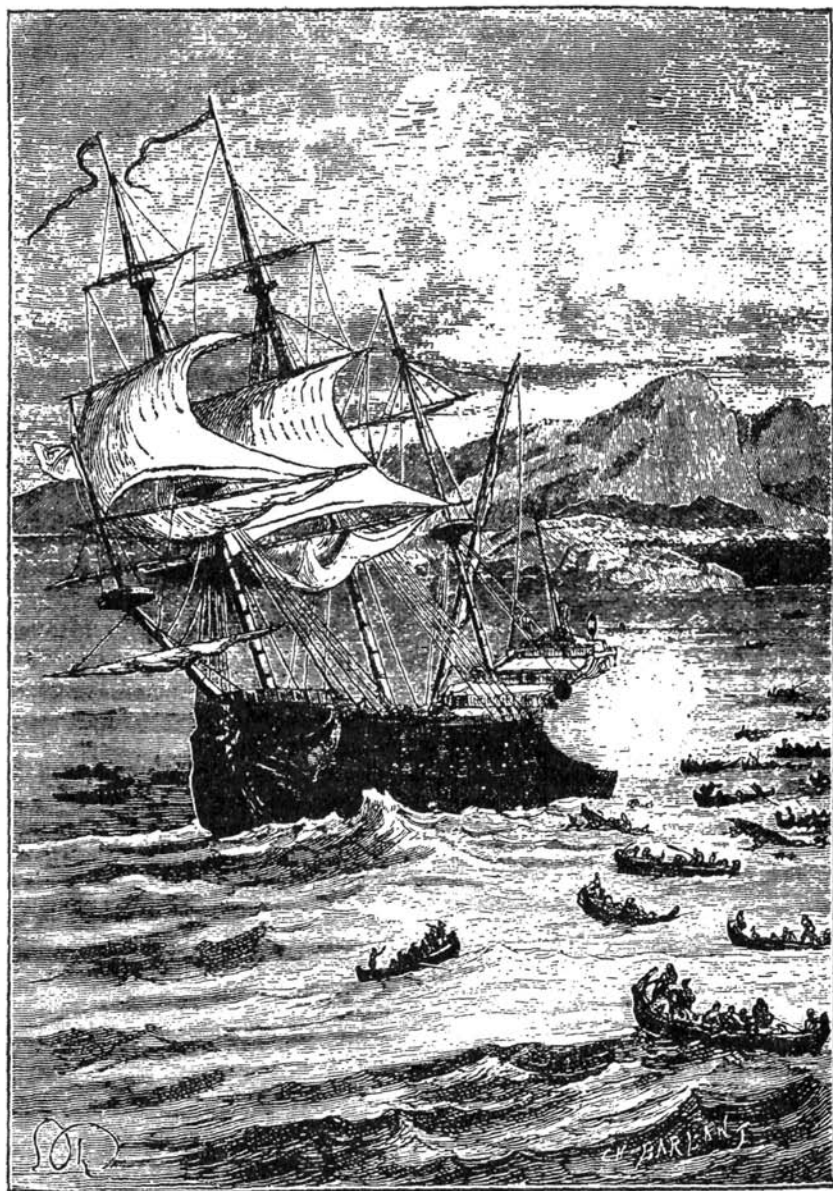
Английский корабль продолжал плыть к северу до залива, получившего название Робак, пока недостаток воды и продовольствия, мели и северо-западные муссоны не заставили Дампира отказаться от дальнейшего исследования австралийского побережья. Пройдя, таким образом, более трехсот миль, он решил направиться к острову Тимор, чтобы дать отдых измученному экипажу. Но эти моря были почти незнакомы англичанам, а карты, полученные в Адмиралтействе, оказались совершенно неудовлетворительными. Поэтому Дампир долго блуждал по морям, прежде чем ему удалось найти остров Тимор. Прибытие ан-

глейского корабля в одну из гаваней, известных только голландцам, вызвало среди них замешательство, но, не желая вступать в конфликт с могущественной державой, они все же оказали Дампиру хороший прием.

После недолгой стоянки, снова пустившись в море, он направился к северному берегу Новой Гвинеи и 4 февраля 1700 года достиг острова Вайгео. Над берегом вились тучи птиц, похожих на обыкновенных голубей, а после захода солнца появились громадные летучие мыши. Больше всего Дампира поразили огромные раковины-гребешки. Некоторые экземпляры весили более двухсот фунтов. Плывая отсюда на восток, Дампир достиг сначала острова короля Вильгельма, а потом островов Схаутена. 24 февраля экипаж стал свидетелем странного зрелища: «две рыбы, с виду напоминавшие макрель, но только желтовато-зеленоватого цвета, сопровождали судно в течение пяти или шести дней. Встретив морскую змею, они пустились за ней в погоню. Большая змея, держа над водой голову, спасалась от них с поразительной быстротой, в то время как обе преследовательницы все время старались схватить ее за хвост. Но когда змея оборачивалась, одна из рыб останавливалась перед нею, а другая тотчас же пристраивалась сзади. Пока их было видно, они гнались за морским чудовищем, ежеминутно готовым к обороне».

25 февраля Дампир стал на якорь у гористого острова длиною около десяти лье, лежащего северо-восточнее архипелага Адмиралтейства; он дал этому острову имя Сент-Маттиас (св. Матвея). Немного дальше он открыл остров, который был назван Бурным из-за страшных ветров, помешавших пристать к берегу. Дампир предполагал, что находится у Новой Гвинеи, но в действительности это была Новая Ирландия. Он хотел было высадиться, но не успел еще спустить шлюпку, как корабль окружили десятки пирога с двумя или тремя сотнями гребцов. В то же время большая толпа островитян собралась на берегу. Понимая, что в таких условиях высаживаться рискованно, Дампир приказал отчалить. Но как только был поднят якорь, туземцы стали забрасывать корабль камнями, которые они очень ловко и на большое расстояние метали с помощью какого-то снаряда вроде пращи. Англичане, со свойственным им чувством юмора, называли это место Бухтой фрондеров.* Впрочем, достаточно было одного пушечного выстрела, чтобы привести туземцев в оцепенение и положить конец враждебным действиям, но Дампир решил покинуть остров без кровопролития.

* Фрондеры — во Франции XVII века — сторонники движения, направленного против укрепления королевской власти. Здесь этому слову придан иронический смысл.

Корабль Дампира в Бухте фрондеров.

К юго-западу от Новой Ирландии оказался другой, еще больший остров, который Дампир назвал Новой Британией. Он прошел через пролив Сент-Джорджес-Чаннел, разделяющий оба острова, и после этого открыл еще несколько мелких островов: Вулкана, Короны, Лонг Рич и другие.

После продолжительной крейсеровки, сопровождавшейся столь важными открытиями, Дампир снова вышел к северному берегу Новой Гвиней и отсюда направился к западу. Вскоре он добрался до острова Церам (Молуккские острова) и после длительной стоянки отправился в обратный путь. Сперва он достиг Борнео, затем прошел Макаassarский пролив и 23 июня высадился в Батавии, на острове Ява, где оставался до 17 октября.

Уже в Атлантическом океане корабль дал такую сильную течь, что с трудом удалось 23 февраля 1701 года дойти до острова Вознесения. Прежде чем корабль затонул, с него успели выгрузить все имущество. К счастью, на острове Вознесения оказался не только источник с пресной водой, но и много черпака, коз и мелкой дичи. С голоду здесь умереть было нельзя, но ожидание проходящего судна могло затянуться на несколько месяцев.

Тем не менее уже 2 апреля к острову Вознесения пристал английский корабль; Дампир со своими спутниками был принят на борт и благополучно вернулся в Англию.

Наш рассказ о Дампире еще не закончен. Мы вновь коснемся его деятельности, когда будем говорить о другом английском мореплавателе, Роджере Вудсе. *

II

Генри Гудзон. — Томас Баттон и капитан Гиббонс. — Уильям Баффин и Роберт Байлот. — Французы в Канаде. — Самюэль де Шамплен и Кавелье де Ла Саль. — Успехи географических знаний к концу XVII века.

Если англичане после неудач Кабота, Фробिशера и Девиса отказались на некоторое время от попыток найти Северо-западный проход из Атлантического в Тихий океан, то это не значило, что они оставили всякую мысль о морском пути из Европы в Китай и Индию мимо берегов Северной Америки, в обход испанских и португальских владений. Мы знаем, что в конце концов этот

* См. во втором томе «Истории великих путешествий».

пресловутый Северо-западный проход был открыт, но открыт лишь в недавнее время,¹⁶⁹ да и то только затем, чтобы обнаружилась его полная практическая непригодность.

В XVII веке англичане сделали еще несколько попыток найти Северо-западный проход. После Девиса важнейшие арктические экспедиции связаны с именем Генри Гудзона (ок. 1550—1611), одного из самых выдающихся мореплавателей того времени.

В самом начале XVII века Гудзон заключил договор с «Московской компанией» лондонских купцов, взяв на себя обязательство отыскать Северо-западный проход. 1 мая 1607 года он покинул Англию на простом барке * «Добрая Надежда» с командой в двенадцать человек.

13 июня он достиг восточного берега Гренландии под 73° северной широты и назвал крайний восточный выступ Гренландского побережья «Остановкой с надеждой» (позже это место было названо Землей Гудзона). Погода стояла хорошая, и температура не опускалась ниже десяти градусов. Отсюда Гудзон взял курс на северо-восток. 2 июля температура резко упала, как это часто бывает в северных странах, но море было свободно и, воспользовавшись безветрием, Гудзон продолжал двигаться вперед. 14 июля судно достигло северной части островов Шпицберген, которые были приняты Гудзоном за Новую Землю. Многочисленные следы белых медведей и песцов, масса водяных птиц и ручейки пресной воды, причем один из ручейков оказался совсем теплым, — все убедило мореплавателей, что жизнь в это время года возможна даже и под такими высокими широтами.

Поднявшись еще севернее, до 80°23' северной широты, куда не заходил еще ни один мореплаватель, Гудзон встретил непроходимую стену льда и вынужден был повернуть обратно. По пути в Англию он открыл небольшой остров, по-видимому Ян-Майен, позднее названный так по имени вторично «открывшего» его голландского капитана.

Так как маршрут, проложенный Гудзоном во время первого плавания, не дал положительных результатов, то было решено попытаться достичь берегов Восточной Азии другой дорогой. 21 апреля следующего года он снова отправился в плавание, вторично достиг Шпицбергена, но, остановленный тяжелыми льдами, вынужден был вернуться в Англию, не разрешив поставленной задачи. «Московская компания английских купцов», снарядившая обе эти экспедиции, отказалась от дальнейших поисков. Это, без сомнения, и побудило Гудзона перейти на службу в Голландию

* Барк — грузовое судно с тремя и более мачтами.

Маршруты экспедиций Гудзона.

В 1609 году амстердамская торговая компания вверила Гудзону командование судном «Хальфмун» («Полумесяц»), предоставив ему свободу выбора между Северо-западным и Северо-восточным путями. Гудзон решил, по примеру Баренца, искать проход в Китай, следуя на восток через Карское море.

25 марта он покинул гавань на острове Тессел и, обогнув мыс Нордкап, пошел к Шпицбергену, а затем к Новой Земле. Команда состояла из голландцев и англичан, плававших до этого только в Ост-Индию. У берегов Новой Земли матросы взбунтовались, устранившись холода и льдов. Гудзон вынужден был уступить, предложив непокорному экипажу на выбор два пути — либо через Девисов пролив, либо вдоль берегов Виргинии, где, по слухам, должен был находиться проход в «Южное море». Само собой разумеется, матросы предпочли второй вариант. И тогда Гудзон, чтобы издержки амстердамской компании не пошли на ветер, направился к Лофотенским и Фарерским островам; спустившись затем до 44° северной широты, он начал поиски пролива у американского побережья.

18 июня он высадился на материке, чтобы заменить фок-

мачту,¹⁷⁰ сломанную во время бури, и, воспользовавшись случаем, удачно выменял у местных жителей большую партию пушнины. Но вскоре торговлю пришлось прекратить, так как недисциплинированные матросы своим вымогательством возбудили негодование туземцев. Желая избежать кровопролития, Гудзон поспешил отчалить.

Он продолжал плыть вдоль американского берега на юг и в начале августа под 40°30' северной широты открыл большую бухту, которую обследовал в лодке более чем на восемьдесят километров вглубь, а затем между двумя островами обнаружил устье великолепной реки и дал ей свое имя. Гудзон поднялся вверх по реке до того места, где ныне находится город Олбани, и вернулся разочарованный, не найдя прохода. Позднее, в 1613 году, в устье реки, открытой Гудзоном, был заложен город Новый Амстердам — впоследствии Нью-Йорк.

Между тем стали подходить к концу съестные припасы, а возобновить их на берегу не было никакой возможности. И тогда команда, в продолжении всей экспедиции навязывавшая капитану свою волю, большинством голосов решила вернуться в Голландию. Несмотря на то, что Гудзон хотел зимовать на Ньюфаундленде, он так и не смог сломить упрямства матросов. 7 декабря, по пути в Голландию, Гудзон, неизвестно по какой причине, высадился в Дортмуте, и здесь он и его экипаж были задержаны, а корабль конфискован английскими властями.

В следующем, 1610 году Гудзон, невзирая на все пережитые невзгоды, опять предложил свои услуги голландской компании; но выставленные ею условия заставили его покинуть Голландию и заключить договор с английской компанией. Последняя предоставила Гудзону пятидесятипятитонный барк «Дисковери» («Открытие»). Впрочем, и английские купцы постарались ограничить свободу действий Гудзона, настояв на том, чтобы он принял в качестве помощника опытного моряка Колберна, которому компания вполне доверяла. Колберн был наделен почти неограниченными полномочиями. Чувствуя себя оскорбленным, Гудзон поспешил избавиться от навязанного ему надсмотрщика, высадив Колберна на берегу Темзы с вежливым письмом, в котором старался оправдать перед компанией свое самоуправство.

В первых числах мая, когда корабль остановился в одном исландском порту, экипаж, сочувствовавший Колберну, взбунтовался, но Гудзону вскоре удалось восстановить свою власть. 1 июня он вышел из Исландии, 15-го достиг южной оконечности Гренландии и еще через несколько дней был уже у пролива Фробешер (приняв, по-видимому, за пролив одну из бухт юго-восточного берега Гренландии). Увидев потом землю, названную Джоном Девисом Десолейшн (Землей запустения), Гудзон

юплыл на северо-запад и углубился в пролив, получивший впоследствии его имя.

Последнюю запись Гудзон сделал в своем дневнике 3 августа:

«После того как наши люди побывали на берегу и записали свои наблюдения, мы поплыли по узкому проходу. Течение действительно шло с севера, и глубина у берега была 30 футов. Мы с выхода из пролива с южной стороны я назвал Вулстен-колом».

Все, что мы знаем об исходе этого путешествия, основано на рассказах взбунтовавшейся команды.

К концу сентября Гудзон прошел вдоль восточной стороны Гудзонова залива до его южного конца, нынешнего залива Джемс, и высадил на берег одного офицера, который не переставал подстрекать матросов к бунту. Но эта мера еще больше возбудила негодование экипажа.

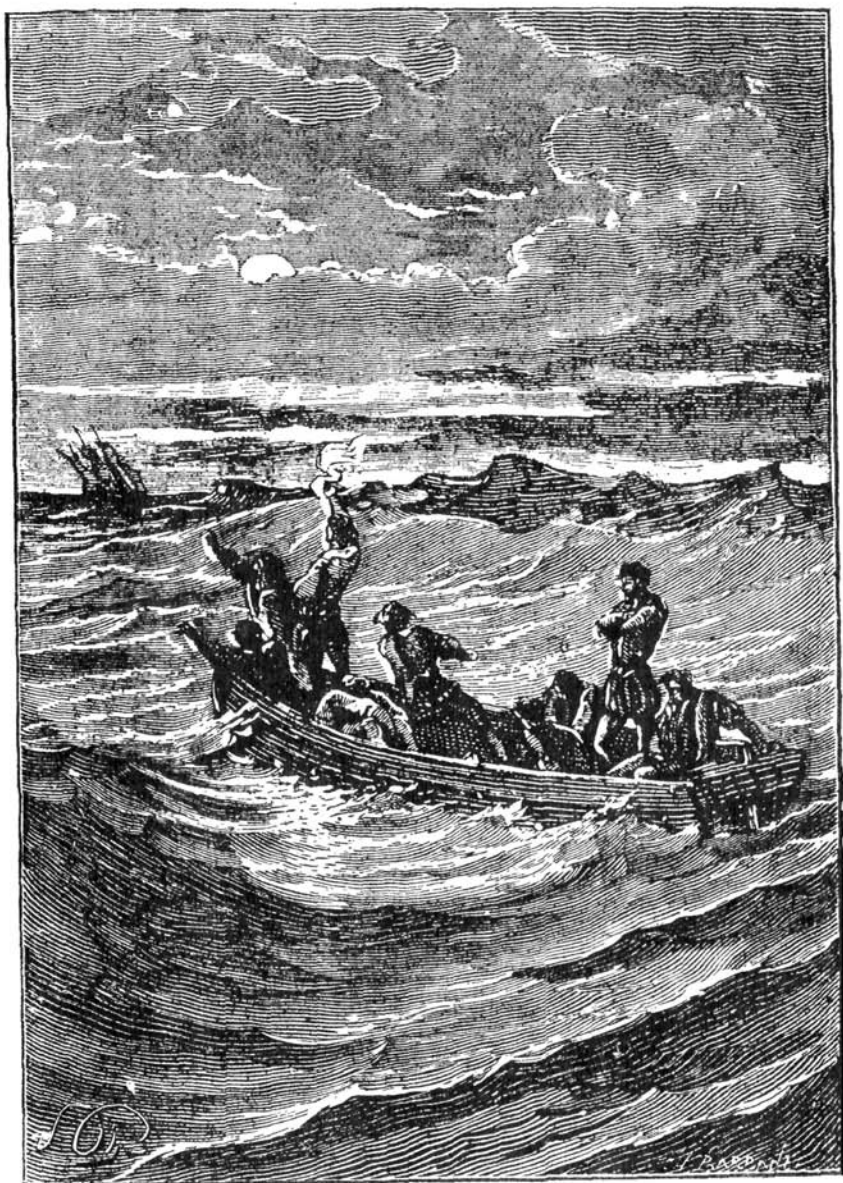
В первых числах ноября, обнаружив, что залив с запада закрыт, Гудзон решил остаться на зимовку и выбрал для этого подходящую бухту. Следует заметить, что поступил он весьма опрометчиво. Продовольствия было взято из Англии всего на полгода и большая часть была уже израсходована. Вместе с тем трудно было надеяться добыть пропитание на этой скудной земле. С другой стороны, отношения Гудзона с экипажем к тому времени настолько обострились, что он не мог рассчитывать ни на дисциплинированность, ни на добрую волю матросов.

Однако, вопреки ожиданиям, англичане провели зиму без особых лишений. Хотя люди и были переведены на крайне скудный рацион, им посчастливилось возместить недостаток пищи удачной охотой на птиц, которые иногда залетали сюда целыми стаями.

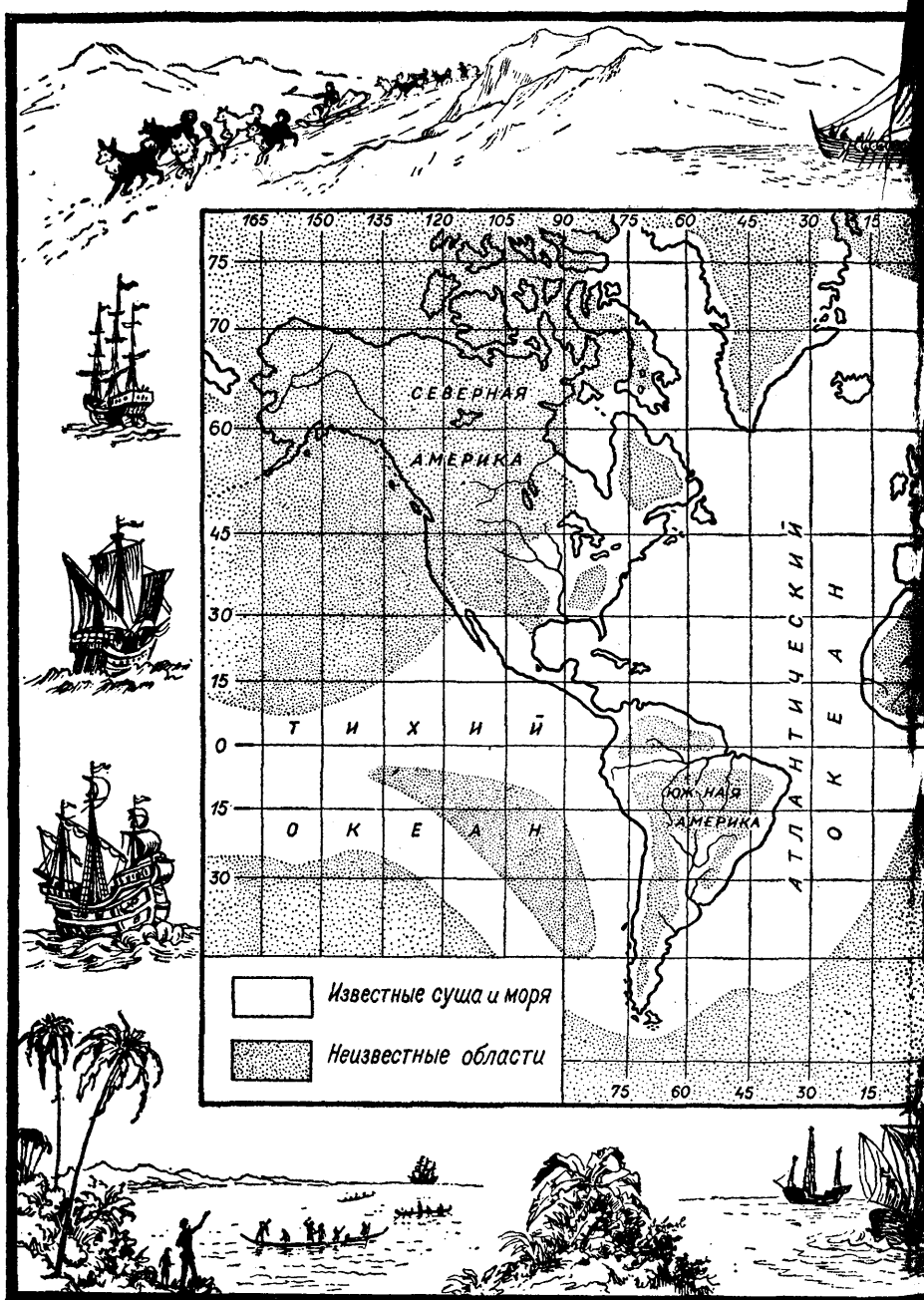
Во второй половине июня 1611 года Гудзон пустился было в обратный путь, но в первую же ночь дорогу кораблю преградили тяжелые льды, и пришлось снова остановиться. Тем временем вспыхнул исподволь подготавливавшийся бунт, душою которого был некто Грин. Сначала бунтовщики потребовали, чтобы капитан выделил каждому матросу порцию его сухарей и заплатил жалование, а потом насильно посадили Гудзона вместе с сыном-подростком и семью преданными ему людьми в лодку и бросили их на произвол судьбы, без всяких припасов и оружия.

На обратном пути двое бунтовщиков были убиты в стычке с индейцами, еще несколько человек погибло от болезней, а остальные с величайшими трудностями, тяжело страдая от голода, добрались до Англии. Никакого преследования против них не было возбуждено.

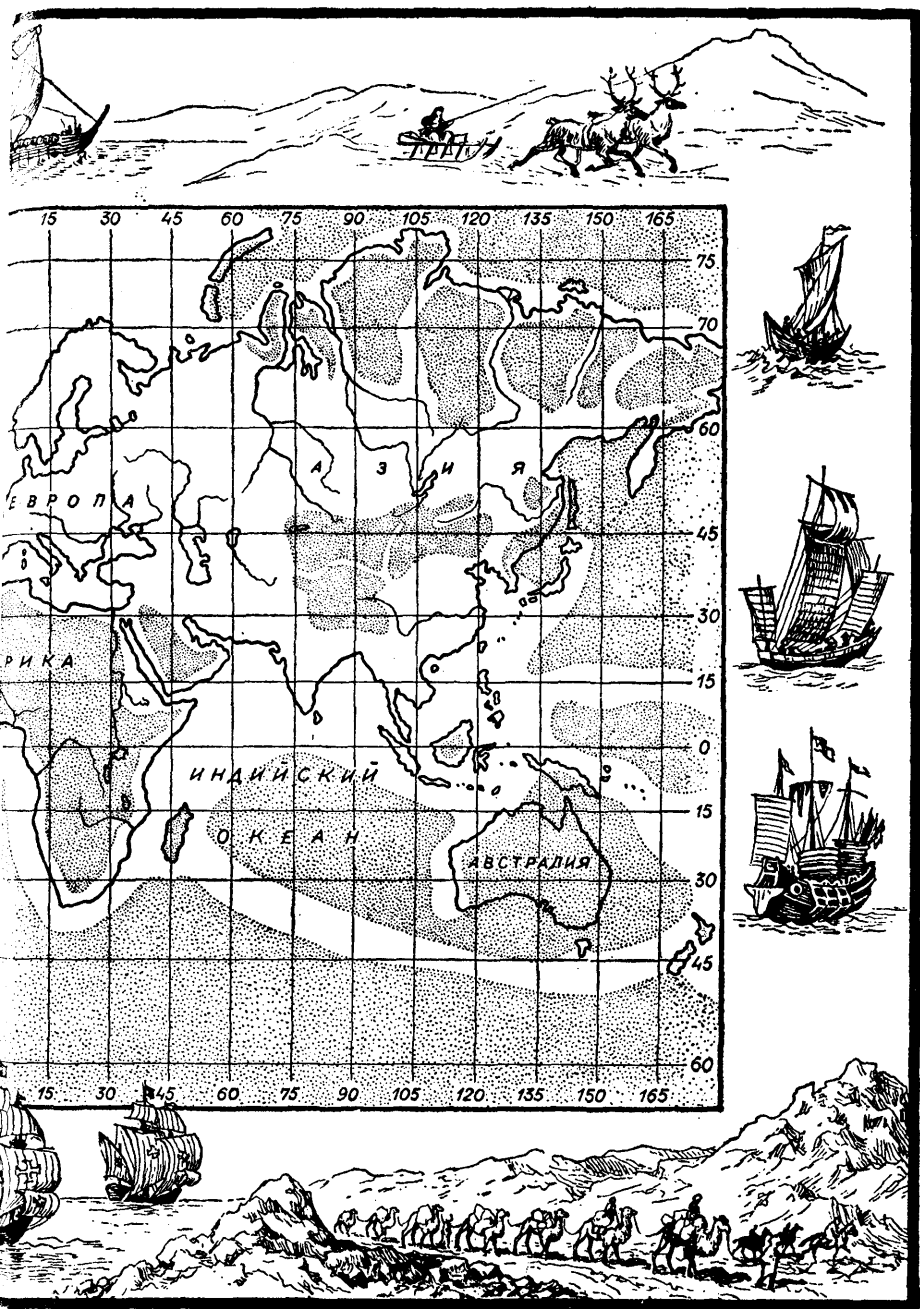
В апреле 1612 года компания лондонских купцов снарядила новую экспедицию для открытия Северо-западного прохода, пору-

Генри Гудзон, покинутый своим экипажем.

Карта областей Земного шара,

известных к концу XVII века.

чив ей одновременно заняться поисками несчастного Гудзона и его спутников, хотя не было почти никакой надежды на то, что они еще живы. Два корабля под командой Томаса Баттона обошли весь Гудзонов залив, после чего англичане окончательно убедились, что его западные берега закрыты и там нет никакого пролива. Поэтому место на западном берегу залива, где высаживался Баттон, было выразительно названо бухтой Обманутой надежды. После трудной зимовки, во время которой умерло много людей, Баттон вернулся в Англию и сообщил компании лондонских купцов, что Северо-западный проход, по его мнению, следует искать к северу от острова Саутгемптон. Положительным результатом этой экспедиции было тщательное исследование западных берегов Гудзонава залива.

Следующую экспедицию возглавил в 1614 году капитан Гиббонс. Его занесло ветром к берегам Лабрадора, и самое большое, что он сумел сделать, это некоторые научные наблюдения над морскими приливами и отливами, колебаниями температуры и другими явлениями природы в этих широтах.

Командовать четвертой экспедицией та же компания лондонских купцов поручила Роберту Байлоту, единственному уцелевшему офицеру из команды Гудзона.

Штурманом был приглашен учнейший из тогдашних моряков Уильям Баффин (1584—1622), слава которого совершенно затмила славу Байлота. Баффин был опытным полярным мореходом. В 1612 году он плавал к западному берегу Гренландии, а в 1613 и 1614 годах — к берегам Шпицбергена.

16 апреля 1615 года экспедиция Байлота и Баффина вышла из устья Темзы на том же самом пятидесятипятитонном барке «Дисковери», на котором Гудзон совершил свое последнее плавание.

6 мая путешественники прошли мимо мыса Фарвель. 30 мая они были уже у входа в Гудзонов пролив близ острова Резольюшен, а в конце июня достигли острова Солсбери. Отсюда они повернули к северо-западу и занялись поисками прохода к северу от острова Саутгемптон. Заметив, что течение идет к северу, Байлот и Баффин настолько уверовали в существование в этих местах Северо-западного прохода, что мыс, встретившийся им 13 июля под $62^{\circ}2'$ северной широты и 85° западной долготы, назвали Утешением. Но надежды мореплавателей вскоре сменились разочарованием. Течение сделало резкий поворот и понесло корабли в противоположном направлении, а вдали все море было покрыто льдами. После этого путешественникам ничего не оставалось, как повернуть назад. 9 сентября они благополучно вернулись в Англию, не потеряв ни одного человека.

Но уверенность в существовании прохода к берегам Азии

была у Баффина и Байлота так велика, что в следующем, 1616, году они снова отправились на северо-запад; на этот раз они решили, однако, искать проход в направлении Девисова пролива. Выйдя 16 марта из устья Темзы, уже 17 мая капитаны были в Девисовом проливе и к концу мая обогнули мыс Хоп-Сандерсон, этот крайний северный пункт, достигнутый некогда Девисом. Сильный встречный ветер вынудил их 2 июня бросить якорь под 77°44' северной широты среди группы островов, которым они дали название Островов женщин, так как встретили здесь несколько привлекательных эскимосок. Через две недели корабль, чтобы избежать столкновения с плавучими льдами, вошел в небольшую бухту. Эскимосы принесли для обмена много моржовых бивней, рогов мускусного быка,¹⁷¹ что и дало основание назвать это место Роговой бухтой.

1 июля под 75°40' северной широты открылось чистое, свободное от льда море. Воспользовавшись этим, Байлот повел судно дальше к северу. На следующий день показался высокий мыс (полуостров Хейс) и через несколько часов — глубокий пролив, которому капитаны присвоили имя Джона Вулстенхолма, знатного покровителя компании Северо-западного пути (Вулстенхолм-фиорд).

Наконец, за 78° путешественники достигли входа в пролив, составляющий продолжение Баффинова залива, и дали этому проливу имя Смит в честь председателя той же самой торговой компании, на средства которой снаряжались полярные экспедиции.

Нагромождение льдов помешало Байлоту и Баффину подняться еще дальше к северу. Открыв 8 июля лежащие у входа в пролив Смит острова Кэри, исследователи повернули на юго-запад. Оказавшись на западном берегу Баффинова залива, они открыли еще пролив Джонс, остров Коберг и пролив Ланкастер, который и является входом в Северо-западный морской пролив. Но именно у входа в этот пролив Байлот и Баффин потеряли последнюю надежду достигнуть поставленной цели и пришли к ошибочному выводу, что в северной части Девисова пролива «нет ни прохода, ни надежды на проход». Среди экипажа распространилась цинга, заставившая положить конец дальнейшим изысканиям. 30 августа Баффин и его спутники вернулись в Англию.

Если эта экспедиция и не увенчалась полным успехом, то все же она дала значительные результаты. Байлот и Баффин нанесли на карту открытые ими моря и земли, лежащие между Гренландией и огромным островом, названным позже Баффиновой землей. Кроме того, они сообщили в своем отчете директору компании, что обследованные ими за Девисовым проливом воды изобилуют рыбой, китами, моржами и тюленями и представляют от-

личное место для промысла. Однако прошло еще немало времени, прежде чем английские рыбаки и промышленники решились заходить в эти высокие широты.

Экспедиция Байлота и Баффина привела также и к определенным отрицательным последствиям. Доверяя авторитету Баффина, утверждавшего, что поиски Северо-западного прохода к северу от Девисова пролива бесполезны, исследователи на протяжении двух следующих столетий оставляли вне поля зрения Баффинов залив, и потому открытие Северо-западного прохода задержалось до середины XIX века.

В XVII столетии были сделаны еще только три попытки открыть Северо-западный проход. В 1619 году датчанин Иенс Мунк достиг устья реки Черчилль, впадающей в Гудзонов залив у 59° северной широты. За время зимовки он потерял почти всех своих спутников и только с двумя матросами вернулся на лодке в Европу. В 1631 и в 1632 годах на поиски Северо-западного прохода отправились один за другим английские мореплаватели Льюк Фокс и Томас Джемс, но их экспедиции в области Гудзонова залива также не увенчались успехом и не дали ничего существенно нового географической науке.

Перенесемся теперь снова в Канаду и посмотрим, что происходило там после того, как Жак Картье попытался основать в устье реки Святого Лаврентия первую французскую колонию. Правительство не оказывало ей никакой поддержки. Итальянские походы Франциска I, а также внутренние неурядицы и религиозные распри во Франции отодвинули колонизаторскую деятельность на второй план. Правда, горстка французов, оставшихся в Канаде, получала некоторые подкрепления из Дьеппа и Сен-Мало, но только в тех редких случаях, когда в устье реки Святого Лаврентия заходили рыболовные суда. Это убогое поселение, влачившее самое жалкое существование, почти не пополнялось новыми эмигрантами из Франции.

Так обстояло дело до тех пор, пока в Канаде не появился французский дворянин Самюэль де Шамплен (1567—1635). В молодости он участвовал в военных походах Генриха IV, плавал в Вест-Индию и путешествовал по Мексике. В 1603 году Эймар де Шаст, получивший от правительства монополию на торговлю мехами, снарядил в Новый свет экспедицию, поручив Шамплена продолжить открытия Жака Картье и выбрать места, удобные для поселений. Мы не будем здесь говорить о том, как Шамплен оправдал возлагавшиеся на него надежды, выступив в роли колонизатора; скажем только о его заслугах на поприще географических открытий.

Сначала Шамплен обследовал берега залива Святого Лаврен-

тия и, поднявшись вверх по реке, остановился в одном из индейских селений. Французы были дружелюбно встречены местными жителями, которые, по словам путешественника, «не имели ни веры, ни закона и жили, как звери, без бога и без религии». Оставив здесь свои корабли, Шамплен поднялся на барке до водопада Сен-Луи, где приходилось уже бывать Жаку Картье, и осмотрел окружающую местность. После этого Шамплен вернулся во Францию и представил королю отчет о своем путешествии.

Генрих IV решил продолжить предприятие. Эймар де Шаст к тому времени успел уже умереть, и его привилегии вместе с титулом вице-адмирала и губернатора Аркадии (так называли Новую Шотландию) были переданы другому предпринимателю де Мону, который и отправил новую экспедицию. На этот раз Шамплен провел в Канаде три года, совмещая колонизаторскую деятельность с географическими исследованиями. Он внимательно осмотрел берега атлантического побережья, высаживался на острове Кейп-Бретон, исследовал залив Фанди, откуда спустился дальше на юг, до залива Кейп-Код. В то же время Шамплен принимал поездки внутрь страны и завязывал отношения с индейцами, стараясь привлечь их на свою сторону. Вместе с восемьюдесятью моряками он построил в юго-западной Аркадии поселок и остался в нем зимовать. О трудностях этой зимовки можно судить по тому, что половина колонистов вымерла от цинги.

После первой поездки во Францию за поселенцами Шамплен в 1608 году вернулся в Канаду и восстановил поселение — на том месте, где находится город Квебек. Следующий год он посвятил плаванию по реке Святого Лаврентия и географическим исследованиям. Воспользовавшись застарелой враждой между индейскими племенами, Шамплен обещал помочь алгонкинам и гурунам в их борьбе с ирокезами. Поэтому алгонкины охотно согласились проводить его по реке Святого Лаврентия до страны ирокезов. Летом 1609 года Шамплен поднялся с индейцами на пироге до озера Сент-Питер, а оттуда прошел по реке Ришелье к большому величественному озеру, названному затем его именем. На берегах озера Шамплен разыгралось сражение с ирокезами, из которого французы и дружественные им гуруны вышли победителями. С тех пор ирокезы всегда выступали против французов, в союзе с их соперниками-англичанами.

В 1610 году Шамплен вместе с алгонкинами и гурунами принял новый поход в страну ирокезов и, применив на этот раз артиллерию, наголову разбил противника. При нападении на одно ирокезское селение он пошел на хитрость, напоминающую тактический прием ахейцев при взятии Трои.¹⁷² Большая фигура деревянного рыцаря была поставлена ночью у самого селения,

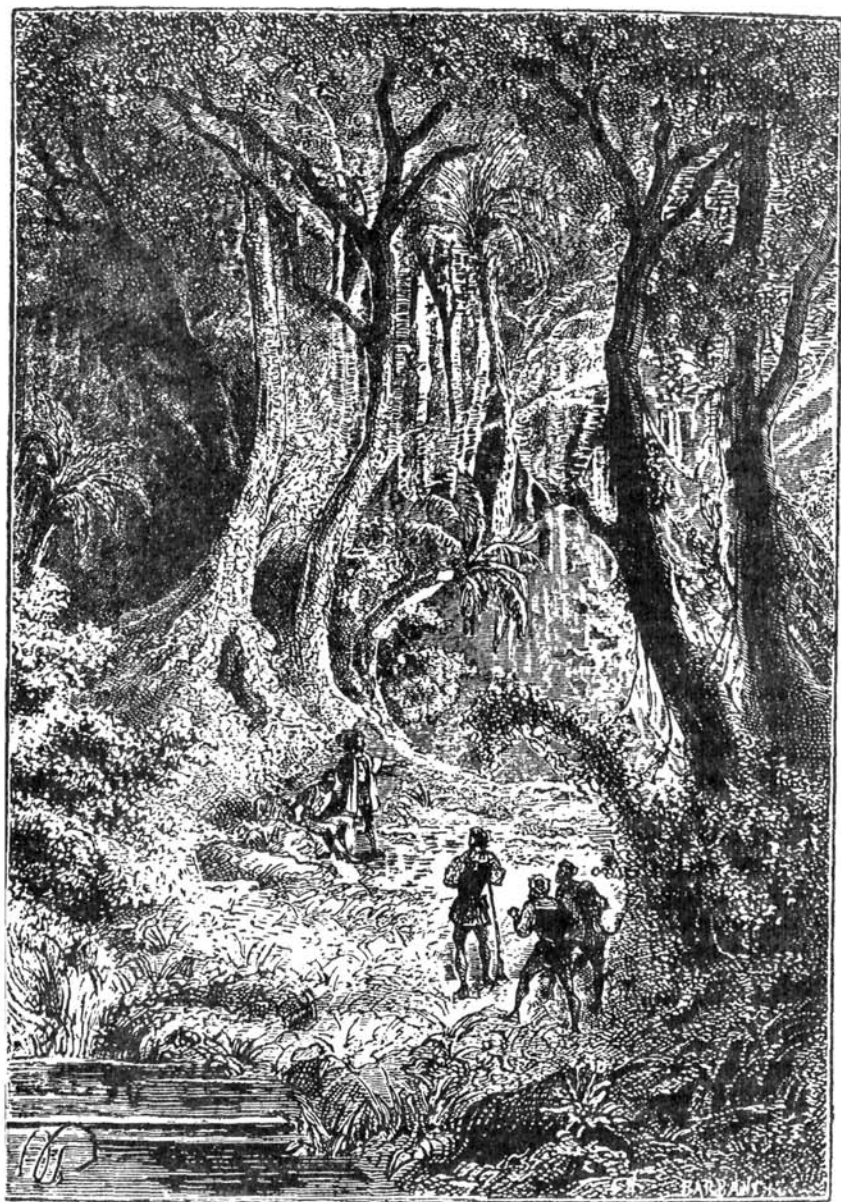
а наутро, когда возле «рыцаря» собралась толпа изумленных ирокезов, спрятанные в ней мушкетеры открыли огонь и нагнали страх на суеверных индейцев. После этого Шамплен и его союзники легко овладели укрепленным селением.

Во время очередной поездки во Францию Шамплен был назначен губернатором быстро разраставшегося Квебека. В 1611 году он основал новое поселение — Монреаль, а затем занялся исследованием областей, лежащих к северо-западу от Монреаля. Он поднялся по реке Оттаве, осмотрел озеро Гурон, добрался по суше до озера Онтарио и объехал его на челне. Эти путешествия, сопровождавшиеся непрерывными столкновениями с ирокезами, отняли несколько лет.

В дальнейшем Шамплен был занят в основном колонизаторской деятельностью. Все его экспедиции, все его исследования имели одну цель — способствовать процветанию Новой Франции, как называли тогда Канаду. Но еще при жизни Шамплена началась ожесточенная борьба французов с англичанами за преобладание в Канаде. В XVIII веке Канада стала английской колонией, но французские поселенцы не раз поднимали восстания, стремясь вернуть американские земли своему отечеству.¹⁷³

После Шамплена выдающимся исследователем различных областей Северной Америки был Рене Робер Кавелье де Ла Саль (ок. 1640—1687). За четыре десятилетия, истекшие после смерти Шамплена, французские колонии укрепились и заняли обширные территории Канады. Бродившие по лесам охотники ежегодно доставляли вместе с пушниной и новые сведения о внутренней части материка. Способствовали этому и путешествия миссионеров, особенно патера Жака Маркета, обследовавшего великие озера, течение реки Миссисипи до впадения в нее реки Арканзас и реку Илинойс. В этой связи следует также упомянуть губернатора Новой Франции, графа Луи Фронтенака и управляющего судебными и полицейскими учреждениями Талона, которые поощряли исследователей и оказывали им содействие.

В конце шестидесятых годов в Канаду приехал без определенной цели молодой человек по имени Кавелье де Ла Саль. «Он родился в Руане, — говорит его биограф Шарльвуа, — в богатой купеческой семье. Несколько лет он воспитывался в школе иезуитов, был человеком образованным и одаренным, честолюбивым, и настойчивым. У него не было недостатка ни в решимости, чтобы отважиться на рискованное предприятие, ни в постоянстве, чтобы довести любое дело до конца, ни в твердости духа, чтобы противостоять препятствиям, ни в средствах, чтобы осуществить свои замыслы. Однако он не сумел снискать любовь и приобрести расположение тех людей, в чьих услугах он больше всего нуж-

Канадский ландшафт.

дался, а достигнув власти, пользовался ею с жестокостью и высокомерием. С такими недостатками он не мог добиться успеха и действительно его не добился».

В своей характеристике почтенный Шарльвуа безусловно сгущает краски, недооценивая сделанное Ла Салем открытие, которое, может быть, не уступает по своему значению открытию Амазонки, сделанному Франсиско де Орельяной в XVI веке, и открытию в XIX веке Генри Муртоном Стэнли реки Конго.

Как бы то ни было, приехав в Канаду, Ла Саль начал посещать индейские селения, прилежно изучать туземные наречия, знакомиться с нравами и обычаями местных жителей. В то же время он старался собрать у охотников как можно больше сведений о реках и озерах. Сообщив графу Фронтенаку план своих будущих исследований, он не только заручился его поддержкой, но и был назначен начальником одного отдаленного форта, построенного при выходе реки Святого Лаврентия из озера Онтарио. Там Ла Саль встретил «лесного разведчика», скупщика пушнины Луи Жолье, который рассказал ему о своем путешествии вместе с патером Маркетом по великим озерам и большой реке Миссисипи, уходящей далеко на юг.

Ла Саль сразу же оценил выгоду, какую можно будет извлечь из такого важного пути, в особенности если, как он предполагал, Миссисипи впадает в Мексиканский залив, и в уме его тотчас же созрел план путешествия от истоков до устья Миссисипи. «В таком случае, — рассуждал Ла Саль, — через великие озера и приток Миссисипи, Илинойс, можно будет установить сообщение между рекою Святого Лаврентия и Антильскими островами. Какую неоценимую пользу извлечет Франция из этого открытия!»

Ла Саль поделился с графом Фронтенаком своим грандиозным замыслом исследования Миссисипи и расширения французских владений до Мексиканского залива и, получив от него рекомендательные письма к морскому министру и другим влиятельным лицам, отправился во Францию, чтобы выхлопотать королевский патент на открытия в Новом свете и монополию торговлю буйволовыми шкурами. Всесильный Кольбер¹⁷⁴ представил Ла Салю королю, который даровал ему дворянство, ввел во владение землями в Новом свете и назначил губернатором тех стран, которые он открывает в будущем.

14 июля 1678 года Ла Саль выехал из Ла-Рошели в Канаду. С ним отправились человек тридцать солдат, рыцарь Анри де Тонти, потерявший руку в одном из сражений, и францисканский монах Луи Аннепен, сопровождавший затем Ла Салю во всех путешествиях. Из Франции были захвачены якоря, паруса и снасти для постройки на озере Эри речного судна.

Пока сооружался корабль, Ла Саль продолжал исследовать окрестные области, изучал быт индейцев и скупал у них меха, устроив большой склад в основанной им крепости на берегу Ниагары. Одновременно скупкой мехов занимался и Анри де Тонти, но только в других районах, а патер Аннепен проповедовал среди индейцев христианскую веру и составил первое из известных нам описаний Ниагарского водопада.

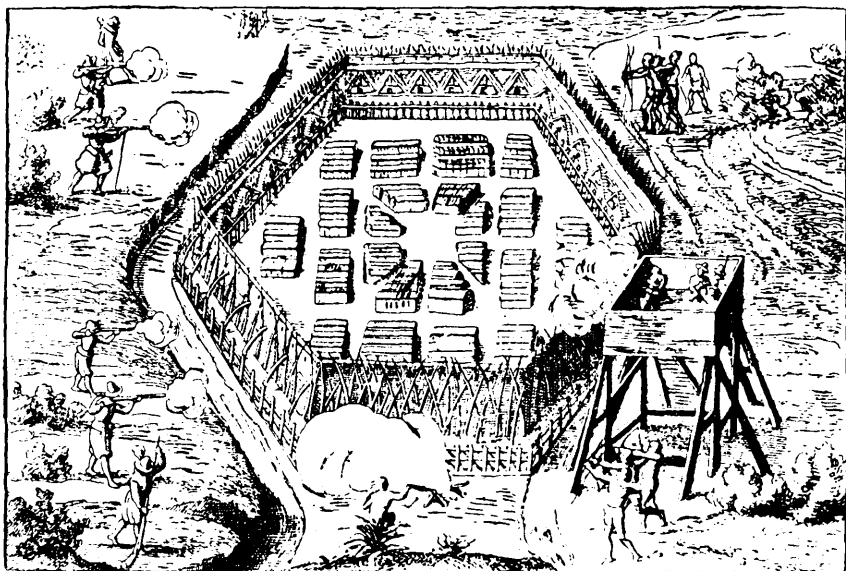
К середине августа 1679 года корабль «Грифон» был готов к отплытию. Ла Саль, присоединив к экипажу еще двух францисканских монахов, отправился из озера Эри в озеро Гурон, а оттуда в озеро Мичиган. По дороге «Грифон» выдержал страшную бурю, заставившую отложить путешествие по Миссисипи. Пока рыцарь Тонти собирал разбежавшийся экипаж, кредиторы распродали в Квебеке имущество Ла Салья, и теперь вся надежда у него была на меха, сложенные в Ниагарской крепости. Однако «Грифон», отправленный туда за пушниной, на обратном пути бесследно исчез; потонул он или был разграблен индейцами — так и не удалось установить. Но, несмотря на все эти неприятности, Ла Саль все же решил приступить к осуществлению своего плана.

Ограничившись пока что исследованием канадской водной системы, он перешел со своим отрядом линию, отделяющую великие озера от бассейна Миссисипи, и достиг Иллинойса. Здесь Ла Саль попал в очень трудное положение, так как на своих людей он не мог положиться, а иллинойские индейцы, бывшие до этого союзниками французов, перешли на сторону ирокезов и не скрывали своих враждебных чувств.

Ла Саль должен был во что бы то ни стало вернуть доверие индейцев. Терять ему уже было нечего, и он отважился на отчаянно смелый шаг. С двадцатью солдатами он неожиданно явился в индейский лагерь, в котором было более трех тысяч воинов, и гордо проехал через все селение. Индейцы, пораженные такой храбростью, сразу же изменили свое отношение к Ла Салю и перестали чинить ему препятствия. Тогда Ла Саль, не теряя времени, построил на берегу озера Пеория форт Кревкер (Огорчение), назвав его так в память о пережитых невзгодах. Форт Кревкер должен был служить базой для дальнейших исследований.

Оставив здесь Тонти во главе небольшого гарнизона, Ла Саль, все еще надеясь на возвращение «Грифона», отправился с тремя индейцами и одним французом в форт Катарокуа, отстоящий от Кревкера на пятьсот лье. В то же время он снарядил в путь патера Аннепена, поручив ему подняться по реке Миссисипи и, если удастся, дойти до ее истоков.

«Оба путешественника, — пишет Шарльвуа, — выехали из

Французы осаждают индейское селение в Канаде. Со старинного рисунка.

форта Кревкер 28 февраля 1680 года и, достигнув Миссисипи, поднялись на пироге вверх по реке до 46° северной широты, пока не были остановлены большим водопадом. Аннепен дал ему имя в честь святого Антония Падуанского (Сен-Антуан). Потом, не знаю каким образом, они попали в руки индейцев из племени сиу, которые долго держали их в плену».

В конце концов Ла Саль прибыл в Катарокуа, где его ждали печальные вести, такие вести, что человек менее закаленный пришел бы в полное отчаяние. Мало того, что сгинул без следа «Грифон» с грузом пушнины на десять тысяч экю,¹⁷⁵ — потерпел крушение корабль, везший Ла Салю из Франции много ценных товаров. А враги тем временем распустили слух, будто его давно уже нет в живых. Единственно, что сумел сделать Ла Саль, — опровергнуть слух о своей мнимой смерти. Никакие дела его больше здесь не задерживали. С огромными трудностями проделав обратный путь в форт Кревкер, он очень удивился, не найдя там ни одного француза.

А случилось вот что. Люди, оставленные в Кревкере, восстали против Тонти, растащили продукты и разбежались. Тонти, оставшись с пятью солдатами среди иллинойских индейцев, возмущенных грабежами французов, вынужден был 11 сентября

1680 года покинуть форт. Направился он к озеру Мичиган, в селение Макинако.

Ла Саль снова занял полуразрушенный форт Кревкер и, доверив его небольшому гарнизону, пошел на поиски Тонти. Ла Саль искал его на восточном берегу Мичигана, а Тонти в это время был на западном. Только в мае 1681 года встретились они в Макинако, в том месте, где теперь стоит Чикаго.

Потеряв свои средства, Ла Саль уже не мог построить другое судно и решил приобрести несколько обыкновенных пирогов. В декабре 1681 года во главе отряда из пятидесяти четырех человек он спустился на саях с привязанными к ним пирогами по Иллинойсу и в феврале следующего года добрался до Миссисипи. Когда закончился ледоход, путешественники поплыли вниз по великой реке, делая время от времени остановки для осмотра берегов и притоков. Ла Саль исследовал устье Миссури, устье Огайо, где построил небольшой форт, проник в Арканзас и объявил его владением Франции, углубился в страну, населенную индейцами начезами, и заключил с ними союз; наконец, 9 апреля, пройдя на пироге триста пятьдесят лье, он достиг Мексиканского залива. Замысел, так долго лелеянный Ла Салем, был выполнен! Все открытые им земли он назвал в честь короля Луи (Людовика) XIV Луизианой и торжественно присоединил к владениям Франции.

Возвращение в Канаду отняло у Ла Салья больше года. В этом нет ничего удивительного, если учесть, что на обратном пути путешественникам приходилось бороться с быстрым течением Миссисипи и страдать от голода. Но несокрушимая энергия и сильная воля Ла Салья превозмогли все трудности.

Между тем в Квебеке его ждали новые огорчения. Вместо отозванного Фронтенака пост губернатора занял Лефевр де ла Барр, который отнесся к Ла Салю с предубеждением и в своем отчете Людовику XIV так оценил его открытие: «Этот путешественник с двумя десятками французских и туземных бродяг действительно достиг Мексиканского залива, где он корчил из себя монарха и творил всякие бесчинства, прикрывая насилия над народами дарованным ему вашим величеством правом вести монопольную торговлю в тех странах, какие ему удастся открыть».

Чтобы оправдаться перед королем и восстановить свою репутацию, Ла Саль поехал во Францию. Он не только доказал несправедливость возведенных на него де ла Барром обвинений, но и сумел заинтересовать морского министра планом исследования устья Миссисипи со стороны моря. Ла Саль предложил построить там крепость и основать колонию. Король, одобрив это предложение, назначил Ла Салья губернатором Луизианы. Под его власть должна была перейти огромная территория от озера

Мичиган до Мексиканского залива, во много раз превосходящая территорию Франции.

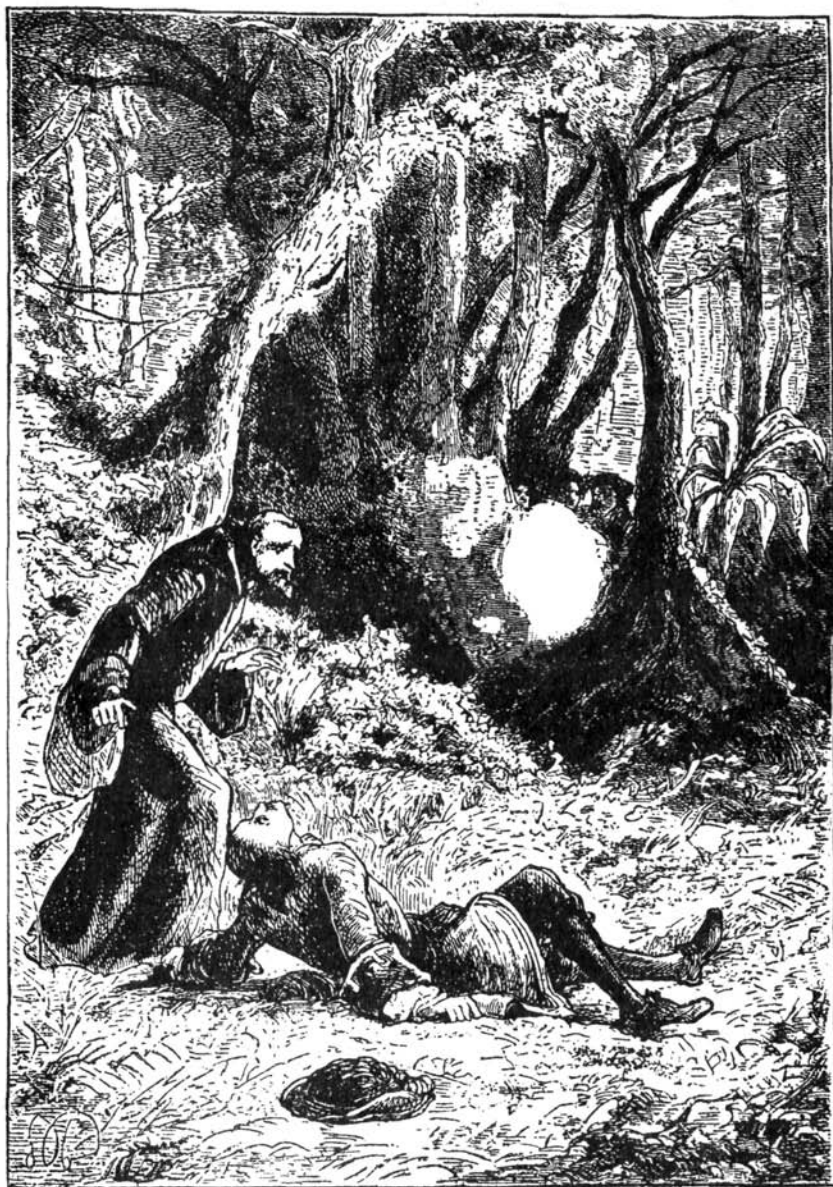
24 июня 1684 года Ла Саль отплыл из порта Ла-Рошель на четырех кораблях с экипажем из четырехсот человек. Командиром флотилии был назначен морской офицер, капитан Божо. Надо сказать, что наспех подобранные солдаты и ремесленники в подавляющем большинстве оказались несведущими в своем деле. Между обоими командирами с самого начала возникли разногласия, которые скоро перешли в непримиримую вражду.

Через пять месяцев флотилия Ла Саль достигла полуострова Флорида и вступила в Мексиканский залив. Следуя в западном направлении вдоль побережья, Ла Саль и Божо прошли, не заметив, дельту Миссисипи и стали спорить, куда плыть дальше — на запад или на восток. Наконец путешественники высадились на берег, раскинули лагерь и отправили в обе стороны отряды на поиски Миссисипи. Но великая река «пропала». Ла Саль никак не мог узнать знакомых ему мест, так как высадился западнее Миссисипи, на побережье Техаса, в бухте Галвестон.

После каждого похода в глубь страны Ла Саль возвращался в лагерь все более мрачный и суровый, и это внушало еще большую тревогу его ожесточившимся спутникам. И в самом деле, положение было отчаянным. Один корабль затонул, второй был захвачен испанцами, а с двумя последними Божо отправился обратно во Францию, покинув на произвол судьбы своих товарищей по несчастью. Чтобы не умереть голодной смертью, колонисты вспахали участок и посеяли хлеб, но проливные дожди погубили весь посев. Вскоре среди французов вспыхнули болезни. Число колонистов стало катастрофически уменьшаться и через несколько месяцев дошло до тридцати человек. И тогда Ла Саль с этой горсткой измученных, голодных людей решил в последний раз попытаться достичь Миссисипи и затем подняться вверх по течению — к индейцам, с которыми он когда-то заключил союз.

12 января 1687 года Ла Саль и его спутники вышли на лодках в море. Во время плавания, когда французы были уже недалеко от населенной страны, матросы и солдаты решили покончить со своим начальником и спустя несколько дней убили его выстрелом из мушкета. Так погиб Рене Робер Кавелье де Ла Саль, отважный путешественник, который с ничтожнейшими средствами совершил великое географическое открытие, впервые исследовав Миссисипи, центральную водную артерию Северной Америки.

В конце XVII века в устье Миссисипи все же была основана французская колония. Но этот поселок служил главным образом складочным пунктом для торговцев мехами и, в конце концов, совсем захирел. В 1718 году в дельте Миссисипи возник город

Убийство Рене Робера Кавелье де Ла Сая.

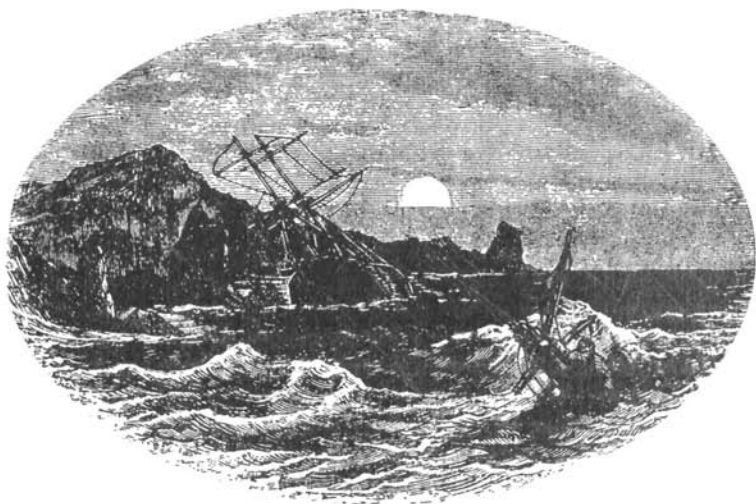
Новый Орлеан, в котором в середине XVIII века насчитывалось всего лишь несколько сот жителей. Французская колонизация этого края связана была с такими непреодолимыми трудностями, что в 1803 году Новый Орлеан вместе со всей Луизианой был продан правительству Соединенных Штатов, и, таким образом, Франция окончательно рассталась со своими владениями, которые были приобретены благодаря энергии Ла Саля.

Гораздо успешнее продвигалась колонизация Северной Америки англичанами. Когда и как были основаны английские колонии, мы уже говорили выше. Притоку английских эмигрантов в Америку немало способствовали религиозные гонения и революционные события 1648 и 1688 годов. Вскоре обширные леса, покрывавшие девственные земли Виргинии, Пенсильвании, Каролины, пали под топором скваттера,¹⁷⁶ и почва на большом пространстве была распахана. В то же время охотники и разведчики углублялись в леса и прерии, все дальше и дальше отселяя индейцев и подготавливая новые места для поселений.

В то время как между французами, англичанами и голландцами шла борьба за североамериканский материк, испанцы почти без соперников завладели всей Центральной и Южной Америкой, за исключением Бразилии, где укрепились португальцы. Но далекие от того, чтобы добывать свое благосостояние упорным трудом, как это делали английские скваттеры, испанцы заставили работать на себя индейцев, превратив их в настоящих рабов. Вместо того чтобы развивать земледелие и культивировать полевые растения в соответствии с климатическими условиями завоеванных стран, испанцы занимались главным образом поисками и эксплуатацией месторождений благородных металлов. Но когда рудники были в значительной степени исчерпаны, в испанских колониях не замедлило исчезнуть и богатство.

Итак, к концу XVII века большая часть Нового света была уже известна европейцам. В Северной Америке — Канада, берега Атлантического океана и Мексиканского залива, долина Миссисипи, Калифорния и Мексика были исследованы и колонизованы. Вся центральная часть континента была подчинена, хотя бы номинально, испанцам. В Южной Америке — саванны и леса Бразилии, пампасы Аргентины и внутренние области Патагонии скрывались еще от взоров исследователей. Они были открыты и изучены значительно позднее.

В Африке — длинная береговая полоса, тянущаяся вдоль Атлантического и Индийского океанов, была терпеливо изучена и исследована португальскими мореплавателями, но внутренние области были еще совершенно неизвестны. Лишь в некоторых местах поселенцы и миссионеры делали робкие попытки проник-

После бури.

нуть в тайну этого обширного материка. Сенегал, Конго, долины Нила и Абиссиния — вот, пожалуй, и все, что было известно в XVII веке, да и то не слишком подробно, о внутренних областях Африки.

Хотя многие страны Азии, пройденные путешественниками в средние века, больше не посещались европейцами, все же европейским исследователям удалось изучить Индию, Китай и даже Японию — эту таинственную «страну Сипанго», представлявшую такой лакомый кусок для жадных завоевателей. Но Сибирь и северо-восточный угол Азии все еще ускользали от взоров исследователей, и в XVII веке еще не было известно, соединяется ли Америка с Азией или отделена от нее проливом.¹⁷⁷

В Океании не были еще открыты многочисленные архипелаги, острова и уединенные атоллы. В этот период были колонизованы Зондские острова, частично исследованы берега Австралии и Новой Зеландии, и географы начали уже сомневаться в существовании пресловутого «Южного материка», который, по мнению Тасмана, должен был простираться между Огненной землей и Новой Зеландией.

В конце XVII века географическая наука переживала период коренного преобразования. Великие открытия в области астрономии немедленно сказывались и на состоянии географии. Фернель¹⁷⁸ и в особенности Пикар¹⁷⁹ своими работами по определению величины земного градуса между Парижем и Амьеном

доказали, что Земля не шар, а сфероид, то есть шар, приплюснутый у полюсов и выпуклый у экватора. Это помогло установить одновременно и форму и размеры нашей планеты. Исследования в этой области, продолженные Кассини,¹⁸⁰ были завершены к началу следующего века. Астрономические наблюдения над спутниками Юпитера позволили уточнить на географических картах многие координаты.¹⁸¹

В это же самое время развивалась и прогрессировала историческая география.¹⁸² Ее расцвету способствовала расшифровка древних надписей, и, таким образом, археологии суждено было стать одним из полезных орудий сравнительной географии.

Словом, XVII век можно охарактеризовать, как эпоху преобразований и прогресса; он ищет и находит средства, которыми воспользуется его наследник — XVIII век. Начинается новая эпоха, накапливаются факты, развиваются знания, а вместе с ними человечеству открывается новый мир.

Конец первого тома

Приложения

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Карфаген был основан финикийцами около 850 года до нашей эры на северном побережье Африки, в Тунисском заливе.

² Римляне называли карфагенян пунами; отсюда название языка — пунический.

³ Точную дату экспедиции Ганнона установить невозможно. Современные ученые относят ее к V или VI веку до нашей эры. Описание этого плаванья дошло до нас в форме «приключенческого романа», в котором достоверные факты переплетаются с вымышленными. Однако географическое описание западного побережья Африки, рассказ о степных пожарах внутри страны не оставляют сомнений в подлинности путешествия, которое впоследствии обросло различными баснями.

Ганнон был первым мореплавателем, посетившим западное побережье Африки. Он проплыл вдоль этого побережья от Гибралтарского пролива на юг около 4 500 километров. Девятнадцать столетий спустя португальским мореплавателям понадобилось пятьдесят лет для того, чтобы исследовать побережье, которое обошел Ганнон.

⁴ Геркулесовы столпы — две горы на европейском и африканском берегах Гибралтарского пролива, якобы воздвигнутые мифическим героем Геркулесом. По представлению древних греков, Геркулесовы столпы являлись западным краем известного мира.

⁵ Вероятно, река Сенегал.

⁶ Кимвалы — древний музыкальный инструмент в виде медных тарелок. Тамбурин — ударный музыкальный инструмент, напоминающий бубен.

⁷ «Южный Рог» — теперь залив Шерборо в британской колонии Сьерра-Леоне, расположенной на берегу Гвинейского залива.

⁸ Надо полагать, что это были не гориллы, а шимпанзе.

⁹ Биографические сведения о Геродоте чрезвычайно скудны. Годы жизни его точно неизвестны; полагают, что он родился около 484 года до нашей эры и умер в 424 или 426 году до нашей эры. Геродот является автором

первого дошедшего до нас большого исторического труда — знаменитой «Истории», в которую он включил богатый географический материал, собранный им во время длительных путешествий. Нельзя точно сказать, какие именно страны посетил Геродот во время своих путешествий. Несомненно, что он побывал в Египте и на северном побережье Черного моря. На востоке он доходил, вероятно, до Вавилона. Геродот говорит и о путешествии в Индию, но это описание не имеет исторического основания.

¹⁰ Остров Элефантина (Слоновой кости) находится на реке Нил, у первых порогов, на границе Египта и Судана.

¹¹ Здесь автор имеет в виду рассказ Геродота, услышанный им в Египте, о путешествии финикийских мореплавателей вокруг Африки, предпринятом по приказанию египетского фараона Нехао около 600 года до нашей эры. Это предприятие не имеет себе равных в истории географических открытий, поэтому мы приведем целиком краткий рассказ Геродота:

«Ливия, оказывается, кругом омывается водою, за исключением той части, где она граничит с Азией; первый доказал это, насколько мы знаем, египетский фараон Нехао. Приостановивши прорытие канала из Нила в Аравийский залив [Красное море], он отправил финикийян на судах в море с приказанием плыть обратно через Геракловы Столпы [Гибралтарский пролив], пока не войдут в Северное [Средиземное] море и не придут в Египет. Финикийяне отплыли из Эритрейского [Красного] моря и вошли в Южное море [Индийский океан]. При наступлении осени они приставали к берегу и, в каком бы месте Ливии ни высаживались, засевали землю и дожидались жатвы; после уборки хлеба плыли дальше. Так прошло в плавании два года, и только на третий год они обогнули Геракловы Столпы и возвратились в Египет. Рассказывали также, чему я не верю, а другой кто-нибудь, может быть, и поверит, что во время плавания кругом Ливии финикийяне имели солнце с правой стороны. Так Ливия стала известна впервые».

¹² Аммон (Сива) — оазис в Ливийской пустыне.

¹³ Вивьен де Сен-Мартен (1802—1897) — французский географ, автор известного труда «Очерк всеобщей географии» и других работ.

¹⁴ По Афганистану и Индии Геродот не путешествовал; сведения об этих странах он собрал в Вавилоне.

¹⁵ Мидия была расположена к югу от Каспийского моря. При персидском царе Кире (ок. 558—529 гг. до нашей эры) вошла в состав Персии. Главный город — Экбатана.

¹⁶ Ясон — в греческой мифологии предводитель похода аргонавтов за золотым руном. По одному варианту мифа, — погиб под обломками корабля Арго, по другому, — покончил самоубийством. Миф об аргонавтах, предпринявших плавание из Греции в Колхиду (восточное побережье Черного моря), является отражением истории ранней греческой колонизации (VIII—VII вв. до нашей эры).

¹⁷ Черное море древние греки первоначально называли Понтом Аксинским (негостеприимным) из-за сильных и частых бурь. Впоследствии, когда греки колонизовали черноморские берега, море было переименовано в Понт Евксинский (гостеприимное).

¹⁸ **Пропонтида** (буквально: «лежащая перед Понтом») — Мраморное море.

¹⁹ **Фракция** — страна, находившаяся на севере Балканского полуострова; ее берега с востока омывались Черным морем, с юга — Эгейским.

²⁰ **Ксенофонт** — греческий историк конца V — первой половины IV века до нашей эры, автор «Греческой истории», «Анабасиса» и других произведений.

²¹ **Иберия** — древнее название Испании.

²² **Альбион** — древнее название острова Великобритания, что в переводе значит «Белый остров» (название дано Пифеем из-за меловых скал, возвышающихся над Лз-Маншем).

²³ **Кармания** — область на юге Ирана; по представлению древних, была населена кочевниками, питающимися рыбой (ихтиофаги).

²⁴ **Арриан Флавий** (около 95—175 г. нашей эры) — греческий писатель римского периода, историк и географ. Главные сочинения: «Анабасис Александра» (История походов Александра Македонского) и «История Индии».

²⁵ **Мавритания** — область на северо-западном побережье Африки. В начале I века нашей эры стала римской провинцией.

²⁶ **Цезарь Юлий** (полное имя Гай Юлий Цезарь) — римский император, один из самых крупных государственных деятелей древнего Рима, политик, полководец, писатель.

²⁷ **Каппадокия** — название местности, расположенной в юго-восточной части полуострова Малая Азия.

²⁸ **Эритрейским морем** римляне называли северную часть Южного моря (Индийского океана).

²⁹ **Аттика** — юго-восточная часть средней Греции, где находилась территория Афинского города-государства.

³⁰ **Ареопаг** — высший судебный и контролирующий орган в древних Афинах, названный так по месту собраний («Холм Ареса»).

³¹ **Лакония** — область, расположенная на юго-востоке полуострова Пелопоннеса.

³² **Спарта**, или **Лакедемон**, — город-государство древней Греции, расположенное в юго-восточной части Пелопоннеса, в области Лаконии.

³³ С этим утверждением нельзя согласиться. Немецкие географы А. Гумбольдт (в книге «Центральная Азия»), К. Риттер (в труде «Сравнительное земледение Азии») и другие широко использовали сведения древних китайских путешественников.

³⁴ **Шартон Эдуард** (1807—1890) — французский географ, историк географических открытий, издатель журнала «Tour du Monde» («Вокруг света»).

³⁵ Автор имеет в виду пустыню Гоби.

³⁶ **Фа-Сянь** отплыл из города Тамралипти (устье реки Ганг).

³⁷ **Нубия** — древняя страна в Африке, находившаяся в основном на территории современного Восточного Судана, между первым и шестым порогами Нила.

³⁸ **К а р а к о р у м** — древнемонгольский город, столица государства Чингисидов в XIII веке, расположен в верховьях р. Орхон, притока Селенги. В настоящее время — городище (развалины).

³⁹ Название Куманские степи происходит от тюркской народности куманы, иначе кыпчаки. В русских летописях они известны под названием половцев. С XI века они кочевали на огромной территории от р. Иртыша до р. Днепра.

⁴⁰ **К а р а к и т а и**, или **к и д а н и**, — древний народ, живший в Средней и Центральной Азии в средние века. В 1137 году они образовали феодальное государственное объединение, которое занимало территорию между Иртышом и Аму-Дарьей, Алтаем и Куэнь-Лунем. В начале XIII века государство каракитаев было покорено Чингис-ханом.

⁴¹ Во время монголо-татарского ига **М а л о й А р м е н и е й** называлось государство, расположенное в юго-восточной части полуострова Малая Азия; важнейшим портом ее на побережье Средиземного моря был Лаяс или Аяс.

⁴² На территории Туркмении Марко Поло не был. Под его «Туркменией» следует понимать государство, основанное в Малой Азии турками-сельджуками и находившееся в вассальной зависимости от персидских монголов.

⁴³ В то время Великой Арменией называлась большая часть территории современной Армянской ССР.

⁴⁴ В песчаных пустынях перед наступлением урагана действительно иногда можно слышать звуки, похожие на игру различных музыкальных инструментов. Они происходят от столкновения миллионов песчинок, крутящихся в воздухе.

⁴⁵ **Н е к р о м а н т и я** — в древнем мире — вызывание «духов умерших», якобы предсказывающих будущее. В средние века перешла в магию, а позднее возродилась в форме спиритизма, суеверного, мошеннического лжеучения, до сих пор существующего в капиталистических странах.

⁴⁶ По-видимому, Марко Поло путает льва с тигром, так как в Китае львы не водятся.

⁴⁷ Областью **М а н з и** Марко Поло называет Центральный и Южный Китай.

⁴⁸ **Л ь е** — устаревшая французская мера длины, равная 4 $\frac{1}{2}$ километрам.

⁴⁹ В этой главе Марко Поло рассказывает о посещении им берегов Абиссинии, островов Занзибара и Мадагаскара. В его рассказе об этих странах много неверных сведений; поэтому ученые считают, что Марко Поло эти страны не посещал. Все же Марко Поло был первым европейцем, сообщившим о существовании острова Мадагаскар (по-видимому, эти сведения он получил от арабов, которым Мадагаскар был хорошо известен).

⁵⁰ **Верблюдов на Мадагаскаре в то время не могло быть.**

⁵¹ **А м б р а** — воскообразное, серого цвета пахучее вещество; встречается у берегов Индийского и Тихого океанов; представляет собой окаменевшие выделения кашалота. Прежде употреблялась в медицине, ныне исключительно в парфюмерии, в качестве закрепителя духов.

⁵² Эти животные характерны для Африки, но не для Мадагаскара.

⁵³ **Й е м е н** — арабское государство в юго-западной части Аравии, на побережье Красного моря.

⁵⁴ **Берберы** — группа народов, составляющая коренное население западной и северной Африки (Марокко, Алжира и Туниса). Кроме того, они населяли оазисы Сахары и Триполитании. Берберы являются потомками древнего населения Северной Африки — ливийцев. После арабского завоевания (VII в.) значительная часть берберских племен переняла арабские обычаи, культуру, религию (ислам), язык. Теперь берберами называют лишь те группы населения, которые сохранили свои берберские языки.

⁵⁵ **Бетель** — небольшой вьющийся кустарник из семейства перечных. Родина его — тропическая Азия. Пряные и острые на вкус, листья бетеля, вместе с кусочками семян арековой пальмы и с небольшим количеством извести, используются для жевания. Оказывает возбуждающее действие на нервную систему. При жевании бетеля происходит выделение слюны, которая, как и полость рта, окрашивается в кроваво-красный цвет. Зубы при жевании бетеля становятся черными.

⁵⁶ **Гог и Магог** — фантастический народ, который Александр Македонский якобы запер железными воротами в горном ущелье Кавказа или Тянь-Шаня. Христианские проповедники утверждали, что в день «страшного суда» ожидается их нашествие на Европу. На поиски Гога и Магога в раннее средневековье снаряжались экспедиции, а на картах и в географических описаниях они упоминались вплоть до XVII столетия.

⁵⁷ **Нормандия** — историческая провинция на северо-западе Франции.

⁵⁸ **Юба** — имеется в виду Юба II, царь древней страны Нумидии, находившейся в Северной Африке, на территории современного Алжира.

⁵⁹ **Мараведи** — мелкая испанская монета.

⁶⁰ **Каравелла** — морское однопалубное трехмачтовое судно, появившееся в XII веке. Это были небольшие суда (150—300 тонн водоизмещения) с острыми обводами корпуса и с так называемыми косыми парусами. Они могли идти против ветра под более острым углом, чем все другие суда того времени, вооруженные тяжелыми прямоугольными (латинскими) парусами. Каравеллы отличались высокими мореходными качествами: они были легки, маневренны и быстроходны (при попутном ветре делали до 12 узлов, то есть до 22 километров в час). Вышли из употребления в конце XVII века.

⁶¹ **Барруш Жуан** — крупнейший португальский историк XVI века (1496—1570), автор многотомного исторического труда «Декады Азии».

⁶² **Аристотель** — древнегреческий ученый, живший в IV веке до нашей эры. Аристотель впервые дал физические доказательства шарообразности земли. Его сочинение «Метеорология» явилось одной из первых книг по физической географии.

⁶³ **Сенека Луций Анней** (родился между 6 и 3 годами до нашей эры — умер в 65 году нашей эры) — римский философ, писатель и политический деятель.

⁶⁴ Имеются сведения, что китайцы за две тысячи лет до нашей эры применяли магнит для ориентирования в однообразных пустынях Центральной Азии. Первые упоминания о компасе в Европе относятся к XII веку. Он пред-

ставлял собой тогда железную намагниченную стрелку, укрепленную на пробке, которая плавала в сосуде с водой. На качающемся судне этот прибор был почти неприменим. Как предполагают, в начале XIV века итальянец Флавио Джойа из города Амальфи усовершенствовал магнитный компас. Магнитную стрелку он надел на вертикальную шпильку так, чтобы она могла свободно вращаться.

⁶⁵ Бе х а й м М а р т и н (1459—1506) — немецкий географ, родом из Нюрнберга. С 1481 года жил в Лиссабоне, где в качестве космографа принимал участие в «комиссии математиков», созданной для разработки астрономических основ мореходного искусства. В 1484 году принимал участие в путешествии Диогу Кана вдоль западных берегов Африки, во время которого было открыто устье реки Конго. После путешествия долгое время жил на Азорских островах. Около 1492 года он посетил Нюрнберг и сделал там большой глобус, дающий представление о географических воззрениях, господствовавших в начале эпохи великих географических открытий (глобус Бе х а й м а был сделан раньше, чем Колумб отправился в свое первое путешествие). Это старейший из глобусов, сохранившихся до наших дней.

⁶⁶ Не менее двадцати городов различных стран Европы в разное время претендовали на честь быть родиной Колумба. В настоящее время документально доказано, что Колумб был итальянцем, родился и вырос в северо-западной Италии — в Генуэзской области.

⁶⁷ Невозможно определить хотя бы с приблизительной точностью, в каком именно году родился Христофор Колумб. В иностранных справочниках даты рождения Колумба составляют серию из двадцати лет: от 1436 до 1456 года. К середине XX века как будто окончательно было установлено, что Христофор Колумб родился 29 октября 1451 года. Но даже установленному по официальным документам году рождения Колумба противоречат иногда высказывания как самого Колумба, так и лично знавших его людей.

⁶⁸ П ь е р д' А й и — французский космограф, автор книги «Имаго Мунди» («Образ Мира», 1410 г.). Этот географический труд был впервые напечатан в 1490 году, но рукописные копии попали в страны Пиренейского полуострова уже в середине XV века. Труд Пьера д'Айи служил Колумбу настольной книгой.

⁶⁹ Р о д ж е р Б а к о н (ок. 1214—1294) — английский философ и естествоиспытатель. За критику феодальных порядков и обличение развращенных нравов духовенства подвергался преследованиям церкви и около сорока лет провел в заключении. Выступая против средневековой науки, согласно которой знание не может двигаться вперед, так как все уже исчерпано «священным писанием», Бэкон отстаивал идею развития науки и техники. Бэкон считал, что на поверхности Земли суша занимает значительно большее пространство, чем море, и поэтому западный путь в Индию из Европы вполне возможен.

⁷⁰ Т о с к а н е л л и П а о л о (1397—1482) — итальянский космограф и астроном, убежденный сторонник возродившегося учения о шарообразности земли. Ему приписывают идею более короткого западного пути в Индию взамен восточного пути вокруг Африки. Предполагают, что в 1474 году он

изложил свои идеи в письме к советнику португальского короля Фернанду Мартиншу, приложив соответствующую карту. Колумб пишет, что Тосканелли якобы прислал ему копию письма к Мартиншу и приложенную к нему карту. Некоторые исследователи и биографы Колумба подвергают сомнению факт его переписки с Тосканелли и выдвигают мысль о полной независимости предпринятый Колумбом от проектов Тосканелли.

⁷¹ «Сипанго», или «Чипангу», — так называли в то время Японию.

⁷² Лига. — Колумб при оценке расстояний, пройденных в пути, вел счет по морским лигам. Одна лига равнялась 4 милям, или 5924 метрам.

⁷³ По дореволюционному исчислению приблизительно 600 рублей.

⁷⁴ Ломбарда — старинная пушка, стрелявшая каменными ядрами.

⁷⁵ Сети из хлопковой пряжи, на которых спали индейцы, назывались у них «гамаками». «Гамак» — одно из немногих слов коренного населения Багамских островов, сохранившихся до наших дней. Через несколько десятилетий после открытия Америки от коренного населения не только Багамских островов, но всех других островов Вест-Индии не осталось в живых ни одного человека. Они были полностью истреблены испанцами.

⁷⁶ Язык семитского племени халдеев, которые в древности жили в Вавилонии.

⁷⁷ Одна арроба — 11,5 килограмма.

⁷⁸ Эспаньола — по-испански значит «Маленькая Испания».

⁷⁹ В языке индейцев карибов слово кацик, или касик, обозначало «вождь племени».

⁸⁰ Папа римский (Александр VI Борджиа) был настолько невежествен в географии, что считал Азорские острова и острова Зеленого мыса лежащими на одном меридиане. В действительности же острова Зеленого мыса лежат на 5° восточнее Азорских островов. Этот факт был хорошо известен в то время испанским и португальским мореплавателям.

⁸¹ Испанцы исказили это непривычное для них слово и говорили вместо «кариб» — «каниб». Отсюда произошло слово «каннибал» — людоед.

⁸² Эрнандо Колумб стал впоследствии известным ученым-космографом. Ему приписывается авторство «Истории жизни и дел адмирала Христофора Колумба».

⁸³ Иов — легендарный библейский христианский «праведник», главное действующее лицо носящей его имя библейской книги («Книга Иова»). История «многострадального Иова» широко используется духовенством для проповеди трудящимся массам смирения и покорности эксплуататорам.

⁸⁴ Анджидивские острова — группа маленьких островов, лежащих у западного побережья Индостана.

⁸⁵ Рангоут — все деревянное (а ныне и железное) снаряжение судна: мачты, стеньги, рен и пр.

⁸⁶ Конкистадоры — испанские завоеватели, захватившие в конце XV и в XVI веке огромные территории в Южной и Центральной Америке. Отряды конкистадоров состояли из разорившихся дворян, наемных солдат, авантюристов и уголовных преступников, отправлявшихся в Америку за

золотом и драгоценностями. Конкистадоры установили в завоеванных территориях жестокий колониальный режим насилий и грабежа, истребили значительную часть индейцев. Уделом остальных стало рабство, принудительный труд и различные формы крепостной зависимости.

⁸⁷ Идадьго — мелкое и среднее рыцарство в средневековой Испании. В XVI веке идадьгия играла большую роль в завоевании вновь открытых земель в Америке.

⁸⁸ Лас Касас Бартоломе (1474—1566) — испанский священник, биограф Колумба. В 1502—1515 годах жил в Америке; участвовал в завоевательных походах испанцев. Горячо вступаясь за индейцев, варварски истреблявшихся колонизаторами, Лас Касас, однако, не возражал против использования их труда в рудниках и на плантациях. С 1527 года Лас Касас приступил к составлению всеобщей «Истории Индий» (его труд был опубликован лишь в 1875 году, в 5 томах). В этой книге Лас Касас показал, что открытия и завоевания испанцев в Америке представляли собой непрерывную серию истребительных войн. Труды Лас Касаса являются ценным источником по истории колонизации и географических открытий в Америке.

⁸⁹ Авторы новейших исследований документально доказали, что Америго Веспуччи в 1497—1498 годах не совершал плавания к берегам Америки. Это так называемое первое плавание Веспуччи является фиктивным. В течение трех столетий почти все историки полагали, что Америго Веспуччи намеренно приписал себе «славу Колумба» — первое посещение, то есть открытие Америки в 1497 году, за год до открытия этого материка Колумбом во время его третьей экспедиции. Теперь можно считать доказанным, что этот обман произошел по вине издателей, опубликовавших письма Америго Веспуччи без его ведома и согласия, причем принадлежность этих писем Веспуччи также вызывает сомнение. Подробнее об Америго Веспуччи см. в интересном очерке Стефана Цвейга «Америго» (С. Цвейг. Избранные сочинения в двух томах, т. 2. М., Гослитиздат, 1956).

⁹⁰ Гумбольдт Александр (1769—1859) — выдающийся немецкий естествоиспытатель и географ. С 1799 по 1804 год вместе со своим другом Э. Бонпланом он совершил путешествие по Южной и Центральной Америке. Результаты этой экспедиции были столь велики, что Гумбольдту стали приписывать честь вторичного открытия Южной Америки — открытия ее для науки. В 1829 году он предпринял путешествие по Европейской России и Сибири (до Алтая). Результаты путешествий и выдающиеся научные труды А. Гумбольдта дают право считать его основоположником физической географии как науки.

⁹¹ Вольтер Мари Франсуа Аруэ (1694—1778) — выдающийся французский писатель, один из крупнейших буржуазных просветителей XVIII века.

⁹² Ньютон Исаак (1643—1727) — гениальный английский физик, механик, астроном и математик; сформулировал основные законы классической механики, открыл закон всемирного тяготения, законы разложения света и разработал (наряду с Г. Лейбницем) дифференциальное и интегральное исчисление.

⁹³ Заслуга Америго Веспуччи состоит как раз в том, что он, в противоположность этому утверждению, один из первых понял, что Колумб открыл не Восточную Азию, а новый материк. Этому матерiku Америго Веспуччи дал наименование «Новый свет».

⁹⁴ Помпоний Мела (первая половина I в. нашей эры) — римский географ, уроженец Пиренейского полуострова; написал первую на латинском языке географию в трех книгах. Не будучи географом-путешественником, Помпоний Мела написал свое сочинение по литературным источникам. Целью его было дать живое описание природы и населения известных в то время местностей земного шара.

⁹⁵ Песо — старинная испанская серебряная монета (известная также как испанский пиастр). В настоящее время песо является денежной единицей и монетой ряда государств Латинской Америки и Филиппин. Стоимость ее в разных странах различна.

⁹⁶ По-испански первый день праздника пасхи называется: Паскуа Флорнда.

⁹⁷ Герострат — грек из города Эфеса, в 356 году до нашей эры сжег величественный храм Артемиды Эфесской. Сожжением храма он хотел обесмертить свое имя. Имя Герострата приобрело нарицательный смысл. Этим именем называют честолюбцев, домогающихся славы даже преступной ценой.

⁹⁸ Камедь, или гумми, — густые соки, выделяющиеся из коры многих деревьев. Аравийская (сенегальская) камедь называется гуммиарабиком. Она представляет собою желтую массу, вытекающую из коры дерева *Asacia Senegal*. Камеди применяются в медицине.

⁹⁹ Копаловая смола — твердая, похожая на янтарь, ископаемая смола. Копаловая смола выделяется также некоторыми тропическими деревьями. Употребляется для изготовления лаков.

¹⁰⁰ Новой Испании тогда называли Мексику.

¹⁰¹ Провинцией Халиско испанцы называли местности, лежащие у Калифорнийского залива.

¹⁰² Дукат — старинная серебряная, затем золотая монета некоторых западноевропейских стран. Вес дуката около 3,44 грамма.

¹⁰³ Ганнибал (ок. 247—183 гг. до нашей эры) — выдающийся карфагенский полководец, прославившийся в войнах с римлянами.

¹⁰⁴ Это составляло свыше 30 миллионов золотых рублей, не считая еще 6 миллионов в пользу короля.

¹⁰⁵ Название Лима произошло от искаженного испанцами названия реки Римак.

¹⁰⁶ В 1542 году Карл V утвердил так называемые «новые законы», согласно которым индейцев надлежало изъять у конкистадоров и передать в непосредственное ведение короны. Весть о «новых законах» вызвала смуту за океаном, которая едва не привела к отпадению только что завоеванной колонии в Перу от Испании. Поэтому Карл V вынужден был пойти на уступки и отменить большую часть своих «новых законов».

Законы об отмене рабства в Америке диктовались не гуманными соображениями защиты прав индейцев, а прежде всего стремлением испанских коро-

лей ограничить могущество конкистадоров и обеспечить себе преимущественное право на эксплуатацию труда индейцев. Кроме того, рабский труд экономически оказался невыгодным и был заменен различными формами крепостной зависимости. Работа закрепощенных индейцев была столь же тяжела, как и труд рабов. Бегство крепостных индейцев от своих владельцев каралось смертной казнью.

¹⁰⁷ Мальтийский орден — религиозно-рыцарский орден. В 1530 году Карл V передал ордену остров Мальта, и с этого времени он стал называться Мальтийским.

¹⁰⁸ Высаженные Магелланом на берег Патагонии два бунтовщика были спасены капитаном Иштебаном Гомишем, который на судне «Сан-Антонио» сбежал в Испанию, отделившись от эскадры в Магеллановом проливе.

¹⁰⁹ Грот-рей — самый нижний рей на второй мачте от носа (грот-мачте). Рей — горизонтальное древко, привешенное за середину к мачте и служащее для привязывания к нему парусов.

¹¹⁰ Ванты — снасти (тросы, канаты), которыми крепят мачты на корабле.

¹¹¹ Несчастливыми островами Магеллан назвал открытые им два коралловых острова из группы островов Туамоту. Они были необитаемы, и, кроме жесткой, как проволока, травы, на них ничего не росло.

¹¹² Впоследствии эти острова, лежащие севернее экватора, стали называться Марианскими, в честь испанской королевы Марианны.

¹¹³ Иньям, или ямс, — растение из семейства диоскорейных, имеющее широкое распространение в тропических и субтропических странах. Клубни его употребляют в пищу, подобно картофелю, хотя некоторые сорта их содержат яд. При варке или печении яд исчезает.

¹¹⁴ В действительности Франсишку Серран стал жертвой интриг португальцев, которые боялись, что он поможет своему другу Магеллану укрепиться на Молуккских островах.

¹¹⁵ Пигафетта смешивает ремень с деревом, которое растет в Сиаме. Зола, получаемая из его сожженной древесины, источает приятный аромат, поэтому она продавалась в то время по очень высокой цене.

¹¹⁶ Барбоза Дуарти — шурин Магеллана и участник его кругосветной экспедиции. До этого плавания, с 1501 по 1516 год он жил в Индии и написал «Книгу, в коей сообщается о том, что я видел и слышал на Востоке»; она была впервые опубликована в 1813 году в Лиссабоне.

¹¹⁷ Острова Зеленого мыса и в настоящее время принадлежат Португалии.

¹¹⁸ Это явление потери одного дня при движении вокруг света по направлению к западу, открытое Пигафеттой, было задолго до него теоретически предсказано арабским географом Абульфедей.

Выигрыш одного дня при кругосветном путешествии по направлению к востоку положен Жюлем Верном в основу сюжета известного романа «Вокруг света в восемьдесят дней». Разнобой в исчислении дней вызвал необходимость установления линии перемены дат, которая представляет собою восточную половину Гринвичского меридиана. Теперь принято за правило:

когда идут с востока, то, пересекая эту линию, один день считают дважды а когда идут с запада, то пропускают один день.

¹¹⁹ Незначительное расстояние от острова Великобритании, которое указывает Пифей, и наличие жителей на земле Туле заставляют предполагать, что это не Исландия, а Скандинавский полуостров, так как первыми поселенцами на острове Исландия были христианские монахи, переселившиеся сюда из Ирландии в конце VIII века.

¹²⁰ Боре́й — в мифологии древних греков — имя бога северного ветра (применялось и к самому ветру). От этого слова происходит название воображаемого народа — гиперборе́йцы. Античные географы помещали их на крайнем севере, поэтому северные страны назывались «гиперборе́йскими странами».

¹²¹ Викинги — древнескандинавские морские разбойники и торговцы. Слово «викинг» первоначально означало морской набег на прибрежное поселение («вик»). Позже участников морских набегов скандинавских дружинников стали называть норманнами.

¹²² Фиорды — узкие, глубокие, иногда разветвленные заливы с крутыми или совершенно отвесными берегами. По происхождению это затопленные морем долины, в образовании которых огромную роль сыграли ледники. Фиорды характерны для гористых берегов, расположенных в высоких широтах.

¹²³ Ко́унг — скандинавский племенной вождь.

¹²⁴ Ф. Энгельс указывал, что норманны произвели в навигации настоящую революцию: «Их суда были сильными, прочными морскими ладьями, с выдающимся килем, с острыми очертаниями, рассчитанные преимущественно на один паруса и не боявшиеся встретить шторм среди сурового Северного моря. Именно на судах подобного рода англосаксы плавали от устьев Эльбы и Одера к берегам Британии, а норманны предпринимали свои грабительские набеги до Константинополя — в одном направлении и до Америки — в другом. Постройка кораблей, которые осмеливались пересекать Атлантический океан, произвела в навигации полную революцию, и прежде чем окончилась эпоха средних веков, новые остроносовые (килевые) морские суда были введены на всем побережье Европы. Суда, на которых норманны делали свои переезды, были, вероятно, не очень большого размера, не превосходя ни в коем случае 100 тонн водоизмещения, и имели одну или самое большее две оснащенных мачты — переднюю и заднюю» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XI, ч. II, стр. 518).

¹²⁵ До Константинополя (в русских летописях — Царьград) норманны доходили и через русские земли так называемым путем «из варяг в греки». Русские скандинавов называли варягами (от слова «варяжить» — торговать).

¹²⁶ В Исландии с IX до середины XII века существовал своеобразный общественный строй, который историки характеризуют как «народовластие» в период перехода от родового строя к государству. Землей владели свободные общинники — «бонды», сами управлявшие своими делами на сходках — «тингах». Раз в год собирался общеисландский тинг — «альтинг». После того

как Исландия попала под власть норвежских королей, общинно-родовой строй распался, уступив место обычному классовому государству.

¹²⁷ Происхождение слова «скреллинги» — неизвестно. По одним источникам оно означает «бродяги», по другим — «грязные», по третьим — «обрезки людей» (карлики).

¹²⁸ См. тексты и сопроводительные статьи в сборниках «Исландские саги» (М., Гослитиздат, 1956) и «Древне-северные саги и песни скальдов» (СПб., изд. И. Глазунова, 1903). Во втором сборнике имеется перевод «Саги об Эйрике Рыжем».

¹²⁹ Рунические надписи — древние скандинавские письма, высеченные на камнях.

¹³⁰ Прекращение плаваний в Гренландию и Америку было вызвано еще и тем, что европейцы в то время стремились проникнуть в богатые и культурные восточные страны, а суровые и дикие земли, открытые норманнами за Атлантическим океаном, никого в Европе тогда не интересовали. Кроме того, феодальная раздробленность Европы и бесконечные междоусобные войны также препятствовали организации далеких заокеанских экспедиций. К этому нужно добавить низкий уровень техники мореплавания, например отсутствие компаса. Отдельные мореплаватели, ориентируясь по небесным светилам, могли пересекать Атлантический океан, но регулярное сообщение с заморскими странами наладить было невозможно.

¹³¹ Легендарные острова Антилия и Бразил были впервые обозначены в Атлантическом океане на карте Тосканелли.

¹³² По древнегреческому преданию, сообщенному Платоном, некогда существовал огромный остров в Атлантическом океане, населенный культурным и могучим племенем атлантов, которые воевали с жителями Африки и Европы. Атлантида вследствие страшного землетрясения погрузилась в волны океана. Разные авторы под Атлантидой подразумевали Америку, Канарские острова, острова Эгейского моря и др. Многие ученые и сейчас считают, что Атлантида в действительности существовала.

¹³³ Никаких подробностей об экспедиции Кортириала старшего не сохранилось. Полулегендарный берег Баккалаос некоторые исследователи отождествляют с Ньюфаундлендом.

¹³⁴ Первое плавание Кабота, относящееся к 1494 году, согласно новейшим источникам, является вымышленным. Исторические свидетельства говорят о том, что раньше 1497 года он не мог совершить плавание через Атлантический океан.

¹³⁵ Эстуарий — расширенное, воронкообразное устье реки, обязанное своим происхождением наступлению моря на сушу.

¹³⁶ Кортесы — законодательное собрание в Испании.

¹³⁷ Лаг — прибор для определения скорости хода судна, впервые был применен Магелланом во время кругосветного плавания. До этого пройденное судном расстояние капитаны определяли на глаз.

¹³⁸ «Общество купцов-предпринимателей» было переименовано в «Англо-Московскую компанию». Английские торговые конторы были открыты в Холагогорах, Вологде, Ярославле, Новгороде и Москве. Таким образом,

экспедиция Ченслера имела важное значение для налаживания торговых связей между Россией и Англией. Но попытки многих западноевропейских историков и географов приписать Ченслеру открытие пути из Европы в Белое море объясняются, по-видимому, их недостаточным знакомством с историей русских полярных путешествий. Русским поморам издревле был знаком путь вокруг Кольского полуострова и Скандинавии в Балтийское море. Исторические известия показывают, что с конца XV века этим путем неоднократно пользовались послы московских князей, отправлявшиеся в страны Западной Европы.

¹³⁹ Себастьян Кабот родился, по-видимому, между 1472 и 1477 годами, умер около 1557 года.

¹⁴⁰ «Новая Франция» — первоначальное название Канады.

¹⁴¹ Сарацины — у древних авторов наименование населения западной и южной Аравии (впервые встречается у Птолемея). В эпоху средневековья сарацинами, или маврами, стали называть все народы, исповедующие ислам.

¹⁴² В лесах Соединенных Штатов Америки произрастает до 30 сортов дикого винограда.

¹⁴³ Французские рыбаки с полуострова Бретань с начала XVI века ходили к острову Ньюфаундленду по путям Каботов и Кортириалов.

¹⁴⁴ Кайры и тупики — морские птицы.

¹⁴⁵ Здесь речь идет о маисе, или кукурузе, которую культивировали индейцы. Впоследствии эта культура распространилась по всему миру.

¹⁴⁶ Позднее это название перешло и на самый город Ошелагу, который стал называться Монреаль.

¹⁴⁷ «Взять на гитовы» — собрать или подобрать паруса гитовами, не убирая их совсем. Гитовы — снасти, которыми убирают паруса.

¹⁴⁸ Меркатор Герард (1512—1594) — выдающийся голландский картограф. Предложенная им в 1569 году проекция получила всеобщее распространение, и с тех пор в этой проекции составляются морские карты. Итогом деятельности Меркатора явился сборник карт, изданный после его смерти (1595 г.). С тех пор такие сборники карт стали называться атласами.

¹⁴⁹ Китай и Хина. — В то время полагали, что на востоке Азии находятся два большие государства: на севере Китай, а на юге Хина.

¹⁵⁰ Тессел — голландский остров (из группы Западно-Фризских островов), лежащий у выхода в Северное море из залива Зейдер-Зе.

¹⁵¹ Генеральные штаты — парламент Нидерландской республики.

¹⁵² Задолго до Баренца остров Медвежий и острова Шпицберген были открыты русскими поморами. Островам Шпицберген русские поморы дали название Груланд или Грумант (по-видимому, они думали, что это Гренландия).

¹⁵³ Тацит Корнелий — знаменитый римский историк (точные даты его рождения и смерти неизвестны, приблизительно 55—117 гг. нашей эры). Из географических работ Тацита наиболее известно сочинение «Германия», очерк жизни и быта германских племен. Работа эта использована Энгель-

сом в его труде «Происхождение семьи, частной собственности и государства».

¹⁵⁴ Город Рио-де-ла-Гаша расположен на Колумбийском побережье Карибского моря.

¹⁵⁵ Дрейк избрал это новое для английских мореплавателей направление, чтобы избежать засады испанских кораблей, которые подстерегали его в Магеллановом проливе.

¹⁵⁶ В то время географы предполагали, что Огненная Земля является северным выступом неведомого Южного материка, расположенного в высоких широтах южного полушария.

¹⁵⁷ Пуэрто-Десеадо — гавань в Патагонии у 48° южной широты.

¹⁵⁸ Морская собака — речь идет о разновидности ластоногих.

¹⁵⁹ Бататы — растение семейства выюковых, мучнистые клубни которого (сладкий картофель) употребляются в пищу и идут на изготовление крахмала и спирта; разводится в тропических странах.

¹⁶⁰ Ливр — французская серебряная монета.

¹⁶¹ Морской лев — общее название нескольких видов животных семейства ушастых тюленей. Длина тела достигает 3,5 метра. У взрослых самцов на шее, груди и лопатках волосы удлинены и образуют подобие львиной гривы. Используется кожа и сало.

¹⁶² Hierro (исп.) — железо.

¹⁶³ Земля Штатов расположена у восточного побережья Огненной Земли, от которой отделена проливом Ле-Мер. Ныне этот остров принадлежит Аргентине и называется Эстадос.

¹⁶⁴ Мориц Нассауский — правитель Нидерландской республики. На этот пост был избран после убийства испанцами его отца Вильгельма I Оранского, который был одним из главных вождей Нидерландской революции.

¹⁶⁵ Китайцы и малайцы, по-видимому, знали о существовании Австралии лет за триста до появления европейцев в водах Индийского и Тихого океанов. Слухи об огромной земле, расположенной к югу от островов Малайского архипелага, доходили и до Марко Поло. Трудно сказать, кто из европейских мореплавателей первый увидел Австралийский материк. Обычно честь открытия Австралии приписывают голландцу Виллему Янцу (Янсзону), который в 1606 году пристал к северному побережью этого материка у залива Карпентария. Долгое время Австралию считали не самостоятельным материком, а частью огромного неведомого Южного материка.

^{165-а} Маори (маори́цы) — коренное население Новой Зеландии.

¹⁶⁶ Название Австралия происходит от латинского слова *auster* — юг, южная сторона.

¹⁶⁷ В XVI веке из-за отсутствия точных инструментов не умели определять долготу места. Допускались ошибки в 10—20°.

¹⁶⁸ Косары (от итальянского *corsaro* — пират) — морские разбойники, грабившие главным образом корабли. Название вошло в употребление в XIV веке.

¹⁶⁹ Северо-западный морской проход вокруг берегов Север-

ной Америки был открыт в 1850 году английскими исследователями, посланными на поиски пропавшей без вести экспедиции Джона Франклина. В этом году английские капитаны Мак-Клюр и Мак-Клинтон, двигаясь навстречу друг другу со стороны Берингова пролива и Атлантического океана, встретились у земли Банкса. Пройти насквозь Северо-западный проход они не могли, но существование этого морского пути ими было доказано. Единственная удачная попытка сквозного плавания по Северо-западному морскому проходу была осуществлена в 1903—1905 гг. известным норвежским полярным путешественником Амундсеном на маленькой яхте «Иоа».

¹⁷⁰ **Фок-мачта** — передняя мачта на корабле.

¹⁷¹ **Мускусный бык, овцебык** — парнокопытное животное семейства полорогих. Длина тела 2,5 м. Покров густой и длинной шерстью темного цвета. Распространен только в Гренландии и на островах Канадского архипелага. Живет обычно небольшими стадами в 20—30 голов. Питается лишайниками, мхами и различными травянистыми растениями.

¹⁷² Согласно древнегреческому мифу, ахейцы поставили у стен осажденной Трои огромного деревянного коня. Троянцы втащили его в свой город, а ночью вышедшие из чрева коня ахейские воины открыли ворота города и Троя была взята.

¹⁷³ Одно из таких восстаний, вспыхнувшее в 1837 году, изображено Жюлем Верном в его лучшем историческом романе «Семья без имени».

¹⁷⁴ **Кольбер Жан Батист (1619—1683)** — министр Людовика XIV, фактический руководитель внешней и внутренней политики Франции. Стремился к созданию сильного военного и торгового флота, расширению торговли и эксплуатации колоний, приобретенных Францией в Северной Америке.

¹⁷⁵ **Экю** — французская золотая монета, вес которой колебался от 4,5 до 3,9 граммов. С XVII века название экю прилагается к крупным серебряным монетам. Изъятые из обращения в 1829 году.

¹⁷⁶ **Скваттер** — колонист, по собственному почину занимавший свободный участок земли в Канаде или в США.

¹⁷⁷ Это утверждение не соответствует действительности. В XVII столетии простые русские люди открыли и присоединили к владениям России всю Сибирь от Уральских гор до побережья Тихого океана, а казак Семен Дежнев, выйдя из устья реки Колымы в Северный Ледовитый океан, морем обогнул полуостров Чукотку и доказал, что Азия и Северная Америка разделяются морским проливом. Однако это важное открытие не стало в XVII веке достоянием науки, и только в XVIII веке, после плавания Беринга, этот вопрос признали решенным.

¹⁷⁸ **Фернель Жан (1497—1558)** — французский математик, астроном и врач. Произвел в окрестностях Парижа измерение градуса меридиана. Расстояние он измерял числом оборотов колеса кареты, в которой ехал от Парижа к Амьену.

¹⁷⁹ **Пикар Жан (1620—1682)** — французский академик, астроном. В 1669—70 годах по поручению Французской Академии наук измерил дугу меридиана между Парижем и Амьеном точными научными методами.

¹⁸⁰ **Кассини (1625—1712)** — итальянец по происхождению, астроном,

член Парижской Академии наук. Был директором Парижской обсерватории. Организовал и провел многочисленные геодезические работы на территории Франции.

¹⁸¹ Открытие Галлеем около 1610 года спутников Юпитера с их сравнительно быстрым вращением вокруг планеты позволило ученому использовать затмения этих спутников для определения долгот. Но фактически это стало возможным лишь к концу XVII столетия, когда Пикар в 1667 году применил зрительную трубу с сеткой нитей в окуляре для наблюдений небесных тел.

¹⁸² Историческая география — вспомогательная историческая дисциплина, изучающая экономическую и политическую географию прошлого. Для географов она важна тем, что облегчает реконструкцию ландшафтов прошлого.

Употребляемые Жюлем Верном меры длины в переводе на метрические:

Л и г а (римская) = 5920 метрам.

Л ь е = 4,5 километра.

М и л я (морская) = 1852 метрам.

С а ж е н ь = 2,13 метра.

Ф у т = 30,479 сантиметра.

СПИСОК КНИГ ДЛЯ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ЧТЕНИЯ

ИСТОРИЯ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ОТКРЫТИЙ (общие обзоры)

Аусвейт Л. Как открывали земной шар. Перевод с английского Д. Л. Арманд, редакция и дополнения К. И. Кунина. М.—Л., Детиздат, 1939. 288 стр.

Живо написанные научно-популярные очерки.

Бейкер Дж. История географических открытий и исследований. Перевод с английского под редакцией и с предисловием И. П. Магидовича. М., Изд-во иностранной литературы, 1950. 648 стр.

Сжатый обзор с привлечением документальных источников.

Магидович И. П. Очерки по истории географических открытий. М., Учпедгиз, 1957. 752 стр.

Автор показывает, «как сложилось в результате многих сотен путешествий, начиная с древности и до середины XX в., современное представление о физической карте мира».

ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЕ ПУТЕШЕСТВИЯ, ПРОПУЩЕННЫЕ ИЛИ ТОЛЬКО УПОМЯНУТЫЕ В КНИГЕ ЖЮЛЯ ВЕРНА

Алексеев М. П. Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей XII—XVII вв. Изд. 2-е. Иркутск, 1941.

Историко-биографические очерки и перевод записок путешественников, с подробными комментариями.

«Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке». Перевод с английского, вступительная статья и комментарии Ю. В. Готье. Л., 1937.

Документы, освещающие историю английских экспедиций Уиллоуби, Ченслера и др., взятые из книги Р. Гакаюйта «Важнейшие плавания, путешествия и открытия, совершенные англичанами» (1589).

Банников А. Г. Первые русские путешествия в Монголию и Северный Китай. Василий Тюменец. Иван Петлин. Федор Байков. Изд. 2-е. М., Географгиз, 1954. 54 стр.

Путешествия XVII в., положившие начало исследованию Центральной Азии.

Белов М. И. Семен Дежнев. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. М., 1955. 155 стр.

История плаваний и географических открытий знаменитого русского морехода.

Бендер Н. А. Имена русских людей на карте мира. М., Географгиз, 1948. 159 стр.

Берг Л. С. Очерки по истории русских географических открытий. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. М.—Л., Изд-во Академии наук СССР, 1949. 467 стр.

Берг Л. С. Великие русские путешественники. М.—Л., Детгиз, 1950. 296 стр.

Книги академика Л. С. Берга написаны живо и увлекательно. Первая предназначена для специалистов, но доступна широкому кругу читателей, вторая — для детей старшего и среднего возраста.

Зайчиков В. Т. Путешественники древнего Китая и географические исследования в Китайской Народной Республике. М., Географгиз, 1955. 88 стр.

Зубов Н. Н. Отечественные мореплаватели — исследователи морей и океанов. М., Географгиз, 1954. 474 стр.

Ибн-Фадлан. Путешествия Ибн-Фадлана на Волгу. Перевод и комментарии под редакцией академика И. Ю. Крачковского. М.—Л., Изд-во Академии наук СССР, 1939. 194 стр.

Записки арабского путешественника X в. Его записки — один из важнейших источников по средневековой истории Поволжья и Заволжья.

Крачковский И. Ю. Морская география в XV—XVI веках у арабов и турок. В кн. «Географический сборник», вып. III. Изд-во Академии наук СССР, М.—Л., 1954.

Среди прочих интересных сведений здесь дана подробная история знаменитого арабского лоцмана Ахмеда Ибн-Маджида, прошедшего через Индийский океан флотилию Васко да Гамы

Кунин К. За три моря. Путешествие тверского купца Афанасия Никитина. Историческая повесть. М.—Л., Детгиз, 1947. 167 стр.

Мавродин В. В. Начало мореходства на Руси. Л., Изд-во Ленинградского государственного университета им. А. А. Жданова, 1949. 148 стр.

Мионов М. На дальней реке. Историческая повесть. М.—Л., Детгиз, 1950. 271 стр.

Повесть из истории колонизации Приамурского края русскими землепроходцами. Поход, предпринятый в 1649 г. Ерофеем Хабаровым.

Муратов М. К далеким берегам. Рассказы о старинных русских путешествиях. М.—Л., Детгиз, 1947. 323 стр.

Никитин Афанасий. Хождение за три моря Афанасия Никитина. 1466—1472 гг. Перевод на современный русский язык и комментарии под редакцией Б. Д. Грекова и В. П. Адриановой-Перетц. Л., Изд-во Академии наук СССР, 1948. 229 стр.

Осипов А. М., Александров В. А., Гольдберг Н. М. Афанасий Никитин и его время. Изд. 2-е, исправленное. М., Учпедгиз, 1956. 216 стр.

В приложении к очерку дан сокращенный текст перевода на современный русский язык «Хождения за три моря» Афанасия Никитина.

Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII века на северо-востоке Азии. Сборник документов. Составлено Н. С. Орловой. Под ред. и с вступит. статьей А. В. Ефимова. М., Географгиз, 1951. 620 стр.

Прибытков В. Тверской гость. Повесть о путешествии Афанасия Никитина в Индию. М., «Молодая гвардия», 1956. 374 стр.

Русские мореплаватели. Сборник статей. М., Воениздат, 1953. 672 стр.

Историко-биографические очерки, посвященные выдающимся русским мореплавателям. В приложении справки, составленные И. П. Магидовичем: «Известные русские мореплаватели» — «Русские имена на морской карте мира».

Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах. Сборник документов о великих русских географических открытиях на северо-востоке Азии в XVII веке. Составил М. И. Белов. Л.—М., Изд-во Главсевморпути, 1952. 586 стр.

Свет Я. М. По следам путешественников и мореплавателей Востока. Очерки. М., Географгиз, 1955. 184 стр.

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ ИСТОЧНИКИ К ПЕРВОМУ ТОМУ «ИСТОРИИ ВЕЛИКИХ ПУТЕШЕСТВИЙ» ЖЮЛЯ ВЕРНА

(в хронологической последовательности).

Античная география. Книга для чтения. Сост. проф. М. С. Боднарский. М., Географгиз, 1953. 375 стр.

Перевод отрывков из записок и трудов древних путешественников и географов, с подробными комментариями.

Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрика. Перевод с латинского А. И. Малеина. Редакция, вступительная статья и примечания Н. П. Шастиной. М., Географгиз, 1957. 270 стр.

Перевод записок Джованни дель Плано Карпини и Гильома де Рубрика.

Поло Марко. Книга Марко Поло. Перевод старофранцузского текста И. П. Минаева под редакцией И. П. Магидовича. М., Географгиз, 1956. 376 стр.

Поло Марко. Путешествие. Перевод И. П. Минаева. Вступительная статья, комментарии и редакция перевода К. И. Кунина. Л., Гослитиздат, 1940.

Путешествия Христофора Колумба. Дневники. Письма. Документы. Перевод с испанского, комментарии и послесловие Я. М. Света, под редакцией и со вступительной статьей И. П. Магидовича. Изд. 3-е. М., Географгиз, 1956. 528 стр.

Пигафетта Антонио. Путешествие Магеллана. Перевод с итальянского и примечания В. С. Узина. Вступительная статья Я. М. Света. М., Географгиз, 1950. 179 стр.

Егоров Д. И. (переводчик). Записки солдата Берналя Диаса. (Сокращенный перевод книги Берналя Диаса дель Кастильо «Правдивая повесть о завоевании Новой Испании»). Изд. 2-е. Л., 1928 (в двух книгах.)

Диэго де Ланда. Сообщение о делах в Юкатане (1566 г.) Перевод со староиспанского. Вводная статья и примечания Ю. В. Кнорозова. М., Изд-во Академии наук СССР, 1955. 274 стр.

Записки испанского монаха, составленные после завоевания испанцами Юкатана.

«Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке». Л., 1937.

Де Фер Геррит. Плавание Баренца, 1594—1597. Перевод с латинского А. И. Маленна, под редакцией проф. В. Ю. Визе. Л., Изд-во Главсевморпути, 1936. 308 стр.

ИСТОРИЯ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ОТКРЫТИЙ ОТДЕЛЬНЫХ МАТЕРИКОВ И СТРАН. БИОГРАФИИ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ. ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОВЕСТИ

(в хронологической последовательности).

Харт Г. Венецианец Марко Поло. Перевод с англ. Н. В. Банникова. Редакция и предисловие И. П. Магидовича. М., Изд-во иностранной литературы, 1956. 318 стр.

Шкловский В. Марко Поло. М., Изд-во «Жургазобъединение», 1936. 349 стр. (Серия «Жизнь замечательных людей».)

Магидович И. П. Христофор Колумб. М., Географгиз, 1956. 36 стр. Краткий очерк истории плаваний Колумба.

Ревзин Г. Колумб. М., Изд-во «Жургазобъединение», 1937. 288 стр. (Серия «Жизнь замечательных людей».)

Бласко-Ибаньес В. В поисках великого хана (Кристобаль Колон). Роман. Л.—М., ГИХЛ, 1931. 384 стр.

Роман известного испанского писателя Бласко-Ибаньеса (1867—1928) о Христофоре Колумбе.

Вязов Е. И. Васко да Гама. Первооткрыватель морского пути в Индию. М., Географгиз, 1956. 39 стр.

Краткий очерк плаваний Васко да Гамы.

Харт Г. Морской путь в Индию. Перевод с английского Н. В. Банникова. Вступительная статья и редакция И. П. Магидовича. М., Изд-во иностранной литературы, 1954. 331 стр.

Кунин К. Васко да Гама. Изд. 2-е, М., «Молодая гвардия», 1947. 322 стр.

Цвейг Стефан. Америкго. Повесть об одной исторической ошибке. В кн. С. Цвейг. Избранные произведения в двух томах, т. 2. М., 1956. 507—564 стр.

Блестяще написанный очерк известного австрийского писателя Стефана Цвейга (1881—1942) о жизни Америкго Веспуччи и его подлинных и легендарных путешествиях.

Кинжалов Р., Белов А. Падение Теночтитлана. Предисловие и научная редакция академика В. В. Струве. Л., Детгиз, 1956. 263 стр.

История и культура ацтеков. Походы Кортеса и завоевание испанцами Мексики. Научно-художественное повествование.

Вольский С. Пизарро. М., Изд-во «Жургазобъединение», 1935. 272 стр. (Серия «Жизнь замечательных людей».)

Вассерман Я. Золото Кахамарки. Послесловие И. П. Магидовича. М., Географгиз, 1956. 49 стр.

Историческая повесть немецкого писателя Якоба Вассермана (1873—1934) о завоевании испанцами Перу. Рассказ ведется от имени вымышленного спутника Писарро.

Цвейг С. Подвиг Магеллана. Перевод с немецкого А. С. Кулишер. Предисловие И. Иноземцева. М., Географгиз, 1956. 238 стр.

Лучшая, превосходно написанная книга о Магеллане. Есть и другие издания.

Свет Я. Фернандо Магеллан. М., Географгиз, 1956. 38 стр.
Краткий очерк истории первого кругосветного плавания.

Кунин К. Магеллан. М., «Молодая гвардия», 1940. 304 стр.

Одна из самых удачных книг советского писателя, знатока истории географических открытий.

Пасецкий В. М. Виллем Баренц. М., Географгиз, 1956. 40 стр.
Краткий очерк истории плаваний Баренца.

СПРАВОЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Барков А. С. Словарь-справочник по физической географии. Изд. 3-е, переработанное и дополненное. М., Учпедгиз, 1954. 308 стр.

Боднарский М. С. Словарь географических названий. М., Учпедгиз, 1954. 368 стр.

Краткий морской словарь под редакцией вице-адмирала В. Г. Фадеева. М., Воениздат, 1955. 120 стр.

Сулержицкие М. и Д. Краткий иллюстрированный морской словарь для юношества, под редакцией контр-адмирала Н. Г. Морозовского. М., Изд-во ДОСААФ, 1955. 287 стр.

Тихомиров Г. С. Заметки по истории географии. М., Учпедгиз, 1946. 224 стр.

О Г Л А В Л Е Н И Е

Е. Брандис. Жюль Верн — географ

Ч А С Т Ь П Е Р В А Я

Глава первая

ЗНАМЕНИТЫЕ ПУТЕШЕСТВЕННИКИ ДРЕВНИХ ВРЕМЕН

Ганнон (505). — Геродот (484). — Пифей (340). — Евдокс (146). — Страбон (63).

Ганнон Карфагенский. — Острова Счастливые (Канарские), Вечерний Рог, Южный Рог, залив Рио-де-Оро. — Геродот посещает Египет, Ливию, Эфиопию, Финикию, Аравию, Вавилонию. Персию, Мидию, Колхиду, Каспийское море, Скифию и Фракию. — Пифей обследует берега Иберии и Кельтики, Ла-Манш, остров Альбион, Оркадские (Оркнейские) острова, землю Туле. — Неарх объезжает азиатское побережье от Инда до Персидского залива. — Евдокс знакомится с западным берегом Африки. — Страбон путешествует по внутренней Азии, Египту, Греции и Италии

Глава вторая

ЗНАМЕНИТЫЕ ПУТЕШЕСТВЕННИКИ ОТ I ДО IX ВЕКА

Павсаний (174). — Фа-Сянь (399). — Косма Индикоплов (547). — Аркульф (700). — Виллибард (725). — Сулейман (851). Плиний, Гиппал, Арриан, Птолемей. — Павсаний посещает Аттику, Коринфию, Лаконию и другие города Эллады. — Фа-Сянь исследует Хотанское царство, Афганистан, Северную Индию, Пенджаб, Цейлон и Яву. — Косма Индикоплов и «Христи-

анская топография вселенной». — Сулейман обозревает Оманский залив, Цейлон, Суматру, Сиамский залив и Южно-китайское море 34

Глава третья

ЗНАМЕНИТЫЕ ПУТЕШЕСТВЕННИКИ X—XIII ВЕКОВ

Вениамин Тудельский.—Плано Карпини.—Рубрук.
Вениамин Тудельский посещает Марсель, Рим, Константинополь, Иерусалим, Дамаск, Баальбек, Ниневию, Багдад, Вавилон, Басру, Исфахан, Шираз, Самарканд, Тибет, Египет, Германию и Францию.—Джованни дель Плано Карпини исследует Куманскую землю и нынешний Туркестан.—Нравы и обычаи татар.—Гильом де Рубрук посещает Азовское море, Волгу, землю башкир, Каракорум, Астрахань и Дербент 44

Глава четвертая

МАРКО ПОЛО (1254—1324)

I

Почему венецианские купцы были заинтересованы в исследовании Центральной Азии.—Семейство Поло и его общественное положение в Венеции.—Братья Никколо и Маффео Поло. Они отправляются в Константинополь, а затем ко двору монгольского императора.—Прием при дворе хана Хубилая. Великий хан назначает их послами к папе.—Возвращение в Венецию.—Марко Поло.—Он отправляется со своим отцом Никколо и дядей Маффео в резиденцию монгольского хана.—Книга Марко Поло, писанная под его диктовку Рустичано 58

II

Река Хуанхэ.—Таян-фу (Тайюань).—Тибет.—Каражан (Юньнань).—Зердендан.—Баошань.—Мян (Мяньнин).—Кангигу.—Толоман.—Кунгуи.—Качиан-фу (Хэцзян).—Манзи.—Янгуи (Янчжоу).—Приморские города.—Саин-фу (Янфэнь).—Кинсай (Ханчжоу).—Фуги (Фуцзянь).—Зайтон (Цюаньчжоу) 74

III

Япония.—Отъезд троих Поло с дочерью Хубилай-хана и с персидскими посланниками.—Зайтон.—Ява.—Суматра.—Цейлон.—Коромандельский берег.—Малабарский берег.—Оманский залив.—Остров Скотра (Сокотра).—Мадагаскар.—Занзибар и африканский берег.—Абиссиния.—Аденский залив.—Ормуз.—Возвращение в Венецию.—Празднества в доме Поло.—Марко Поло — пленник генуэзцев.—Смерть Марко Поло . . . 80

Глава пятая

ИБН-БАТТУТА (1304—1377)

Ибн-Баттута. — Нил, Газа, Тир, Тивериада, Баальбек-Небек, Дамаск, Мешхед, Басра, Багдад, Тебриз, Медина, Мекка, Йемен. — Абиссиния. — Берберийская земля. — Ормуз. — Сирия. — Анатолия. — Малая Азия. — Астрахань. — Константинополь. — Туркестан. — Герат. — Инд. — Дели. — Малабарский берег. — Мальдивские острова. — Цейлон. — Коромандельский берег. — Бенгалия. — Суматра. — Китай. — Африка. — Нигер. — Тимбукту . .

91

Глава шестая

ЖАН ДЕ БЕТАНКУР (1339—1425)

Нормандский рыцарь. — Его мечты о завоеваниях. — Что было известно о Канарских островах. — Кадис. — Канарский архипелаг. — Жан де Бетанкур возвращается в Испанию. — Свидание Бетанкура с кастильским королем Генрихом III. — Гадифер исследует Канарский архипелаг. — Возвращение Жана де Бетанкура и его ссора с Гадифером. — Крещение канарийцев. — Французские колонисты на Канарских островах. — Попытки завоевать остров Гран-Канария. — Учреждение канарийской епархии . . .

98

Глава седьмая

ХРИСТОФОР КОЛУМБ (1436—1506)

I

Открытие португальцами острова Мадейры, островов Зеленого мыса, Азорских островов, Гвинеи и Конго. — Мыс Доброй Надежды. — Бартоломеу Диаш. — Успехи географии и торговли в средние века. — Общераспространенное заблуждение о расстоянии между Европой и Азией. — Молодые годы Христофора Колумба. — Его первые путешествия. — Зарождение у Колумба мысли об открытии западного морского пути в Индию и Китай. — Пребывание Колумба в монастыре Рабида. — Аудиенция у Фердинанда и Изабеллы. — Договор от 17 апреля 1492 года. — Братья Пинсон. — Три каравеллы Колумба. — Отплытие из Палоса 3 августа 1492 года

105

II

Первое путешествие Колумба на запад. — Гран-Канария. — Остров Гомера. — Отклонение магнитной стрелки. — Бунт на кораблях Колумба. — «Земля! Земля!». — Сан-Сальвадор (Гуанахани). — Взятие острова во владение. — Санта-Мария-де-Консепсьон (Рам). — Фернандина (Лонг-Айленд). — Изабелла (Крукед-Ай-

ленд).— Остров Хуана (Куба).— Описание острова.— Эспаньола (Гаити).— Остров Тортуга.— Касик в гостях у Колумба.— «Санта-Мария» терпит крушение.— Остров Монте-Кристи.— Форт Навидад.— Возвращение.— Четырехдневная буря.— Прибытие в Испанию.— Прием, оказанный Колумбу 126

III

Второе путешествие Колумба.— Остров Иерро.— Остров Доминика.— Остров Мария-Галанте (Мари-Галант).— Гвадалупе.— Встреча с каннибалами.— Острова Монтсеррат, Санта-Мария ла-Редонда, Сан-Мартин и Санта-Крус.— Архипелаг Одиннадцати тысяч Дев (Виргинские острова).— Остров Сан-Хуан Баутиста (Пуэрто-Рико).— Эспаньола.— Гибель первых поселенцев.— Основание города Изабеллы.— Форт св. Фомы.— Ямайка.— Берега Кубы.— Возвращение в Изабеллу.— Восстания на Эспаньоле.— Отъезд Колумба в Испанию 148

IV

Третье путешествие Колумба.— Мадейра.— Острова Зеленого мыса.— Остров Тринидад.— Побережье Венесуэлы.— Дельта Ориноко.— Залив Пария.— Остров Маргарита.— Возвращение на Эспаньолу.— Основание города Санто-Доминго.— Волнения в колонии.— Жалобы на Колумба в Испании.— Прибытие на Эспаньолу командора Бовадильи.— Арест Колумба и его двух братьев.— Колумб в цепях.— Свидание Колумба с Фердинандом и Изабеллой 168

V

Четвертое путешествие Колумба.— Острова Мартиника, Доминика, Санта-Крус, Пуэрто-Рико.— Прибытие на Эспаньолу и запрещение высадки.— Ямайка.— Малые Кайманы.— Остров Сосен (Пинос).— Остров Гуанаха.— Американский берег от мыса Гондурас до Дарьенского залива.— Золотые прииски в стране Верагуа.— Возмущение индейцев.— Пуэрто-Бельо.— Крушение у берегов Ямайки.— Нужда.— Восстание экипажа.— Лунное затмение.— Прибытие Колумба на Эспаньолу.— Возвращение в Испанию.— Смерть и погребение Колумба 176

Глава восьмая

ЗАВОЕВАНИЕ ИНДИИ И СТРАНЫ ПРЯНОСТЕЙ

I

Ковильян и Пайва.— Васко да Гама.— Подготовка экспедиции.— Мыс Доброй Надежды.— Бухта Сан-Браш (Моссел).— Мозамбик.— Момбаса.— Малинди.— Прибытие в Каликут.— Столкновения с саморином.— Возвращение в Европу.— Цинга.—

Пиратские набеги. — Смерть Паулу да Гамы. — Почести в Лиссабоне 1

II

Педру Алвариш Кабрал. — Открытие Бразилии. — Буря. — Диогу Диаш на острове Мадагаскар. — Берег Африки. — События в Каликуте. — Кочин и Каннанур. — Возвращение Кабрала. — Жуан да Нова. — Остров Святой Елены. — Вторая экспедиция Васко да Гамы. — Зверства португальцев в Индии. — Осада Кочина. — Начало деятельности Афонсу д'Албукерки. — Триштан да Кунья. — Франсишку д'Алмейда, первый вице-король Индии. — Открытие Цейлона. — Морские бои. — Осада Ормуза. — Взятие Гоа. — Назначение Албукерки вице-королем. — Осада и взятие Малакки. — Острова пряностей. — Вторая экспедиция в Ормуз. — Смерть д'Албукерки. — Судьба португальского владычества в Индии 2

Ч А С Т Ь В Т О Р А Я

Глава первая

КОНКИСТАДОРЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АМЕРИКИ

I

Алонсо де Охеда. — Хуан де Ла-Коса. — Америго Веспуччи. — Его подлинные и мнимые путешествия. — Происхождение слова Америка. — Педро Алонсо Ниньо. — Висенте Пинсон. — Диего Лепе. — Родриго де Бастидас. — Хуан Диас де Солис. — Диего да Окампо. — Первые испанские поселения в Центральной Америке. — Понсе де Леон и открытие Флориды. — Васко Нуньес де Бальбоа и открытие Тихого океана. — Хуан де Грихальва и открытие Мексики 2

II

Эрнандо Кортес. — Его назначение. — Снаряжение экспедиции и борьба с Веласкесом. — Высадка в Веракрус. — Мексика, государство ацтеков. — Монтесума. — Провинции Тлашкала и Чолула. — Поход в Мехико. — Монтесума — пленник Кортеса. — Поражение Нарваэса. — «Ночь печали». — Битва в долине Отумбы. — Вторая осада и взятие Мехико. — Экспедиция в Гондурас. — Поездка Кортеса в Испанию. — Экспедиция к берегам Калифорнийского залива. — Возвращение Кортеса в Испанию и хлопоты о наместничестве. — Смерть Кортеса 2

III

Союз трех завоевателей. — Франсиско Писарро и его братья. — Диего де Альмагро. — Открытие Перу испанцами. — Страна, население, инки. — Завоевание Перу. — Пленение Атагуальпы, его

выкуп и смерть. — Поход на Кито и соперничество конкистадоров. — Осада Куско и борьба Альмагро с братьями Писарро. — Педро де Вальдивия и завоевание Чили. — Экспедиция Гонсало Писарро. — Франсиско де Орельяна и открытие Амазонки. — Умерщвление Франсиско Писарро. — Восстание Гонсало Писарро и его казнь	314
--	-----

Глава вторая

ПЕРВОЕ КРУГОСВЕТНОЕ ПЛАВАНИЕ

Фернан Магеллан. — Его участие в португальских военных экспедициях. — Переезд в Испанию. — План кругосветного путешествия. — Приготовления к экспедиции. — Антонио Пигафетта. — Ла-Плата. — Патагонцы. — Подавление мятежа. — Зимовка в бухте Сан-Хулиан. — Магелланов пролив. — Тихий океан. — Разбойничьи острова. — Филиппинские острова. — Смерть Магеллана. — Борнео. — Молуккские острова. Судьба корабля «Тринидад». — Плавание «Виктории». — Мыс Доброй Надежды. — Острова Зеленого мыса. — Завершение кругосветного плавания	354
---	-----

Глава третья

ПОЛЯРНЫЕ ЭКСПЕДИЦИИ. ПОИСКИ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО И СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО ПРОХОДОВ

I

Норманны. — Эйрик Рыжий. — Братья Зено. — Гашпар и Мигел Кортириалы. — Джон Кабот. — Себастьян Кабот. — Хью Уиллоуби. — Ричард Ченслер	394
--	-----

II

Джованни да Верраццано. — Жак Картье и его путешествия в Канаду. — Селение Ошелага. — Курительный табак. — Цинга. — Путешествие Роберваля. — Поиски Северо-западного прохода. — Мартин Фробишер и его путешествия. — Джон Девис и исследование Баффинова залива. — Баренц и Гемскерк. — Остров Шпицберген. — Зимовка на Новой Земле. — Смерть Баренца. — Возвращение в Европу. — Реликвии, найденные в «Ледяной гавани»	424
---	-----

Глава четвертая

ПИРАТСКИЕ И ВОЕННО-МОРСКИЕ ЭКСПЕДИЦИИ

Френсис Дрейк. — Томас Кавендиш. — Оливер Ван-Ноорт. — Уолтер Ралей	461
---	-----

Глава пятая

МИССИОНЕРЫ И ПОСЕЛЕНЦЫ. КУПЦЫ И ТУРИСТЫ

I

XVII век. — Подробное исследование уже открытых стран. — Португальские миссионеры в Абиссинии. — Итальянские миссионеры в Конго. — Французские колонии в Западной Африке и на Мадагаскаре. — Европейские миссионеры в Тибете, Индокитае и в Китайской империи 483

II

Голландцы на «Островах пряностей». — Якоб Ле-Мер и Виллем Корнелизон Схаутен. — Абель Янзон Тасман и поиски Южного материка. — Тихоокеанские экспедиции испанцев. — Альваро Менданья де Нейро. — Педро Эрнандес де Кирос и Луис Ваэс де Торрес. — Путешественники-купцы и путешественники-туристы. — Франсуа Пирар из Лавалья. — Пьетро делла Валле. — Жан Батист Тавернье. — Жан де Тевено. — Франсуа Бернье. — Жан Шарден. — Энгельберт Кемпфер 488

Глава шестая

МОРСКОЙ РАЗБОЙ. ПОЛЯРНЫЕ ЭКСПЕДИЦИИ XVII ВЕКА И КОЛОНИЗАЦИЯ АМЕРИКИ

I

Уильям Дампир и его географические открытия 517

II

Генри Гудзон. — Томас Баттон и капитан Гиббонс. — Уильям Баффин и Роберт Байлот. — Французы в Канаде. — Самюэль де Шамплен и Кавелье де Ла Саль. — Успехи географических знаний к концу XVII века 524

ПРИЛОЖЕНИЯ

В Невский. Примечания 547
Е. Брандис. Список книг для дополнительного чтения 563

Жюль Верн
**ИСТОРИЯ ВЕЛИКИХ
ПУТЕШЕСТВИЙ**
В ТРЕХ КНИГАХ
Книга первая
ОТКРЫТИЕ ЗЕМЛИ

Художественный редактор *И. Сайко*
Подписано к печати 29.09.92. Формат 60х90 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 37,0. Усл. кр.-отт. 37,25. Уч.-изд. л. 35,68. Тираж 100 000 экз. Заказ 1101.

Ассоциация совместных предприятий, международных объединений и организаций. Издательский центр «ТЕРРА». 109280, Москва, Автозаводская, 10, а/я 73.

Отпечатано с оригинал-макета на Ярославском полиграфкомбинате Министерства печати и информации Российской Федерации. 150049, Ярославль, ул. Свободы, 94.

Жюль Верн

История
великих
путешествий

Книга первая

ЖЮЛЬ
ВЕРН

1

ОТКРЫТИЕ

ЗЕМЛИ